Г70
839

ГОРОД И СТЕПЬ В КОНТАКТНОЙ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ЗОНЕ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ГОРОД И СТЕПЬ В КОНТАКТНОЙ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ЗОНЕ

III Международная научная конференция,

посвященная 75-летию со дня рождения
Г.А. Федорова-Давыдова
(1931–2000)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МОСКВА
2006

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект №06-01-14007 г.

Редакционная коллегия:
В.В. МУРАШЕВА (отв. редактор), С.А. АВДУСИНА, И.Р. АХМЕДОВ, Е.В. ГЛАЗУНОВА, Ю.В. ДЕМИДЕНКО, М.Д. ПОЛУБОЯРИНОВА, В.Г. РУДАКОВ, К.Б. ФИРСОВ

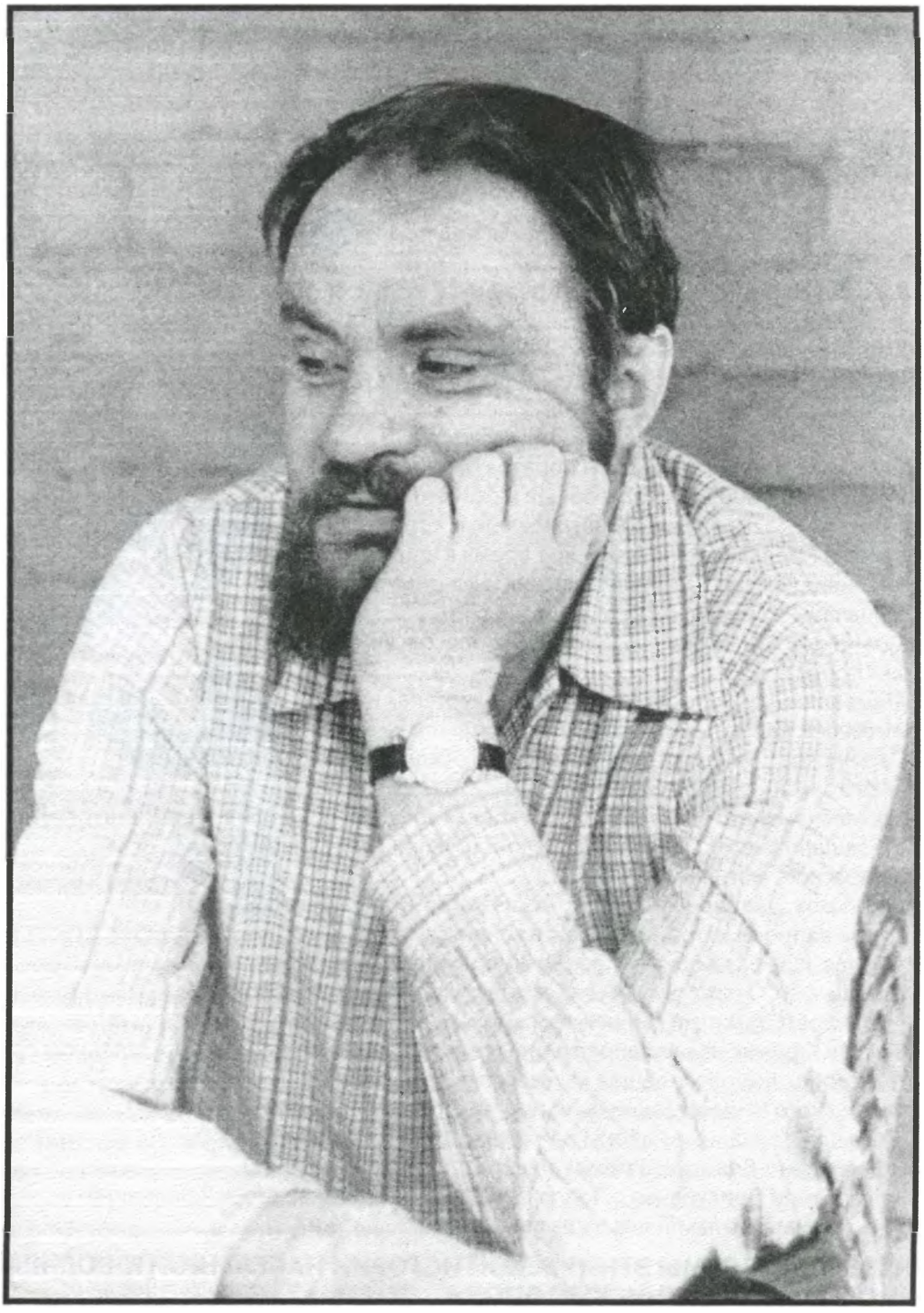
Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М.: Нумизматическая Литература, 2006. –246 с.

В сборнике представлены тезисы докладов III Международной научной конференции «Город и степь в контактной евро-азиатской зоне», посвященной 75-летию со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических наук, действительного члена Российской академии естественных наук Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Тематика докладов отражает широкий круг научных интересов Г.А. Федорова-Давыдова от эпохи раннего железного века до развитого средневековья.

На обложке: Заготовка для поливной керамики. Царевское городище.
Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова

ISBN 5-89076-147-1

© ФГУК «Государственный Исторический музей, 2006
© Авторы докладов, 2006
© Редакционная коллегия, 2006
© «Нумизматическая Литература» (оформление), 2006



Герман Алексеевич Федоров-Давыдов
(1931–2000)

СОДЕРЖАНИЕ

Г.А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

В.Л. Егоров. Творческое наследие Г.А. Федорова-Давыдова 9
Т.В. Гусева. Поволжье в научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова 9
Р.Г. Фахрутдинов. Г.А. Федоров-Давыдов и исследования археологии и истории средневекового тюркского мира 11
Л.Т. Яблонский. Вклад Г.А. Федорова-Давыдова в практику и теорию археологического кочевниковедения 12

ПОВОЛЖЬЕ, ПРИУРАЛЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В СКИФО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

А.А. Волошинов. «Бахчисарайская стела» (к этнической принадлежности варварских рельефов из бассейна р. Кача) 15
А.А. Волошинов, В.В. Масякин. Два погребения с оружием из некрополя Заветное в Юго-Западном Крыму 17
В.П. Глебов. Эллинистический Танаис и варвары Нижнего Подонья 19
С.В. Демиденко. К вопросу о взаимодействии ранних кочевников степей Южного Урала, Семиречья и Синьцзяня 21
Р. Исмагил. Акинак с реки Уршак 23
А.Р. Канторович. Истоки и судьбы образов бараноптицы и грифона в раннескифском зверином стиле: общее и особенное 25
Е.А. Кудрявцев. Трансформация погребальных сооружений населения Центрального Предкавказья в скифское время в контексте взаимодействия и взаимовлияния оседло-земледельческих и кочевых культур (по материалам Татарского городища). 27
С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Младший Волосовский могильник: к истории проблемы 28
В.И. Мамонтов. Сарматские погребения в курганах на правобережье р. Донская Царица. 31
А.П. Медведев. Сарматы и лесостепные городища на Верхнем Дону 34
В.В. Овсянников. Динамика взаимодействия оседлого и кочевого населения Приуралья в скифо-сарматскую эпоху 36
Е.В. Переводчикова. О цвете золота на оковках сосудов из 1 Филипповского кургана 37
И.В. Рукавишникова, Л.Т. Яблонский. Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника. 38
И.В. Сергацков. Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. н.э. 42
А.Ю. Скаков. Еще раз к вопросу о кобано-колхидском единстве. 45
Д.А. Сташенков. О памятниках скифского круга в Среднем Поволжье 47
А.А. Туаллагов. Сарматы и финно-угры 48
К.Б. Фирсов. Оружие из некрополя первых веков н.э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму 50
А.А. Чижевский. Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзихинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения) 55
О.А. Шинкарь. Колчанные наборы раннесарматского времени с территории Доно-Волжского междуречья 57
В.Р. Эрлих. Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святилищ) 60

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ГУННСКУЮ И ПОСТГУННСКУЮ ЭПОХИ

И.А. Аржанцева, О.Н. Иневаткина. Тюрки в живописи Афрасиаба 63
И.Р. Ахмедов. Короткие двулезвийные мечи из рязано-окских могильников. 63
Д.Г. Бугров. К вопросу о структуре расселения в Икско-Бельском междуречье на рубеже нашей эры (поселения пьяноборской культуры) 66
М.С. Гаджиев. Градостроительная и фортификационная деятельность сасанидов на Восточном Кавказе 67
Б Б. Дашибалов. Об оседлости древних и ранних монголов 69

В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. Технологическая характеристика кузнечных изделий с территории Волго-Камья в эпоху Великого переселения народов ... 70
Е.П. Казаков. Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье времени Тюркских каганатов ... 71
Г.А. Камелина. Два стеклянных сосуда из коллекции Государственного Исторического музея ... 74
Е.В. Круглов. О «курганах с квадратными ровиками» и проблеме этнической атрибуции погребальных памятников хазарского времени ... 76
А.М. Обломский. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива. ... 78
А.В. Павлихин. Вооружения народов Сурско-Окского междуречья III–XI вв. (историографический аспект) ... 82
Zs. Hajhal. Comments on the so-called Prague-type pottery in the Avar settlement area ... 84
А.А. Хреков. Этнические процессы в Правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс. н.э. ... 84

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И КОЧЕВОЙ МИР ЕВРАЗИИ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

С.И. Алексеев, Г.М. Беговаткина. Городище Саконы II ... 87
А.А. Беговаткин. Ритуальные конские погребения в мордовских могильниках X–XIII вв. ... 90
Е.А. Беговатов. Волжская Булгария на рубеже X–XI вв (по материалам II Билярского селища). ... 92
Д.К. Валеева. Художественные особенности изображения коня в искусстве Волжских Булгар домонгольского и золотоордынского периода ... 93
С.И. Валиулина. Стекло Сувара. ... 95
В.И. Вихляев. Исследование истории этнокультурных общностей населения западной части Среднего Поволжья при помощи статистико-математических методов ... 96
Р.Ф. Воронина. Среднецнинская мордва VII–XI вв ... 97
Т.Г. Горбунова. Художественный металл в конском снаряжении кочевников Алтая: этнокультурная интерпретация ... 98
Н.В. Ениосова, Т.Г. Сарачева. Случайные находки средневековых матриц для тиснения ... 99
М.Г. Иванова. Формирование центров этнических объединений в Прикамье (на примере городища Индакар) ... 103
Н.А. Кокорина. Дом кузнеца из домонгольского Болгара (материалы к реконструкции) ... 104
П.В. Попов. Некоторые аспекты проблемы формирования городской культуры на Нижней Волге ... 106
К.А. Руденко. Волжская Булгария после монгольского завоевания. Особенности материальной культуры ... 107

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

Р.Б. Амензаде. Архитектурные параллели Золотой Орды и Азербайджана ... 109
В.А. Бабенко. Древности эпохи Золотой Орды из долины р. Айгурки ... 110
С.Г. Бочаров. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века. ... 112
А.А. Бурханов. Изучение памятников эпохи Золотой Орды и Казанского ханства в Татарстане (некоторые итоги исследований 2001–2005 гг.) ... 115
Д.В. Васильев. Захоронения в золотоордынских мусульманских мавзолеях (опыт статистической обработки) ... 117
И.В. Волков. Проблема выделения золотоордынских поселений XIII в. на Нижней Волге ... 118
И.В. Волков. Источники о двух столицах Золотой Орды ... 119
М.С. Гатин. «Остфоршунг» и изучение Золотой Орды в Германии в годы нацизма (1933–1945) ... 121
А.А. Глухов. Новые данные по топографии Царевского городища ... 122
М.В. Горелик. Монгольский женский костюм X–XIV вв ... 125
В.А. Гуркин, А.В. Вискалин. О ногайской дороге из Орды в Москву в конце XV в. ... 126
Т.М. Достиев. Города и городская культура Азербайджана в эпоху ильханидов ... 127
Ю.И. Дробышев. Некоторые вопросы идеологии Золотой Орды ... 128
И.А. Дружинина. Адыги и Золотая Орда ... 130
Л.П. Загайнова. Применение формализовано-статистических методов к материалу грунтовых мусульманских могильников ... 131

Ю.А. Зеленеев. Городское и кочевое население золотоордынского Поволжья: единство противоположностей 134
Ю.В. Зеленский. Проблемы датировки половецких погребений степного Прикубанья 135
Э.Д. Зиливинская. Минареты Золотой Орды 136
О.А. Ильина. Из истории исследований Увекского городища 137
М.-Ш. Кдырниязов. Культура Хорезма в эпоху Золотой Орды 139
А.В. Козлова. Восточные традиции украшений и бытовых предметов на Руси 141
С.А. Котеньков, О.Ю. Котенькова. К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений 144
А.Ф. Кочкина. Самарская Лука в системе расселения золотоордынского периода в Среднем Поволжье 145
М.Г. Крамаровский, В.Д. Гукин. Сельское поселение Бокаташ II. К проблеме взаимодействия города и деревни в золотоордынском Крыму 146
А.А. Кудрявцев. Средневековый Дербент в истории Золотой Орды 148
С.А. Курочкина. Некоторые группы импорта в керамике г. Сарай ал-Джедид 149
П.М. Леус. Культовое сооружение на кургане Аржан 150
Н.Ф. Лисова. Зооморфный орнамент на золотоордынской бытовой поливной керамике 152
Л.Д. Макаров. Вятка и тюркский мир: историко-археологические источники 155
А.Н. Масловский. Кочевники в золотоордынском Азаке 157
Д.Н. Маслюженко. Сибирский улус Шибанидов в составе Золотой Орды: от единства к расколу (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) 158
И.В. Матюшко. К вопросу о погребальном обряде кочевников золотоордынского времени на Южном Урале 159
К.Ю. Моржерин. Мавзолей у с. Царевщины Саратовской области 162
Е.П. Мыськов. Водянское городище в конце XIV в. 164
Н.Г. Набиуллин. Золотоордынский Джукетау 165
Л.Ф. Недашковский. Хронология золотоордынского города и его округи: на материалах Нижнего Поволжья. 165
Л.М. Носкова. Погребальный обряд адыгов в XVI–XVIII вв. 168
О.В. Орфинская, В.П. Голиков, О.Б. Лантратова, В.Г. Рудаков. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор - I 169
А.Г. Петренко, Г.Ш.Асылгараева. К истории хозяйственной деятельности средневекового населения городов Поволжья: Нижний Новгород, Болгар, Казань (по данным исследований археозоологических материалов) 171
Е.М. Пигарев. Некоторые итоги и перспективы исследования Селитренного городища 173
В.З. Пириев. Дербент в период войн между джучидами и хулагуидами 174
В.В. Приймак, Е.Н. Осадчий. Золотоордынское погребение в среднем течении Псла 175
А.В. Пьянков, Е.А. Хачатурова. К атрибуции серебряного ковша Дмитрия Кружковича 177
Б.А. Раджабова. Проявления золотоордынской культуры в археологических памятниках Айзербайджана (по археологическим материалам Шабрана) 180
Б.Р. Рахимзянов. К вопросу об административно-политическом устройстве Золотой Орды и татарских ханств 180
В.Г. Рудаков. Город Сарай в системе международной торговли 182
А.Г. Ситдиков. Золотоордынская Казань 183
В.В. Снегирев. Золотая Орда как пример кочевого государств (понятийно-терминологический анализ) 185
Л.В. Строкова. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области 186
А.В. Титков. Восточный доспех из собрания Полтавского краеведческого музея 189
А.А. Тишкин. Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые результаты их изучения 191
И. Фодор. Археологические памятники половцев и ясов на территории Венгрии 193
М.В. Цыбин. Русско-ордынское пограничье в Подонье (по данным археологических исследований) 194
В.Н. Чхаидзе. Матрега – золотоордынско-генуэзский город XIII–XV вв. на Таманском полуострове 197

М.Б. Шигапов. Комплекс материалов золотоордынского времени у села Рождествено в низовьях Камы (к этнокультурной истории татарского народа) 198
Л.В. Яворская. Бахтияровский могильник в кругу памятников золотоордынского времени Нижнего Поволжья 200

ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУСЬ: НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. Беговатов, А.В. Пачкалов. Новые находки джучидских монет в Волжской Болгарии 202
И.В. Волков. Заимствования из Золотой Орды в оформлении русских монет конца XIV–первой половины XV в. 203
П.Г. Гайдуков. Новые материалы о начале русской монетной чеканки в XIV в. 205
Е.В. Глазунова. «Лепешки камского серебра»: топография, хронология 206
Е.Ю. Гончаров. «Персидский след» в джучидской нумизматике 207
С.В. Зверев. Клад золотоордынских и крымских монет XIII–XV вв. из Московского Кремля 208
А.М. Колызин. О кладе платежных слитков и золотоордынских монет, найденном в Московском Кремле, и его возможном владельце 209
А.Г. Мухамадиев. Методы графического изучения золотоордынский монет 210
Д.Г. Мухаметшин. Среднее Поволжье во второй половине XIV в. по материалам нумизматики 211
Е.Ю. Новикова, А.В. Фомин. Восточные монеты из Верхне-Салтовского могильника VIII–IX вв. 212
Пиркулиева Ганира Али кызы. Некоторые проблемы метрологии золотоордынских монет, чеканенных в Азербайджане 213
А.Л. Пономарев. Чекан «аль марко»: закон Гаусса и хитрости средневековых финансистов 214
А.З. Сингатуллина. Светинский клад джучидских монет конца XIV–нач. XV вв. 215
Г.Ю. Стародубцев. Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе 216
Н.М. Фомичев. Статистика находок в Азове золотоордынских пулов четвертой четверти XIII–первой половины XIV вв. 218
Н.А. Хан. Монетная стопа Золотой Орды XIV в. 218

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.О. Алексеев, В.А. Алексеева, В.А. Демкин, Т.В. Алексеева. Использование методов магнетизма для изучения археологических памятников и эволюции природной среды степей Восточной Европы 220
Т.В. Алексеева, А.О. Алексеев, В.А. Демкин, М. Хайнос, З. Соколовска. Применение методов минералогии для изучения эволюции почв и природной среды степей юго-востока Русской равнины в позднем голоцене 221
В.А. Демкин, А.О. Алексеев, А.С. Якимов, Т. С. Демкина. Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII–XIV веках 222
Т.С Демкина, Т.Э. Хомутова, А.В. Борисов, В.А. Демкин. Микробиологические исследования подкурганных палеопочв степной зоны 224
И.В. Журбин, Д.В. Груздев. Методика, алгоритмы и технология компьютерного моделирования археологических памятников 226
А.А. Каздым. Геохимические методы в изучении культурного слоя 228
А.А. Каздым. Петрография и минералогия в исследовании культурного слоя и артефактов 229
В.М. Кишлярук. Содержание фосфораа в почве как индикатор границ поселения Чобручи 230
В.М. Кишлярук, А.И. Шульман. Использование данных физико-химического анализа в исследованиях древних поселений 232
А.В. Коробейников. Устройство и способ для динамического зондирования культурного слоя 234
В.И. Перевозчиков. К вопросу о классификации и интерпретации керамики по химическому составу ее черепка (на материалах Золотоордынского Азака) 236
Л.С. Песочина. Динамика природных условий Приазовских степей в скифо-сарматскую эпоху 238

Л.Н. Плеханова. Палеопочвы и климат степного Зауралья на рубеже позднесарматского-гуннского времени (IV в. н. э.) 239
Я.Г. Рысков, С.А. Олейник, В.А. Демкин, В.И. Николаев, П. Якумин. Использование данных изотопного анализа костей из курганных захоронений для реконструкции антропогенной аридизации климата 241
Р.А. Сингатулин. Комплексный подход к применению новых информационных технологий в условиях города (на примере Увекского городища) 242
А.С. Якимов, В.А. Демкин, А.О. Алексеев. Палеопочвы и природные условия пустынно-степного Заволжья в золотоордынское время (XIII–XIV вв. н. э.) 243

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Г.А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

В.Л. Егоров (г. Москва)

Творческое наследие Г.А. Федорова-Давыдова

В течение 40 лет Г.А. Федоров-Давыдов преподавал на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Прочитанные им за этот период спецкурсы были посвящены археологии и нумизматике Поволжья, Золотой Орды, Средней Азии; искусству и культуре мусульманских стран; историографии. Под его непосредственным научным руководством прошли подготовку несколько десятков археологов, защитивших дипломные и диссертационные работы.

Опубликованное творческое наследие Г.А. Федорова-Давыдова содержит 18 монографий и около 200 статей. Основная область научных интересов ученого касалась археологии, истории и нумизматики Золотой Орды. Исследования по этой тематике до настоящего времени являются основополагающими трудами, заложившими фундамент современного золотоордыноведения. Значительное внимание ученый уделял также общим вопросам трактовки государственной и социальной жизни кочевых народов.

Не ограничивая свои интересы исключительно золотоордынской тематикой, Г.А. Федоров-Давыдов осуществил исследования монет Московской Руси и Нижегородского княжества. Разработка этих проблем позволила характеризовать политические и экономические процессы, происходившие в период становления Древнерусского государства после Куликовской битвы.

Разработка подробной классификации кочевнических древностей вылилась в интересное исследование, посвященное методам математической статистики в археологии.

Особое место в работе ученого занимает популяризация науки: археологии в целом и нумизматики.

Полевая работа Г.А. Федорова-Давыдова длилась более 40 лет в основном в районе Поволжья. При исследовании золотоордынских нижневолжских городов была разработана новая методика раскопок памятников с сырцовыми постройками и многочисленными перекопами XVIII–XIX вв. Широкомасштабные полевые работы позволили создать своеобразную методику исследования золотоордынских городов.

Все труды Г.А. Федорова-Давыдова отличает скрупулезное изучение деталей, тщательное препарирование и интерпретация письменных источников при обязательном дополнении их археологическим материалом. Раскрытие закономерностей кочевого общества и его симбиоза с оседлой культурой – важнейшая черта широких исторических обобщений ученого.

Т.В. Гусева (г. Нижний Новгород)

Поволжье в научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова

Научная деятельность ученого многогранна и разнообразна. Однако обычно с именем исследователя связывают его научно-исследовательскую тему. Научные публикации и открытия служат как бы визитной карточкой исследователя, оставляя в тени те стороны его работы, которые при жизни кажутся второстепенными. Лишь со временем, ощущая невосполнимость утраты ушедшего из жизни ученого, мы начинаем собирать и ценить эти «мелочи». Они наполняют глубоким смыслом, делают емким и разносторонним понятие «наследие». После себя ученый оставляет некое исследовательское пространство, в котором не только его главные научные идеи, но и мимоходом оброненное, недосказанное формируют почву для произрастания новых творческих мыслей.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов оставил яркий след в отечественной науке как основоположник золотоордынской археологии, как автор трудов по общественному строю Золотой Орды и знаток средневекового кочевого мира Восточной Европы, как крупнейший нумизмат и разработчик статистических методов в археологии. Поволжье как единый исторический регион средневековья не было предметом его целенаправленного исследования. Но при этом оно занимало особое место в его научно-преподавательской и научно-организационной деятельности.

В 70-е годы прошлого века на кафедре археологии исторического факультета МГУ профессор Г.А. Федоров-Давыдов читал спецкурс «Поволжье в средние века». Именно в разработке этого курса он объединил в одно целое отдельные состав-

ляющие поволжской истории: золотоордынскую, кочевую, болгарскую и финно-угорскую. Лекции не ограничивались обобщением и анализом уже известных материалов. Студенты имели редкую возможность одними из первых знакомиться с результатами только что закончившихся экспедиций и даже в такой опосредованной форме приобщаться к исследовательскому труду ученого. А в качестве руководителя дипломников и аспирантов Г.А. Федоров-Давыдов напрямую готовил специалистов для Поволжья.

Эта работа велась и в рамках Поволжской археологической экспедиции, которую он возглавил в начале 70-х гг., продолжив дело своего учителя, А.П. Смирнова. На раскопках проходили практику, а потом становились постоянными участниками экспедиции студенты многих городов Поволжья от Нижнего Новгорода до Астрахани. При этом в ней учились не только профессиональному мастерству. Именно в экспедиции рождалось и укреплялось чувство археологического братства, причастности к общему важному делу. Быть членом легендарной Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) было почетно. Об этом мечтали. К этому стремились. Этим гордились и дорожили. Личность Германа Алексеевича была эталоном ученого. При Г.А. Федорове-Давыдове экспедиция стала кузницей научных археологических кадров по средневековому Поволжью и для Поволжья. Сегодня его ученики занимают заметное место в поволжском научном сообществе.

Уже само название экспедиции несло в себе объединяющее «поволжское» начало. И в организационном отношении это была «общеповолжская» экспедиция. Она обеспечивалась не только столичными, но и региональными ресурсами, как трудовыми, так и финансовыми.

В финансировании и организации работ наряду с Институтом археологии АН СССР и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, принимали участие Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Волгоградское и Астраханское управления культуры, Волгоградский и Астраханский советы Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, Волгоградский педагогический институт, Министерство культуры Татарской АССР, Мордовский государственный университет. Это результат титанических организационных усилий Г.А. Федорова-Давыдова. Такую сферу деятельности вряд ли можно назвать научной. Но именно она обеспечивала условия для научной работы всего экспедиционного коллектива.

Отряды экспедиции вели раскопки на средневековых городищах – бывших крупных политических и культурных центрах Волжской Болгарии и Золотой Орды. И если конкретная полевая работа локализовалась на изучении отдельных памятников, то получаемая научная информация становилась ключом к пониманию исторических процессов поволжского региона в целом.

Значение Поволжской археологической экспедиции для формирования и развития научного археологического потенциала региона трудно переоценить. Ведущая роль в этом процессе принадлежала Герману Алексеевичу Федорову-Давыдову.

Редакторская деятельность Г.А. Федорова-Давыдова также тесно связана с Поволжьем. В первую очередь, это издание трудов Поволжской археологической экспедиции, редактором которых он стал после смерти А.П. Смирнова. В них не было обобщающих статей по истории Поволжья. Но структура сборников, публикуемые в них материалы, да и сами названия изданий («Поволжье в средние века», 1970; «Города Поволжья в средние века», 1974; «Средневековые памятники Поволжья», 1976) формировали целостное восприятие средневекового Поволжья.

Г.А. Федоров-Давыдов вел редакторскую работу и в самом Поволжье, выступал в роли редактора научных сборников и монографий, выходивших в Саранске, Казани, Йошкар-Оле.

Без преувеличения можно сказать, что Г.А. Федоров-Давыдов был не только ведущим исследователем, но и научным руководителем поволжского региона в области средневековой археологии и нумизматики.

Казалось бы, узкоспециальная нумизматическая работа по изучению состава Саранского клада (Федоров-Давыдов, 1989) ввела в историю Поволжья русскую тему и дала мощный импульс для осмысления истории Нижегородского княжества как неотъемлемой части исторического процесса в поволжском регионе в целом. Археологический материал Городца и Нижнего Новгорода, накопленный в последние десятилетия, убедительно показал, что развитие этих городов становится понятным только в контексте поволжской средневековой истории.

Таким образом, если суммировать вышеизложенное, то складывается убедительная картина особо значимой роли Поволжья в научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова. Сам он изучал отдельные компоненты сложной средневековой истории поволжского региона, отдельные виды источников. Но благодаря его разносторонней научной работе и научному общению была создана прочная основа для единого поволжского исследовательского пространства. Ту объединяющую роль, которую играл Герман Алексеевич при жизни, сегодня выполняет его имя. Оно притягивает и соединяет специалистов разных городов: археологов, нумизматов, историков, источнико-

ведов, всех, кто занимается историей средневекового Поволжья. Об этом красноречиво говорит не только состав конференций, посвященных его памяти, но и география их проведений: Нижний Новгород, Казань, Яльчик (Марий-Эл).

Задача учеников и последователей Г.А. Федорова-Давыдова состоит не только в сохранении созданного при его активном участии исследовательского пространства, но и в продолжении изучения средневекового Поволжья, рассмотрении его как единого исторического пространства.

Р.Г. Фахрутдинов (г. Казань)

Г.А. Федоров-Давыдов и исследования археологии и истории средневекового тюркского мира

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов был выдающимся ученым-исследователем, крупнейшим знатоком истории и культуры средневекового кочевого мира и золотоордынских городов. Являясь профессионалом поистине высокого класса, он сочетал в себе глубокие знания по истории, археологии, нумизматике и истории искусства Тюрко-степного мира. Он достиг больших высот в исследовании материальной культуры и социальной структуры городов Золотой Орды (Улуса Джучи), в целом средневековой археологии и нумизматики, что явилось целой эпохой в открытии важнейшей страницы истории мировой культуры.

Г.А. Федоров-Давыдов успешно занимался также изучением вопросов денежного дела Руси XIV–XV вв., показав значение древнерусских монет как важного источника по политической и социальной истории русских княжеств того времени. В своих книгах по нумизматике он увлеченно рассказывал об античных, средневековых европейских, византийских, арабских, сасанидских (иранских) и китайских монетах. Герман Алексеевич занимался также сарматской археологией, палеоантропологическими исследованиями, проблемами математико-статистических методов в археологии и общефилософскими вопросами взаимоотношений в связи с историей Великого шелкового пути. Он был исследователем самого широкого профиля, ученым с большой буквы.

При всем этом, Г.А. Федоров-Давыдов остается непревзойденным специалистом по истории и культуре городов Улуса Джучи, в целом золотоордынской цивилизации, «золотоордынцем» №1. То, что в свое время было достигнуто раскопками нижневолжских городищ А.В. Терещенко и Ф.В. Баллода, Германом Алексеевичем было поднято на самый высокий уровень монографического исследования Сарая и Нового Сарая (Сарая-Бату и Сарая-Берке). Многолетние, широкомасштабные раскопки этих и других городов Поволжья, с учетом достижений прежних исследований, дали возможность Г.А. Федорову-Давыдову, его соратникам и ученикам ответить на многие вопросы истории, богатой материальной культуры, хозяйства и быта, взаимоотношений городов и степи, общественного строя, искусства Улуса Джучи и т.д. Герман Алексеевич кратко, лаконично и достойно отметил: «Культура золотоордынских городов – важная страница мировой культуры» (Федоров-Давыдов, 1994).

Касаясь вопроса отношения к Золотой Орде в советской исторической науке, Герман Алексеевич писал, что на сессии Отделения истории и философии АН СССР 1946 г., посвященной этногенезу татарского народа, «замалчивался золотоордынский период, делался упор на болгарский домонгольский компонент в сложении татарского этноса в Среднем Поволжье. Только М.Н. Тихомиров нашел в себе смелость заявить о значении Золотой Орды в истории татарского народа» (Федоров-Давыдов, 1994).

Поддерживая мнение М.Н. Тихомирова, Г.А. Федорова-Давыдова и их предшественников, необходимо кратко сказать о проблемах этногенеза и этнической истории татар, обращаясь к кругу источников разных времен и регионов. Хотя монгольский язык традиционно и оставался официальным языком Золотой Орды начального периода, он исчез, был поглощен тюркским языком в XIV в. – в эпоху могущества этого государства и расцвета его культуры. Государственным, литературным и разговорным языком основного населения стал тюрко-татарский (кипчакский). Это подтверждается языком дошедших до нас ханских ярлыков, произведений золотоордынской поэзии, словарей-глоссариев XIII–XV вв., а также сочинениями арабо-персидской исторической географии.

Многочисленные средневековые исторические источники (русские, арабо-персидские, западноевропейские, монгольские, татарские) называют основное население Золотой Орды татарами. В русских летописях известные народы Средневековья названы своими именами – русские русскими, немцы немцами, литовцы литовцами, турки турками, черкесы черкесами («черкасы»), булгары (волжские) булгарами («болгаре»), татары татарами («татары», «татарове»). По

источникам также ясно, что этноним «татары» вытеснил этнонимы не только «булгары», но и «кипчаки», что, видимо, произошло в XIV в.

Современные исследователи: Л.Н. Гумилев, Э.Н. Наджиб, В.Д. Димитриев, В.Х. Хаков, В.Л. Егоров, М.Г. Крамаровский, С.М. Червонная, М.Д. Полубояринова, Е.А. Армарчук, М.А. Усмаов, А.Г. Мухамадиев, Х.Ю. Миннегулов, М.И. Ахметзянов, Р.Г. Фахрутдинов, А.З. Сингатуллина, Дж.Г. Мухаметшин, Р.Ф. Исламов, К.Ф. Недашковский, В.П. Лебедев, Е.П. Мыськов, М.В. Ельников, И.М. Миргалиев и ряд других внесли и продолжают вносить большой вклад в изучение и пропаганду истории, археологии, нумизматики, эпиграфики, истории языка, литературы, искусства богатой материальной и духовной культуры Золотой Орды.

После распада Золотой Орды в 30–40-х гг. XV в. на ее этнотерриториальной, этнополитической и этнокультурной основе возникли отдельные татарские государства: Казанское, Крымское, Сибирское, Астраханское, Касимовское ханства, Ногайская и Большая Орды (последняя, возникшая в качестве правопреемницы Золотой Орды, прекратила свое существование в 1502 г.). Этими государственными объединениями (помимо Ногайской Орды – княжества) правили ханы одной династии – Джучидской, которая просуществовала 354 года. Высшую княжескую элиту этих ханств – знаменитых карача-биев – представляли крупнейшие золотоордынские роды. В целом, вся система государственного управления и общественного строя татарских ханств является продолжением таковых Золотой Орды. Это, помимо только что перечисленных высших форм власти, та же улусная система, ханские ярлыки, сойюргальное право владения землей, ямская служба, институт дарухачей, виды государственных повинностей и таможенных пошлин (правда, некоторые формы управления исчезли, но появились новые, равноценные прежним) и др. То же самое можно сказать о различных категориях чиновников государственного аппарата и пограничо-таможенной службы. Наконец, военное дело и вооружение, структура войск, воинская дисциплина, формирование и обеспечение войсковых соединений татарских ханств являются продолжением таковых все той же Золотой Орды. При всем этом, в качестве примера приходится приводить больше Казанское и Крымское ханства, история которых изучена лучше других. Многие из этих проблем поставлены и успешно решены Г.А. Федоровым-Давыдовым в его замечательной книге «Общественный строй Золотой Орды» (1980).

Еще одной важнейшей стороной научной деятельности Германа Алексеевича была нумизматика. Продолжая деятельность Х.М. Френа и других дореволюционных специалистов в изучении мусульманской нумизматики, он достиг огромных успехов в выявлении, монографическом исследовании и научной пропаганде памятников денежной системы всего Улуса Джучи. Через его руки прошли колоссальные по объему клады, состоящие порой из нескольких десятков тысяч монет. Последним таким кладом, найденным в 1986 г. на территории Татарстана, является Каратунский, состоящий почти из 25 тысяч монет, в основном периода правления Тохтамыш-хана. Г.А. Федоров-Давыдов изучал этот клад более 10 лет, однако, преждевременная смерть помешала ему закончить эту работу в виде большой монографии. Теперь она завершена нумизматом и эпиграфистом Дж.Г. Мухаметшиным. К сожалению, книга не успела выйти в свет к конференции в честь 75-летия Г.А. Федорова-Давыдова по техническим причинам.

Л.Т. Яблонский (г. Москва)

Вклад Г.А. Федорова-Давыдова в практику и теорию археологического кочевниковедения

Роль Г.А. Федорова-Давыдова в области археологического кочевниковедения исключительно велика. Один из наиболее ярких эпизодов в работе Поволжской археологической экспедиции, которую он возглавлял на протяжении многих лет, связан с раскопками курганных могильников на Кривой Луке. В начале 70-х годов XX столетия в результате широкомасштабных полевых работ здесь были получены яркие материалы, относящиеся к огромному хронологическому периоду – от эпохи ранней бронзы до средневековья. Позже при участии Германа Алексеевича в науку были введены уникальные комплексы из богатого сарматского могильника у с. Косика Астраханской области (см., например: Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, 1993).

Перу замечательного исследователя принадлежит также блестящий и глубоко профессиональный археолого-искусствоведческий анализ большой коллекции предметов, относящихся к эпохе ранних кочевников Евразии и выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля (Федоров-Давыдов, 1976).

Ученый, который по-праву считается осно-

вателем отечественной школы золотоордынской археологии, хорошо понимал, что реконструировать социально-экономический уклад и этническую структуру золотоордынского государства невозможно без всестороннего изучения кочевых объединений средневековой степи, различных кочевых сообществ, которые не только составили этническую основу золотоордынского населения, но, пережив расцвет и падение Золотой Орды, оказались у истоков формирования многих и многих народностей Восточной Европы, Средней Азии и Казахстана.

Не случайно поэтому, монографическая дилогия, посвященная изучению социально-этнической структуры Золотой Орды, открывается книгой, специально посвященной именно археологии кочевников (Федоров-Давыдов, 1968). Другая монография, составившая эту дилогию (Федоров-Давыдов, 1973), во многом опирается на результаты этого исследования.

Развернутый историографический анализ, который предшествует основному тексту данных книг, избавляет от необходимости много говорить о том, что до выхода в свет этих трудов вопросы, связанные с историко-археологической реконструкцией кочевых сообществ эпохи средневековья оставались либо не решенными, либо остродискуссионными. Нельзя сказать, что поводы для дискуссий в этой области отсутствуют, но все специалисты признают, что труды Германа Алексеевича ознаменовали прорыв в области кочевниковедения.

Значение этих работ, однако, выходит далеко за рамки собственно средневековой проблематики. Хотя Г.А. Федоров-Давыдов правильно предостерегал от попыток прямого переноса механизмов формирования и развития средневековых кочевых сообществ на более древние, источниковедческая проработанность использованного им материала такова, что он предоставляет теоретические модели, которые с известным допуском вполне применимы и для анализа социально-этнической специфики раннекочевых сообществ.

Прежде всего сказанное относится к методикам датирования кочевнических археологических комплексов. В монографии 1968 г. Г.А. Федоров-Давыдов указывал, что датирование погребений только по аналогиям для отдельных вещей создает риск ошибок, поскольку велика вероятность неодновременного проявления отдельных, а не в устойчивых комплексах типов вещей и некоторых признаков погребального обряда на больших территориях. Одновременно нужно учитывать вероятность конвергентного проявления отдельных признаков и типов, которые своим происхождением не всегда связаны. Он писал, что какой-либо тип мог в разных районах иметь разный хронологический диапазон. Поэтому необходимо выявить такие группы вещей определенных типов, которые закономерно встречаются вместе в одних погребениях, и установить, что встречи вещей этих типов происходят именно потому, что они бытовали в одно время. Эта важная с методической точки зрения предпосылка заставила ученого одним из первых в отечественной археологии применить статистический анализ исследования взаимовстречаемости типов и признаков, который и сегодня остается классическим, но, к сожалению, пока еще не применялся для анализа раннекочевнических материалов. Эта задача остается актуальной и теперь.

Другие модели, разработанные с использованием многочисленных письменных, этнографических и археологических источников, применимы для разработки проблем, связанных с особенностями уклада жизни кочевого населения равнин. Так, Г.А. Федоров-Давыдов отмечал (Федоров-Давыдов, 1968), что кочевой быт не следует рассматривать как беспорядочное блуждание групп кочевого населения по степи. Отдельные коллективы кочевников имели определенные устойчивые маршруты, изменить которые могли только серьезные экономические, социальные или политические причины. Выделив три основные формы равнинного кочевания (Федоров-Давыдов, 1968), ученый приходит к важному в методическом отношении выводу о том, что случайные эпизодические вводные погребения более характерны для населения, ведшего «таборное» кочевое хозяйство. Возникновение кочевнических могильников или компактных групп курганов – явление, связанное с упорядочением перекочевок, сезонностью движения кочевых групп, в результате чего складываются устойчивые маршруты кочевий. Эти маршруты приводят из года в год кочевой коллектив на одно и то же место в степи, где и возникает могильник. Этот вывод вполне распространяется и на могильники скифо-сарматской эпохи. То же относится и к положению об особенностях вассальных отношений у кочевников (Федоров-Давыдов, 1973): имущественная зависимость у степняков осуществлялась не путем прикрепления к земле, а вхождением кочевников в зависимые от кочевой аристократии объединения, сохранявшие видимость родовых союзов. Наиболее общей формой зависимости кочевого коллектива была необходимость при перекочевках следовать указанным им маршрутам. Кочевые группы при этом сохраняли видимость рода, но на самом деле в большинстве случаев являлись объединениями, аналогичными сельской территориальной об-

щине. Таким образом, собственность на землю у кочевников закреплялось через управление кочеванием.

Не меньшее значение для понимания этнической ситуации в кочевой степи имеют выводы, направленные на выявление закономерных механизмов трансформации этнонимов у кочевников. Ученый писал (Федоров-Давыдов, 1973): кочевая группа, дробясь, попадает в разные кочевые объединения, но сохраняет там свои наименования, восходящие к более древнему периоду. «Татары» – этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию. Позже это название стало названием всех кочевников Золотой Орды. Когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получала двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения, в которое она включалась. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Чем быстрее шел процесс консолидации кочевого населения в народность, тем скорее происходила эта смена кочевых групп, тем быстрее они исчезали, заменяясь единым именем кочевой народности. Но в разных частях степи этот процесс шел разными темпами.

В этом контексте уместно вспомнить многочисленные этнонимы, относящиеся к сарматской и постсарматской эпохе: сарматы, сирматы, сираки, аорсы, язаматы, роксоланы, гунны, аланы и др., обобщенное название которых «скифы» еще встречается в письменных источниках первых веков н.э. Из заключений Г.А. Федорова-Давыдова становится понятной необходимость проявлять исключительную осторожность при идентификации с этими этнонимами локальных или территориальных вариантов археологической культуры ранних кочевников.

Энциклопедически образованный ученый, Герман Алексеевич сделал очень многое для развития отечественного кочевниковедения.

ПОВОЛЖЬЕ, ПРИУРАЛЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В СКИФО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

А.А. Волошинов (Украина, г. Бахчисарай)

«Бахчисарайская стела» (к этнической принадлежности варварских рельефов из бассейна р. Кача)

Среди множества античных надгробных памятников из Северного Причерноморья в первые века н.э. видную роль играют варварские стелы Юго-Западного Крыма. Это хорошо известные херсонесские надгробия, выполненные в так называемом варварском стиле, а также ряд памятников, найденных в бассейнах рек Черной, Бельбек, Кача, Альма на территории варварских городищ, поселений и могильников. Во II в. до н.э. – III в. н.э. основным населением этого региона, как предполагается, были сарматы, потомки скифов и тавров, носители самобытной позднескифской культуры, жители так называемого позднескифского государства. Многолетние раскопки и публикации археологического материала, специальные работы, посвященные этнической истории Юго-Западного Крыма, так и не дали полного ответа на вопрос о сколько-нибудь достоверной этнической картине его территории. Вместе с тем, среди многочисленных предметов археологии, найденных на позднескифских некрополях и городищах, существует важный источник для изучения духовной и материальной культуры их древних обитателей – памятники скульптуры.

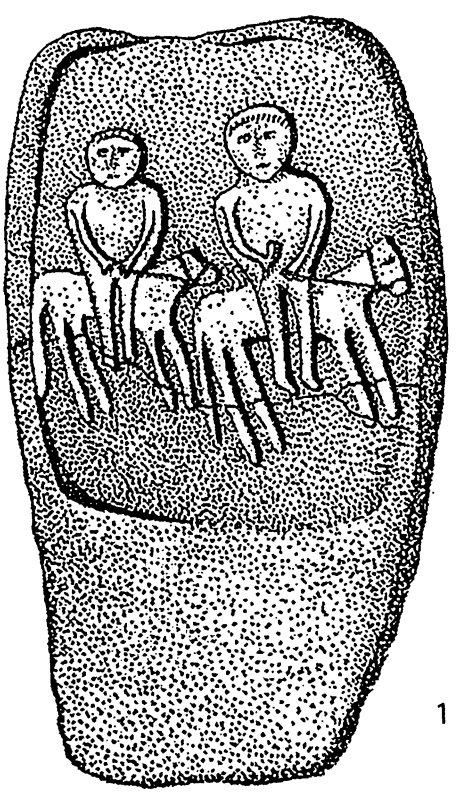
Находясь в тесной взаимосвязи с идеологическими представлениями и религиозно-мифологической системой, эта категория находок признана «самостоятельной отраслью изобразительного искусства скифов, не менее важной, чем, например, звериный стиль в изучении истории скифской культуры…» (Попова, 1976). В отличие от многочисленных предметов повседневного быта и погребального инвентаря, приобретаемых в соседних греческих городах, памятники скульптуры изготавливались местными мастерами (Попова, 1989).

Большое значение для изучения варварской скульптуры Юго-Западного Крыма имеет так называемая «Бахчисарайская стела», найденная в урочище Рамазан-Сала близ Бахчисарая (Чореф, 1972; Чореф, Шульц, 1972). Памятник достаточно часто упоминается в контексте сарматского влияния на искусство поздних скифов или как демонстрация сарматского проникновения в Юго-Западный Крым (Шульц, 1966; Чореф, Шульц, 1972). На его примере рассматривается процесс появления у сарматов собственной надгробной скульптуры, памятников так называемого сарматского круга. Таким образом, в ходе изучения стелы были затронуты очень важные вопросы этнической истории Крыма. В связи с этим необходимо повторное рассмотрение памятника, так как многие из «сарматских признаков» памятника в реальности отсутствуют, либо соотносятся с признаками боспорской и позднескифской скульптуры.

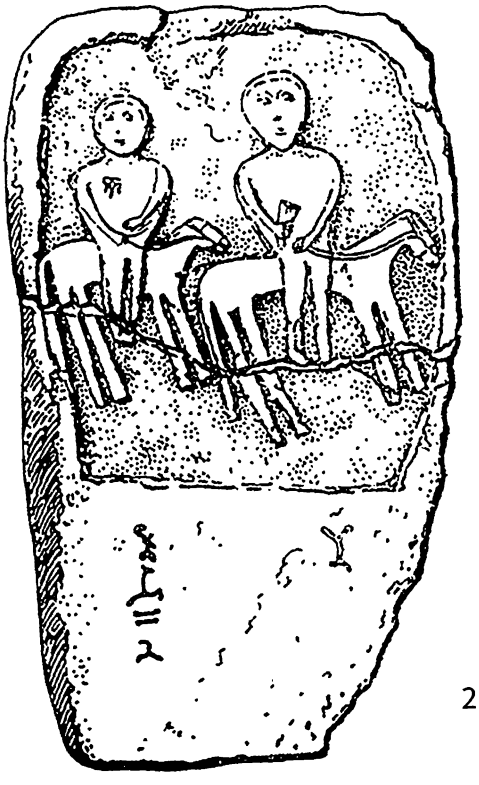
Рельеф представляет собой вытянутую по вертикали плиту подпрямоугольной формы. На заглубленном в основную плоскость поле, изображены два всадника, расположенные один за другим. В нижней части рельефа и на груди второго всадника авторами первой (Чореф, 1972; Чореф, Шульц, 1972) (рис. 1, *1-3*) и последующих публикаций (Дашевская, 1989; Диатроптов, 2001) было отмечено несколько «сарматских» знаков, в действительности отсутствующих (рис. 1, *4* – рисунок автора).

Памятник имеет ряд иконографических особенностей, среди которых высеченный на рамке хвост второго коня, специфический характер крепления повода к узде, шесть пальцев на левой руке второго всадника, непропорциональность изображенных фигур. Все они, скорее всего, свидетельствуют о непрофессионализме мастера. Одной из наиболее ярких особенностей памятника является особая посадка всадников – так называемая посадка по-женски. Значительный интерес представляет и наличие в руке одного из всадников ритона – единственного из достоверно зафиксированных атрибутов качинской скульптуры.

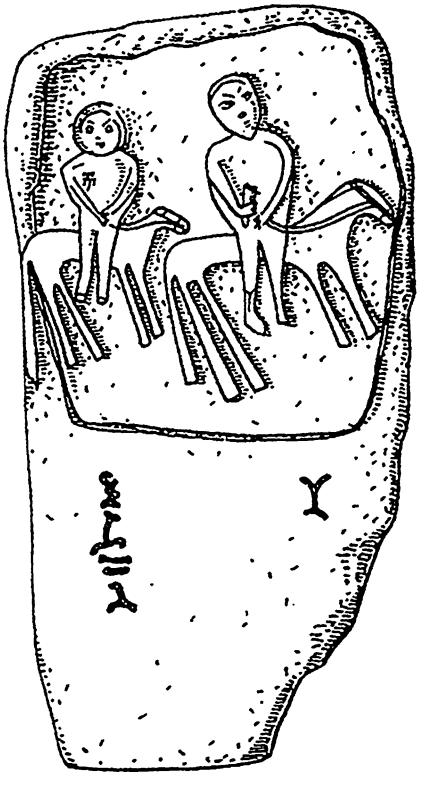
О.Д. Дашевская отнесла стелу к типу позднескифских надгробных рельефов с изображением двух или нескольких фигур (Дашевская, 1991), Е.А. Попова – к группе позднескифских памятников, выполненных в условно-схематическом стиле (Попова, 1989). Из группы варварских памятников близкими аналогиями по характеру резьбы является стела из с. Поповка (II в. н.э.) (Шульц, 1966), рельеф из с. Малая Козырка (III в. н.э.) (Фабрициус, 1951; Соломоник, 1957; Соломоник, 1959) и так называемая «предущельническая стела» (Чореф, 1975), имеющая аналогии среди боспорских памятников конца I – первой полови-



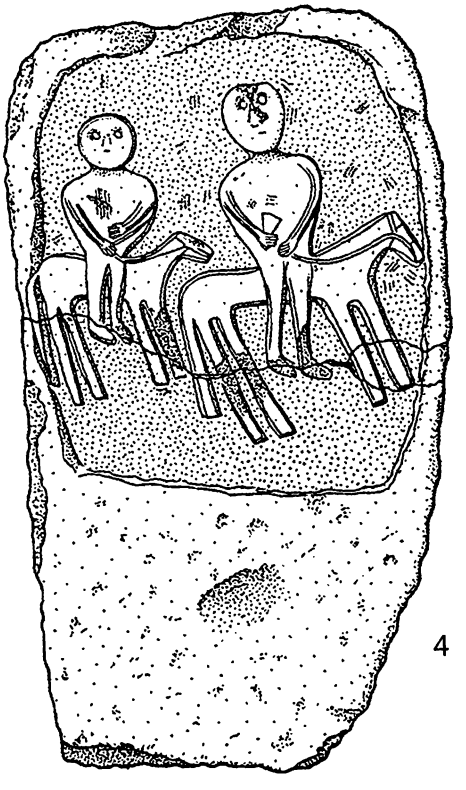
1



2



3



4

Рис. 1. Рисунки «Бахчисарайской стелы» из публикаций прежних лет:
1 – по: Чореф, 1972; *2* – по: Чореф, Шульц, 1972;
3 – по: Дашевская, 1989, 1991; Диатроптов, 2001; *4* – рисунок автора.

ны II в. н.э.

Основные черты, которые позволили П.Н. Шульцу и М.Я. Чорефу рассматривать «Бахчисарайскую стелу» в контексте памятников «сарматского круга», во многом исключают друг друга. При наличии таких признаков как схематизм и примитивность, достаточно сложно рассуждать о непропорциональности всадников, породе лошадей и пр. Е.А. Попова достаточно убедительно доказала, что такие стилевые особенности рельефов ошибочно связывались исследователями с определением этнокультурной принадлежности памятников (Попова, 1989).

Вместе с тем, построение композиции основано на хорошо известных приемах создания боспорских надгробий. Это касается как самого сюжета композиции, так и отдельных его деталей, в частности, меньших размеров и высоты изображения второго всадника, фронтального разворота торса всадников.

Подавляющее число надгробных памятников и плит с надписями фиасов, выполненных в интересующей нас схеме, изготавливались на территории Европейского и Азиатского Боспора в I в. н.э. – первой половине II в.н.э. Из всех боспорских надгробий наиболее близкой аналогией является стела II в. н.э. из Керчи. Близкими по характеру резьбы являются стела Мемнона, сына Аминия (Севера), датированная 129/130 г. н.э. (KW № 614; Иванова, 1962; КБН, № 705; Давыдова, 1990; Савостина, 1992), стела II в. н.э. Фарнака (Аполлонида, сына Апатурия) (КБН, № 652; Матковская, 1992), стела Хедосбия (III в. н.э.) (Шкорпил, 1914; КБН, № 846).

Памятник представляет собой образец «узорно-плоскостной» изобразительной манеры и выполнен в так называемом «гладкофигурном» «пряничном» стиле с применением «гравированного» приема (Савостина, 1992). Все это – характерные черты боспорских надгробий I–II вв. н.э.

Характер изображения позволяет сопоставить рельеф с местной, негреческой боспорской изобразительной школой (Савостина, 1992), а внушительные размеры, графическая манера исполнения, геометризм и декоративность, плоскостность – с продукцией боспорской мастерской так называемых «схематичных фигур», время существования которой относится к концу I – первой половине II в. н.э (Матковская, 1992; 2000). Совпадают и другие признаки этой мастерской на рельефе из Рамазан-Сала: крупные размеры самого памятника, отрицание объемности, диспропорция всадника и коня, отсутствует индивидуализация лиц, кони изображены стройными, с длинными ногами и хвостом.

Таким образом, как морфология, так и иконография рельефа из Рамазан-Сала свидетельствуют о его связи с позднескифскими изобразительными традициями, с одной стороны, и с Боспором, с другой. На примере «Бахчисарайской стелы» мы сталкиваемся с «перерожденным» или переработанным боспорским сюжетом. Такое происхождение памятника не позволяет назвать рельеф скифским. Подобные стелы, вероятно, были оставлены населением, которое не только испытало влияние соседних греческих городов, но и сохранило местные традиции создания монументальных произведений из камня.

Исторические предпосылки появления рельефов, как нового вида скульптуры на позднескифской территории пока остаются неизвестными.

Стилистические и сюжетные аналогии позволяют определить датировку рельефа концом I – первой половиной II в. н.э.

А.А. Волошинов (Украина, г. Бахчисарай), В.В. Масякин (Украина, г. Симферополь)

Два погребения с оружием из некрополя Заветное в Юго-Западном Крыму

Некрополь Заветное расположен на левом берегу р. Альма, на юго-западной окраине одноименного населенного пункта. Могильник относится к известному городищу I–III вв. н.э., получившему в литературе название Алма-Кермен.

Некрополь исследовался в 50–80-х гг. экспедицией под руководством Н.А. Богдановой. В 2002 г. в связи с масштабным его разграблением, исследования памятника были возобновлены экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством Ю.П. Зайцева.

В 2005 г. был исследован участок некрополя с воинскими погребениями. К сожалению, этот участок некрополя сильно пострадал в результате современных грабительских раскопок и судить о составе инвентаря погребений можно по отдельным сохранившимся предметам.

Большая часть исследованных в 2005 г. воинских погребений была совершена в грунтовых могилах со сходным обрядом. Доклад посвящен двум наиболее информативным комплексам.

Несомненный интерес представляет неразграбленное погребение №330. Оно было совершено в вытянутом положении на спине, в простой грунтовой яме в деревянной колоде.

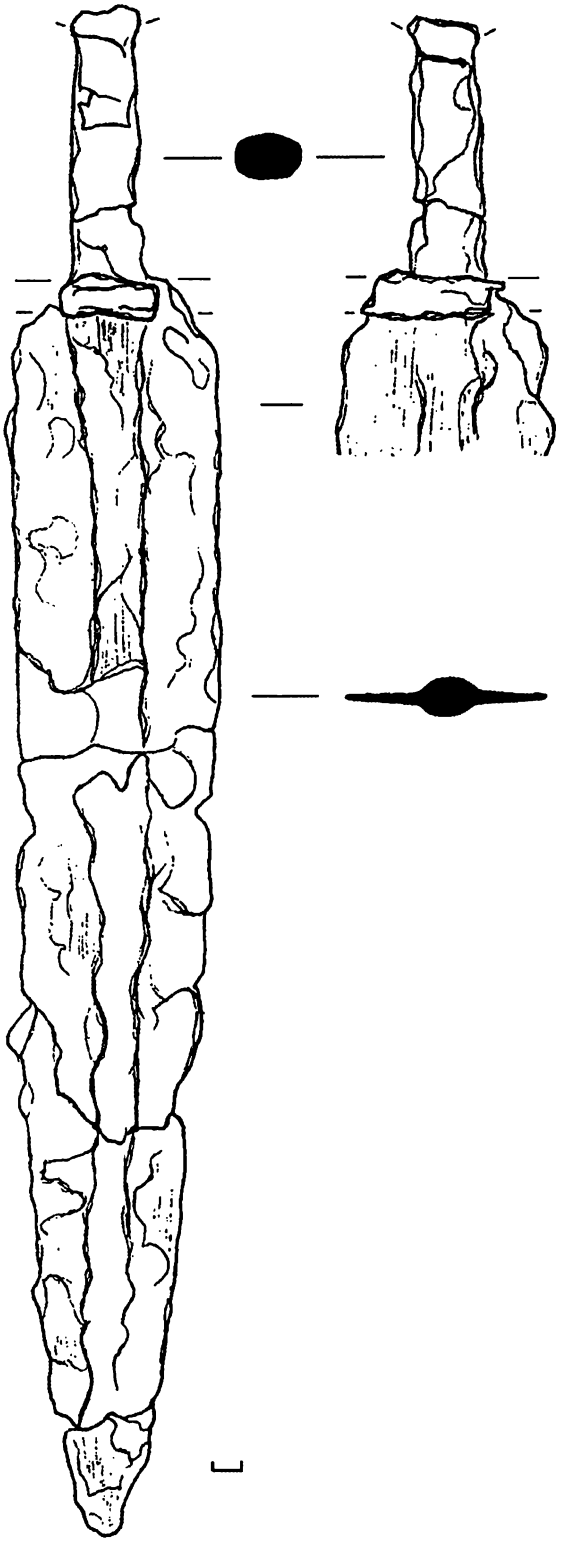


Рис. 1. Меч из погребения 333 некрополя Заветное

Пространство между колодой и стенками могильной ямы было заполнено сырцовыми вальками. Погребальный инвентарь представлен мечом с кольцевым навершием с деталями портупеи, набором стрел, бронзовыми оковками нагайки, браслетами и подвеской в виде топорика, золотой серьгой, бусами. Погребение надежно датируется римской сильнопрофилированной фибулой (Альмгрен 69) второй половиной I в. н.э.

Другое погребение №333, также совершенное в простой грунтовой яме, почти полностью ограблено. In situ сохранились кости ног и кисть правой руки. У правого бедра зачищен меч, в области кисти зафиксированы бусы, бронзовый перстень. Наибольший интерес представляет меч (Рис. 1), аналогий которому не удалось найти среди оружия из позднескифских и сарматских памятников. Короткий обоюдоострый меч (длина клинка 42,5 см) имеет необычно широкий клинок (7 см), прямое перекрестие и массивную прямоугольную в сечении рукоять (навершие не сохранилось). Примечательной деталью этого меча, помимо пропорций и формы, является рельефное ребро, идущее продольно по центру клинка с обеих сторон. Рассматриваемому мечу близки по форме римские кинжалы I в. н.э., однако они отличаются размерами и оформлением рукояти. Наиболее близкие аналоги удалось найти лишь среди мечей эллинистического времени Испании (gladius hispaniensis), послуживших прототипами римских гладиусов.

Такой уникальный предмет в погребальном инвентаре в сочетании с необычной для этого некрополя ориентацией могилы, безусловно, говорит о неординарности захоронения. Можно предположить, что это погребение является одним из наиболее ранних в некрополе.

В ходе археологических работ 2005 г. было исследовано еще две могилы с оружием, к сожалению, почти полностью ограбленные. В одной из подбойных могил был найден кинжал, а в большой грунтовой могиле – фрагменты длинного меча с остатками золотого шитья.

Подобный воинский участок впервые выявлен на позднескифских могильниках. Можно предположить наличие подобных участков и на некоторых других некрополях. Вероятно, дальнейшие исследования позволят скорректировать представления о социальной и этнокультурной структуре варварского населения Юго-Западного Крыма в римское время.

В.П. Глебов (г. Ростов-на-Дону)

Эллинистический Танаис и варвары Нижнего Подонья

Несмотря на то, что и Танаис, и памятники донских сарматов и меотов в настоящее время неплохо изучены, в науке до сих пор бытуют некоторые устаревшие и требующие пересмотра взгляды на этнический состав населения Танаиса и характер межэтнических взаимодействий в Нижнем Подонье, касающиеся:

смешанного греко-варварском населения эллинистического Танаиса;

существования в Нижнем Подонье в III–I вв. до н.э. оседлого варварского населения, состоявшего из меотов, появившихся здесь еще в II в. до н.э., и осевших на земле сарматов;

заселения Танаиса после полемоновского разгрома в значительной степени меотами.

В настоящем исследовании затрагиваются следующие проблемы:

присутствие варваров в составе населения Танаиса эллинистического периода,

время и причины образования меотского анклава на Нижнем Дону.

Точка зрения о проживании в низовьях Дона оседлых варварских племен в эллинистическую эпоху восходит к трудам таких авторитетных ученых, как А.И. Болтунова, Д.Б. Шелов, И.С. Каменецкий. Эти исследователи в свое время пришли к выводу о значительном варварском компоненте в составе населения Танаиса, хотя мнения об этническом составе населения города последних веков до нашей эры оказались различными. А.И. Болтунова разделяла жителей города на греков и танаитов – представителей местного населения, образовавшегося в результате смешения нескольких этнических групп. И.С. Каменецкий утверждал, что в момент основания Танаиса туземное население Нижнего Подонья состояло из меотов, которые и вошли в состав жителей города. Д.Б. Шелов предполагал, что оседлое варварское население Танаиса и низовьев Дона было родственно меотам Кубани, отмечая в некрополе Танаиса также сарматские и даже скифские черты обрядности и материальной культуры. Д.Б. Шелов считал варварским западный район эллинистического Танаиса с бессистемной застройкой. Однако выяснилось, что такие районы есть во многих греческих городах, в том числе и в самой Греции, и связывать их с каким-то варварским населением нет оснований.

В 60–70-х гг. прошлого столетия, когда были написаны эти работы, варварское окружение Танаиса было практически неизученным, оставляли желать лучшего и хронологические разработки. По современным данным в III – I вв. до н.э. (после ликвидации Елизаветовского варварского городища) в Нижнем Подонье отсутствовало какое-либо оседлое варварское население. Варварский мир Нижнего Подонья в рассматриваемое время был представлен только кочевниками-сарматами. Хозяйственный уклад сарматов реконструируется как полукочевой с постоянными маршрутами перекочевок, летниками и зимниками. Никаких следов седентаризации сарматов ни в Танаисе или его округе, ни вообще где-либо в нижнедонском регионе в настоящее время не найдено. Погребальные традиции некрополя Танаиса эллинистического времени коренным образом отличаются от обрядности нижнедонских ранних сарматов (Толочко, 2004). Безусловно, контакты и взаимопроникновение имели место, но, насколько можно судить по археологическим данным, массовой этнической миксации сарматов и греков-боспорян, населявших Танаис, в позднеэллинистическое время не происходило. Отношения кочевников и оседлого населения в целом были, видимо, мирными. Страбон характеризует Танаис как торговый центр кочевников и боспорских купцов (XI, 2, 3). Появление ранних сарматов на рубеже III – II вв. до н.э., правда, вызвало строительство мощной системы укреплений вокруг Танаиса, но, судя по отсутствию археологических следов крупных военных столкновений, эта опасность со стороны кочевников не реализовалась.

Появление оседлого варварского населения в Нижнем Подонье произошло, видимо, не ранее начала I в. н.э. и явилось результатом не седентаризации кочевников, а миграции значительной группы кубанских меотов, основавших в низовьях Дона ряд городищ: два на левом берегу, восемь на правом и одно в дельте. Вопрос о времени появления меотов на Дону весьма запутан. Долгое время считалось, что Азовское (= Крепостное) городище на левом берегу Дона появилось во II в. до н.э., второе левобережное городище – Подазовское возникло в конце I в. до н.э., правобережные городища – в начале I в. н.э. (Каменецкий, 1989). Мнение о выводе Крепостного городища еще во II в. до н.э. было высказано И.С. Каменецким тезисно, без аргументации, и не подтвердилось дальнейшими исследованиями. Тем не менее, представление о том, что в низовьях Дона во II – I вв. до н.э. проживало оседлое меотское население, по инерции существует в науке до сих пор.

А.А. Горбенко и В.М. Косяненко, проанализировав хроноиндикаторы из погребений наиболее раннего участка некрополя Крепостного городища, пришли к выводу о начале функционирования могильника во второй половине I в.

до н.э. (Горбенко, Косяненко, 2004). Однако их хронологические выкладки довольно спорны. Вещи, относящиеся по мнению исследователей к дорубежному времени (зеркало типа Хазанов-VIII, пряжка, лекиф, трехручный кубок и пр.), являются случайными находками или же, по данным отчета, обнаружены в погребениях, содержащих и материал I в. н.э. (зеркала, фибулы и др.). Дата ряда хроноиндикаторов у А.А. Горбенко и В.М. Косяненко явно занижена. Так, массовое появление зеркал раннего варианта типа Хазанов-IX (с выступом-умбоном) в волго-донском регионе датируется не рубежом эр, а развитым I в. н.э. (Глухов, 2003), находки трехручных кубков, сердоликовых и хрустальных бус хорошо известны и в комплексах I – II вв. н.э.

Следует заметить, что ранние группы погребений с теми же хроноиндикаторами, что и в некрополе Крепостного городища, сейчас известны и в могильниках других меотских городищ – Кобяковского, Нижнегниловского (раскопки В.К. Гугуева, В.А. Ларенок). Здесь, как и в некрополе Крепостного, есть лишь отдельные вещи I в. до н.э., найденные в комплексах послерубежного времени – например, погр. 80 из раскопок В.К. Гугуева на некрополе Нижне-Гниловского городища с фибулой среднелатенской схемы «неапольского» варианта и четырьмя фибулами второй половины I в. н.э.

Таким образом, на донских меотских городищах пока не удается выявить достоверные комплексы II – I вв. до н.э. Некоторые захоронения можно датировать началом – первой половиной I в. н.э. (лучковые фибулы 1 варианта позднего подварианта, «Авциссы»), но пока не открыто ни одно погребение, бесспорно датирующееся временем около рубежа эр, не говоря уже о второй половине I в. до н.э. Однако могильники городищ исследованы не полностью, и вполне возможно, что ранние участки некрополей еще не раскопаны или уничтожены. Поэтому для уточнения времени основания городищ необходимо обратиться к материалам их ранних слоев. И.С. Каменецкий датирует ранние слои Подазовского и Нижне-Гниловского городищ по краснолаковой керамике концом I в. до н.э. и рубежом эр соответственно (Каменецкий, 1993). Не являясь специалистом в вопросах датировки лаковой посуды, приведу мнение Д.В. Журавлева. Давая в целом высокую оценку работе И.С. Каменецкого, этот авторитетный исследователь краснолаковой керамики считает, что в классификации И.С. Каменецкого не учтены хронологические коррективы и разработки последних лет, в результате многие из предложенных датировок получились удревненными на 50 лет (Журавлев, 1998). Представляется, что в настоящее время следует датировать возникновение меотских городищ на Нижнем Дону в рамках первой половины I в. н.э., для более ранней датировки нет оснований.

Любопытно, что в то же время фиксируется приток в город волны греческого населения с Боспора, судя по данным нумизматики (Яценко, 2001) и появлению новых типов погребальных сооружений в некрополе (Шелов, 1972). Появление новой группы боспорских греков в Танаисе и переселение меотов на Дон, вероятно, следует рассматривать как взаимосвязанные мероприятия в рамках политики Аспурга по укреплению пограничных районов Боспорского царства и восстановлению системы обороны, разрушенной в ходе полемоновой войны (Яценко, 2001). Одной из мер этой программы Аспурга считается создание военных поселений на границах Боспорского государства из местных варваров – меотов и сарматов (Сапрыкин, 2002). С этим мнением вполне можно согласиться, с единственной поправкой – о сарматах в составе населения донских меотских городищ в то время еще нельзя говорить, они появляются там не ранее середины II в. н.э., как и в Танаисе (Безуглов, Гугуев, 1988). Совершенно не подтверждается гипотеза, что меоты составляли значительную часть населения Танаиса, восстановленного после полемонова разгрома, и что Танаис в это время был лишь одним из цепочки правобережных меотских городищ (Каменецкий, 1989; Сапрыкин, 2002). Никаких следов массового проживания меотов в Танаисе ни по данным погребальной обрядности, ни в архитектуре выявить пока не удалось. Так называемое Нижне-Раковское городище, якобы входящее в городскую структуру Танаиса (Каменецкий, 1993; Раев, 2002), на деле все же оказалось свалкой, образовавшейся при чистке города после пожара середины II в. н.э. (Арсеньева, Науменко, 2001; Казакова, 2004).

Миграция меотов в Нижнее Подонье, зафиксированная археологически, может быть сопоставлена с некоторыми сведениями письменных источников. В «Географии» Страбона, которая дополнялась отдельными сообщениями до 24–25 гг. н.э. (Грацианская, 1988), упоминаются меоты – оседлые земледельцы и рыболовы, жившие по побережью Меотиды и вблизи Танаиса (XI, II, 4), есть указание на подчинение части азиатских меотов «владетелям торгового центра на Танаисе» (XI, II, 10). Кроме того, с переселением большой группы меотов на Дон, вероятно, связано появление в титулатуре Аспурга неких танаитов, ранее не фигурировавших в титулах боспорских царей.

С.В. Демиденко (г. Москва)

К вопросу о взаимодействии ранних кочевников степей Южного Урала, Семиречья и Синьцзяня

Проблема взаимоотношений раннекочевнических культур в степном поясе Евразии постоянно находится в поле зрения как российских, так и зарубежных исследователей. В данной работе я бы хотел остановиться на одном из пассажей в статье Джанин Дэвис Кимболл, посвященной «межплеменным взаимодействиям» между номадами Южного Урала, Семиречья и Синьцзяня (Davis-Kimball, 1998). Одним из индикаторов такого взаимодействия исследовательница считает литые бронзовые котлы, широко распространенные в культурах ранних кочевников Евразии. К сожалению, слабое знание материала в совокупности с отсутствием профессиональных навыков в работе с данной категорией изделий приводит исследовательницу к парадоксальным выводам, нуждающимся в корректировке.

Обратимся непосредственно к экземплярам, которые приводит автор в качестве доказательства данного положения. Прежде всего, это – котел, случайно найденный недалеко от города Урумчи в провинции Синьцзянь (Китай) (ROURAN OUKOKU..., 1992). Сосуд имеет цилиндрическое тулово, воронковидный поддон и две вертикальные прямоугольные ручки, украшенные грибовидными выступами. Такие же выступы располагаются на венчике котла по обеим сторонам ручек (рис. 1, *3*). Дж. Дэвис-Кимболл вслед за М. Эрди (Erdy, 1995) называет его хуннским, датирует 25–220 гг. н.э. и считает, что хунны в своем движении на запад привнесли данную форму котлов на Южный Урал в среду позднесарматских племен (Davis-Kimball, 1998). В качестве примера автор ссылается на позднесарматские котлы второй половины II – первой половины III вв. н.э. и, в частности, на котел из кургана 37 могильника Лебедевка VI (Западный Казахстан) (рис. 1, *2*). Однако котел из Урумчи по морфологическим и технологическим признакам относится к типичным сосудам «гуннского типа», хорошо известным в Европе и датирующимися концом IV–V вв. н.э. (Боковенка, Засецкая, 1993). А. Кох, обстоятельно рассмотрев все аналогии котлу из Урумчи, пришел к выводу, что его наиболее вероятной датой является первая половина V в. н.э. (Koch, 1997). Появление данного экземпляра на территории Синьцзяня исследователи связывают с обратной волной кочевников по проторенным путям на восток (Боковенко, Засецкая, 1993).

Котел из кургана 37 могильника Лебедевка VI имеет колоколовидное тулово, воронковидный поддон и две вертикальные петлевидные ручки на венчике, украшенные одним выступом. По морфологическим и технологическим признакам он восходит к савроматским котлам, однако был изготовлен и использовался в позднесарматское время (Демиденко, 1997). Каких-либо влияний со стороны котлов как «хунского», так и «гуннского» типов данный экземпляр не обнаруживает.

Далее исследовательница сравнивает вышеупомянутые сосуды с котлом из Ланчжоуванцзи (Синьцзянь, Китай) и на основании гипотетического сходства данных экземпляров датирует последний II–III вв. н.э. Однако котел имеет бокаловидное тулово, воронковидный поддон и две вертикальные желобчатые кольцевидные ручки с одним выступом, нижняя половина которых располагается на тулове сосуда. В нижней трети тулова проходит литейный шов (рис. 1, *1*). Котел датируется китайскими исследователями 480-222 гг. до н.э. (Hami Ancient Civilization, 1997). По морфологическим и технологическим признакам он имеет многочисленные параллели в Минусинской котловине (Членова, 1967) и скорее иллюстрирует связи племен Синьцзяня и тагарской культуры, нежели «взаимодействие» кочевников Южного Приуралья и Синьцзяня. Передатировка его II–III вв. н.э. выглядит совершенно необоснованно.

Сакские котлы на трех ножках, упоминаемые исследовательницей, действительно встречают как на территории Синьцзяня, так и на территории Семиречья, но никогда не находили в Южном Приуралье, и использовать их для доказательства связей этих регионов неправомерно.

Таким образом, котлы, приведенные Дж. Дэвис-Кимболл в качестве примеров «межплеменного взаимодействия» между номадами Южного Урала, Семиречья и Синцзяня, относятся к различным типам, различным археологическим культурам, изготовлены в различных технологических традициях и использовать их для иллюстрации связей указанных регионов также неправомерно.

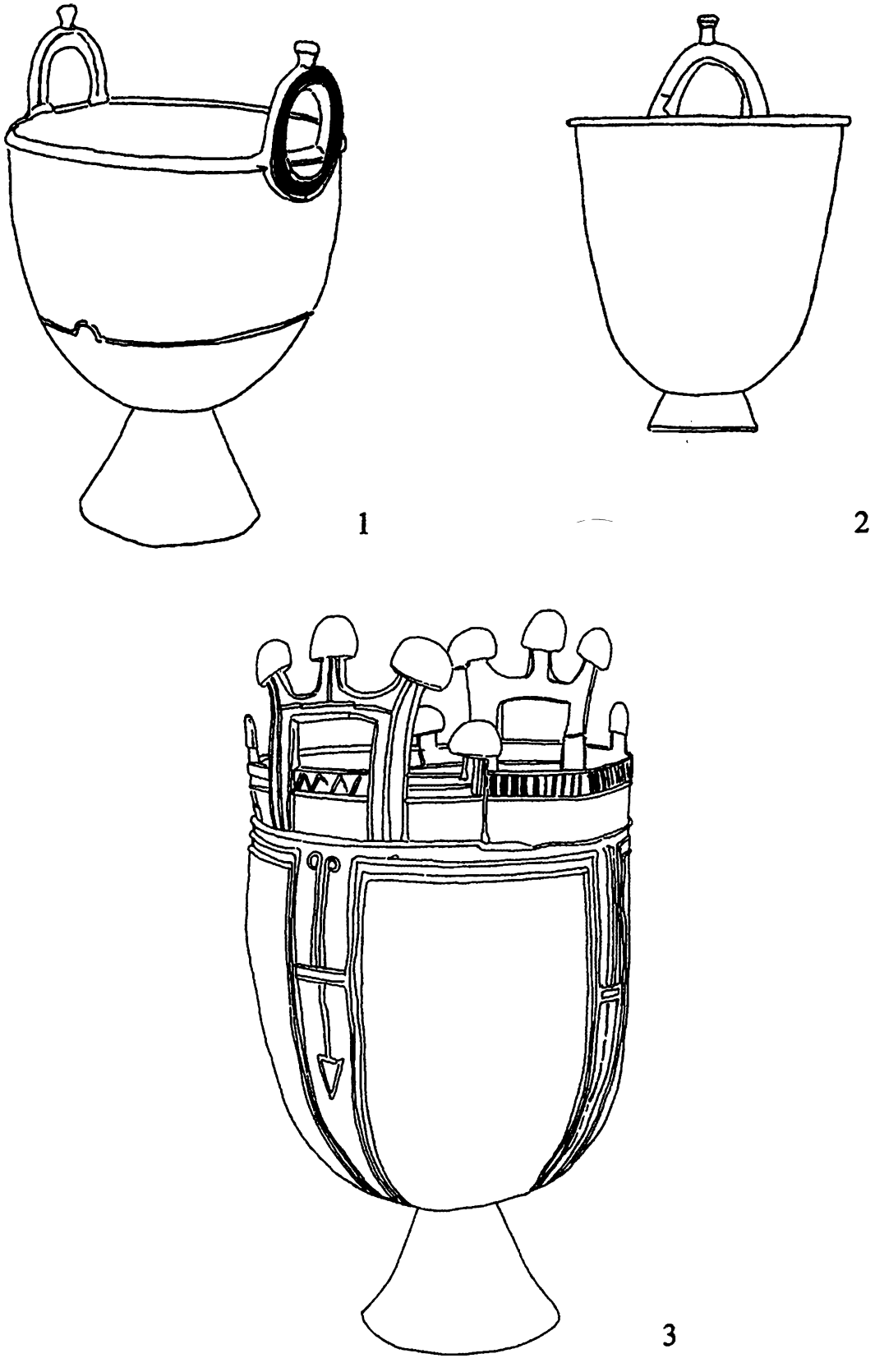


Рис. 1. Бронзовые литые котлы ранних кочевников Евразии:
1 – Lanzhouwanzi (Xinjiang); *2* – Лебедевка, курган 37 (Западный Казахстан); *3* – Urumqi (Xinjiang).

Р. Исмагил (г. Уфа)

Акинак с реки Уршак

В 1976 г. мною с соавтором был издан небольшой савроматский меч из собрания Стерлитамакского краеведческого музея, найденный жителем города во время рыбалки на речке Уршак – левом притоке Белой (Агидели) (Горбунов, Исмагилов, 1976). Некоторые обстоятельства, о которых сказано ниже, потребовали его републикации, что и производится в рамках настоящего издания.

Нам с В.С. Горбуновым, к сожалению, так и не удалось побеседовать с находчиком об условиях находки акинака. В статье говорится о среднем течении Уршака как предполагаемом месте находки, но ближе и доступнее для жителя Стерлитамака верховья этой речки (в границах Стерлибашевского района). Общая длина короткого меча в работе 1976 года указана как равная 34,6 см, однако не сказано о том, что острие клинка обломано и, следовательно, реконструируемая (первоначальная) длина предмета была несколько большей, вероятно, около 35,5–36,0 см. По обеим плоскостям рукояти проходит узкий украшенный «елочкой» желобок, о чем сказано в тексте и что показано на рисунке, но не получило отражения на приложенном разрезе.

Отмечается, что «...меч находился в явной зависимости от скифской модели меча с зооморфным навершием, появляющегося ...в V в. до н.э.», особенно – от мечей и кинжалов с узкобабочковидным перекрестьем и когтевидным навершием. «Эта зависимость отчетливо проявилась как в трактовке некоторых деталей..., так и в явной нецелесообразности отдельных элементов на уршакском экземпляре (помещение второй пары глаз на верху рукояти, общая форма навершия с перекладиной и прямоугольным вырезом по центру), перенесенных по традиции с других мечей с когтевидным навершием, где они имели определенное сакрально-магическое значение». Акинак датирован авторами публикации IV в. до н. э., скорее всего его второй половиной, судя по близости его узкобабочковидного перекрестья ложнотреугольным перекрестьям кинжалов чертомлыцкой серии.

Главное же наше упущение состояло в том, что мы видели на навершии только «...две повернутые друг к другу затылками птичьи головы. Клювы, обозначенные... тремя чеканными линиями с глазами-кружочками у основания, – короткие и тупые, изображают, по-видимому, орла или грифона. Еще одна пара глаз расположена на верху рукояти, по ее краям». Внимательный просмотр, произведенный уже после публикации, позволил автору заметить на соприкасающихся «затылках» птиц по одной непонятной короткой поперечной черточке с каждой стороны, которые оказались изображениями пастей хищных животных (медведей или, скорее, волков). Таким образом, навершие уршакского акинака вместе с верхней частью рукояти представляет собой совмещение трех автономных зооморфных сюжетов:

– пара круглых концентрических глаз-кружочков на верхней части рукояти (1),

– помещенные на отходящих от них шеях две головки птиц или грифонов с короткими тупыми клювами, тыльными частями головы (затылками), соприкасающимися друг с другом (2)

– две целые фигурки крупных хищников с состыкованными мордами (3).

Выступы в верхней части навершия и пристыкованные к ним кружочки с точкой посредине выполняют роль ушей и глаз как развернутых в противоположные стороны птиц (грифонов), так и обращенных «лицом» друг к другу животных, а птичьи шеи воспринимаются как собранные вместе лапы последних (рис. 1, *2, 3*).

Параллели к изображениям птиц (грифонов) на навершии уршакского акинака были указаны в статье 1976 г. и частично повторены выше. Что касается сюжета с хищными животными, то наиболее близкой, в целом, следует признать серию изображений на кинжалах и мечах из урало-казахстанского региона, подборка которых приведена мной в более поздней работе (Исмагилов, 1980). Важно отметить, что все это оружие не только найдено в одном регионе с уршакским мечом, но и близко к последнему типологически и хронологически (рис. 1, *4–7*). В то же время, уршакский акинак, при всем сходстве со скифскими, сакскими и, особенно, с савроматскими мечами и кинжалами, очень своеобразен. Изготовившему его приуральскому мастеру удалось создать настоящее произведение искусства в стиле так называемого «зооморфного превращения» или «зооморфной загадки». Предметы, подобные уршакской находке, очевидно иллюстрируют закономерности восприятия модели мира, свойственной шаманистским верованиям населения степной и лесостепной Евразии эпохи раннего железа.

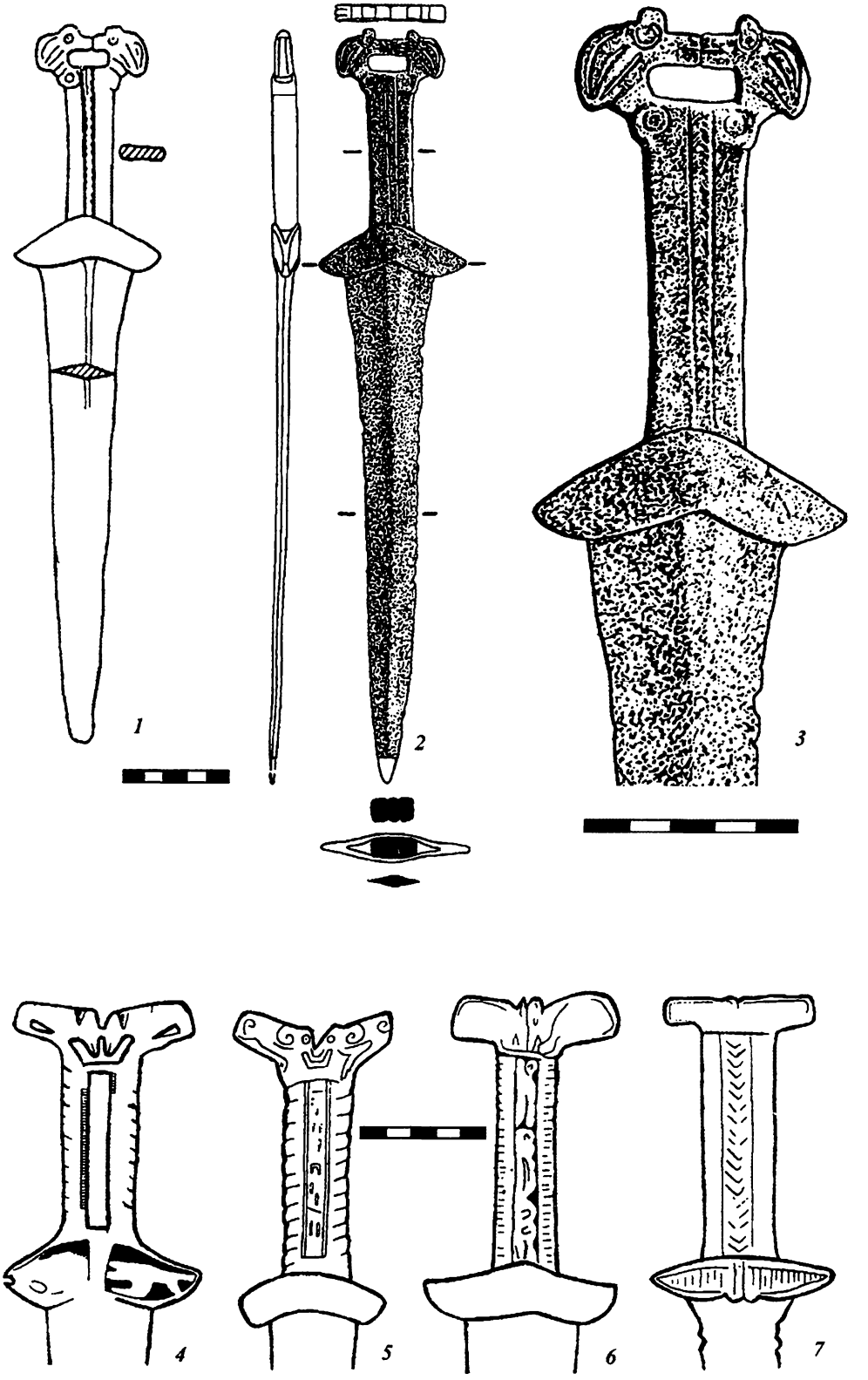


Рис. 1. Акинак с р. Уршак и его аналоги:
1–3 – Уршакский акинак (*1* – по: Горбунов, Исмагилов 1976; *2, 3* – новый рисунок);
4–7 – аналоги (*4* – Белебей, Башкортостан; *5* – Висимская дача, Прикамье; *6* – Бишкуль, Северный Казахстан;
7 – совхоз «Дема», Башкортостан).

А.Р. Канторович (г. Москва)

Истоки и судьбы образов бараноптицы и грифона в раннескифском зверином стиле: общее и особенное

Образ бараноптицы, или грифобарана – одна из наиболее популярных тем раннескифского искусства звериного стиля, «единственный устойчивый, оригинальный образ фантастического существа в раннескифском искусстве» (Шкурко, 1982). Термин «бараноптица» (Артамонов, 1968; Шкурко, 1982) представляется более правомерным, нежели широко распространенное в научной литературе понятие «грифобаран», первая часть которого связана с определенными мифологическими концепциями, отраженными в письменных источниках, и с соответствующими научными построениями, что в нашем случае априори вносит элемент смысловой интерпретации и адресует к строго определенному кругу иконографических аналогий. Между тем грифон (тематическую основу которого составляет комбинация хищной птицы и кошачьего хищника, с возможными дополнениями элементов других животных) и бараноптица (комбинация хищной птицы и копытного) в раннескифском искусстве могли относиться к двум разным традициям – как в стилистическом (Ильинская, 1965), так и в семантическом отношении (Шкурко, 1982).

Образ бараноптицы воплощался лишь в эпоху скифской архаики VII–VI вв. до н.э. и, в основном, был локально ограничен зонами лесостепного, степного и северокавказского вариантов скифского звериного стиля. По недавним подсчетам Т.В. Рябковой, насчитывается всего 69 предметов, несущих образ бараноптицы (Рябкова, 2005), по нашим же данным – 86 изделий, в основном из кости или рога, реже – из бронзы (в основном это элементы конского снаряжения – псалии, насадки на деревянные псалии, столбики-распределители уздечных ремней; изредка – налучья и навершия). С территории Северного Кавказа происходит не менее 32 из них (не считая сомнительные и «пограничные» изображения), в лесостепном Среднем Поднепровье известно 39 экземпляров, в степном Северном Причерноморье, где скифские памятники VII – VI вв. до н.э. немногочисленны, – 3, в Поволжье и Приуралье – 3 (подражание или прямой импорт – см. Смирнов К.Ф., 1961; 1964; Чежина, 1987), в Закавказье и Передней Азии (в зоне скифских походов) – 9.

Исходя из того, что в большинстве случаев данный образ представлен редуцированно – мотивом головы, – А.И. Шкурко затруднялся определить, с кем именно отождествлялась бараноптица – с «небесным летающим бараном или орлом с чертами овна» (Шкурко А.И., 1982). Однако в тех случаях, когда мы встречаемся с образом бараноптицы в полнофигурной трактовке – на псалиях, противоположные концы которых оформлены в виде головы и конечности животного и могут трактоваться как упрощенное воплощение всего животного (Полидович, 2004), мы обнаруживаем не птицу с бараньими рогами, а именно барана с птичьим клювом вместо морды. Показательны прежде всего псалии из могильника Новозаведенное II (к. 16), где отображены все четыре копыта (одно – на нижнем конце, три – у отверстий псалия), причем копыта эти – конские, а также передана шерсть на шее, животе и ноге этого существа (см. также псалии из Нартана (к. 15), Аксютинцев, Старшей могилы, Журовки (к. 407), Волковцев (к. 2), Рысайкина). В могиле №1 Репяховатой могилы и в Келермесе (к. 1/В, уздечный набор коня 21) головы бараноптиц – костяные насадки на верх деревянных псалиев – сочетались с насадками в виде конских копыт на нижнюю часть тех же псалиев.

Семантические истоки темы бараноптицы неясны, стилистические – более очевидны. Сочетание мотивов птицы и барана в рамках единого образа было известно на Северном Кавказе еще до возникновения скифского образа бараноптицы (Шкурко, 1982). Это птица с бараньей головой на бронзовых пряжках, нагрудных бляхах и некоторых штандартах протокобанской эпохи (Мошинский, 1988), а также на подвесках кобанского времени. Здесь нельзя исключать тематическую связь, но о формальной и производственной преемственности говорить не приходится – как в силу образно-стилистических различий, так и потому что бараноптицы в основном создавались из кости и рога (из бронзы – гораздо реже и явно в подражание костяным). Возможно, тема бараноптицы так или иначе соотносится с общеиранской мифологемой воплощения славы, удачи и победоносности героев, нашедшей, в частности, отражение в иранской письменной традиции в такой субстанции, как божественная благодать Хварно/Фарн (в ахеменидских и эламских текстах, но особенно в Авесте – см. Замйад-яшт, 9-97, Бахрам-яшт, 2, 19, 23); сходная идейная категория с близким названием, вероятно, имела место и в скифском мировоззрении (см. в частности, Дьяконов, 1956; Литвинский, 1968; Грантовский, 1970; Кузьмина, 1976; Кулланда, 2005).

Непосредственными иконографическими истоками мотива бараноптицы являются предскифские и древнейшие скифские образы хищ-

ных птиц и горных баранов. Они, в свою очередь, имеют стилистических предшественников в переднеазиатском искусстве (Артамонов, 1968; Ильинская, 1965; Виноградов, 1972; Шкурко, 1982; Погребова, Раевский, 1992).

Для скифского мотива обособленной головы хищной птицы в предскифской традиции на Северном Кавказе обнаруживаются и местные прототипы в протомеотской и кобанской культурах (иконографическая преемственность от птицеголовых скипетров и их изображений на стелах и от протомеотских псалиев «сиалковского варианта» с завершениями в виде птичьей головы – к древнейшим в этом регионе изображениям птичьих голов в скифском стиле – на пронизях, на псалиях и т.д.). Мотив бараньей головы также известен уже в протомеотских памятниках Кубани (завершения трехдырчатых псалиев «сиалковского варианта»).

Непосредственное иконографическое формирование образа бараноптицы происходило исключительно в скифской среде, в первую очередь в круге мастеров «келермесской школы». Вероятна формально-стилистическая первичность келермесского образа горного барана, горбоносого по природе (этот признак в зверином стиле дополнительно усилен), по отношению к образу бараноптицы с ее загнутым клювом (Артамонов, 1968).

Столь популярная в скифской архаике, бараноптица неизвестна в репертуаре скифского искусства V – IV вв. до н.э. Такая эфемерность образа, возможно, объясняется его распространением в рамках «саккызско-келермесской школы» (Шкурко, 1982, 2000), центр которой, вероятно, находился на Северном Кавказе. Не случайно наибольшее число высококачественных воплощений образа бараноптицы мы встречаем в северокавказском варианте. Вне круга этой школы реализация данного образа, достаточно сложного в смысловом и формальном отношении приводила к его искажению и прекращению традиции (ср. ряд изображений из лесостепного Поднепровья). Однако идея сопряжения черт копытного и птицы в едином образе продолжала реализовываться в скифском и, шире, в скифо-сибирском зверином стиле в других вариациях.

В противовес образу бараноптицы, образ грифона в раннескифском зверином стиле встречается значительно реже. Если исключить выполненные в смешанной или вовсе в нескифской традиции (восточногреческой и ассиро-урартской – см. Погребова, 1948; Кисель, 2003) изображения этих существ на зеркале, диадеме, мече из Келермеса и на мече из Мельгунова, останутся единичные изображения. Это, во-первых, протомы орлиноголового грифона с изогнутым языком на ритуальных бронзовых навершиях из Келермеса (к. 1/В), Новозаведенного II (к. 8), Майкопского музея и из ст. Говердовской – реплики протом грифона со стержневидным и шишковидным выступом на темени (рудимент переднего завитка гребня или хохолка фантастических существ в ассирийской, хеттской и иных традициях ближневосточного искусства) на рукоятях греческих бронзовых котлов VII в. до н.э. (см. особенно Милет, Олимпия и Самос (Jantzen, 1955; Mertens, 1985; The Alatorian civilisations, II, 1983) и на навершиях (Византий; The Alatorian civilisations, II, 1983). Во-вторых, это полнофигурные отображения на золотых бляшках (курган Перепятиха), либо восходящие к полнофигурным изображениям грифонов в греческом искусстве (в частности, на расписных вазах VII в. до н.э), либо напрямую продолжающие передневосточную традицию монстров, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы – традицию гораздо более древнюю, чем дочерняя ей греческая (см. богатейший образный материал, представленный в глиптике, торевтике и в монументальных рельефах – Сузы, начиная с IV тыс. до н.э., Вавилон, Ассирия, Новохеттское и Нововавилонское царства и др.). Более популярный самобытный «скифский грифон» (Погребова, 1948) – голова ушастой птицы, скорее всего, представляет именно птицу со звериными ушами, а не зверя с птичьей головой (ср. полнофигурные изображения птиц с ушами в скифо-сибирском зверином стиле из Поднепровья (навершие с Лысой горы), в тагарской и пазырыкской культурах). Грифон же как существо с туловищем и ногами хищного зверя, но с головой и крыльями птицы не имеет в предскифском горизонте древностей Евразии никаких истоков и мог появиться в скифском зверином стиле VII – VI вв. до н.э. только под переднеазиатским и греко-ионийским влиянием (Погребова, 1948), а в конечном счете – на базе долговременной переднеазиатской образной традиции. При этом влияния эти продолжались и позднее, что обеспечивало постоянное воспроизведение данного образа в скифском искусстве в V – IV вв. до н.э., но уже в иных вариациях (львиноголовый грифон ахеменидского типа с козлиными рогами, орлиноголовый грифон позднегреческого типа, рогатый лев и крылатый лев).

Таким образом, истоки и судьбы образов бараноптицы и грифона в раннескифском искусстве существенно различны. Это, однако, не исключает пересечений их иконографических линий уже в рамках скифской изобразительной системы (навершие из Ульского кургана №1 (1908 г.), украшенное головой комбинированного существа, сочетающего одновременно черты бараноптицы и грифона с раскрытым клювом и ломаным языком; бараноптицы с выступом на темени, как у грифона «раннегреческого» типа – Келермес, к. 1/В, 2/В, Новозаведенное, к. 7).

Е.А. Кудрявцев (г. Ставрополь)

Трансформация погребальных сооружений населения Центрального Предкавказья в скифское время в контексте взаимодействия и взаимовлияния оседло-земледельческих и кочевых культур (по материалам Татарского городища)

Татарское городище, расположенное на южной окраине г. Ставрополя, является одним из крупнейших (площадь около 200 га) многослойных укрепленных поселений Центрального Предкавказья и всего Северного Кавказа. Городище функционирует в VIII в. до н.э – X в. н.э (в кобанское, скифское, сарматское и хазарское время).

В результате раскопок, начатых в 1996 г. экспедицией Ставропольского государственного университета (руководитель проф. А.А. Кудрявцев), на территории за городскими стенами (в 60–70 м к северо-востоку) были выявлены три крупных могильника, из которых исследованы №№1 и 2. Большинство исследованных погребений представлены грунтовыми кобанскими захоронениями в подпрямоугольных могильных ямах с каменными двухслойными (двухъярусными) закладками, перекрывавшими одиночные (реже парные) погребения со скорченными костяками.

Однако наряду с широко распространенными кобанскими захоронениями в грунтовых могилах, археологические исследования выявили новый тип погребений, не известный ранее как на городище, так и вообще на Кавказе. Этот новый тип памятников представлен довольно значительными курганами со склеповыми захоронениями в центре земляной насыпи, имеющей сплошную обкладку из необработанных камней различных размеров, выложенных в два-три слоя. Конструктивно все курганные склепы, относящиеся к Татарскому городищу, имеют сходное устройство и представляют собой коллективную погребальную камеру прямоугольной или квадратной формы размером 3,5–4,5 м на 2,8–3,3 м, устроенную в центре курганной насыпи и несколько заглубленную в материк. Диаметр насыпи – 17–21 м, высота – 1,2–1,9 м. Стены склепа выложены из крупных каменных плит местного ракушечника размером около 1,5–2,0 х 1,4–1,7 х 0,12–0,24 м, поставленных вертикально. Плиты, как правило, носят следы частичной обработки и имеют в одной из стенок (обычно в западной или южной) округлый лаз, соединяющий камеру с дромосом. Дромос выложен из частично обработанных камней средних размеров и имеет длину около 5–7 м, ширину – 0,6–0,7 м и высоту – 0,5–0,7 м. Наличие дромоса, а также значительное количество погребенных в каждом склепе (от 7 до 49 костяков) позволяет предположить их функционирование на протяжении довольно длительного периода. Земляной пол склепов не имеет следов каменной выкладки и устраивается на выровненной материковой поверхности. Значительные размеры склепов и отсутствие внутри камеры каменных плит перекрытия позволяет предположить, что перекрывались погребальные камеры деревянным настилом и насыпью кургана с каменной обкладкой.

Курганные склеповые захоронения Татарского городища, хотя почти все они ограблены, отличаются большим разнообразием погребального инвентаря, включавшим прекрасную чернолаковую греческую керамику, парадную столовую посуду с краснофигурной росписью, изготовленную в конце V – начале IV вв. до н.э. в Аттике, родосские и колхидские амфоры с клеймами мастеров, многочисленные предметы конского убранства, в том числе и фигурные налобные и нагрудные орнаментированные бронзовые пластины с привесками в виде бляшек – лунниц. Судя по всему, подобные украшения имели ритуальный характер и использовались для особо торжественных выездов, а не в качестве предмета конского защитного вооружения, что подтверждают и многочисленные ритуальные отверстия – пробоины от копий и стрел. Погребальный инвентарь склепов включает и многие другие высококачественные украшения и предметы вооружения из серебра, золота, бронзы, железа, кости, стекла, поделочных и полудрагоценных камней и минералов, обработанных раковин-каури. Среди находок следует отметить многочисленные бронзовые пластины панциря с отверстиями (по три в каждой) для крепления, характерные для защитного вооружения скифского воина V – IV вв. до н.э. Встречаются золотые бляшки с изображениями в «зверином стиле», типичными для скифского искусства (изображение лося), а также золотые подвески, характерные для северокавказских украшений. Основная часть погребального инвентаря курганных склеповых захоронений датируется в пределах конца V – начала III вв. до н.э.

Многие элементы похоронного обряда, конструкции сооружения и погребального инвентаря характерны для племен скифского круга, однако есть ряд существенных отличий, не встречающихся в скифской культуре и позволяющих выделить курганные склеповые захоронения Татарского городища в особый тип погребений. В отличие от скифских захоронений, склепы выступают кол-

лективными усыпальницами, функционировавшими на протяжении длительного периода, что документируется как погребальным инвентарем (в пределах столетия), так и количеством погребенных (до 50 человек). Можно допустить, что склепы использовались несколькими поколениями в качестве родовой усыпальницы. Здесь, несомненно, прослеживается влияние местных кавказских традиций.

Захоронения в каменных склепах и ящиках являются типичным северокавказским обрядом и часто встречаются на этой территории уже с эпохи бронзы. Курганные же захоронения, хотя и имели широкое распространение с эпохи бронзы, но в основном связаны с культурами кочевых обитателей евразийских степей. Симбиоз и трансформация степных и северокавказских культурных традиций в погребальных комплексах Татарского городища является следствием взаимодействия и взаимовлияния оседлоземледельческих и кочевых племен этой контактной зоны.

Курганные склеповые захоронения Татарского городища несут в себе конструктивные элементы как кочевых, так и земледельческих культур Северного Кавказа и Предкавказья, что объяснимо в свете исторического развития данных территорий.

Расположение могильников непосредственно за городскими укреплениями свидетельствует, что все погребенные проживали на территории городища, что предполагает переход кочевников-скифов в V – IV вв. до н.э. к оседлому образу жизни. Однако сопоставление богатого погребального инвентаря курганных склепов с довольно бедными комплексами из грунтовых могил свидетельствует об особом социальном статусе захороненных в склепах. Вероятно, это были представители военной родоплеменной верхушки кочевников, осевших на земле, но сохранивших свое привилегированное положение в обществе подчиненных им земледельцев. На это указывает расположение грунтовых могил кобанского населения, сконцентрированных вокруг кургана или поблизости. В то же время в погребальном инвентаре наряду с конской упряжью, мечами, бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел и защитными доспехами, характерными для скифских воинов, соседствуют керамическая посуда, украшения, бронзовые браслеты, подвески и пронизи, бронзовые фигурки птиц, стеклянные и каменные бусы, типичные для кобанских погребений. Точно так же в инвентаре кобанских могил встречаются скифские ножи, зеркала и предметы конской упряжи.

Анализ материалов могильников Татарского городища, как и других памятников Предкавказья, свидетельствует об активной трансформации культурных традиций местного кобанского населения и скифов. Конская сбруя, оружие, украшения, глиняная посуда степняков и северокавказцев становятся малоотличимы и широко распространяются в захоронениях, что указывает на активное взаимодействие и симбиоз скифской и позднекобанской культур. Многие элементы погребального обряда, конструкции погребальных сооружений и инвентарь проникают в традиционный ритуал, способствуя формированию на этих территориях новых культурных традиций, а, возможно, и новых этноплеменных объединений. Археологические исследования на Татарском городище позволили зафиксировать сложный процесс постепенного оседания кочевников-скифов «на земле», приведшего к значительному изменению их образа жизни, хозяйства и быта, трансформации погребального обряда и других элементов материальной и духовной культуры.

С.В. Кузьминых (г. Москва), А.А. Чижевский (г. Казань)

Младший Волосовский могильник: к истории проблемы

В мае–июне 1910 г. В.А. Городцов со своими учениками – студентами 3 курса Московского археологического института В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдингом по приглашению графини П.С. Уваровой приехал в с. Подболотье в окрестностях Мурома. Итогом этой поездки стало обследование ряда археологических памятников – и в их числе Младшего Волосовского могильника (Городцов, 1914).

Могильник расположен на высоком правом берегу р. Велетьмы недалеко от места впадения ее в Оку. В пяти траншеях, заложенных на холме «В», вскрыто 10 погребений (рис. 1), причем только в трех из них (№№ 3, 9, 13) обнаружены металлические вещи, в том числе железные – однолезвийный нож и стержень. Именно они дали основание отнести Младший Волосовский могильник «уже к железной эпохе» (Городцов, 1916).

Наиболее близким по инвентарю к Мл. Волосовскому В.А. Городцов считал Ананьинский некрополь, а наличие в погребениях «сетчатой» керамики позволило соотнести его носителей с финским этносом (Городцов, 1914). Проблема

культурной принадлежности этого памятника обсуждается уже около ста лет. В работах А.М. Тальгрена, Б. Нермана, А.Я. Брюсова, А.П. Смирнова, Т.Б. Поповой и других исследователей инвентарь Мл. Волосова сопоставлялся с материалами культур эпохи поздней бронзы (скандинавских, поздняковской, «текстильной» керамики и др.). В начале 1960-х гг. А.Х. Халиков (1962) наметил культурную близость Мл. Волосовского могильника со средневолжскими ананьинскими, прежде всего Акозинским и Ст. Ахмыловским. В дальнейшем обсуждалось несколько версий толкования культурной принадлежности этих памятников: 1) ананьинские; 2) городецкие; 3) городецко-ананьинские; 4) локальные группы Волга 1 и Волга 2 в пределах ананьинской общности; 5) западноволжский вариант ананьинской общности; 6) дьяковские или восточнодьяковские; 7) дьяковско-ананьинские; 8) культура "текстильной" керамики на раннем этапе и ананьинская на позднем (см. обзор: Кузьминых, 1983).

В 1980–90-е гг. В.С. Патрушев (1984; 1987), развивая идею В.А. Могильникова (1967) и Г.А. Архипова (1973) о том, что могильники этого типа относятся к культуре смешанного ананьинско-«текстильного» населения, объединил их в рамках особой ахмыловской культуры прамарийского населения. В те же годы один из авторов доклада предложил иное толкование этой археологической ситуации: в начале эпохи раннего железа в регионе от Оки до Камы шел активный процесс культурогенеза, в котором участвовало население двух культурно-исторических областей – «текстильной» керамики с запада и ананьинской с востока (Кузьминых, 1977; 1983). Это определило специфику региона, чересполосное проживание населения данных культур, их контакты и взаимодействие. Но данный процесс не привел к взаимоассимиляции данных групп населения. Эту гипотезу поддержали В.Н. Марков (1994; 1997), Б.С. Соловьев (2000), А.А. Чижевский (2002). В то же время выделение особой ахмыловской культуры не получило поддержки у специалистов.

Этот краткий экскурс показывает не только глубину интереса к вопросу о культурной принадлежности Мл. Волосовского могильника, но и его сложность. Последнее обусловлено прежде всего тем, что могильник расположен в ареале дьяковской и городецкой культур, но непосредственно с древностями данных культур не связан. Несмотря на присутствие в коллекции Мл. Волосова кельтов ананьинского типа, сам памятник не принято было отождествлять с ананьинской культурой, западная граница которой не простирается далее Суры и Ветлуги.

Авторы считают, что при изучении данной проблемы помимо вещевого материала настало время обратиться к погребальному обряду Мл. Волосовского могильника. Как известно, погребальный обряд является одной из самых консервативных черт археологической культуры и поэтому может служить надежным индикатором при ее выделении (Артамонов, 1949).

Для этого необходимо определить, прежде всего, характеристики погребального обряда культур ананьинской культурно-исторической области (АКИО). Они были описаны одним из авторов (Чижевский, 2002) по методике В.С. Ольховского (1991). В основу исследования положена программа расчетов, алгоритм которой предложен В.А. Ивановым (1999). Для определения представительных признаков каждой культуры АКИО произведен отбор их по степени соответствия нижнего уровня процентного показателя конкретного признака и минимального объема выборки с вероятностью 0,95 (Рычков, 1982). При использовании этих данных была определена суммарная характеристика погребального обряда культур АКИО, представительных для существующих выборок (Чижевский, 2002).

Выделенные представительные признаки характеризуют стереотипные, нормированные действия, осуществляемые в соответствии с идеологическими нормами, присущими для погребального обряда культур АКИО. Все случайные отклонения от погребального обряда были отсеяны в результате произведенной селекции и выделения представительных признаков.

Для Мл. Волосовского могильника характерны ямы I типа, ингумация погребенных, полные и частичные погребения. Все захоронения одиночные. Умершие располагались на спине с вытянутыми или уложенными на тазовые кости конечностями. К сожалению, ориентировка относительно реки и расположение могил внутри погребального поля в отчете В.А. Городцова не отражены. Сопровождающий инвентарь характеризовался находками железных стержня и ножа, бронзовых умбонов щитов (2), каменных булав (1), акозинско-меларских кельтов (2), керамики с «текстильными» отпечатками (5), остатками огнив (2), головными уборами в виде налобных венчиков (2), остатками углей от кострищ (2). Выборка, полученная в результате раскопок В.А. Городцова, не является представительной и, тем не менее, результаты сравнения данных погребальной обрядности этого могильника и выделенными ранее не случайными признаками культур АКИО позволяют сделать некоторые вполне обоснованные выводы о степени сходства Мл. Волосовского могильника и культур АКИО (Федоров-Давыдов, 1987).

Значение показателя $C_3=a^2:(L_1\times L_2)$ отражено в табл. 1.

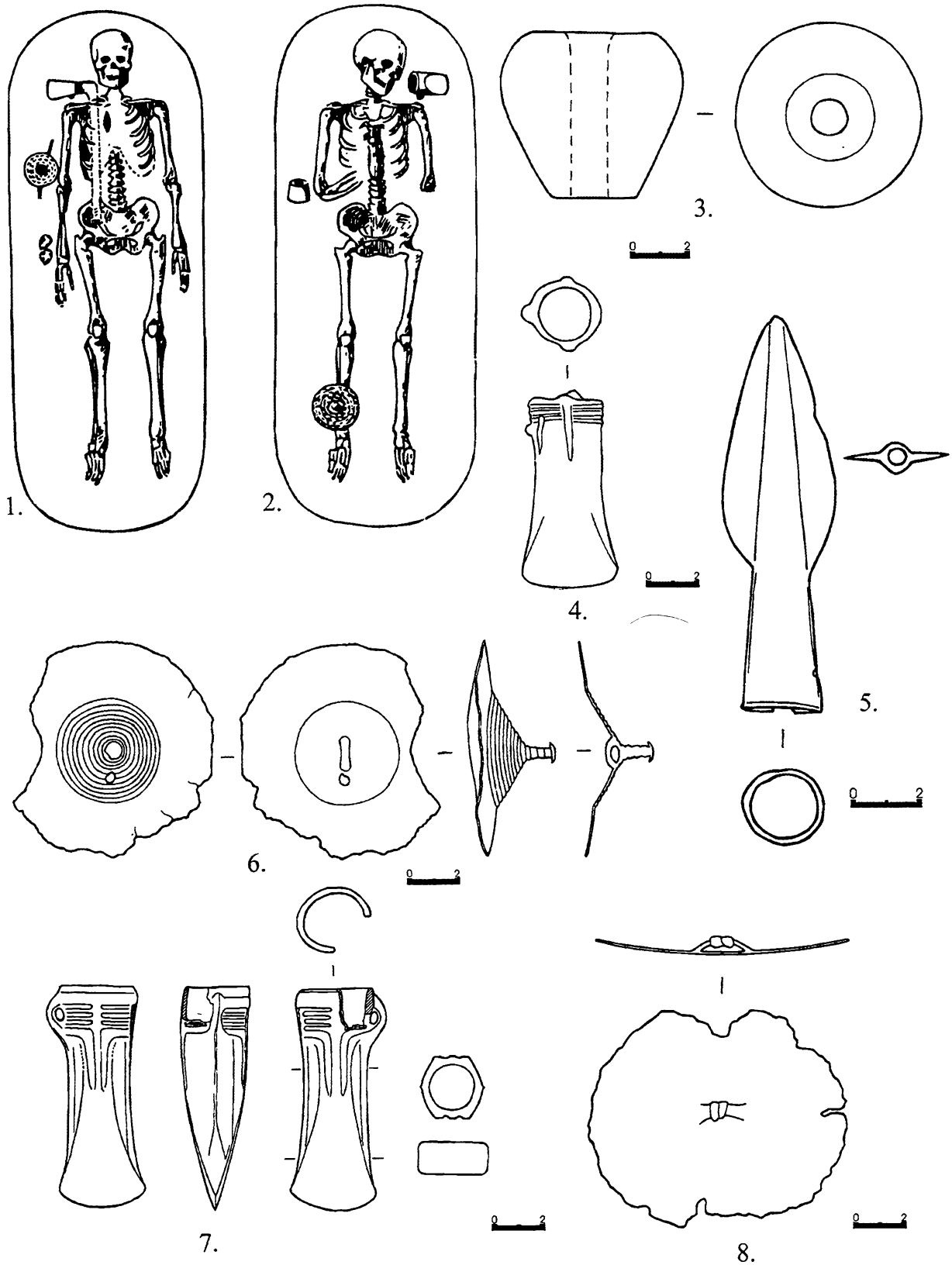


Рис. 1. Младший Волосовский могильник.
2, 3, 6, 7 – погребение №3; *1, 4, 8* – погребение №9;
3 – камень, *4–8* – бронза, *5* – подъемный материал

Таблица 1.

Величина коэффициента сходства вида сравниваемых культур АКИО и Мл. Волосовского м-ка

	Мл. Вол. м-к	Постмакл.	Акозинская	АКШК	АКГШК
Мл. Волосовский	_____	0,0136	0,0208	0,0160	0,0179

Примечание: Постмакл. – постмаклашеевская к-ра, АКШК – ананьинская к-ра шнуровой керамики, АКГШК – ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики

Если исходить из этих данных, то наибольшее сходство прослеживается между некрополями акозинской (средневолжской «текстильной») культуры и Мл. Волосовским могильником. Почти все выделенные на некрополе признаки погребального обряда отмечены в погребальном обряде данной культуры.

Всего на территории Среднего Поволжья и Нижней Оки зафиксировано пять исследованных раскопками могильников акозинской культуры: Мл. Волосовский (Городцов, 1914), Акозинский (Халиков, 1962; Патрушев, 1982), Ст. Ахмыловский (Патрушев, Халиков, 1982), Козьмодемьянский (Большов, 1988) и Убеевский (Каховский Б.В., 1982; Каховский В.Ф., 1983). Кроме того, кельты акозинско-меларского типа встречены на размытой части Ново-Мордовского I и Семеновского VI могильников, а также на территории предполагаемых могильников Альминского, Танеевского, Ташкирменьского и др. (Халиков, 1977; Кузьминых, 1983; 1993; Kuzminych, 1996).

«Текстильные» древности не имеют истоков в Среднем Поволжье. Они формировались в бронзовом веке в более западных и северо-западных районах – в центре Русской равнины, в Волго-Окском междуречье и в Восточной Балтике. Средневолжские древности этого типа отражают один из этапов колонизации данного региона «текстильным» населением, начавшимся в XV/XIV–XIII/XII вв. до н.э. В наиболее чистом виде «текстильные» памятники эпохи поздней бронзы выявлены в Марийском Поволжье (Большов, Кузьминых, Соловьев, 1995; Соловьев, 1995). «Текстильные» древности раннего железного века в Среднем Поволжье демонстрируют один из этапов культурогенетического процесса, когда, с одной стороны, наблюдается дальнейшее и, прежде всего, внутреннее развитие «текстильных» групп населения, а с другой – их взаимодействие с населением двух ананьинских культур (постмаклашеевской и гребенчато-шнуровой керамики, в ее ветлужском варианте). Свидетельством взаимодействия постмаклашеевской и «текстильной» культур является сочетание в Мл. Волосове кельтов ананьинского (с овальной втулкой) и акозинско-меларского типов. Выявляется определенная этнокультурная близость этого памятника со средневолжскими древностями акозинской культуры. Мл. Волосовский могильник связан, по всей вероятности, с «текстильными», еще додьяковскими популяциями Окского бассейна на этапе их активного взаимодействия с населением раннеананьинского мира.

В.И. Мамонтов (г. Волгоград)

Сарматские погребения в курганах на правобережье р. Донская Царица

На картах прошлого века на левобережье р. Дон, особенно в Волгоградской части, до заполнения Цимлянского водохранилища, можно было видеть множество степных речек, истоки которых находятся далеко на востоке Волго-Донского междуречья. Дон и его притоки имели хорошо разработанные за тысячелетия поймы с обильным травостоем, охотничьими угодьями, многочисленными ериками, местами, удобными для зимников.

Именно эти природные условия были так притягательны для кочевого населения раннего железного века – сарматов (также как ранее для племен эпохи бронзы). После активного вторжение в придонские районы и выдавливания или ассимиляции савроматов все угодья и примыкающие к ним степные пространства надолго (IV в. до н.э.–IV в. н.э.) стали местом пребывания этих воинственных скотоводов-кочевников. Со временем на высоких надпойменных террасах, на водоразделах возникают сарматские могильники, «привязанные» к зимникам, находившимся в поймах ближайших рек.

Курганные могильники, небольшие группы курганов, одиночные насыпи взяты на учет на всем протяжении Донской Царицы, одной из крупных рек на левобережье Дона. Часть памятников исследована. Это дало возможность

проследить хронологические этапы освоения сарматами этого микрорайона, определить торгово-обменные связи региона с ремесленными центрами Причерноморья, Кавказа и Востока, локализовать отдельные племена, упомянутые древними авторами на современной карте Нижней Волги и Дона, реконструировать вооружение сарматских воинов, выявить стандартные «вкусы» элитной части сарматского населения в оформлении некоторых погребальных действий.

Тихоновка I. Одиночный курган. В двух раннесарматских захоронениях встречены глиняные сосуды; бусы из стекла, гешира, бронзы, сердолика, коралла; глиняные пряслица, курильницы; бронзовые браслет, фрагменты зеркал; железные ножи и шильце, реальгар; костяная ложечка, кусочек смолы, кости барана. Одну из женщин положили головой на «подушку» из прямоугольного комка сырой глины.

Тихоновка II. В парном раннесарматском погребении находились клык кабана, бронзовая пряжка, железные меч и кинжал, черешковые наконечники стрел, кости барана.

Два позднесарматских разрушенных захоронения интересны сложной конструкцией погребальной камеры. Впускные прямоугольные ямы, вырытые параллельно друг другу, на большой глубине соединены между собой овальной нишей. Собраны железные черешковые наконечники стрел, костяная пуговица, фрагменты железных портупейных колец, бронзовые пряжки и кольца.

Ляпичев I. Все раннесарматские погребения в крупном кургане впускные. Инвентарь скромен: глиняные лепные сосуды, курильницы, пряслице; железные ножи, черешковые трехлопастные наконечники стрел, пряжка; бронзовые подвески, оселóк; костяное острие, кости барана, лошади. Следует отметить, что сарматские погребения были впущены в насыпь кургана так, что образовывали окружность вокруг условного центра. Этот обряд захоронения близких родственников или членов одного клана не раз отмечен в степных курганах Поволжья в погребениях ранних сарматов.

Вербовский II. Курганы относятся к различным хронологическим периодам сарматской культуры. В раннесарматском погребении найдены миска; фрагменты железного меча, ножей; бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовое кольцо и пряжка от портупеи, костяная ворворка.

Материал из среднесарматских захоронений достаточно обширен. Среди погребений этого времени своим статусным набором вещей выделяются два захоронения. В погребении из кургана 4 встречены: фрагментированный римский бронзовый тазик, железные меч с кольцевидным навершием, массивный кистень, кольца от подпружных ремней, ножи, оселки, бронзовая чаша, серебряный кубок, бронзовая пряжка, опаловая подвеска с золотыми обоймами, янтарные и стеклянные бусы, сера, кремни, кости барана.

Большую ценность в плане изучения сарматской торевтики представляет серебряный кубок с изображением сцен охоты сарматов на вепрей. Этот ряд рисунков на верхней части тулова отделяется от нижнего ряда изображений узкой полосой растительного орнамента. На корпусе сосуда у дна изображены олени (души сарматов, по мнению исследователей), на которых с двух сторон нападают грифоны и пантера. На крышке кубка прочерчены фигуры плывущих гиппокампов и водных ланей, с последующим золочением. Ручки кубка – в виде двух поджарых волков отлиты из серебра и прикреплены к корпусу с помощью серебряных штифтов (рис. 1). Близким по сюжету и исполнению является серебряный кубок из сарматского погребения у с. Косика Астраханской области.

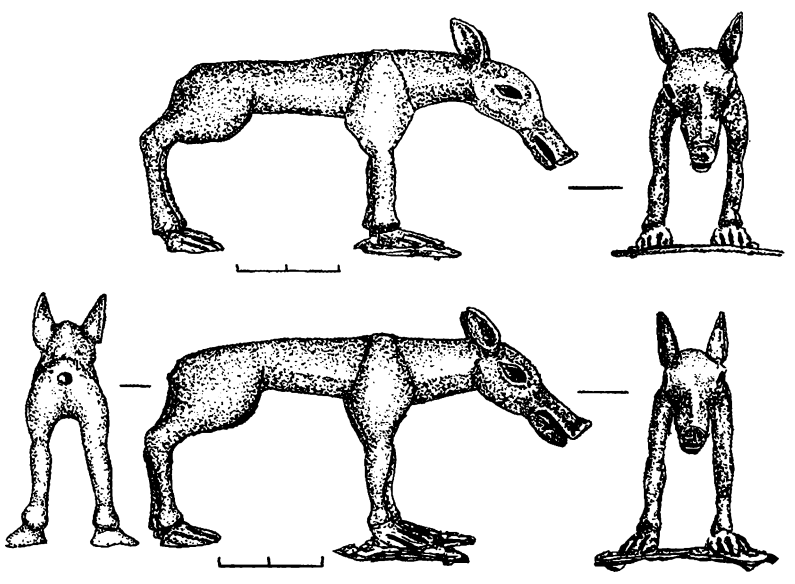


Рис. 1. Вербовский II. Курган 4, погребение 1. Ручки от кубка в виде волков (серебро).

В среднесарматском женском захоронении из кургана 9 находились: красноглинянаая миска, импортные сосуды (мастерские Танаиса), бокал, алебастровые и красноглиняные флаконы, глиняное пряслице, бусы, железный нож с кольцевым навершием, кости барана. Кроме того, рядом с жен-

щиной положили бронзовую патеру с массивной ручкой, которая заканчивалась прекрасно отлитой головкой барана. На дне патеры имеется округлый медальон с сельским сюжетом: нагая девушка выщипывает шерсть у огромного волосатого козла (рис. 2).

Полагаем, что оба погребения со статусными импортными вещами могут быть датированы I – II вв. н.э.

Позднесарматские погребения этого могильника разрушены. Но в ямах погребений встречены сероглиняные кувшины круговой работы, где на дне имеются рельефные изображения спирали и концентрических кругов, разделенных прямыми линиями.

Вербовский III. Раннесарматские захоронения были впущены в курган ямной культуры. Одно погребение коллективное, где лежали две женщины, в ногах которых покоились дети, головами в противоположную сторону. Рядом с ними находились кости барана, реальгар, бусы, бронзовая подвеска, железный нож. В другом женском погребении – бусы, реальгар, фрагмент костяного гребня, фрагмент бронзового зеркала, округлая пластинчатая бронзовая пряжка, глиняное пряслице.

Здесь оригинальны нашивные плоские округлые стеклянные бляшки. По краям – отверстия для пришивания к одежде. Тонкая золотая фольга, проложенная под слоем тонкого стекла, просвечивая, создает полную имитацию изделия из золота.

Среднесарматское погребение из кургана 2 разрушено. Но в погребальной камере сохранились фрагменты импортного чернолощеного сосуда, жаберный щиток осетра со следами розового порошка, алебастровая курильница, золотая пронизка; бусы и бисер из стекла, пасты, горного хрусталя, коралла; нашивные мелкие полусферические бляшки, массивное бронзовое зеркало, две крупные серьги-подвески с вставками из зеленого стекла. Аналогии подобным серьгам встречены на р. Иловле.

Вербовский I. Курганы могильника находятся на стадии исследования. Почти все они разрушены. В среднесарматских погребениях встречены фрагменты импортной керамики, железные трехлопастные наконечники стрел, бусы, алебастровые сосудики, фрагменты железного меча, золотые нашивные бляшки и пронизки.

В ямах позднесарматских погребений найдены фрагменты импортной круговой черноглиняной керамики, каменное блюдо, бронзовые фибулы, алебастровое пряслице, оселок; фрагменты меча, кинжала с бронзовым навершием; бронзовое зеркальце, пряжка, бронзовые и серебряные пряжки от портупеи, бусина из нефрита, кости жертвенных животных. Интересен набор железных предметов. Это – пешни, топор, массивный оконечник «лома», внутри которого, для жесткости, был залит крупный прямоугольный брусок из бронзы.

При разливе вод Цимлянского водохранилища возвышенные места правого берега Донской Царицы превратились в острова в устье реки. На некоторых из них еще сохранились участки культурного слоя, связанные с эпохой неолита и бронзы. Так, на острове Шелыган (Донская стоянка), расположенного в 1,2 км на запад от устья Донской Царицы, находится курганный могильник, где в трех курганах находились разрушенные погребения позднесарматской культуры. Найдены бронзовое зеркало с петелькой, фрагменты сероглиняной миски, серебряная с позолотой и гнездами для вставок прямоугольная ременная пластинка.

Впервые (1976 г.) в Волго-Донском междуречье обнаружены несколько раннесарматских захоронений в грунтовом могильнике, среди погребений эпохи бронзы и средневековья. Могильный инвентарь скромен. Это – железный наконечник копья, лепной глиняный сосуд, стеклянные бусы, кости жертвенных животных.

Материалы сарматских погребений как из курганов на Донской Царице, так и из могильников на других степных речках, впадающих в Дон,

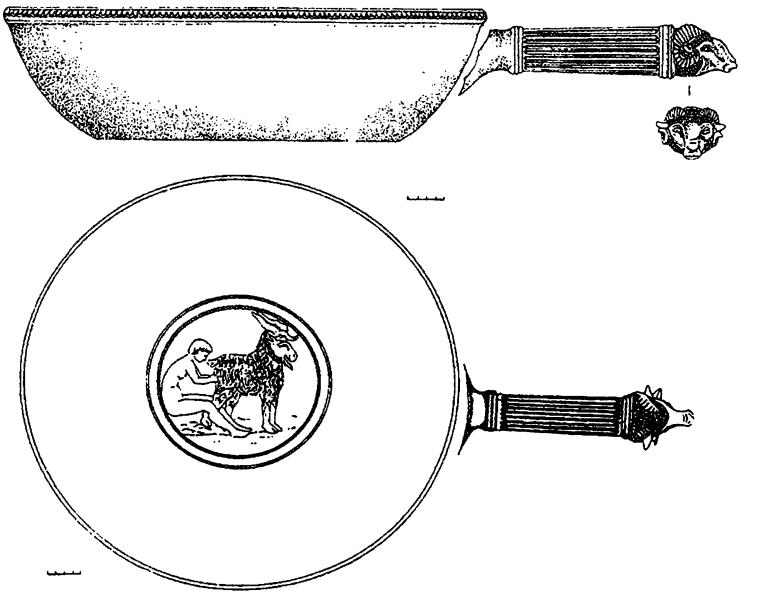


Рис. 2. Вербовский II. Курган 9, погребение 1. Бронзовая патера.

показывают, что погребальный обряд и могильный инвентарь в раннесарматских захоронениях аналогичны материалам раннесарматских погребений левобережья Волги; по всей видимости, бассейн каждой степной речки этого региона являлся той точкой, к которой были «привязаны» определенные большие группы сарматских кочевников, местом, откуда начинались весенние передвижения стад в сторону летника, куда возвращались сарматы на зимник (именно к нему тяготеют сарматские курганы). Среднесарматский период в донских районах был временем не только появления там нового населения (аланов), но и установления им обширных связей с торгово-ремесленными центрами Причерноморья, Кубани, Кавказа, с Востоком. Благодаря этому многие статусные предметы (посуда, оружие, украшения) оказались в степях Волго-Донского междуречья. Находки из погребений, сопровождаемых богатыми импортными изделиями и сложными погребальными действиями, несомненного говорят о принадлежности захоронений узкому кругу сарматской знати – вождям, старейшинам, военачальникам, жрецам. Можно предположить, что местные угодья, места кочевий были четко распределены между вождями племен. И реки являлись в этом случае естественными границами. Здесь где-то были «ставка» вождя, обменные пункты с торговцами, места встреч с вождями других племен для решения сложных межплеменных вопросов. Вещественные материалы из позднесарматских захоронений на Донской Царице подтверждают появление во II–III вв. н.э. новой волны кочевого населения.

А.П. Медведев (г. Воронеж)

Сарматы и лесостепные городища на Верхнем Дону*

Одной из ключевых тем истории степной и лесостепной Евразии является проблема взаимодействия кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих народов. Различия в их хозяйственных и бытовых укладах начали ощущаться по крайней мере с эпохи бронзы, но особенно ярко проявились с наступлением железного века. С этого времени стал реальностью весьма своеобразный «способ производства», получивший название *экзополитарного* или *ксенократического* (Крадин, 2000). Наглядным археологическим свидетельством существования в раннем железном веке отношений господства и подчинения служат большие курганные могильники номадов (или «бывших» номадов) в лесостепи типа посульских или среднедонских скифского времени, возникавшие по соседству с городищами, где проживало автохтонное оседлое земледельческо-скотоводческое население (Медведев, 2004). Исследованию взаимоотношений сарматов с оседлым населением Донской лесостепи в сарматское время повящено настоящее сообщение. В основу его положен сопоставительный анализ материалов сарматских могильников с синхронными им городищами на Верхнем Дону.

Судя по имеющимся на сегодняшний день материалам, разгром в самом начале III в. до н.э. среднедонских городищ не сопровождался заселением опустевших лесостепных пространств кочевниками-сарматами. Отдельные их группы начали проникать на Средний Дон не ранее II–I вв. до н.э. Но уже в начале I в. н.э. в глубинных лесостепных районах появились большие курганные могильники, свидетельствующие о прочном освоении степняками новых территорий. Их материальная культура и погребальный обряд имели выраженный среднесарматский «кочевнический» облик. В то же время, комплексный анализ позволил выявить некоторые трансформации, которые претерпел степной сарматский этнос и его культура в лесостепи в результате адаптации к новым природным ландшафтам. В хозяйственно-культурном типе скотоводов, оставивших могильники на р. Воронеж, прослеживаются признаки специализированного коневодческого животноводства. Скорее всего, именно лесостепные сарматы I – начала II вв. н.э. по месту, времени и специфике их хозяйственно-культурного типа могли быть известны Клавдию Птолемею (V. 3. 16) под названием «сарматы-гиппофаги» (*«конееды»*).

Рядом с курганными сарматскими могильниками на р. Воронеж и Верхнем Дону недавно были открыты синхронные им городища. Сравнительное исследование материалов из курганов и ближайших к ним городищ позволяет изучить степень взаимовлияния культур пришлого кочевого и местного лесостепного населения, а их топографический анализ – исследовать вопрос о характере взаимоотношений сарматов-гиппофагов и оседлого населения. Картографирование поселений сарматского времени свидетельству-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 05-01-56103а/ц.

ет о том, что на Среднем Дону, плотно заселенном в предшествующее скифское время, к началу нашей эры практически не оказалось следов оседлости. Зато на Верхнем Дону, начиная от низовий р. Воронеж, в последние годы выявлена многочисленная серия не только поселений, но и хорошо укрепленных городищ I – III вв. н.э. (III Чертовицкое – 6 га, Животинное – 3 га, Подгоренское – 10 га, Гудовское – 6,5 га, Каверинское – 17 га). Они выделяются размерами и мощностью укреплений даже в сравнении с городищами скифского времени. Исследование системы укреплений III Чертовицкого городища показало, что здесь, как, впрочем, и на некоторых других синхронных памятниках, около рубежа н.э. были проведены огромные по объему земляные и строительные работы. Их нельзя объяснить иначе как *сарматским синдромом* – резко возросшей к началу н.э. угрозой вторжения кочевников. Но даже эти укрепления не смогли надолго защитить обитателей городища от опасности с юга. В валах III Чертовицкого городища неоднократно фиксировались остатки сгоревших деревянных конструкций, а в 1992 г. при раскопках северного укрепления в слое пожара обнаружен скелет человека с искусственно деформированным черепом – скорее всего, одного из нападавших. Сарматские черешковые трехлопастные наконечники стрел обнаружены в валах и культурном слое ряда верхнедонских городищ – Вертячьем, Сырском, Рябинках, Каверинском, поселении Староживотинное 3.

Не позже середины I в. н.э. рядом с III Чертовицким городищем появляется сарматский I Чертовицкий могильник (54 насыпи). Хорошо известно, что скопление курганов кочевников обычно указывает на то, что где-то поблизости располагался их зимник (Плетнева, 1982). Недавно на площади этого городища, расположенного всего в полукилометре к северу от I Чертовицкого могильника, обнаружены свидетельства пребывания сарматов (остатки жилищ округлой формы, находки в слое характерной сарматской керамики, в том числе украшенной сарматскими тамгами и т.п.). Хронологический анализ погребений этого могильника показал, что сарматы пребывали здесь как минимум 60–80 лет, то есть в течение жизни нескольких поколений. От постоянных обитателей городища к номадам попадали некоторые типы местной керамики (округлобокие лощеные миски и небольшие горшки, орнаментированные по венчику косыми насечками). Любопытно, что практически все захоронения чертовицких могильников с местной керамикой принадлежали женщинам. Но они совершались по сарматскому ритуалу и сопровождались характерным для сарматок инвентарем. Скорее всего, погребения с лепной посудой местного производства оставлены представительницам коренного населения, включенным в сарматские семейно-родовые группы в результате брачных контактов. Это предположение находит подтверждение и в антропологии – по заключению Т.В. Томашевич в чертовицких курганах наряду с типично сарматскими выявлено несколько черепов так называемого среднеднепровского типа, характерного для скифоидного лесостепного населения.

Сравнительный анализ материалов верхнедонских городищ и ближайших к ним сарматских могильников свидетельствует, что даже там, где, казалось бы, обнаружены явные следы пребывания сарматов на городищах, они выступают в сильно «сращенном» виде с материальной культурой автохтонного населения. Да иного, видимо, и не могло быть, так как в случае оседания на землю кочевники утрачивали свои важнейшие этнографические черты и рано или поздно переставали быть сарматами. Поэтому материальная культура их потомков, смешавшихся с оседлым населением лесостепи, должна существенно отличаться от «курганной» культуры сарматов, для которых традиционное кочевое скотоводство продолжало оставаться основным занятием.

Открытые в последние годы следы пребывания сарматов на лесостепных городищах, с одной стороны, и наличие местной лепной керамики в сарматских погребениях чертовицких могильников, с другой, свидетельствуют о начавшихся процессах миксации сарматов и коренных обитателей Донской лесостепи в первые века нашей эры. В начале н.э. на р. Воронеж в какой-то степени повторилась этно-политическая ситуация, существовавшая на Среднем Дону в скифское время. Только теперь роль хозяев Донской лесостепи играли выходцы из степи – сарматы, а затем и их потомки от смешанных браков с местными женщинами. Эти процессы получили дальнейшее развитие в позднесарматское время, о чем свидетельствуют материалы верхнедонских могильников. Но это тема другого исследования.

В.В. Овсянников (г. Уфа)

Динамика взаимодействия оседлого и кочевого населения Приуралья в скифо-сарматскую эпоху*

На пространстве между р. Волгой и Уральскими горами, в силу географических особенностей, близкие контакты кочевого и оседлого населения могли происходить лишь в узкой полосе, примыкающей к левобережью реки Белой в ее среднем и нижнем течении и реки Камы в ее нижнем течении.

Савроматский период (VII–IV вв. до н.э.). Для рассматриваемого района этого периода характерны одиночные курганы или впускные захоронения в насыпи эпохи бронзы. Всего известно 8 памятников. Кочевое население только начинает осваивать данный район, его появление здесь эпизодично.

На правобережье р. Белой в данный период появляется новое оседлое население, связанное своим происхождением с ананьинской культурой Прикамья. На базе этого населения впоследствии формируется кара-абызская культура. Поскольку с обеих сторон население было достаточно редким, то о каких-либо значительных контактах говорить не приходится.

Раннесарматский период (IV–II вв. до н.э.). Количество памятников номадов резко возрастает. На сегодняшний день известно 18 курганных могильников и одиночных курганов. В отличие от предыдущего периода половина памятников представлена курганными могильниками (2–4 насыпи). В расположении раннесарматских памятников можно выделить ряд микрорайонов, где сосредоточено несколько могильников.

Эти группировки кочевнических погребений говорят о начале процесса упорядочивания маршрутов перекочевок. Возможно, районы скопления захоронений были местами постоянных летовок различных родовых объединений.

К концу раннесарматского периода ситуация резко меняется. Прохоровские некрополи выдвигаются далеко на север и занимают левобережье р. Белой в непосредственной близости от современного г. Уфы. Меняется и характер памятников. Теперь это – крупные некрополи, насчитывающие по 20–30 насыпей, под которыми находят 10 и более захоронений. Эти памятники имеют все признаки постоянных родовых кладбищ.

В среду оседлого населения на правобережье Белой проникает новое население зауральского происхождения, оставившее курганные могильники. Пришельцы расселяются в среде постаняньинского населения, в результате чего к рубежу IV–III вв. до н.э. в Центральной Башкирии складывается кара-абызская культура. К этому моменту территория расселения оседлого населения Прибелья несколько сокращается на юге. Возможно, близкое и постоянное присутствие номадов вынудило оседлое население покинуть эту территорию.

С другой стороны, территория севернее р. Сим – правого притока р. Белой – интенсивно осваивается кара-абызским населением. По сравнению с периодом V–IV вв. до н.э. значительно увеличиваются количество и размеры постоянных укрепленных поселений. Последнее можно связать как с внутренними причинами (появление зауральских мигрантов), так и с внешними (близость номадов).

В раннепрохоровский период существует довольно значительная «мертвая» зона (более 100 км) между памятниками кочевников и оседлых племен. В кара-абызских памятниках известны находки образцов оружия и украшения раннепрохоровского типа. Последнее говорит о непременном существовании каких-либо контактов, скорее всего, на основе обмена.

В позднепрохоровский период, когда стойбища номадов выдвигаются непосредственно к территории расселения кара-абызского населения, происходит интенсификация контактов. На материалах памятников обеих сторон фиксируется усиление военной напряженности. С другой стороны прослеживаются следы торговых отношений. Таким образом, в позднепрохоровский период уровень контактов оседлого и кочевого населения резко возрастает, что связано с вынужденным переселением какой-то части кочевников в среднее Прибелье. Однако несмотря на территориальную близость, обе группы населения сохранили свою культурную доминанту, и процесса ассимиляции не произошло.

Среднесарматский период (II в. до н.э.–I в. н.э.). В это время присутствие номадов в Прибелье несколько сокращается и они отодвигаются от территории, занятой оседлым населением. Известно 10 памятников. Среди них как довольно крупные могильники (6–12 насыпей), так и одиночные курганы и захоронения.

В центральном Прибелье продолжают функционировать большинство кара-абызских по-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 050697911).

селений и могильников. Именно в этот период совершается основная часть захоронений на Охлебининском и Шиповском могильниках. Выделяется новая группа населения, которая выдвигается южнее основного кара-абызского ареала и расселяется в бассейне р. Зилим. Эти памятники выделяются в убаларский тип.

Уровень контактов между номадами и оседлым населением по сравнению с позднепрохоровским периодом резко падает. Импортные изделия в кара-абызских погребениях этого периода чрезвычайно редки. Сокращение импорта вызвало в кара-абызской среде потребность выработки собственных типов ременной гарнитуры, женских украшений и оружия.

В северную часть Прибелья в этот период проникает население, оставившее пьяноборскую культуру. Район, занятый пьяноборским населением, удален от всех территорий, населенных номадами, и прямой контакт здесь исключен. Однако состав импорта, встреченный в пьяноборских могильниках, заставляет думать, что у пьяноборцев был свой «канал» контактов со степняками, не зависимый от кара-абызского населения. Вероятнее всего, эти контакты осуществлялись через торговый путь, идущий по Волге и Каме.

Позднесарматский период (II–IV вв. н.э.). Количество памятников номадов в степной части Прибелья в этот период значительно сокращается. Здесь известно лишь четыре памятника, два из которых являются одиночными погребениями. Редкое население степи не могло сильно влиять на материальную культуру кара-абызского и пьяноборского населения. Поэтому практически полное отсутствие импортных изделий на памятниках оседлых племен вполне объяснимо. Уровень контактов сведен к минимуму.

Около рубежа III и IV столетий на правобережье р. Белой появляется ряд крупных курганных некрополей, оставленных поздними сарматами. То есть номады занимают несвойственную для них экологическую нишу – лесостепные предгорья, оставляя незаселенным степное левобережье. В конечном счете, это привело к слиянию местного и пришлого населения, результатом чего становится формирование памятников имендяшевского типа и позднее – турбаслинской культуры.

Судьба пьяноборского населения была несколько иной. По волго-камскому пути в среду прикамского населения вклиниваются пришельцы, оставившие курганные могильники Тураевского типа. Это привело к рассеиванию постпьяноборского населения (часть уходит за Каму, часть за Белую) и подчинению части пьяноборского населения захватчикам.

Общим для финала позднесарматского периода является продвижение номадов в несвойственные для них экологические ниши (в бельские предгорья и лесное Прикамье). Вследствие этого степное население перестает быть кочевым и воспринимает образ жизни аборигенного населения, сохраняя при этом специфические черты культуры.

Е.В. Переводчикова (г. Москва)

О цвете золота на оковках сосудов из 1 Филипповского кургана

В кургане №1 у с. Филипповка в Оренбургской области в тайнике под насыпью найдена значительная серия золотых оковок (накладки – ?) деревянных сосудов (Пшеничнюк, 1989), неоднократно выставлявшихся на выставках (в том числе, в Государственном Историческом музее) и, соответственно, опубликованных в каталогах этих выставок.

В качестве предмета настоящего исследования выбрана серия оковок примерно от 50 сосудов, представлявшаяся на выставке «Золотые олени Евразии» в ГИМ в 2003 г. Все они вошли в каталог выставки в Музее Метрополитен (The Golden Deer, 2000). Иллюстрации из этого каталога не только полно представляют эту серию, но и являются весьма качественными фотографиями, позволяющими составить адекватное представление об особенностях материала.

Неоднократный визуальный осмотр предметов на выставке в ГИМ позволил заметить, что они изготовлены из золота разных оттенков: оно может быть красноватым, зеленовато-лимонным, очень светлым или интенсивно-желтым.

Различие оттенков цвета этого металла – явление хорошо известное и связано с химическим составом его образцов. В данном случае заслуживает внимания то обстоятельство, что разнообразные цвета золота представлены в материале одной серии предметов, функционально тождественных и в значительной мере стилистически сходных, найденных при этом вместе в закрытом комплексе.

Исходя из этого, была поставлена задача: посмотреть, как наблюдаемые различия соотносятся с вариациями значений других признаков этих вещей. Уточнению значения некоторых из них способствовала работа с иллюстрациями к каталогу выставки в Музее Метрополитен. Фото-

графии были сканированы и подвергнуты сильному увеличению, что позволило рассмотреть целый ряд подробностей.

Оковки сосудов весьма разнообразны по стилю изображений, и более или менее полная характеристика их стиля – задача будущих исследований. В настоящий момент представляется целесообразным выделить три крупные группы материала:

1) ажурные изделия сложного контура, насыщенные изобразительными элементами (обилие спиралей, волютообразных элементов, линий, проведенных вдоль продолговатых деталей изображения – ног, шеи, рогов животных). Глаз у животных этой группы, как правило, угловатых форм, подрисованных с двух сторон, морда оленей очень вытянутая и как бы обрубленная на конце;

2) предметы лаконичные по стилю, где изобразительных элементов мало. Можно отметить также круглый глаз животных и плавные очертания головы с выпуклым лбом;

3) предметы с гладкой поверхностью, без каких-либо линий.

В результате увеличения фотографий удалось выделить и некоторые признаки технологического характера, позволившие говорить о двух способах изготовления обкладок*.

1) литье по утраченной модели (основные признаки: местами по контуру изделий и отверстий остатки литейных швов в виде заливов металла, треугольный профиль углубленных линий орнамента, свидетельствующий о том, что линии проводились по мягкому материалу типа воска, следы соскальзывания резца, значительная толщина изделия**);

2) предметы, вырезанные из относительно тонкого листа золота, линии нанесены острым инструментом (штихелем?) прямо по поверхности металла, о чем свидетельствует их незначительная толщина и глубина; встречаются разрывы металла.

Корреляция перечисленных признаков позволила выделить несколько групп материала.

1. Оковки, богатые изобразительными элементами, толстые, литые, сделаны в основном из золота красноватого или зеленовато-лимонного оттенка.

2. Немногочисленная группа литых вещей лаконичного стиля представлена золотом трех цветов: очень светлое, интенсивно желтое и в одном случае – красноватое.

3. Подавляющее большинство вырезанных предметов с гравированным орнаментом выполнено из интенсивно желтого золота.

4. Небольшая группа оковок без орнамента – средней толщины и преимущественно интенсивно желтого цвета (в случае – красноватого оттенка).

Наблюдаемая корреляция стилистических и технологических признаков, а также цвета золота позволяет предполагать наличие нескольких мастерских, в которых делались рассмотренные вещи.

Различие оттенков цвета золота может говорить как об использовании металла из разных источников, так и о некоторых особенностях технологического процесса в разных мастерских.

Возможность выделять разные мастерские на материалах золотых оковок из 1 Филипповского кургана открывает перспективы дальнейших исследований – прежде всего, в направлении поисков центра (или центров) производства этих вещей.

---

* Выражаю искреннюю признательность Т.Г. Сарачевой, проверившей правильность выделения технологических групп материала и указавшей ряд признаков, характерных для той или иной технологии.

** Толщина предметов не измерялась, а определялась приблизительно.

И.В. Рукавишникова, Л.Т. Яблонский (г. Москва)

Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника

В кургане 16 1-го Филипповского могильника, помимо основного коллективного погребения, были обнаружены два впускных. На дне могильной ямы погребения 3 были расчищены два скелета, которые принадлежали молодой женщине и младенцу, либо не родившемуся, либо умершему вскоре после рождения.

Женщина лежала на спине, в вытянутом положении, по диагонали погребальной камеры, головой на юг, лицом вверх. Кости младенца были расчищены с наружной стороны костей правой ноги женщины. Можно судить о том, что ребенок лежал на правом боку в утробной позе (с сильно согнутыми в коленях ногами).

Погребенную сопровождал многочисленный и разнообразный инвентарь, в том числе три деревянных сосуда. Дерево сохранилось только в виде тлена. Но один их сосудов был украшен металлическими деталями, которые лежали in situ. Это дает возможность его реконструировать.

Сосуд представлял собой деревянную чашу низкоцилиндрической формы с вертикальными в профиль стенками, прямым венчиком и плоским дном. Диаметр венчика – 16-17 см – фиксируется по расположению in situ металлических (золотых и серебряных) накладок, украшавших венчик чаши (рис. 1). Все накладки (30 изделий) крепились к телу чаши серебряными или золотыми гвоздиками, соответственно.

Высота и примерный абрис профиля выявлялся в процессе расчистки при отслаивании заполнения чаши от заполнения могильной ямы. Грунт на месте расположения чаши (между накладками) отличается от остального заполнения могильной ямы. Он был темнее (от обильных включений древесного тлена), однороднее и более рыхлый, хорошо отбивался от слоев заполнения могильной ямы. При выемке этого грунта образовалось углубление, примерно повторяющее внутренние очертания сосуда. Высота чаши, кроме того, зафиксирована по расстоянию между венчиком (по линии расположения накладок) и бронзовой скобой, располагавшейся на дне чаши. Высота сосуда составляла примерно 6-8 см.

Толщина стенок в верхней части чаши фиксируется зазором загиба неповрежденных золотых накладок и равна 3-4 мм.

Металлический декор чаши находился в пяти секторах по диаметру чаши и представлен накладками, сделанными из золота и серебра. Они располагались на тулове чаши в различных сочетаниях.

На чаше присутствуют многочисленные следы ремонта, и нельзя исключить, что некоторые накладки, помимо декоративной функции, служили для скрепления трещин деревянного корпуса (рис. 1, *9*).

Накладка первого сектора – комбинированная (рис. 1, *3*). Она состояла из серебряной части и золотой детали в виде «пальметки». Обе детали были скреплены с чашей и между собой семью сохранившимися гвоздиками (серебряными и золотыми соответственно).

Накладка второго сектора серебряная (рис.1, *4*). Она имела удлиненную форму с фрагментарно сохранившимся прочерченным орнаментом. Накладки, расположенные ниже по телу чаши, имеют аморфные очертания. С обратной стороны, где расположены скрепительные гвоздики (серебряные), между ними сохранился фрагмент дерева, дающий представление о толщине и изгибе профиля чаши.

В этом же секторе, при переходе профиля чаши ко дну на внешней стороне ее расчищена серебряная накладка, сходная с выше описанным аморфным по форме фрагментом (рис. 1, *5*). Внутрь чаши направлены гвоздики, между которыми сохранилось дерево с видимой трещиной.

Накладка третьего сектора представляет собой загнутую золотую пластину с гвоздиками (рис. 1, *6*). Зазор загиба дает представление о толщине и форме венчика чаши. Накладка стилизована в виде неполной головы хищной птицы или отростка рога животного. Под этой деталью были расчищены золотая накладка с тремя гвоздиками (рис. 1, *6*) и серебряная накладка с гвоздиками (рис. 1, *7*). В этом же секторе на дне чаши сохранились фрагменты дерева, скрепленные бронзовой скобой (рис. 1, *8*).

Накладка четвертого сектора состоит из серебряной части и двух золотых деталей (рис. 1, *9*). Серебряная, явно расположенная снаружи чаши, накладывается на золотые детали с гвоздиками, которые представляют собой некие фрагменты «отростков».

Накладка пятого сектора – золотая – выполнена в виде головы хищной птицы (рис. 1, *1*). У накладки есть загиб для крепления на венчике сосуда, в момент расчистки разомкнутый.

Между пятым и первым секторами на уровне предполагаемого верха сосуда и по окружности предполагаемого венчика расчищены пять фрагментов плоской проволоки в виде сквозных скоб, и четыре бронзовые скобы (рис. 1, *2*). Эти скрепляющие материалы являются следами ремонта венчика сосуда.

Примерная реконструкция чаши представлена на рисунке 2 в двух аксонометрических видах.

Среди сохранившихся деталей декора чаши можно выделить следующие изобразительные мотивы: голова хищной птицы (золотая накладка); голова хищной птицы или отростки рога (золотая накладка); геометрические формы (серебро), в одном случае, с пальметовидной (лапа?) удлиненной накладкой (золото), в другом – с двумя удлиненными фрагментами золотых «отростков». Декор всех золотых накладок выполнен прочерченными линиями. Еще одна деталь декора чаши представляет собой фрагмент серебряной накладки, по форме напоминающий хвост рыбы, с прочерченным орнаментом в виде некоего подобия S-образно сливающихся «рогов горного козла». Техника исполнения узора накладок и стилистика образов сближает их с золотыми накладками из кургана 1 (Королькова, 2003), особенно с тонкими, не слишком украшенными орнаментом накладками в виде оленей, головок птиц, хищников (Oro, 2001). Эти изображения, характер и стиль их декора имеют аналогии в алтайских изображениях, в частности среди прочерченных орнаментов изделий пазырыкской культуры (изображение на башадарской колоде) (Баркова, 1985).

Разнотипные деревянные чаши, украшенные

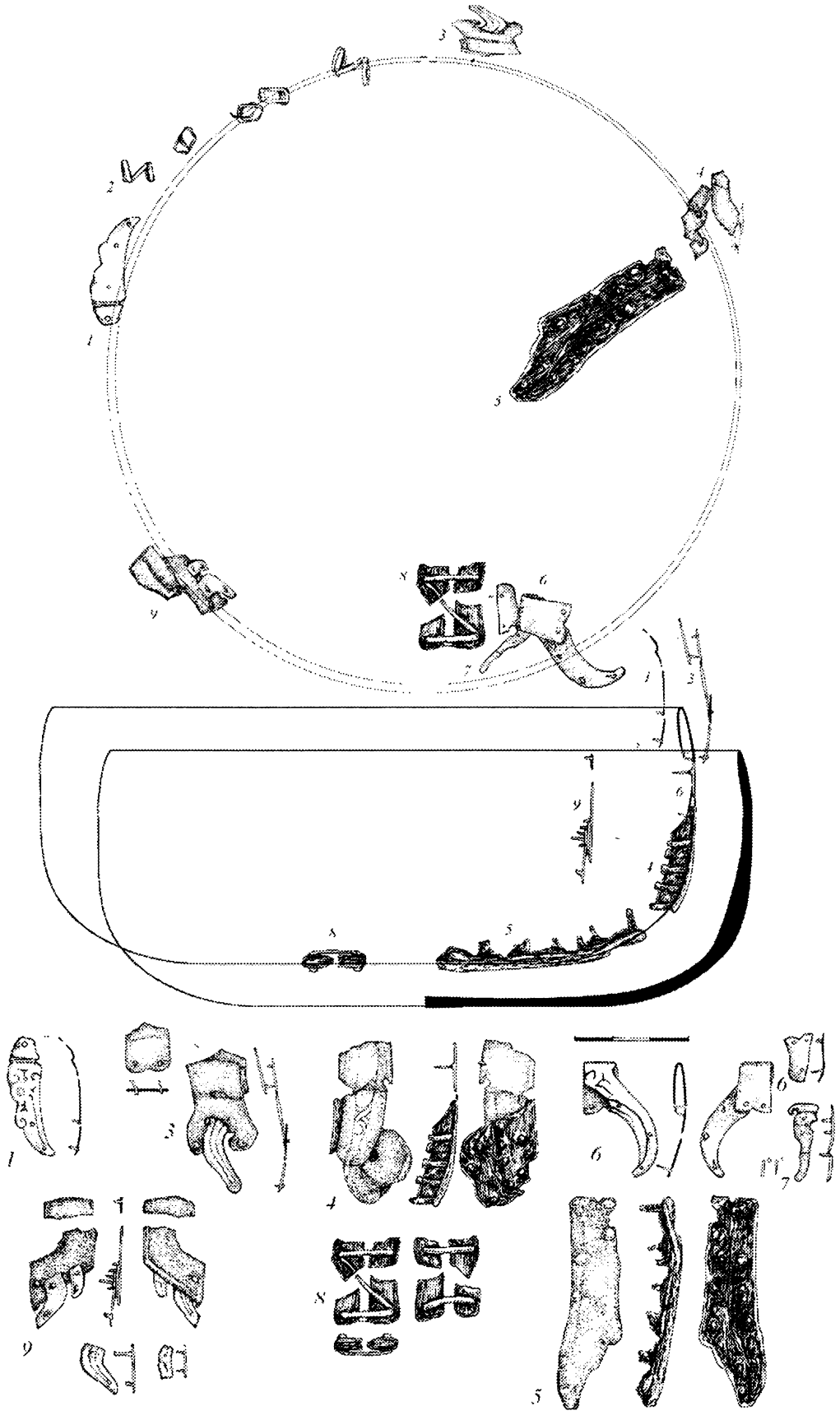


Рис. 1.
1, 2, 6 – золото, *3, 9* – серебро, золото, *4, 7* – серебро, *5* – серебро, дерево, *8* – бронза, дерево

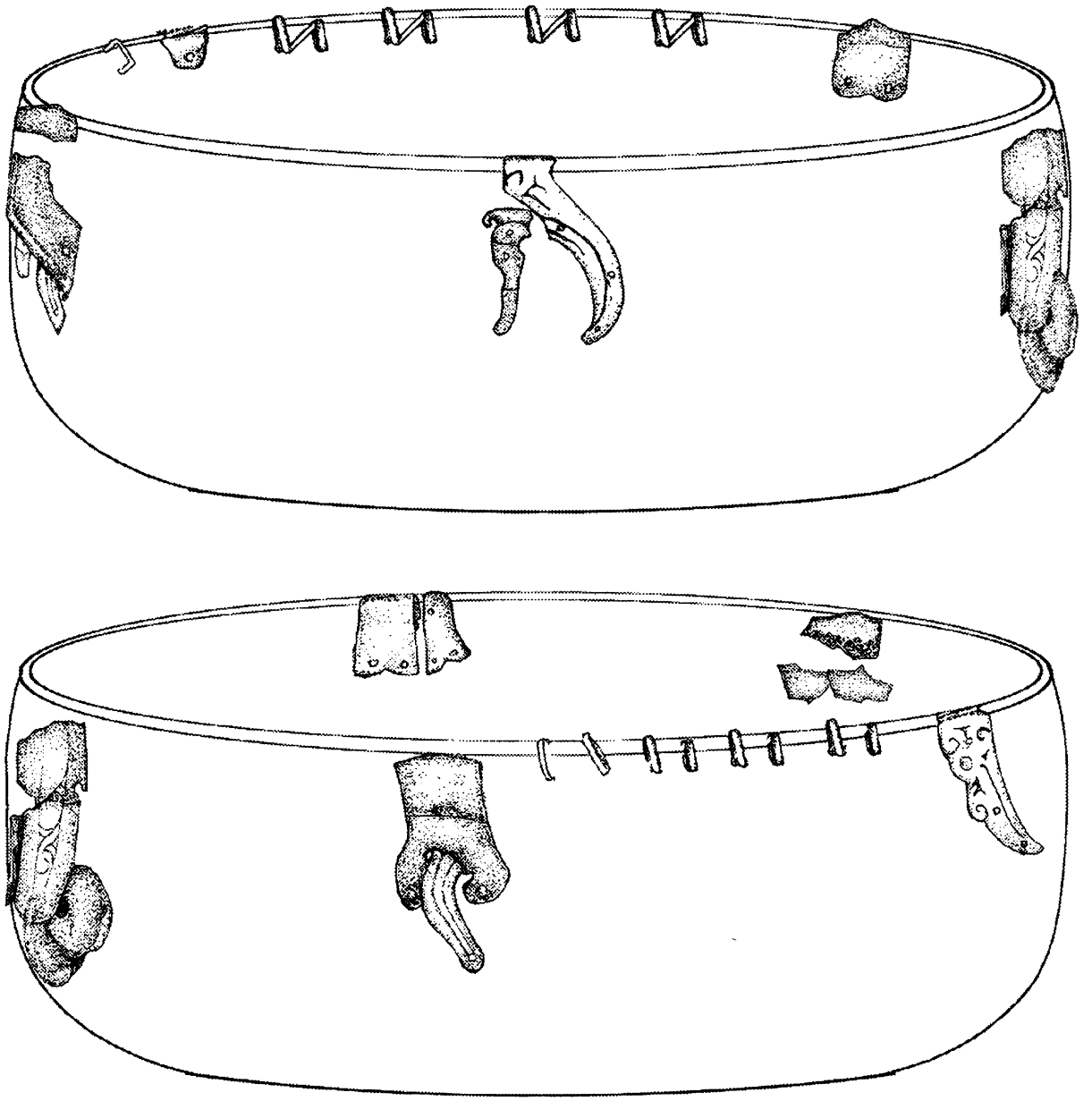


Рис. 2. Реконструкция чаши, два вида.

золотыми накладками, являются неотъемлемой частью погребального инвентаря Филипповского могильника. По большей части они представлены тонкими золотыми подпрямоугольными пластинами, украшенными прорезным орнаментом, выполненным в более или менее стилизованном зверином стиле (Золотые олени Евразии, 2003) или S-образными сплошными золотыми или бронзовыми пластинами, прикреплявшимися к венчикам сосудов с помощью загибов через край венчика и мелких гвоздиков.

Описанная здесь чаша уникальна сочетанием мелких золотых и серебряных деталей и в этом отношении не имеет достоверных аналогий в других курганах Филипповского могильника.

В погребении 3 кургана 16 этой находке сопутствовали вещи (комплекс бронзовых деталей уздечки, бронзовые удила и железные псалии, бусы, бронзовое зеркало), которые позволяют датировать захоронение в пределах второй половины V–IV вв. до н.э.

И.В. Сергацков (г. Волгоград)

Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. н.э.

В составе находок из знаменитого сарматского погребения у с. Косика Астраханской области имеется серебряный двуручный сосуд с гравированными изображениями сцен сражения и охоты на кабана. Этот великолепный образец древней торевтики несколько раз публиковался и приобрел широкую известность в отечественной и зарубежной литературе. Однако в первых публикациях авторы, к сожалению, допустили досадную неточность, которую необходимо исправить. Сосуд имел крышку, которую В.В. Дворниченко и Г.А. Федоров-Давыдов, а за ними и М.Ю. Трейстер, отнесли к серебряной чаше (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993; Трейстер, 1994). Для нее она функционально бесполезна. В 2000 г., осматривая находки из Косики в фондах Астраханского краеведческого музея, мной было установлено, что крышка по размерам точно подходит к сосуду. Тогда же к такому же выводу пришел и Б.А. Раев (Рис. 1).

В 1998 г. в могильнике Вербовский II на Дону, в кургане 4 был обнаружен аналогичный косикинскому серебряный сосуд, имевший крышку (Мамонтов, 2004). Эта находка совершенно точно документирует наличие крышки и у сосуда из Косики. Название «кубок», применяемое для обоих сосудов, видимо, несколько неточно, правильнее было бы называть их двуручными кувшинами.

Находки из Косики и некоторых других сарматских памятников были детально проанализированы М.Ю. Трейстером, и это позволило ему сделать вывод о существовании особой сарматской школы торевтики, одним из представителей которой являлся мастер Ампсалак. Его имя зафиксировано в надписи на серебряной миске из того же погребения в Косике (Трейстер, 1994). В поисках аналогий сосуду исследователь обращался к материалам богатых сарматских курганов и сопоставлял его с кубками типа Хохлача и Мигулинской (Трейстер, 1994). Такое сравнение в то время было вполне оправданно, но все же выглядело не совсем корректным. Указанные сосуды гораздо меньше, они литые, массивные, в отличие от очень тонких кованых кувшинов из Косики и Вербовского. Ни один из кубков не имеет декора, подобного косикинскому или вербовскому сосудам. Их ручки выполнены в ином стиле и не сопоставимы с астраханскими или донскими находками. Кубки типа Хохлача, Мигулинской и т.д. удивительно схожи с деревянными сосудами из Филипповки, имеющими золотые зооморфные вертикальные ручки (The Golden Deer of Eurasia, 2000). Не исключено, что именно такие чаши послужили прототипами для сосудов из сарматских курганов I–начала II вв. н.э. По крайней мере, «тип кружкообразного кубка, по всей вероятности, имеет восточное происхождение» (Королькова, 2003). Все же, как представляется, выводить напрямую кубки из Хохлача, Порогов и прочих сарматских курганов I в. н.э. от сосудов Филипповки вряд ли правомерно – в раннесарматских памятниках III–I вв. до н.э. такой посуды нет. Однако в восточных районах кочевого мира была весьма популярна керамика с зооморфными ручками довольно близких рассматриваемым сосудам форм (Литвинский, 1973; Степная полоса.., 1992; Королькова, 2003). Влияние этих керамических форм на выработку парадных сарматских кубков, возможно, не стоит однозначно отвергать. По крайней мере, этот вопрос требует более пристального внимания. На этом фоне кувшины из Косики и Вербовского выглядят довольно оригинально. Их специфика уже отмечалась в литературе (Королькова, 2003). Видимо, их следует выделить в особую, пока небольшую группу ритуальных сосудов. Возможно, к ней следует отнести и серебряный сосуд из Западного Казахстана, не имеющего, правда, на своей поверхности никаких изображений и ручек (Байпаков, Танабаева, Сдыков, 2001).

Кувшин из Вербовского сохранился гораздо хуже, чем косикинский, но уцелевшие изображения на нем, несмотря на их фрагментарность, не менее интересны и ценны (Рис. 2). У кувшина имеются две вертикальные массивные литые ручки в виде волков. В крупах обеих фигурок – отверстия, куда, возможно, вставлялись хвосты из какого-то другого материала. На сосуде из Косики ручки в виде фигурок кабанов полые, спаянные из двух половинок. Безусловно, наибольший интерес вызывают гравированные изображения. Они выполнены по той же схеме, что и на косикинском кувшине: верхний и нижний фризы разделены между собой, в первом случае простой полосой позолоты, а во втором – стилизованным изображением виноградной (?) ветви. На верхнем фризе, как и на сосуде из Косики, помещена сцена охоты вооруженного копьем всадника на кабана. На нижнем фризе – сцены терзания лани крылатыми грифонами и преследования хищником какого-то копытного животного. На крышке сосуда в центре расположена пятилепестковая ступенчатая розетка, а вокруг нее – четыре гиппокампа.

Изображения на обоих сосудах чрезвычайно близки друг другу. Различия изображений в сценах охоты заключаются в мелких деталях. На вербовском сосуде в иной манере показана шерсть кабана, псалии конской узды имеют волютооб-

разные окончания. Однако эти различия настолько несущественны, что создается впечатление, будто оба сосуда изготовлены если не одним мастером, то в одной мастерской. Скорее всего, изображения на обоих кувшинах представляют собой продолжение или развитие одного мифологического сюжета, видимо, космогонического характера. Впрочем, исследование семантики изображений на сосудах – предмет специальной объемной работы, не укладывающейся в рамки настоящей статьи.

Анализ изображений на сосуде из Вербовского в тезисной и довольно популярной форме был выполнен В.И. Мамонтовым в докладе на I Международной Нижневолжской археологической конференции (Мамонтов, 2004). Остановимся подробнее на некоторых деталях и сюжетах декора. Вертикальные ручки в виде фигурок волков технологически и стилистически чрезвычайно близки ручкам двух серебряных чаш в виде крылатых ушастых грифонов из кургана 3 могильника Бердия. По всей вероятности, эти сосуды имеют парфянское происхождение (Мордвинцева, Сергацков, 1995; Сергацков, 2000).

Весьма интересно и показательно наличие на сосуде из Вербовского орнаментального мотива в виде виноградной ветви. Она разделяет верхний и нижний фризы изображений. Такую же функцию выполняет виноградная лоза на знаменитой пекторали из Толстой могилы. По сути, на обоих предметах мы видим одну и ту же схему изобразительной модели космогонической картины, присущей идеологии ираноязычных народов. Сам орнаментальный мотив очень широко представлен на предметах торевтики классической Греции, Италии и эллинисти-

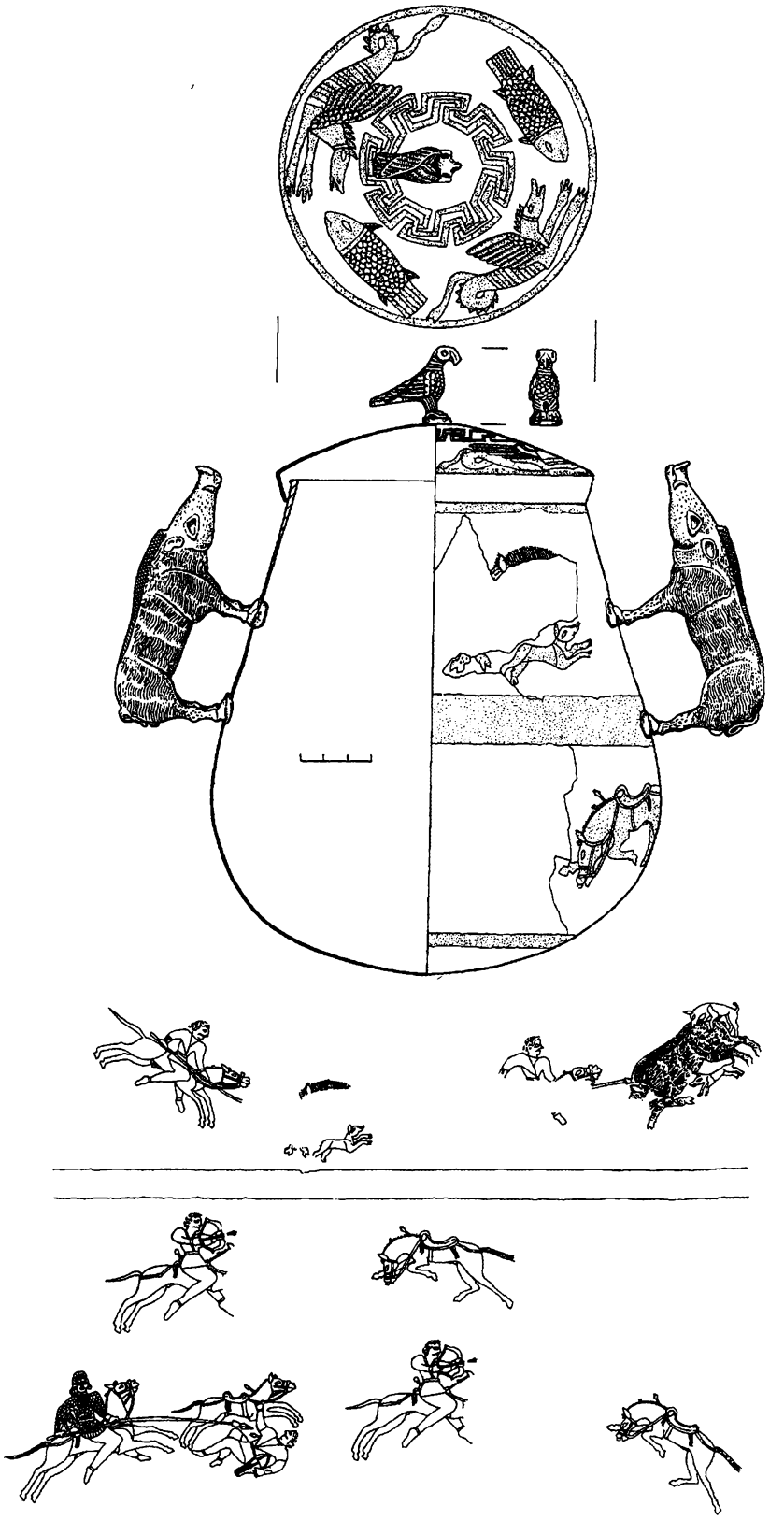


Рис. 1. Сосуд из Косики и прорисовка изображений на нем (рисунок Н. Беспалой)

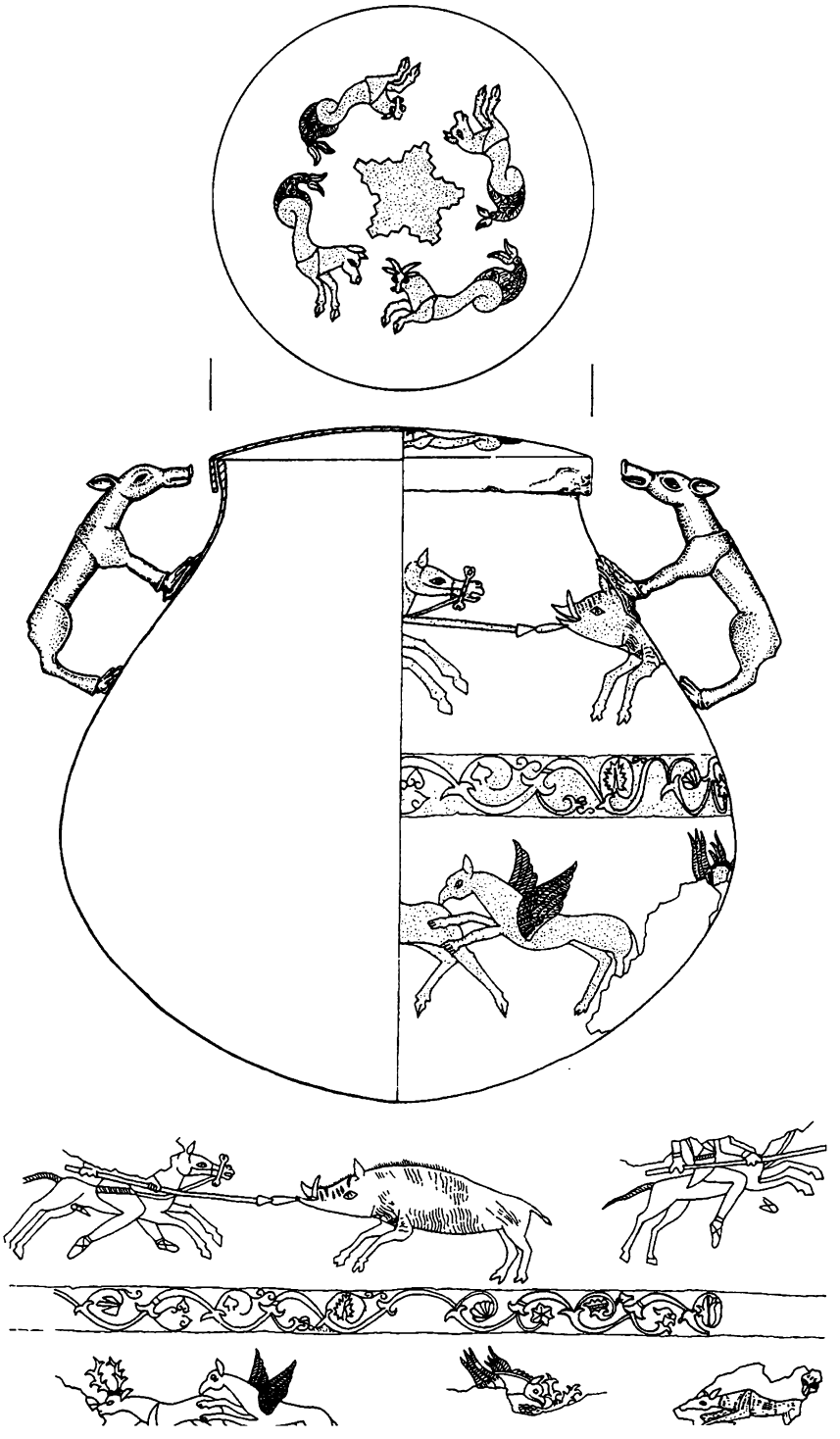


Рис. 2. Сосуд из I Вербовсского могильника и прорисовка изображений на нем (рисунок Н. Беспалой)

ческого Востока (Pfrommer, 1993). Не менее популярен он был и в Северном Причерноморье в античном и эллино-скифском искусстве (Толстой, Кондаков, 1889 а,б).

Сюжет терзания лани грифонами, помещенный на нижнем фризе сосуда из Вербовского, как и вообще сцены нападения фантастических или хищных животных на копытное, был чрезвычайно популярен в искусстве Древнего Востока, античного и всего эллинистического мира. Он очень хорошо известен в эллино-скифском искусстве Северного Причерноморья и в изобразительной традиции кочевников евразийских степей, в том числе и сарматов. Но изображения на вербовском сосуде очень далеки от канонов сарматского звериного стиля. Более всего стилистически они близки традициям эллинистического Востока. В частности, именно таким образом изображались крылья птиц и фантастических животных еще в искусстве Ахеменидского Ирана, а позднее – всего эллинистического мира.

Изображения гиппокампов на крышке кувшина из II Вербовского могильника близки к изображениям таких же животных на крышке сосуда из Косики и на кувшине из Высочино (Беспалый, 1985; Трейстер, 1994). Они достаточно подробно проанализированы М.Ю. Трейстером и дополнительных комментариев не требуют (Трейстер, 1994).

Объем этой статьи не позволяет провести более подробный анализ изображений на сосуде из Вербовского, однако, может быть, это было бы даже излишним. После скрупулезной работы М.Ю. Трейстера над материалами из Косики он мало что-либо добавил бы к изложенному исследователем. Оба кувшина принадлежат к одному кругу произведений торевтики, и детальное изучение сюжетов, художественных особенностей и прочих нюансов изображений на сосудах из Косики и Высочино, выполненное М.Ю. Трейстером, в полной мере относится и к сосуду из Вербовского. Поиск аналогий как самим сюжетам изображений, так и их отдельным деталям уводит исследователя в эллинистическое Восточное Средиземноморье, а чаще всего, в Парфию, что представляется вполне справедливым (Трейстер, 1994). Кувшин из Вы-

сочино С.И. Лукьяшко, основываясь, правда, на совсем иных соображениях, чем М.Ю. Трейстер, считает парфянским (Лукьяшко, 2000).

Главный вопрос состоит в том, каким образом эта посуда оказалась в сарматских погребениях Дона и Нижней Волги. Один из вариантов ответа уже был дан – сосуды изготовлены в одной из мастерских, находившихся при ставках сарматских царей, возможно, на Нижнем Дону (Трейстер, 1994). У этой версии мало сторонников в связи с множеством вопросов, вызываемых самим подходом к реконструкции исторических событий, предложенным Ю.Г. Виноградовым, и некоторыми аспектами проблемы существования «школы сарматской торевтики» (Виноградов, 1994; Трейстер, 1994). Вот один из них: если все аналогии изображениям на сосудах из Косики, Вербовского и Высочино уводят нас в Восточное Средиземноморье и Парфию, то почему им следует приписывать сарматское происхождение? Не логичнее ли предположить, что они были изготовлены именно там, в одном из ближневосточных производственных центров? В этом случае путь поступления этой посуды в Волго-Донские степи может быть найден в контексте истории сарматских племен, Армении и Парфии I в. н.э. без изобретения нового, нигде не зафиксированного правителя Армении Артевасда и без конструирования совершенно надуманной этнополитической ситуации в Европейской и Азиатской Сарматиях.

С I в. н.э. ведущую военно-политическую роль в степях Восточной Европы начинают играть аланы. Время их появления здесь – вопрос дискуссионный, но, видимо, становление среднесарматской культуры, которое сейчас относят к рубежу эр, было стимулировано этим событием (Скрипкин, 1997; Сергацков, 1999). На протяжении первых веков н.э. античные авторы постоянно фиксируют походы или угрозы вторжений аланов в Закавказье и Переднюю Азию. Первый такой поход, в котором, вероятно, могли участвовать аланы, по сообщению Тацита состоялся в 35 г. н.э. И, хотя напрямую аланы у него не фигурируют, их участие в этих событиях вполне вероятно (Перевалов, 2000). Затем, в течение 100 лет они как минимум дважды серьезно угрожали Парфии, совершая масштабные акции против нее. И во всех случаях парфянским владыкам или их ставленникам приходилось от них откупаться (Иосиф Флавий. Иудейская война, VII, 7, 4; Дион Кассий. Римская история, LXIX, 15). Часть этих даров вместе с сарматскими предводителями могла попадать в их могилы. Археологический контекст находок сосудов из Косики, Вербовского II и Высочино VII вполне очевиден: это среднесарматские погребения, дата которых может быть определена временем около середины I в. н.э. Соответственно, их появление в захоронениях сарматской знати на берегах Волги и Дона вполне возможно связать с походами кочевников в Закавказье и Переднюю Азию 35 или 72 гг. н. э.

Еще один любопытный штрих, характеризующий изображения на сосуде из Косики. По устному сообщению М.А. Балабановой антропологический тип персонажей в сценах сражений и охоты на косикинском кувшине и на знаменитых костяных пластинах из Орлатского могильника близок между собой и может быть определен как южно-европеоидный. Этот тип не характерен для сарматов, но присущ населению Закавказья и Передней Азии. Возможно, это еще один аргумент в пользу не сарматского происхождения рассмотренных сосудов. Мастерская Ампсалака могла располагаться очень далеко от берегов Дона.

А.Ю. Скаков (г. Москва)

Еще раз к вопросу о кобано-колхидском единстве*

Вплоть до настоящего времени в изучении кобанской и колхидской культур существуют два направления. Сторонники первого из них выделяют локальные варианты этих культур, акцентируя внимание на глубоких различиях между ними, и, обращаясь, порою, к глубокому анализу памятников какого-либо одного района или горного ущелья, демонстрируя их самобытность. Сторонники второго указывают на общность ряда ведущих категорий инвентаря, составляющих специфику всего региона.

Вопрос о выделении и локализации археологических культур или их вариантов в Западном Закавказье возник во второй четверти XX в. сразу после находки и публикации первых репрезентативных комплексов того времени, происходящих с территории Абхазии. Очевидная близость данных находок к уже хорошо известным кобанским бронзам вызвала соблазн отнести и те, и другие памятники к кобанской культуре (А.А. Иессен, А.Л. Лукин, М.М. Иващенко, Б.Б. Пиотровский).

Вполне понятно желание ученых того вре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 05-01-01078а).

мени найти соответствующий выделенной археологической культуре этноним, известный по древним письменным источникам. Единственно возможным вариантом оказались колхи, хорошо известные в античной традиции, не оставившей внятной информации о древнем населении Центрального Кавказа. Поэтому М.М. Иващенко утверждал: «главным носителем так называемой «Кобанской» бронзовой культуры были колхи» (Иващенко, 1941). От объявления «так называемой «кобанской» культуры» культурой колхов оставался только один шаг до появления «колхской культуры» (Иващенко, 1941).

Безусловно, представление о полном совпадении ареалов археологической культуры и этнических границ было связано с определенным уровнем развития науки и в настоящее время уже не может быть безоговорочно принято. Констатация такого совпадения требует, по крайне мере, рассмотрения археологической культуры как реконструированной нами целостной системы, включающей информацию не только о погребальном обряде, керамическом и металлическом комплексе, домостроении и т.д., но и о целом ряде этнических критериев (язык, самосознание, мировоззрение и др.), данные о которых, как правило, нам недоступны. Тем не менее, ряд грузинских ученых до сих пор продолжают употреблять термин «колхская культура», определяя ее как «культуру в основном мегрело-занского этноса». При этом более раннюю так называемую «протоколхскую» культуру так же прямолинейно связывают со сваноязычным населением (Барамидзе, 1999).

Вслед за признанием «колхской», то есть мегрело-занской или сванской принадлежности кобано-колхидских древностей последовало распространение территории, населенной древнекартвельскими племенами, на Северный Кавказ. Так, в официальном учебном курсе «История Грузии» 1940-х гг. говорится о «западной культурной области, включавшей в себя Западную Грузию, нагорную часть Северного Кавказа западнее р. Терека, бассейн р. Чорохи и значительную часть южного побережья Черного моря». Эта культурная область, по мнению авторов, соответствует западному «племенному объединению грузинской народности» (Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа, 1946). Попытка доказать историческую принадлежность Северного Кавказа грузинскому этносу обусловлена, вероятно, проводимой в те годы политикой расширения территории Грузинской ССР за счет земель репрессированных народов Северного Кавказа. Как известно, после их выселения в 1944 г. часть опустевших районов была передана в состав Грузии. Теперь необходимо стало обосновать исконность проживания картвелов на этих землях, для чего и была использована «колхская культура».

Мы исходим из существования фундаментальных различий между колхидской и кобанской культурами. Тем не менее, вряд ли правомерно говорить о «кобано-колхидском единстве», как о мифе. Эти различные культуры тесно связаны между собою во все периоды своего развития. Наличие общего, различающегося лишь на уровне вариантов, графического стиля и близость, иногда доходящая до идентичности, бронзовых скульптурных изображений позволяют говорить о существовании общих идеологических представлений. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с кобано-колхидской историко-культурной общностью, состоящей не из двух культур, в рамках которых выделяются локальные варианты, а из целого ряда самостоятельных культур.

Безусловно, все эти культуры имели различные, хотя и связанные между собою, центры происхождения. Поэтому ни в коей мере нельзя связывать формирование, к примеру, древностей типа Тлийского могильника на южном склоне Большого Кавказского хребта с проникновением туда «колхской культуры» (Барамидзе, 1999). Не более обоснованным выглядит и утверждение о проникновении в кобанскую культуру из колхидской всех форм бронзовых топоров, а также графического орнамента (Лордкипанидзе, 1989; Джапаридзе, 1989).

Утверждения о решающей роли Колхиды и вторичности кобанской культуры, о моноцентричности возникновения всей кобано-колхидской бронзы, не подкрепленные какими-либо развернутыми доказательствами, продолжают звучать и по сей день. При этом в большинстве своем современные закавказские исследователи уже не объединяют кобанские и колхидские древности в одну культуру. Тем не менее, Ю.Н. Воронов усматривал в Западном Закавказье «однообразную археологическую культуру» или, что для него равнозначно, «колхидско-кобанскую металлургическую провинцию» (Воронов, 1998).

Ряд грузинских исследователей, обратившись недавно к данному вопросу, попытались выделить некую «колхидско-кобанскую бронзу», являющуюся продукцией «единого мощного металлургического центра» (Панцхава, Сулава, Папуашвили, 2003). Отдельно были рассмотрены материалы из регионов Центрального и Западного Закавказья, представленные также и в центральной части Северного Кавказа, материалы из центральной части Северного Кавказа, характерные и для Закавказья, а также материалы, встречающиеся лишь в одном из этих двух регионов. Представляется, что такой подход ошибочен. Сравниваемые регионы чрезмерно велики, материальная культура Центрального и Западного Закавказья кардинально

различна. Даже в рамках Западного Закавказья может быть выделен целый ряд локальных вариантов или культур.

Кроме того, выделение культуры, ее варианта, даже производственного очага должно опираться на относительно синхронные памятники. Напротив, в работе Л.Н. Панцхава и ее коллег сравниваются заведомо разновременные памятники, рядом оказываются предметы середины II тыс. до н.э., XII – X вв. до н.э., эпохи «классической» Кобани и Колхиды, позднекобанские и позднеколхидские материалы VI–IV вв. до н.э. Здесь же помещены престижные предметы, носившие надкультурный характер, а также явные импорты из соседних регионов Закавказья (орнаментированные пояса).

Отдельные находки металлических изделий (к примеру, бронзовых мотыжек на Северном Кавказе) могут указывать только на направление культурных связей и торговый обмен. Тем более, что многие приводимые исследователями типы изделий характерны не только для всей кобано-колхидской общности, но и в большом количестве найдены за пределами ее границ. Как представляется, единственный путь для решения проблемы «кобано-колхидского единства» – это тщательно обоснованное выделение локальных вариантов или, что точнее, самостоятельных культур, создание узкорегиональных хронологических схем, уточнение типологических классификаций и, далее, детальный анализ механизмов межкультурных связей для каждого хронологического периода. При этом необходимо также помнить о подвижности межкультурных границ и необходимости учитывать возможную роль внешних факторов (миграций, культурного влияния, военных походов и т.д.).

Д.А. Сташенков (г. Самара)

О памятниках скифского круга в Среднем Поволжье

Территория Среднего Поволжья для эпохи раннего железного века традиционно рассматривается как северная окраина савроматских, а затем и сарматских владений. В последние годы при раскопках поселений на территории Самарской области выявлены материалы, связываемые со скифским кругом памятников. Основная масса их относится к I – III вв. н.э., однако некоторые материалы принадлежат более раннему времени.

Ранние материалы представлены единичными находками. Наиболее выразительной среди них является бронзовая булавка с волнообразно согнутой головкой длиной 21,7 см. Она найдена в 2004 г. экспедицией Института истории и археологии Поволжья под руководством И.Н. Васильевой на III Шигонском поселении, основной слой которого относится к русскому времени.

Бронзовые булавки, являвшиеся украшением и служившие для закалывания одежды, ткани головного убора и прически, были распространены в раннем железном веке в земледельческих культурах лесостепной зоны Европы, а также в лесостепной и реже в степной Скифии. В IV – III вв. до н.э. в степной Скифии бытовал особый тип булавок с многоразово прогнутой головкой (тип 24 по классификации В.Г. Петренко). Ареал булавок этого типа ограничен Степной, Крымской и Нижне-Донской группами скифских древностей. В.Г. Петренко отнесла подобные булавки к племенным украшениям царских скифов (Петренко, 1978). Булавка, обнаруженная на III Шигонском поселении, хронологически и культурно близка скифским древностям, хотя и отличается от них в деталях. Среди синхронных древностей Поволжья аналогий булавке не имеется.

Вполне возможно, что многие случайные находки предметов (бронзовые псалии, наконечники стрел) в Самарском Поволжье, датирующиеся первой половиной – серединой I тыс. до н.э., могут быть соотнесены не с савроматским, а с собственно скифским миром.

Вероятно, по мере накопления материалов станет возможным выделить и ранний пласт среди скифоидной керамики, которая эпизодически встречается на поселениях Среднего Поволжья. Диагностическим признаком «скифоидного» керамического комплекса здесь является наличие фрагментов горшковидных сосудов с отогнутой наружу шейкой и выраженным внутренним ребром в месте перехода от шейки к тулову, декорированных в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика.

Впервые комплекс подобной керамики выделен в коллекции из раскопок А.В. Збруевой 1938 г. на Царевом кургане, расположенном у г. Самары, на левом берегу р. Волги (Смирнов, Збруева, 1939). Материалы раннего железного века представлены в основном фрагментами глиняных горшковидных сосудов и мисок, дисков, миниатюрными глиняными сосудами и пряслицами. Генетически они не связаны с предшествующими поволжскими культурами, и после появления новых материалов можно говорить о выделении круга памятников царевокурганско-

го типа (Сташенков, 2005). В связи с тем, что пока не известны ни домостроительные традиции, ни погребальный обряд населения, оставившего эти памятники, определяющими признаками для выделения памятников типа Царева Кургана в Самарском Поволжье является присутствие в материале следующих категорий артефактов:

1. Крупных (с диаметром венчика более 20 см) сосудов горшковидной формы с раструбообразным расширением, орнаментированных пальцевыми вдавлениями по венчику, которые преобладают в керамическом комплексе. В формовочной массе значительной части сосудов имеется примесь дробленой кости.

2. Пряслиц бочонковидной и уплощенно-цилиндрической формы, а также биконических пряслиц высоких пропорций с очень маленьким отверстием.

3. Крупных (диаметром до 30 см) мисок остроребериых форм.

Немногочисленные материалы царевокурганского круга выявлены на памятниках, расположенных на Самарской Луке и в ее ближайшей округе. Фрагменты специфических раструбообразных горшковидных сосудов с пальцевыми вдавлениями по венчику и пряслица бочонковидной формы имеются в материалах Подгорского селища (раскопки В.Н. Мышкина), селища и городища Лбище (раскопки Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева), Шигонского III селища (раскопки О.В. Кузьминой), Новинковского V селища (раскопки Д.А. Сташенкова), Березовского селища (Алихова, 1960).

За пределами Самарского Поволжья аналогии царевокурганскому комплексу имеются в комплексах Алексеевского городища в Саратовском Поволжье, где встречен характерный набор орнаментированной вдавлениями и защипами по венчику горшковидной посуды с выраженным внутренним ребром (Юдин, 2001).

Подобные сосуды известны на «скифоидных» и «сарматоидных» поселенческих памятниках в Воронежской области и других культурно и хронологически близких им памятниках верхнего Подонья (Медведев, 1998). Аналогичные им сосуды, как декорированные вдавлениями по венчику, так и не орнаментированные, найдены в позднесарматских погребениях Кировского I курганного могильника на Нижнем Дону, датирующихся II – первой половины III в. н.э. (Ильюков, 2000).

На основании имеющегося материала представляется возможным отнести «скифоидные» комплексы Самарского Поволжья к двум хронологическим периодам:

1. IV – III вв. до н.э. (отдельные находки: бронзовая булавка, случайные находки бронзовых предметов, и, возможно, отдельные фрагменты керамики). Вероятно, население Среднего Поволжья в этот период было связано со степной Скифией;

2. I – III вв. н.э. (керамический комплекс). Население, пользовавшееся керамикой царевокурганского типа, могло быть родственным населению, оставившему памятники позднескифского круга в Нижнем Подонье и Саратовском Поволжье.

Представляется вероятным, что памятники Самарского Поволжья I – III вв. н.э. типа поселения Царев курган напрямую не связаны с хронологически следующими за ними поволжскими памятниками. Тем не менее, отдельные традиции, зафиксированные на поселении Царев курган (орнаментация части венчиков горшков пальцевыми защипами, наличие керамики с примесью дробленой кости, специфическая обработка поверхности сосудов, эпизодическое использование нелощеных кувшинов и т.д.) находят продолжение в материальной культуре памятников киевского круга Самарского лесостепного Поволжья (селища Сидельшинское II, Крепость Кондурча II), что может свидетельствовать в пользу того предположения, что часть «позднескифского» населения приняла участие в генезисе раннесредневековых земледельческих культур в Среднем Поволжье как один из многих компонентов.

А.А. Туаллагов (г. Владикавказ)

Сарматы и финно-угры

По мнению исследователей, процесс формирования культур ранних кочевников Южного Урала начинается со второй половины VI в. до н.э., что связано с перегруппировкой и миграцией части кочевого населения Средней Азии. Отмечается участие в этом процессе и скифского компонента. Обращалось внимание на появление в памятниках ананьинской культуры Среднего Поволжья нового комплекса, сочетающего закавказские, кобанские и скифские элементы (Погребова, Раевский, 1989). Аналогичное сочетание, вызванное деятельностью скифов, известно и в Центральном Закавказье, что позволяет связать указанные инновации в ананьинских памятниках с уходом на рубеже VI–VI вв. до н.э. из Передней Азии скифов, которые присоеди-

нили к себе своих соплеменников, обитавших в Центральном Закавказье. Возможно, именно их знает Геродот (Her. IV. 22) под именем «отложившихся скифов». Следует отметить, что приведенное решение проблемы неоднозначно, так как существуют альтернативные мнения и гипотезы. Сам факт активного участия скифов в становлении сарматского мира может определить новые подходы к решению вопроса о происхождении неоднократно отмечавшихся скифо-осетинских параллелей.

К началу V в. до н.э. при участии или под влиянием кочевников в зауральско-западносибирской лесостепи складываются гороховская и саргатская культуры. Гороховцы начинают играть заметную роль во взаимоотношениях с кочевниками. Впоследствии в результате экспансии саргатского населения гороховцы вынужденно мигрируют на юг. Видимо, часть их переходит к кочевому скотоводству и включается в состав номадов Южного Зауралья. Усиливается взаимодействие номадов с населением лесостепи. Давление саргатцев и включение части гороховцев в состав зауральских номадов могло сказаться на перегруппировке и на возрастании военной активности зауральских номадов в целом. В связи с ухудшением к концу V – началу IV вв. до н.э. экологических условий происходит миграция зауральских номадов и вошедших в их состав зауральских лесостепных племен в Южное Приуралье, где происходит окончательное быстрое сложение прохоровской культуры в результате слияния этнически родственных местных кочевников с мигрантами. Впоследствии южноприуральские сарматы начинают экспансию на запад, что приводит к захвату ими и северокавказских территорий.

Следствием тесного взаимодействия кочевников с финно-угорским и угорским населением (ананьинская, гороховская, саргатская культуры) стали не только распространение у номадов круглодонной керамики с примесью талька в тесте, близкой иткульской и воробьевской (и являющейся отличительной чертой раннесарматской керамики), но и появление каменных плит с изображением головы барана, наличие антропологических включений (Таиров, 1998; Багашев, 1997), а также некоторые другие новации. С сарматским влиянием вполне могут быть связаны некоторые этнографические черты угорских народов (Соколова, 1976). Возможно, нам становятся известны и образцы смешанного сармато-угорского искусства, определяемые за счет соседства сарматов и алан с финно-уграми в середине II в. до н.э. – IV в. н.э. (Яценко, 2001). Однако не только простое соседство, но и тесное взаимодействие финно-угров с ираноязычным населением началось гораздо раньше. С иранским влиянием связаны некоторые образы угорской мифологии (Топоров, 1981; Соколова, 1990; Новикова, 1991). Нельзя исключать, что они относятся к более древним временам контактов предков финно-угров с арийским или индоарийским населением, о чем, вероятно, говорят и данные лингвистики (но такое положение могло способствовать облегчению сложения отношений между финно-угорским населением и ранними кочевниками). В то же время данные лингвистики (Абаев, 1981) свидетельствуют о наличии тесных связей финно-угров с кочевниками в скифо-сарматское время.

В.И. Абаев выделял группу лексем, объединяющую осетинский, кавказские и финно-угорские языки. Исследователь затруднялся в объяснении появления такой группы. Учитывая вышеприведенные наблюдения и возможность появления на Северном Кавказе уже в эпоху средневековья угорского этнического элемента, вместе с тем, нельзя исключать, что замеченная лингвистом группа лексем обязана своим происхождением миграции в регион сарматов, чьи предки активно взаимодействовали с финно-угорским населением далеко на востоке. Например, В.И. Абаев (1996) рассматривал осет. cascom – «лицо» (букв. «глаз-рот») как один из ярких примеров семантического схождения осетинского с кавказскими языками, что, с другой стороны, служило для автора еще одним доказательством наличия местного субстрата в осетинском языке. Но кроме кавказских параллелей сам автор приводил и аналогичные конструкции из языков коми, удмуртов и даже тохаров. В свою очередь, Л.С. Клейн (2000) рассматривает образование термина для «лица» путем словосложения «глаз-рот» как отражение наличия финно-угорского субстрата у тохаров. Поэтому нельзя исключать, что осетинская лексема является результатом включения, например, части гороховского населения в общество кочевников Южного Урала, а создание аналогичных конструкций у северокавказских народов либо представляет независимое явление, что более вероятно, либо отмечает процесс воздействия на местное население ираноязычных кочевников.

В Восточном Приаралье в V–IV вв. до н.э. наряду с кочевыми памятниками отмечают появление материалов, типичных для зауральских гороховской, саргатской и соседних лесостепных и лесных культур Зауралья и Приуралья. В конце IV – III до н.э. население уходит на запад, что открывает еще один путь в исследовании проблем взаимодействия финно-угорского и ираноязычного кочевого мира (Левина, 1996). Интересно, что впоследствии данные территории будут тесно связаны с историей тохаро-юэчжийской миграции, захватившей на западе и северокавказские территории, и государство Аланья китайских источников.

К.Б. Фирсов (г. Москва)

Оружие из некрополя первых веков н.э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму

Одним из крупнейших и наиболее полно исследованных позднескифских погребальных памятников Юго-Западного Крыма является могильник у с. Заветное, который находится в 13 км к северу от г. Бахчисарая, на левом берегу р. Альмы. Некрополь связан с комплексом археологических памятников первых веков н.э., расположенных в этом районе, в частности, с городищем Алма-Кермен, где, как считается, размещался лагерь римских легионеров (Высотская, 1970; Зубарь, 1994). Могильник исследовался в 1950–80-х гг. экспедицией Бахчисарайского историко-археологического музея и Государственного Исторического музея (г. Москва) под руководством Н.А. Богдановой*. Всего на исследованной площади в 4250 кв. м обнаружены 294 погребения.

В Заветнинском могильнике оружие представлено мечами и кинжалами, дротиком (или копьем ?) и наконечниками стрел, найденными в 12 погребениях**.

Мечи и кинжалы встречены двух типов. Это короткие *мечи с прямым брусковидным перекрестием, с кольцевым навершием* и широким клинком (4 экз.) (погребения №№ 102 (часть кольца обломана) (рис. 1, *1-2*; 2, *4а*), 227, 250 (рис. 1, *3*), 252 (в 8 фрагментах). Длина мечей – 35, 49, 53 см. Они найдены у правых бедренных костей (рис. 2, *2*) и у левой руки погребенных (рис. 2, *1*). На мече из погребения № 102 (длина – 35 см, наибольшая ширина у перекрестия – 3,8 см, диаметр навершия ~ 4,3 см) (рис. 1, *1-2*) встречены остатки деревянных ножен.

Исследователи, занимавшиеся сарматским оружием, считают, что мечи с кольцевым навершием наибольшее распространение получают в среднесарматское время, хотя этот тип меча сформировался к III в. до н.э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье на основе более ранних мечей скифо-сарматского времени с антенными и зооморфными навершиями. Господствующим же этот тип меча (тип 3 по А.С. Скрипкину) становится с рубежа н.э., когда мечи с серповидным навершием полностью выходят из употребления (Симоненко, 1984; Скрипкин, 1990). По мнению А.М. Хазанова, мечи с кольцевидным навершием у сарматов были в употреблении вплоть до II–III вв. н.э.; в Приднепровье и Крым они попали вместе с сарматской экспансией на запад (Хазанов, 1971).

Погребения Юго-Западного Крыма, в которых найдены мечи и кинжалы этого типа, датируются I–II в. н.э. Такие мечи известны в Неаполе Скифском в комплексе I в. до н.э. (Шульц, 1953), в Усть-Альминском, Неапольском, Беляусском могильниках, Бельбеке IV (Гущина, 1967; Дашевская, 1991; Гущина, Журавлев, 1997, в печати) и других. В Усть-Альминском могильнике такие мечи найдены в комплексах I в. н.э. (Высотская, 1994; Пуздровский, 2005; Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002). На Боспоре они получили распространение в I-II вв. н.э. (Сокольский, 1954).

Другой тип – короткие и длинные *мечи без металлического навершия и перекрестия* с узкой рукоятью-штырем, клинок широкий (4 экз.) (погребения №№ 146 (в обломках) (рис. 1, *4-5*; 2, *4г*), 165 (рис. 1, *7*; 2, *4в*), 196 (рис. 2, *3*), 284). Длина – 50-52 и 80 см. Найдены у левых бедренных костей и левой руки (рис. 2, *3*). На мече из погребения 146 были видны следы дерева от ножен, в районе рукояти сохранились 2 бронзовые заклепки. В погребении 284, недалеко от меча, найдена халцедоновая бусина, которая могла использоваться в качестве навершия меча (Ср.: Высотская, 1994).

Такие мечи являются ведущей формой для позднесарматской культуры II-IV вв. н.э. (тип 8 по А.С. Скрипкину, тип 2 по А.М. Хазанову), но появляются они в более раннее время и являются сарматскими по происхождению (Хазанов, 1971; Симоненко, 1984; Скрипкин, 1990). В Крыму большинство таких мечей встречено в Инкерманском могильнике и Озерном III, но есть они и в других синхронных памятниках (Усть-Альма, Скалистое III, Бельбек I и IV, Неапольский и Чернореченский могильники) (Гущина, 1967; Дашевская, 1991; Вы-

---

* С 2004 г. исследования памятника возобновлены совместной экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины, Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника, Свободного университета Берлина (Германия) и Государственного Исторического музея (г. Москва, Россия) под руководством Ю.П. Зайцева. В данной публикации рассматриваются предметы вооружения только из раскопок Н.А. Богдановой. Новые материалы, полученные в ходе исследований последних лет, освещены в тезисах доклада А.А. Волошинова и В.П. Масякина, опубликованных в настоящем сборнике.

** Работа подготовлена в основном по архивным материалам Н.А. Богдановой, в том числе по отчетам о полевых исследованиях, а также благодаря изучению сохранившихся в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике и Государственном Историческом музее предметов вооружения из могильника. Выражаю искреннюю признательность сотрудникам БГИКЗ А.А. Волошинову, Г.И. Золотовой и И.И. Неневоле за помощь в работе. К сожалению, большая часть найденных в некрополе мечей и кинжалов не сохранилась, а сведения об одних и тех же предметах, приведенные в отчетах о раскопках и публикациях Н.А. Богдановой не всегда совпадают.

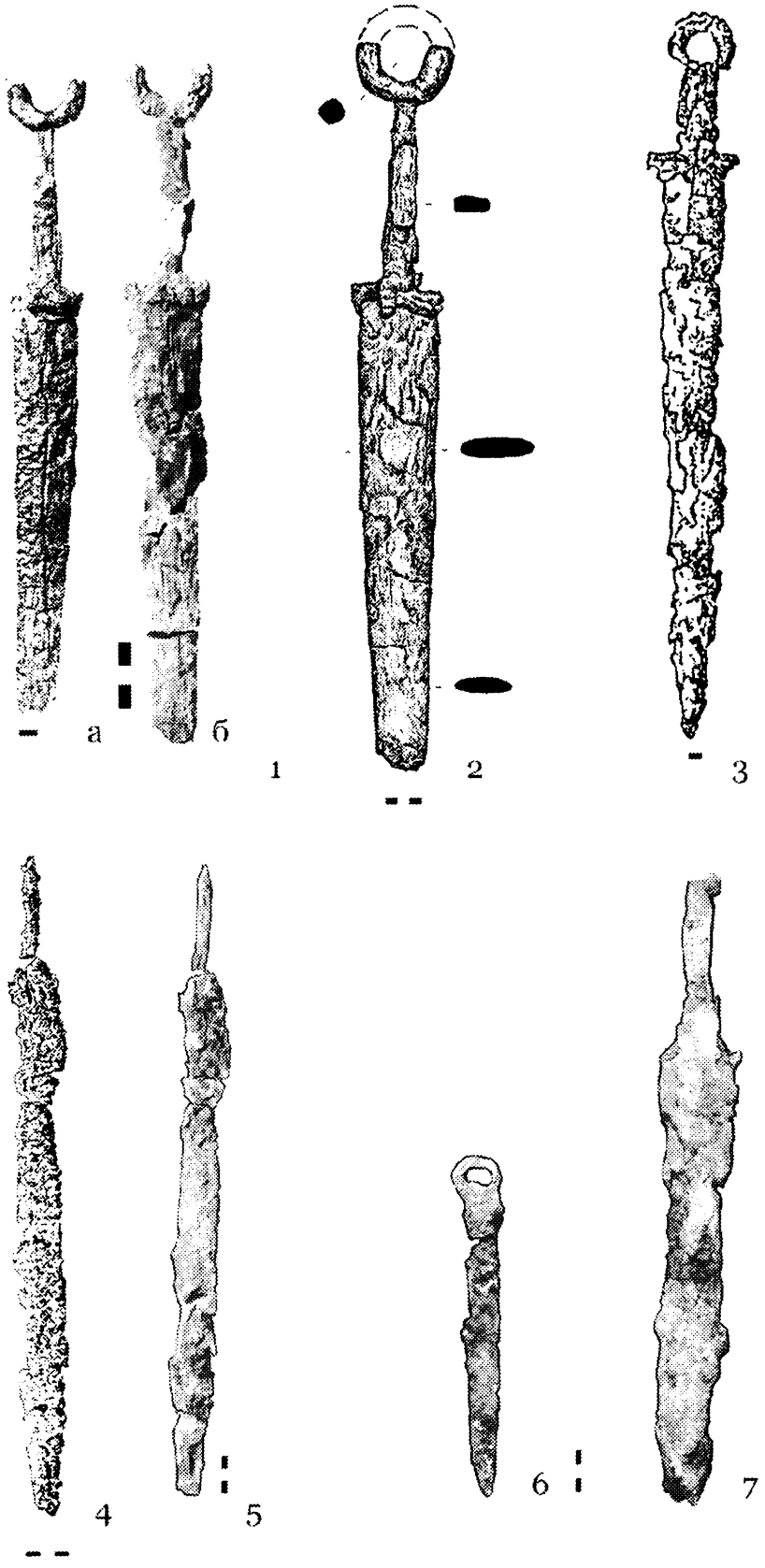


Рис. 1. Железные мечи и нож из могильника у с. Заветное:
1 – погр. 102 (*а* – после реставрации, *б* – до реставрации); *2* – погр. 102;
3 – погр. 227; *4-5* – погр. 146; *6* – нож из погр. 250 ?; *7* – погр. 165 ?.
1, 3, 4-7 – фотографии и рисунки по архивным материалам Н.А. Богдановой.

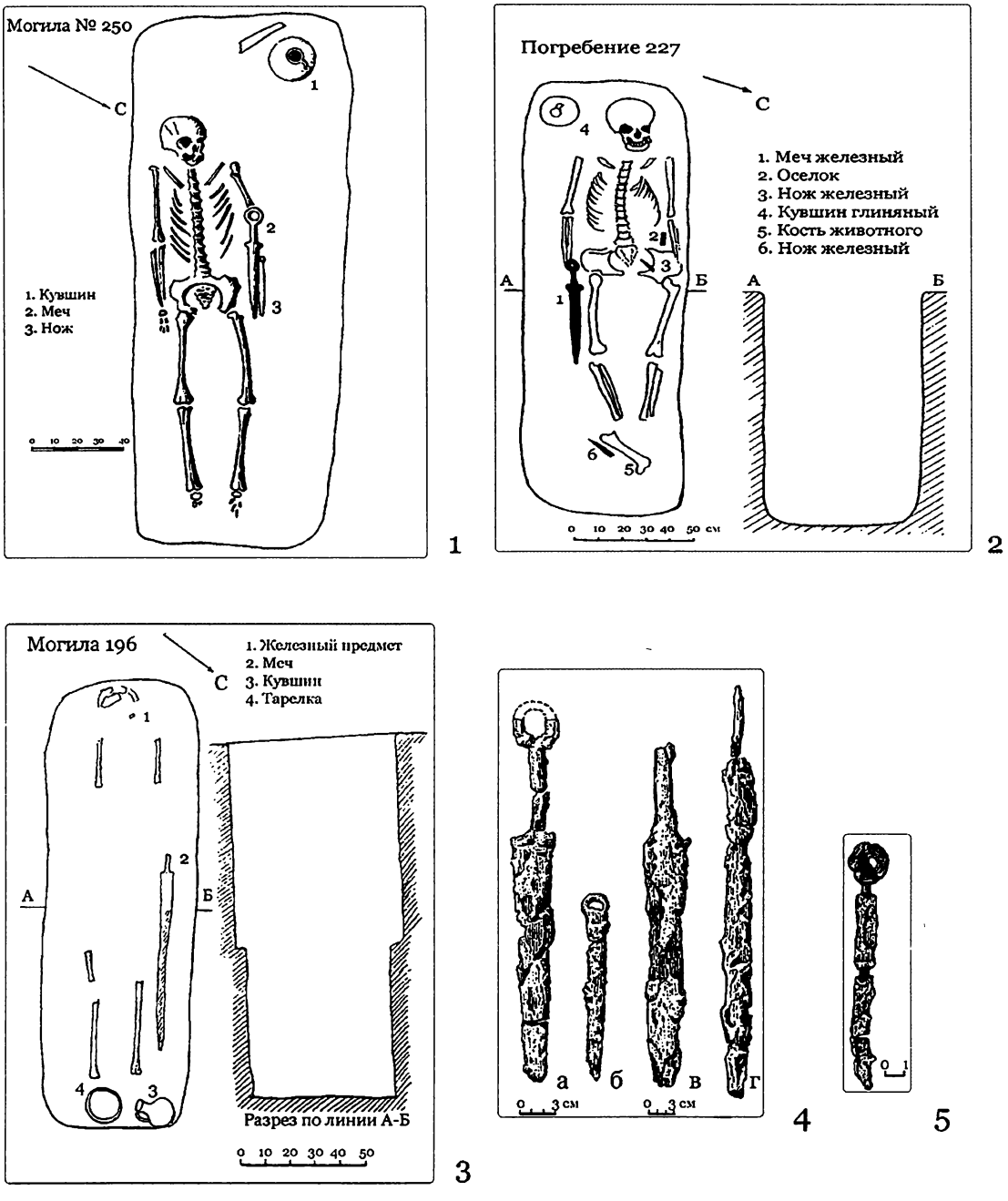


Рис. 2. Погребения с оружием из могильника у с. Заветное:
1 – план погр. 250; *2* – план погр. 227; *3* – план погр. 196; *4* – железные мечи и ножи (*а* – погр. 102; *б* – погр. 250 ?; *в* – погр. 165 ?; *г* – погр. – 146); *5* – нож из погр. 146 ?.
1-3 - по архивным материалам Н.А. Богдановой; *4-5* – по: Богданова, 1989.

сотская, 1994; Пуздровский, 2005). На каменном изваянии из Заветного раскопок 1958 г. имеется изображение длинного меча в ножнах. Интересно, что оно было найдено недалеко от подбойного погребения №146, в котором был открыт аналогичный меч в ножнах (Богданова, 1961; Гущина, 1967).

В погребении 146 вместе с мечом найден железный однолезвийный нож (длина – 17 см) с рукоятью, заканчивающейся петлей или кольцом, который Н.А. Богданова в отчете о раскопках назвала ножом, а в тексте публикации 1989 г. отнесла к предметам вооружения – кинжалам с кольцевым навершием (Богданова, 1989). Он, вероятно, изображен на рисунке в ее статье вместе с другими ножами (рис. 2, *5*) (Богданова, 1989). Похожий нож (длина ~ 27 см) (рис. 1, *6*) найден в погребении № 250 в непосредственной близости от меча с кольцевым навершием (рис. 2, *1*).

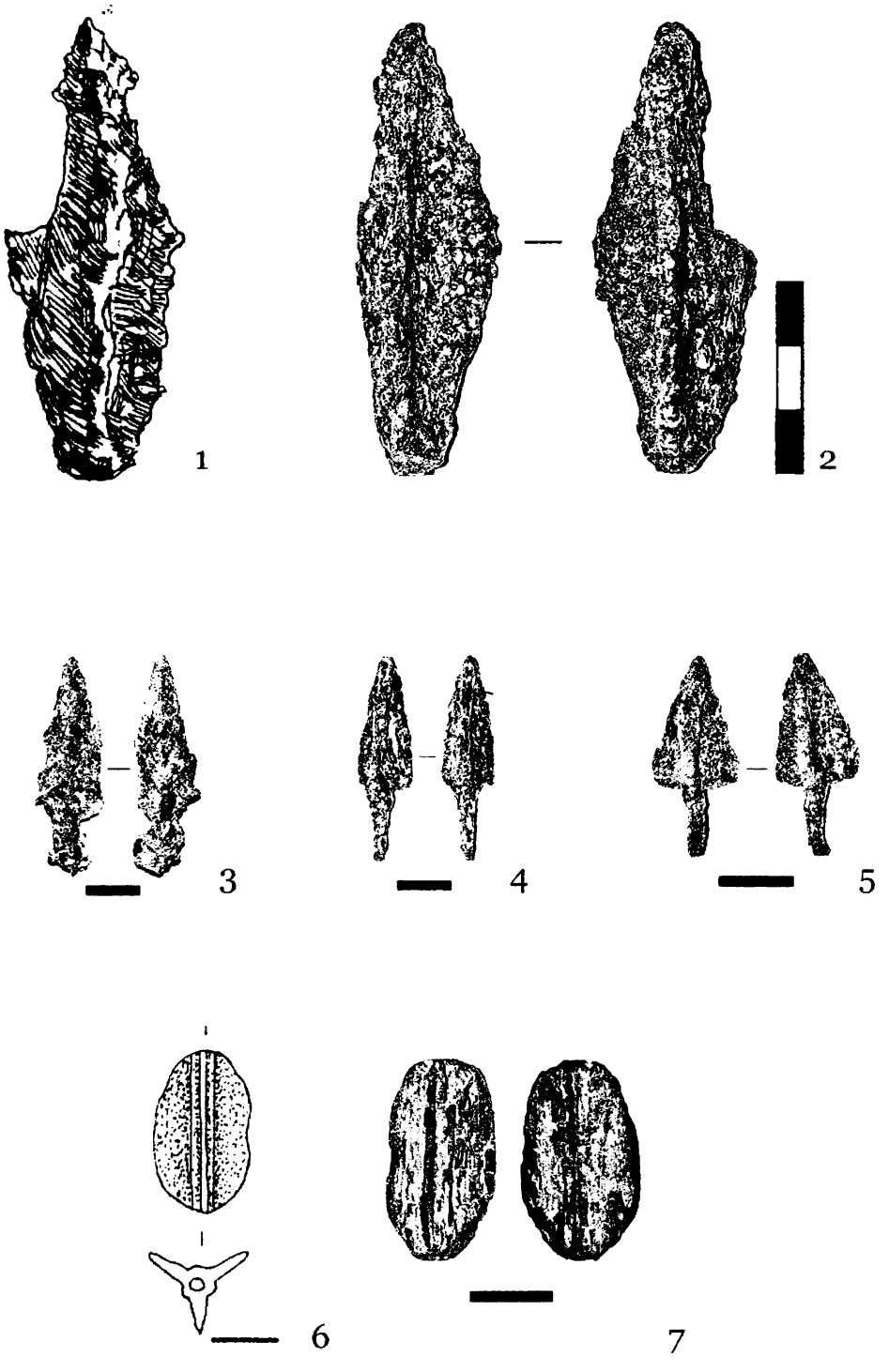


Рис. 3. Дротик (копье ?) и наконечники стрел из могильника у с. Заветное:
1-2 – погр. 150; *3* – погр. 102; *4* – погр. 261; *5* – погр. 254; *6-7* – погр. 16.
1 – рисунок по архивным материалам Н.А. Богдановой; *2-7* – фотографии и рисунок автора.
1-5 – железо; *6-7* – бронза.

Наконечник дротика или копья (?) (рис. 3, *1-2*) необычной формы найден в погребении № 150 у левого бедра погребенного. Предмет трехлопастной, с лопастями ромбовидной формы, которые частично обломаны. Длина сохранившейся части – 7,5 см. В могильниках Юго-Западного Крыма копья встречаются в погребениях редко (Богданова, 1963; Высотская, 1972). Известны они главным образом в захоронениях II–I вв. до н.э. Встречены копья и дротики в кургане Кермен-Кыр, в каменной гробнице мавзолея Неаполя, в Неапольском, Чернореченском, Усть-Альминском могильниках (Дашевская, 1991; Высотская, 1994), но все они имеют другую форму. В Беляусском могильнике (могила 5) найден похожий на заветнинский наконечник ромбовидной формы (Дашевская, 1991).

Наконечники стрел происходят из 4 погребений (погребения №№ 16 (рис. 3, *6-7*), 102 (2 экз.) (рис. 3, *3*), 254 (рис. 3, *5*), 261 (рис. 3, *4*). В погребении № 102 два железных трехлопастных черешковых наконечника стрел (рис. 3, *3*) лежали справа от меча с кольцевым навершием. В погребении № 261 такой же наконечник (рис. 3, *4*) с узкой вытянутой сводчатой головкой и лопастями, срезанными под острым углом к короткому черешку, найден в черепе погребенного. В погребении № 254 (рис. 3, *5*) наконечник с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к короткому черешку, найден у правой кисти. Длина наконечников – 2,5–3,8 см.

Наконечник стрелы с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (тип 11.4 по А.С. Скрипкину) датируется, вероятно, I в. н.э., но этот тип мог появиться и ранее (Хазанов, 1971; Скрипкин, 1990). Наконечники стрел этих типов характерны для средне- и позднесарматского времени. Они найдены в небольшом количестве в Усть-Альминском, Беляусском, Неапольском могильниках (Дашевская, 1991; Высотская, 1994; Puzdrovskij, Zajcev, 2004).

В погребении № 16 в области кисти правой руки найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 3, *6*-7) с обрезанной втулкой и лавролистной головкой. Возможно, предмет первоначально имел несколько иную форму, а впоследствии был подточен для использования в качестве амулета. Длина наконечника – 2,5 см. Похожей формы наконечники, но двухлопастные встречаются в савроматских погребениях Нижнего Поволжья (Очир-Горяева, 1996). В скифских древностях единственный трехлопастной наконечник похожей формы относится к VII–VI вв. до н.э. (Мелюкова, 1964). Единичные находки раннескифских стрел, по-видимому, игравших роль амулетов-оберегов, известны в Неапольском, Беляусском, Усть-Альминском и других могильниках (Дашевская, 1991; Высотская, 1994).

Как можно заключить из вышесказанного, в Заветнинском некрополе, несмотря на большое количество исследованных захоронений, оружия найдено немного, что, вероятно, в той или иной степени отражает общую военно-политическую ситуацию в регионе в первые века н.э.

Вообще, предметы вооружения – не самая частая находка в позднескифских некрополях Юго-Западного Крыма, за исключением одного из поздних могильников – Инкерманского, где почти в каждой могиле есть железные мечи и кинжалы (Гущина, 1967; Высотская, 1972). В некоторых погребальных памятниках оружие не найдено вообще. Исследователи по разному интерпретируют небольшое число находок предметов вооружения. Н.А. Богданова объясняла это тем, что благодаря мирному проникновению сарматов в Крым, снизилась роль воина как боевой единицы и это привело к сокращению их численности (Богданова, 1989). Т.Н. Высотская предполагает, что незначительное количество оружия в погребениях говорит о том, что «...у скифов перестает существовать народное ополчение, и оружие сосредоточивается в руках привилегированной верхушки общества» (Высотская, 1994). Однако анализ инвентаря погребений с оружием, проведенный для некрополя Бельбек IV, не подтверждает это предположение – далеко не все захоронения, содержащие предметы вооружения, выделяются богатством. По мнению И.И. Гущиной и Д.В. Журавлева, вторая половина I – рубеж II–III вв. н.э. были, вероятно, достаточно спокойным периодом для населения Юго-Западного Крыма, чем объясняется и наличие большого количества римского импорта, полученного в результате торговли с Херсонесом (Гущина, Журавлев, рукопись 1997 г., в печати).

В целом можно отметить, что в пересчете на количество раскопанных погребений оружия действительно найдено немного, однако число его находок значительно выросло в последнее время и продолжает постоянно увеличиваться в результате открытия и интенсивного исследования как новых, так и уже известных позднескифских некрополей*. Следует также учитывать, что в первые века нашей эры все позднескифские городища, как правило, имели достаточно мощные каменные оборонительные сооружения (см. например, Колтухов, 1999), что говорит о наличии постоянной военной угрозы.

* Так, например, наиболее представительная серия предметов вооружения происходит из Усть-Альминского некрополя, среди которых более 30 мечей и кинжалов с кольцевым навершием, 20 мечей без металлического навершия и перекрестия, несколько мечей с перекрестием и без навершия, большое количество наконечников стрел и т.д. (Зайцев, Мордвинцева, 2004; Пуздровский, 2005; Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002; Puzdrovskij, Zajcev, 2004). На Заветнинском могильнике недавно открыт «воинский участок», откуда происходят несколько мечей и кинжалов (Волошинов, Масякин, 2006, см. статью в настоящем сборнике).

А.А. Чижевский (г. Казань)

Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзихинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения)

Среди различных категорий материальной культуры ананьинской культурно-исторической области (АКИО) особое место занимают металлические изделия, своим происхождением связанные с Кавказом. Комплекс вещей кавказского происхождения из могильников ананьинского времени низовьев Камы и Среднего Поволжья хорошо известен в литературе (Збруева, 1952; Халиков, 1977; Патрушев, 1984). За последние годы появились новые материалы, полученные в результате работ на Мурзихинском IV (I) могильнике постмаклашеевской культуры АКИО. Часть погребений этого могильника опубликована (Беговатов, 1993), однако наибольший интерес вызывают не вошедшие в публикацию погр. 13, 14 («Дома мертвых» №1) и погр. 32. В могильнике найдены шесть групп изделий, имеющих отношение к рассматриваемой теме – бляхи, псалии, конусовидные украшения, пластинчатое изделие, фрагменты кавказских боевых поясов и сосудов.

Публикуемые предметы импорта находят аналогии, главным образом, в памятниках эпохи раннего железа из Закавказья. Бронзовые бляхи с массивным ушком на тыльной стороне и золотой вставкой в центре из погр. 14 (рис. 1. *1*) представляют собой наиболее яркий компонент закавказского импорта. Прототипы блях с золотыми вставками появляются на территории Закавказья в позднем бронзовом веке. Так, из кургана 91 Кара-булакского могильника происходят бронзовые бляхи со вставками из слоновой кости (?). В центре вставки проходит бронзовый гвоздь с шляпкой, обложенной золотом (Ивановский, 1911). Данный могильник относится к развитому этапу ходжалы-кедебекской культуры и датируется XI–IX вв. до н.э. (Минкевич, 1961). Аналогии мурзихинским бляхам прослеживаются в Грузии (Цинцкаройский могильник, погр. 21), в материалах IX–VII вв. до н.э.; золотая вставка, в этом случае, была утрачена еще в древности (Куфтин, 1941). Имеются они в могильнике Калакент из Западного Азербайджана (Kohlmeyer, 1983; Эрлих, 1994). Датировка данного могильника укладывается в пределы IX–VIII вв. до н.э. (Погребова, 1997). Орнамент в виде шестилучевой звезды характерен для предметов, найденных в Кармир-Блуре: золотая булавка с шестилепестковой головкой; навершие булавки, украшенное зернью; а также костяные предметы (Пиотровский, 1962). Комплекс вооружения из погр. 14: наконечник копья типа КД-28 и кельт типа КАН-28 имеют широкие рамки бытования с IX по VI вв. до н.э. (Кузьминых, 1983; Чижевский, 2002). В состав данного погребения входят псалии (рис. 1. *2*) своеобразного варианта сиалковского типа, надежно датированные В.Р. Эрлихом концом VIII–первой половиной VII вв. до н.э. (Эрлих, 1994). Наиболее вероятная дата соединения всех этих предметов в одном комплексе: конец VIII–первая половина VII в до н.э.

Погребение 14 было перекрыто более поздним погр. 13, в состав которого входили два налобных венчика и нашивная пластина, изготовленная из бронзового пояса. Фрагменты бронзовых поясов кавказского происхождения представлены на многих могильниках ананьинской культуры (Патрушев, 1982; Збруева, 1952). На основании этих комплексов были отслежены связи АКИО с Центральной Грузией и Передней Азией (Погребова, 1997; Патрушев, 1984). Фрагмент пояса из погр. 14 (рис. 1. *3*) по стилистике и декору поверхности (окантовка корпуса животного двойной линией, заполненной короткими штрихами; туловище украшено зональной штриховкой, кружками и точками; динамичная поза; наличие геометрических фигур под копытами и т.д.) приближается к типам I и V гравированных поясов по классификации М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского (Погребова, 1997). Особенно близки к мурзихинскому пояса из Подгориц (Уварова, 1990), разрушенного погребения из Мингечаура (Асланов, 1959), могильника Калакент погр. 47, 95, а также из кургана №2 могильника Ходжалы (Погребова, 1997). Закавказские пояса I типа датируются VIII–VII вв. до н.э., а V типа – VIII веком до н.э. (Погребова, 1997). Интересно, что и традиция изготовления накладок из поясов также является закавказской (Погребова, 1997). В состав вещевого комплекса погр. 13 входило два налобных венчика. Они относятся к типу IA по классифиции В.С. Патрушева и датируются серединой – второй половиной VII в. до н.э. (Патрушев, 1984). Таким образом, даты бронзовой пластины и налобных венчиков позволяют говорить о том, что погр. 13 было совершено в перой половине–середине VII в. до н.э.

Наибольший интерес для определения датировки погр. 32 представляет налобный венчик №2, в состав которого входили накладки и конические украшения (рис. 1. *4, 5*). Последние находят свои аналогии в материалах погр. 1 Куланурхвского могильника середины VIII–первой половины VI в. до н.э. в Абхазии. В отличие от мурзихинских, они использовались как бляхи (Трапш, 1970). Употребление этих украшений в

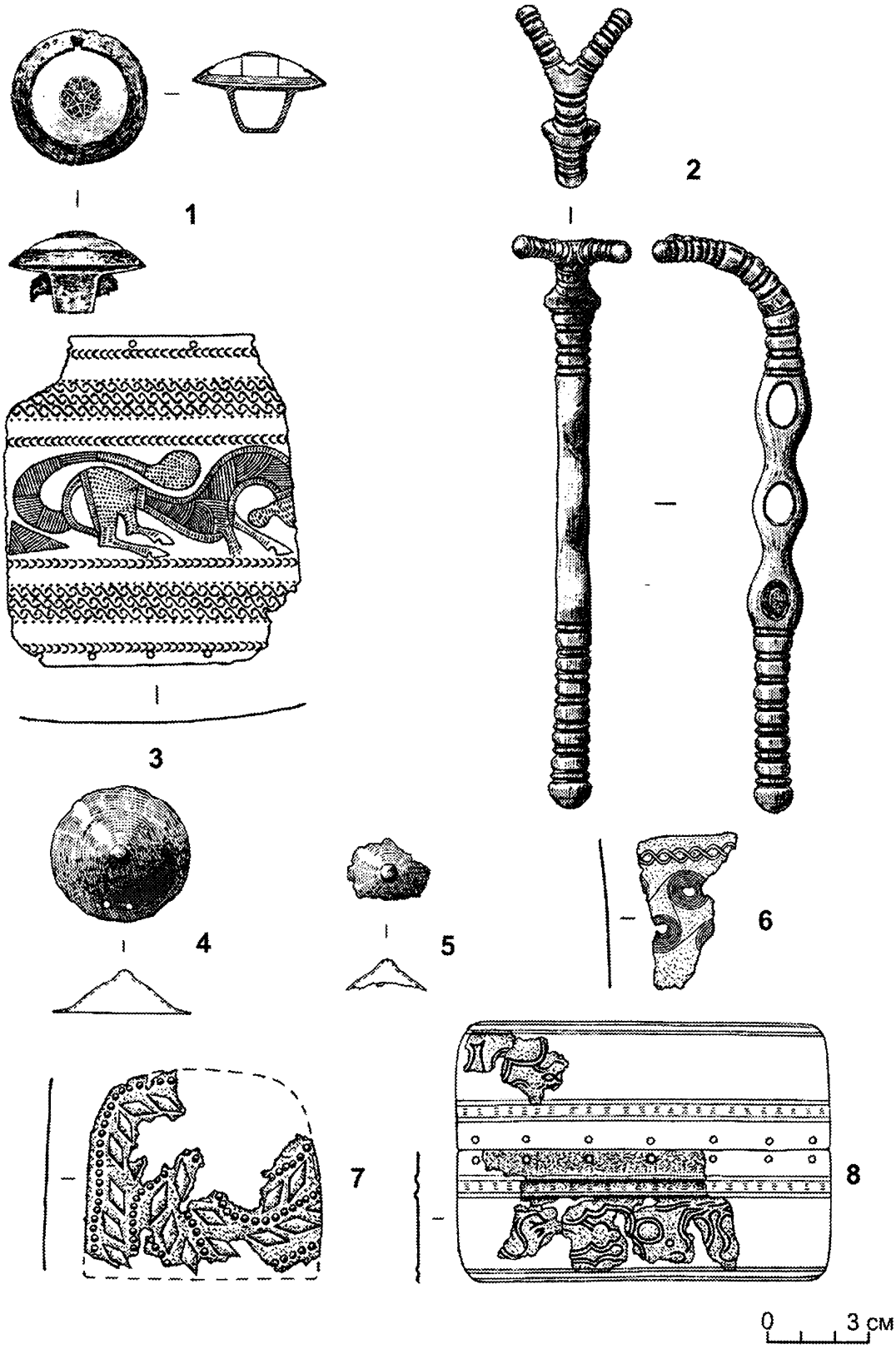


Рис. 1. Мурзихинский VI (I) могильник. Предметы кавказского импорта.
1, 2 – погр. 14; *3* – погр. 13; *4-8* – погр. 32

составе налобного венчика обращает наше внимание на другой тип конусовидных предметов из могильников АКИО (Патрушев, 1984; Збруева, 1952; Большов, 1988). Данный тип украшений в различных вариантах существовал почти все I тыс. до н.э. Наиболее ранние предметы, тождественные раннеананьинским, найдены в Абхазии в могильниках Гуадиху и Красномаяцкий (Трапш, 1969). Их датировка укладывается в пределы VIII–VII вв. до н.э. Встречены они в материалах крепости Кармир-Блур (Пиотровский, 1970), датируемой серединой VII–первой четвертью VI в. до н.э. Одна из накладок венчика №2, украшенная спиральным орнаментом (рис. 1. *6*), также представляет собой фрагмент бронзового гравированного пояса. Спиральная орнаментация, выполненная гравировкой, присутствует в материалах многих поселений и могильников АКИО. Есть они и на фрагментах бронзовых поясов, найденных в погр. 218, 840 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984). Наиболее близкие к рассматриваемому пояса происходят из могильников Центральной Грузии: Маралын-Дереси VIII в. до н.э. и Сагареджо VIII–VII вв. до н.э. – это третий тип гравированных поясов по М.Н. Погребовой и Д.С. Раевскому (Погребова, 1997). Другая накладка от венчика №2 покрыта орнаментом, изображающим дерево с ромбовидными листьями (рис. 1. *7*). Такой тип орнаментации не характерен для поясов, чаще он покрывал бронзовые сосуды (Халиков, 1977). Подобный орнамент известен на бляхах налобных венчиков Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982), в материалах Тлийского могильника и др. Ромбический орнамент характерен для бронзовой посуды и украшений центрального варианта кобанской культуры (Збруева, 1952; Козенкова, 1996). По данным закрытых комплексов (клад на горе Бештау и погр. 1 Султангорского могильника), имеющих в своем составе лопастные псалии и двукольчатые удила, данный орнамент на металлических сосудах датируется в пределах конца VIII–первой половины VII вв. до н.э. (Тереножкин, 1976; Виноградов, 1972). Накладка на голени имеет растительные изображения, включающие рисунки ветвящегося дерева и распускающихся цветов (рис. 1. *8*). Аналогии прослеживаются на памятниках Урарту, Северного Кавказа и Предкавказья (Черненко, 1980). Найдено подобное изображение, выполненное в переднеазаитской манере, и в материалах погр. 800 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984). Мурзихинское изображение очень специфично и, вероятно, представляет местную традицию. Таким образом, комплекс вещей из погр. 32 Мурзихинского II могильника можно датировать в пределах всего VII в. до н.э. или же середины этого столетия.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что немногочисленность закавказских изделий и вторичное использование некоторых из них (бронзовые пояса) свидетельствуют именно об импортном (торговом), а не привнесенном в результате подвижки иноэтничного населения, характере этих предметов. Вероятно, они были получены в результате торговых контактов кобанской культуры и АКИО в новочеркасское время (конец VIII–середина VII в. до н.э.), когда заметно усиливаются связи Волго-Камья с Северным Кавказом.

О.А. Шинкарь (г. Волгоград)

Колчанные наборы раннесарматского времени с территории Доно-Волжского междуречья

В настоящее время территория Доно-Волжского междуречья исследована археологами довольно основательно. Отсюда происходят сотни погребений, относящихся к раннесарматскому времени, в которых с завидной периодичностью обнаруживаются захоронения с оружием. Цель исследования – хронологически проследить трансформацию колчанных наборов на протяжении всей раннесарматской культуры. Следуя за тенденцией изучения археологических памятников по локальным группам, правильнее было бы разделить территорию междуречья на нижнедонские и нижнеповолжские памятники.

Характерной особенностью для левобережья Дона IV в. до н.э. является то, что колчанные наборы состоят либо только из бронзовых – Кулешовка, кург. 1, погр. 2, либо только из железных втульчатых наконечников стрел – Северный I, кург. 2, погр. 3; Азов, кург. 2, погр. 3; Крепинский II, кург. 5, погр. 4, погр. 11. И лишь как исключение в колчанном наборе из II Житковского, кург. 3, погр. 2 сочетаются бронзовые и железные втульчатые наконечники стрел. Колчаны IV в. до н.э. довольно сложно интерпретировать как принадлежащие к началу раннесарматской культуры или относящиеся к заключительному этапу савроматской культуры. По мнению ростовских археологов, на территории Нижнего Подонья в то время обитал

«пестрый кочевой мир», состоявший из номадов западного (скифского) и восточного (савроматского) происхождения, возможно сопоставимые с сирматами Эвдокса и псевдо-Скилака (Максименко, 1983; Глебов, 2005). Погребения III в. до н.э. с колчанными наборами с территории левого берега Дона неизвестны, впрочем, как и ни один кочевой комплекс (Полин, 1992; Клепиков, 2002; Глебов, 2005).

Колчанные наборы IV в. до н.э. с территории правого берега Волги характеризуются наличием в них как бронзовых, так и железных втульчатых наконечников стрел, которые нередко дополняются костяными. Наборы состоят, как правило, из большого количества наконечников: Барановка, кург. 27, погр. 2 (98 бронзовых, 19 железных, 23 костяных), Старица, кург. 4, погр. 9 (7 бронзовых, 140 железных), Котлубань I, кург. 9, погр. 6 (2 бронзовых, 1 железный), Вертячий, кург. 6, погр. 3 (35 бронзовых, 7 железных), Жутово, кург. 24, погр. 1 (4 бронзовых, 15 железных, 3 костяных), Жутово кург. 34, погр. 4, погр. 6 (7 железных, 6 костяных; 102 бронзовых, 3 железных), Аксеновский I, кург. 11, погр. 1 (85 бронзовых, 15 железных, 1 костяной). Все эти погребения относятся ко времени становления раннесарматской культуры. Они определяются не только по комплексам вещей, но и по обряду захоронения (Клепиков, 2002; Клепиков, Скрипкин, 2002).

Воинские погребения с колчанными наборами III в. до н.э. с территории Нижнего Поволжья фиксируются так же четко, как и погребения IV в. до н.э. Погребения III в. до н.э. – Терновский, кург. 9, погр. 7 (3 бронзовых, 11 железных, 1 костяной наконечник), Соленое Займище, кург. 10, погр. 7 (1 бронзовый, 50 железных). В этих случаях железные втульчатые наконечники стрел продолжают использоваться с бронзовыми, но последних становится значительно меньше. К этому времени бронзовые наконечники эволюционируют в сторону стандартизации по линии заострения и удлинения головки, и уже ко II в. до н.э. представляют собой вырождающиеся типы (Мошкова, 1962). Начиная с III в. до н.э. в колчанных наборах фиксируются наравне с бронзовыми втульчатыми и железные трехлопастные и трехгранные как с длинным черешком, так и с коротким – Старица, кург. 21, погр. 6 (12 бронзовых, 10 железных с длинным черешком); Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 20 (бронзовые с остатками железных стрел); Жутово, кург. 27, погр. 2 (2 бронзовых и 2 железных). В раннесарматских колчанах с III в. до н.э. кочевое население начинает использовать только железные наконечники с длинными черешками – Старица, кург. 21, погр. 4 (15 железных); Старица, кург. 42, погр. 4 (10 железных). Во II в. до н.э. эта традиция использования лишь железных черешковых стрел продолжается – Кривая Лука XVI, кург. 4, погр. 2 (более 50); Перегрузное I, кург. 33, погр. 5 (110); Первомайский I, кург. 1, погр. 4 (25); Жутово, кург. 27, погр. 4 (102). Серединой I в. н.э. датируется богатое среднесарматское погребение – Октябрьский V, кург. 1, погр. 1, в котором был найден колчан с железными наконечниками (116), имеющими длинные черешки, а в заполнении ямы – архаический бронзовый трехлопастной наконечник с шипом на втулке. Такой тип стрел с длинными черешками функционирует в колчанных наборах с III в. до н.э. по I в. н.э. включительно и к концу I в. постепенно сходит на нет (Хазанов, 1971; Глухов, 2001).

На археологическом материале Нижнего Поволжья (правый берег Волги) удается проследить, с какого момента бронзовые наконечники перестают играть ведущую роль в колчанных наборах раннесарматских воинов. Со II в. до н.э. такие наконечники начинают встречаться в единичных экземплярах, в погребальном обряде они выступают в качестве оберега, поскольку наконечник уже не несет функцию оружия. В комплексах II–I вв. до н.э. в колчанных наборах содержатся только железные наконечники стрел, а бронзовые находятся в засыпи ямы, на ступеньке или лежат отдельно от колчана, но рядом с погребенным – Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 15, скелет 1 (колчан железных черешковых наконечников, а на ступеньке – 1 бронзовый и 1 железный); Шебалино, кург. 3, погр. 7 (1 бронзовый и колчан железных черешковых). Процесс замены бронзовых наконечников на железные произошел в конце III – начале II вв. до н.э. Это связано как с определенными тактическими особенностями сарматского войска, так и переходом на более доступный в Нижнем Поволжье металл для производства наконечников (Мошкова, 1962).

Практически такая же ситуация наблюдается с колчанными наборами на территории Нижнего Подонья во II–I вв. до н.э. Здесь нужно согласиться с ростовскими исследователями, которые считают, что ранние сарматы подошли к Нижнему Дону не ранее II в. до н.э. с уже сформировавшейся культурой (Максименко, 1983). В. П. Глебов уточняет, что освоение сарматами этой территории произошло не ранее самого конца III–начала II вв. до н.э. Именно в это время (по археологическим источникам) начинается укрепление городских стен Танаиса (Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2004; Глебов, 2005). Колчанные наборы, которые появляются во II в. до н.э. и состоят из железных черешковых наконечников стрел, принадлежат ранним сарматам поволжского образца: Койсуг, кург. 7, погр. 31; Кулешовка, кург. 1, погр. 17. В таких наборах можно отметить по одному, двум бронзовым наконечникам, которые встречаются

с железными черешковыми – Ясырев III, кург. 1, погр. 7, что свидетельствует о схожести процессов формирования колчанных наборов на двух сравниваемых территориях. Кроме того, в последние два века до рубежа эр в наборах встречаются и архаические формы наконечников, как бронзовые, так и железные втульчатые: Койсуг, кург. 4, погр. 32, Красногоровка I, кург. 22, погр. 10, Ясырев I, кург. 8, погр. 9.

Таким образом, в Донском регионе во II–I вв. до н.э. бронзовые втульчатые наконечники стрел встречаются либо по одиночке в колчанных наборах, либо вообще в единичных экземплярах в качестве оберегов или амулетов. Бронзовые стрелы – амулеты довольно часто встречаются и в комплексах правого берега Волги. Их использование в качестве амулетов бесспорно. Они начинают встречаться с IV в. до н.э. – Котлубань II, кург. 2, погр. 9; в III–II вв. до н.э. – Кривая Лука VIII, кург. 1, погр. 10; во II–I вв. до н.э. – Первомайский VII, кург. 39, погр. 10, костяк 2; Ильевка, кург. 4, погр. 2.

Одной из особенностей колчанных наборов с этих территорий является наличие в них железных втульчатых наконечников стрел. С Нижнего Дона происходит целый ряд колчанных наборов, состоящих из железных наконечников стрел. Такие погребения, как Алитуб, кург. 3, погр. 20, Койсуг, кург. 5, погр. 12, Новопалестинский II, кург. 1, погр. 11, несомненно, были совершены в раннесарматское время. Здесь следует согласиться с выводами В.П. Глебова, который, исследуя эти колчанные наборы, идентифицирует их с переселенцами из кубано-ставропольского региона (Глебов, 2005). Подобные наборы на территории Нижнего Поволжья не наблюдаются, поскольку в них не встречаются стрелы, характерные для кубано-ставрополья. Железные втульчатые наконечники продолжают эволюционировать по линии упрощения старых савроматских форм и сходят постепенно на нет к рубежу эр у сарматов Нижнего Поволжья и Заволжья. Видимо, кочевое население с этих территорий на протяжении всей раннесарматской культуры сохранило крепкие связи со своей бывшей родиной, находящейся на востоке, далеко за Волгой.

С территории обитания ранних сарматов в междуречье Дона и Волги подбирается целая серия комплексов, в которых находятся погребенные, расстрелянные как бронзовыми, так и железными наконечниками стрел. Так в IV в. до н.э. у погребенного в I Аксеновском могильнике (кург. 12, погр. 1) в различных частях тела было найдено 8 бронзовых наконечников. Тремя бронзовыми наконечниками был убит погребенный из Кривой Луки XIV, кург. 33, погр. 1. В III в. до н.э. по одному бронзовому наконечнику отмечено в костях погребенных из Кривой Луки XV, кург. 2, погр. 17, костяк 1 и Кривой Луки XVI, кург. 1, погр. 18; II–I вв. до н.э. характеризуется уже железными черешковыми наконечниками, найденными в телах погребенных – Первомайский VII, кург. 39, погр. 13, костяк 2. В Кривой Луке VII, кург. 9, погр. 6 – погребенный убит бронзовой миниатюрной стрелой. Это свидетельствует о том, что иногда бронзовые наконечники выступают в качестве оружия. Данные наблюдения говорят об активных военных действиях, протекающих в раннесарматских племенах IV–I вв. до н.э.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что колчанные наборы с территории Нижней Волги, в которых устойчиво встречаются бронзовые наконечники стрел в сочетании с железными втульчатыми, существуют в IV в. до н.э. Примерно в таком же составе, но, эволюционировав в сторону упрощения, они встречаются и в III в. до н.э. С этого времени в достаточно большом количестве появляются железные черешковые наконечники стрел, особенно с длинными черешками. На протяжении всего II века бронзовые наконечники, которые приобретают миниатюрные формы, встречаются в погребениях уже в единичных экземплярах, а колчаны состоят преимущественно из железных черешковых наконечников. Существует устойчивое мнение, что на заключительном этапе раннесарматской культуры бронзовые наконечники встречаются в погребениях в качестве амулетов. Здесь следует заметить, что в этом качестве такие наконечники начинают встречаться еще в погребениях IV–III вв. до н. э., сохраняются во II–I вв. до н.э. и фиксируются в погребальной практике послерубежного времени.

Такой «гладкой» эволюции для колчанных наборов с территории левого берега Дона не наблюдается. Если в IV в. до н.э. наборы состоят из стрел скифского и савроматского образца, то в III в. до н.э. погребения с колчанами отсутствуют вообще, а значит развитие и преемственность прерываются. И только со II в. до н.э. на этой территории появляются схожие колчанные наборы с нижневолжскими, а частью с кубано-ставропольскими железными стрелами. Сарматы, появившиеся здесь, приносят уже в готовой форме колчанные наборы стрел, характерные для II–I вв. до н.э. В это же время бронзовые наконечники уже выходят из моды, как изжившие себя.

В.Р. Эрлих (г. Москва)

Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святилищ)

Межкультурные контакты регионов Прикубанья, Приуралья и Поволжья в последнее десятилетие оказывались в центре внимания исследователей, прежде всего, историков искусства звериного стиля. Весьма дискуссионной оказалась проблема сложения прикубанского «елизаветинского» звериного стиля IV в. до н.э. Е.Ф. Королькова предположила приуральские истоки большинству мотивов и композиционных схем елизаветинского времени (Королькова, 1998). Однако, определенные положения этой концепции вызвали возражение исследователей (Переводчикова, 2000; Эрлих, 2004; Канторович, Эрлих, 2006).

В то же время, Е.В. Переводчиковой было отмечено прикубанское влияние в зверином стиле Нижнего Поволжья в V в. до н.э. (Переводчикова, 2000). К рассмотренным этим автором сюжетам нам хотелось бы добавить и изображение головы оленя с рогами в виде головок хищной птицы. В Прикубанье подобные изображения встречены в Четвертом Семибратнем и 11-ом Ульском кургане, а в Поволжье – в кургане 5 могильника Кривая Лука III (Артамонов, 1966; Масленицына, 1992; Očir-Gorjaeva, 2005). В ряду композиций V в. до н.э., заимствованных из Прикубанья (или в целом из Причерноморья), имеется изображение птицы, клюющей рыбу, которое встречается в комплексах Нижнего Поволжья (Кривая Лука, Хошеутово, Старица), Южного Приуралья (Новый Кумак) и Западного Казахстана (Сынтас) уже в редуцированном и схематизированном виде (Канторович, Эрлих, 2006).

На наш взгляд, культурные контакты между этими регионами имели двустороннюю направленность, причем, вероятно, можно говорить об усилении восточного вектора во второй половине IV в. до н.э.

В русле этой темы нам бы хотелось привести свидетельства связей с Нижнем Поволжьем и Приуральем среди предметов материальной культуры из меотских святилищ второй половины IV в. до н.э. некрополя II Тенгинского городища (Усть-Лабинский район Краснодарского края), исследованных в 2000–2002 гг. Кавказской экспедицией ГМИНВ.

Среди этих свидетельств есть как прямые импорты, так и элементы местной культуры, возникшие благодаря связям с племенами Нижнего Поволжья и Приуралья.

Золотая серьга из кургана 1. Из кургана 1 происходит золотая серьга (либо височная подвеска) в 2 оборота диаметром 1,3 см, на которое надето колечко меньшего диаметра (0,55 см), свернутое из узкой пластинки (рис. 1, *1*). Подвески (либо серьги) подобной формы в погребениях предшествующего времени в Прикубанье нам неизвестны. По-видимому, по происхождению это украшение стоит связывать с Приуральем. Е.В. Лылова серьгам этого типа недавно посвятила специальное исследование (Лылова, 2002). Наиболее ранние серьги этого типа появляются на рубеже V–IV вв. до н.э. в Южном Приуралье. Два ранних экземпляра, встреченные в Филипповском кургане 4 и кургане, раскопанном на окраине Орска, Новокумакском («Золотые олени Евразии», 2001; Савельева, Смирнов, 1972), практически идентичны. Кольцевидные подвески этих серег состоят из спаянных между собой простых и орнаментированных ложной насечкой проволочек и припаяны к кольцам. Для спиральных колец более ранних украшений характерны более крупные размеры – 3–3,5 см. На более поздних экземплярах подвеска крепится подвижно, перемещаясь по спиральному кольцу при помощи специальной обоймы, как у серьги из 4-го Прохоровского кургана, либо без крепления надевается на спиральное кольцо, как у серег из Охлебининского могильника в Башкирии (Лылова, 2002). На серьге из Мечет-Сайского могильника подвеска-колечко изготовлена не из пластинки, а из круглой в сечении проволочки («Степи Европейской части», 1989). Таким образом, серьга из Тенгинского святилища более примитивна, чем ее прототипы из Филипповки и Орска. И по размерам, и способу крепления подвески она ближе к серьгам из сарматских памятников III–II в. до н.э. (Лылова, 2002).

Бронзовые уздечные пронизи. В том же Тенгинском кургане 1 встречено большое количество бронзовых уздечных деталей с отверстием, через которое протягивался шнурок конского оголовья. Мы условно называем эти предметы пронизями (не путать с ворварками). Их количество достигало восьми в одном уздечном наборе. Можно выделить три разновидности: 1) усеченно-биконические (встречаются как литые, так и свернутые из бронзовой пластины) (рис. 1, *2, 3*); 2) полусферической формы (рис. 1, *4*); 3) виде цилиндриков небольшого диаметра, свернутых из бронзового листа (рис. 1, *5*). Бронзовые обоймы-пронизи ремней оголовья являются инновацией в местном конском снаряжении. Во всяком случае, для более ранних Уляпских комплексов первой половины IV в до н.э. эти элементы не характерны. Подобные пронизи встречены лишь в уздечных наборах наиболее позднего ритуального комплекса кургана 8 у аула Уляп (усеченно-биконический и полусферический тип).

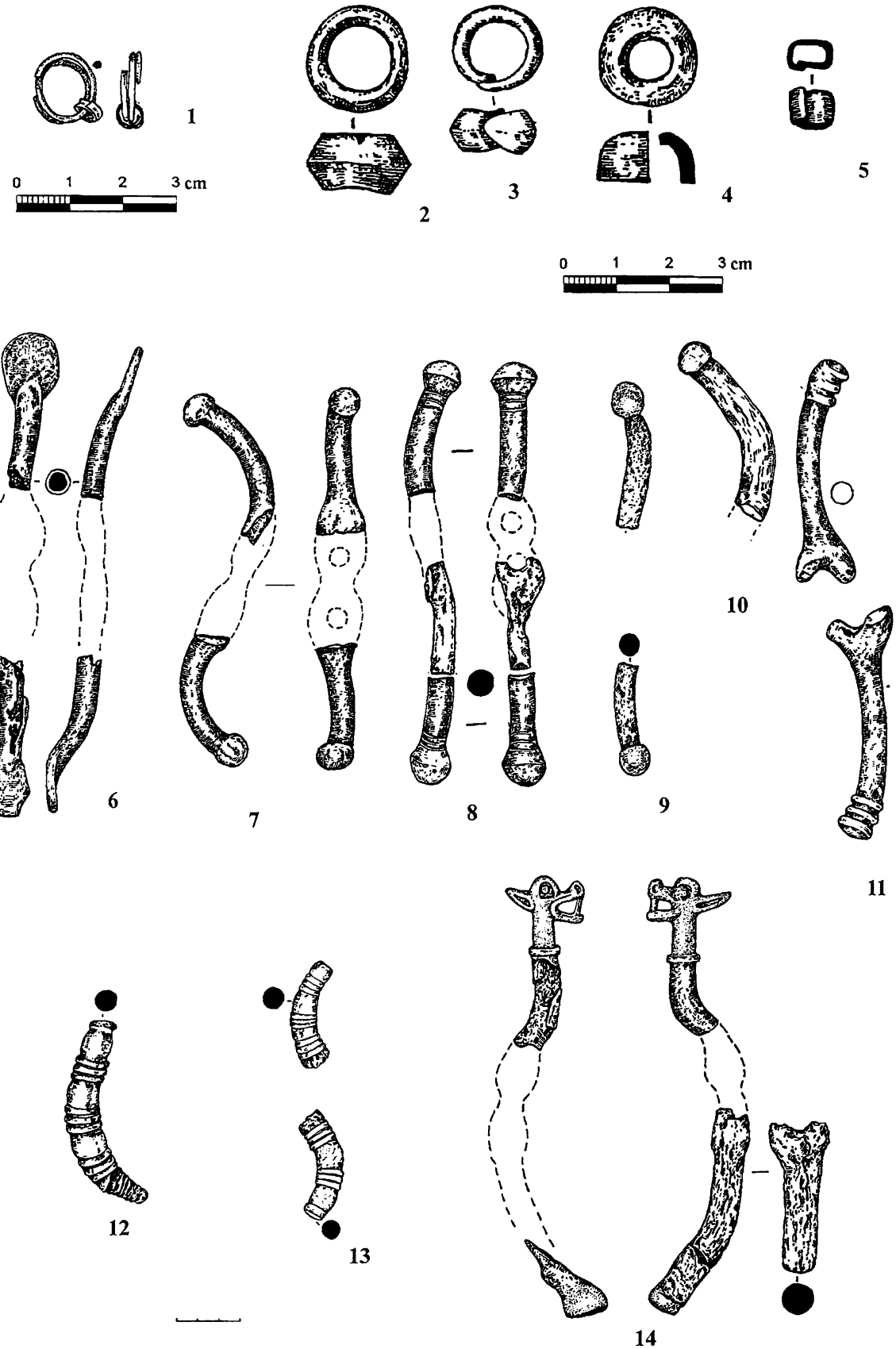


Рис. 1. Святилища II-го Тенгинского городища: *1* – серьга из кургана 1. *2–5* – уздечные пронизи из кургана 1; *6–14* – варианты биметаллических псалиев из курганов 1–3. *1*- золото; *2–5* – бронза; *6–14* – бронза и железо.

В то же время, подобные наременные пронизи вышеперечисленных типов встречаются в Нижнем Поволжье и Приуралье, начиная с V в. до н.э: Блюменфельд, кург. А12, Переволочаны, кург. 10, погр. 2, Хошеутово и другие комплексы (Očir-Gorjaeva, 2005). На наш взгляд, весьма правомерно связать их появление в Прикубанье с восточным вектором связей.

Биметаллические псалии. Появление в Прикубанье во второй половине IV в. до н.э. биметаллических псалиев, разнообразные варианты которых встречены во всех трех Тенгинских курганах-святилищах (рис. 1, *6-14*) скорее всего, нужно связать с регионом Приуралья. В настоящее время биметаллические псалии с железной основой и бронзовыми приливами можно считать характерной особенностью прикубанских уздечных наборов второй половины IV в. до н.э.

В то же время наиболее ранние железные псалии с бронзовыми зооморфными окончаниями встречены в могильнике Пятимары I на территории савроматов и относятся к V в. до н.э. Есть они и в 6-ом Филипповском кургане (Смирнов, 1964; «Золотые олени Евразии», 2001). Биметаллические псалии также находились в комплексах V–IV вв. на Среднем и Нижнем Дону: Дуровка кург. 9, Шолоховский курган (Пузикова, 2001; Максименко, 1983). В Прикубанье, тем не менее, биметаллические псалии получили наиболее широкое распространение.

Бронзовый фрагмент биметаллического псалия с головкой пантеры, подобный Тенгинскому (рис. 1, *14*), найден в Воронежском кургане 19 (ОАК, 1903), еще один очень похожий псалий происходит из связанного с Прикубаньем святилища с конскими жертвоприношениями в Абхазии (Очамчири, городище Гюэнос) (Эрлих, 2004). С-и S-образные биметаллические псалии в Прикубанье встречены в неопубликованных Говердовских курганах 6 и 7 возле Майкопа, которые также являлись, скорее всего, святилищами с конскими жертвоприношениями (Нехаев, 1986). Есть биметаллические псалии в эрмитажной коллекции конских уборов из станицы Гурийской (ГЭ, № 2501/15). Известны подобные псалии и в недавно открытом грунтовом могильнике у хутора Прикубанского (Марченко, Лимберис, Бочковой, 2001), еще один псалий из неустановленного прикубанского памятника хранится в Краснодарском музее (Инв. № КГИАМЗ 11030/164). Недавно опубликован еще один прямой биметаллический псалий, происходящий из группы (комплекса?) случайных находок близ станицы Махошевской (Давыденко, 2005).

Взаимовлияние в конском снаряжении регионов Прикубанья и Приуралья во второй половине IV в. до н.э. было обоюдным. В связи с этим следует привести пример встречи в насыпи кургана 3 в Филипповке типично кубанских деталей конской уздечки, выполненных в стиле типа станицы Елизаветинской: Г-образных псалиев, налобника, наносников в виде головы оленя с рогом горного козла, превращенным в голову хищной птицы – «оленекозлов» по А.Р. Канторовичу («Золотые олени Евразии», 2001). Наибольшее распространение последних деталей конской уздечки, имеющих северопричерноморское происхождение, наблюдается в Прикубанье, откуда они проникают на Нижний Дон, в Приуралье и Абхазию (Эрлих, 2002; Канторович, 2003).

Очевидно, с Южным Приуральем следует связывать изображение оленя на золотых накладках на полусферическую деревянную чашу из Тенгинского кургана 2 (Эрлих, 2005). На четырех пластинах, оттиснутых с одной матрицы, рельефно изображен лежащий, либо скачущий олень с головой, повернутой назад. Грудь передана двумя концентрическими окружностями с точкой посередине. Ребра – в виде нескольких рельефных полосок. На задней части животного имеется изображение головы хищной птицы. Следует отметить, что это первая известная нам находка полусферической чаши с металлическими аппликациями в Прикубанье, где основным культовым сосудом был ритон или рог для питья. Наибольшее стилистическое соответствие олень тенгинской чаши, по нашему мнению, находит у деревянных, покрытых золотым листом, оленей из кург. 1 Филипповки: это «худые» животные, тело которых образуют две параллельные линии, подчеркнуто переданы ребра, грудь изображена в виде концентрических окружностей («Золотые олени Евразии», 2001).

Мы не можем согласиться с мнением Е.Ф. Корольковой о приуральских истоках кубанского звериного стиля времени Елизаветинской столицы (Королькова, 2001), хотя в случае с оленями, изображенными на чаше, восточное влияние более чем вероятно.

Абстрактно с восточным влиянием сарматского мира можно связывать и происхождение тамгообразного знака на золотой ажурной пластине – центральной части диадемы из кургана 2 (Эрлих, 2002).

Таким образом, можно утверждать, что на протяжении V и IV вв. до н.э. имеются явные связи Прикубанья с регионами Нижнего Поволжья и Приуралья, которые прослеживаются не только на предметах звериного стиля, но и в других элементах материальной культуры. Насколько они были «незначительны» и «неупорядоченны» (Переводчикова, 2000) судить трудно. Очевидно, в разное время их механизм был разный. Если в V в. до н.э. носителями этих связей могли быть кочевники, поддерживающие торговые контакты с оседлым меотским населением Прикубанья, то причиной усиления «восточного вектора» этих отношений во второй половине IV в. до н.э. можно видеть продвинувшиеся в прикубанские степи сарматские племена.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ГУННСКУЮ И ПОСТГУННСКУЮ ЭПОХИ

И.А. Аржанцева, О.Н. Иневаткина (г. Москва)

Тюрки в живописи Афрасиаба

В 1965 г. на древнем городище Самарканда – Афрасиаб, в одном из залов комплекса зданий аристократического квартала середины VII в. были открыты росписи, к которым до сих пор в мировой науке и в мире культуры не затихает интерес. Интерпретации сюжета, анализу изображенных на них реалий, датировке росписей и т.д. посвящена довольно обширная литература. Афрасиабская живопись уникальна прежде всего в силу своего сюжета: прибытие ко двору правителя Согда посольств из различных областей Азии, и представляет собой своеобразную «этнографическую энциклопедию» Средней Азии раннего средневековья. Здесь в одном сюжетном замысле оказались собранными вместе согдийцы, тюрки, иранцы, китайцы, корейцы, представители горных племен в своих церемониальных парадных костюмах. Кроме того, афрасиабские росписи снабжены надписью, позволяющей указать дату их создания – вторая треть VII в н.э. А снабженные такой «этикеткой» росписи представляют особый интерес для археологов. «Посольская сцена» на центральной, западной стене, бесспорно, представляет единую по замыслу и содержанию картину. При ее подробном исследовании и интерпретации обращает на себя внимание доминирующая группа этнических тюрков, выделяющаяся не только своим внешним видом, но и всей манерой поведения в сцене приема. Тюрки изображены в характерных костюмах, с типичными только для них прическами, с новейшим для VII века типом вооружения (легкими, длинными, кавалерийскими мечами и коленчатыми кинжалами). Мастерство художников, создавших росписи, было также призвано подчеркнуть их важную роль в сцене приема и особенности «характера» этой группы. В контрасте со статичностью и парадностью послов нижнего регистра сцены, они легки, подвижны и в основном регистре композиции представлены в разнообразных свободных раскованных позах хозяев ситуации: слушающих музыку, комментирующих происходящее, ведущих беседу, играющих в кости, в том числе позволяющие себе и некие отступления в одежде (спущенные рукав или верхний халат, или без него). Очевидно, что именно они регулируют проведение всей церемонии приема. И композиция, и манера изображения, и содержание изображения, все подчеркивает главенство этой группы в сюжете западной стены. Можно заключить, что основной темой и героями посольской сцены являются тюрки, изображенные при дворе Согдийского правителя «как у себя дома». Все это невольно вызывает ассоциации со сценами на рельефах из гробниц некоторых согдийцев – высокопоставленных чиновников времен династий Северная Суй и Чжоу, Северная Вэй, где нашли отражение согдо-тюркско-китайские взаимотношения конца VI в.

В более глобальном смысле сцена приема, изображенная на западной стене «Зала послов», отразила важнейший исторический процесс, происходивший в VI–VII вв. в этом регионе Евразии: вытеснение иранцев и связанной с ними «архаики» из зон их традиционного многовекового влияния молодым, набирающим силу этносом – тюрками.

И.Р. Ахмедов (г. Москва)

Короткие двулезвийные мечи из рязано-окских могильников

Вопрос о развитии различных типов оружия, и, в первую очередь, клинкового, а также оценка его роли в системе воинской культуры Восточной Европы в гуннское и постгуннское время традиционно привлекают пристальное внимание исследователей. Достаточно вспомнить знаменитую дискуссию о кинжале из богатого погребения у озера Боровое, развернувшуюся между А.К. Амброзом, а также, косвенно, И. Аназавой, и И.П. Засецкой, в которой отразились многие аспекты проблем переселенческой археологии. (Zaseckaja, 1993; Засецкая, 1975; Амброз, 1986; Anazawa, Manoma, 1980). Оружие позднеримской, гуннской и постгуннской эпох до сих пор рассматривалось лишь в рамках работ обзорного характера. Достаточно детально разработана эта проблематика в работах европейских археологов, где клинковое оружие рассматривается и

в рамках новаций гуннского времени, и как атрибут складывающегося престижного воинского комплекса эпохи сложения ранних «варварских» королевств, во многом связанным с позднеримско-ранневизантийской традицией. (Menghin, 1983; 1994/1995; Kazanski, 1998; Quast, 2001; 2002; Carnap-Bornheim, 2001). Находки из лесной зоны Центральной России еще не стали объектом пристального изучения, пока существуют только попытки рассмотрения отдельных комплексов с оружием и общие обзоры находок клинкового оружия. (Ахмедов, 2001, Kazanski, 2001, Павлихин, 2003, Ахмедов, Казанский, 2004).

Данная работа, посвященная только одной, достаточно малочисленной категории клинкового оружия ближнего боя – коротким двулезвийным мечам из рязано-окских могильников – должна дополнить круг работ, посвященных анализу этой проблематики.

На данный момент известны три находки коротких двулезвийных мечей в комплексах постгуннского времени в рязано-окских могильниках. (Борок 2, п. 76-124; Никитино пп.117а, 168)

Длина мечей 32-55,6 см. Лезвия симметричные, с выделенным черенком. Сечение линзовидное, у клинка из п.168 Никитинского м-ка – уплощенно-линзовидное, возможно, первоначально имелись продольные широкие долы, уничтоженные коррозией. Ширина лезвий – 3,2–4 см. Края лезвия плавно сходятся к острию. (Рис. 1, *1-3*) В п. Борок 2 76-124 рукоять меча украшена заклепками и шпеньками с головками в виде лунниц. Он также был снабжен ножнами, изготовленными в рамках стилистической группы 2, характерной для ножен рязано-окских однолезвийных мечей постгуннского времени.

У мечей из п. 117а и 168 могильника Никитино сохранились фрагменты бутеролей ножен с остатками железных пластинок-накладок U-образной формы. Такие бутероли характерны для ножен наиболее поздних экземпляров однолезвийных мечей постгуннского времени.

В состав комплекса п.76-124 м-ка Борок 2 входили набор металлических деталей крестовидной диадемы с декором в виде птичьих головок, крестовидная фибула, поясной набор с птицевидными деталями самого раннего типа, бронзовый браслет. Дата погребения – середина–третья четверть V в. (Ахмедов, в печати). К более позднему времени относятся находки из п.117а и п.168 м-ка Никитино, что устанавливается по наличию в п.117а железной поясной пряжки с рифленой вобразной рамкой и подпрямоугольной пластинчатой обоймой, близкой типу Линдора-Полибино. Это может указывать на дату в рамках второй половины V–начала VI вв. (Бажан, Каргопольцев, 1986). Если мечи в м-ке Никитино встречены в достаточно небогатых погребениях, то состав комплекса и декор оружия в п.76-124 м-ка Борок 2 свидетельствует о принадлежности погребенного к элите рязано-окского населения.

На близких территориях следует указать на единственную случайную находку короткого двулезвийного кинжала из Тульской области (Фонды ГИМ), а с территории среднего Поволжья – экземпляры длиной около 50 и 60 см в пп. 120 и 487 Мл.Ахмыловского м-ка, п.6 Шор-Унжинского м-ка (Никитина, 1999). Датировка этих комплексов и рязано-окских в целом близка.

Обзор прототипов и аналогов на территории Восточной Европы можно начать с понтийского региона. Серия двулезвийных кинжалов из погребений в Цебельде описана Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао. К ним они относят 4 экз. найденных в комплексах, относимых авторами к второй половине V–VI вв. (Абгиздраху, п.44, Ал. – 20/8, Цибилум, 1-39; 43). Кинжал из п. Цибилум 1-43 имел ножны с боковыми симметричными сегментовидными петлями для крепления, богато украшенную рукоять. Похожий кинжал, но с ножнами, изготовленными по упрощенной схеме, найден в погребении Цибилум 1-39. (Воронов, Шенкао, 1982). Состав комплексов позволяет сузить дату комплексов до первой трети–первой половины IV в. – соотносящуюся с горизонтом Д2 европейских древностей по Я. Тейралу. Эта схема имеет богатую иранскую традицию, тщательно разобранную А.К. Амброзом (Амброз, 1986), представленную как в кушанских древностях, памятниках финала среднесарматского времени (Дачи, Анапа и др.), так и более позднего времени (гробница питиахшей в Мцхете, изображения на сасанидских блюдах). Короткие двулезвийные мечи и кинжалы (от 30 до 50 см) А.В. Симоненко относит к 4 группе клинкового оружия поздних сармат, бытовавшего в II–III вв. н.э. (Симоненко, 1984) Возможно, в рамках этой традиции следует рассматривать и находки из курганов 473, 137/2, 330 (к), 150(1/к) м-ка Алтын-Асар IV в Приаралье. Рамки бытования этих предметов определяются Л.М. Левиной II–IV веками (Левина, 1994, 1996). В русле «восточной» традиции, вероятно, следует рассматривать и находки коротких кинжалов в богато украшенных ножнах в Бруте и п. VIII м-ка Новогригорьевка. (Засецкая, 1994; Le'Or…..; Grabshatze…; Anke, 1998). Схема же композиции декора ножен имеет аналогии на изображениях из «пещеры художников» в Куче, в Восточном Туркестане.(Grunwedel, 1912; Le Coq, 1975), датирующихся V в.

В целом, ареал этой разновидности коротких двулезвийных кинжалов и их изображений указывает на то, что в Восточную Европу они попадают из иранского мира и связаны с центрально-

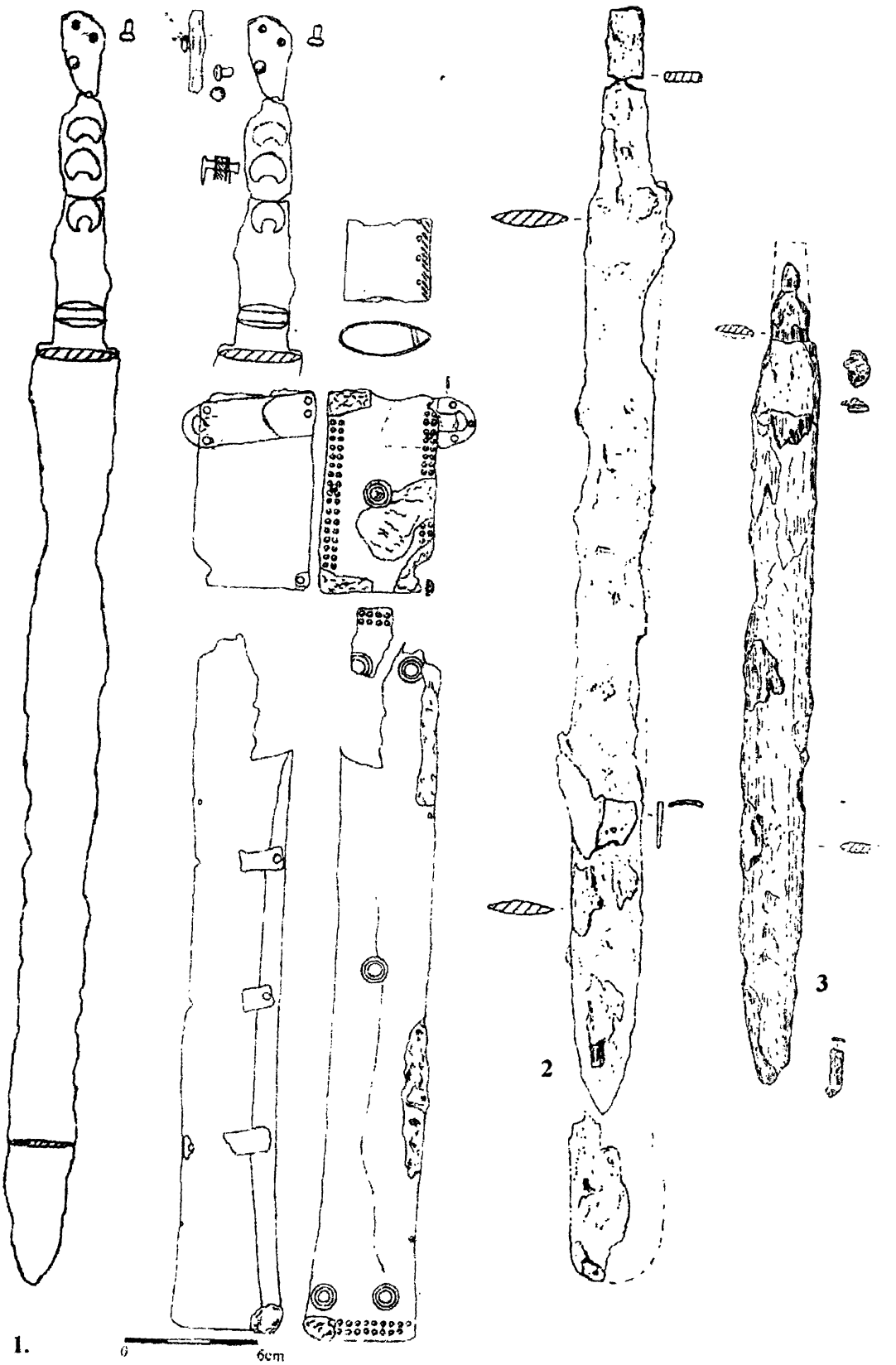


Рис.1. Короткие двулезвийные мечи из рязано-окских могильников:
1 – погр. 76-124, могильник Борок 2; *2* – погр. 117а, *3* – погр. 168, Никитинский могильник

азиатскими и иранскими традициями.

В Барбарикуме короткие двулезвийные мечи или кинжалы распространяются с конца II–III вв. (тип Биборский VI), в это же время они появляются в западной части Балтии (Gaerte, 1929; Kokowski, 1993; Tejral, 2003). В Крыму ранний экземпляр известен в п.3 м-ка Чатыр-Даг (Aibabin, 2003). Находки гуннского времени представлены в материалах погребений знати в боспорских склепах: наиболее целый сохранившийся экземпляр происходит из склепов 1904 года на Госпитальной улице, там же фрагмент еще одного. (Засецкая, 1993).

Более близки рязано-окским образцам находки в пп. 479 и 408 м-ка Дюрсо (Дмитриев, 1979, 1982). Из богато украшенных образцов следует указать на находку в п. 118 в Зарагиже, где ножны кинжала богато украшены, плакированы золотой фольгой со стилизованным орнаментом в виде перьев, рукоять и бутероль декорированы имитацией зерни, композициями из гнезд с гранатовыми вставками, в декоре бутероли использована композиция из противостоящих птичьих головок (Le Or....). Набор морфологических и стилистических черт связывает это изделие с кругом европейских престижных изделий горизонта Апахида–Блучина–Турне, в целом датирующегося второй половиной–последней третью V в.

Находки двулезвийных кинжалов или коротких мечей облегченных пропорций, обычно относимых авторами к типу «Micia», известны в бассейне Нижнего и Среднего Подунавья середины–второй половины V в. (Биштрет, Ведастра, Чонград-Кендерфолдек, п.40; Чонград-Казерне, п.136; Яшберени-Шолодуло, п.4; Кестхей) (Tejral, 1999, Harhoiu, 1999), отдельные находки в Германии (Флонхайм, п.5, Графенборф, Вормлитц, п.5) (Perin, 1995; Schmidt, 1976; Ament, 1970). Этот тип короткого клинкового оружия, являющийся результатом синтеза германских, а также, возможно, римских традиций, в течение V в. сменяется однолезвийными короткими мечами-тесаками, которые становятся в различных модификациях господствующей формой этой категории в меровингской Европе.

Несмотря на наличие в Причерноморье прототипов и близких форм такого оружия, более предпочтительным представляется предположение об их центрально-европейском происхождении. На Средней Оке они появились в контексте мощного дунайско-центральноевропейского культурного импульса (Ахмедов, Казанский, 2004) вместе со значительным массивом однолезвийных клинков и использовались местным населением аналогично последним, на что указывает то, что ножны из погребения в Борке 2 изготовлены в стилистике, характерной для ножен однолезвийных клинков. Как и однолезвийные мечи-тесаки они использовались и в качестве социального индикатора, на что указывает весь комплекс п.76-124 м-ка Борок 2а, в котором присутствуют диадема и поясной набор с птицевидным декором.

Находки в погребальных комплексах Ахмыловского и Шор-Унжинского м-ков также могли появиться в контексте «западного» культурного импульса, который, возможно, при участии населения Среднего Поочья достигает левобережья Средней Волги.

Д.Г. Бугров (г. Казань)

К вопросу о структуре расселения в Икско-Бельском междуречье на рубеже нашей эры (поселения пьяноборской культуры)

Структура расселения, определяемая размещением поселений в пространстве, их иерархией и взаимосвязью друг с другом, является важнейшей характеристикой всякого социума. Система расселения носителей пьяноборской культуры II в. до н.э.–III в. н.э. до сих пор специально не исследовалась. Краткие обзоры, основанные на данных 1950-х–начала 1970-х гг., приводятся в работах В.Ф. Генинга (1970, 1988) и Б.Б. Агеева (1992). Первый рассматривал размещение поселений в ландшафте, второй выделил внутри территории пьяноборской культуры девять «племенных территорий». Накопленные к настоящему времени сведения (почти исключительно данные разведок) позволяют, используя метод пространственного анализа (Афанасьев, 1987, 1990а, 1990б), выстроить модель расселения пьяноборцев в Икско-Бельском междуречье (далее – ИБМ).

Для анализа были отобраны 129 памятников (123 селища и местонахождения из 164 известных в ИБМ и 6 городищ из 31, либо образующие единый комплекс с селищами, либо имеющие достаточно значительные площадь и культурный слой, чтобы быть интерпретированными как постоянные поселения). После объединения в условно единые населенные пункты близкорасположенных (менее 300 м) поселений в работе остались 109 памятников. Они были распределены по правилу «ранг – размер» (правило Ципфа) на 28 рангов – от самого большого Подгорно-Байларского

II селища (250000 м^2) до самых маленьких (2400 м^2 и менее). Анализ графиков распределения рангов пьяноборских поселений позволил выделить шесть типов населенных пунктов. Количественное соотношение типов следующее: 1-й тип – 4 поселения (3,7%); 2-й – 7 (6,4%); 3-й – 8 (7,3%); 4-й – 13 (11,9%); 5-й – 12 (11%); 6-й тип – 65 поселений (59,6%).

Дальнейшее исследование связано с моделированием древней транспортной сети и построением гравитационной модели. Учитывая степень изученности ИБМ, эта часть анализа может быть выполнена только для нижнего течения р. Ик, наиболее полно исследованного разведками. Кроме того, датировки памятников Нижнего Ика по материалам могильников укладываются в пределы I в. н.э., возможно, захватывая I в. до н.э., поэтому есть большая вероятность одновременного существования поселений в этом регионе по сравнению, например, с Нижней Белой. Анализ показал, что структура расселения пьяноборцев в Нижне-Икском регионе формировалась из семи микрорегионов, что, в общем, соответствует результатам предварительного картографирования (Бугров, 2000). Центрами микрорегионов являются поселения 1-2-го типов (в одном случае - 3-го типа); они расположены вдоль края террасы левого берега р. Ик на расстоянии от 5,3 до 17,8 км (в среднем, 10,4 км) друг от друга. В каждом микрорегионе имеется как минимум одно городище. В большинстве это городища-убежища, по размеру относящиеся к группе «мельчайших»; только два городища – Усть-Мензельское и Новомелькенское – имеют значительную площадь и выраженный культурный слой и, по-видимому, были обитаемы постоянно. Городища не всегда устойчиво сочетаются с центрами микрорегионов, как это прослежено Г.Е. Афанасьевым в Приосколье; такое совпадение наблюдается только в двух случаях. Поселения в Икско-Камской пойме (главным образом, 6-го типа), помимо весьма аморфного Юртовского микрорегиона, не образуют выраженных скоплений. Большинство их располагается вытянутой цепочкой по всей длине Игимской гривы – естественной восточной границы Икско-Камской поймы. На берегу Камы отчетливое скопление вокруг Курьинского VI селища 6-го типа образуют поселения, не вошедшие в типологию. Такое размещение, вероятно, связано с сезонным ловом осетровых; значительная часть поселений в пойме, видимо, также являлись сезонными. В целом структура расселения пьяноборцев в Нижнее-Икском регионе характерна для оседлого населения с комплексным типом хозяйства.

Структурировать пьяноборские поселения в других регионах ИБМ на данный момент крайне затруднительно (достаточно уверенно можно выделить только три микрорегиона на Среднем Ике и три – в левобережье Нижней Белой). Выделенные Б.Б. Агеевым «племенные территории» (в пределах ИБМ – I, II, III, V и часть IV) с определенной корректировкой прослеживаются и при уточненном картографировании, однако термин «племенные территории» представляется недостаточно обоснованным. Этнографические параллели позволяют рассматривать эти регионы как хозяйственно-территориальные объединения, аналогичные *ях* хантов Приобья, а микрорегионы – как большесемейные или ранние соседские общины *пурс* (Головнев, 1995).

М.С. Гаджиев (г. Махачкала)

Градостроительная и фортификационная деятельность сасанидов на Восточном Кавказе

1. Появление гуннов на исторической арене Европы открыло новую страницу в истории многих стран и народов. Их вторжение в 395–6 гг. (Eus. Hier. Epist. LXXVII, 8; Claud. Claudian. In Ruf. II, 22–30) нанесло ощутимый удар по Ирану и Византии, показало мощь новых номадов. В 408 г. был подписан ирано-византийский договор, по которому стороны договорились о совместных расходах на охрану кавказских проходов. Эта сумма для Византии составляла, очевидно, 500 литр золота ежегодно (Theoph. Chron. 245, 13-26). Договора 424 г. и 442 г. подтвердили ее обязательства по выплате ежегодных партий золота на охрану проходов (Marc. Comit. Chron., II, 80; Theoph. Byz. Fragm). В сер. 440-х гг. шаханшах Йездигерд II приступил к созданию оборонительной системы в западном Прикаспии. Сначала Иран возводит в Дербентском проходе сырцовые укрепления, перегородившие узкую приморскую равнину (Кудрявцев, 1978; 1979; Гаджиев М.С., 1989), а между 447–450 гг. – город-крепость Шахристани Йездигерд (Hoffmann, 1880. S.50), который локализуется на месте крупного Белиджинского городища Торпах-кала в 20 км южнее Дербента (Гаджиев, 2001). Это был первый этап сасанидской фортификационной и градостроительной деятельности на Восточном Кавказе.

2. Конец V в. ознаменовался новой волной

«тюркского прессинга». Савиры, возглавившие военно-политическое объединение кочевников, продолжили попытки экспансии на юг. В 505 г., после перемирия Византия уплатила шаханшаху Каваду 11 кентинариев золота (Procop. De bello Pers., I, 9). В 507 г. Иран заключил мир с Византией, а около 508 г. восстановил контроль над кавказскими проходами, в том числе над Каспийскими воротами, которыми в конце V в. овладели гунны-савиры во главе с Амвазуком (Procop. De bello Pers., I, 10). Исходя из военно-политической ситуации в регионе, период 508–522 гг. был наиболее благоприятным для проведения новых фортификационных работ (второй этап фортификационного строительства). К этому времени следует относить укрепление Кавадом сырцовой фортификации Дербента, городов Байлакана, Партава (Барда'а) и Кабалы, строительство многочисленных опорных пунктов, создание системы длинных стен (Баладзори, 1927.; Ибн ал-Факих, 1902; Ибн Хордадбех, 1986). Последние представлены «стеной лбинов между Ширваном и воротами Аллан» (Баладзори, 1927. С.5; ср.: Минорский, 1963), идентифицируемой с Закатальской стеной (Гаджиев, 1998), «длинной стеной Апзут Кават» (Anania of Sirak, 1992), названной в честь царствовавшего монарха и отождествляемой с Гильгильчайской оборонительной стеной (Алиев и др., 2004; у ал-Балазури и ал-Масуди – «стена из глины»: Баладзори. 1927; Минорский, 1963; у Ибн ал-Факиха – «кирпичная стена»: Ибн ал-Факих. 1902), «каменной стеной Бармаки» (Минорский, 1963), которая идентифицируется с укреплениями около скал Беш-Бармак (Пахомов, 1926; Еремян, 1941).

3. Третий (последний) этап фортификационной и градостроительной деятельности Сасанидов на Восточном Кавказе приходится на 560–начало 570-х гг. Первоначальные союзнические отношения Ирана и Тюркского каганата, скрепленные в 554 г. браком шаханшаха Хосрова I с дочерью хакана Истеми, после разгрома эфталитов (к 567 г.) переросли во враждебные. Но еще до этого Иран испытал новые нашествия кочевников; наиболее крупным из них явилось вторжение 551 г. (Каланкатуаци, 1984), нашедшее отражение и в сообщении ат-Табари о нападении «народов абхаз, банджар, баланджар и алан» (Шихсаидов, 1986.). Ответной мерой Хосрова явились крупная кампания (ок. 560 г.) в Приморский Дагестан против названных племен, а после заключения в 561 г. мира с Византией – успешный поход «в сторону хазар». После этих военных кампаний Хосров «завоевал Бурджан, затем вернулся и построил ал-Баб ва-л-абваб» (Шихсаидов, 1986), то есть Дербент. Ибн ал-Асир дополняет ат-Табари сведениями о постройке Хосровом в Прикаспии городов Шабаран и Маскат (Ибн-ар-Асир, 1940).

По данным ал-Балазури, Ибн ал-Факиха и других авторов, Хосров основал на Кавказе (большей частью на Восточном Кавказе) в стратегически важных местах свыше 20 укрепленных пунктов, поименно названных в источниках городов, крепостей, в том числе Баланджар и Самандар (Ибн ал-Факих, 1902; Ибн Хордадбех, 1986; Шихсаидов и др., 1993), которые идентифицируются соответственно с Верхнечирюртовским и Махачкалинским городищами (Котович, 1974; 1974а; Магомедов, 1975). Имена этих городов имеют удовлетворительные иранские этимологии, в особенности название Самандар – «Крайние (пограничные) ворота», отражающее географическое положение укрепления. Обращает внимание, что Махачкалинское городище, как и укрепления Бармаки и Дербента, имело две параллельных стены, закрывавших проход между передовым хребтом и Каспием (Котович, 1974), а оборонительные сооружения Верхнечирюртовского городища, расположенного у выхода р. Сулак на равнину, обращены не в сторону гор, а в сторону Прикаспийской низменности (Магомедов, 1983), откуда ожидалась угроза кочевников.

4. Анализ сведений письменных источников, интерпретация среднеперсидской надписи № 3 на северной стене Дербента, содержащей дату строительства, и определение произведенных трудозатрат показывают, что сооружение укреплений Дербента на первом этапе работ (строительство северной городской стены и цитадели) было принципиально возможным в течение года и было осуществлено в 568–569 гг. К этому времени Иран обладал огромными финансовыми средствами, полученными от Византии в качестве контрибуции и по условиям договоров 531 г. и 561 г. (Proc. De bello Pers., I,22, II,5-6, II,10, II,26-27, II,28; Menand. Frag., 11) и составлявшими суммарно ококо 6 тонн золотой монетой. Это позволило Хосрову Ануширвану приступить к созданию колоссального Дербентского оборонительного комплекса, ставшего вершиной фортификационного зодчества Сасанидского Ирана и венцом в системе Limes Caspius – кордонных «длинных стен», опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе между оседло-земледельческим и кочевническо-скотоводческим мирами.

Б.Б. Дашибалов (г. Улан-Удэ)

Об оседлости древних и ранних монголов*

Г.А. Федоров-Давыдов создал целое направление в российской археологии и истории, связанное с изучением золотоордынских городов Поволжья (Федоров-Давыдов, 1997). В.Л. Егоров обратил внимание исследователей на то, что в целом недооценивается развитость у монголов оседлой жизни (Егоров, 1973). Именно традиции оседлости в монгольской культуре рассматриваются в данном сообщении.

Изучение лексики монгольских языков выявило связь древних монголов с оседлой культурой. Важно при этом, что речь идет не об отдельных словах, а о целых группах терминов, относящихся к земледельческому хозяйству. Как писал венгерский лингвист и этнограф А. Рона-Таш: «сейчас является совершенно ясным, что древние монголы были хорошо знакомы с земледелием» (Рона-Таш, 1979). Интерес вызывает наличие в монгольском языке собственных терминов названия риса (Викторова, 1980). На оседлость древних монголов может указывать и самостоятельная терминология, связанная в монгольском языке с таким животным как свинья (Рассадин, 1984). Работы языковедов позволяют нам сфокусировать внимание на целом ряде традиций в культуре монголов, не характерных для современного этноса, но, возможно, имевших место в культуре древних монголов. По материалам языка к этим палеоэтнографическим явлениям следует отнести оседлость древних монголов, самостоятельное земледелие, знакомство с рисоводством, развитое свиноводство. Вместе с тем языковеды показали, что терминология, связанная с кочевым образом жизни и степными животными заимствована монголами у тюрков (Щербак, 1966). Подчеркнем, что столь важные для понимания древней истории монголов заключения в основном остались внутри языкознания и не стали частью монголоведения и тюркологии в целом.

В китайских источниках о хозяйстве и быте древних монголов (дунху) чаще всего упоминается, что они «пасут скот, отыскивая места с хорошей водой и травой. Для жилья не имеют постоянного места» (Таскин, 1984). Это было верно в отношении степных дунху, но эту характеристику нельзя распространять на все народы, вышедшие из дунху. Часть дунхуских народов практиковали земледелие: «...земли ухуаней благоприятны для выращивания проса и растения дунцян». О хозяйстве и быте шивэй пишется так: «Очень много щетинника, пшеницы и проса» . Кумоси, относившиеся к ранним монголам, «хорошо знали, как пахать землю и сеять злаки». Часть дунху строили укрепленные крепости и столицы, жили селениями и в городах (там же).

При исследовании вопросов оседлости монголов большое значение приобретают работы В.С. Старикова, долгое время (1935–1955) жившего в Маньчжурии. Изучение земледельческих орудий и истории земледелия в этом регионе позволило В.С. Старикову провести неразрывную связь между собственно маньчжурским и, что очень важно, монгольским земледелием. В.С. Стариков делает принципиально важный вывод о том, что земледелие в Маньчжурии «имеет прямую связь с глубокой древностью появления плуга у протомонголов, с непрерывностью занятия земледелием какой-то части монголов, несмотря на преобладание кочевого скотоводства» (Стариков, 1966; 1967).

В.С. Стариков показал, что Маньчжурия является древнейшим центром оседлой и городской культуры, и здесь местные традиции градостроительства развивались, в одних случаях соприкасаясь с китайскими архитектурными и планировочными нормами, а в других – совершенно независимо, опираясь на собственные изобретения и навыки (Стариков, 1976). Предстоит еще большая и кропотливая работа по выявлению особенностей оседлых поселений и городов и крепостных сооружений Внутренней Монголии и Дунбэя. Ученым следует выявить архитектурные особенности древнемонгольского зодчества и изучить связи этих архитектурных приемов с градостроительством в ранних маньчжурских и корейских государствах.

После изучения монгольских городов С.В. Киселев писал: «Дальнейшие археологические и источниковедческие исследования должны ответить на ряд важнейших вопросов о месте, значении и характере взаимоотношений городского строя и оседлых форм жизни во дворцах и усадьбах знати в общем процессе развития центральноазиатского феодализма, который в интересующей нас области едва ли можно теперь считать кочевым» (Киселев, 1958). Монгольский ученый академик Х. Пэрлээ, много внимания уделявший оседлым традициям в культуре монголов, также пришел к выводу: «...нужно учитывать значение земледельческих и градостроительных знаний и опыта древних монголов» (Пэрлээ, 1974).

Итак, древние этапы культуры монголов характеризовались оседлостью, домостроительством и градостроительством, развитым земледелием и свиноводством. О том, что эти традиции не были прерваны, говорит оседлая культура киданей и монголов в Золотой Орде

* Выполнено по гранту РФФИ № 05-06-80183а

В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова (г. Москва)

Технологическая характеристика кузнечных изделий с территории Волго-Камья в эпоху Великого переселения народов*

В середине I тысячелетия н.э. происходит заметная активизация межэтнических взаимодействий, связанных с появлением на территории Волго-Камья значительных масс пришлого населения. В это время там в составе железных изделий появляются новые типы вещей, выделяющиеся по своему морфологическому облику среди кузнечной продукции местного финно-угорского населения.

В результате изучения большого аналитического материала в настоящее время нами определены основные технико-технологические характеристики финно-угорского кузнечного ремесла. Как удалось установить, вплоть до VIII в. железообрабатывающее производство носило весьма консервативный с технической точки зрения характер: в качестве сырья использовались железо и сырцовая сталь, отсутствовала технологическая сварка, редко использовалась термообработка.

Вместе с тем мы обнаружили целый ряд вещей, которые не только морфологически, но и технологически выделяются из местной кузнечной продукции. К ним относятся мечи, кинжалы, наконечники копий, секировидные предметы. Все эти изделия отличаются тем, что при их изготовлении использовалась высокоуглеродистая (цементованная или литая) сталь, либо особые приемы термообработки, либо в конструкции применялся цветной металл.

Уникальными кузнечными изделиями являются мечи из азелинских могильников Тюм-Тюм и Усть-Брыскинский. Это единственные предметы из Предуралья, изготовленные из литой (тигельной) стали. Можно полагать, что рассмотренные нами мечи изготовлены в одном из центральноазиатских (Индия, Иран) центров. Появление подобных мечей в финно-угорской среде обусловлено, на наш взгляд, многоступенчатым характером контактов.

В рассматриваемое время на финно-угорских памятниках появляются оригинальные и по форме, и по конструктивным особенностям секировидные предметы, имеющие длинный вытянутый корпус и несоразмерно маленькое проушное отверстие. Такие предметы были широко распространены на памятниках именьковской культуры. Технологической особенностью их изготовления является применение мягкой закалки, что не характерно для финно-угорской железообработки. В финно-угорском мире секировидные предметы встречаются на памятниках азелинской и мазунинской культур, т.е. у племен, непосредственно контактировавших с именьковцами.

Большой редкостью для рассматриваемого времени является использование цветного металла при изготовлении железных предметов. Тем не менее, среди исследованных изделий были обнаружены подобные вещи. В азелинском Пятом Рождественском могильнике найдены фрагменты кольчуги, колечки которой были скреплены заклепками из цветного металла. Отметим, что в материалах рязано-окских могильников встречаются наконечники копий с кольцами из цветного металла на конце втулки. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что использование цветного металла в железообработке было распространено в античных городах, с традициями которых, возможно, связаны указанные технологии.

Проанализированный нами материал позволяет говорить о том, что появившееся в период Великого переселения народов на территории Волго-Камья пришлое население обладало специфическим набором кузнечного инвентаря и специальными технико-технологическими знаниями в железообработке. Но несмотря на тесные контакты, установившиеся у финно-угров с носителями иных культурных традиций, технологических заимствований мы не наблюдаем.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 05-06-803320.

Е.П. Казаков (г. Казань)

Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье времени Тюркских каганатов

В средневековой истории Урало-Поволжья слабо исследованной является эпоха тюркских каганатов и гуннского времени. В предгуннский период степь и лесостепь указанного региона, видимо, занимали сарматы. Последующие события не могли их вытеснить полностью. Об этом свидетельствует, в частности, типично сарматский могильник V в. в Старомаинском р-не Ульяновской области (Казаков, 1987). В первые века нашей эры в регионе проживало оседлое население с лепной горшковидной керамикой, имеющей отогнутую шейку и венчик с ямочными наколами и нарезками. Вместе с ней отмечаются сосуды с высокой цилиндрической шейкой, позднее определяемые как турбаслинские, и чашевидные изделия. Такие группы посуды встречены на Алексеевском городище в г. Саратове (Юдин, 2001), Лбищенском городище, Подгорском, Новиновском V, Шигонском, Царевокурганском поселениях (Сташенков, 2005). На территории Татарстана подобная посуда отмечена на селищах «Шихан» и Полянском, при этом на последнем отмечен и типично сарматский горшок с сосковидными налепами по тулову (Казаков, Рафикова, 1999).

Указанные памятники Г.И. Матвеева относит к Лбищенскому типу III–начала V в., полагая его ранним этапом именьковской культуры (Матвеева, 1998). Происхождение последней она связывает со славянами (Матвеева, 2003).

События периода образования Первого тюркского каганата привели к массовым миграциям и в том числе к перемещению вышеуказанного населения к северу и западу. В это время отмечается появление массива именьковского населения в Пензенском крае (ошпандинская группа) и в Казанском Поволжье. Даже в лесной зоне на правобережье р. Камы появляется много именьковских памятников (Старостин, 1967). Кроме многочисленных именьковских селищ и городищ, в Нижнем Прикамье исследовано более десятка могильников с трупосожжением. Умерших сжигали на стороне, а остатки кремации ссыпали в небольшие могильные ямы, куда ставились и лепные горшковидные сосуды. В таких комплексах изредка встречаются и обожженные изделия из погребального костра, датирующиеся, как и поселенческий инвентарь, второй половиной VI – VII вв.

Для определения даты, этнокультурной принадлежности именьковского населения основные материалы предоставили некрополи, где вместе встречаются погребения с трупосожжением и трупоположением. Последние ранее относились к турбаслинской культуре (сарматской, по мнению уфимских археологов), однако они, несомненно, должны включаться в единую турбаслинско-именьковскую общность.

В настоящее время турбаслинско-именьковские могильники: Кушнаренковский, II Коминтерновский, IX Измерский, Маклашеевский, Ташкирменский, III Старомаинский – отмечены на всей территории от Приуралья до Нижнего Прикамья. Материалы их позволяют утверждать, что они оставлены населением, практикующим биритуальность в погребальной обрядности (Казаков, 1998). Богатейшие комплексы данных памятников, особенно II Коминтерновского могильника (здесь исследовано 50 погребений с трупосожжением, 3 кенотафа и 27 – с трупоположением, сопровождаемые черепом и костями ног коня, обильным вещевым материалом), позволили осветить то огромное влияние, которое оказало пришлое население на соседних угров и финнов. В комплексах последних, датируемых второй половиной VI в., появляются косы-горбуши, новые типы серпов, удила с ромбическими приемными кольцами, изделия ранней геральдики или предгеральдики, серебряные накладки в виде псевдопряжек (правда, финно-угры использовали их в качестве подвесок) и т.д. (Казаков, 2004). Привнесенными в финно-угорскую среду можно полагать крестовидные фибулы, подвески в виде четырехгранных пирамидок, мелкие подвески-коньки, кольцевидные подвески и застежки с круглыми напусками по краю. Такие изделия многочисленны в турбаслинско-именьковских древностях. В захоронении 90 Младшего Ахмыловского могильника отмечены даже бронзовые прямоугольные наконечники ремней с ребристой передней частью (Никитина, 1999), характерные для именькова.

Свидетельством подобного влияния являются и данные погребальной обрядности, отражающие сарматские традиции. В их числе усложненные конструкции могильных ям с подбоями и уступами, ритуальные комплексы и ямы на площадках, своеобразные захоронения коней, от которых сохранились только череп и ноги лошади (шкура лошади). Последнее, зафиксированное в известном Андреевском кургане (Степанов, 1965) начала н.э., отмечено в азелинских некрополях гуннского времени (IV в.н.э.) в низовьях р. Камы: V Рождественском, Нармонском (Старостин, 2002). Такие же комплексы отмечены в позднеазелинских памятниках Марийского Поволжья: Уржумкинском, Мари-Луговском, Арзебелякском

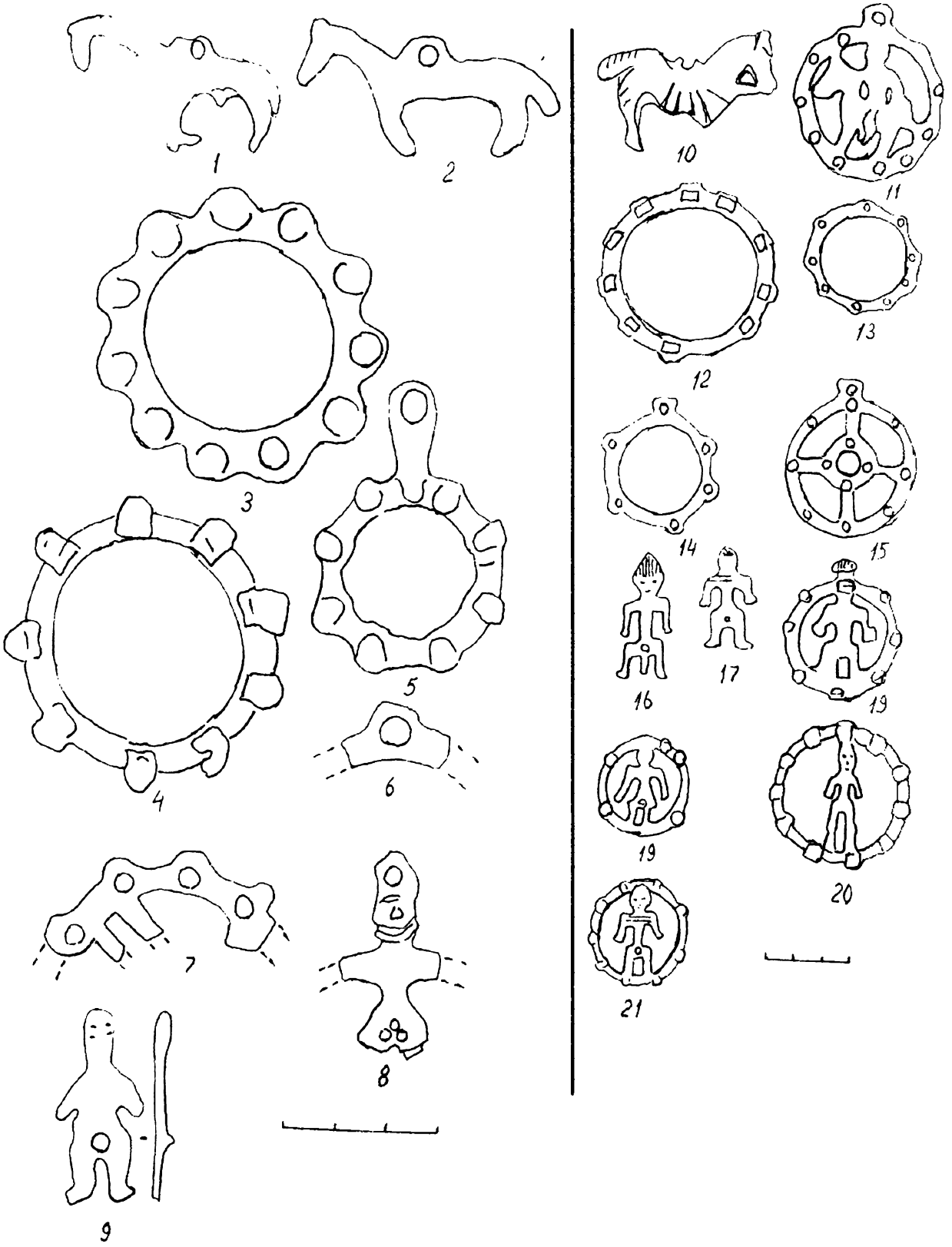


Рис. 2. Бронзовые изделия:
1–9 – II Коминтерновский могильник; *19–21* – аланские памятники Северного Кавказа.

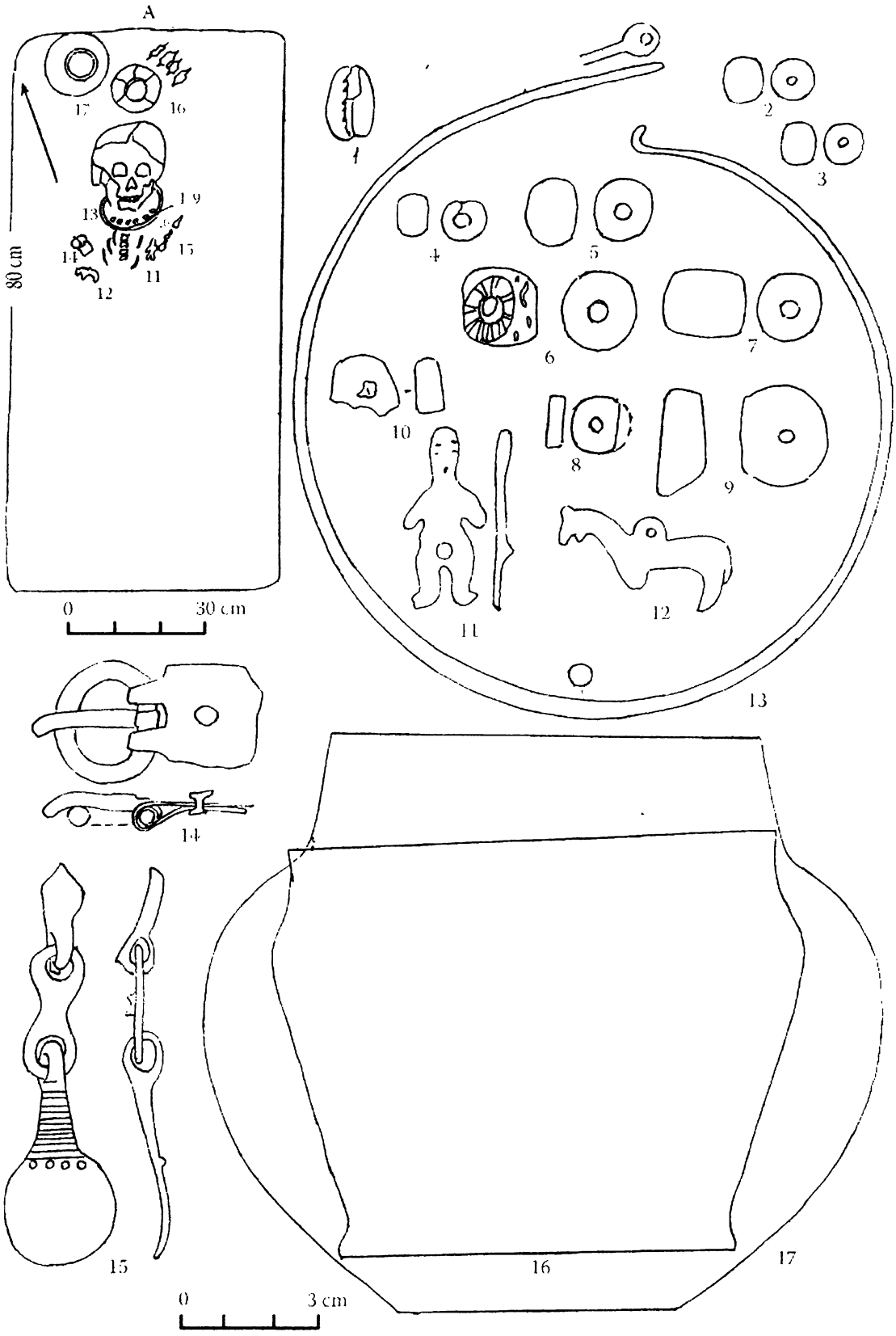


Рис. 2. Комплекс детского захоронения10 II Коминтерновского могильника:
1–7 – раковина; *2–6* – стекло; *8–9* – янтарь; *10–15* – бронза; *16,17* – керамика.

могильниках (Никитина, 1999). Череп и кости ног коня расчищены в погребении 16 Безводнинского могильника в Ксотовском р-не Нижегородской области (Краснов, 1980). В 13,6% захоронений этого памятника, обычно богатых по инвентарю, отмечены целые или частичные скелеты лошадей. По мнению исследователя, они относятся к VI в. (т.е. к времени активного воздействия турбаслинско-именьковского населения на финно-угорский мир).

На площадке этого памятника отмечена и жертвенная яма, в которой находился череп лошади, уложенный на кости ног (Краснов, 1980). Такой же комплекс расчищен на площадке II Коминтерновского могильника (Казаков, 1998).

Указанные материалы, как и данные языка (Казаков, 2004), позволяют предполагать в турбаслинско-именьковской общности преобладающий позднесарматский компонент. Это подтверждается и культовыми изделиями, связанными с глубокими и сложными идеологическими представлениями. Так, в сарматском мире известно укладывание в могилы девочек фаллической фигуры и конька (рис. 1, *11*, *12*) как символов семьи в потустороннем мире. Как в турбаслинско-именьковских памятниках Среднего Поволжья, так и в аланских древностях Северного Кавказа широко встречаются фаллические фигурки, коньки-подвески, подвески в виде кольца с полушарными утолщениями (иногда в центре их находилась фаллическая фигурка), свидетельствующие об идеологической общности в индоиранском (позднесарматском) мире.

В VII в. турбаслинско-именьковское население Предуралья и Прикамья было вытеснено кушнаренковскими племенами кочевых угров (Казаков, 1981). В конце этого же столетия на Самарской Луке появляются памятники новинковской культуры, несомненно, связанные с пришлым тюркским компонентом (Матвеева, 1997).

Г.А. Камелина (г. Москва)

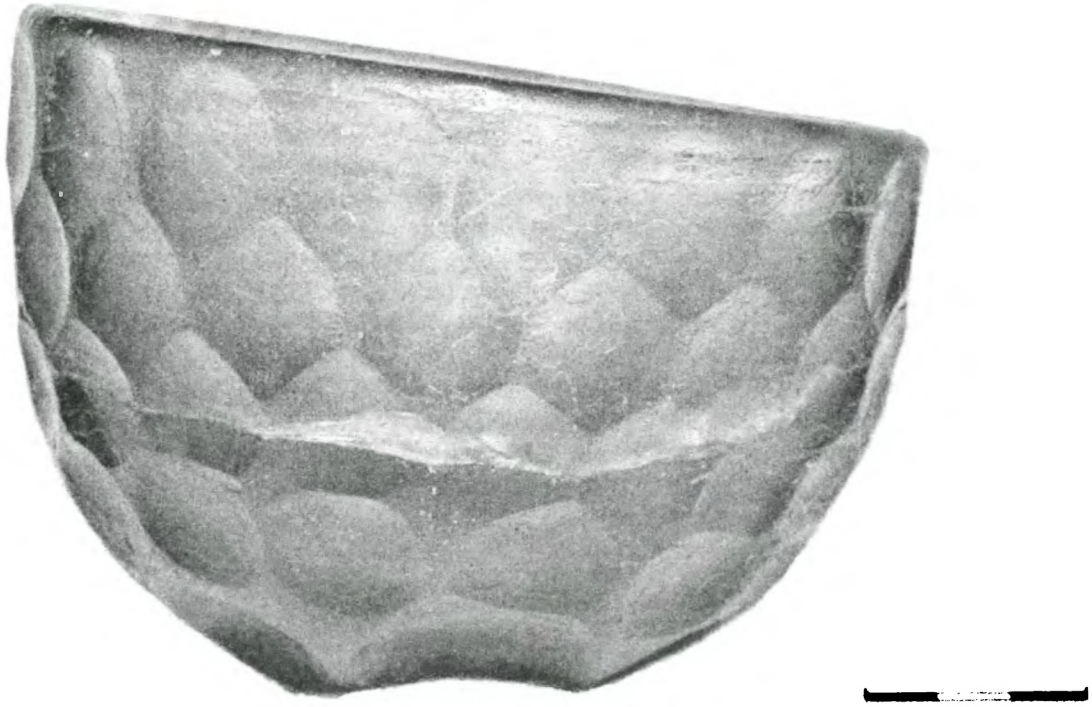
Два стеклянных сосуда из коллекции Государственного Исторического музея

В коллекции Государственного Исторического музея хранятся два резных стеклянных кубка, найденные близ с. Чми в Северной Осетии. Первый кубок (ГИМ 55738 оп. 498 доп. № 1249а), как указано в коллекционной описи Отдела археологических памятников ГИМ, поступил из собрания П.С. Уваровой. Сосуд был опубликован в 1900 г. П.С. Уваровой в «Материалах по археологии Кавказа» вместе с другими материалами, полученными во время раскопок 1882 г. катакомбного могильника Чми-Суаргом, которыми руководил Д.Я. Самоквасов (МАК VIII, табл. CXXIX, 4). Точные обстоятельства находки сосуда неизвестны. П.С. Уварова сообщает, что он был найден местными жителями. Кубок в виде усеченного шара сделан из темно-зеленого прозрачного толстого (толщина стенки 0,6 см) стекла (рис. 1, *1*). Внешняя поверхность сосуда украшена пятью рядами глубоких вогнутых фасеток. В первом ряду – округлые фасетки с двумя гранями, во втором и третьем – шестиугольные, в четвертом – они имеют одну, некоторые 2-4 грани. На дне (4х3,3 см) одна большая овальная фасетка, которую окружают семь круглых. Размеры: диаметр венца – 12,5 см, высота – 9,3 см. Сосуд отличает плохое качество проработки деталей декора: фасетки в одном и том же ряду нередко имеют разную форму (одни имеют грани, другие нет), он не симметричен из-за неровного дна.

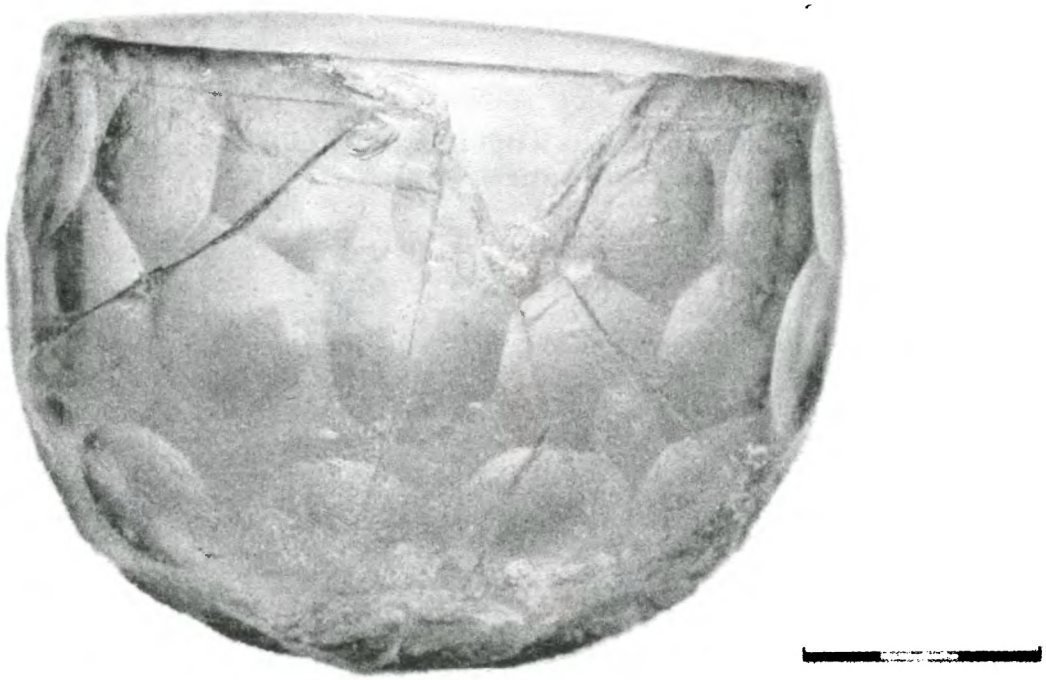
Второй кубок (ГИМ 16164 щ оп. 1635 № 809) поступил из музея П.И. Щукина (рис. 1, *2*). Обстоятельства его находки неизвестны. Сосуд никогда не публиковался. Он также имеет форму усеченного шара, сделан из светло-зеленого с желтоватым оттенком прозрачного толстого (толщина стенки 0,6 см) стекла. С внешней стороны поверхность сосуда украшена четырьмя рядами глубоких вогнутых фасеток. В первом и втором ряду фасетки имеют по две, некоторые по три грани, в третьем ряду – фасетки округлой формы, некоторые из них имеют одну грань. Дно кубка образовано круглой фасеткой (диаметр – 5,7 см), окруженной семью овальными фасетками. На 0,5 см ниже венца прочерчена неглубокая линия. Размеры: диаметр венца – 10,2 см, высота – 8,1 см.

Оба сосуда сделаны в технике выдувного стекла в открытой форме, затем по холодному стеклу вырезались и шлифовались фасетки. Учитывая технику изготовления и способ оформления внешней поверхности, их можно отнести к типу шлифованных полусферических кубков, известных по находкам в Иране, Закавказье, Китае и Японии. Однако при общем сходстве сосуды из Чми имеют различия в цвете стекла, размерах, форме фасеток.

Предположительным местом изготовления такого типа стеклянных кубков был Иран времени правления династии Сасанидов (226–642 гг.) и Месопотамия. С этой территории происходит наибольшее количество подобных сосудов. Они



1



2

Рис. 1 Сосуды из коллекции ГИМ

найдены в городских слоях в Кише, Гилане и в других местах (Harden, 1934). С территории Ирана можно привести близкие аналогии как первому, так и второму сосуду. Кубки, подобные сосуду из собрания П.С. Уваровой, известны из частных коллекций (Chirshman R., 1969), например, один хранится в Копенгагене и датируется IV–VI вв. («Journal of Glass Studies", 1971). В коллекции Британского музея находится кубок (V–VI вв.), аналогичный второму сосуду из Чми («Glass 5000 years», 1991).

Находки шлифованных кубков за пределами Ирана немногочисленны. Аналогии сосудам из Чми существуют в Закавказье, в Грузии, Армении и Азербайджане, которые имели тесные торговые и политические отношения с Ираном. В Грузии подобный кубок VII–VIII вв. с круглыми фасетками происходит из могильника Цебельда (Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII вв., 2003). В Двине немногочисленные фрагменты сосудов обнаружены в слоях V–VIII вв. на цитадели и территории центрального квартала города недалеко от Кафедрального собора (Джанполадян, Калантарян, 1988). Еще один кубок был найден в Азербайджане на городище Судагылан. Он происходит из второго культурного слоя, датирующегося IV–VII вв. включительно (Ваидов, 1954).

За пределами территории, непосредственно контролируемой Сасанидами, стеклянные кубки со шлифованными фасетками встречаются редко и происходят только из богатых погребений. Подобный сосуд найден в погребении воина, обнаруженном в Полтавской области у г. Новые Сенжары. Оно датируется по нумизматическому материалу концом VII в. (Смиленко, 1968). В Китае единственная находка резных кубков происходит из сокровищницы в гробнице Шосоин, сооруженной в 583 г. (Cultura antiqa, 1996). Еще один кубок V – VI вв. найден в Японии в гробнице императора Анкана (The Oasis and Steppe Routes, 1988).

Два стеклянных сосуда, хранящиеся в Государственном Историческом музее, принадлежат к редкому типу шлифованных кубков полусферической формы, найденных в Среднем Поднепровье, на Кавказе, в Иране, Китае и Японии. Возможно, это сосуды иранского происхождения, но от последних их отличает плохое качество проработки декора внешней поверхности. А говорить о составе стекла без проведения анализа невозможно. Сосуды можно отнести к V – концу VII в. Находки этих сосудов ставят перед исследователями ряд вопросов, связанных с местом данной категории в системе раннесредневековых древностей Кавказа и Восточноевропейской степи, их ролью в процессе товарообмена с городскими центрами Закавказья, тесно связанными как с Византией, так и Сасанидским Ираном.

Е.В. Круглов (г. Волгоград)

О «курганах с квадратными ровиками» и проблеме этнической атрибуции погребальных памятников хазарского времени

Современное состояние проблем археологии хазарского времени многими исследователями оценивается как критическое. Действительно, критерии выделения памятников степного тюркюто-хазаро-болгарского населения Хазарского каганата не выдерживают критики. Не решена проблема несоответствия времени существования Хазарского каганата (вторая половина VII–вторая половина X в.) и реальной хронологии салтово-маяцкой археологической культуры (вторая половина VIII–IX вв.), понимаемой как государственной культуры именно этого государства. Дискуссионны вопросы хронологии и этнической природы предсалтовских памятников второй половины VII–первой половины VIII вв., их соотношение с СМК, а также механизм формирования и самой СМК. Колоссальные объемы раскопок 70-80-х годов XX в. не привели к формированию знания о самих хазарах – титульной этнической общности каганата.

В настоящее время с хазарами атрибутируются т.н. «курганы с квадратными ровиками». Наиболее часто они ассоциируются с подбойным захоронением, открытым Л.С. Клейном в кургане 11 могильника у Соколовской балки. А.И. Семенов предложил именовать подобные комплексы «памятниками соколовского типа». Между тем, понятия «курганы с квадратными ровиками» и «памятники соколовского типа» оказались не тождественными друг другу. Захоронения, аналогичные Соколовскому, могли окружаться и обычными круглыми ровиками, а также быть и не огражденными вовсе. Они представлены не только основными, но и впускными и даже бескурганными (грунтовыми) погребениями.

Выборка памятников по признаку наличия вокруг захоронения квадратного ровика не позволяет считать их принадлежащими ни к наиболее раннему периоду истории Хазарского каганата, ни к наиболее позднему. С одной стороны, не известно ни одного комплекса, который можно было бы датировать не только IX в., но даже и

концом VIII в. С другой, рубежом VII / VIII вв. пока может быть датировано лишь одно погребение (Лебеди-IV, 2/2), первой четвертью VIII в. – два (Шиловка, 1/2 и Саловский-IV, 2/1). Все остальные, скорее всего, относятся уже ко второй и третьей четвертям VIII в. Между тем, образование Хазарского каганата и выход хазар на политическую арену истории имели место не на рубеже VII / VIII вв., а уже в середине VII в. Очевидно, что представление о принадлежности «курганов с ровиками» исключительно только одним хазарам тормозит возможность соответствующей атрибуции памятников второй половины VII в.

Это выводит на необходимость комплексной оценки по единым правилам всех ныне известных в степи групп погребальных памятников хазарского времени. При этом единственным археологическим признаком, наиболее часто поддающимся учету, выступает конструкция могильной ямы. Именно по этому признаку изначально и различались М.А. Артамоновым и И.И. Ляпушкиным салтовские (лесостепные аланские) и зливкинские (степные болгарские) группы погребальных памятников СМК.

Хронологически наиболее ранними памятниками хазарского времени являются кочевнические захоронения перещепинского хронологического горизонта. Они представлены, преимущественно, впускными подкурганными захоронениями второй половиной VII в. (иногда дюнными или грунтовыми), имеющими, как правило, северную, северо-восточную и восточную ориентировки погребенных. В качестве могильных сооружений использовались две основные конструкции: овальные или прямоугольные ямы со ступеньками-заплечиками и нишами (типа Сивашского и Сивашовки) и ямы с подбоями в длинных стенках (типа Авиловского, Бережновки, Виноградного и Портового). Представляется, что фиксация синхронных и однокультурных, но разнотипных погребальных памятников является отражением реального существования в Хазарском каганате хазаро-болгарского военно-политического сообщества.

Вторая группа представлена курганно-грунтовыми катакомбами Верхнечирюртовских могильников. Их общая хронология: вторая половина VII–первая треть VIII вв. Возможность выявления ритуальных площадок, ограждаемых квадратными ровиками, к сожалению, реализована не была, так как полное исследование курганных насыпей не проводилось. Кочевнический облик заупокойного инвентаря и монголоидный антропологический тип погребенных не позволяет считать эти памятники аланскими. Форма катакомб (широтно ориентированная камера, расположенная перпендикулярно по отношению к входному дромосу) имеет аналогии не только у алан, но и в памятниках кенкольского типа, о тюрко-хазарской атрибуции которых говорить, однако, достаточно проблематично. Единичные подкурганные катакомбы чирюртовского типа известны также в Приазовье, на Нижнем Дону, в Калмыкии и на Средней Волге.

Третья группа представлена курганно-грунтовыми захоронениями новинковского типа. Их хронология: первая – третья четверть VIII вв. Этническая атрибуция и причина локально-территориальной обособленности не вполне ясны. Могильные ямы, преимущественно, простые прямоугольные. Захоронения с подбоями, ступеньками и нишами крайне редки. Встречаются площадки, окруженные квадратными ровиками, но количество их тоже незначительно.

Четвертую группу составляют захоронения зливкинского типа, представление о простоте и однообразии которых абсолютно неверно. Продолжив исследование Зливкинского грунтового могильника, М.Л. Швецов открыл захоронения в круглых и колоковидных ямах, могилы со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в коротких, выявил наличие взнузданных шкур коней и мелкого рогатого скота, а также обнаружил богатый заупокойный инвентарь. Кроме того, он установил, что могильные ямы, ранее исследованные В.А. Городцовым, в реальной действительности не были одинаковыми. При доследовании многих из них были обнаружены оставшиеся незафиксированными ступеньки, ниши, остатки костей жертвенных животных и даже погребальный инвентарь.

Поскольку грунтовые захоронения зливкинского типа традиционно атрибутируются праболгарскими, возникает понимание необходимости такой же этнической атрибуции и по отношению ко всем аналогичным им по обряду подкурганным захоронениям Дона–Нижней Волги, как впускных, так и основных, в том числе и огражденных подквадратными ровиками. Реально выделяются три этапа бытования памятников предполагаемых праболгар: Сивашовский (вторая половина VII в.), Саловско-Романовский (первая–третья четверть VIII в.) и Зливкинский (конец VIII–IX вв.). Насколько реально они связаны друг с другом, станет понятно после получения соответствующих антропологических данных.

Пятую группу составляют памятники соколовского типа, в узком смысле понимаемые исключительно только как захоронения с подбоями, вырезанными в длинных (боковых) стенках могильных ям. Вариантом могут считаться единичные катакомбы, у которых направление оси погребальной камеры было параллельно длинной оси входной ямы. Выделяются два хронологи-

ческих этапа: Авиловский (вторая половина VII в. – рубеж VII / VIII вв.) и Соколовский (первая – третья четверть VIII в.). Существуют и захоронения более позднего времени (Горшковка, Косика), но пока они единичны. Представление о локализации памятников соколовского типа исключительно только на левом берегу нижнего течения Дона и на Нижней Волге неверно. Они достаточно широко фиксируются также на Кубани, Ставрополье, Средней Волге и в Днепро-Донском междуречье. Именно эти памятники мы и предлагаем атрибутировать в качестве хазарских. Полагаю, что мы вправе предполагать возможность указанной этнической атрибуции безотносительно того, являлись ли погребения соколовского типа курганными (основными или впускными), дюнными (типологически – промежуточными) или же грунтовыми, были они окружены квадратными ровиками или нет.

Открытие курганов и огражденных ровиками внутрикурганных площадок не привело автоматически к решению проблемы этнической идентификации погребальных памятников хазарского времени. По своей глубинной сути эти признаки, скорее всего, являлись надэтничными. Практика использования курганных насыпей отражала особенности социальной дифференциации общества. Практика сооружения могил на площадках, огражденных ровиками, являлась отражением существования в тюркюто-хазаро-болгарском кочевом мире идеологических представлений, связанных с культом бога-неба Тенгри-хана.

А.М. Обломский (г. Москва)

Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива*

1. Краткая историография, задачи исследования*. Позднескифские памятники, расположенные к западу от Днепра, известны достаточно давно (см. работы М.М. Фокеева, А.В. Гудковой, И.Н. Храпунова, Т.Н. Высотской, Н.А. Гаврилюк, О.Д. Дашевской и ряда других авторов). Они составляют несколько локальных групп или анклавов (древности круга Холмского между устьем Дуная и низовьями Днестра, типа Мологи в Нижнем Поднестровье и на Буго-Днепровском лимане, типа Знаменского и Гавриловского городищ в Нижнем Поднепровье, круга Неаполя Скифского в Крыму), отделенных друг от друга территориями, где распространены памятники других культур.

Восточные позднескифские памятники изучены гораздо хуже. Имеющиеся работы А.П. Медведева, И.Е. Бирюкова, А.Б. Супруненко, И.Н. Кулатовой, Д.А. Сташенкова представляют собой, в основном, публикации материала. Тем не менее, даже по этим отрывочным сведениям становится ясно, что в лесостепной зоне между Днепром и Волгой, как и в Северо-Западном Причерноморье, позднескифские памятники распространены не сплошь, а составляют несколько локальных сгустков. В западной части этого региона (от Днепра до бассейна Хопра) в первые века нашей эры наряду с позднескифскими известны и позднезарубинецкие древности. Последние в качестве особого этнокультурного горизонта выделены в 80-е гг. XX в. М.Б. Щукиным, А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским. Цель настоящего доклада – дать общую карту позднезарубинецких и позднескифских памятников и краткий очерк их хронологии, привести некоторые практические рекомендации, как отличать позднескифские керамические наборы от позднезарубинецких, поставить вопрос о связях этих двух этнокультурных массивов.

2. Территория. На карту (рис. 1) нанесены памятники, исследованные раскопками. На территории Днепровского Левобережья известны всего два позднескифских памятника: Битицкое и Ратское городища. Не исключено, что к этому кругу относятся и материалы городища Котельва. Памятники позднезарубинецкого и позднескифского этнокультурных массивов на востоке Днепровского Левобережья расположены чересполосно. Все упомянутые выше городища находятся в ареале позднезарубинецких древностей типа Картамышево.

Лежащую к востоку от этого региона лесостепную часть бассейна Северского Донца занимают позднезарубинецкие памятники типа Терновки. Регион между Осколом и Доном весьма слабо исследован. Ситуация здесь совершенно не ясна.

В Верхнем Подонье в первые века н.э. локализуется особая культурная группа, которая пока не получила определенного названия. По всем

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 05-01-91114а/Ук.

основным признакам археологического комплекса материалы памятников этой группы очень близки обнаруженным на Битицком и Ратском городищах Днепровского Левобережья, т.е. также относятся к позднескифскому кругу. Влияние этой группы прослеживается на более северных памятниках типа Ново-Клейменово, выделенных А.М. Воронцовым в южной части бассейна Оки. В пределах ареала позднескифских древностей Верхнего Подонья известны и сарматские могильники раннеримского времени. К востоку от Дона на реках Хопер и Ворона локализуются поселения и могильники типа Шапкино-Инясево. Большинство раскопанных А.А. Хрековым памятников являются типичными позднезарубинецкими.

Сравнительно недавно самые восточные позднескифские памятники были выделены Д.А. Сташенковым на Самарской Луке Волги. Эталонным среди них является городище Царев Курган в г. Самаре.

Приведенные выше сведения показывают, что группы позднескифских и позднезарубинецких памятников от бассейна Северского Донца до Волги чередуются друг с другом на манер клеточек шахматной доски.

3. Различия в археологическом комплексе. Каждая из территориальных групп как позднескифских, так и позднезарубинецких древностей обладает своеобразием. Тем не менее, имеется и серия общих различий двух массивов. Если позднескифские поселения могут быть как городищами, так и селищами (могильники к востоку от Днепра пока не известны), то все известные позднезарубинецкие лишены укреплений. В тесте позднезарубинецких сосудов с шероховатой поверхностью, найденных на лесостепных памятниках, расположенных к востоку от Днепра, преобладают примеси крупнозернистого шамота, хотя могут встречаться и другие (органика, песок, дресва). Зерна минеральных включений в глине, из которой изготовлены позднескифские сосуды, как правило, более мелкие. Шамот встречается, но преобладает далеко не всегда.

Отличается и набор форм сосудов с шероховатой поверхностью. На восточных позднескифских памятниках нет горшков и корчаг с ребристым переломом профиля. Все сосуды этих категорий округлобокие. На позднезарубинецких памятниках формы с ребристым переломом плеча довольно часты. Как правило, отсутствуют на позднескифских поселениях и диски.

Специфически позднескифскими являются округлобокие груболепные горшки с раструбообразными отогнутыми наружу венчиками, резкий перелом в основании которых изнутри зачастую бывает подчеркнут гранью. На позднезарубинецких памятниках днепро-волжского региона, кроме тех, которые относятся к среднеднепровской традиции типа Лютежа, нет типичных для позднескифского керамического набора крышек с полыми прикрепленными сверху ручками.

Орнамент как на позднезарубинецких, так и на позднескифских груболепных сосудах весьма скуп. Как правило, это – насечки или пальцевые вдавления по венчику и горизонтальный пояс отпечатков ногтя между шейкой и плечом (т.н. ложный валик). На корпусах позднескифских сосудов встречаются разнообразные налепы (подковообразные, в виде линейных или волнистых валиков, шишечки, вертикальные дольчатые и др.). На позднезарубинецких сосудах налепы очень редки и пока известны только подковообразные. На позднезарубинецких памятниках изредка встречаются сосуды с т.н. хроповатой (обмазанной дополнительным слоем глины, искусственно ошершавленной) поверхностью. В позднескифских комплексах они отсутствуют.

В наборе лощеной посуды общими для памятников обоих массивов являются округлобокие миски с загнутой внутрь верхней частью и ребристые с коротким вертикальным венчиком. Ни разу на позднескифских памятниках не встречены типичные для позднезарубинецких древностей круга Картамышево и хоперской группы высокие ребристые миски с зигзаговидным профилем.

Вся гончарная посуда на территории лесостепи в период существования позднезарубинецких и позднескифских памятников – импортная, но ее состав различен. На позднезарубинецких памятниках изредка встречаются обломки античных амфор. Фрагменты столовых античных сосудов единичны. На позднескифских поселениях, кроме амфор, весьма часты обломки сероглиняных мисок и кувшинов нижнедонского или северокавказского производства.

4. Хронология. Позднезарубинецкие древности типа Картамышево и Терновки существовали в широких рамках середины – третьей четверти I–II в. н.э. (см. работы Р.В. Терпиловского и автора доклада). На памятниках хоперской группы датирующие вещи пока отсутствуют, но по аналогиям в керамике материалы этого круга относятся к тому же периоду.

Вопрос о хронологии позднескифских древностей непосредственно связан с решением проблемы т.н. темных веков скифской истории (III – II вв. до н.э.). Большинство днепровских, крымских и более западных позднескифских памятников относится к первым векам нашей эры, лишь в Крыму и в Нижнем Поднепровье на некоторых из них имеются более ранние горизонты эллинистического времени.

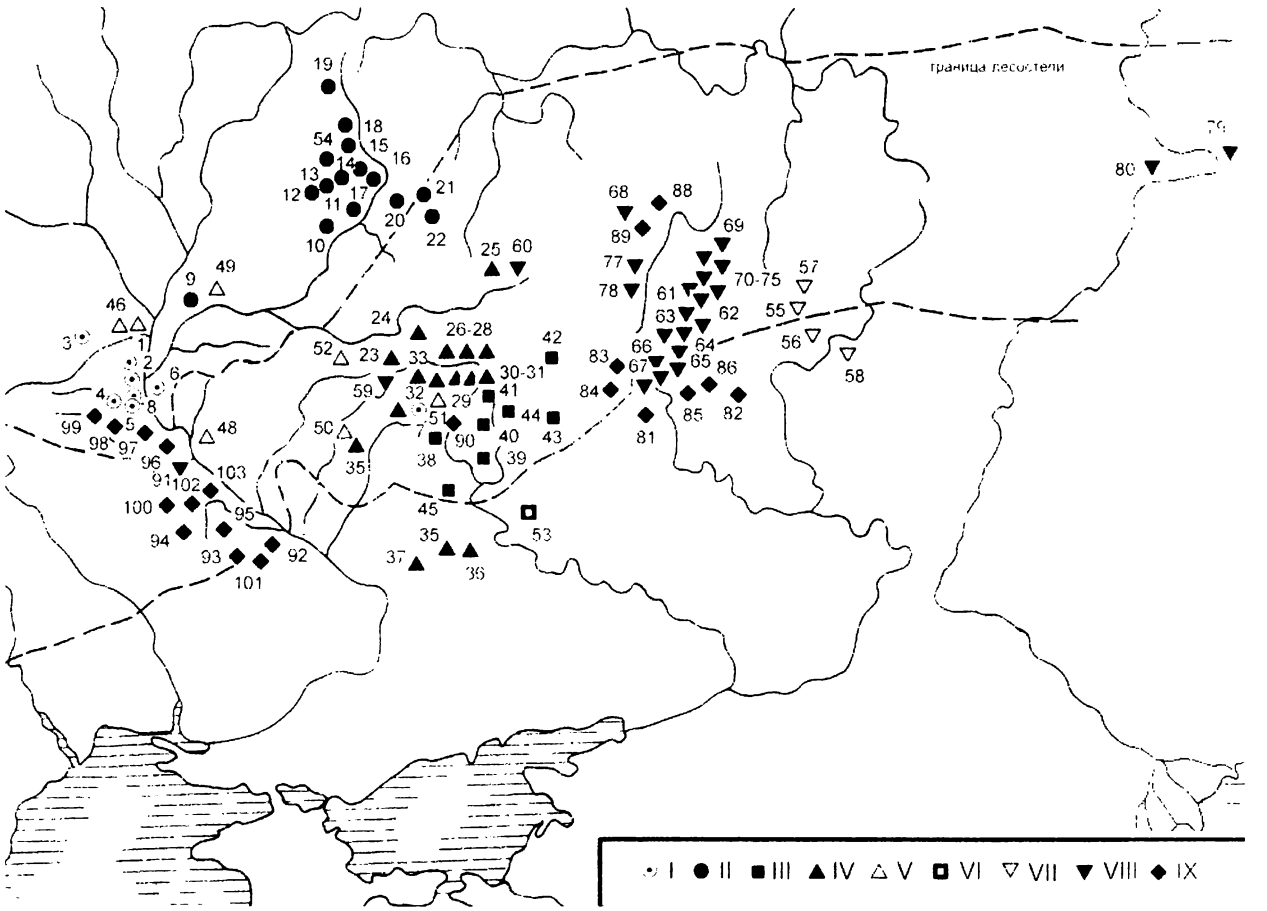


Рис. 1. Днепро-волжская лесостепь в первые вв. н.э.

Позднезарубинецкие памятники:

I - типа Лютежа; II - типа Почепа; III - типа Терновки-2; IV - типа Картамышево-2; V - типа Гриней; VI - неопределимые; VII - хоперская группа; позднескифские памятники (VIII); сарматские памятники (IX).

Позднезарубинецкие памятники, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, А.И. Хрекову):

1. Лютеж; 2. Оболонь; 3. Тетеревка; 4. Новые Безрадичи; 5. Таценки-1; 6. Бортничи; 7. Березовка-2; 8. Крюковщина; 9. Киселевка-3; 10. Чулатово; 11. Колодезный Бугор; 12. Почеп; 13. Синьково-Дмитриево; 14. Синьково; 15. Огородня; 16. Хотылево; 17. Белокаменка; 18. селище в устье р. Гасомы; 19. Спартак; 20. Парня-2; 21. Партизанское; 22. Железное; 23. Песчаное; 24. Комаровка-2; 25. Жерновец; 26. Картамышево-1; 27. Картамышево-2; 28. Шмырево; 29. Гочево-1; 30. Гочево-3; 31. Гочево-7; 32. Бобрава-3; 33. Богдановка; 34. Солдатское-5; 35. Бельск (Озеро); 35. Осиповка (Лиман); 36. Осиповка (Пляж); 37. Чернеччина; 38. Родной Край-1; 39. Новодоновка-1; 40. Головино-1; 41. Терновка-2; 42. Приоскольское-1; 43. Колосково-4; 44. Шоссейное; 45. Колесники; 46. Грини-1; 47. Грини-2; 48. Решетки; 49. Змеевка; 50. Вовки; 51. Рябовка-3; 52. Октябрьское-2; 53. Раковка; 54. Посудичи; 55. Шапкино-1; 56. Шапкино-2; 57. Подгорное; 58. Рассказань-3.

Позднескифские и сарматские памятники, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, А.П. Медведеву, И.Е. Бирюкову, Д.А. Сташенкову, А.В. Симоненко):

59. Битица; 60. Ратское; 61. Вертячье; 62. Курино-1; 63. Подгорное; 64. Пекшево; 65. Животинное; 66. Староживотинное-3; 67. Чертовицкое-3 и 6; 68. Ишутино; 69. Студеновский-3; 70. Липецк (городище); 71. Липецк (Театральная площадь); 72. Сырское; 73. Малый Липяг; 74. Крутогорье; 75. Пады-4; 76. Большое Сторожевое; 77. Замятино; 78. Ксизово-19; 79. Царев Курган; 80. Лбище; 81. Караяшник; 82. Манино; 83. Подклетное; 84. Сасовка; 85. Чертовицкое-1; 86. Чертовицкое-2; 87. Писарево; 88. Ново-Никольское; 90. Борисовка; 91. Дидов Шпиль; 92. Колонтаев; 93. Цветна; 94. Журавка; 95. Райгород; 96. Емчиха; 97. Гришенцы; 98. Кагарлык; 99. Краснополье; 100. Петрик; 101. Ружичевка; 102. Яблоновка; 103. Смела.

В культурном слое Третьего Чертовицкого городища на Верхнем Дону найдены обломки родосских амфор III–II вв. до н.э. Тем не менее, большинство датирующихся вещей относится к первым векам н.э. (обломки светло- и красноглиняных амфор с двуствольными ручками с городищ Битица и Лбище, светлоглиняных с двуствольными ручками и узкогорлых типа А по Д.Б. Шелову с Третьего Чертовицкого городища, воинские одночленные фибулы с Битицы и поселения Ксизово-17Б, фибулы типа «Авцисса» с Паженьского и Третьего Чертовицкого городищ, шарнирная раннеримская фибула с Ратского городища, изделия из египетского фаянса с Ратского и Ишутинского городищ, селища Пады-4, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с треугольными лопастями с городища Вертячье и поселения Староживотинное-3, подвеска-амулет в виде двух узких спаренных ведерок и обломок зеркала с тремя выпуклыми шишечками на обороте с городища Лбище).

Наиболее поздней вещью является фрагмент зеркала с Ишутинского городища, который, судя по орнаментации, относится к группе изделий с центральной петлей на обороте (появляются в конце II – первой половине III в. по А.М. Хазанову).

Все эти вещи в сочетании маркируют горизонт рубежа н.э. – I – начала III вв.

5. Контакты. Восточные позднезарубинецкие и позднескифские памятники, в целом, синхронны. Чересполосное расположение на карте Днепро-волжской лесостепи позднезарубинецких и позднескифских группировок заставляет поставить вопрос о характере контактов между ними.

И.Е. Бирюков заметил, что в постройке 2 позднезарубинецкого поселения Березовка-2 на р. Ворсклице встречены обломки округлобоких горшков позднескифских форм. Позднезарубинецкие прототипы могли иметь некоторые округлобокие груболепные горшки (как закрытые, так и открытые тюльпановидные), а также ребристые миски с прямыми венчиками поселений первых веков н.э. лесостепного Подонья (А.М. Обломский, Т.В. Томашевич).

Чрезвычайно интересным комплексом, состоящим из места кремации, 12-ти ям, в которых были найдены сильно измельченные кальцинированные кости, зола, угли, обломки сосудов, в т.ч. и сероглиняных гончарных первых веков н.э., является т.н. могильник на Третьем Чертовицком городище. По погребальному обряду он чрезвычайно близок к могильникам-поминальникам ранней фазы киевской культуры (И.В. Зиньковская) и некоторым восточным позднезарубинецким (типа Рассказани в бассейне Хопра). Не исключено, что могильник на Чертовицком представляет собой специфический ритуальный памятник, возникший в условиях контактов позднескифского и позднезарубинецкого населения в верхнедонском регионе.

Начиная со II в. н.э. у позднезарубинецкого населения получают распространение бронзовые литые вещи с выемчатой эмалью, сопутствующие им подвески и др. изделия из пластин. С территории Верхнего Подонья (бассейн Дона и Воронежа), где позднезарубинецких памятников нет, происходят 6 таких вещей, правда контекст этих находок, как правило, не ясен, а браслет из Семилук найден в древнерусском жилище, то есть явно был во вторичном употреблении.

Таким образом, свидетельства контактов позднезарубинецкого и позднескифского населения есть, но эти связи, по всей видимости, были чисто соседскими. Наблюдается то, что в археологической литературе обычно называется «элементами взаимного влияния». Свидетельств более тесной интеграции населения нет.

6. Дальнейшие судьбы. Ни один из позднескифских анклавов (как восточных, так и западных причерноморских) не переживает середину III в. Как особое археологическое явление познескифские культурные группы прекращают свое существование где-то около этого рубежа. Вероятно, правы те античные авторы, которые называют войны середины I тыс. н.э. населения Северного Причерноморья с Римом «скифскими». Возможно, что в ходе именно этих событий население позднескифских группировок вовлекается в цепочку массовых перемещений, которые призваны были создать ударную силу для нападений на северо-восточные римские провинции и на сателитов Рима.

Традиции позднескифского населения в позднеримское время ощущаются лишь в виде отдельных элементов в рамках других археологических общностей (в черняховской культуре, возможно, в древностях типа Этулии Буджакской степи, на памятниках типа Каширки-Седелок Верхнего Подонья).

В конце II – на рубеже II/III вв. наблюдаются микромиграции в среде позднезарубинецких племен. Результатом этих передвижений является образование в лесостепной зоне трех вариантов киевской культуры: деснинского, среднеднепровского и сейминско-донецкого. В целом судьбы позднескифского и позднезарубинецкого населения в III–V вв. складываются по-разному.

А.В. Павлихин (г. Москва)

Вооружение народов Сурско-Окского междуречья III–XI вв. (историографический аспект)

Вооружение Сурско-Окского региона III–XI вв. стало интересовать исследователей с самого начала активной раскопочной деятельности в этом регионе, начавшейся во второй половине XIX в. До первых десятилетий XX вв. исследовались только мордовские могильники, тогда как поселения стали предметом изучения лишь с 20-х гг. XX в. Уже первые исследованные могильники дали обширнейший оружейный материал.

Это было обусловлено спецификой погребального обряда населения исследуемого региона. В могилу складывались все необходимые для жизни в потустороннем мире вещи из числа принадлежащих умершим, а также дары родственников и близких. В числе племен, которые обитали в регионе и чей оружейный материал должен быть изучен, надо назвать древнюю мордву, мурому, древних марийцев, буртасов, болгар.

В истории изучения вооружения памятников III–XI вв. Сурско-Окского междуречья можно выделить несколько этапов.

Первый этап истории изучения раннесредневекового оружия населения Сурско-Окского региона III–XI вв. связан с археологическими исследованиями середины XIX – конца 40-х гг. XX в. Этап можно охарактеризовать как *период накопления источников*. Ни одной попытки специального оружиеведческого анализа предпринято не было. Появились первые типологии предметов вооружения. Частично были изданы предметы вооружения Армиевского I и Армиевского курганно-грунтового могильника, Кошибеевского, Лядинского, Томниковского и Сергачского могильников. Публикации предметов вооружения с перечисленных памятников были начаты В.Н. Ястребовым (Ястребов, 1893), А.А.Спицыным (Спицын, 1901) и В.И. Снежневским (Снежневский, 1894). В изданиях были даны изображения некоторых предметов вооружения, а также их описания. В 1929 и 1930 гг. были изданы работы П.С. Рыкова (Рыков, 1929; 1930). В его книгах опубликованы материалы раскопок I и II Армиевских могильников. Анализ материала впервые сопровождался составлением типологии оружия. Типология сделана по четырем основаниям. Топоры-кельты разделены им по длине. Наконечники стрел П.С. Рыков подразделяет на 6 типов в соответствии с их сечением и формой пера. Автор во многом предвосхитил движение научной мысли. Репрессии и Великая Отечественная война сильно затормозили развитие науки. В период с 1941 по начало 1948 г. ни одной археологической работы по исследуемому региону не издавалось. Публикации материалов раскопок возобновляются лишь в 1948-49 гг.

Второй этап длился с конца 40-х до конца 60-х гг. и характеризовался появлением первых попыток обобщений вооружения исследуемой территории и изданием классических обобщающих трудов по вооружению Восточной Европы, которые заложили базу для создания оружиеведческих работ по всем остальным регионам.

В работах конца 40-х–50-х гг. А.Е. Алихова на основе находок вещей аланского происхождения в могильниках мордвы сделала вывод о том, что данный этнос с VIII по X в. был вооружен по аланскому образцу (Алихова, 1949). А.Х. Халиков связывал происхождение мордовского вооружения с ранними болгарами (Халиков, 1965).

В 1959 г. в монографии «Из древней и средневековой истории мордовского народа», А.Е. Алихова впервые дала обобщающую характеристику мордовскому вооружению конца I–начала II тыс. н.э. (Алихова, 1959). Топоры разделены на втульчатые, узколезвийные со щековицами, узколезвийные со сложновыемчатым обухом, узколезвийные узкообушные клиновидные и узколезвийные узкообушные, топоры-молоты. Последние подразделялись по функции на рабочие и боевые, на типы по форме молоточной части. Наконечники копий подразделялись отдельно по сечению пера и отдельно по контурам пера. Две типологии копий не были объединены. Наконечники стрел разделялись по сечению пера на три группы: плоские, с утолщенным сечением. Последние разделены на четыре типа – по сечению и по контуру пера. Сабли, по замечанию А.Е. Алиховой, отличаются малой изогнутостью и большой длиной. Впервые, таким образом проанализированы предметы вооружения с нескольких памятников исследуемой территории. Все формы топоров и копий считаются автором предметами местного производства.

М.Ф. Жиганов впервые обращается к специальному рассмотрению отдельной категории орудий труда и оружия: топорам-кельтам (Жиганов, 1959; Жиганов, 1961). Исследователь выделяет шесть признаков топоров-кельтов, по которым он прослеживает их эволюцию. Кельты разделены на две хронологические группы – VII–VIII и IX–X вв. Была выявлена линия типологического развития топоров-кельтов.

В 50-е–60-е гг. XX в. в советской археологии отчетливо выделяется направление, основным предметом изучения которого стало вооружение Восточной Европы (Мерперт, 1955, Медведев, 1966, Кирпичников, 1966-а; Кирпичников, 1966-б; Федоров-Давыдов, 1966). В этих работах не раз затрагивались аспекты вооружения населения Сурско-Окского междуречья. В них также были показаны примеры рассмотрения большого количества предметов вооружения. Созданные ими типологии легли в основу почти всех исследований оружия последующего времени по всем регионам СССР и РФ, в том числе и Сурско-Окского междуречья.

Третий этап развития оружиеведческой мысли начался в конце 60-х гг. XX в. и продолжается по сегодняшний день. Этот этап можно охарактеризовать повышением интереса к рассматриваемой теме, углублением исследований. На данном этапе прорабатывались идеи взаимодействий и взаимовлияний мордвы, муромы и населения Верхней Суры в области вооружения с государственными объединениями – Хазарией, Русью и Волжской Болгарией. Рассматриваются также вопросы включенности того или иного компонента государственной или племенной воинской культуры в воинскую культуру мордвы. Особое место занимает вопрос самобытности муромского, верхнесурского болгарского и мордовского оружия. На этом этапе возник новый подход к исследованию племенного вооружения – социологический. Вопросами статусного значения оружия, выяснением стратификации в войске древних обществ стала заниматься социо-археология.

Базовыми начальными работами этого периода стали исследования вооружения М.Р. Полесских, В.Н. Шитова. М.Р. Полесских детально анализирует клинковое вооружение (Полесских, 1968), а В.Н. Шитов осуществил современное полное исследование оружия двух могильников рязано-окской культуры (Шитов, 1975). В.Н. Шитов и А.В. Циркин обобщили данные по наконечникам копий всей мордвы I тыс. н.э. (Шитов, 1977; Циркин, 1984).

С 90-х гг. исследования ведутся в основном С.В. Святкиным, Г.Н. Белорыбкиным, В.Н. Шитовым, В.В. Гришаковым, Ю.А. Зеленеевым и др. Анализируется вооружение муромы (Гришаков, Зеленев, 1990), мордвы первой половины II тыс. (Святкин, 2001), булгаризированного населения Верхнего Посурья и Западного Поволжья (Белорыбкин, 2003). Все работы в этот период содержат типологии, выполненные по единому принципу, исследователи выделяют этапы развития комплекса вооружения, исследуется социальная структура войска, дружины, выясняются источники формирования того или иного комплекса вооружения.

Развитию исследования оружиеведения в России способствовали на этом этапе работы оружиеведов, в которых содержатся важнейшие теоретические тезисы и методики по изучению предметов вооружения и военной организации. Это, прежде всего, работы Ю.С. Худякова (Худяков, 1986; 1990; 1991), А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000), Ласло Ковача (Ковач, 1980), М.В. Горелика (Горелик, 2000), И.Л. Измайлова (Измайлов, 1997; 2000), В.В. Овсянникова (Овсянников, 1998), Ю.Г. Кокориной и Ю.А. Лихтер (Кокорина, Лихтер, 1995), Г.Е. Афанасьева (Афанасьев, 1993) и др. На основе их теоретических и практических трудов сейчас проводятся региональные оружиеведческие исследования.

Все рассмотренные выше статьи и монографии содержат разнообразные типологии предметов вооружения, которые охватывают большую часть категорий вооружения исследуемой нами территории. Однако вооружение памятников III–XI вв. Сурско-Окского междуречья рассматривалось в основном на примере некоторых могильников, без охвата всей территории этого региона. Большая часть источников не анализировалась вовсе. Поэтому многие аспекты внутреннего и внешнего развития вооружения населения исследуемого региона III–XI вв. оказались либо недостаточно полно освещенными, либо вообще обойденными стороной. Все существующие разработки дают инструментарий для проведения глубокого анализа вооружения, неизбежно затрагивая круг вопросов, связанных с военной организацией. Исходя из состояния историографии, перед исследователями встает задача проведения полномасштабного изучения вооружения территории Сурско-Окского междуречья в III–XI вв., с введением в научный оборот обширного нового археологического материала.

Zs. Hajhal (Budapest)

Comments on the so-called Prague-type pottery in the Avar settlement area

The study is dealing with the recent questions of the Prague-type pottery appearing in the Avar Empire. Publishing the Oroszlány Avar period cemetery Ágnes Cs. Sós was the first who pointed to the problem in the Hungarian archaeological research: the characteristic hand-made vessels with short vertical rims found together with other dress accessory types of eastern origin considered as the remains of an eastern Slavonic population. István Bóna arguing with that theory cited parallels of these pots from Gepidic and Langobardic sites. The occurrence of the so-called Prague type pottery in Avar period assemblages is due to the direct Germanic influence and by the other hand it is an over regional phenomena characteristic for the discussed era. In the 1970's and 1980's biritual cemeteries dated to the 7th and 8th (beginning 9th) centuries were came to light in the Western Transdanubia (Pókaszepetk, Zalakomár, Kehida) with classical pottery of Slavic origin. Beside these cemeteries 2 settlements (Nagykanizsa-Inkey sírkápolna és Sály-Lator) were excavated where Prague-type pottery was discovered among other types of 7th-8th century ceramics. In a special group of early Avar cemeteries of outstanding Merovingian influence (Budaklász) were also came to light several Prague-type hand made vessels. Though Attila Kiss considered this phenomena as a direct and unanimous Slavic influence on the Kölked cemetery, Tivadar Vida originating this type of pottery from the Eastern Slav settlement territory observed that these special vessels are known in greater number from those cemeteries in the middle region of the Carpathian basin where considerable Germanic influence can be seen in the same time.

Working on the Kölked settlement material, the so-called Prague type pottery could be determined using not only the formal characters of these vessels but the technological standards of this special hand made ware. The formal typology of the Avar period Prague-type vessels – together with the typology of the rims became more precise with additions to the typology system of the early Avar grave ceramics by Tivadar Vida. The function of these pots and the measurement standards and incidence could be analyzed, too. Usually the Prague type pottery were placed in poorly furnished graves, but according to the well datable ceramics turned on quick wheel coming from the same settlement objects together with the Prague type pottery the chronology of this hand made ware could refined. In the Kölked settlement the so-called Prague type pottery were in everyday use in the second half of the 6th and in the first third of the 7th centuries. Contrary the eastern Slavic influence on the Kölked cemeteries' material culture analysed by Attila Kiss can be observed in the second half of the 7th century (headdresses with lead tubes, antropozoomorphic fibulas, necklaces with silver plate pendants). Those grave finds dated to the same period when the so-called Prague type of pottery were used have considerable Germanic character indicating the same (Germanic) origin of the here analysed hand made ware.

Summarising the above described processes the Prague type pottery occurring in the Avar settlements area can be divided in 2 main groups:

1. Similar hand made ceramic type but Germanic origin dated to the second half of the 6th - first third of the 7th centuries (Budakalász, Kölked)

2. Vessels with real Slavic character dated to the second half of the 7th to the 8th /beginning of the 9th centuries coming mainly from biritual cemeteries together with other non-avaric pottery types turned on a slow wheel (Pókaszepetk, Zalakomár, Kehida, and Oroszlány). In the same period dress accessories and jewellery of eastern influence but local variants of the original Eastern types can be observed distributed in a wider area of the Avar Empire (Čadjavica-circle).

А.А. Хреков (г. Балашов)

Этнические процессы в Правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс. н.э.

Заключительный период раннего железного века и начало средневековья характеризуются чрезвычайно активными и сложными процессами, охватившими степные и лесостепные регионы Восточной Европы, в том числе и правобережные районы Саратовского Поволжья. В этнокультурном плане археологические памятники Саратовского Поволжья оказались весьма разнородными и явно не составляют единого культурного массива. На сегодняшний день представляется возможным выделить как минимум три культурно-хронологические группы населения, оказывавшие значительное влияние друг на друга.

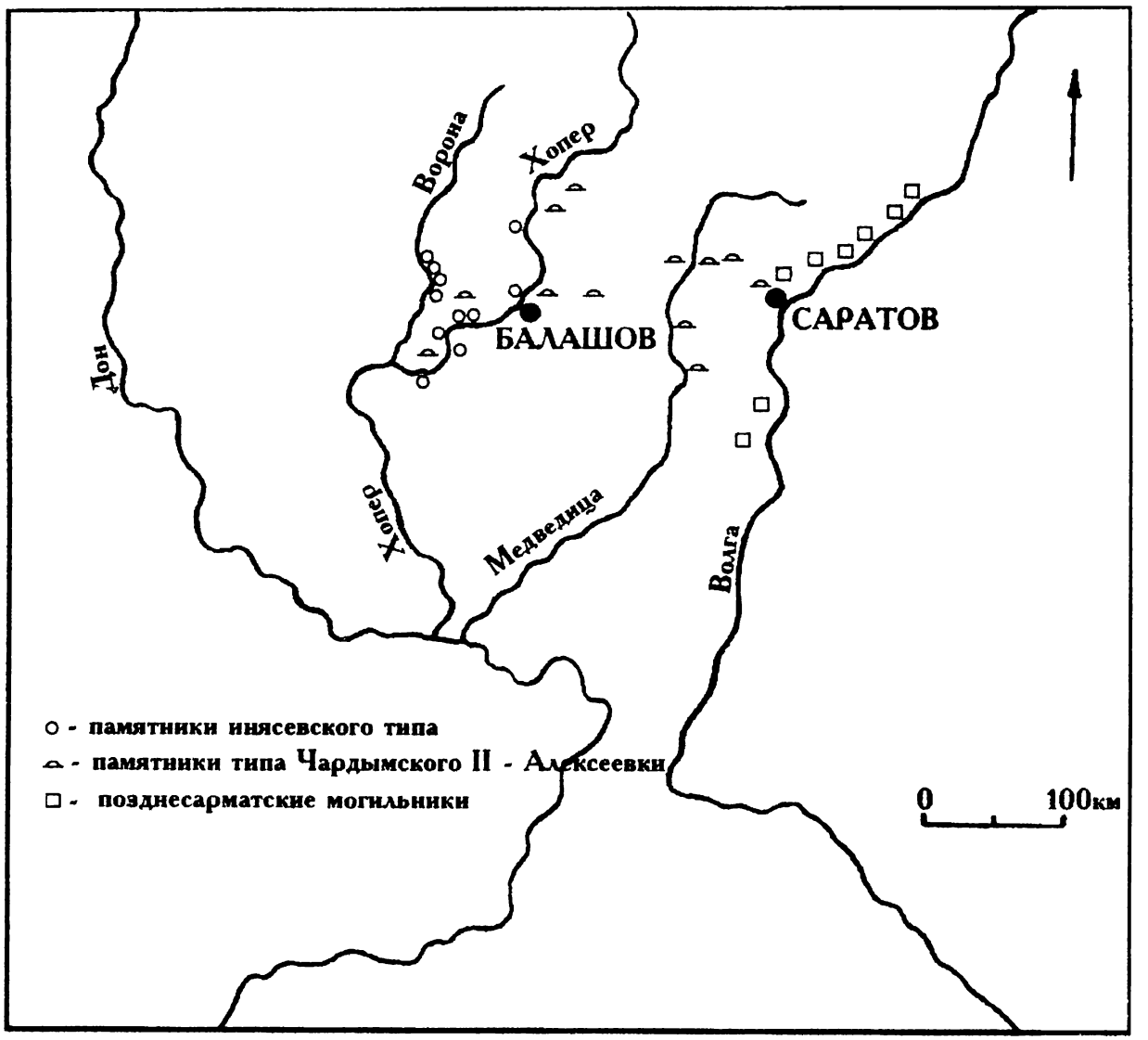
Материалы, относящиеся к первой группе, представлены позднесарматскими могильниками. По данным А.Д. Матюхина (Матюхин, 1992)

А.А. Хрекова (Хреков, 1986), К.Ю. Ефимова (Ефимов, 1988), В.Д. Березуцкого (Березуцкий, 1988), они сосредоточены в Правобережье Волги, бассейне р. Медведицы и Прихоперье. Погребальный инвентарь представлен: лучковыми и сильнопрофилированными фибулами; зеркалами с боковым ушком и центральной петелькой; квадратными курильницами; пряжками и т.д. Хронологические рамки перечисленных предметов в основном соответствуют II–III вв. н.э., что не исключает наличие более поздних комплексов. Особенно в этом плане показательно погребение из кургана 13 Большедмитриевского могильника, в инвентаре которого встречено значительное количество дорогих импортных вещей, в том числе западно-римская стеклянная фиала и трехсоставной черняховский гребень с полуовальной спинкой III–IV вв. н.э. (Матюхин, Ляхов, 1991).

Наряду с погребениями кочевников на территории Саратовского Правобережья и в Прихоперье известны синхронные им поселения, городища и грунтовые могильники круга «полей погребений». В этнокультурном плане они неоднородны. В Прихоперье это позднезарубинецкораннекиевские древности инясевского типа (Хреков, 1994).

Строительные комплексы представлены немногочисленными постройками подквадратной, прямоугольной и овальной форм, а также хозяйственными ямами.

Могильники по конструкции ям, обряду и облику сопровождающего инвентаря подразделяются на два типа. К первому (Инясево) относятся ямные безурновые сожжения с большим количеством кальцинированных человеческих костей, остатками костра, фрагментами керамики, украшениями, в том числе круга выемчатых эмалей (Хреков, 1997а.). Второй тип – ямные погребения «мемориального» характера (Рассказань-III), (Хреков, 1997б), что является характерной особенностью погребального обряда киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992; Обломский, 1991).



Вероятно, эти различия носят не только этнический, но и хронологический характер.

Набор прихоперской посуды является как бы переходным от керамического комплекса позднезарубинецких памятников типа Картамышево-2, Гочево-1, Терновка-2, к раннекиевским типа Шишино-5, Шмырево, Приоскольское, Попово-Лежачи Днепровского Левобережья (Обломский, 2003а).

Хронология памятников инясевского типа пока укладывается в рамках конца II–середины III вв. н.э. (Хреков, 2000а). В последнее время появились данные, позволяющие расширить верхний рубеж до второй половины IV вв. н.э. Об этом свидетельствует железная шпора типа 3 по Б.В. Магомедову–М.Е. Леваде или типа «Лейна F» (Магомедов, Левада, 1996), обнаруженная на поселении Разнобрычка (раскопки А.А. Хрекова в 2005 г.)

Памятники третьей группы пока локализуются вдоль правого берега Саратовского Поволжья. В этническом плане они, скорее всего, принадлежат смешанному населению, возникшему в результате наложения пришлого сарматского и киевско-черняховского компонента на местный городецко-скифоидный субстрат.

К их числу принадлежат: Чардымские I, II, IV, Ахматское; Алексеевское; Андриановское; Березняковское; Хлопковское городища (раскопки П.С. Рыкова, В.Г. Миронова, Н.М. Малова, В.В. Филипченко, А.И. Юдина и др.)

Условно они выделены в памятники типа Чардымского II – Алексеевского городищ, по набору признаков близкого верхнедонским поселениям типа III Чертовицкого городища.

Основу керамического комплекса Чардымского II – Алексеевки, помимо рогожной посуды, составляют округлобокие сосуды с гладкой и грубой поверхностью с прямым, плавно и резко отогнутым наружу венчиком I–VII типа по классификации Д.В. Акимова, А.П. Медведева для верхнедонских памятников типа III Чертовицкого (Акимов, Медведев, 2002). Истоки этого комплекса исходят от керамических традиций сеймино-донецкого варианта киевской и черняховской культуры типа Журавка Ольшанская и Рипнев II (Обломский, 1998). Специфическим элементом лепной посуды являются горшки с резкими, зачастую ребристыми изнутри, переломами шеек и раструбообразными венчиками (тип III), отражающие скифо-сарматские традиции в черняхове (Обломский, 2003б). Редко встречаются баночные и остроребериые формы. Верхний срез венчиков часто орнаментирован наклонными насечками и пальцевыми вдавлениями. Кроме горшков встречены мискообразные, иногда подлощенные сосуды (тип III, VII по классификации Д.В. Акимова, А.П. Медведева) и сероглиняные миски нижнедонского производства, часто сопровождающие сарматские погребения от рубежа I–II до середины III вв. н. э. (Скрипкин, 1984).

Традиционно гладкостенная керамика поволжских городищ сопоставлялась со скифо-сарматским воздействием на городецкое население лесостепи. Н.В. Трубникова отмечала, что подобная посуда не поддается хронологическому выделенению, так как существовала на протяжении всей скифо-сарматской эпохи, хотя на северных приокских памятниках она относится к позднему периоду раннего железного века (Трубникова, 1950). В.Г. Миронов также считал, что часть гладкостенной керамики могла относиться к городецкому комплексу, но подавляющее большинство сопоставляется с более поздними памятниками Верхнего Дона (Миронов, 1976). А.А. Хреков отнес ее к «новому культурному образованию», возникшему в результате инфильтрации сарматского и постзарубинецкого населения в лесостепную зону и какое-то время сосуществовавшего с городецким. (Хреков, 2000б). А.И. Юдин, характеризуя разнокультурную керамику Алексеевского городища, отмечал, что зарубинецкий импульс с запада, вызванный вторжением готов в Поднепровье, достигает Волги в районе Саратова (Юдин, 2001)

Не противоречит этому утверждению коллекция бытовых предметов, обнаруженная на памятниках типа Чардымского II – Алексеевки: биконические и плоские пряслица, грузила для ткацких станков, из которых наиболее часты пирамидальные, фрагмент крышки или вазочки на полом поддоне, пастовые и стеклянные бусы, по классификации Е.М. Алексеевой укладывающиеся в конец II–начало IV вв. н.э. Правда, перечисленные изделия имеют широкий хронологический диапазон, но в целом характерны для черняховской культуры, а на памятниках киевской археологической общности они получают распространение лишь в период черняховского влияния (Обломский, 2001).

Выделение нового пласта археологических памятников типа Чардымского II – Алексеевки второй четверти I тыс. н.э. в какой-то степени согласуется с рассказом Иордана о походах готского короля Германариха на восток в сторону мест расселения меренс, морденс (памятники древней мордвы доходили до широты Саратова, верховьев Медведицы и Хопра) и о завоевании ими венетов (Iordan, 116-119).

Таким образом, этнокультурные процессы в лесостепных районах Правобережья Волги, включая Прихоперье, протекали в одном русле (не исключая местной специфики) с соседними регионами, население которых в первые века нашей эры прямо или косвенно было связано с этногенезом славян.

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И КОЧЕВОЙ МИР ЕВРАЗИИ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

С.И. Алексеев (г. Кострома), Г.М. Беговаткина (г. Саранск)

Городище Саконы II*

Материалы мордовских городищ и селищ домонгольского времени, на которых в 1970-х–1990-х гг. проводились стационарные раскопки, до сих пор не введены в научный оборот. Частично опубликованы лишь результаты раскопок Саровского городища (Грибов, 1997) и поселения Новый Усад III (Вихляев, 1983). Данная работа вводит в научный оборот средневековый комплекс из раскопок Саконского II городища, расположенного в Ардатовском районе Нижегородской области.

Саконское II городище находится в лесном массиве в 2 км к СВ от центра с. Саконы. Городище было обследовано в 1990 г. одним из авторов в ходе разведочных работ (Алексеев, 1990). В 1991 г. изучение памятника было продолжено (Алексеев, 1992).

Городище занимает останец первой надпойменной террасы правого берега р. Теша. Площадка общей площадью 50 тыс. кв. м протянулась с Ю на С (рис. 1). Ее высота над уровнем поймы составляет 6–9 м. С трех сторон городище окружает заболоченная пойма. С напольной (северной) стороны площадка укреплена валом длиной 80 м с шириной в основании 6–7 м. Вал сильно оплыл, его высота – 0,8 м. С внешней стороны вала расположен ров шириной 5–6 м, глубиной около 1 м. В валу находится въезд на городище шириной 10 м. Пологий (юго-восточный) склон останца также был укреплен валом длиной 50 м и высотой 0,5 м. В центральной части его находился проезд шириной 5 м. С внешней стороны располагался ров шириной 6–7 м, глубиной около 2 м.

Раскоп 1991 г. (8 х 4 м) был заложен на южной оконечности останца, ориентирован по сторонам света и вытянут с запада на восток. Вскрытие культурного слоя производилось пластами по 10–20 см.

Под дерном толщиной 4–6 см лежал слой темно-коричневой углистой супеси мощностью от 10–20 до 40–50 см. На большей части исследованной площади сразу же под этим слоем находился слой коричневой углистой супеси. Ниже залегал предматериковый слой серовато-желтой углисто-гумусной супеси мощностью от 8–20 до 25–45 см. Материк в виде желтого песка.

В восточной части раскопа было исследовано средневековое сооружение (рис. 2, *2*). Оно прорезало предматериковый слой серовато-желтой углисто-гумусной супеси на глубине 20 см от современной поверхности. Заполнение сооружения состояло из серой и темно-серой углисто-гумусной супеси с прослойками серо-черной углистой супеси.

Сооружение имело подквадратную форму с размерами приблизительно 3,8 х 3,8 м (рис. 2, *1*), с углами, ориентированными по сторонам света. К его юго-восточной стенке примыкал вход шириной около 1,6 м и длиной около 1,5 м. Пол сооружения находился на глубине 0,45–0,5 м. Почти по центру (ближе к северному углу сооружения) располагалась яма подквадратной формы длиной 1,9 м, шириной 1,7 м, глубиной от уровня современной поверхности 2,1 м. Дно и стенки ямы, по всей видимости, были выложены деревянной обкладкой (рис. 2, *2*). Данную яму можно интерпретировать как погреб.

С конструкцией сооружения связано шесть столбовых ям, зафиксированных вдоль его северо-западной и юго-западной стен (рис. 2, *1*). В трех ямах (№№ 2, 3, 4) находились столбы, подпиравшие стены сооружения с внутренней стороны. Столбы в ямах №5 и №5а держали западный угол. В яме №6 находился столб, фиксировавший северо-западную стену с внешней стороны. Судя по расстоянию внутренних ям от края сооружения, стены состояли из горизонтально положенных бревен диаметром около 20 см.

Выявленное сооружение представляло собой срубную конструкцию размером 3,8 х 3,8 м, углубленную в землю на 0,45–0,5 м, с погребом глубиной около 1,5 м. Подобные сооружения, представляющие собой кладовые-подвалы, сохранились у мордвы под названием *виход* до настоящего времени (Белицер, 1963). Постройка сгорела, на что указывают мощные прослойки серо-черной углистой супеси (рис. 2, *2*) и шлакированная керамика в заполнении сооружения.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-23005 а/В.

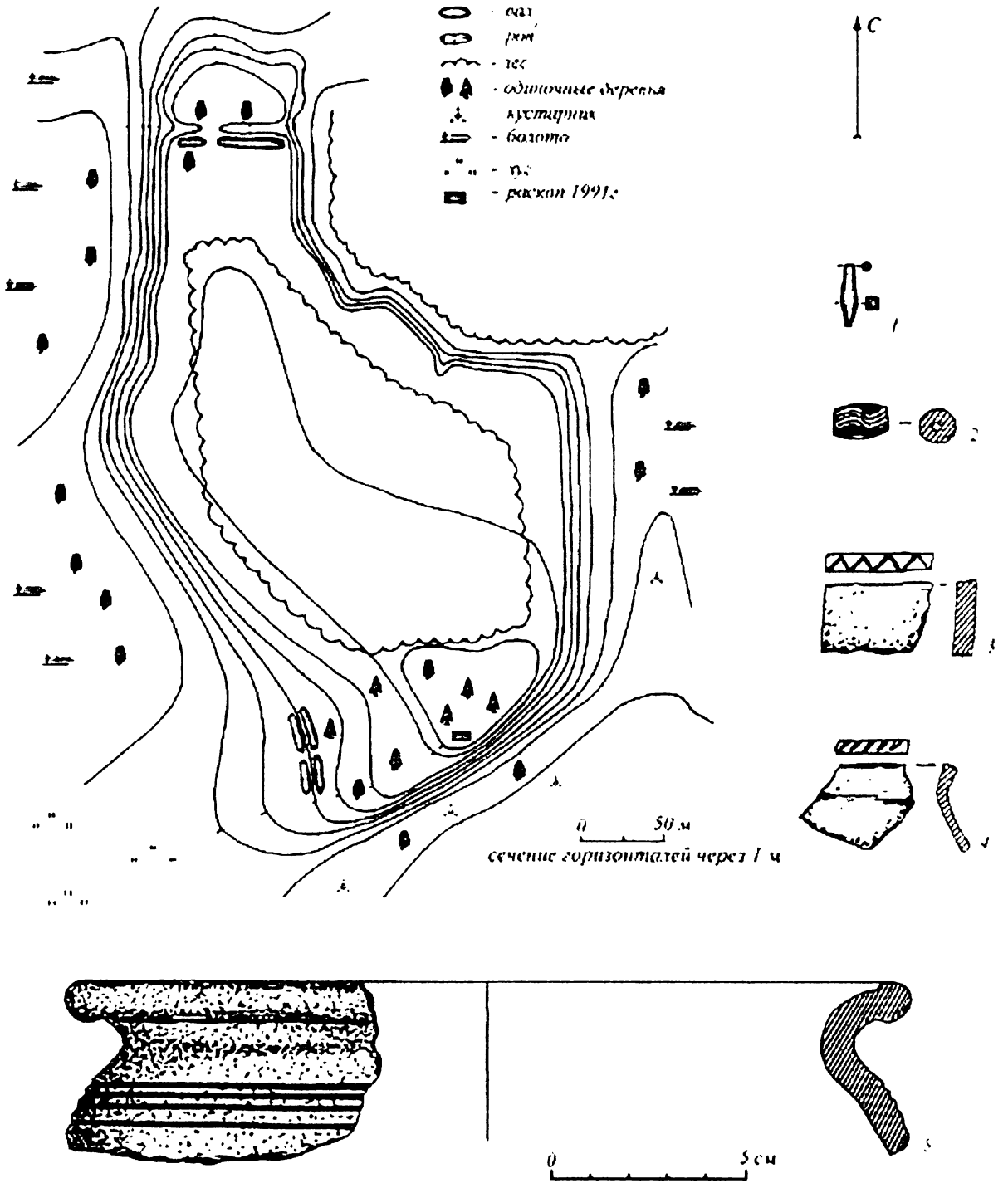


Рис. 1. Саконское II городище. План и датирующие вещи:
1 – фрагмент серебряной височной подвески; *2* – стеклянная бусина;
3, 4 – венчики лепных орнаментированных сосудов; *5* – фрагмент гончарного славянского сосуда.

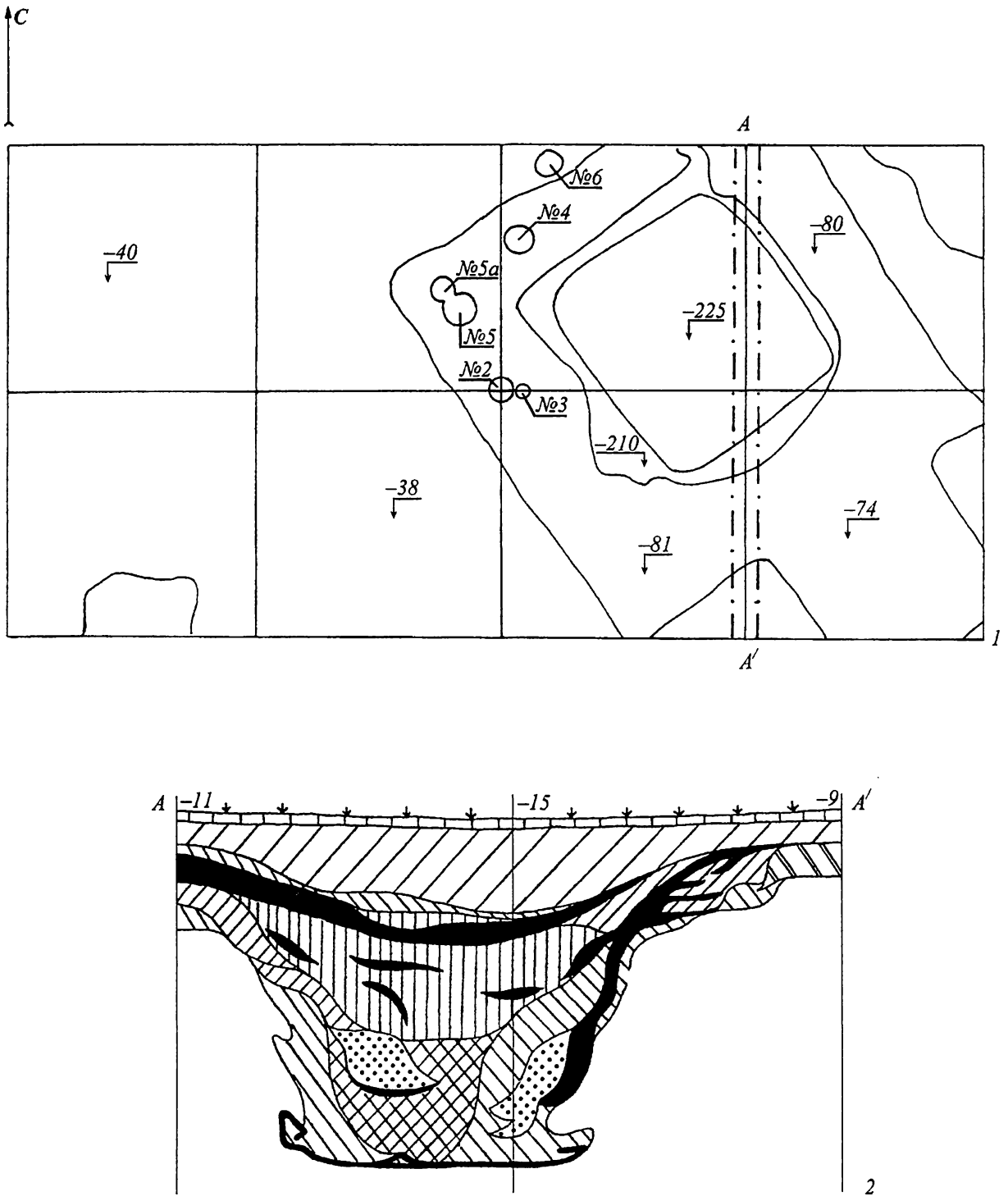


Рис. 2. Саконское II городище:
1 – общий план раскопа 1991 г.; *2* – профиль бровки с заполнением сооружения.

В культурном слое и заполнении постройки обнаружено довольно большое количество находок. Среди изделий из глины можно отметить фрагменты льячек, сопел, пряслица. Немногочисленны находки из железа. Найдены также бронзовый бубенчик и фрагмент серебряной височной подвески с грузиком (рис. 1, *1*).

В культурном слое городища были обнаружены бусины: две стеклянные боченковидные черного цвета с орнаментом в виде светлых линий (рис. 1, *2*), а также одна зонная хрустальная.

Наиболее многочисленную категорию находок на городище представляют обломки керамической посуды.

Имеются три основные разновидности керамической посуды Саконского II городища:

I. Лепная мордовская керамика составляет 93% от общего количества выделенных сосудов. Из 26 лепных сосудов – 5 (19,2%) орнаментированы по краю венчика косыми насечками. По характеру формы у одиннадцати выделяются два основных типа.

Тип 1. Лепные плавнопрофилированные горшковидные или мисковидные сосуды с усеченно-сфероконическим туловом. Представлены 5 экз.

Тип 2. Лепные усеченно-биконические горшковидные или мисковидные сосуды. Представлены 4 экз.

II. Гончарная посуда болгарского типа представлена 1 сосудом.

III. Гончарная посуда славянского типа представлена 1 сосудом.

Находка на городище грузика от височной привески, характерной только для мордвы, может указывать на этническую принадлежность населения. Сама привеска подобного облика может быть датирована временем не позднее X–I вв. (Воронина, 1988).

Важное значение при определении даты отложения средневекового слоя Саконского II городища имеет состав керамики. Лепная керамика составляет 19,2%. Это близко к процентному содержанию орнаментированной посуды в погребениях IX–первой половины X в. мордовских могильников, где она составляет 20,7% (Гришаков, 1993). По-видимому, так же датируются нижние слои поселения. Верхняя дата определяется по находке в заполнении сооружения гладкой бусины с орнаментацией (рис. 1, *2*), которые в Новгороде датируются XII–XIII вв. (Щапова, 1959). К тому же времени можно отнести и славянскую керамику с линейным орнаментом (Московская керамика: новые данные по хронологии, 1991).

А.А. Беговаткин (г. Саранск)

Ритуальные конские погребения в мордовских могильниках X–XIII вв.

Очевиден тот факт, что погребения коней являются отражением сложившегося культа. В рамках данного исследования невозможно рассмотреть обряд ритуальных конских погребений на всем протяжении его существования в поволжско-финской среде от появления в V в. до исчезновения в XIV в. Настоящая работа посвящена рассмотрению периода наибольшего распространения данного обряда в мордовской среде. Всего учтено 33 погребения, время совершения которых можно с достаточной степенью уверенности отнести к X–первой четверти XIII в. Данные захоронения представлены погребениями людей с конями (3) и погребениями коней (30).

Захоронения человека с конем разделяются на две группы: с целой тушей и с частями тела коня. Погребения с целой тушей коня, в свою очередь, делятся на два типа.

Тип 1 представлен погребением 30 могильника Выползово VI. В могильной яме находился костяк мужчины, лежащий головой на СЗ (Мартьянов, 2001). Справа от него располлагался лежащий на левом боку скелет коня, ориентированный черепом также на СЗ. Аналогичные погребения известны у муромы в Подболотьевском могильнике (Голубева, 1987).

Тип 2 представлен подкурганным захоронением Сарлейского могильника. Под насыпью в грунтовой яме найдено женское погребение, ориентированное головой на С. В отдельной яме в 1 м к западу от женского погребения лежал костяк лошади с подогнутыми ногами, головой ориентированный на С (Горюнова, 1948).

Захоронение с частями тела коня обнаружено в могильнике Заречное II. В погребении №109 находился костяк мужчины, ориентированный головой на СЗ. В ногах погребенного обнаружены два черепа, принадлежавшие молодым особям коней, причем один лежал теменной частью вверх, другой – вниз (Мартьянов, 2001). Подобные погребения изучены в Больше-Тарханском и Танкеевском могильниках волжских болгар (Плетнева,1981).

Погребения человека с конем сопровожда-

лись деталями сбруи. В погребении №30 могильника Выползово VI обнаружены удила, стремена и подпружная пряжка. В конском погребении кургана №1 Сарлейского могильника найдены удила, в погребении №109 могильника Заречное II около конских черепов – пряжки и остатки удил.

Одиночные погребения коней также разделяются на две группы: с расчлененной тушей и с целой тушей. Захоронения с расчлененной тушей коня подразделяются на четыре типа.

Тип 1 представлен 15 погребениями (могильники: Заречное II, погр. 11, 42, 75, 112; Кельгинино, конск. погр. 5, 9; Красное I, погр. 29, 52, 55, 57, 61; Паново, погр. 65; Пятницы VII, погр. 1; Стексово II, погр. 27, 109). В могильных ямах подпрямоугольной формы захоронены в анатомическом порядке расчлененные на две части туши коней. Голова и шея укладывались на правый или на левый бок с подогнутыми передними конечностями, а задняя часть тела – на брюхо. Ребра и спинной отдел позвоночника, как правило, отсутствуют (Мартьянов, 2001). В подавляющем большинстве конских погребений этого типа распространена ориентировка головы, противоположная преобладающей в человеческих захоронениях. Лишь в одном случае (могильник Заречное II, погр. 75) она совпадала с ориентировкой людей на могильниках. В погребении был обнаружен комплекс, характерный для мужских погребений (нож, кресало, кремень, два бронзовых поясных кольца, три бронзовых и две железных пряжки). Скорее всего, это погребение представляет собой кенотаф. И еще одна интересная деталь встречена в погребениях этого типа. Погребение №42 могильника Заречное II и погребение №61 могильника Красное I сопровождались отрубленными черепами собак (Мартьянов, 2001).

Тип 2 представлен погребениями №61 и №135 из могильника Заречное II и погребением №10 из могильника Стексово II. Отличается тем, что голова и шея коня помещались на наклонной торцевой стенке могильной ямы (Мартьянов, 2001). В двух случаях ориентировка головой на СЗ погребенных коней совпадает с ориентировкой людей на могильниках (Заречное II, п.135; Стексово II, п.10). Погребение №61 из могильника Заречное II имело противоположную ориентировку.

Тип 3 представлен погребениями №84 могильника Заречное II и конским погребением №6 Кельгининского могильника (Вихляев, 2000). В могильных ямах находились череп и подогнутые передние и задние конечности. Погребения всех типов имеют полные аналогии в муромских могильниках (Голубева, 1987).

Тип 4 представлен погребением №7 могильника Личадеево V. Череп коня в вертикальном положении – резцами вниз был установлен в специальном уступе торцевой стенки. Туша уложена на брюхо (Мартьянов, 1992). Захоронение имело восточную ориентировку – противоположную распространенной на могильнике западной ориентировке. Конские погребения с расположенными в специальных уступах черепами были обнаружены В.В. Гришаковым при раскопках Чулковского могильника муромы (Гришаков, 1990). Следует отметить, что погребение №7 из могильника Личадеево V является наиболее ранним из рассматриваемых. Оно датируется не позднее начала XI в. (Мартьянов, 1992). Этот факт в сочетании с западной ориентировкой погребенных, характерной для муромских погребений конца X–первой половины XI вв., позволяет говорить о том, что данный памятник принадлежал смешанному мордово-муромскому населению.

Одиночные захоронения с целой тушей коня делятся на два типа.

Тип 1 представлен конскими погребениями из Кельгининского могильника (№№1, 4, 7) и из могильника Сыресево III (№1). В трех случаях скелет коня лежал на правом боку с подогнутыми ногами (Кельгинино, п.1 и п.4; Сыресево III, п.1), в одном – на левом (Кельгинино, п.7). Конские захоронения Кельгининского могильника имели противолежащее человеческим погребениям положение (Вихляев, 2000). В могильнике Сыресево III ориентировка конского погребения совпадала с ориентировкой людей на могильнике. Захоронения целой туши коня имеют широкие аналогии на территории Восточной Европы от побережья Балтийского моря до Северного Причерноморья.

Тип 2 представлен одним конским погребением №8 из Кельгининского могильника. Целая туша коня, завалившаяся впоследствии на левый бок, была захоронена на брюхе с подогнутыми ногами, головой на ССЗ. Для устойчивости на дне могильной ямы были вырыты углубления для передних и задних конечностей (Вихляев, 2000). Аналогии данному погребению не известны.

Из 30-ти учтенных погребений этой группы 25 содержали элементы конской упряжи, датирующиеся в пределах X–первой половины XIII вв.. Наиболее полный набор конского снаряжения обнаружен в погребении №1 могильника Пятницы VII (Мартьянов, 1992). Набор включал двусоставные удила с подвижными кольцами, два стремени, фрагменты деревянного седла, обтянутого кожей, а также детали оголовья. Детали оголовья имеют аналогии в кочевнических древностях XI в. Нижнего Поднепровья и Северного Причерноморья (Гаврилина, 1993).

Как видим, большинство особенностей в обряде конских захоронений из мордовских мо-

гильников X–XIII вв. имеет аналогии в погребальных памятниках муромы VIII–первой половины X вв. Это позволяет говорить о том, что обряд погребения коней распространился под влиянием муромы, мигрировавшей с X в. на земли мордвы. Судя по материалам погребения №109 могильника Заречное II и кургана №1 Сарлейского могильника, определенное воздействие на погребальную обрядность мордвы оказали волжские болгары и кочевое население южнорусских степей.

Влияние на мордву других этносов привело к распространению определенных разновидностей конских погребений. Культ коня в мордовской среде существовал, по всей видимости, и до, и после периода X–XIII вв. На это указывают погребения коней, изученные на Абрамовском и Волчихинском могильниках, коньковые подвески-амулеты из мордовских могильников IX–X вв., а также описанный в XV в. Иосафатом Барбаро обряд поклонения коню у мордвы. Моления о лошадях совершались вплоть до начала XX в., что говорит об огромном значении этого животного в жизни мордовского народа. Рассмотренный в данной работе материал, скорее свидетельствует о почитании у мордвы коня как животного, имевшего большое значение для сельского хозяйства.

Лишь на последнем этапе существования обряда ритуальных конских погребений у мордвы они приобретают значение социального маркера. Об этом свидетельствуют материалы Сарлейских и Мало-Терюшевских курганов XIII–XIV вв. По мнению исследователей, в данных курганах, находящихся на площади грунтовых мордовских могильников, погребены представители местной аристократии, воспринявшей половецкие традиции.

Е.А. Беговатов (г. Казань)

Волжская Булгария на рубеже X–XI вв (по материалам II Билярского селища)

В последней четверти X в. резко ухудшилась военно-политическая обстановка в юго-восточной части Прикаспия и в Восточной Европе. Это привело к ослаблению торговли на Волжско-Балтийском пути, что существенно повлияло на его торговые центры. Важные перемены происходят и на территории Волжской Булгарии. Они связаны с ослаблением Хазарского государства, уменьшением торговли между Востоком и Восточной Европой, борьбой с Киевским государством (походы на Волжскую Булгарию князей Святослава и Владимира). Если поход Святослава на булгар археологически подтвердить пока трудно, то поход Владимира косвенно подтверждается топографией находок кладов куфических монет конца X в. на территории Среднего Поволжья. В связи с этими событиями торговый путь на территории Волжской Булгарии на время отодвинулся от Волги на восток. По берегам р. Малый Черемшан стали развиваться существующие в то время поселения и возникать новые. Одним из таких новых поселений является Второе Билярское селище. Это селище было открыто в 1964 г. Р.А. Фахрутдиновым и за ним велось постоянное наблюдение Билярской археологической экспедицией АН РТ и Казанского университета под рук. А.Х. Халикова. С 1999 г. на селище проводятся стационарные археологические раскопки Казанским университетом. К настоящему времени на площади около 600 кв. м. обнаружены кузнечное, гончарное, косторезное производства. Найдены гончарные и кузнечные горны, масса гончарной и лепной керамики, крицы, тигли, бронзовые изделия и их полуфабрикаты, склад сфероконусов. В корпусе одного металлургического горна вместе с фрагментами тиглей были обнаружены фрагменты сфероконусов. Один из них содержал массу, представляющую собой обожженную спекшуюся глину, в которую был добавлен очень мелкий, обломочный кварцевый материал. На основе данных спектрального анализа, проведенного Р.Х. Храмченковой, было установлено отсутствие в этой массе металлов, в частности, ртути. В раскопе были найдены бронзовые изделия: подвески, поясные накладки, заготовки для браслетов. Все они аналогичны изделиям с Измерского селища. Химический анализ бронзы, взятой из найденной льячки, показал повышенное содержание мышьяка. Такое же наблюдение было сделано Т.А. Хлебниковой при анализе состава бронзы с Болгарского городища. Косторезное производство представлено большим количеством обработанных фрагментов метаподий лошади для изготовления накладок на лук. В слое селищ постоянно находят кусочки янтаря. Среди бус из хрусталя, агата, гагата было найдено только две янтарные подвески. Как утверждает Ал Бируни, янтарь использовался средневековым населением как лекарство. Найдено несколько костей верблюда. Следует отметить, что среди большого количества остеологического материала, обработанного Г.Ш. Асылгараевой, много крупных фрагментов костей. Это косвенно указывает на достаточно высокий экономический достаток населения селища. Оно использовало в пищу и осет-

ровых рыб. В 2001 г. на селище был найден клад куфических монет рубежа X–XI вв., включающий около 1800 монет, целых и их фрагментов. Он состоит из редких дирхемов мамунидов, зийридов, буидов, саманидов, караханидов. Ранее в этом районе на пашне было найдено несколько дирхемов, в определении которых принял активное участие Г.А. Федоров-Давыдов. Из клада также происходят фрагмент небольшого серебряного перстня и несколько гирек. Р.Х. Храмченковой определен количественным спектральным методом химический состав дирхемов, относящихся к разным династиям. Проба серебра низкая, она имеет очень большой разброс.

В последние годы получены материалы, характеризующие торговые связи населения селища с Востоком. На селище найден целый дирхем хорезмшаха Али б. Мамуна (997–1015 гг.), четверть дирхема буида Фахр ад- даула (366–387 гг.х.). Часть сохранившейся надписи позволяет отнести его ко второму типу дирхемов этого правителя, время чеканки которых Р. Фасмер определял 374–379 гг. х. (985–990 гг.). Найдено несколько фрагментов саманидских куфических дирхемов X в., плохо сохранившиеся половинки двух медных фельсов, возможно караханидов. Монеты мамунидов (хорезмшахи II династии) очень редки, поэтому клад куфических монет, найденный на селище, несомненно, связан с материалами селища. На раскопе обнаружены фрагменты импортной стеклянной посуды, большие фрагменты двух стеклянных арабских ламп с «лапками» для подвешивания, несколько каменных и стеклянных бус, найденных вместе, а также фрагменты поливной керамики, возможно изготовленной в Рене. Определен количественным спектральным анализом химический состав некоторых стеклянных изделий. Стекло, из которого изготовлены изделия, относится ко 2 типу стеклообразующего сырья, сваренного на золе солончаковых растений аридной зоны Востока. Хорошо датированной находкой является составной костяной футляр для гребня с циркульным орнаментом. Он аналогичен футляру, найденному в Караван-сарае Белой Вежи и аналогичен новгородским находкам X–XI вв. Похожий найден и на Измерском селище.

Полученные материалы позволяют определить торгово-ремесленный статус данного селища, возникшего на рубеже X–XI вв. Отсутствие куфических дирхемов конца X в. (зийаридов, мамунидов, караханидов) на Измерском селище и практическое отсутствие нумизматического материала на Билярском городище позволяют определить хронологическую позицию Второго Билярского селища между этими двумя археологическими памятниками.

Д.К. Валеева (г. Казань)

Художественные особенности изображения коня в искусстве Волжских Булгар домонгольского и золотоордынского периода

Искусство волжских булгар занимает заметное место в системе средневекового искусства. Оно прошло путь от языческого символизма до исламской мифологии и многозначности, развиваясь в едином контексте искусства древних и средневековых народов — тюрков, финно-угров, славян – населявших обширные пространства Евразии.

На всех этапах истории в искусстве волжских булгар сохранялся образ коня. Его изображение в своей основе восходит к древнейшим тотемическим представлениям и эпосам тюркских народов. В татарском сказании «Алпамыша» конь является ближайшим и необходимейшим другом героя, ибо только с его помощью он побеждает врагов, спасает и освобождает свою красавицу-невесту Сандугач. В языческий этап развития культуры (начало I тысячелетия н.э.) конь у многих тюркских народностей и племен Прикамья получил широкое применение в культовой обрядности, связанной с магией урожая.

В целом изображение коня отражало ту огромную роль, которую это животное выполняло в жизни средневековых племен и народов.

В раннеболгарский языческий период (IX–начале X вв.) помимо хозяйственной, конь исполнял важнейшую роль в военном деле. Волжские булгары формировались, в основном, в результате взаимодействия тюркоязычных и угорских племен. В искусстве последних ярко и своеобразно проявился культ коня.

В захоронениях Танкеевского могильника встречены бронзовые литые изделия в виде коня, части коня или всадника. Они выполнены в стиле изготовления культовых поделок уральских угров. Тремя типами представлены так называемые коньковые кресала. Рукояти их оформлены в виде спокойно стоящего коня или в виде соединенных головами двух коней, а также в виде двух всадников, изображенных спиной друг к другу (?). Сильная стилизация последних практически превратила рукояти в ажурные изделия. В традициях уральского культового литья изготовлены и щитки нагрудных подвесок, украшения женского костю-

ма из Танкеевского могильника. Головы коней на изогнутых в динамике стилизованных шеях широко отходят друг от друга.

В такой же технике выполнены и подвески, изображающие всадника, стоящего на поверженной змее, символизирующего его победу над Нижним миром. Такие изделия достаточно широко встречаются как на Урале, так и в Поволжском регионе. Подвеска из Танкеевки воплощает один из мифов уже из пантеона угорской мифологии, как считает Е.П. Казаков, – Мир-Суснэ-Хума. Это был «Золотой богатырь», который объезжал землю на крылатом всевидящем коне, проверяя, все ли спокойно на свете.

Совершенно в другом стиле дано изображение коня из Больше-Тиганского могильника. Здесь в накладке, выполненной из серебра, в динамике, движении представлен крылатый конь, в котором отражены сасанидские традиции. На многочисленных накладках и изделиях встречаются также помимо крылатых коней изображения, заимствованные из иранского искусства – крылатые драконы, сенмурвы и т.д.

Изображения коней в искусстве Прикамья тесно связаны с их появлением и в искусстве домонгольской Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Их образы, целые или фрагменты, воплощались на самых различных предметах – на крючках от колчанов, шумящих подвесках, замках, накладках, кресалах.

Чаще всего встречаются шумящие подвески, щитки которых представляют конские головы, обращенные в разные стороны, соединенные кругом, который, как и кони, является символическим знаком солнца. Щитки подвесок, изображающих конские головы, из Танкеевского могильника (IX в.) можно «прочесть» как композиции, в которых головы коней обращены уже друг к другу. В одной из бронзовых петель от колчанов из Измерского селища конца X–начала XI вв. можно узнать прекрасно изображенные, повернутые также в разные стороны головы коней, украшенные орнаментами. Бронзовые замки в виде различных животных, в том числе и коней, являлись одной из отличительных черт булгарского искусства.

Четкостью формы и реалистичностью отличается изображение коня в виде замка, созданное из железа. Этот замок – прекрасный пример булгарской малой скульптуры, формы его необычайно просты и ясны. Четкие ритмы как бы находящихся в движении передних и задних ног, устремленная кверху узкая голова. Замок массивен и тяжел, не имеет на своей поверхности никаких орнаментов.

От материала, техники изготовления зависят законченность и убедительность изображений. Так, бронза и железо позволяют более объемно, более скульптурно представить образ, в данном случае – коня; в кости же, более податливой к обработке и легкой, создается, соответственно, и более пластичный образ.

В золотоордынское время (XIII–XV вв.) замки продолжают существовать. Эти коньковые замки художественно значительно выразительнее, чем в домонгольский период. Фигуры коней имеют мягкие округлые очертания, а сделанные гравировкой кружковые орнаменты на туловище и на месте глаз «оживляют» данные вещи.

Изображение коня – этого благородного животного – является неотъемлемой чертой всего прикамского и булгарского древнего и средневекового искусства. В языческое время его очертания были более обобщенные, символические, порой даже абстрактные, но и реалистические изображения достигали определенных художественных высот; в смысловом отношении они являли собой культ коня, необходимого в хозяйстве и военных походах, но главное, отражали мифы, верования, идеологию тех времен. В изделиях того времени отражались динамичные, явно степные (тюркские) традиции искусства. Они типологически входят в систему степной культуры, известной с глубокой древности.

В более поздний период, после принятия ислама в Волжской Булгарии, художественное воплощение коней оставалось, с одной стороны, реалистическим, четким, с другой, – видна была также и некоторая «скрытая» в орнаментах стилизованность. Изображения коня потеряли свой идеологический смысл, отражая лишь их бытовой, утилитарный характер.

Но каким бы ни было изображение коня, оно оставалось одним из самых любимых, распространенных, ибо конь – всегда и поныне рядом с человеком. Они как бы единое существо. Недаром когда-то древние греки создали образ Кентавра: человеко-коня.

С.И. Валиулина (г. Казань)

Стекло Сувара*

Коллекция стеклянных изделий Сувара получена в результате раскопок, проведенных 1933–1937 гг. А.П. Смирновым, в 1974 г. Т.А. Хлебниковой, 1990–1991 гг. Т.А. Хлебниковой, Р.Ф. Шарифуллиным, Ф.Ш. Хузиным. Материалы хранятся в Государственном Историческом музее, Центральном музее Республики Татарстан, Болгарском Государственном историко-архитектурном заповеднике, всего около 300 экземпляров стеклянных украшений, посуды и оконного стекла. Как и в Биляре – посуда (столовая, парфюмерная, химическая) составляет самую многочисленную категорию изделий – 83 экз. Набор столовой посуды включает кубки, стаканы, флаконы, чаши, кувшины. В Суваре найдено 13 кубков, они представляют четыре типа, известных по Билярскому городищу (Валиулина, 2002). Первый тип – крупные сосуды с конусовидным расходящимся туловом, на высокой ножке с плоской или линзовидной подножкой, представлен одним экземпляром. Кроме Сувара высокие ножки кубков обнаружены в Биляре, на Красносюндюковском I городище в комплексе X–XII вв. (Семыкин, 1993).

Кубки второго типа выделяются декоративным оформлением, в котором отличительным элементом является дисковидный ободок, расположенный в нижней части тулова (Хузин, Шарифуллин, 1999). Верхняя часть одного сосуда опоясана двумя тонкими горизонтальными нитями стекла основного цвета. В нижней части тулово имеет рельефный ободок из нескольких последовательно намотанных одна на другую нитей стекла. Самыми близкими аналогиями являются кубок из Биляра и сосуды XI в. из Кувы (Ахраров, 1960). Два других суварских кубка имели в нижней части тулова монолитный и гладкий ободок. Палочки для ножек в процессе изготовления были выполнены с легким вращением. Такие сосуды найдены также в Биляре и Муромском городке. Кубки и рюмки с дисковидным ободком в нижней части тулова или под ним с VIII в. появляются в Иране (Lamm, 1935; Braat, 1966), в X–XIII вв. известны в Византии (Fillip, 1970), в Закавказье (Джанполадян, 1974), в Средней Азии (Шишкина, 1986; Чарыева, 1979; Агеева, 1970). Кубки миниатюрных размеров (тип 3) обычно называют рюмками. Сосуды имеют конусовидное или почти цилиндрическое удлиненное узкое тулово на низкой ножке и миниатюрной подножке в форме полого конуса. В Биляре кубки третьего типа относятся к числу самых многочисленных столовых сосудов (Валиулина, 2002). По одному экземпляру миниатюрные кубки найдены в Болгаре (Полубояринова, 1988), на Красносюндюковском I городище (Кочкина, Сташенков, 1993) и городище Каменная Коза в Самарской области. Они широко представлены в материалах IX–XIII вв. Северного Кавказа, Крыма, Средней Азии. Плоская массивная подножка, возможно, принадлежала кубку четвертого типа с воронкообразным или конусовидным резервуаром и вытянутыми ножками на почти плоских кольцевых подножках. Подобные кубки характерны для грузинской посуды XII–XIII вв. (Чхатарашвили, 1978). Сосуды нужно считать импортом из Закавказья.

В состав столовой посуды Сувара входили стаканы, конусовидные, со слегка вогнутым дном, без поддона. Свободно выдутые стаканы украшал налепной полосчатый и фигурный орнамент (2 экз.), выдутые в рельефные формы сосуды имели ячеистый и концентрический орнамент. Круг аналогий представленного типа очень широк – в Византии, на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Особенно большое количество подобных сосудов найдено в Закавказье, в частности в цитадели Двина (Джанполадян, 1974) и Рустави (Чхатарашвили, 1978).

Гораздо худшую сохранность имеют флаконы (не менее 10 экз.). Тонкостенные бесцветные или светло-зеленого цвета флаконы выполнены свободным дутьем, толстостенные насыщенного зеленого или зелено-голубого цвета с матовой поверхностью выдуты в форму.

В Суваре найдены две ручки, которые могли принадлежать кувшинам. В составе суварской коллекции имеется только одна чаша.

Парфюмерно-аптекарская посуда представлена однотипными стандартными флакончиками с округлым туловом и высоким и узким горлом. Суварским сосудикам наиболее близки аптекарско-парфюмерные пузырьки IX–XI вв. из Джигербента, города на юге Хорезма (Вишневская, 2001).

В состав химической посуды Сувара входят 24 аламбика, колба и флакон для декантации – сливания жидкости с отстоявшегося осадка, которые имели внутри по всей окружности тулова горизонтальную складку – бортик.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01380а.

Сувар выделяется в ряду других булгарских городов большим количеством оконного стекла – 67 экземпляров.

Украшения (бусы – 41 экз., браслеты – 2 экз., одна вставка перстня и одна подвеска) составляют всего 15 % от общего количества стеклянных изделий. Почти половина всех бус относится к ранним типам, выполненным из тянутой и навитой трубочки и тянутой палочки. Два браслета, плоско-выпуклые в сечении, синий и голубой с полихромной инкрустацией, имеют наиболее близкие аналогии в Закавказье.

В настоящее время осуществляется исследование химического состава стекла Сувара, результаты которого позволят более надежно установить происхождение изделий.

Общий характер коллекции, соотношение основных категорий стеклянных изделий сближало Сувар с Биляром. В то же время стекло Сувара отличает более узкая номенклатура, его менее утилитарный характер, отсутствие русских изделий. Большая часть коллекции представлена восточным импортом, на что обращал внимание еще А.П. Смирнов.

В.И. Вихляев (г. Саранск)

Исследование истории этнокультурных общностей населения западной части Среднего Поволжья I–XIV вв. при помощи статистико-математических методов*

Археологическими исследованиями двадцатого столетия было установлено, что при изучении древней истории этнокультурных общностей очень важное значение имеют массовые этноопределяющие археологические категории – погребальный обряд, лепная керамика, некоторые категории вещей (украшения головного убора и др.). Именно эти признаки дают возможность применения статистико-математических методов, которые были использованы в данной работе.

Статистико-математические методы уже применялись для материалов могильников населения западной части Среднего Поволжья (Вихляев, 1977; Зеленеев, 1995; Зеленцова, 1998). Однако эти исследования проводились в ограниченных хронологических и территориальных рамках. В настоящее время имеется возможность их осуществления для всей территории западной части Среднего Поволжья в широких хронологических границах.

Для выполнения данного исследования использованы материалы 29 могильников I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья (Нижегородская, Пензенская, Тамбовская области и Республика Мордовия). Все эти памятники содержат 4433 погребения. По их материалам были составлены типологические классификации погребального обряда и керамики, которые использованы для создания компьютерных баз данных по этим категориям. Для статистической обработки данных применена методика, основанная на определении силы связей между отдельными значениями признаков на одной выборке (коэффициент сопряженности), приведенная в широко известной книге Г.А. Федорова-Давыдова «Статистические методы в археологии» (Федоров-Давыдов, 1987).

На основе коэффициента сопряженности между погребальными обрядами и керамикой были выделены типы погребальных обычаев, встречающихся на исследуемой территории. Типы погребальных обычаев составили еще одну компьютерную базу данных.

Для того чтобы проследить развитие погребальных обычаев во времени, была использована новая система хронологии исследуемых памятников, также основанная на статистико-математических методах (Вихляев, Беговаткин, Шитов, Кручинкин, Зеленцова, 2004). Эта система позволила создать компьютерную базу данных датированных погребений. Определение значения коэффициента сопряженности между типами погребальных обычаев и датированными погребениями позволило получить следующую картину этнокультурных процессов I–XIV вв. на территории западной части Среднего Поволжья (учитываются значения коэффициента свыше +0,1 для положительных связей и свыше – 0,1 для отрицательных связей).

Выделение закономерно существующих и хорошо датируемых погребальных обычаев путем исследования значения взаимовстречаемости типов погребального обряда и керамических сосудов позволило определить и считать доказанным существование у населения западной части Среднего Поволжья (бассейны рек Нижней Оки, Мокши, Цны и Суры) в I–XIV вв. ряда этнокультурных общностей, определить их территорию, время существования и характерные этнические особенности.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-60616.

До второй половины IV в. на исследуемой территории не существовало устойчивых этнокультурных общностей. Это объясняется тем, что в данное время шел процесс формирования археологических культур. Со второй половины IV в. по XIV в. в западной части Среднего Поволжья фиксируются следующие этнокультурные общности:

1. Нижнемокшанская, представленная в нашем материале Шокшинским могильником. Она существовала с V по X–XI вв. Для этой общности характерны грунтовые погребения в вытянутом положении с восточной (с отклонениями в обе стороны) ориентировкой, с горшками, поставленными либо у ног (V–IX вв.), либо у головы (конец VII–IX вв.), или без сосудов (V–XI вв.). Эта этническая общность может быть определена как муромская.

2. Окско-сурская 1, представленная Абрамовским могильником. Она существует со второй половины IV по конец VII вв. Для этой общности характерны грунтовые погребения с северной (со второй половины IV в.) и северо-западной (с V в.) ориентировкой. Для первых характерны лепные мискообразные горшки, поставленные у головы, у вторых сосуды отсутствуют. Эта этнокультурная общность может быть интерпретирована как древняя эрзя.

3. Цнинская, представленная Крюково-Кужновским, Елизавет-Михайловским и Пановским могильниками. Она существовала с конца VII до конца XI вв. Для первого периода существования общности (конец VII–IX вв.) характерны погребения с восточной ориентировкой и горшками, поставленными у головы, либо без горшков, а также захоронения с юго-восточной ориентировкой без сосудов. В следующем периоде (X–первая половина XI вв.) все погребения совершаются в гробовищах. Они имеют разнообразную восточную, южную, северную, юго-восточную ориентировку, с горшком, поставленным у головы. Только часть погребений с восточной ориентировкой имеют горшки, поставленные у ног. В X–XI вв. у цнинских племен продолжают совершаться захоронения с восточной ориентировкой без гробовищ и сосудов. Скорее всего, это наиболее поздние погребения. Цнинскую этнокультурную общность, возможно, следует считать древней мокшей.

4. Вадско-цнинская, представленная Кельгининским, Старобадиковским, Стародевиченским и Мордапаркинским могильниками. Она фиксируется со второй половины XI в. по XIV в. Для этой общности характерны вытянутые (мужские) и скорченные (женские) на правом боку погребения с южной и юго-восточной ориентировкой. Только во второй половине XI в. среди них встречаются женские погребения с привозными гончарными мисками у ног. Мужские погребения сосудов в это время не имеют. В XII в. в женских погребениях гончарные привозные сосуды сменяются лепными горшками и мисками. Такие захоронения прослеживаются до конца XIV в. В первой половине XIII в. появляются мужские погребения с лепными горшками у головы. Данную общность можно отождествлять со средневековой мокшей.

5. Окско-Сурская 2, представленная материалами могильников Красное 1 и Заречное 2. Она прослеживается только для периода XII–первой половины XIII вв. Для этой общности характерны вытянутые погребения с северо-западной ориентировкой, без сосудов или с лепными банками у ног. Причем погребения с сосудами характерны только для XII в. Данную общность можно связывать со средневековой эрзей.

Р.Ф. Воронина (г. Москва)

Среднецнинская мордва VII–XI вв.

1. Цнинская мордва являлась самой западной группировкой, располагавшейся в контактной зоне на пограничной территории распространения древнемордовских племен.

2. По вопросу ее этнического состава нет единого мнения. Часть археологов считает ее единой, связывая с мордвой мокшей (П.Д. Степанов, И.М. Петербургский). Другие выделяют на Среднем течении р. Цны в окрестностях Моршанска, группу памятников — могильников и связывают их с неизвестным древнемордовским племенем, ассимилированным позднее мордвой-мокшей (А.П. Смирнов, А.Е. Алихова, Р.Ф. Воронина).

3. Наиболее крупными могильниками данной группы являлись Крюково-Кужновский, Елизавет-Михайловский, Большой Кашминский, Кершен-Вьюнский. Вероятно, к этой группе можно отнести Давыдовский, несколько особняком от них стоит Серповский могильник, возможно, той же группы.

4. Одной из характерных особенностей данной группы могильников является пестрота погребального обряда, выразившаяся в наличии трупоположения и трупосожжения, в пестроте ориентировок, в наличии различных форм могильных ям. Преобладают 1 и 2 формы сочетаний

различных типов внутримогильных конструкций и поз, в которых были похоронены умершие.

5. Средне-цнинская мордва верила в загробный мир как продолжение жизни земной и клала с умершими все те вещи, которые они использовали при жизни.

6. Значительно своеобразие самой культуры финно-угров, выразившееся в обычае вышивать одежду и головные уборы оловянным бисером и различными бронзовыми привесками. Олово и бронза хорошо консервируют ткань, что дает возможность реконструкции типов головных уборов и одежды.

7. Сравнение инвентаря средне-цнинских могильников с инвентарем Лядинского могильника, одного из крупнейших могильников верхне-цнинской группы, и с инвентарем нижне-цнинской группы памятников, крупнейшим из которых является Томниковский могильник, дает возможность говорить о правомерности выделения их в особую группу.

Т.Г. Горбунова (г. Барнаул)

Художественный металл в конском снаряжении кочевников Алтая: этнокультурная интерпретация

Художественный металл эпохи раннего средневековья из кочевнических комплексов Евразии представляет собой важный источник для проведения этнокультурных реконструкций. Системный анализ (морфология, классификация, типология) украшений конской амуниции из памятников Алтая свидетельствует о существовании нескольких этнокультурных художественных традиций в оформлении этих изделий.

Наиболее ранней по времени формирования на Алтае является «тюркская» художественная традиция, период бытования которой очерчивается временным интервалом от VI до IX в. включительно ее характеризуют предметы конской амуниции, зафиксированные в погребении человека в сопровождении верхового коня. Среди них: овально-прямоугольные короткие наконечники ремней (без орнамента либо с геометрическим декором), «язычковидные» наконечники, цельные трехлучевые распределители ремней с «перехватами» и трехдольным делением центральной части. Вероятно, что к «тюркской» традиции можно отнести и султанчики с короткими усеченно-коническими втулками, а также бляхи-накладки четырехлепестковой, сердцевидной, прямоугольной, подовальной и полусферической форм, а также подвески, в том числе налобные, преимущественно сердцевидной формы с петлей для подвешивания к ремню и гладкой лицевой частью.

Украшения «тюркской» традиции послужили основой для формирования новых типов изделий, которые явились отражением этнокультурной традиции, условно названной «сросткинской». Период ее преобладания на Алтае можно очертить серединой IX–XI вв. Характеризующие ее изделия зафиксированы в погребениях человека по обряду ингумации в сопровождении верхового коня, либо по обряду ингумации в сопровождении комплекта снаряжения, но без лошади. Представлены они наконечниками ремней средних пропорций и овально-прямоугольной формы и килевидными изделиями этой категории с растительным или геометрическим орнаментом, либо сочетанием элементов того и другого. Кроме того, следует назвать трехлучевые распределители ремней без «перехватов» с геометрическим орнаментом, либо сочетанием растительно-геометрического декора. Наносные султанчики «сросткинской» традиции имеют цилиндрическую или раструбную втулку. Дополнительный декор в виде орнамента для данных изделий в целом не характерен. В случаях присутствия он представлен геометрическими элементами. К «сросткинской» традиции также относятся налобные бляхи сердцевидной формы. Они имели несколько особенностей: гладкую неорнаментированную поверхность, либо наличие полусферической выпуклости в центре. Бляхи-накладки рассматриваемой этнокультурной традиции представлены изделиями следующих форм: сердцевидные, прямоугольные с выступом, пятиугольные, качелевидные и фигурные с «перехватом».

Изучение украшений конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая и их аналогий из комплексов сопредельных территорий позволяет обозначить также «кыргызскую» художественную традицию, которая сформировалась и развивалась в регионе Минусинской котловины и Тувы и в основе своей представлена изделиями из кыргызских памятников, совершенных по обряду кремации. На территории Алтая зафиксированы некоторые изделия, выполненные в соответствии с особенностями указанной традиции. Они относятся ко второй половине IX в.–началу X в. и, вероятно, являются следствием кыргызского влияния на культуру сросткинского населения в эпоху так называемого «великодержавия». К «кыргызской» традиции относятся предметы, выполненные в двух стилях. Для первого из них характерны изделия второй половины IX–X вв. (бляхи-накладки, наконечники и распределители ремней) с насыщенной расти-

тельной орнаментацией. Другой стиль «кыргызской» традиции формируется в конце X–первой половине XI вв. и господствует в данной культуре до эпохи развитого средневековья включительно. Он представлен украшениями, которые, как правило, инкрустировались серебром и украшались сетчатым или ячеистым декором.

Обозначенные этнокультурные традиции в оформлении украшений конского снаряжения характеризуются различным соотношением формы и декора изделий. В предметах «тюркской» традиции доминирующее положение занимала форма, а декор лишь подчеркивал ее. Сросткинские изделия имели иную особенность: декор и форма выступали в данном случае как «равноправные партнеры». Наконец, на изделиях «кыргызской» традиции декор в большинстве случаев доминирует, оставляя форме лишь роль носителя. Результаты анализа формирования, развития и взаимодействия данных традиций в оформлении украшений конского снаряжения кочевников Алтая в целом позволяют четко идентифицировать обнаруживаемый художественный металл: его происхождение, датировку и этнокультурную специфику.

Н.В. Ениосова, Т.Г. Сарачева (г. Москва)

Случайные находки средневековых матриц для тиснения

Техника тиснения получила широкое распространение в ювелирном ремесле средневековья: с помощью несложных инструментов, главным среди которых была матрица (штамп), ювелиры получали большое количество тонких, одинаковых по форме и декору украшений. Матрицы обнаружены преимущественно в процессе археологического изучения древнерусских поселений (около 170 экз.), памятников Волжской Болгарии и Золотой Орды (более 70 экз.).

В последнее время количество матриц существенно возросло за счет случайных находок, которые, в зависимости от общей формы и конструкции, можно разделить на три группы. Первую составили плосковыпуклые экземпляры с высоким рельефом и уплощенные (около 25 экз.). Две матрицы предназначались, вероятно, для изготовления массивных щитков перстней (рис. 1, *1, 2*). Близкие по форме перстни с объемными прямоугольными двухступенчатыми щитками, обрамленными ложной зернью, имеются в Билярском кладе XII в. (Лихачев, 1891).

Матрицы для тиснения половинок гладких и рельефных овальных и сферических бусин, а также крупных сферических пуговиц найдены в Калужской, Владимирской и Тульской обл., на селище Чаодаево в окрестностях Мурома и Козельске (рис. 1, *3, 4*). Соответствующие им готовые изделия из драгоценных металлов известны по древнерусским кладам и погребениям X–первой половины XIII в. и по материалам Волжской Болгарии XI–XIV вв. (Корзухина, 1954; Каргер, 1958; Руденко, 2001).

Большая серия дисковидных, прямоугольных, подквадратных и ромбических инструментов предназначена для тиснения накладок на одежду и наременных украшений (рис. 1, *5-15*). Подобные инструменты характерны, прежде всего, для металлообработки Болгар, Биляра, Саркела и других памятников Поволжья и Прикамья. Они имеют уплощенную форму; высота их – 3–8 мм. Среди находок, неизвестных ранее, следует отметить массивную матрицу для тиснения четырехлепестковых розеток и миниатюрный экземпляр со схематичным изображением пышного цветка из Курской области (рис. 1, *7, 9*). В Волжской Болгарии и на сопредельных территориях известно более 15 подобных инструментов и тисненых блях, полученных с их помощью (Полякова, 1996; Культура Биляра, 1985; Белорыбкин, 2001).

Полностью идентичная болгарской дисковидная матрица с многолепестковой розеткой и ложнозерненым бордюром обнаружена в Курской области (Полякова, 1986), а с рельефными эсовидными и трилистными завитками – на территории Волжской Болгарии (рис. 1, *10, 11*). Аналогичные орнаментальные мотивы присутствуют на штампах для тиснения булгарских нашивных блях (Полякова, 1996; Крамаровский, 2000).

Шесть матриц предназначены для изготовления гладких и рельефных (с изображением трилистника) сердцевидных бляшек (рис. 1, *5, 6*). Происхождение большей части находок определить невозможно. Единственный адресный экземпляр из Старой Рязани является незаконченным изделием. У него сохранился литник. Соответствующие поясные украшения широко распространены в IX–XI вв. в Прикамье, Волжской Болгарии, Древней Руси; они встречены в марийских и мордовских могильниках (Хлебникова, 1963; Полякова, 1996). Матрица, обнаруженная в Чувашии (рис. 1, *8*), практически полностью идентична фигурным пятиугольным бляшкам из Рождественского могильника в Прикамье второй половины X–первой половины XI вв. (Крыласова, 2001).

Одна из матриц, вероятно, предназначалась

для изготовления ременных наконечников (рис. 1, *12*). Среди древнерусских материалов нет ни одного металлического инструмента для получения наконечников, в то время как восемь штампов происходят из раскопок Болгар, Биляра и Саркела (Хлебникова, 1963; Артамонов, 1958).

Во вторую группу входят три цельнолитые матрицы, состоящие из двух частей: рельефного выступа и плоского основания, размеры которого превосходят верхнюю рабочую часть (рис. 2, *1-3*). Круглая матрица имеет изображение розетки, украшенной трилистниками; овальная, найденная в Сарае-Берке, имеет орнамент, характерный для золотоордынской эпохи: рыбка в обрамлении цветочной розетки с отростками-завитками; на квадратной матрице из Курской области также размещена миниатюрная розетка. Стилистически близкие изображения неоднократно встречены на булгарских штампах для тиснения, каменных литейных формах и штампованных накладках (Полякова, 1983, 1996; Fedorov-Davydov, 2001).

Двучастные матрицы относятся к редким находкам: известно два экземпляра из Болгар и Старого Крыма (Полякова, 1996; Крамаровский, 2000). Среди более ранних материалов – штампы из Херсонеса, Хедебю и Готланда (Айбабин, 1982; Duczko, 1992).

Последняя, третья группа представлена единственной находкой (рис. 2, 4). Рабочая часть матрицы имеет углубленную форму с изображением розеток. Аналогичные по конструкции матрицы обнаружены в городах Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1994).

Таким образом, морфологические, конструктивные и декоративные черты большинства случайно обнаруженных матриц позволяют вписать их в поволжский круг древностей. Некоторые инструменты можно в одинаковой мере связать как с древнерусской, так и с болгарской традициями металлообработки. Согласно информации находчиков, матрицы происходят преимущественно с древнерусской территории: из Курской, Калужской, Владимирской и Тульской областей, Старой Рязани, Козельска и Городца. Мы можем лишь предполагать, каким образом эти ювелирные инструменты оказались удалены от места их изготовления и употребления. Прежде всего, нельзя исключать тот факт, что некоторые штампы могли использоваться и древнерусскими ювелирами. Кроме того, поврежденные и изношенные экземпляры, вышедшие из употребления, могли попасть на Русь в качестве ювелирного лома. Известно, что Волжская Болгария являлась одним из основных поставщиков цветного металла в древнерусские ювелирные мастерские. Наконец, мы не можем исключать, что матрицами владели ремесленники – выходцы из Волжской Болгарии и Золотой Орды, работавшие на территории Древней Руси.

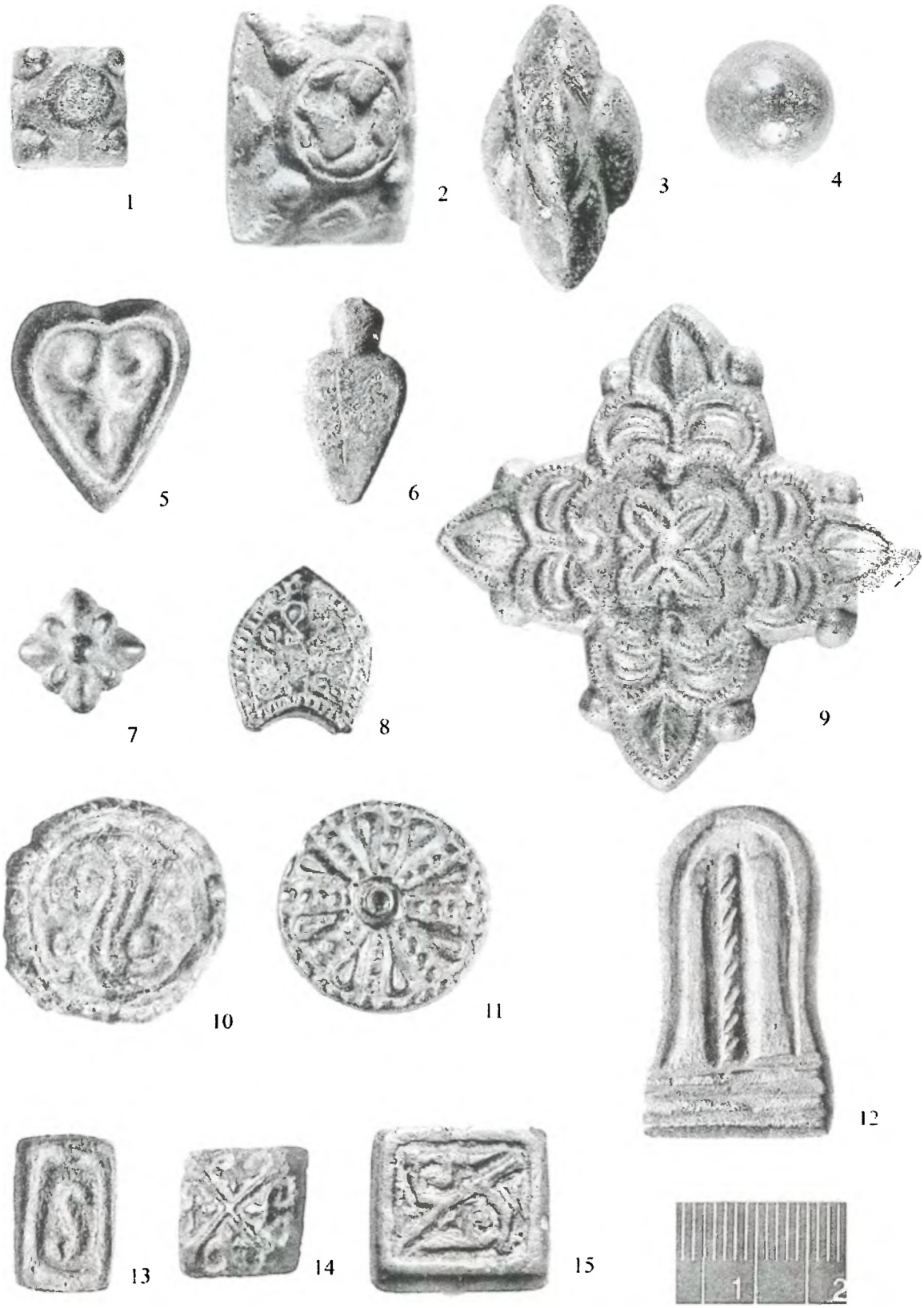


Рис. 1. Плосковыпуклые матрицы:
1 – Тульская обл., *2, 10* – Волжская Болгария, *3* – Владимирская обл., *4* – Козельск,
5, 9, 12, 13, 15 – место находки неизвестно; *6* – Старая Рязань, *7, 11* – Курская обл., *8* – Чувашия, *14* – Городец.

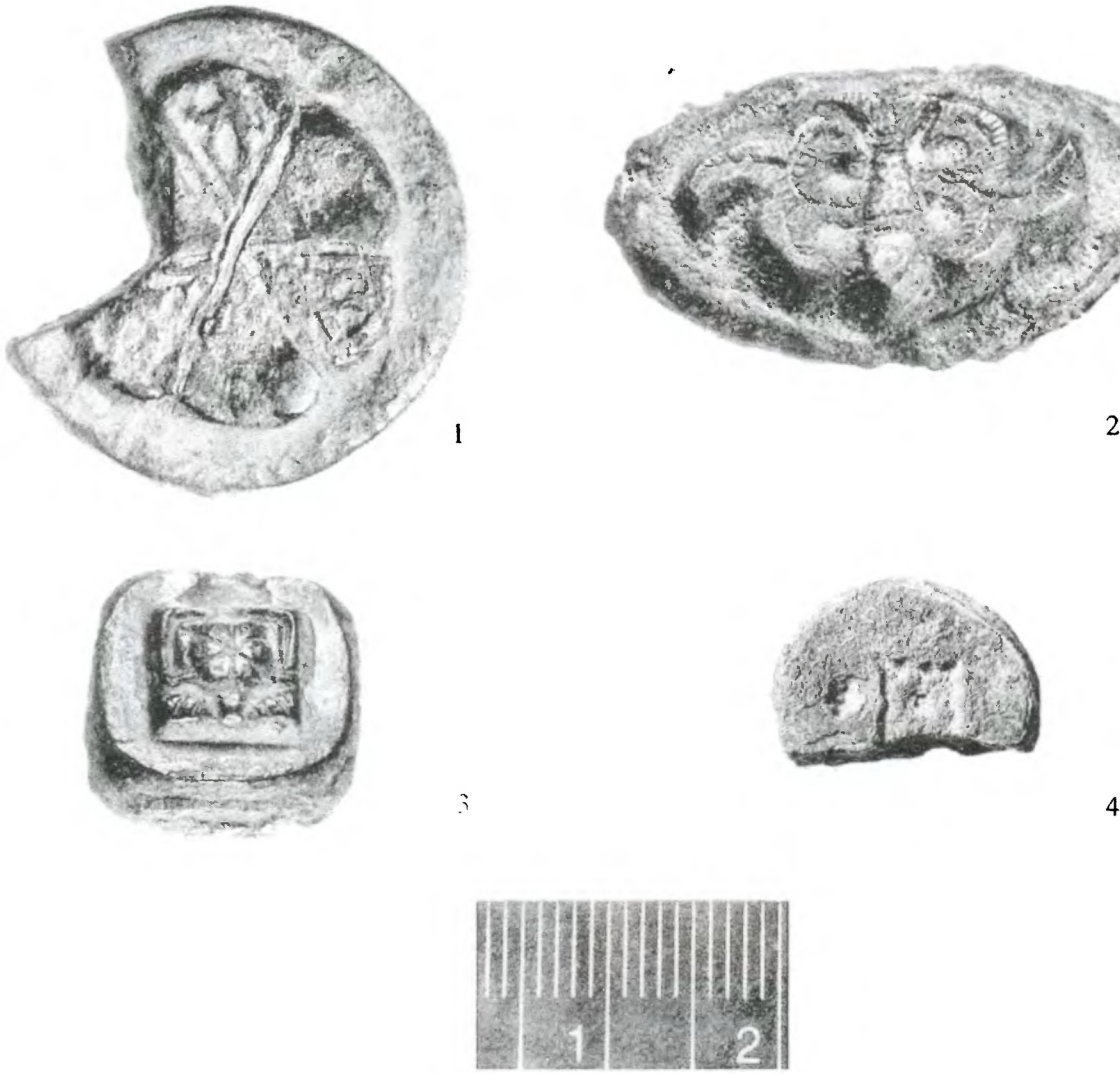


Рис. 2. Двучастные матрицы и матрица с углубленной рабочей частью
1, 4 – место находки неизвестно, *2*– Сарай-Берке, *3* – Курская обл.

М.Г. Иванова (г. Ижевск)

Формирование центров этнических объединений в Прикамье (на примере городища Индакар)*

Результаты широких раскопок археологических памятников, произведенных в последние десятилетия в Поволжье и Приуралье, открыли возможности для уточнения и существенной переоценки сложившихся представлений о культуре, экономике и социальной организации этнических образований эпохи средневековья. Одной из этнотерриториальных групп, наиболее полно характеризующих специфику этнокультурных и социально-экономических процессов Волго-Камского региона, является население бассейна р. Чепцы, занимающего центральную часть Вятско-Камского междуречья. Здесь в средневековье были плотно сосредоточены крупные могильники, городища с мощным культурным слоем, селища, клады.

Богатейшие материалы междисциплинарных исследований городища Иднакар IX–XIII вв. явились базой для реконструкции системы жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности, многих сторон материальной и духовной культуры средневековых удмуртов, раскрытия особенностей формирования городища в сравнении с укрепленными поселениями Прикамья и лесной зоны Восточной Европы. Анализ огромного фонда качественно новых источников позволил сформулировать концепцию его развития, во многом аналогичного древнерусским городам.

Городище занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы, образованный долинами р. Чепца и ее правого притока р. Пызеп. С востока располагаются два мощных вала: внешний ограничивает площадку, средний делит ее на две примерно равные части, изучена и внутренняя, ныне не прослеживаемая линия укреплений. Освоение территории началось с мысовой части и расширялось в напольную сторону.

Внутренняя часть, ограниченная линией обороны, составляла 10 тыс. кв. м. Здесь на площади 4126 кв. м. изучены остатки 45 сооружений. По характеру слоя выделены два основных строительных периода. За период функционирования сооружения неоднократно перестраивались, но их место существенно не менялось, и в целом общая закономерность размещения сооружений сохранялась.

К раннему этапу (IX – начало XI в.) относятся 28 сооружений, среди которых выделены 17 жилых, 7 производственных и 4 хозяйственных. Жилища занимали центральную часть и располагались рядами, вытянутыми вдоль площадки городища, на южной и северной части размещались производственные и хозяйственные сооружения. Застройка поселения с самого начала была очень плотной, поэтому развитие его было возможно только за счет расширения территории.

На средней части изучено 1853 кв. м. С ее освоением в X в. площадь поселения увеличилась вдвое, сформировалась двухчастная структура. Постройки продолжали ряды внутренней части. Жилищам предшествовали сооружения хозяйственного и производственного назначения, залегавшие непосредственно на материке.

В XI в. начинает функционировать площадка за второй линией обороны, была возведена третья линия. Внутренние укрепления утратили свое значение, на их месте разместились производственные сооружения, а второй вал был усилен вдвое. Площадь городища достигла 40 тыс. кв. м, но двухчастная структура сохранилась. На площади 1971 кв. м. изучены остатки 8 построек, 64 ямы, зафиксированы многочисленные ямки от столбов и кольев. В XII–XIII вв. активно обновлялись сооружения на всех частях городища, расширялись средний и внутренний валы. Таким образом, основав городище в конце IX в., население в течение четырех столетий дважды расширило его территорию вдвое, многократно усилило фортификационные возможности.

Возникновение городища связано с социально-экономическим процессами, происходившими в Поволжье и Приуралье в конце I – начале II тысячелетия н.э. в условиях формирования в близком соседстве с государством волжских булгар, заинтересованных в расширении сферы своего влияния, усиления активного интереса Древней Руси к территориям восточных финнов.

Население бассейна р. Чепцы составляло своеобразное ядро формирующейся удмуртской народности. И уже в ранний период Иднакар имел значение военно-оборонительного, аграрно-ремесленного, торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Но его эволюция была обусловлена преимущественно потребностями внутреннего развития общества. Относительная удаленность от международных торговых путей, с одной стороны, не способство-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-80104а/У.

вала активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой – позволила в тот период сохранить относительную независимость и этническое своеобразие вплоть до середины XIII в.

Одна из особенностей заключается в соотношении функций структурных единиц поселения: внутренняя часть, соответствовавшая детинцу древнерусских городов, представляла собой не только резиденцию князя, но и средоточие ремесла (кузнечного, ювелирного, костерезного). Во второй половине XIII в. жизнь на Иднакаре угасла, процессы формирования городских черт, как и у других финно-угров, завершения не получили.

В последние десятилетия на материалах раскопок средней части городища отрабатываются методики и технологии исследований в русле современных тенденций. Разработка специализированного программного обеспечения позволяет продолжить работу по созданию компьютерной пространственной модели объектов и комплексов, максимально точному восстановлению их формы, геометрических параметров и особенностей локализации.

Интенсивные исследования синхронных крупных поселений на Верхней Каме (Рождественском, Кыласовом и некоторых других городищах), древнемарийском Важнангерском (Мало-Сундырском) городище XIV–XV вв. открывают возможности сравнительного анализа материалов, конкретизации особенностей развития укрепленных поселений, социально-экономических и этнических процессов в регионе.

Н.А. Кокорина (г. Москва)

Дом кузнеца из домонгольского Болгара (материалы к реконструкции)

В центральной части Болгарского городища раскопом CXVIII 2000 г. на месте фундаментального каменно-кирпичного сооружения золотоордынского периода (раскопки М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой и автора, 1989–93 гг.) выявлены значительные напластования домонгольского времени – VI и V слои стратиграфической колонки памятника. Строительные горизонты этих слоев разделены прослойками исторически известных пожарищ.

Сооружения домонгольского периода представляли собой богатую усадьбу кузнеца. В нее входили жилой дом, кузнечная мастерская, землянка ремесленников, хозяйственный и ремесленный дворы. Реконструкция этих сооружений представляет несомненный интерес для изучения домостроительства Волжской Булгарии.

Остатки жилого дома представляли собой серию ям, связанных с двумя периодами формирования культурного слоя: X–XI вв. и XII–певая половина XIII в. Наиболее хорошо они зафиксированы в V – предмонгольском слое. Реконструируется срубный дом (10 × 12 м), ориентированный углами по странам света. С восточной стороны к нему примыкала кузнечная мастерская, а южные пределы ограничивались объектами ремесленного и хозяйственного назначения. Выявлены две печи, делившие дом на северную и южную половины. Первая (1,8 × 1,8 м) располагалась в средней части северной половины, разделяя ее также на две половины. Глинобитные стенки наиболее заметны с трех сторон, кроме западной, где выявлены остатки сгоревших досок основания пода, обмазка и развал трубы. В западном углу в основании печи зафиксированы останец от столба, на котором, вероятно, крепился кронштейн для подвешивания котла, а на поде – зола и вьюшка; в восточном углу – сырцовый кирпич, фрагменты керамической трубы. С восточной стороны этой печи крепилась полка для посуды, которая сохранилась в раздавленном виде. Чело печи обращено к западу, а выгребная яма для золы – близ северо-восточного угла. Сгоревшие полы опустились в подпольную яму (№ 9).

С севера и запада к печи примыкала кухня, под полом которой находилась двухкамерная хозяйственная яма (№ 9). Другая подпольная яма (№ 12) располагалась к югу от печи и на всю глубину (до 80 см) была заполнена чистой золой и костями животных (материал для поделок). На уровне сгоревших полов дома, опустившихся в эту яму, найдена бронзовая сюльгама типа B-I-3 (Полякова, 1991) предмонгольского времени.

К востоку от печи в подвале размещалось полуземляночное помещение, уходившее в северную стенку раскопа. Размеры сохранившейся части – 3 × 3,6 × 1,4 м. Стенки котлована имели глинисто-песчаную забутовку, наиболее мощную (до 50 см) в южном углу, и обкладку из полубревен. В южном углу обнаружено большое количество глиняной обмазки от труб, фрагменты керамической трубы. Вероятно, вкоп на дневном уровне, соединявший яму № 5 с печью в южной половине дома, и обломки труб из ямы № 5 являлись остатками дымохода, выводившего дым в трубу большой печи этого дома (соор. 26А). В по-

луземлянку с южной стороны вели две ступеньки. Полы (два уровня) – деревянные.

Эта полуземлянка соединялась с другой (соор. 20; 2,3 × 2,2 × 1,1 м) тамбуром (2,5 × 1 м). В северо-западном углу сооружения 20 находился глинобитный подиум (1,2 × 1,1 × 0,3 м), возможно, от разобранной печи или переносного очага. Западный (за подиумом) и юго-восточный углы засыпаны песком, вероятно, с целью гидроизоляции. Напротив подиума, вдоль южной стены располагалась глинобитная лежанка с дощаной обкладкой. Вход в полуземлянку с тремя ступенями находился в юго-восточном углу. Полы – слегка покатые к югу, в направлении сточной ямы, с пологими краями (№ 23). Помещения сооружений 5 и 20 могли служить домашней баней, что не исключает их использования как жилья.

С восточной стороны к полуземлянке (соор. 20) примыкала большая печь южной половины дома (соор. 26А; 2,15 × 2,3 м), ориентированная короткими сторонами в направлении запад-восток. Основание печи покоилось на глиняной подушке, облицованной деревом. Подпечная яма (глубиной 0,15–0,18 м) имела уклон в южном направлении. Верхняя часть печи сооружена, вероятно, из глины и жженого кирпича, который найден в засыпи полуземлянки. В подпечье по средней линии выявлены две столбовых опоры, в юго-западном углу – два столба, к которым, вероятно, крепился кронштейн для подвески котла. Наклон основания и остатки столбов кронштейна с юго-западного угла определяют местоположение чела со стороны, обращенной к помещению – «подсобке».

Вокруг печи были деревянные полы. Мощный слой (до 10 см) сгоревших, вероятно, бревенчатых конструкций, наблюдаемый к югу и востоку от печи, связан с другим помещением (теплые сени?), куда выходила северо-восточная часть печи с топкой. Наличие теплых бревенчатых сеней с восточной стороны дома подтверждается как необычным размещением печи, так и соединением дома с восточной стороны со срубным помещением кузнечной мастерской и складом. Сени фиксируются и группой столбовых ям с северной стороны от печи. Столбы обозначают место расположения лестницы, ведущей на второй этаж из сеней.

Большая печь топилась в основном в холодное время, малая – хлебная – круглый год. Расположение печей с котлами в нижнем полуподвальном этаже предполагает наличие широких дымоходов каминного типа, проходивших через жилой второй этаж на крышу. По данным этнографии (Воробьев, 1967) подобного типа печи характерны для Западного Закамья.

Наличие нескольких строительных горизонтов в этом доме свидетельствует о том, что он сооружался поэтапно. Самыми ранними являлись сооружения северной части дома (ямы №№ 5, 9, 20, 22, 24). После пожара в XI в. и перестройки он представлял собой двухэтажный дом с полуподвальными помещениями нижнего этажа и теплыми сенями под одной крышей. Аналогичный тип богатых домов отмечен этнографами в Западном Закамье (Воробьев, 1967).

Расположение малой хлебопекарной печи в средней части дома предусматривало и обычное деление булгарского дома на западную – женскую и восточную – мужскую половины. Вход через сени, расположенные вдоль восточной стены дома, примыкающей к кузнечной мастерской, предполагает существование входа как со двора, так и с северного конца сеней, со стороны реки. С учетом глубины полуподвальных помещений и среднего роста жителей той эпохи (~160 см) полуподвальный этаж дома возвышался над землей не менее чем на метр, что подтверждается и материалами этнографии (Воробьев, 1967). Крыши в таких домах были, как правило, четырехскатными.

Таким образом, реконструируется сложный дом со специфичной системой отопления, который является примером дома богатого городского кузнеца-ремесленника Западного Закамья. Описанная конструкция дома и система отопления отличаются рядом черт как от последующих горизонтов домостроений золотоордынского Болгара, так и от домов богатых ремесленников из Заказанья того же времени. Примером их может быть «дом гончара», изученный на Русско-Урматском селище (Фахрутдинов, Кокорина, 1999).

Обращает на себя внимание своеобразный набор посуды, выявленный в данном доме. Это формы коричневой керамики (кувшины, кринки, кружки) предмонгольского времени и цилиндрошейный горшок с гребенчатым орнаментом, характерные для кыпчакских групп населения Волжской Булгарии.

Мощные линзы золы и угля на месте остатков дома свидетельствуют о сильном пожаре. Они перекрываются песчаной засыпкой, относящейся уже к началу раннезолотоордынского горизонта. Отсутствие целых предметов обихода, готовой кузнечной продукции, самих инструментов мастеров (при наличии криц, шлака и лома изделий) свидетельствуют о том, что усадьба была оставлена владельцами еще до захвата города и пожара 1220 г. (о котором упоминается в русских летописях).

П.В. Попов (г. Астрахань)

Некоторые аспекты проблемы формирования городской культуры на Нижней Волге

Большую часть низовьев Волги (территория современной Астраханской области) занимают степные и полупустынные районы, природно-климатические условия которых благоприятны для ведения кочевого хозяйства. В этой связи интересны факты появления в этом регионе городских центров, часто имевших столичный статус. Обращение к данной теме стало возможным в связи с накоплением новых археологических материалов, позволяющих по-новому взглянуть на некоторые аспекты складывания и функционирования оседлой урбанистической культуры в этом районе. Прежде всего, здесь надо отметить исследования на Самосдельском городище, давшие ценную информацию о домонгольском периоде истории в Нижнем Поволжье*.

Первые города на Нижней Волге появились здесь в период существования Хазарского каганата. Материалы Самосдельского городища показывают, что появление городов в Нижнем Поволжье в хазарское время не было результатом социально-экономических процессов. Причиной появления здесь городской культуры, являлся перенос в низовья Волги административного центра каганата.

Такие условия не были типичны для большинства районов Хазарии. Хазарский каганат с момента образования включал в себя большие районы, имевшие длительные урбанистические традиции, основанные на оседлом земледелии. В низовьях Волги складывается принципиально другая ситуация. В этом районе в силу природно-климатических факторов невозможно занятие пашенным земледелием. Основой земледельческого хозяйства становится культивирование садово-бахчевых и огородных культур. Об этом свидетельствуют результаты почвенно-ландшафтных исследований, проведенных на городище. Климатические условия наиболее благоприятствуют скотоводческо-рыболовецкому типу хозяйствования. Эти исследования также показали, что лимитирующим фактором для развития земледелия является влагообеспеченность (Бронникова, Зазовская, Аржанцева, 2001) В этих условиях большой удельный вес в системе хозяйства Хазарии сохраняет кочевое скотоводство. В зимний период кочевая часть населения откочевывала в дельтово-пойменные районы, используя их как места зимовки. В результате взаимодействия кочевого и оседлого компонента в хазарское время складывается особый тип полуоседлого комплексного скотоводческо-земледельческо-рыболовецкого хозяйства, получившего распространение в дельтовых и пойменных районах Волги. Кочевое скотоводство здесь трансформировалось в полуоседлое отгонное скотоводство. Наряду со скотоводством население поймы и дельты занимается земледелием, культивируя садово-огородные, бахчевые культуры, виноград. Большое значение в хозяйственном укладе населения низовьев Волги в хазарское время приобретает рыболовство, которое, судя по количеству рыбьих костей в нижних слоях Самосдельского городища и некоторым косвенным упоминаниям в источниках, достигает больших объемов (Караулов, 1903).

Большую роль в формировании урбанистической культуры в данном районе сыграло его выгодное географическое положение. Итиль являлся важным транзитным торговым пунктом на Волжском торговом пути и торговом пути в Среднюю Азию, проходящем через Устюрт, административным центром, но при этом не имел оседлой земледельческой основы. Именно последнее обстоятельство явилось причиной исчезновения Итиля как города после крушения Хазарского каганата.

В постхазарское время в Нижнем Поволжье локализуется область Саксин. Д.В. Васильев в своих работах, проанализировав полученные материалы, убедительно доказал локализацию города Саксин на Самосдельском городище (Васильев, 2004). В рамках общности Саксин сохраняются многие черты материальной культуры и хозяйственного уклада, характерные для хазарского периода. Это свидетельствует о том, что основу нового образования составило население, оставшееся в низовьях Волги с хазарских времен, прежде всего хазаро-болгарская общность.

В постхазарский период городская культура переживает период упадка. Это связано с тем, что появление городов на Нижней Волге в хазарское время было вызвано административными и, в значительно меньшей степени, торговыми

* Раскопки под руководством Э.Д. Зиливинской, Т.Ю. Гречкиной, Д.В. Васильева. Автор выражает благодарность коллективу исследователей за предоставленные материалы.

факторами, без должной экономической основы. Без крепкой государственной власти происходит развал этой системы. Саксин, возникший в постхазарский период, очень трудно называть городом.

Политическое главенство в Саксине захватывают огузы. Они продолжают использовать дельтово-пойменные районы как места зимовищ. Однако в этот период в их среде наблюдается переход к оседлому и полуоседлому хозяйству. Болгарское население, составлявшее основу общности Саксин, ведет комплексное полуоседлое скотоводческо-земледельческо-рыболовецкое хозяйство, формирование которого началось еще в хазарское время. По-видимому, именно в период существования Саксина в дельте появляются поселения с материальной культурой, идентичной той, что была зафиксирована на Самосдельском городище (Попов, 2004; Пантелеев, 2001). Появление поселений подобного типа связано с оседанием групп кочевого населения.

Судя по археологическим и письменным источникам, Саксин является важным центром транзитной торговли на Волжском торговом пути и маршруте в Среднюю Азию через Устюрт. По-видимому, в Саксине находилась торговая фактория булгарских купцов. Существование Саксина как городского центра напрямую зависело от функционирования торговых магистралей. Именно как торговый центр он упоминается в источниках (Ал-Гарнати, 1971). Единственным фактором, способствующим сохранению городской культуры на Нижней Волге в этот период, является транзитная торговля. Саксин продолжает существовать и в ордынское время, однако только в качестве поселения полуоседлого населения дельты Волги.

К.А. Руденко (г. Казань)

Волжская Булгария после монгольского завоевания. Особенности материальной культуры

Монгольское завоевание Волжской Булгарии и его последствия не раз рассматривались историками и археологами (А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов; Т.А. Хлебникова; А.Х. Халиков; Е.П. Казаков и др.), но многие моменты до сих пор остаются дискуссионными. Исследователи едины, пожалуй, только в одном: монгольское нашествие 1236 г. нарушило политико-экономическую систему в Волго-Камье и нанесло непоправимый урон сложившимся формам государственного и общественного развития. Очевидно, что во многом единые или сходные процессы социокультурного развития в Волго-Камье были прерваны и замкнулись в этно-территориальных рамках. Причем фактор независимого развития не только не исключал этнических контактов, а в какой-то степени на них основывался и их стимулировал.

Развитие этнополитических структур со второй половины XIII в. пошло по новому пути, особую роль стали играть процессы этнических контактов и заимствований, ярким отражением которых стала культура периферийного золотоордынского города.

Городское ремесло и культура булгарского города периода Золотой Орды носили «имперский» отпечаток. Элементы городского костюма складывались из общеимперских канонов, как, например, головные уборы с металлическими навершиями (Крамаровский, 2001). В употребление входят серьги в виде знака вопроса, вытесняя бытовавшие ранее комплексы височных украшений.

На самостоятельный путь развития стало ремесло Прикамья, где булгарские традиции сереброделия получили новый стимул к развитию на основе художественных образов населения Прикамья и Зауралья.

Из украшений, оставшихся с домонгольского времени в употреблении и эволюционировавших далее, можно отметить лунницы, а также проникавшие с поволжско-финских территорий шумящие подвески.

Булгарский городской костюм в золотоордынское время потерял практически все свои составляющие предшествующего времени: шейные гривны, ожерелья с подвесками, витые браслеты, характерные перстни с чернью. Искусство чернения было известно в Золотой Орде (Крамаровский, 2001), но на периферии империи это искусство практически прекратило существование. Чернь иногда применялась в украшении пластинчатых браслетов, культовых изделий, что, видимо, связано с импортом из поволжских или крымских ордынских ремесленных центров. Традиционные формы ряда украшений (например, филактерии) устойчиво сохраняются с домонгольского времени.

Этнические элементы проявляли себя и в сфере украшений костюма: так, на «львиноголовых» браслетах появляется имитация веревочки, да и сами львиные личины приобретают черты

стилизованного орнамента. Перстни из драгоценных металлов, как правило, были привозными (Нижняя Волга или Крым), а те, которые могли производиться на месте, копировали привозные образцы.

Прогрессивные технологии городского ремесла ярко выразились в массовом производстве чугунной посуды, преимущественно котлов. Модифицировались медные котлы, без особых внешних изменений (кроме объема) бытовали медные кумганы. Художественный металл: чаши, кубки, блюда, в основном был привозным (Восточный Иран). Под воздействием мусульманского искусства в Булгаре производятся кумганы и ковши, аналогичные медной бытовой посуде, но с восточным орнаментом. Из мелких бытовых предметов были типичны миниатюрные бронзовые замки в виде фигурки лошадки, а также пользовавшиеся большим спросом бронзовые зеркала, часть которых изготавливались непосредственно в Булгаре.

На ордынской периферии резко сокращается производство предметов вооружения. Нет достоверных сведений об изготовлении защитного вооружения: использовавшиеся шлемы и панцири в основном иранского и нижневолжского изготовления. В Булгаре могли производиться амуниция и оружие легковооруженного воина (лучника): луки и колчаны с костяными накладками, костяные перстни для стрельбы. В ассортименте кузнецов Булгара были железные наконечники стрел и пик.

Отметим, что типологическое разнообразие костяных изделий существенно сузилось и стало менее выразительным.

«Интернационализм» городской культуры неизбежно оказывал влияние и на сельскую округу. Заметно меняется характер поселений и их функции. Практически каждое крупное сельское поселение имело четко выраженную как территориально (расположенный на отшибе, как правило, у реки), так и по составу находок – усадьбу кузнеца или целый кузнечный двор (селища Дамба II, Коминтерновское III). Причем, все эти центры были во многом автономны, то есть «варка» железа, выделка уклада и последующий процесс изготовления заготовок и самих изделий совмещались в едином месте. Разнообразится и процесс «варки» железа, в частности, распространяется ямный и горшковой способы, известный с домонгольского периода. Изменения в этой сфере нередко имели и этнические причины, связанные с переселением нового населения.

Таким образом, после монгольского нашествия исчезли из обихода многие повседневные изделия; происходит угасание ряда ремесел – тех, которые маркируют экономическое развитие и во многом предназначались для булгарской элиты; население «отказывается» от своих культурных символов (парадный головной убор); изменяется система расселения. Тем не менее, традиции булгарского ремесла и культуры сохранились как на основной территории булгарской области, так и в соседних регионах, прежде всего в Прикамье и в Посурье, а также в нижегородском течении Волги.

Р.Б. Амензаде (Азербайджан, г. Баку)

Архитектурные параллели Золотой Орды и Азербайджана

Каракорумский курултай, созванный в декабре 1241 г., был знаковым в исторической судьбе будущей Золотой Орды, на нем Батыя, сына Джучи утвердили правителем Западного улуса. Государство Золотая Орда, просуществовавшее примерно два столетия, одно из крупнейших государственных образований средневекового Востока, достигает экономического процветания в XIV в. Ускоренный процесс урбанизации предопределил увеличение существовавших и появление новых городов в Нижнем и Среднем Поволжье, Крыму, Волжской Булгарии, на Северном Кавказе, в Хорезме.

Самые крупные, многонаселенные города, при застройке которых зодчие следовали градостроительным принципам восточных городов, становятся центрами высокоразвитого ремесла и оживленной транзитной торговли, в большой степени благодаря пересекавшим эти территории магистралям Великого шелкового пути. Сарай-Берке, новая столица джучидов, к 50–60-м годам XIV в. был застроен монументальными сооружениями, соответствовавшими номенклатуре средневековых восточных городов: мечети, медресе, тюрбе (мавзолеи), дворцы, хаммамы (бани), рыночные и гидротехнические сооружения, входившие в государственную программу. Здесь сложились локальные архитектурные направления синтезного развития, яркий мозаичный сплав, который вобрал художественные достижения народов, населявших государство. Стилевой синкретизм согласовывался с общей предпосылкой, включавшей главные источники и составные элементы искусства их представителей, предопределившей своеобразие произведений архитектуры.

Территориальные претензии джучидов за право владения Азербайджаном сопровождались опустошительными рейдами на цветущие города Ширвана, Аррана, Южного Азербайджана. На 1318 г. падает возобновление конфронтации враждующих армий джучидов и хулагуидов за земли «желанного» Азербайджана; они превратили страну в арену непрекращавшихся военных действий (Егоров, 1985). Очередная волна разрушительных действий Тохтамыша обрушилась главным образом на Марагу, Маранд, Нахичевань, Тебриз, из которого, в частности, было депортировано в Золотую Орду 90 тысяч трудоспособного населения (История Востока, 2000).

Первые мечети в Золотой Орде появляются во второй половине XIII в., однако уже во времена правления Узбека (1312–1342) культовые сооружения воздвигаются в массовом порядке. Г.А. Федоров-Давыдов, в связи с этим отмечает, что «… в ряде сохранившихся зданий (культовых. – *Р.А.*), хорошо прослеживается влияние Азербайджана и сельджукидской Малой Азии» (Федоров-Давыдов, 1976).

Реставрация Малой мечети Верхнего Джулата, возникшая с проблемой перекрытия, предполагала следующие варианты: а) купола на столбах, б) свод на подпружных арках, с близкими параллелями в Азербайджане – мечетями в Ханегах, на Пирсаат-чай и в Ханларе (Зиливинская, 1991). Реестр мечетей подобной композиции можно пополнить следующими монументальными сооружениями: мечеть Мухаммеда и мечеть Ашура в Ичери-Шехер (Баку), мечеть в Мехабаде и мечеть Гари в комплексе Джума-мечети в Тебризе (Южный Азербайджан) и др.

Кроме самостоятельных мечетей в Золотой Орде строились культовые комплексы, развивавшие принципы и традиции ансамблевой застройки. Среди них культовый комплекс в Старом Крыму (Солхат), состоявший из мечети (1314) и четырехайванного медресе с мавзолеем. Крупнейший на Востоке культовый четырехайванный комплекс Джума-мечети (Арк) в Тебризе включал собственно мечеть (длина 60 м, пролет свода 30,15 м), медресе и текие дворовой композиции, примыкавшие к ней по флангам, мавзолей зодчего Али-шаха Тебризи, а также объединявшие весь комплекс двухрядные портики, которые обводили всю территорию, центрированную водоемом.

Разработанный в основных планировочных принципах композиционный строй медресе средневекового Азербайджана определяет единообразие архитектурного типа. Компоновка объемов дворовой композиции формируется секционной застройкой из худжр (кельи), обширных дарсхана в угловых помещениях четырехайванных (г. Ордубад), либо метрическими рядами худжр по периметру двора всего строения, с композиционным акцентом купольной мечети (медресе Хумарташ, г. Казвин).

Общественно важную роль хаммамов в санитарно-гигиеническом, оздоровительно-лечебном, общекультурном отношении трудно переоценить. Общественные хаммамы Золотой

Орды имели широкое распространение во всех регионах. Это в основном бани с крестообразным главным залом, развитой водопроводной системой и бассейнами, которые «проникли в Улус из Азербайджана». К ним относятся Красная и Белая палата в Болгаре, бани в Мохши, на Селитренном городище, на Нижнем Днепре (Зиливинская, 1991). В. Л. Воронина также связывает возникновение и «миграцию» хаммамов «крестового» плана с турками-сельджуками и с тем, что в золотоордынских городах их строили азербайджанские устады-зодчие.

Многочисленные правительственные дворцы и «увеселительные» загородные дворцы (Алтун-Таш*, Гюлистан**) строились повсеместно не только в Золотой Орде, но и в империи хулагуидов, Тимура и тимуридов, а позже и сефевидов. Дворцы Золотой Орды занимали обширные территории, обведенные высокими стенами с дозорными башнями. Они включали, по-видимому, чахарбаги, садово-парковые комплексы с затейливыми прудами, легкими кешками (павильонами), многоцветными шатрами (Баллод, 1923). В них функционировали гидротехнические сооружения – фонтаны, водоемы, оросительные системы.

«Палаточная» архитектура, получившая особенно большое распространение, конструировалась из сборно-разборных элементов и составлялась из универсальных модульных палаток. Материальное наследие золотоордынских городов составило неотъемлемую часть культуры не только народов Поволжья, но и всей России.

---

* Правильно Алтун-Баш (Золотой Купол). В арабский текст, видимо, при переписывании вкралась ошибка, т.к. сам Ибн Баттута переводит слово «таш» как «голова». В тюркских языках: таш – камень, баш – голова (от ред.).

** Не доказано, что Гюлистан был дворцом. Более вероятно, что он являлся городом, где чеканилось огромное количество монет (от ред.).

В.А. Бабенко (г. Ставрополь)

Древности эпохи Золотой Орды из долины р. Айгурки

Археологическая экспедиция ГУП «Наследие» в 1998–2001 гг. исследовала ряд памятников XIII–XIV вв. в окрестностях пос. Советское руно Ипатовского района Ставропольского края, в долине р. Айгурки («Айгурский 2») и на незначительном удалении от нее («Айгурский 1», «Совруно 1»). Айгурка является правым притоком р. Калаус.

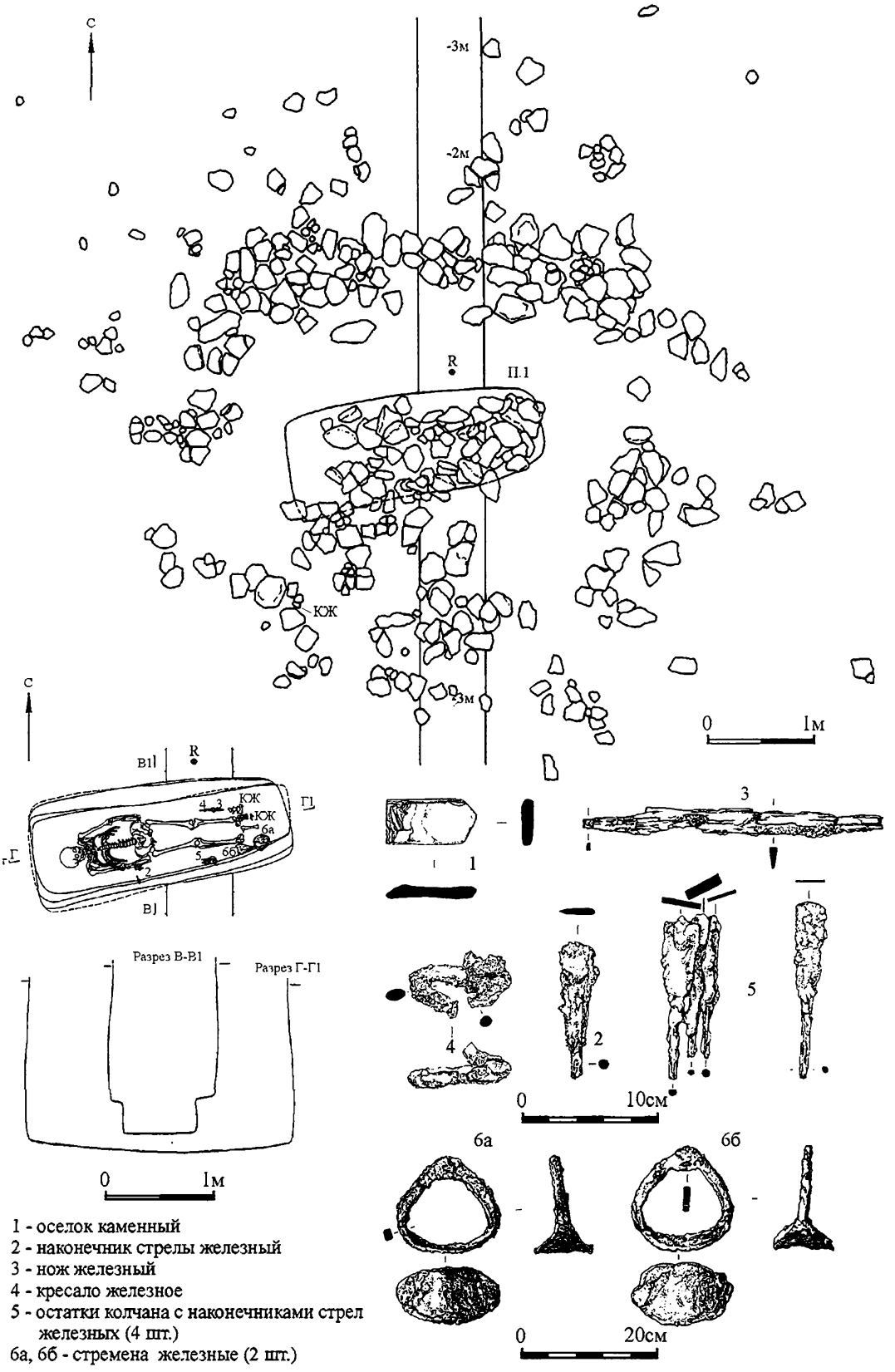
Впервые о древностях долины р. Айгурки стало известно в XVII в.: «А ниже Алалы пала в Кулауз истока ис колодезеи Какуйгыр. А по правой стороне по тому стоку люди каменныя болваны, против той соли, что емлют азовцы.» (Книга Большому Чертежу, 1950). Т.М. Минаева включила этот район в свою сводку находок половецких каменных изваяний (Минаева, 1964).

Исследованные памятники еще не опубликованы, но особого внимания заслуживает комплекс Айгурский-2-27-1(Бабенко, 2000). В кургане, диаметром около 8 м и высотой около 0,15 м, под слоем дерна были расчищены выложенные на поверхность древнего горизонта плоские плитки ракушечника. Они образовывали в плане эллипс протяженностью с запада на восток – около 8,2 м, с севера на юг – около 8 м. В его центральной части располагалось просевшее каменное перекрытие погребения 1, которое первоначально могло возвышаться над всей конструкцией.

Погребение 1 было совершено в грунтовой яме подтрапециевидной формы с узкими заплечиками вдоль длинных стенок и каменным перекрытием на уровне древнего горизонта. Яма ориентирована длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток и сужается с запада на восток. В придонной части ямы вдоль длинных стенок были выбраны заплечики шириной 12–17 см. Размеры ямы по верхнему краю – 2,33 х 0,96 м. Дно ямы образует плавный прогиб от западной и восточной стенок к центральной части. В погребении был захоронен мужчина, относящийся по определению М.М. Герасимовой к центральноазиатской популяции монголоидной расы (Герасимова, 2003). Он лежал вытянуто, на спине, головой на запад-юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, левая рука слегка согнута в локтевом суставе. Ноги вытянуты и слегка разведены, стопы оттянуты.

Погребальный инвентарь состоял из наконечников стрел, ножа железного, железного кресала калачевидной формы и двух железных стремян. Находки были обнаружены сбоку от берцовых костей погребенного. Под находками фиксировался толстый слой древесного тлена, возможно, от деревянного перекрытия могилы, которое могло обвалиться вместе с ними. По обе стороны от левой стопы были зафиксированы обломки позвонков и левая большая берцовая кость овцы в возрасте чуть старше года (т.н. баранье «стегно»).

Данный комплекс имеет аналогии в памятни-



1 - оселок каменный
2 - наконечник стрелы железный
3 - нож железный
4 - кресало железное
5 - остатки колчана с наконечниками стрел железных (4 шт.)
6а, 6б - стремена железные (2 шт.)

Рис. 1. «Айгурский 2», курган 27, погребение 1

ках Западного Забайкалья, с которыми его сближает наличие каменной подкурганной конструкции и т.н. бараньего «стегна», являющегося общей чертой для всех вариантов погребального обряда средневековых монголов. Подобное использование этой части бараньей туши было связано с воззрениями монголов (Данилов, 1985). При изучении серии черепов из курганных могильников «Айгурский 2», «Совруно 1» было выявлено наличие как европеоидного, так и монголоидного компонентов (Герасимова, 2003), что может свидетельствовать о неоднородности населения долины Айгурки в XIII–XIV вв.

Сосредоточение в долине памятников эпохи Золотой Орды представляется неслучайным. Ландшафт этой местности вполне соответствует отмеченным К.А. Руденко закономерностям расположения поминальных и погребальных комплексов у монголов и тюркских народов (Руденко, 2002).

Территории Ставропольской возвышенности, Кумо-Манычской впадины, Черных земель отличаются сравнительно мягкой зимой и пригодны для организации кочевого хозяйства в зимних условиях (Булатов, 2000). Территория Ставропольской возвышенности использовалась под зимние пастбища кочевым населением Хазарского каганата (Гадло, 2004), калмыками (Булатов, 2000).

К востоку от долины реки расположено небольшое водораздельное плато, отделяющее ее от нижнего течения Калауса с его правыми притоками – реками Рагули и Голубь. Отсюда открывается дорога в направлении на Арзгир и Буденновск. Ранее мы высказывали предположение о прохождении через Арзгир и долину Айгурки так называемого Маджарского тракта (Бабенко, 2001). Имеется свидетельство, что при следовании в XVIII в. от Черного Яра, на Куму и к Моздоку, путники проводили 4-й день пути у хребта Ергена (Ергенинской возвышенности. – *В.Б.*), на 8-й день, «к полудню достигают Кауса (Калауса. – *В.Б.*). На 9-й день рано достигают большого холма, называемого по-татарски Кок Айгир, т. е. Белый жеребенок* и здесь имеются хорошие колодцы» (район р. Айгурки. – *В.Б.*), на 10-й день к полудню они достигали реки Буйволы, в районе развалин Маджара (Гильденштедт, 2002). Эти сведения позволяют откорректировать маршрут Маджарского тракта или его ответвление следующим образом: Маджар – долина Мокрой Буйволы – верховья Айгурки – Айгурка – низовья Калауса – Ергенинская возвышенность.

Данный район Ставрополья является перспективным для дальнейшего изучения, а комплекс Айгурский 2-27-1 может быть рассмотрен как пример одного из основных вариантов погребального обряда монголов на территории Центрального Предкавказья.

* Правильно Синий (Голубой) Жеребенок (от ред.).

С.Г. Бочаров (г. Симферополь)

Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV в.

В докладе рассматриваются политические отношения между Генуэзской республикой и Золотой Ордой с 1312 по 1357 гг. (период правления двух ханов – Узбека и Джанибека), влияние их на топографию главного генуэзского форпоста в Причерноморье – город Каффу.

Лигурийская торговая фактория Каффа возникла в Восточном Крыму в 70-х годах XIII в., и в 1308 г., после осады города войсками хана Тохты, была оставлена жителями. Этот опорный пункт для генуэзцев был временно потерян (Balard, 1989). После смерти Тохты коммуна Генуи отправляет 9 августа 1312 года посольство к его преемнику хану Узбеку, которое добивается разрешения на восстановление города Каффы (Balard, 1978).

Из поражения 1308 г. были сделаны надлежащие выводы. Для управления делами торговых поселений в Северном Причерноморье в 1313 г. в Генуе была создана специальная коллегия из восьми человек (Officium Gazarie). 18 марта 1316 года был принят план восстановления Каффы (Ordo de Caffa). План предусматривал строительство каменной крепости (castrum), разделение города на две зоны: территорию, окруженную крепостной стеной (civitas), и за ее пределами (burg), но входящую в границы города, а также запрещал застраивать пространство за крепостной стеной, прилегающее к дороге на Солхат (Balard, Veinstein, 1981).

Территория внутри крепости разделялась на участки, предназначенные для продажи с торгов гражданам Генуи, на которых они к концу 1320 г. были обязаны построить дома. За крепостными стенами все участки земли должны были сдаваться в аренду под застройку представителям нелатинских общин городского населения, арендную плату за которые они обязывались вносить в казну Каффы (Balard, 1978). Население города всегда было полиэтничным – его

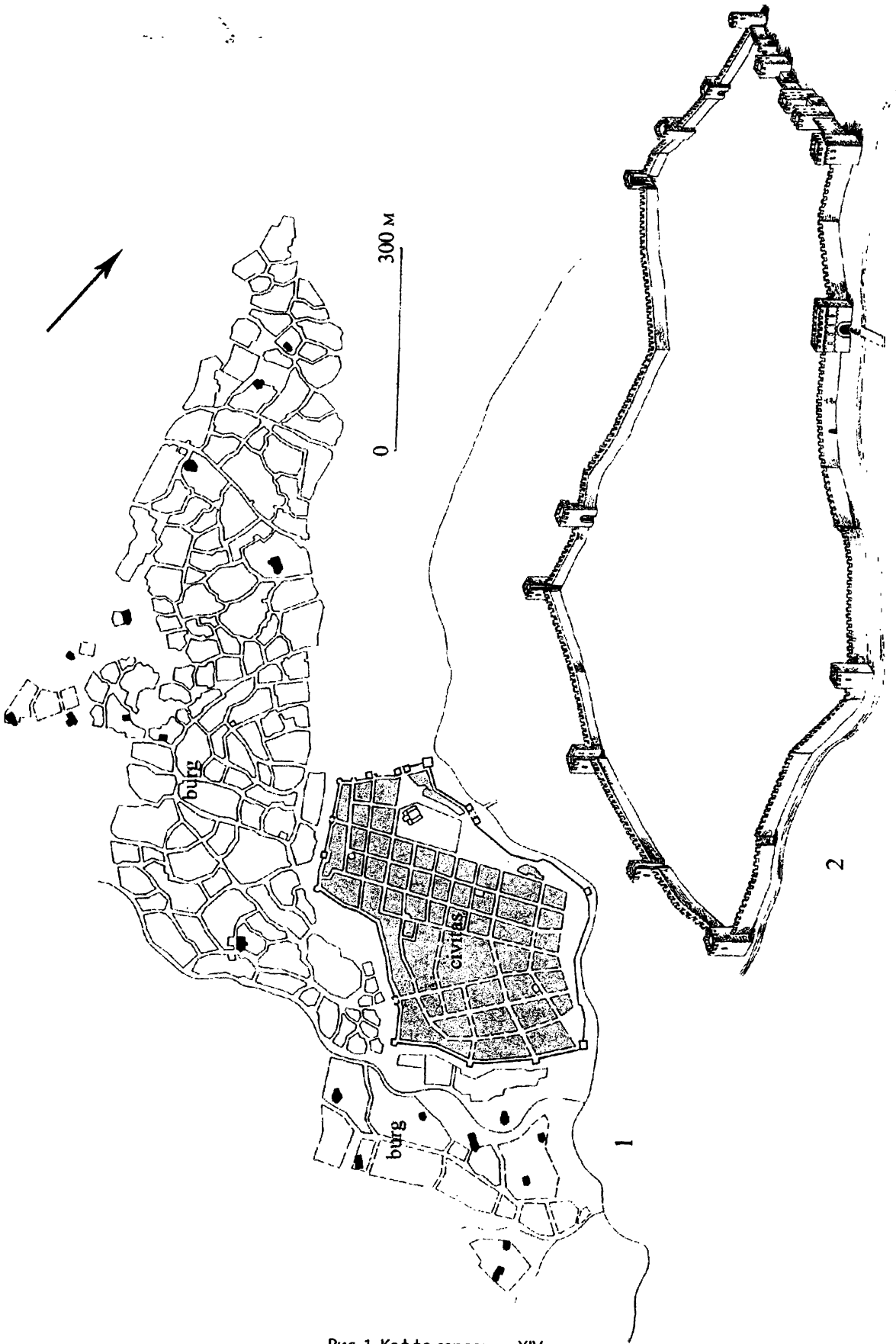


Рис. 1. Каффа середины XIV в.
1 – план города, 2 – реконструкция крепостных сооружений (castrum).

составляли представители различных народов и конфессий и, видимо, такой план восстановления фактории предполагал на случай конфликта отделить колонистов из Западной Европы от представителей восточных общин каменными стенами крепости.

После восстановления города генуэзские официалы поддерживают мирные отношения с правителями Золотой Орды, город переживает экономический подъем, связанный, в первую очередь, с удачной торговой деятельностью, выгодной и Орде, и Каффе. В первой половине XIV в. за счет новых переселенцев растет население города, которое начинает занимать и осваивать территорию к югу и западу от крепости. Проследить динамику развития городской территории сложно, но, принимая во внимание демотопографический фактор организации городской территории, город подразделялся на кварталы (contrado). В свою очередь, контрадо группировались вокруг различных культовых памятников города и имели ярко выраженную этническую доминанту (латинскую, греческую, армянскую, еврейскую или тюркскую). Дата возведения церкви, синагоги или мечети (конечно, в том случае, когда они упомянуты в письменном источнике) дает возможность судить о времени заселения этого городского участка определенным этническим компонентом.

В 1340 г. начинается строительство каменной крепости (castrum) (Balard, Veinstein, 1981), внешний облик которой можно установить по картографическим источникам. Каструм охватывает всю площадь современного Карантинного холма, а также пространство южнее. Общая длина крепостных стен около 1440 метров. Крепостной полигон состоит из 16 башен, 6 ворот, 2 калиток и 15 куртин (рис. 1), средняя высота стен 13 м, средняя высота башен 20 м. Площадь городской территории, защищенная стенами 11,3 га (Бочаров, 1998).

С известной долей осторожности мы можем представить топографию Каффы следующим образом. Застройка внутри крепости (civitas) занимает вершину Карантинного холма, северо-западный, северо-восточный (приморский) склоны и ровное пространство на северо-западе. Равнинный участок застроен сетью прямых продольных и поперечных улиц. Продольных улиц девять, они ориентированы по оси северо-запад – юго-восток. На равнинном участке было пять поперечных улиц, расположенных по линии юго-запад – северо-восток. Роль архитектурной доминанты на равнинном участке выполнял дворец коммуны Каффы с прилегающей к нему площадью. Ситуация на вершине и склонах Карантинного холма иная. Продольные улицы здесь имели излом в соответствии с рельефом холма и их ориентировка изменяется, большей частью, по оси запад–восток. Три поперечные улицы, размещены на вершине Карантинного холма и спланированы в соответствии с ориентировкой холма, на 15% отклоняясь от оси север-юг. Основные улицы начинаются у крепостных ворот. Кварталы, расположенные в городской цитадели, имели четкую планировку и единое архитектурное решение (рис. 1).

Система организации пространства в бурге иная, чем в цитадели. Планировка кварталов иррегулярная. Беспорядочная сеть улиц, тем не менее, связана с воротами цитадели и незастроенным пространством у дороги на Солхат. Регулярная застройка цивитаса и хаотичная застройка бургов, по нашему мнению, является следствием воплощения в жизнь норм «Ordo de Caffa» (стремление отделить латинян от горожан из других общин). Авторы плана мало заботились о соблюдении правильных архитектурно- планировочных норм за пределами крепости, где застройка велась иррегулярно во всех направлениях, исключая солхатское, что свидетельствует об отсутствии единого строительного плана. Бурный рост города, появление в короткие сроки новых групп населения, занимающего и застраивающего новые площади, не позволили изменить такое положение вещей.

В ходе военного конфликта между Золотой Ордой и Генуей (Сафаргалиев, 1960) хан Джанибек дважды осаждает Каффу в 1344 г. и 1346 г., но взять новую каменную крепость его войскам так и не удается (Карпов, 1994). В сущности, в конфликте хан терпит поражение: изгнать латинян из города и ликвидировать их присутствие в Восточном Крыму ему так и не удалось. В следующее десятилетие с 1347 и по 1357 гг. в военные конфликты стороны не вступали. Однако уже в 1357 г., при преемниках Джанибека, администрация Каффы от обороны переходит к наступлению и на Крымском побережье Черного моря создает систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе, которая получила название генуэзская Газария.

А.А. Бурханов (г. Казань)

Изучение памятников эпохи Золотой Орды и Казанского ханства в Татарстане (некоторые итоги исследований 2001–2005 гг.)

История изучения археологических памятников в Среднем Поволжье имеет богатые традиции. Однако слабым звеном остается исследование памятников эпохи Улуса Джучи и Казанского ханства.

В этой связи большое значение приобретают итоги работ, проведенные в Татарстане в 1995–2005 гг. Золотоордынской комплексной историко-археологической экспедицией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и Татарского государственного гуманитарного педагогического университета (А.А. Бурханов). Основные направления работ ЗКИАЭ были связаны с комплексными исследованиями памятников периода Улуса Джучи и Казанского ханства на территории регионов Татарстана: в Заказанье, Предволжье, Закамье, а также Казани. Особое место в этих исследованиях заняли памятники Заказанья, являющегося наряду с Горной стороной одним из оплотов Улуса Джучи и доменом казанских ханов. Основным объектом изучения в 2001 г. стало Утерняское городище. Исследователи связывают его остатки с упомянутым в русских летописях Мешинским городком (Меша-Тамак) в 70 верстах от Казани, построенным в 1553 г. восставшим татарским населением Казанского ханства и ставшим центром повстанцев. Раскопки выявили остатки фортификационно-оборонительной системы из 2–3 валов и 2 рвов. Выявленные находки относятся к эпохе Казанского ханства. Найдены также 5 джучидских и 2 русские монеты периода Ивана IV. Утерняское городище относится к первой половине XVI в. Однако не исключается, что здесь жили и в золотоордынское время. В 2,5 км от городища сохранились остатки кладбища с надгробием 1332 г.

В ходе работ на окраине райцентра Богатые Сабы, на так называемой «Мамедовой пустоши», выявлены следы поселения. Среди находок имеется керамика золотоордынско-казанских традиций, а также предметы XIV–XVI вв. и XVIII–XIX вв. Это позволяет углубить историю Богатых Сабов до золотоордынской эпохи, что подтверждается данными дастана «Едигей».

Наши исследования 2001 г. позволили локализовать былую столицу Зюрейской даруги периода Казанского ханства на месте села Старые Зюри Тюлячинского района РТ. На правом берегу Меши в 2 км от Старых Зюрей нами собраны изделия XIII–XVI вв.

Проведенные в 2001 г. раскопки на территории с. Тюлячи выявили культурный слой и находки XIV–XVI и XVIII–XIX вв., что позволяет отнести основание поселка к эпохе Золотой Орды. Здесь до русской колонизации располагалось небольшое татарское селение, а после взятия Казани войсками Ивана IV Тюлячи становится одним из важнейших центров русской колонизации центральной части Заказанья.

На кладбище села Старые Нырсы сохранились надгробные плиты XIV в. К югу от села, к востоку от кладбища выявлены следы поселения, где найдены золотоордынская керамика и серебряная монета. Надгробия золотоордынского времени находятся у сел Большие Нырсы (XIV–XV вв.), Тямти (XVI в.) и Старые Зюри (XVI в.). И в Сабинском районе в 2001 г. нами зафиксировано современное состояние средневековых мусульманских надгробий и изучены тексты на них.

Одним из неисследованных регионов является Атнинский район, территория которого являлась важным владением казанских ханов. Здесь сохранились около двух десятков кладбищ с намогильными плитами XV–XVI вв.; слои Казанского ханства фиксируются в татарских селах, большинство которых существовало в рассматриваемую эпоху. В 2005 г. были исследованы остатки Ашиязского городища, расположенного вблизи от с. Кубяны, с оборонительной системой из двух валов и рвов. Неподалеку от него выявлены остатки селища периода Казанского ханства. Городище использовалось в качестве убежища у местного населения еще в эпоху раннего средневековья, а позднее, в период Казанского ханства, было форпостом государства на севере страны.

В историко-археологическом отношении особый интерес представляют правобережно-волжские районы РТ и примыкающие соседние регионы Среднего Поволжья. Этот регион известен как Предволжье (Заволжье, Горная сторона, Тау ягы, Жебелстан). В золотоордынский период, вследствие перемещения населения с юга в центральные и северные районы Предволжья, активно осваиваются низовья самой реки Свияги, а также правобережье Волги. Здесь отмечены остатки более 80 золотоордынских объектов.

В ходе раскопок 2002–2003 гг. на городище Япанчино изучены остатки укреплений поселения, являющегося одним из крупнейших центров ремесленного (чугунолитейного) производства. Об этом говорят мощный культурный слой, выявленные ремесленные объекты, многочисленные железные крицы и шлаки. Интерес представляют разнообразная керамика, изго-

товленная в домонгольско-болгарской и золотоордынской традициях и железные изделия. Среди находок 2 джучидские монеты первой половины XIV в.

Разрез вала в южной части городища Чуру-Барашево выявил структуру фортификационных сооружений эпохи Золотой Орды. Находки относятся ко второй половине XIII–XIV вв. Этот объект дает представление о производстве чугуна на северо-западной периферии Улуса Болгар Золотой Орды.

Для изучения этнокультурных процессов в составе населения Предволжья в начальный этап золотоордынской эпохи важны материалы из погребений и могильника на территории поселения Тетюши-1, выявленные нами в 2003 г. Все 5 погребений по обряду захоронения и отсутствия материала являются мусульманскими и относятся ко второй половине XIII–началу XIV вв.

На территории г. Тетюши был выявлен культурный слой с тремя горизонтами: XVII–XX вв., золотоордынский и именьковский. Эпитафия XIV в. была зафиксирована нами в Тетюши. Местные жители передали экспедиции 2 джучидских монеты XIV в.

Обследование и снятие экстампажей с надгробий XIV в. мы проводили на объектах Больше-Атрясского комплекса. На Больше-Атрясском кладбище нами было зафиксировано 14 надгробий, то есть за 40 лет 2 надгробия исчезли для исторической науки бесследно. А состояние остальных эпитафий представляет печальную картину.

В ходе посещения старой церкви в деревне Ямбухтино нами зафиксированы надгробные мусульманские плиты в фундаменте здания и во дворе.

Как и в золотоордынскую эпоху, территория Предволжья продолжала заселяться в период Казанского ханства. Так именно в этот период заканчивается массовое заселение левобережной части низовой Свияги, о чем свидетельствует появление здесь памятников эпиграфики казанских татар периода первой половины XVI в. Наши исследования 2002 г. только в одном Зеленодольском районе зафиксировали наличие 5–10 эпиграфических памятников (Татарское Танаево, Татарское Азелеево, Большие Ширданы, Молвино и др.).

К рассматриваемому времени относятся остатки Тавлинского городища, расположенные у с. Тау иле (Тавлино), изученные в 2002 г. Здесь исследована структура оборонительных сооружений. Среди находок – фрагменты болгаро-золотоордынской керамики, изделия из железа, камня, бронзы, золотоордынская монета 60-х гг. XIV в. Городище служило важнейшим наблюдательным пунктом и форпостом в западных пределах доменной части Казанского ханства.

Основными объектами исследований в Западном Закамье в 2005 г. стали остатки Старонохратского историко-археологического комплекса: городища и селищ. Городище Иске Нохрат находится в 5 км западнее райцентра Базарные Матаки Алькеевского района, у села Старые Нохраты. На территории городища были заложены 4 раскопа, выявившие остатки производственно-хозяйственных сооружений и комплекс находок XII–XIV вв., определены границы средневекового города. Кроме городища, укрепленного тремя высокими мощными линиями валов и рвами, обнаружены остатки селищ – былой ремесленно-торговый части города и средневекового кладбища. Раскоп и шурфы, заложенные к северо-западу от городища на территории одного из селищ, выявили остатки хозяйственных построек и комплекс находок. Это ассортимент керамической посуды болгаро-золотоордынской традиции, изделия из чугуна, железные наконечники стрел и другие вещи. Через город проходил торговый путь из Биляра в Булгар.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы обратить внимание на проблемы и перспективы археологического изучения и сохранения памятников эпохи Улуса Джучи и Казанского ханства в Татарстане.

Необходимо, во-первых, продолжить разведки и раскопки не только в Заказанье, но и в Предволжье, а также в восточных районах республики и за ее пределами. Во-вторых, провести стационарные раскопки в наиболее крупных памятниках (Иске-Казанский комплекс, городища Япанчино, Чуру-Барашево, Тубылгытау, Саклык, Кабанское (в Казани) и др). В-третьих, на юго-востоке Татарстана, в частности в Альметьевском районе создать историко-археологический музей и заповедник под открытым небом.

Аналогичной задачей является изучение и сохранение памятников в районах Предволжья и Западного Закамья.

До эпохи перестройки в Татарстане существовал единственный Болгарский государственный заповедник, а сейчас действуют 13 музеев-заповедников и заповедных зон. Важное место в музейной жизни республики займет недавно созданный археологический музей Института истории АН РТ. В республике также развивается сеть республиканских и сельских музеев.

Д.В. Васильев (г. Астрахань)

Захоронения в золотоордынских мусульманских мавзолеях (опыт статистической обработки)

До наших дней сохранилось большое количество либо целых, либо обнаруженных в ходе археологических раскопок остатков мавзолеев практически на всей бывшей территории Золотой Орды. На основании данных, собранных о мавзолеях Золотой Орды, мы уже пытались построить собственную типологию этих сооружений и выявить с ее помощью территориальные группы мавзолеев (Васильев, 2003).

Интересно, что до сих пор не предпринимались какие-либо попытки выявить особенности захоронений в золотоордынских мавзолеях статистико-математическими методами. В настоящей работе мы рассмотрим лишь 98 погребений, обнаруженных в мавзолеях. Прежде всего это погребения из мавзолеев Южного Урала и Болгара. Кроме того, погребения в мавзолеях встречаются на Кривой Луке, на могильнике городища у поселка Комсомольский, в окрестностях Красноярского городища, на Селитренном городище в Астраханской области, на Царевском и Водянском городищах в Волгоградской области, на городище Верхний Джулат на Северном Кавказе. На Селитренном городище данная группа захоронений составляет 5,7% от общего числа захоронений на могильниках (28 захоронений), на Водянском городище – 12% (16 захоронений), на Царевском городище – 3,2% (6 захоронений). В окрестностях Красноярского городища известны 3 захоронения из мавзолея (что составляет 0,9% от всех погребений, исследованных на могильниках городища), однако мавзолей, обнаруженный здесь, не является мусульманским и отличается своеобразной архитектурой (Васильев, 1998). На городище у пос. Комсомольский известны всего 2 сохранившихся захоронения из мавзолея, что составляет 2,8% погребений в окрестностях городища (Павленко, 2001; Васильев, 2003). В Среднем Поволжье и Приуралье 42% (или 34 случая наблюдения) погребений из нашей базы данных расположены в мавзолеях. В мавзолеях находились 10,7% погребений с городских некрополей Северного Кавказа и 2 погребения (3,9%) из степных курганов Нижнего Поволжья (уже упоминавшиеся мавзолеи с Кривой Луки). В 26 случаях наблюдения в данной группе погребений покойные были обращены лицом вверх, в 6 случаях – лицом влево и в 57 случаях – лицом вправо. Ориентировка погребенного лицом вправо, то есть в сторону Мекки, является мусульманским признаком, и в данном случае его доминирование вполне закономерно. Наиболее распространенным отклонением от канонов ислама в мусульманских погребениях является именно ориентировка погребенных лицом вверх. Но имеется также небольшое количество погребений с лицом, обращенным влево.

Все погребения в данной группе являются простыми трупоположениями. 93,9% погребений – одиночные захоронения. Исключения составляют захоронения из мавзолея № 6 с Селитренного городища, где в одной погребальной камере были похоронены шесть человек, а также захоронение из мавзолея № 1 в Мохшах. Захоронения в мавзолеях явно тяготеют к городской округе: 83,7% захоронений этой группы обнаружены в окрестностях поселений или на их территории. 30,6% погребений в группе являются вторичными (они совершены в уже существовавших мавзолеях). Над 29,6% погребений отмечены надгробия.

Большая часть захоронений ориентирована на запад (84,7%) , юго-запад (3 погребения) и северо-запад (6 погребений). Однако в группе погребений в мавзолеях имеется 5 погребений головой на восток (5,1%) – в мавзолеях Кривой Луки и на могильнике «Маячный бугор». 48% погребенных лежат вытянуто на спине, 42,9% – на спине с доворотом на правый бок. Руки 44,9% погребенных находятся в «мусульманской позе» – правая вытянута вдоль туловища, кисть левой находится в области живота. Руки вдоль тела вытянуты в 24,5% погребений. В 34,7% погребений в группе отмечены гвозди, свидетельствующие о наличии гроба. В 29,6% погребений отмечены признаки пеленания. 84,7% погребений в мавзолеях безынвентарные, что в целом характеризует данную группу погребений как довольно исламизированную.

Насколько же сильны пережитки доисламского погребального обряда в данной группе?

В качестве основных требований к мусульманскому погребальному обряду выделим, вслед за Е.А. Халиковой (Халикова, 1986), два: соблюдение принципа киблы и отсутствие сопровождающего инвентаря. Всего таких «канонически правильных» погребений в данной группе 50. Это 15 погребений из мавзолеев Селитренного городища, все 9 захоронений из башкирских мавзолеев – Хусейн-бека, Малого Кэшэнэ и Бэндэбикэ, одно захоронение из мавзолея № 1 в Бахтияровке, 11 погребений из мавзолеев Болгара, 7 захоронений из мавзолеев Водянского городища, 7 захоронений из склепа-мавзолея на городище Верхний

Джулат и одно захоронение из мавзолея № 2 в Мохши. Таким образом, все эти мавзолеи рядом с поселениями, кроме Малого Кэшэнэ и мавзолея Хусейн-бека.

Опираясь на сведения из базы данных, мы вычислили коэффициент корреляции Пирсона для признаков, описывающих погребальный обряд, и построили графы связей этих признаков. На основании анализа графа мы можем сказать, что он включает в себя довольно широкий спектр захоронений (от языческих и захоронений с языческими пережитками до чисто мусульманских). Лишь условно можно разделить признаки на графе на две большие группы: признаки захоронений с отклонениями от ислама и мусульманские признаки. Тем не менее, объединение данных признаков в одном графе позволяет нам констатировать единство или глубокую нивелировку погребального обряда, отсутствие резких и радикальных различий между захоронениями мусульман и язычников, а также приверженцев ислама, которые также придерживались некоторых доисламских традиций, не придавая им антиисламского значения.

Практически во всех регионах Золотой Орды захоронения в мусульманских мавзолеях либо были совершены с отклонениями от мусульманской позы (что часто объясняется помещением покойного в гроб), либо сопровождались разнообразным погребальным инвентарем. И такая тенденция наблюдается не только на некрополях, удаленных от городских центров ислама, но и в городах. Л.Т. Яблонский объясняет находки языческих и «полуязыческих» захоронений в мусульманских мавзолеях оседанием кочевой знати (Яблонский, 1980). Можно сделать предположение, что захоронения в мавзолеях Золотой Орды принадлежали представителям высших сословий общества, которые по своему происхождению и социальному положению были связаны с кочевой степью и в силу дуализма социально-политического устройства государства были вынуждены принять ислам и часть времени проводить в перекочевках, а часть времени – в городах.

И.В. Волков (г. Москва)

Проблема выделения золотоордынских поселений XIII в. на Нижней Волге

Многие вопросы, связанные с историей золотоордынского градостроительства, решаются с трудом именно потому, что очень неполно разработаны вопросы хронологии: время возникновения поселения и место в пределах городища, с которого начиналось освоение территории оседлыми жителями. До недавнего времени золотоордынские памятники вообще датировали предельно широко (XIII–XIV вв.), что не всегда соответствовало действительности, и только в последние несколько десятилетий прижилась более узкая дата – XIV в. Это ближе к истине, но только для тех мест, где были произведены раскопы. Значительное число поселений, превратившихся затем в города, возникло уже вскоре после монгольского завоевания, а небольшие деревушки на их месте могли существовать и раньше. Поэтому надо только определить, на каком участке и когда это произошло.

Поселения XIII в. (как и XV в.) обычно не превышают по размерам 2–3 га. В XIV в., во время расцвета золотоордынских городов (от Узбека до Тохтамыша включительно), их размеры увеличиваются на 2 порядка. В результате создается обманчивое впечатление, что возникли они «на пустом месте», а именно, в XIV в. Между тем, участок, освоенный еще в XIII в., сложно найти, поскольку он составляет 1–2% общей площади поселения, наиболее поврежден перекопами и строительством уже в золотоордынское время. В результате то, что реально сохранилось от XIII в. – это отдельные ямы и углубленные конструкции в окружении более поздних объектов и отдельные предметы в слое, также среди материала XIV в.

Большое количество монет в золотоордынских слоях традиционно давало возможность получения более узких дат комплексов в пределах XIV в., но только при очень тщательной фиксации. Материалы XIII в. оставались неуловимыми. В результате возникли версии о том, что Сарай XIII в. якобы был затоплен, а теперь смыт (Лебедев, 2005).

В XIII в. товарно-денежные отношения были развиты значительно слабее, чем в XIV в. по причине более низкого уровня достатка населения. Большая часть медных монет XIII в. – анонимные недатированные, что существенно затрудняет их использование. Их датировка по стилистическим особенностям не является надежной, в результате случаются такие курьезы, как отнесение ко времени Тохтамыша монет первой половины XIV в. (Лебедев, 2000, №№ м57–м59).

Недавно было сделано наблюдение, что к концу XIII–началу XIV вв. относятся монеты с легендой «Кутлуг бульсум» (Масловский, 2001). Но это позволяет лишь вести более пристальный поиск ранних комплексов в тех местах, где их концентрация

повышается.

Очень ярко ситуацию иллюстрируют материалы Азака. За десятилетия интенсивных раскопок в разных районах городища находки XV в. были встречены на площади не более 2 га (возможно, она может быть увеличена до 3–4 га). Здесь выявлено более десятка ям XIII в., на общей площади около 2 га, хотя переотложенные материалы даже более раннего времени встречаются за пределами этого участка. Находки монет в столь ранних комплексах – явление не частое, они встречены менее чем в половине ям. Самые ранние комплексы – без монет, а в остальных – только анонимные недатированные. Поэтому определение даты надо делать по более массовому материалу, каковым является керамика.

Выделение материалов XIII в. имеет смысл вести не по отдельным вещам, а хотя бы по условно закрытым комплексам, каковыми могут быть недолго использовавшиеся ямы. Перемешанность материала в комплексе обязательна. Если большое количество фрагментов дает только один сосуд, то это нельзя считать ненадежным основанием определения времени формирования комплекса.

До выявления надежно датированных комплексов XIII в. умозрительно можно предположить, какими они будут, основываясь на наблюдениях, сделанных в Приазовье.

1. Собственно нижневолжская продукция не дает надежной даты по отдельным предметам, а только по соотношению с другими группами в комплексе. Для начального периода после завоевания должно быть характерно полное отсутствие тянутой местной керамики (2-я местная группа). Это автоматически означает отсутствие местной поливной керамики. Продукция, изготовленная на Нижней Волге с применением спирально-жгутового налепа (1-я местная группа), должна быть в основном лощеной, по крайней мере, преимущественно такая поступала как импорт в Приазовье. Маловероятно наличие характерных для слоя XIV в. таких видов керамики, как афтоба, тагора, тувак, копилка, светильник.

2. Импорты – показатель более надежный уже потому, что кроме эволюционных изменений самих предметов существенно и количество их поступления, варьирующееся в пределах более узких, измеряющихся десятилетиями.

А. Движение населения с Запада именно в XIII в. сильно влияло на керамический комплекс памятников Приазовья. Для западной части Золотой Орды (на примере Приазовья) датирующие признаки комплекса выделены (Волков, 2005). 1. Группа клейма SSS, преимущественно плоскодонные амфоры с желтоватой слюдой и «примазанным» дном (до 1/3 в пересчете на фрагмент). 2. Амфоры «трапезундской» группы (до 1/3), с характерным наплывом ниже стыковочного шва. Для этого времени показательно повышенное количество маломерных и плоскодонных амфор. 3. Поливные чашки – с налепными поддонами с сегментовидной полостью, желтой поливой и слюдистым тестом. 4. Пифосы характерных форм из глины с кварцевым песком или близкой по составу к группе клейма SSS (до 1/5). Для Нижнего Поволжья показатели будут иными в силу удаленности от моря (пифосов может не оказаться вообще), но соотношение причерноморских импортных групп между собой должно быть приблизительно таким же.

Кроме того, можно ориентироваться и на те группы импорта, которые поступали сюда с юга и востока до бурного развития местного производства. Четкие их соотношения по периодам пока не установлены, поскольку нет эталонных памятников с узкой датой, но их должно быть больше, чем в XIV в.

Б. Большую часть поливной керамики должна составлять «ширванская» – с характерными вырезными поддонами, с граффити, полихромная, зеленая или бирюзовая. Эта группа чаще встречается на городище Красный Яр.

В. В комплексах XIII в. должны преобладать группы среднеазиатской керамики: сероглиняной; поливной желтоглиняной и розовоглиняной с характерными трещинками, вырезными поддонами, с фаской по внешнему краю.

И.В. Волков (г. Москва)

Источники о двух столицах Золотой Орды*

Вопрос о числе и местоположении столиц Золотой Орды решался строго в соответствии с имеющимися источниками. Всегда были сторонники мнения о существовании только одной столицы, а также авторы, высказывавшие эту мысль мимоходом. Но только в последнее время, уже после решения этой проблемы ситуация стала аномальной, как будто историческое знание сделало несколько шагов назад.

Несмотря на мнение В.Г. Рудакова о том, что

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты №№04-01-38004а/Ю, 04-01-00282а.

«...все письменные свидетельства XIII–XVI вв. о Сарае указывают на Селитренное городище...» (Рудаков, 1999), одного только знакомства с источниками русского происхождения достаточно, для того чтобы понять, что Сараев было не менее двух, и один из них находился на месте Царевского городища. Русские земли входили в состав Золотой Орды, следовательно, источники эти отчасти можно расценивать как внутренние.

Чисто текстовые материалы свидетельствуют о существовании Больших и Малых Сараев, ближних и дальних Сараев, а также о том, что до одних из них – 2 дня пути от Астрахани. Это наблюдение несколько спорное и хрестоматийное (Брун, 1878; Гусева, 1985). На «Большом Чертеже», от которого осталась только словесная роспись 1627 г., столица Золотой Орды, вернее, оставшееся от нее самое большое городище длиной 90 верст, располагалась от истока Ахтубы и ниже. Уже этих данных достаточно для решения проблемы. Здесь столица Золотой Орды не названа Сараем. Но это можно легко проверить с помощью русских же картографических источников, сохранившихся в копиях европейских авторов. Б.А. Рыбаков на серии очень ярких примеров показал, как можно датировать русские протографы европейских карт, основываясь на «политических» границах. «Карта княжеств» 1526 г. получила отражение в серии западноевропейских карт: Г. Меркатора (1595 г. и позже); Г. Сансона (1674 г. и позже); Г. Делиля (1706 г. и позже) (Рыбаков, 1974). Выявлен предположительный «автор» протографа – И.М. Воротынский. На картах, восходящих к этому русскому источнику, в районе истока Ахтубы расположен пункт с подписью «Saraye ruinae» или «Ruinae de Seraye ou Zarefgorod». Это однозначно свидетельствует о местоположении главной джучидской столицы. Естественно, на таких картах смешана разновременная информация, но на период составления протографа указывают обозначенные здесь Золотая Орда и Астраханское царство. Существенно, что никакие споры о положении Сарая в это время еще не предвиделись, и иллюстрация его на карте – всего лишь результат копирования с более ранних произведений.

На картах, связанных с мастерской Фра Мауро, также изображены два Сарая. В монографии А.П. Григорьева фрагмент текста по этому поводу содержит ряд неточностей (Григорьев, 2004). Оказывается, что Фра Мауро умер в 1460 г., хотя дата его смерти известна с точностью до дня – 20. 10. 1459 г., неверно указано место хранения круглой карты мира, и такие погрешности повсеместны. В действительности «новое издание карты Фра Мауро и последующее комплексное ее изучение» (Григорьев, 2004) состоялись настолько давно, что уже стали старыми (Gasparrini, 1954 и др.). Есть не только фотографические издания карты, но и обширная литература о ней (Волков, 2005).

Ключом к пониманию последовательности протографов может быть условный знак, на который обращали внимание почти все историки картографии. Это «линия с деревьями» или «линия с зелеными троеточиями». В атласе Анджелло Фредуччи 1556 г. – деревья с треугольными кронами. Такое исходное изображение послужило основой для создания первого абстрактного условного знака с экспликацией – линией с зелеными троеточиями. Он объяснен как дороги на картах: анонимной Борджиа V середины XV в. и Джорджо Каллаподы 1541 г. Когда Андреа Бьянко заканчивал единственную сохранившуюся карту мира Фра Мауро (завершена 26. 08. 1460 г.), в его распоряжении явно были протографы обоих типов. В экспликации этот знак объяснен как государственные границы, что точнее соответствует действительности. Произошел возврат к деревьям вместо троеточий, но деревья с овальными кронами нарисованы поверх этих троеточий. В тех случаях, когда картограф не решался превращать уже проведенную линию с зелеными троеточиями в границу, три точки закрашены трилистниками. Это не единственное свидетельство того, что атлас 1556 г. восходит к протографу более раннему, чем карта мира 1459 (1460) г. Следовательно, на них изображены именно Сарай и Большой Сарай.

Окончательно решают вопрос о числе Сараев свидетельские показания Марко Чиврано по делу Джованни Лоредана, записанные в Венеции 10. 01. 1349 г., где просто фигурируют 2 населенных пункта: «Et post hec dictus testis recessit de Citerchano et ivit in Sara Veio, et scit quod usque in dicto Sara Veio et in Sara Novo dictus Iohannes misit vendere de dictis pannis...» (И после этого упомянутый свидетель уехал из Астрахани и приехал в Сарай Старый, и узнал, что повсюду в упомянутом Сарае Старом и в Сарае Новом упомянутый Джованни отправил продавать упомянутые ткани...) (Lopez R.S., 1975). Трудно представить себе более прямое свидетельство.

Достаточно данных также для того, чтобы понять, что Гюлистан был частью Сарая, а не самостоятельным городом. В одном ярлыке он прямо назван дворцом (Diplomatarium, 1899). В другом случае ярлык, выданный в Гюлистане, итальянские современники посчитали составленным в Аксарае (Diplomatarium, 1880). Город – это место концентрации и перераспределения придаточного продукта. Если последнего очень много, то даже части города будут выглядеть весьма внушительно.

М.С. Гатин (г. Казань)

«Остфоршунг» и изучение Золотой Орды в Германии в годы нацизма (1933–1945)

Господство нацизма в Германии губительно повлияло на развитие немецкой исторической науки. Либеральное направление было задавлено. Что касается реакционной историографии, то ей приходилось приспосабливаться к новым условиям, в создание которых она внесла немалый вклад. Служение фашизму не требовало от ее представителей коренной ломки построений. В идейно-политическом отношении оно было во многом подготовлено их предшествующей деятельностью. Фашистскому режиму не удалось поставить историков под полный контроль и насадить в университетах свою идеологию. Но национализм, антидемократизм и реваншизм немецкой историографии были точками соприкосновения с нацистской идеологией. Большинство историков рассматривало национал-социализм как радикальное выражение национальных немецких традиций.

В середине 30-х гг. в Германии появились популярные очерки о Монгольской империи и монгольских завоеваниях. Среди них работы эмигранта из России Михаила Хароля (Чэрола) (псевдоним – Михаил Правдин) «Чингис-хан. Штурм из Азии» (Prawdin, 1934), «Наследие Чингис-хана» (Prawdin, 1935); Е. Штикельбергера «Всадник на буланом коне» (Stickelberger, 1937). и Й. Баркхаузена «Желтая мировая империя» (Barckhausen, 1935).

Говоря о германской историографии 30-40- х гг. XX в. нельзя не упомянуть о такой личности как Эрих Хэниш. Ему принадлежат наибольшие заслуги в области источниковедения. Еще в 1920 г. он стал первым в Германии экстраординарным профессором монголоведения и маньчжуроведения в Берлинском университете, Именно благодаря ему еще до Второй мировой войны в западной ориенталистике стала складываться монголоведческая школа. Труды Э. Хэниша посвящены «Сокровенному сказанию» (Haenisch, 1931; 1938; 1975). Ему принадлежит первая публикация монгольского текста этого источника в латинской транслитерации в 1935 г. В 1939 г. Э. Хэниш опубликовал словарь к этому тексту, а в 1941 г. – перевод его на немецкий язык, который до начала 70-х гг. оставался единственным полным переводом в Западной Европе. В 40-х гг. вышли работы Э. Хэниша по истории монгольского средневековья: о культурной политике Монгольской империи (Haenisch, 1943), сборник источников и исследований о Монгольской империи (Haenisch, Schaeder, 1943); факсимиле текстов, транслитерацию, перевод и комментарии к письмам улагуидов Аргуна и Улджайту к королю Франции Филиппу IV Красивому 1289 и 1305 гг. (Haenisch, 1949).

В 30–40-х гг. были опубликованы работы Феликса Таубица, Людвига Петры и Херманна Аубина, посвященные битве под Легницей 1241 г. В этих исследованиях немецкий народ провозглашался спасителем Европы от «азиатской угрозы» (Taubiz, 1931; 1931; Petry, 1938; 1941; Aubin, 1942).

В 1939 г. известный ориенталист Бертольд Шпулер выпустил в свет монографию «Монголы в Иране» (Spuler, 1939), в которой описал внутреннюю и внешнюю политику Хулагуидов, а также административное устройство, государственный аппарат и культуру Ирана в 1200–1350 гг., послужившую базой для другой его книги, обзора истории мусульманских стран в годы господства монголов (Spuler, 1948).

Отношение к тюркам в III рейхе по ходу Второй мировой войны постепенно менялось. По крайней мере, с 1942 г. в Германии наметился серьезный интерес к истории тюркских народов СССР. Это было связано и со сложившейся на тот момент ситуацией на Восточном фронте, и с взаимоотношениями Германии с Турцией и исламским миром. Так в 1943 г. в Лейпциге вышла в свет книга Бертольда Шпулера по истории Улуса Джучи «Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг.» (Spuler, 1943). В работе Б. Шпулер описал внутреннюю и внешнюю политику, административное устройство, государственный аппарат и культуру Улуса Джучи, представил также подробную генеалогию золотоордынских ханов. Центральное место в книге занимают положения о взаимопроникновении номадизма и оседлости, симбиозе кочевых структур Улуса Джучи с оседлым обществом Руси. Список литературы насчитывает более 600 работ, использованы тюрко-татарские, арабские, персидские, русские, византийские, грузинские, литовские, польские и венгерские источники. Помимо политической истории Б. Шпулер рассматривает религиозные отношения, государственный строй, право, военное дело, экономику, науку, искусство, питание и моду Улуса Джучи. Впервые после Й. Хаммера фон Пургшталя в Западной Европе появилась работа, посвященная истории Улуса Джучи.

В конце 1943 г. тотальная война привела к закрытию большинства научных изданий, в том числе и «Исторического журнала» («Historische Zeitschrift»). С этого периода германская историческая наука практически прекратила свое существование до окончания войны. Разгром фашистской Германии во Второй мировой войне был не только крушением экспансионистских планов германского империализма. Он повлек за собой глубочайший кризис исторической науки.

А.А. Глухов (г. Волгоград)

Новые данные по топографии Царевского городища

Царевское городище, расположенное на окраине с. Царев Ленинского района Волгоградской области и традиционно отождествляемое со вторым по величине городом Золотой Орды Сараем ал-Джедид, является уникальным памятником. Микрорельеф этого городища сохранился до наших дней достаточно хорошо, что предопределило частое обращение исследователей к описанию и рассмотрению топографии этого средневекового города.

К настоящему времени существуют три инструментальных плана Царевского городища. Первый план был снят начальником межевания казенных земель в Саратовской губернии подполковником Тетеревниковым, незадолго до начала раскопок А.В. Терещенко. Описание плана было дано в 1842 г. в «Журнале Министерства государственных имуществ» (Тетеревников, 1842). Второй план Царевского городища был снят по инициативе А.В. Терещенко землемером Васильевым накануне начала раскопок в 1843 г. План А.В. Терещенко охватывал обширную территорию и включал помимо «главного» города, то есть центральной части городища, окруженной рвом, все близлежащие пригороды (Григорьев, 1847).

Планы Тетеревникова и А.В. Терещенко сняты до широкомасштабных раскопок последнего на Царевском городище и поэтому зафиксировали развалины города в достаточно хорошо сохранившемся виде. Последующие работы А.В. Терещенко очень сильно нарушили культурный слой и микрорельеф городища.

Третий инструментальный план Царевского городища был снят в 1960 г. сотрудниками ПАЭ под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. В целом он совпадал с ранее снятыми планами и включал основные объекты городища: главный городской ров, систему улиц и каналов, крупные водоемы и усадьбы. Подробно были исследованы водоемы-водохранилища в северной части городища. К сожалению, план не содержал отдельных объектов (остатков зданий) и охватывал в основном центральную часть городища, окруженную рвом (Федоров-Давыдов, 1962).

В 2005 г. к исследованиям Царевского городища приступил археологический отряд «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета. Работы на памятнике были начаты со съемки нового инструментального плана. Основная цель – выявление современного состояния микрорельефа городища и фиксация всех сохранившихся объектов не только на территории, окруженной главным рвом, но и за его пределами.

В основном в 2005 г. исследовалась территория рабата – пригорода, расположенного к северо-западу от центральной части городища. Разведки 2005 г. выявили здесь достаточно густую городскую застройку, аналогичную застройке в северной части городища внутри главного рва (Рис. 1). На территории рабата визуально прослеживается около 90 холмов – остатков зданий. Высота холмов 0,1–0,9 м. В некоторых местах прослеживаются остатки дувалов – стен, некогда огораживавших усадьбы. Можно предположить на территории рабата существование 3-х усадеб. Размеры одной из них 80 х 90 м. Кроме этого зафиксировано несколько десятков ям различной глубины круглой или овальной формы. Вероятно, это остатки искусственных водоемов и колодцев. Территория пригорода пронизана сетью улиц и арыков.

С северо-востока пригород был ограничен длинным каналом, соединяющим систему искусственных озер-водохранилищ с главным обводным каналом. Западная часть пригорода распахана, поэтому визуально выявить здесь объекты не представляется возможным.

К северу от рабата, в месте, где холмы визуально не прослеживались, был заложен небольшой разведывательный шурф № 1. Шурфовка выявила здесь наличие культурного слоя мощностью 0,1–0,2 м, содержавшего фрагменты красноглиняной керамики, кости домашних животных и фрагменты обожженных кирпичей. Из индивидуальных находок здесь встречены 2 медные монеты хана Джанибека, чеканенные в 50-х гг. XIV в., а также дно поливной чаши. Таким образом, шурф № 1 показал наличие культурного слоя на значительном расстоянии к северо-западу от главного рва, что значительно расширяет территорию городища.

К западу от исследованного пригорода, на восточном берегу Кальгуты сохранилась большая усадьба с двумя жилыми холмами и остатками дувалов. Вероятно, это одна из усадеб, обследованных Ф. Баллодом в 1922 г. (Баллод, 1998).

Интересные данные были получены в другом районе городища – к северу от высохшего оз. Солончатого (Соленого), окруженного песчаными дюнами. Это один из малоизученных районов городища. На месте одного из раскопов грабителей был заложен разведывательный шурф №2. Выявлен культурный слой мощностью 0,2–0,4 м, содержавший фрагменты красноглиняной керамики, кости животных, фрагменты обожженных

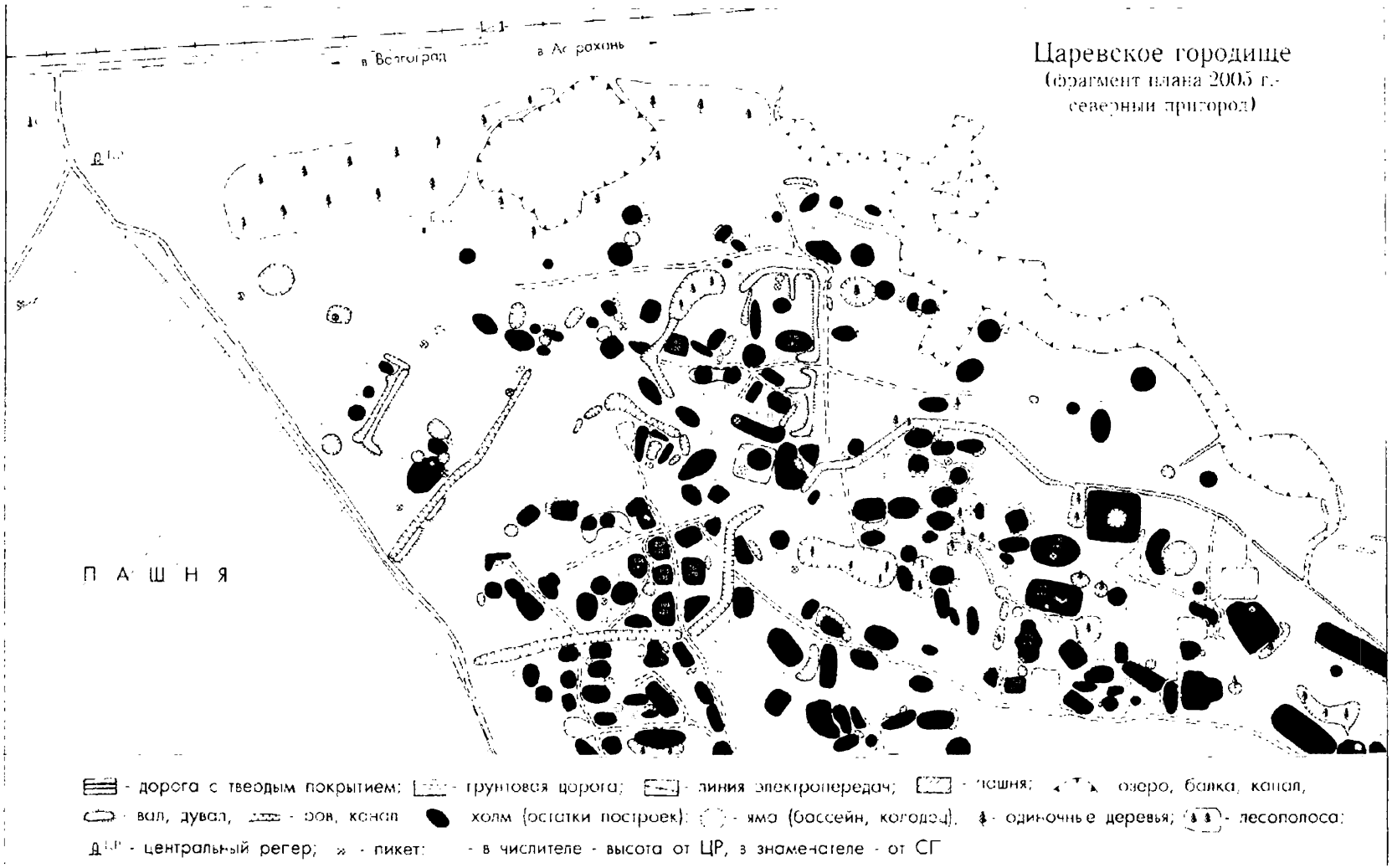

Царевское городище
(фрагмент плана 2005 г.-
северный пригород)
в Волгоград
в Астрахань
ПАШНЯ
- дорога с твердым покрытием; - грунтовая дорога; - линия электропередач; - пашня; - озеро, балка, канал,
- вал, дувал, - ров, канал - холм (остатки построек); - яма (бассейн, колодец); - одиночные деревья; - лесополоса;
- центральный репер; - пикет: - в числителе - высота от ЦР, в знаменателе - от СГ

Рис.1

Царевское городище - 2005
План и профили стенок шурфа 2

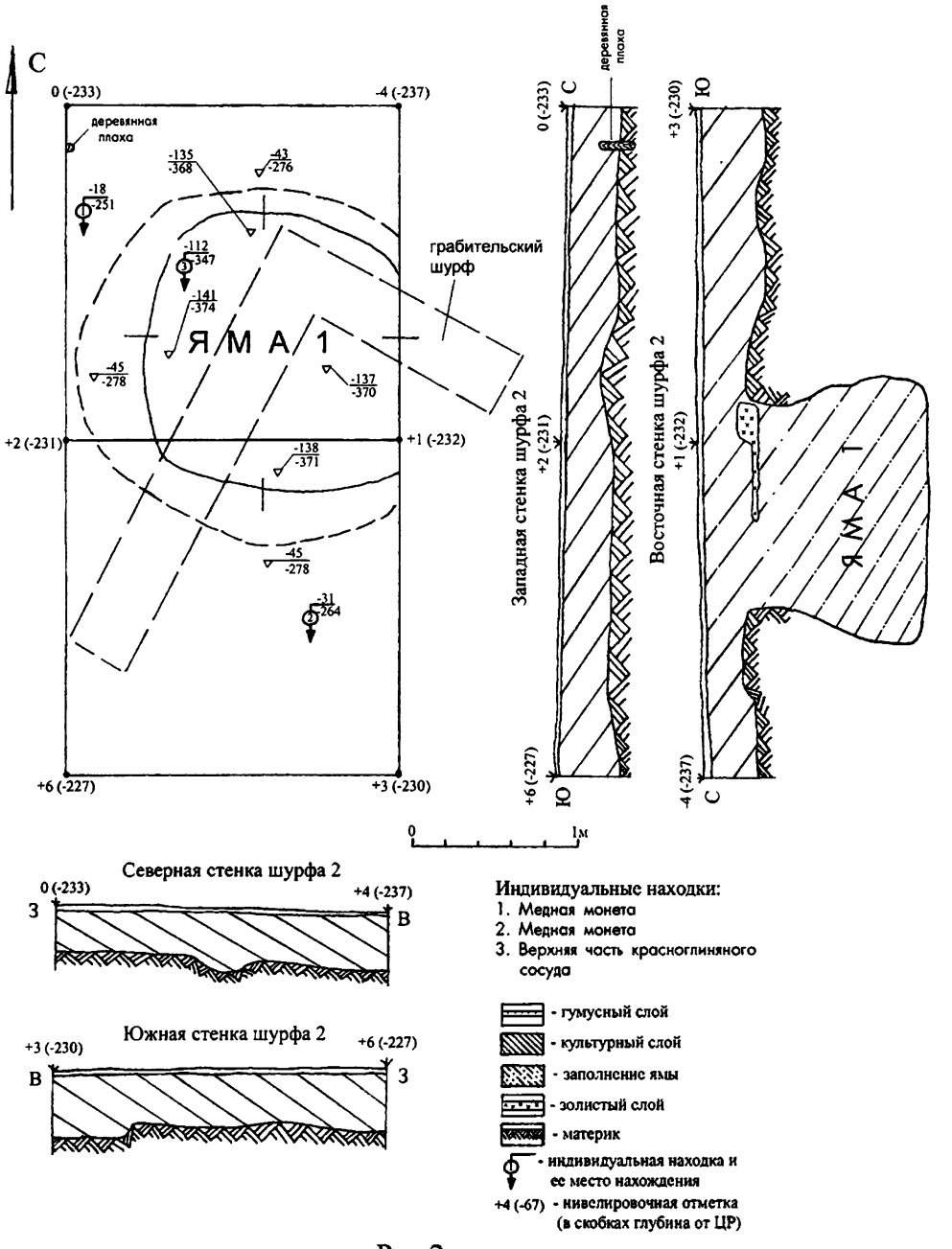


Рис.2

кирпичей. Также были найдены 2 медные монеты, чеканенные при хане Джанибеке в 40-х и 50-х гг. XIV в. При зачистке материка в северном квадрате шурфа было зафиксировано пятно ямы. Яма грушевидной формы имела глубину 1,4 м от 0 и диаметр в верхней части 1,66 м. Заполнение ямы серое (супесчанистое), содержало фрагменты красноглиняной керамики, обожженные кости домашних животных.

На дне озера Солончатого выявлен перемещенный культурный слой, что дает основание предполагать наличие каких-то золотоордынских построек, расположенных между оз. Солончатым и р. Кальгутой. Вся эта территория распахана, а верхняя часть культурного слоя, вероятно, сдвинута в оз. Солончатое. Ситуацию могут прояснить только тщательные разведки этой местности и раскопки, что является делом будущего.

М.В. Горелик (г. Москва)

Монгольский женский костюм X–XIV вв.

I. Монгольский женский костюм эпохи империи Чингизидов начинает в последнее время привлекать внимание исследователей, в основном, в связи с находками в погребениях остатков этих костюмов. Традиционно внимание привлекал головной убор замужних монголок – бохтог (бокка, гу-гу). Описания его и археологические остатки позволяют сейчас уже довольно точно представить эту деталь костюма. Однако почти полное игнорирование изобразительных источников и плохое знакомство абсолютного большинства отечественных исследователей с материалами по монгольскому женскому костюму выявляют необходимость раскрытия этой темы.

II. Больше всего материалов мы имеем по костюму замужней монголки. По всем источникам – письменным, изобразительным и археологическим (причем данные всех категорий источников практически полностью совпадают) – верхняя одежда замужней монголки состояла, прежде всего, из длинного широкого халата, запахнутого направо. Его полы прикрывали ноги полностью, а парадные халаты знатных дам были сзади длиннее, образуя шлейф. Рукава с широкими манжетами – разной ширины, иногда весьма большой. Важным признаком была отделка ворота двойным кантом из иной, чем сам халат, ткани. Обычно в богатых образцах наружная кайма была шире и делалась из очень темного, почти черного шелка с крупными золотыми цветами, а внутренняя кайма, вдвое более узкая – из светлой красноватой ткани с мелким золотым узором. Более скромные халаты имели кайму просто из ткани, более темной, нежели основная. Именно наличием такой каймы женские халаты издалека сразу отличались от мужских (имелись серьезные отличия и в крое).

Под халатом, как показали археологические находки, монголки носили короткую распашную рубашку с длинными узкими рукавами. От круглого ворота рубашки разрез шел вниз по оси, от середины груди под прямым углом запах шел направо под мышку, откуда снова вертикально опускался к подолу. Кроме рубашки к белью относились нижние и верхние штаны, гачи и чулки. На ногах – кожаные сапожки с боковыми швами, иногда богато украшенные кожаной и шнуровой аппликацией.

На голове – пресловутый бохтог-бокка, сложное сооружение из бересты или коры в виде округлой низкой шапочки, увенчанной трубкой, которая расширялась кверху, приобретя на вершине форму перевернутой вверх подошвой туфли носком вперед. Шапочка и низ трубки облекались тканым башлычком с осевым разрезом сзади, стянутым рядом завязок с бантиками. Трубка обтягивалась другим куском ткани. Ткань верха и низа бокки обычно совпадала, но не всегда. Тем не менее, она традиционно была разных оттенков красного, и предпочтительно максимально высокого качества: ведь бохтог был самой репрезентативной частью облачения монгольской матроны. Прическа дам не видна на изображениях и не описана, но можно полагать, что волосы собирались на макушке и свертывались в жгут, который просовывался в трубку бокки. Волосы над лбом иногда подбривались.

Этот костюм сформировался уже на раннем этапе монгольского этногенеза. Во всяком случае, мы видим его во всех деталях на китайской картине рубежа IX–X вв. из Тайбэйского музея Гугун, изображающей караван-кочевку монголов. В связи с изображением уникальной для китайской живописи зимней жизни номадов здесь показаны такие детали, как чехлы с козырьками на бохтогах, тканые прикрытия рта и опояски на халатах. Обычно же замужние монголки не подпоясывались. Эта традиция дожила до первой трети XX в. (хотя состав и крой костюма кардинально изменились). Недаром основной монгольский эпитет замужней женщины и в наши дни – «неподпоясанная», – хотя уже давно монголки всех возрастов и семейных положений подпоясываются яркими шелковыми кушаками.

III. Девичий монгольский костюм удалось выявить только сейчас. Все письменные источники дружно сообщают, что по внешнему виду девушки неотличимы от юношей и мужчин. В новых обильных публикациях персидских миниатюр XIV в. и на картине юаньского художника Лю Гуантао «Охота императора Хубилая», выполненной в 1280 г. (хранится в Тайбэйском музее Гугун), мы, наконец, можем различить девиц, отличающихся от мужчин всего лишь двумя деталями облика. Это цветная «женская» кайма ворота (причем на китайской картине видно, что она делалась из тех же тканей, что и у дам, но обе каймы были одинаковой ширины, а темная и красная ткани каймы располагались в обратном, чем на дамском халате, порядке. Второе отличие – в прическе. Как и мужская, она характеризуется косами, свернутыми в кольца за ушами. Но у мужчин выбривались макушка и виски, так что на лоб свисала прядь-челка, называвшаяся по-монгольски «хохол», а у девушек волосы не выбривались, а делились пробором. Зато на макушке свертывался маленький,

с яйцо, клубочек. Украшением девичьей прически могли быть шпильки с фигурными навершиями. В остальном головные уборы, верхняя одежда и обувь совершенно совпадали с мужскими. Лишь в партикулярной, частной обстановке девушки укладывали волосы вокруг головы или заплетали две косы и обертывали голову широкой лентой со свисающими на спину концами.

В.А. Гуркин, А.В. Вискалин (г. Ульяновск)

О ногайской дороге из Орды в Москву в конце XV в.

Известно несколько ногайских дорог на территории Среднего Поволжья, проходящих вдоль берегов Волги, отмеченных целым рядом средневековых городищ, поселений и кладов монет. Вместе с тем существовали и некоторые пути широтного направления. В частности, один из таких маршрутов упоминается в сообщении Муромского воеводы Федора Хованского о приезде ногайского посольства в сентябре 1489 г.: «Приехали, государь, к тобе послы из Ногайской Орды… а всех их, государь, двадцать да два. А сказывали, государь, Волгу возилися под Черемшаном… а провожали их, государь, полем до Суры, до Папулы, до Мордвина; а оттоле, государь сказывали, ехали на князя на Ромодана, да на Кирданову Мордву, да на Саконы, а нынеча, государь, стоят за рекою против города» (Сб. ИРИО, 1884).

Из фразы «Волгу возилися под Черемшаном» не очень понятно, где именно происходила переправа посольства через Волгу. Либо это было южнее устья Черемшана, где перевоз проходил в районе современных сел Хрящевка и Русская Бектяшка. От переправы открывалась достаточно удобная дорога через центральные районы Ульяновской области в сторону Суры. Однако следует иметь в виду, что в древнерусских чертежах часто встречается ориентирование на юг, в таком случае фраза «под Черемшаном» могла указывать на переправу через Волгу севернее устья реки Черемшан, а, следовательно, ногайское посольство, прежде чем осуществить перевоз через Волгу, должно было вначале переправиться через Черемшан.

Переправа через Черемшан была связана с рядом серьезных трудностей и могла осуществляться далеко не на всех участках. Так практически недоступным являлось нижнее течение этой реки вблизи ее впадения в Волгу, изобилующее заболоченными участками, плавнями, протоками и рукавами. Маловероятной была переправа и выше современного с. Ерыклинска, так как здесь вдоль берегов реки простирались сплошные лесные массивы. Единственное удобное место для перевоза через реку находилось в окрестностях современных сел Никольское и Кротково. Здесь отступали лесные массивы и к берегу реки подходили открытые участки степи. В районе с. Никольского имелись пологие подъемы на высокий правый берег Черемшана. В средние века здесь располагались два болгарских города, окруженных селами. Они находились на противоположных берегах реки на расстоянии около 3 км и надежно прикрывали переправу. Проведенный тщательный анализ маршрута посольства Ибн-Фадлана показывает, что данная переправа функционировала, по крайней мере, с начала X в. Важное значение переправа сохраняла и позже.

После перехода через Черемшан открываются две возможности для переправы через Волгу. Один волжский перевоз находился неподалеку от устья Черемшана, напротив Белого Яра и Сенгилея. Переправа в районе Белого Яра – Сенгилея имеет удобные подходы к воде и подъемы на крутой правый берег Волги, но дальнейшее продвижение от Сенгилея на запад в сторону Суры связано с серьезными трудностями при пересечении обширного Шиловского леса, преодоления подъема на гору вблизи Сенгилея и спуска с горы в районе села Тушны. В средние века вокруг Шиловского леса существовал обходной путь через долины рек Чугурка и Атца, сближающихся истоками. Активное использование лесных коридоров вдоль данных рек в X–XIV вв. доказывается расположением здесь серии укрепленных городищ и валов болгарского времени, контролирующих узкий проход.

Еще одна древняя и очень известная переправа находилась немного севернее – в районе сел Крестово Городище и Криуши. По обоим берегам Волги здесь наблюдается концентрация памятников различных эпох, но наибольшее их количество принадлежит волжским болгарам. Использование криушской переправы через Волгу продолжалось и в золотоордынское время. В это время вблизи Криуш возникает золотоордынский город Арбухим, а на противоположном берегу Волги – Симбер, являющийся предшественником русского Симбирска. От криушской переправы открывается прямой и удобный путь на запад в сторону Суры по безлесным участкам южнее п. Чуфарово, затем долиной р. Барыша. На месте пересечения пути с р. Барыш находилось Карсунское городище

(около райцентра Карсун) волжских болгар, занимающее стратегическое положение на самой юго-западной окраине этого государства.

От Карсуна можно было двигаться для переправы через Суру на северо-запад, по направлению к современному райцентру Сурское (Промзино городище), где перевоз существовал и в XVII в. Недалеко от этой трассы отмечались находки монетных кладов различного времени. Так в с. Потьма (между Карсуном и Сурским) был найден в 1890 г. клад из трех «новгородских» серебряных слитков и 430 золотоордынских монет XIV в., далее в 14 км севернее, у с. Никитино в 1850 г. были найдены около 400 монет XIII в. (Федоров-Давыдов, 1960). У с. Кирзять (в 6 км южнее Сурского) обнаружен клад 218 русских монет Ивана Грозного. Другим вариантом переправы через Суру могло быть место, где и сегодня существует переправа между современными селами на территории Мордовии – Николаевкой и Б. Березняками. Интересно, что и здесь отмечены находки кладов (с. Коржевка – 299 серебряных монет Ивана III и Ивана IV; Енгалычево – 251 копеек и денег Ивана IV; с. Пермиси – 72 серебряные золотоордынские монеты).

После Суры путь ногайского посольства лежал «до Папулы, до Мордвина, а оттоле, государь сказывали, ехали на князя на Ромодана, да на Кирданову Мордву, да на Саконы». Среди перечисленных названий наиболее известным топонимом является село Саконы (ныне Нижегородской обл.) на берегу реки Теши. Именно через это село двигалось в 1552 г. войско царя Ивана Грозного на Казань, подойдя на 13-й день пути к Баранчееву городищу на Суре (в районе с. Барышская слобода).

Что же касается остальных топонимов, то можно лишь предполагать, что имя Папула может быть связано с селом Папулево (на реке Алатырь западнее Ардатова). В окрестностях Папулево были найдены клады: в с. Парадеево – 172 золотоордынские монеты; в с. Апухтино – 269 русских монет XV–XVI вв.

Возвращаться домой послам было предписано из Москвы уже по другой дороге – через Нижний Новгород и Казань с указанием – впредь ногайским послам и торговым людям в Москву этой дорогой не ходить, чтобы не миновать государевых таможен: «учнут к нам посылати царь да и мырзы своих людей, и они бы посылали к нам своих людей на Казань, а из Казани на Новгород, а иными бы дорогами не посылали» (Сб. ИРИО, 1884).

Т.М. Достиев (Азербайджан, г. Баку)

Города и городская культура Азербайджана в эпоху ильханидов

В первой половине XIII в. города Азербайджана подверглись погромам монгольских завоевателей, нанесшим значительный материальный и культурный урон, от которых большинство городов уже не смогли оправиться. Слои пожарищ и разрушений, соответствующие этому погрому, четко фиксируются археологическими раскопками. Жестоким разрушениям подверглись такие известные города Азербайджана как Марага, Ардабиль, Байлакан, Барда, Ганджа, Шамкур, Нахичевань и др. Археологические данные свидетельствуют об определенном регрессе и стагнации. Многие городские центры претерпевают спад, городская культура несет черты огрубления. В Гандже население сократилось в десять раз, в Нахичевани – в восемь, а Байлакан, Хунан и Шамкур не имели никаких признаков города. Пагубные последствия имели войны между хулагуидами и золотоордынскими ханами. Особенно сильно пострадали города и деревни Ширвана, территория которого неоднократно переходила из рук в руки. Данные археологии свидетельствуют о больших разрушениях в главных центрах Ширвана, особенно в Шабране.

Монгольское владычество, нанеся огромный урон городской культуре, отнюдь не остановило процесс урбанизации. В определенной степени сохранились традиции городской жизни и присущие ей культурные комплексы. Уже при первых хулагуидах в городах Ардабиль, Марага, Нахичевань, Ганджа и др. производятся восстановительные работы. Немаловажное значение имел выбор столицей обширного государства хулагуидов сначала Мараги, а с 1265 г. Тебриза. В последней четверти XIII в. Тебриз стал «величественным» городом с развитым ремесленным производством и торговлей (Марко Поло, 1940). Однако восстановительные меры при первых ильханидах не имели широкого размаха, не носили целенаправленный характер.

К концу XIII в. правящая династия осознает значение городов для подъема экономической мощи страны и укрепления могущества государства (Федоров-Давыдов, 1983). Реформы Газан-хана, направленные на укрепление центральной ханской власти, повышение уровня городской жизни, подъем ремесленного производства и торговли, создали благоприятные условия для восстановления и развития городского хозяйства и культуры. Точная фиксация и сокращение общего размера

основного налога с ремесла и торговли (тамги), установление более твердой денежной системы, унификация мер и весов, усиление законности в торговых операциях, во взимании дорожных пошлин и т.д. – все эти реформы дали новый импульс прогрессу, имели большое значение для ускорения урбанизационных процессов. Ханская власть выступает в качестве главного организатора, поощряя градостроительную деятельность (Федоров-Давыдов, 1983), что ярко проявилось на памятниках Тебриза. Столичный город хулагуидов, находясь в благоприятных условиях, развивается высокими темпами и достигает огромных размеров. В это время территория города расширилась в 13 раз и составляла 3600 га (Гейдаров, 1982). Невиданный размах строительных мероприятий ильханидов превратил Тебриз в архитектурно-художественный феномен эпохи. Шедеврами азербайджанской архитектуры являются мечеть Алишаха, мавзолеи Газан-хана, Олджайту-хана, Гузей-Хатын.

Тебриз стал местом концентрации производственного, культурного и интеллектуального потенциала, очагом прогресса. На окраине Тебриза возникло новое ремесленно-торговое предместье и научно-культурный центр, получивший название Раб'и Рашиди, где было построено 30 тысяч красивых домов, в которые вселились люди различных профессий и разрядов. Здесь имелись 24 крупных караван-сарая, «полторы тысячи лавок, здания, которые крепостью строения превосходят куполы (крепости) Харуман», бани, красивые сады, мельницы, различные крупные ремесленные мастерские (карханэ), здания монетного двора и другие учреждения» (Рашид ад-Дин, 1971).

В эпоху ильханидов в социальной структуре городского населения существенных изменений не происходит, по-прежнему основные сословия горожан представляли ремесленники, торговцы и интеллигенция. В большинстве городов сохранились традиционные ремесла и наблюдалась производственная преемственность.

Заслуживает внимания широкое применение рабского труда в радостроительстве, а особенно – в ремесленном производстве. Крупные мастерские типа карханэ, где основную рабочую силу составляли рабы, были той формой организации ремесла в городах, при которой ремесло особенно быстро расцвело (Федоров-Давыдов, 1983). Крупные ремесленные мастерские типа карханэ в основном сосредоточились в городах Южного Азербайджана, в частности, в Тебризе. В городах Северного Азербайджана они нам неизвестны. В городах Ширвана и Аррана ремесло развивалось традиционным путем, здесь функционировали различные мелкие мастерские отдельных товаропроизводителей.

Территория Азербайджана была покрыта густой сетью караванных путей. Столичный город Тебриз находился на пересечении караванных путей мировой транзитной торговли. Развивалась также торговля через Каспийское море. Росло значение в этой торговле Баку, как удобного порта (Ашурбейли, 1990). В торговле с Севером важную роль играли города Ширвана – Шемаха, Шабран и Дербент.

В эпоху ильханидов Азербайджан окончательно вышел из серебряного кризиса. Здесь вновь утвердилась серебряная денежная система. В отличие от Аррана и Ширвана происходит подъем науки и литературы в основных городских центрах Южного Азербайджана, особенно в Мараге и Тебризе, что было результатом целевого меценатства, прямой поддержки правящей династией ученых и деятелей культуры. В научных центрах Мараги и Тебриза трудились выдающиеся ученые эпохи, приглашенные сюда из ближнего и дальнего зарубежья. В высших учебных заведениях Раб'и Рашиди одновременно получали образование до семи тысяч студентов из разных стран (Рашид ад-Дин, 1971).

Конфессиональная и этническая толерантность породила синкретизм культуры, шла интенсификация культурной интеграции. Зарождалась Тебризская миниатюрная школа, отчетливо отражающая дух эпохи.

Ю.И. Дробышев (г. Москва)

Некоторые вопросы идеологии Золотой Орды

Золотая Орда – политическая наследница улуса Джучи. Иногда ее называют улусом Джучи, но эти понятия не равноценны. В этническом отношении она была весьма неоднородной, монголы составляли в ней привилегированное меньшинство. Ниже речь пойдет о некоторых аспектах идеологии монгольского населения Золотой Орды, и в первую очередь – ее правящей верхушки.

Хотя это государство и было создано монголами, улусная идеология не равна идеологии имперской. Это особенно хорошо прослеживается в период правления первых ханов – Бату, Сартака и Берке, до тех пор, пока со смертью кагана

Мункэ в 1259 г. единая монгольская империя не прекратила свое существование, распавшись на владения потомков Чингисхана. В 1267 г. золотоордынский хан Менгу-Тимур начал чеканку монеты со своим именем, чем фактически провозгласил суверенитет возглавляемого им государства. Ханы Золотой Орды имели принципиально иную внешнеполитическую доктрину, чем каганы Монголии или их идеологические наследники – правители юаньского Китая. Эти отличия выражались в следующем:

Прежде всего, ханы Золотой Орды не могли претендовать на всемирное господство. Только верховный правитель общемонгольского государства, согласно представлениям монголов того времени, наделялся Вечным Небом полномочиями владеть всей землей. Ни один из улусных ханов подобных прав не имел.

Золотоордынские властители вели свою родословную от Чингисхана и тоже ощущали над собой покровительство Неба. В пользу этого говорят тексты их ярлыков, начинающиеся словами «Силой Вечного Неба» подобно ярлыкам и печатям всемонгольских ханов (Крамаровский, 2002). Хан наделялся благой небесной силой, которая санкционировала свыше его право на власть. Однако расстановка сил и политические реалии того времени не позволяли золотоордынским ханам претендовать на универсальное правление.

Золотая Орда не предпринимала серьезных попыток расширить свои границы, захватнические войны шли главным образом, с хулагуидами за обладание Азербайджаном, но успех в них был эфемерным. Походы же против русских земель или стран Восточной Европы были ничем иным как грабительскими набегами, нацеленными на захват добычи и устрашение, но не преследовавшими каких-либо территориальных приобретений (Егоров, 1985). Исследователи указывают на стабильность границ Золотой Орды в течение всего XIII и первой половины XIV вв. Таким образом, монголы вернулись к старой степной практике, заложенной еще хунну: тревожить пограничные земли с оседлым населением, разрушать, убивать, терроризировать и грабить, а после возвращаться в родные кочевья. Ни хунну, ни древние тюрки не ставили перед собой задач установить мировое господство. Как справедливо отмечает А.М. Хазанов, впервые в истории Центральной Азии с подобной программой выступили именно монголы под водительством Чингисхана (Хазанов, 2004).

Впрочем, идеология Золотой Орды едва ли была кочевой, поскольку, несмотря на наличие больших масс неоседлого населения и сезонную миграцию ханских ставок, это не кочевое, а скорее городское государство. Хотя его истоки лежат в степной культуре, очень быстро его характерной чертой стала бурно развивающаяся урбанизация. Города являлись, в первую очередь, торговыми и ремесленными центрами, а благоприятствование торговле, как известно, было возведено в Золотой Орде в ранг государственной политики. Одним из факторов, стимулировавших градостроительство, был ислам. Культура ислама зародилась и развивалась в оседлой городской среде и теперь воспроизводила условия, в которых она могла эффективно существовать. Не случайно при хане Берке (1257–1266) города, прежде всего столичный Сарай, приобрели характерный «восточный» облик: в них стали появляться мечети, минареты, медресе, караван-сараи и т. д. (Егоров, 1985).

Религиозная жизнь в Золотой Орде эволюционировала от достаточно полной веротерпимости при Бату до форсированной исламизации, осуществлявшейся ханом Узбеком (1312–1342) и его преемниками. Хотя в городах ислам исповедовался «в полном объеме», степи по-прежнему были мало затронуты его влиянием. Ислам был толерантен к другим вероучениям и допускал некоторые отклонения от существовавших в мусульманском мире норм, в частности, в погребальном обряде, причем отклонения эти сильнее проявлялись в городах Золотой Орды, чем в Волжской Булгарии, и примерно соответствовали Хорезму (Федоров-Давыдов, 1998). Можно полагать, что картина мира кочевого монгольского населения Золотой Орды оставалась практически неизменной, тогда как ее правящая верхушка выработала иное мировоззрение, пропитанное мусульманскими идеями.

В отношениях с различными религиозными конфессиями, как представленными на территории Золотой Орды, так и распространенными в странах, с которыми она поддерживала дипломатические связи, ханы придерживались линии религиозного прагматизма. Кроме того, уважительное отношение ко всем религиям и их служителям постулируется в Великой Ясе Чингисхана. Строго говоря, такая религиозная политика не являлась исключительно золотоордынской. Она характеризует монгольскую ментальность вообще.

В правовой сфере сначала безраздельно господствовали установления Великой Ясы, а позже наблюдался симбиоз Ясы и шариата. В канцелярии улусбека Хорезма Кутлуг-Тимура знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута обратил внимание на разделение обязанностей между светским и церковным судом: «Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же (дела) решают эти эмиры» (Тизенгаузен, 1884).

Если в середине XIII в. южнорусские степи, Поволжье и Дешт-и-Кипчак были для монголов

чужой землей, доставшейся им по соизволению Неба, то для их потомков это уже была родина, наделявшаяся, вероятно, сакральными свойствами. Первый шаг к духовному освоению монголами огромных пространств – сам факт их попадания под власть монгольского кагана: теперь его харизма освящала и упорядочивала их, вела от хаосу к гармонии. Следующий шаг – учреждение улусной ханской ставки, далее – захоронение на них Бату и следующих джучидов, чей прах также выполнял «мироустроительную» функцию. Семантически это была уже «своя» земля. Известно, что монголы обожествляли землю и называли ее Этуген. К сожалению, скудость письменных источников по Золотой Орде оставляет открытым вопрос, считали ли новые хозяева свои земли олицетворением (и продолжением) той самой Этуген, которую они почитали в Монголии. Сообщаемые Ибн абд-аз-Захыром (Тизенгаузен, 1884) сведения о запрете мыть одежду и есть снег в районе ставки Берке (который, кстати, считается поборником ислама), позволяют выдвинуть предположение о сохранении у монголов, по крайней мере, в первое время, комплекса анимистических представлений, среди которых культ земли занимал видное место. Впоследствии, в результате смешения с местным населением Дешт-и-Кипчака, монголы заимствовали в большей или меньшей части картину мира кочевых тюрок и уподобились последним (Тизенгаузен, 1884).

И.А. Дружинина (г. Москва)

Адыги и Золотая Орда

Характер взаимоотношений, сложившихся между населявшими северо-западные пределы Кавказа, адыгами и Золотой Ордой – ключевая проблема средневековой истории адыгских субэтносов, в орбите которой находится не один остро дискутируемый сегодня вопрос. Исследованиями затронута лишь небольшая часть широкого круга явлений и процессов, протекавших на обширной территории Северного Кавказа в золотоордынский период и затронувших значительные группы населения (в том числе массовые миграции адыгов в районы Центрального Предкавказья, выделение кабардинской народности). Помимо общих работ, в большей или меньшей степени освещающих историю народов адыгской общности XIII–XV вв. (Брун, 1875; Федоров-Давыдов, 1966; 1973; Егоров, 1985), эта проблема затронута и в ряде специальных работ (Левашева, 1953; Милорадович, 1954; Нагоев, 2000; Керефов, 2001; Хотко, 2001; Голубев, 2004; Нарожный, 2005).

Сведения письменных источников позволяют с большой долей уверенности полагать, что адыги разделили участь Руси, Волжской Болгарии, Крыма и других оседлых областей, претерпевших тяжелые испытания золотоордынских завоеваний, повлекших за собой резкие перемены, потрясения их демографической, социально-экономической, культурной, политической основ, однако избежавших катастрофических разрушений. Адыги едва ли представляли собой единое политическое образование, подчиненное воле одного правителя. В роли такого правителя иногда усматривают Тукара (Гадло, 1988), упоминаемого Рашид ад-Дином: «В год собаки, соответствующий 653 г. осенью Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и убили государя тамошнего по имени Тукара» (Тизенгаузен, 1941). Разобщенность адыгских этнотерриториальных объединений, обусловленная не одинаковым уровнем развития сложившихся в них социальных отношений, формированием локальных хозяйственно-экономических районов со специфичной стратегией природопользования, во многом порождала столь различную реакцию адыгов на утверждение военно-политического господства в регионе. Средневековые письменные источники свидетельствуют и о вооруженном сопротивлении (Рубрук, 1997), и о повиновении и стремлении отдельных представителей местной элиты инкорпорироваться в политическую систему Золотой Орды: «Если у них (черкесов, руссов и асов. – *И.Д.*) есть свои цари, то они находятся на положении подданных [владыки Кипчака]. Если они льстят ему, проявляя покорность и преподнося подарки, то он оставляет их в покое…» (Григорьев, Фролова, 2002).

В данной связи интересен вопрос о времени и обстоятельствах начала массового переселения адыгов на восток. Наиболее аргументированная на сегодняшний день гипотеза относит данный процесс к рубежу XIV–XV вв. (Ртвеладзе, 1973). Однако только создание хронологии средневековых древностей адыгов внесет окончательную ясность в решение рассматриваемой исторической задачи. Начало этой работы положено изысканиями А.Х. Нагоева (Нагоев, 1972; 1981; 2000). Исследователь неоднократно в своих работах обращался к вопросу взаимодействия адыгов-кабардинцев и Золотой Орды. Автор полагал, что «в курганах белореченского типа Северо-Западного Кавказа четче, чем в кабардинских, просле-

живается связь с золотоордынской культурой» (Нагоев, 1980). Объяснение А.Х. Нагоев находил в том, что «во время господства Золотой Орды ... на Северном Кавказе в XIII в. кабардинцы еще не выделились из общего адыгского массива, т. е. не было еще особых кабардинских курганов... Кабардинские курганы в отличие от белореченских возникли не в период могущества Золотой Орды, а во время ее падения» (Нагоев, 1980). В данной связи особо интересен могильник № 3 у села Чегем II Республики Кабардино-Балкария. Особенности погребального обряда и состав сопроводительного инвентаря памятника, обнаруживающие яркие черты подкурганных белореченских и кочевнических погребений, резко выделяют его из общего числа кабардинских курганных могильников. Обстоятельства возникновения этого памятника заслуживают пристального внимания, поскольку, по всей видимости, появление оставившего этот могильник населения предшествовало массовым миграциям адыгов в районы современной Кабардино-Балкарии.

Материалы позднесредневековых могильников отчетливо свидетельствуют о восприятии адыгами XIV–XV вв. элементов золотоордынской культуры. Происходило совместное освоение адыгами-переселенцами и кочевниками Золотой Орды новых территорий Центрального Предкавказья, к тому же адыги появились позднее и включались в созданную ими схему общежития. В данной связи интересные результаты может принести изучение неопубликованных материалов могильника у с. Октябрьское Республики Северная Осетия – Алания, представляющего собой обширный некрополь, сочетающий подкурганные погребения, совершенные по обряду, характерному для большей массы кабардинских курганных могильников и захоронения с явными элементами кочевнического погребального обряда (могильные ямы с заплечиками, травяной настил и т. д.), а также внимательное рассмотрение накопленных материалов кабардинских курганных могильников.

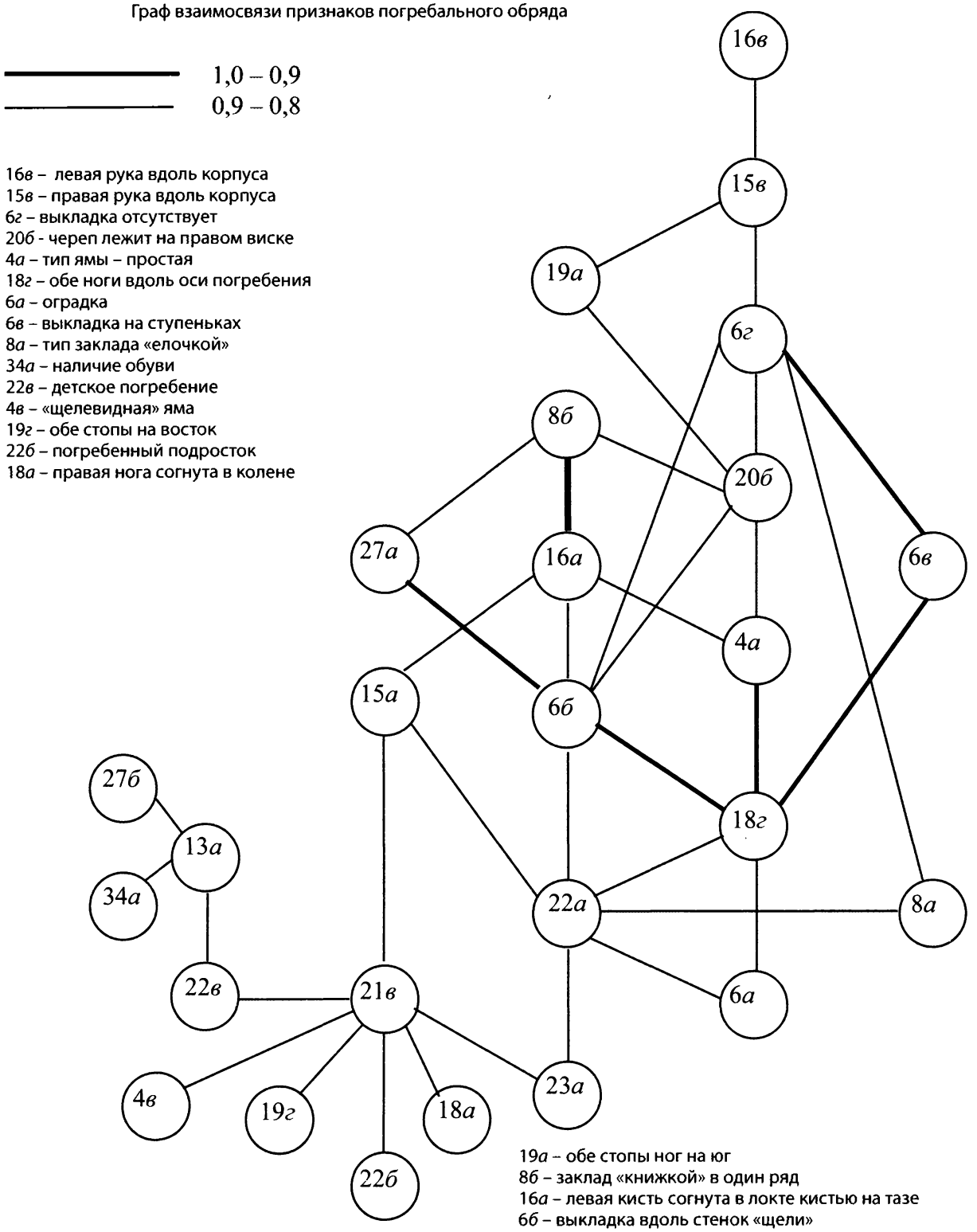
Л.П. Загайнова (г. Москва)

Применение формализовано-статистических методов к материалу грунтовых мусульманских могильников

В археологической науке середины XX века возникла проблемная ситуация, которая привела к значительным ее изменениям. На первый план вышли изучение форм хозяйственной деятельности и общественной организации на основе археологических источников (Формализовано-статистические методы в археологии, 1990). Изучение массового археологического материала, накопившегося к этому времени в весьма значительном количестве, но в основной своей массе так и не включенного в научный оборот, становится первостепенной задачей археологов. Именно затруднения в получении качественно новой информации из уже опубликованных и в определенной степени изученных археологических находок подтолкнуло многих археологов к поиску решения этой проблемы. Поэтому переход на новую ступень развития археологической науки потребовал от научного сообщества применения новых методов исследования. К господствовавшему до этого времени типологическому методу прибавились естественнонаучные методы, в том числе и формализовано-статистические, что, в свою очередь, значительно повысило «коэффициент полезного использования» информационных ресурсов (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975).

Следует отметить, что статистический метод появился в работах советских исследователей еще в довоенные годы. Пионерами в этой области были А.В. Арциховский, М.П. Грязнов, П.П. Ефименко и др. Возобновление интереса к применению естественнонаучных методов произошло в конце 50-х годов. Быстро нарастал интерес к «математизации» археологического исследования. Был выпущен ряд статей, касающийся как проблем исследования отдельных категорий вещей, так и теоретической и прикладной археологии (Квирквелия, 1981). Были определены конкретные задачи, решение которых требовало применения статистико-математических методов. В числе этих задач – «систематизация материала, получение обобщений, выходящих за рамки непосредственных наблюдений, определение связи между количественными и качественными признаками и др.». В дальнейшем применение матметодов перешло из разряда своеобразного украшения исследовательской работы сначала в категорию дополнительного весомого доказательного аргумента, а затем и в неотъемлемую часть любой исследовательской археологической работы. Сейчас общая тенденция интеграции различных наук не обошла и археологию. Особое внимание уделяется применению в археологических исследованиях компьютерных технологий. Все плюсы и

Граф взаимосвязи признаков погребального обряда



1,0 – 0,9

0,9 – 0,8

16*в* – левая рука вдоль корпуса
15*в* – правая рука вдоль корпуса
6*г* – выкладка отсутствует
20*б* - череп лежит на правом виске
4*а* – тип ямы – простая
18*г* – обе ноги вдоль оси погребения
6*а* – оградка
6*в* – выкладка на ступеньках
8*а* – тип заклада «елочкой»
34*а* – наличие обуви
22*в* – детское погребение
4*в* – «щелевидная» яма
19*г* – обе стопы на восток
22*б* – погребенный подросток
18*а* – правая нога согнута в колене

19*а* – обе стопы ног на юг
8*б* – заклад «книжкой» в один ряд
16*а* – левая кисть согнута в локте кистью на тазе
6*б* – выкладка вдоль стенок «щели»
22*а* – погребенный взрослый
23*а* – пол погребенного мужской
27*а* – инвентарь отсутствует
15*а* – правая рука согнута в локте кистью на тазе
21*в* – западная ориентация погребения
27*б* – малочисленный инвентарь
13*а* – расположение скелета по центру погребения

минусы этого явления нашли отражение в работах исследователей, ставших первопроходцами в этой области и накопивших к настоящему времени определенный опыт (Ковалевская, 1995; Компьютер и историческое знание, 1994). Все больше внедряются в археологические исследования компьютерные технологии. Археологическая наука идет по пути повышения количества, а самое главное – качества обработки массового археологического материала.

В настоящее время статистический метод получил широкое распространение среди ученых-археологов при изучении и классификации массового материала. Одним из наиболее массовых типов археологических источников являются погребения. Именно поэтому при их обработке целесообразность применения статистических методов не вызывает сомнения. Применение количественных методов при изучении погребений особенно перспективно благодаря дискретности любого погребального комплекса, оно позволяет создать наиболее объективную и полную реконструкцию (Леонова, Смирнов, 1977).

Ныне наиболее востребованными на наш взгляд являются две системы исследования грунтовых погребальных комплексов на основе применения статистических методов. Первая – это система В.Ф. Генинга–В.А. Борзунова (Генинг, Борзунов, 1975), вторая – система Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров–Давыдов, 1987). Обе методики неоднократно апробированы исследователями на материале как грунтовых, так и курганных могильников. В целом обе они направлены на решение одних и тех же задач, но разными способами, причем выбор того или иного способа влияет на степень точности полученных результатов. Сложность заключается в том, что до сих пор почти не исследован вопрос, каким должен быть критерий точности, поэтому невозможно оценить рациональность применения того или иного математического метода (Формализовано-статистические методы в археологии, 1990). Для получения более полной информации при обработке материала была использована методика, разработанная Г.А. Федоровым–Давыдовым. Несомненным плюсом этой методики является широкий выбор способов обработки информации, ее адаптированность к археологическому материалу, а также возможность решения с ее помощью различных исследовательских задач.

Предметом исследования стали погребения в склепах грунтового могильника «Маячный бугор» в Астраханской области. Археологические работы здесь проводились Астраханской археологической экспедицией в период 1989–1996 гг. и Поволжской археологической экспедицией Марийского госуниверситета в 2001 г. Вся база данных описывалась 46 качественными признаками, каждый из которых, в свою очередь, состоял из дискретных признаков, обозначенных буквами. Общее количество дискретных признаков составило 153. Они и легли в основу первичной формализации данных 124 погребений в склепах. Для каждого дискретного признака был вычислен коэффициент энтропии. Все положительные значения энтропии означают, что признак несет в себе некую информацию. Но чтобы выделить наиболее существенные признаки для описания погребального обряда, необходимо знать энтропию качественных признаков. Это достигается путем вычисления суммы энтропии всех дискретных признаков данного качественного признака. В качестве наиболее информационно значимых были отобраны признаки с коэффициентом энтропии более 0,25. Таких признаков оказалось 26. Затем для выявления силы связи между дискретными признаками определяется нормированная взаимная информативность (коэффициент Райского), которая показывает меру зависимости между двумя признаками. Полученные результаты выявили тесную связь следующих пар признаков: наличие простой или «щелевидной» ямы и ориентировка погребения на восток (0,951) (в скобках указано значение коэффициента), наличие заклада в форме «книжки» и отсутствие инвентаря (0,889), захоронение взрослого человека и тип позы вытянуто на спине (0,809) или «с доворотом на правый бок» (1,001), захоронение взрослых в склепах с закладом «елочкой» и отсутствие инвентаря в мужских захоронениях и др. Для большей наглядности был построен граф, отображающий взаимосвязь между признаками. Построенный граф характеризует модель погребального обряда исследуемых захоронений в целом. Однако не стоит забывать, что в данном виде модель представляет преобладающую тенденцию, в то время как реальное многообразие связей и признаков намного шире.

Таким образом, применение методов статистики позволило выявить существенные признаки погребального обряда, по всей видимости, в большей своей части мусульманского. Хотя связь признаков «отклонение от западной ориентировки» и «присутствие в погребении инвентаря» (0,936) может свидетельствовать и об отклонениях от мусульманской традиции. Более четко прояснить картину позволит увеличение размеров выборки и расширение программы исследования.

Ю.А. Зеленеев (г. Москва)

Городское и кочевое население золотоордынского Поволжья: единство противоположностей

При наличии больших и развитых городов городские элементы культуры присутствуют и в материальной культуре их округи. Это явление закономерно для различных регионов (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004). Прослеживается и культурное влияние золотоордынских городов на окружающее степное население. Но оно всегда было не столь явным как при взаимодействии городского и сельского населения в других регионах.

На территории Поволжья, которое стало центром золотоордынского государства, развитая городская жизнь до монгольского нашествия существовала только в Волжской Болгарии. Надо отметить, что население Волжской Болгарии к XIII в. уже более трех столетий являлось оседлым, со своеобразной материальной культурой, имеющей все черты этно-государственной культуры волжских болгар. В Нижнем Поволжье по письменным источникам известны города Саксин и Суммеркент, названия которых, скорее всего, относятся к одному городу, который может быть соотнесен с таким археологическим объектом, как Самосдельское городище в большой дельте Волги. В Нижнем Поволжье и кочевое население до монгольского нашествия было незначительным (Федоров-Давыдов, 1966).

Ситуация изменилась после завоевания Поволжья монголами и образования Золотой Орды. В Нижнем Поволжье быстро возникают и развиваются города. Территория вдоль левого берега Ахтубы превратилась в своеобразный урбанистический центр, где к столичным городам Сараю, Сараю ал-Джедид и, возможно, к такому же по значимости городу, которому соответствует Красноярское городище, примыкало несколько менее крупных городов и много мелких городков и торгово-ремесленных поселков.

Появляются города и севернее Ахтубинского района: Бельджамен, Укек и некоторые другие, но урбанизация Поволжья на отрезке от низовьев Камы до истока Ахтубы не идет ни в какое сравнение с Волго-Ахтубинским регионом. В Болгарском улусе к концу XIII в. восстанавливается и начинает интенсивно развиваться Болгар, но следует констатировать факт, что развитие городской жизни здесь даже близко не подходит к уровню домонгольского периода. Болгар является крупным единичным городом, остальные же города данного улуса относятся к небольшим городам.

Судя по всему, городская округа также была заселена (по крайней мере, кочевнические могильники известны вокруг Сарая ал-Джедид и в других районах Нижнего Поволжья). В золотоордынское время идет переселение части степного населения в лесостепное Поволжье (Руденко, 2002).

Какие же этнокультурные традиции характерны для населения золотоордынских городов и кочевой округи и есть ли какая-то культурная общность у этих двух групп населения золотоордынского государства? То, что золотоордынские города возникают и первоначально развиваются в соответствии с монгольской градостроительной традицией, вполне очевидно, если сравнивать города Золотой Орды и монгольские города Центральной Азии (Киселев, 1965). Но было бы необоснованным считать основным городским населением Золотой Орды монголов. Более того, есть основания говорить о том, что большая часть городского населения нижневолжских городов имела свои этнические и культурные корни в оседлых районах Евразии и в первую очередь в Средней Азии.

В культуре же кочевников продолжают сохраняться домонгольские традиции степного населения Восточной Европы. Новые элементы культуры, связанные с приходом нового кочевого населения с востока, хотя и имеются (Мыськов, 1995), но не выглядят как тотальная смена всего этнокультурного комплекса данного региона. Есть все основания считать, что население, оставившее курганные могильники XIII–XV вв. в степном и лесостепном Поволжье и хоронившее в них своих покойников по языческому обряду, является потомками половецкого домонгольского населения.

Какой же представляется этнокультурная ситуация в Золотой Орде в связи с наличием очень разных по культурным традициям этнических групп? Население степи в Золотой Орде всегда играло очень значимую социальную роль. Ведь именно оно составляло вооруженную силу этого государства. И именно из кочевой знати формировалась его правящая элита. И как бы ни был экономически и культурно развит город, он находился под властью степных феодалов. Часть этой феодальной верхушки постоянно или временно проживала в городах. Она осваивала культурные традиции, непривычные для кочевника, но это уже был другой уровень жизни: с просторными и удобными домами и усадьбами, с определенным комфортом и даже роскошью. То есть мы

наблюдаем тот процесс, который С.А. Плетнева характеризовала как третью стадию кочевания или постепенный переход к оседлости (Плетнева, 1982). В городах проживала и какая-то часть рядовых кочевников, которые стремились даже сохранить привычный для степняка культурный кочевой уклад. Свидетельством этого процесса могут быть исследованные на Царевском городище остатки юрт, которые в условиях столичного города выглядят культурным анахронизмом.

Рассматривая материальную культуру Золотой Орды и анализируя письменные источники, мы можем выделить несколько этнокультурных и этносоциальных групп у населения этого государства. В реальности их существовало больше, а некоторые из них были переходными в государстве, где шел процесс формирования имперской этнической или, по крайней мере, этнокультурной общности. Особую этносоциальную группу составляла феодальная знать, которая проживала и в городе, и в степи. Верхушка ее относила себя к чингизидам, но уже к началу XIV в. от монгольских традиций у нее сохранились лишь некоторые элементы. Монгольский язык также уже не употреблялся. Учитывая масштабы тюркизации, есть основания думать, что данный процесс начался до прихода войск Бату в Восточную Европу. Здесь же, в окружении половецкого населения он просто получил свое логическое завершение. Надо также признать, что масштабы монгольского погрома в восточноевропейских степях были значительно меньше, чем считалось ранее, поэтому большая часть половцев сохранилась как основное население этой территории. И не только сохранилась, но и стала основным населением Золотой Орды, что подтверждается распространением кипчакского языка в этом государстве.

Торговцы и ремесленники, составляющие основную часть городского населения, не были выходцами из кочевой среды и, вероятно, многие из них не являлись тюрками. Это были русские, волжские болгары, представители различных кавказских народов, но численно преобладали выходцы из Средней Азии, чьи этнокультурные традиции проявились в золотоордынском городе. Постепенно происходит сложение единых этнокультурных традиций на основе утверждения среднеазиатской городской культуры и кипчакского языка.

Таким образом, можно говорить, что в результате действия многих факторов у двух групп населения Золотой Орды, сильно различающихся по образу жизни, идет процесс сложения единой языковой общности и, возможно, самосознания своего единства.

Ю.В. Зеленский (г. Краснодар)

Проблемы датировки половецких погребений степного Прикубанья

К настоящему времени на территории степного Прикубанья раскопано около 100 позднекочевнических погребений. Скорее всего, большинство из них являются половецкими. Многие из этих комплексов уже введены в научный оборот. При этом их датируют достаточно широко XII–XIII или даже XII–XIV вв. Существует несколько затруднительных моментов при датировке половецких захоронений степного Прикубанья.

Долгое время исследователи датировали ряд предметов из половецких погребений домонгольским временем. Предполагалось, что таких вещей, как нагрудные бляхи, распрямленные гривны, бронзовые плоскодонные котлы, лазуритовые подвески, украшения женского головного убора в виде рогов, в погребениях золотоордынской эпохи не должно быть. Доминировала версия о принадлежности этих вещей половецкой знати, которая была истреблена монголами.

Многие предметы объявлялись хронологическими индикаторами домонгольской эпохи, так как они изображались на половецких каменных изваяниях. Длительное время господствовала точка зрения, что эти изваяния перестали воздвигать на курганах после монгольского завоевания степи.

Однако затем датировка «эталонных» для половецкой культуры предметов была пересмотрена. Раскопки половецких погребений в 70–90 гг. XX в. показали, что ряд предметов, которые исследователи ранее датировали концом XII–первой половиной XIII вв. или XII–началом XIII вв., были зафиксированы и в захоронениях золотоордынского времени. Прежде всего, это относится к таким предметам сопроводительного инвентаря, как гривны и распрямленные гривны. Они встречены в погребениях половцев Поднепровья и Подонья монгольского времени. Но наряду с этим они были зафиксированы и в комплексах XII–первой половины XIII вв.

В степном Прикубанье и Восточном Закубанье распрямленные гривны также наблюдались в захоронениях половцев золотоордынского времени. Это относится к таким комплексам, как ст-ца Дмитриевская, кург. 1, погр. 2 (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003); хут. Малаи, кург. 3, погр. 1

(Анфимов, Зеленский, 2002); Новокубанск, кург. 1, погр. 5 (Пьянков, Зеленский, 1994).

То же самое относится к погребениям с украшениями в виде рогов. Такие украшения встречены в захоронении у ст-цы Новотитаровская. Этот комплекс был датирован XII–первой половиной XIII вв. (Пьянков, Хачатурова, 1995). Но «рога» были зафиксированы и в погребениях у ст-цы Пластуновской (Голубев, 2004). Данные комплексы Л.Э. Голубев датировал второй половиной XIII–XIV вв.

Таким образом, многие предметы не являются хронологическими индикаторами домонгольского времени. Они должны быть датированы очень широко XII–XIV вв. Погребения с такими предметами можно датировать как домонгольским, так и золотоордынским временем.

Помочь в датировке половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья может ориентировка погребенных. В золотоордынское время наблюдается наличие западной ориентировки погребенных. Но в то же время отмечена и восточная ориентировка, которая более характерна для половцев домонгольского периода.

Э.Д. Зиливинская (г. Москва)

Минареты Золотой Орды

Одним из важнейших градообразующих элементов мусульманских городов Востока и Запада являются минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними. Именно минареты своими стройными башнями возвышаются над всей остальной застройкой и определяют неповторимый силуэт города.

В городах Золотой Орды исследовано около десяти минаретов. Один из них (Малый минарет в Болгаре) сохранился полностью, еще два известны по чертежам и рисункам. Остальные исследованы на уровне цоколей. Минареты в Болгаре имели квадратный в плане цоколь, который через восьмерик переходил к цилиндрическому стволу, увенчанному конической крышей (Егерев, 1958; Айдаров, 2001). Высота Малого минарета – 16,5 м, Большого – 24 м. На Водянском городище в Волгоградской области была раскопана мечеть с остатками минарета (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976). Цоколь минарета был прямоугольным в плане размерами 5,0 х 4,2 м. Глубина ямы фундамента составляла всего 18-30 см. Ствол минарета был украшен бирюзовыми изразцами и штампованным ганчем (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976). На Северном Кавказе известны три минарета. На городище Верхний Джулат находился Татартупский минарет, который простоял до 80-х гг. XX в (Милорадович, 1963). Он имел прямоугольный (4,3 х 3,6 м) цоколь высотой 2, 35 м. Ствол минарета конической формы был украшен несколькими орнаментальными поясами. Общая высота минарета составляла 20,8 м. Татартупский минарет относился к Большой мечети Верхнего Джулата. У Малой мечети Верхнего Джулата сохранился цоколь размерами 2,6 х 2,4 м, стоящий на фундаменте глубиной 2,8 м (Милорадович, 1963). Аналогичное строение имел, вероятно, минарет в Нижнем Джулате. Его цоколь имел размеры 5,8 х 4, 75 м, глубина фундамента достигала 2,0 м. Внутри прослеживалось круглое в плане помещение диаметром 1,7 м (Чеченов, Зиливинская, 1999). В Крыму, в мечети Узбека, минарет был встроен в угол здания мечети (Якобсон, 1964). На Кучугурском городище возле Запорожья и на городище Старый Орхей в Молдавии минареты имели основания в виде многогранников и были встроены в толщу стены (Довженок, 1961; Бырня, 1985).

Таким образом, по своему положению относительно мечети минареты делятся на три группы: 1)отдельно стоящие; 2) с пристроенным к стене мечети цоколем; 3) с цоколем, встроенным в объем стены.

Отдельно стоящие и пристроенные к мечети минареты имеют кубический или призматический цоколь, который переходит в восьмигранную призму при помощи внешних скосов. Далее следует цилиндрический, слегка сужающийся кверху ствол. В основании встроенных минаретов лежит многогранник. Цоколь минаретов сложен из камня или обожженного кирпича. Ствол обычно – кирпичный, но может быть и из камня. Каменные постройки были декорированы резьбой по камню. Ствол кирпичных минаретов украшен орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков и поливных изразцов. Под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс. Покрытие минаретов – шатровое.

До настоящего времени наиболее детальному анализу подвергались те постройки, которые сохранились полностью. Практически все исследователи отмечают близость минаретов Болгара к азербайджанским минаретам ширвано-апшеронской школы. Сходство этих построек действи-

тельно бросается в глаза. Трехчастное членение зданий, несколько приземистые их пропорции, приемы каменной кладки – все это является общим для болгарских и азербайджанских минаретов. Исследователи также отмечают сходство орнаментальных мотивов на резных панно Малого минарета с памятниками армянского зодчества. То есть минареты Болгара тесно связаны с Закавказьем и, весьма вероятно, были построены руками армянских и азербайджанских мастеров.

Татартупский минарет имеет такое же строение, но несколько более стройные формы. Призматический цоколь его сложен комбинированной кладкой из камня и кирпича, а ствол целиком кирпичный. Декоративное оформление минарета, использование в облицовке резных кирпичей и изразцов, сочетание орнаментальных и сталактитовых поясов стилистически связывает его с памятниками Нахичеванской школы Азербайджана. Наиболее близким аналогом ему является минарет в Шамхоре, известный по рисунку Г. Гагарина. Сходное строение имеют и минареты Малой Азии сельджукского и ранне-оттоманского периодов. Об остальных минаретах Золотой Орды можно судить лишь в общих чертах. Достоверно известно лишь то, что они имели призматический цоколь, который через восьмигранник переходил в круглый в сечении ствол. Если рассмотреть все многочисленные типы минаретов, распространенных по всему мусульманскому миру, то можно заметить, что подобные архитектурные формы характерны преимущественно для Турции (Hillenbrand, 1994). Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют и в дальнейшем. В странах, находящихся в сфере культурного влияния Турции, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран, также получают распространение минареты подобного облика. Распространение их в Золотой Орде является еще одним свидетельством значительного влияния культур Малой Азии и Закавказья на характер монументальной архитектуры в этом государстве. Этот вывод вполне согласуется с проведенными ранее исследованиями планировки золотоордынских мечетей, которые по планиграфии близки мечетям Малой Азии сельджукского периода (Зиливинская, 1998).

В.Г. Блохиным было высказано мнение о том, что сложение архитектурного облика нижневолжских мечетей происходило под влиянием Средней Азии (Блохин, 2003). Несомненно, некоторые элементы среднеазиатского зодчества прослеживаются в монументальной архитектуре Золотой Орды. Причем особенно ярко это прослеживается на памятниках Нижнего Поволжья. Однако сходство золотоордынских минаретов с малоазийскими является еще одним аргументом, подтверждающим именно «сельджукский» принцип планировочного построения золотоордынских мечетей.

О.А. Ильина (г. Волгоград)

Из истории исследований Увекского городища*

Увекское городище располагается на южной окраине г. Саратова. В настоящее время оно почти полностью уничтожено в результате хозяйственной деятельности местного населения и абразии волжской береговой линии.

Первое упоминание о городе Увеке содержится в книге Марко Поло и датируется 1262 г. или началом 1263 г. Краткие сообщения о нем имеются в сочинениях арабского географа Абульфеды и Ибн Баттуты. Город, сопоставимый с Укеком письменных источников, отмечен на средневековых картах братьев Пицигани 1367 г. и Фра Мауро 1459 г. Развалины «городища Увешенского» упоминает «Книга Большому чертежу». Более подробные описания оставили участники академических экспедиций XVIII в. – И.И. Лепехин и И.П. Фальк.

В XIX в. к городищу проявляется научный интерес: высказываются предложения об отождествлении его с золотоордынским г. Увеком, делаются выводы о времени существования города (Х.М. Френ, Г.С. Саблуков, П.А. Пономарев), составляются первые подробные описания памятника (П.А. Пономарев, Л.Л. Голицын, С.С. Краснодубровский) и проводятся археологические исследования (Кесслер и Грим; Л.Л. Голицын, С.С. Краснодубровский; барон де Бай). В начале XX в. изучение Увекского городища продолжила СУАК. А.А. Кротков выделил 4 основных района городища и составил его план, на котором обозначена топографическая ситуация, места раскопов и находок, линия вала и рва, а также выделена центральная часть городища, имеющая вид треугольника.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 04-01-20005а/В

Последние значительные археологические раскопки на Увекском городище проводились экспедицией Ф.В. Баллода в 1919 г. В ходе работ был раскопан ряд культовых, погребальных и производственных сооружений, составлен план и описание памятника. На основании исследований, проведенных экспедицией Ф.В. Баллода можно предполагать, что средневековый город, занимал площадь в виде равностороннего треугольника, ориентированного вершиной на запад, что совпадает и с описаниями Г.С. Саблукова и наблюдениями А.А. Кроткова. За пределами этой достаточно условной границы обнаружены лишь единичные находки и не выявлено следов городской застройки. За городским валом исследованы только водовод из керамических труб, раскопанный в 1877 г., а также мавзолеи с прилегающими участками мусульманского кладбища и горнами для обжига кирпичей, изученных экспедициями П.Н. Шишкина и Ф.В. Баллода (Кротков, 1915; Баллод, 1923).

Впоследствии в числе городов Волжского бассейна упоминает Увек В.Л. Егоров (Егоров, 1985). Специальную монографию посвятил Увеку и его округе Л.Ф. Недашковский (Недашковский, 2000). В 2003 г. вышел в свет сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 750-летию со времени основания Увека.

К числу таких проблем можно отнести вопросы исторической топографии, локализации, времени возникновения и гибели этого средневекового города, возможности выделения его районов, установления его размеров и общей площади, численности населения и др.

Так, имея в своем распоряжении разные нумизматические коллекции, исследователи приводили противоречивые данные о монетном периоде существования средневекового Увека. Л.Ф. Недашковский обобщил нумизматический материал с Увекского городища и на основании его анализа пришел к выводу, что денежное обращение в Увеке охватывает период с 50-х гг. XIII в. до конца XIV в. (Недашковский, 2000).

Для решения вопроса о времени существования Увека, как крупного центра городской культуры Золотой Орды, исследователи обращались и к свидетельствам письменных источников. На основании нарративных данных дата гибели города однозначно связывалась с нашествием Тимура и приурочивалась к 1395 г. Однако археологические материалы ставят эту дату под сомнение. В частности, монеты, чеканенные позже 60–70-х гг. XIV в., являются на Увекском городище единичными находками, полученными к тому же не в ходе археологических раскопок, а в результате сборов и скупки монет у местного населения.

В отношении времени возникновения Увека высказывались различные точки зрения. Исследователи конца XIX – начала XX в., используя сообщения средневековых авторов, отмечали, что самое раннее указание на существование Увека должно относиться к середине XIII в., а точнее, к началу 60-х гг. XIII в. (Френ, 1911; Пономарев, 1879; Боев, 1915). В XX в. сообщение Г. Рубрука, видевшего в 1253 г. некий безымянный поселок на правом берегу Волги, позволило ряду исследователей сделать вывод о возникновении Увека в конце 40-х – начале 50-х гг. XIII в. или, в крайнем случае, «не позднее 50-х гг. XIII в.» (Мухамедьяров, 2003; Недашковский, 2000). В настоящее время можно считать установленным, что маршрут Г. Рубрука пролегал намного севернее современного Саратова «через Воронежский край» (Кожемякин, 1966). К тому же, в книге Г. Рубрука прямо указано, что поселок из «русских и сарацин» находился всего лишь «в 5 днях пути от городов Великой Болгарии», что никак не соответствует местонахождению Увекского городища. Самое раннее письменное сообщение об Увеке, помещенное в книге Марко Поло, может быть датировано или самым концом 1262 г., или, что более вероятно, 1263 г.

Сложным является и вопрос о размерах золотоордынского Увека. В оценке его площади, особенно в последние годы наметилась явная тенденция к необоснованному преувеличению. В сочинениях средневековых авторов используются определения «маленький» (Абульфеда) и «город средней величины» (Ибн Баттута). Никаких других средневековых письменных сообщений о величине Увека в нашем распоряжении нет. В XVIII в. «размеры города, стоящего во рве и вале», определялись приблизительно в 800 м (И.П. Фальк). Ф.В. Баллод предположил, что город был вытянут вдоль Волги на расстояние более 2-х км. Л.Ф. Недашковский полагал, что «памятник занимает площадь более 205 га», а население города составляло 9–10 тыс. человек.

Сопоставление планов Увекского городища и цифр, приведенных в монографии Ф.В. Баллода, позволяет приблизительно вычислить площадь городища, составлявшую около 55 га (по плану А.А. Кроткова) или 65 га (по плану Ф.В. Баллода). Кроме того, не имея никаких данных о плотности застройки, планировочной структуре города, характере уличной сети и т.д., в настоящее время вряд ли можно представлять точные цифры численности населения этого золотоордынского города.

Таким образом, можно предположить, что Увек был основан на рубеже 50-х–60-х гг. XIII в., и просуществовал как значимый городской центр до начала 60-х гг. XIV в. Его важный экономичес-

кий и административный статус подтверждается чеканкой монет в начале XIV в., в период правления хана Токты. Тем не менее, площадь Увека в годы расцвета вполне сопоставима с размерами других провинциальных золотоордынских городов. Позднее, в годы смуты в Золотой Орде он пришел в упадок и, очевидно, сократился до размеров небольшого поселка. Существование Увека как крупного торгового, ремесленного и административного центра в годы правления хана Токтамыша не подтверждается археологическими и нумизматическими материалами.

М.-Ш. Кдрниязов (Каракалпакстан, г. Нукус)

Культура Хорезма в эпоху Золотой Орды

Особое место в истории Узбекистана занимают вопросы изучения монгольского периода (20-е гг. XIII–70-е гг. XIV в.). Этот временной отрезок в многовековой истории Узбекистана, как и других регионов Средней Азии, до настоящего времени, остается одним из наименее изученных.

В ходе завоевательных войн Чингизхана Хорезм вошел в состав монгольской империи. Походы Чингизхана и его преемников в Евразию сопровождались уничтожением людских и экономических ресурсов. Однако иго монголов не смогло остановить поступательное развитие культуры среднеазиатских народов. Территория Золотой Орды, искусственно созданного государственного объединения, охватывала оседло-земледельческие районы (Хорезм, Волжская Болгария, Северный Кавказ, Крым, Русь) и степные просторы Дашти-Кыпчака. Эти районы имели крупные домонгольские городские центры. Основными строителями монгольских центров на Волге являлись пригнанные из разных стран ремесленники, существенный пласт среди которых составляли среднеазиатско-хорезмские мастера, купцы, духовенство, поэты и т.д. Об их присутствии свидетельствуют многочисленные образцы как привозных, так и изготовлявшихся на местах предметов материальной культуры и данные письменных источников.

XX в. ввел в научный оборот громадный материал по истории хорезмских городов, полученный в результате крупномасштабных археологических изысканий. Археологические работы проводились на городище Миздахкан (1985–2005 гг.), Пульжай (2003–2004 гг.), Джанпык-кала (1971–1989 гг.), Ай Ата, Белеули, Шемаха-кала и др. Установлено, что, начиная со второй половины XIII в., старые города в оседлых оазисах, где хозяйственная жизнь была временно приостановлена монгольскими завоевателями, возродились. Они стали центрами торговли и ремесла в кочевом государстве. Об оживлении городской жизни в золотоордынский период свидетельствуют историко-топографические наблюдения, территориальное расширение городов, продукция городского ремесла, инновации в характере производимых изделий, вновь возводимые архитектурные памятники и т. д. В общей типологии золотоордынских памятников Хорезма значительное место занимают городища, число которых доходит до 33, и которые по размеру, характеру сооружений и с учетом топографии суммарно разделяются на три группы: большие, средние и малые.

В начале XIII в. после нашествия монголов, большинство городов занимали только часть территории внутри стен (Джанпык-кала, Бограхан, Топрак-кала, Кунградская). В дальнейшем, уже с середины XIII в. многие из них в связи с подъемом и ростом торговли, ремесла, с аграризацией городских поселений продолжают свое развитие, наблюдается их территориальный рост. В XIII–XIV вв. новых городов, по существу, не появлялось, но и количество старых резко не сократилось. В отличие от городов Поволжья, созданных руками ремесленников, пригнанных из разных стран (Федоров-Давыдов, 1973), города Хорезма этого периода были возведены коренными жителями Хорезмского оазиса. К тому же хорезмские города возникли не в степях, как поволжские, а на месте старых центров и опирались на традиции оседло-земледельческой культуры. Города, стоящие на оживленных отрезках Великого шелкового пути, быстрее оправлялись, нежели периферийные. Восстановлению их способствовала и экономическая политика ханов. Материальная культура городов Хорезма эпохи Золотой Орды, развиваясь на основе достижений хорезмшахского времени, оставалась местной, являлась в меньшей степени имперским «сплавом» различных культур, каковой была культура центров на Волге. В хорезмских городах золотоордынской эпохи мы не встречаем следов иноплеменных ремесленников-рабов. Наоборот, влияние хорезмской градостроительной культуры очень ярко прослеживается в синкретической культуре городов Нижнего Поволжья.

В конце XIII в. и особенно в XIV в. запустевшие земли вновь осваиваются, возрождаются не только городские центры, но и многочисленные сельские поселения, особенно на северо-западе Хорезма. В каждом сельскохозяйственном округе выделяется центр, застроенный тесно стоящими домами. Они также отличаются от хорезмшахских селений отсутствием фортификации, меньшими

размерами построек, значительно более плохим качеством пахсы, использованием малого количества обожженных кирпичей и отсутствием богатого убранства. Анализ археологических данных свидетельствует о процессе глубокого расслоения среди жителей сельских поселений.

В строительной технике появляются новые виды облицовочных материалов: мозаика, майолика, резная поливная терракота. Основой монументальных сооружений был квадрат, кубический объем переходил в восьмигранник, в свою очередь переходящий в двенадцатигранный и шестнадцатигранный барабаны, заканчивающиеся высоким полусферическим куполом. Особенностью архитектуры Хорезма этого времени было распространение и применение двух и трехкупольных сооружений. Для них характерен П-образный портал со стрельчатой аркой. Однако в строительной технике XIII–XIV вв. часто использовался разновременный материал, создававший неудобства при возведении памятников и ухудшавший их качество.

В социальной структуре городов хорошо выявляются кварталы. В Джанпык-кале, в западной части выявлен жилой квартал площадью 1600 кв. м. Другой ремесленный квартал площадью 885 кв. м вскрыт в северной части городища. Цепь торгово-ремесленных кварталов площадью от 1209 до 2800 кв. м вскрыта раскопками на городище Миздахкан (Кдырниязов, 2005). Например, в Юго-западном квартале было 5 домов и квартальная мечеть. Каждый дом имел от двух до одиннадцати помещений с производственным двором или без него. Выделяются следующие типы жилищ: однокомнатные, двух- и трехсекционные однорядные, многокомнатные с коридором, многокомнатные дома с айваном и хаули. Кварталы заселялись ремесленниками какой-либо одной специальности.

Городские жилища часто служили для размещения торговых лавок и производственных мастерских. Подобные дома занимали более трети (36%) кварталов Миздахкана. Комбинированные жилища присущи и домам Ургенча (Федоров-Давыдов, 1958), а также зафиксированы на Джанпык-кале (Кдырниязов, 2005). В целом массовая жилая застройка Хорезма XIII–XIV вв. имеет традиционные связи домостроительства с памятниками домонгольского и монгольского времени Мавераннахра, Южного Казахстана, Туркмении и Нижнего Поволжья. Такая связь наблюдается и в интерьере жилищ: наличие суф, канов-очагов, ниш, тошнау, тандыров, входных тамбуров, каминов, закромов и оконных проемов. Отличительной чертой городского жилища является стандартизация планировки, преобладание прямоугольного и квадратного жилья.

Золотоордынский период в истории Хорезма характеризуется также важными сдвигами в этнокультурных процессах. В XIII–XIV вв. границы Хорезма примыкали к Великой степи – Дашти-Кыпчаку. Массовое присутствие кочевнического элемента золотоордынского времени на памятниках Хорезма фиксируется материалами археологических раскопок, где часто встречаются серьги в виде знака вопроса, дощатые гробы, соответствующая ориентировка костяка, погребальный и краниологический материал. Кыпчакский этнический пласт прослеживается как в топонимике, так и в материалах родоплеменной структуры населения оазиса. Именно в это время получает свое дальнейшее развитие хорезмский язык на кыпчакско-огузской диалектной основе. Хорезм в XIII–XIV вв. являлся одним из очагов духовности, просветительства и ислама, из него исходила миссионерская деятельность. Образованные люди Хорезма при золотоордынских ханах достигали высших чинов.

Яркий след оставили мастера Хорезма в создании керамической школы столиц Золотой Орды и городов Северного Кавказа. В этих регионах при участии ремесленников Хорезма появляются новые типы поливной керамики, так называемого «ургенчского образца» на кашинной основе. В специализированных керамических мастерских Хорезма выпускался особый вид сероглиняных чаш и чернолощенных кувшинов. Часть этих изделий находили сбыт на территории Золотой Орды. Различные предметы ввозились в Золотую Орду и давали толчок к воспроизведению некоторых их видов хорезмийскими мастерами (зеркала с изображением рыб, драконов и ал-бораков). В то время в Хорезме появляется отопительная система канов. Огромную роль играл Хорезм в золотоордынской торговле. Через Хорезм на Русь ввозился высокосортный селадон.

Культура Хорезма была тесно связана с Джучиевым Улусом. Однако культура золотоордынского Хорезма на самом деле была продолжением традиционной культуры домонгольской эпохи. Ее на протяжении тысячелетий создавали местные ученые, зодчие, ремесленники и крестьяне. Они же поднимали из руин разрушенные города и их сельскохозяйственную округу, воссоздавали духовную культуру оазиса.

А.В. Козлова (г. Москва)

Восточные традиции украшений и бытовых предметов на Руси

На сегодняшний день вопросы взаимопроникновения и взаимодействия традиций и обычаев в Евразии средневекового периода ставят перед собой многие археологи. Одной из самых интересных тем является осмысление культурных связей населения Древней Руси и ее восточных соседей. Наиболее ярко контакты традиций проявляются в массиве изделий из цветных металлов и кости, происходящих из городских памятников. В основном это украшения и аксессуары.

До недавнего времени проблемам влияния восточных бытовых традиций и костюма на материальную культуру средневекового населения русских земель почти не уделялось внимание. Но уместно заметить, что восточные границы государства не были непроницаемыми в культурном отношении.

Предметы восточного облика встречаются в культурном слое почти всех древнерусских городов. Чаще всего они публикуются в составе единого массива вещевой коллекции раскопок и подъемного материала. Некоторые авторы упоминают самые яркие изделия в рамках обзора общих проблем ремесла и торговли. Всего было учтено исследователями более полутора тысяч экземпляров. Изделия из цветных металлов и кости восточного облика присутствуют в городских центрах со времени их возникновения и до нового времени. Условно эти находки можно разделить на две хронологические группы: домонгольскую (X–середина XIII вв.) и золотоордынскую (середина XIII–XV вв.) Но четко провести границу между этими двумя периодами на данный момент не представляется возможным. К сожалению, нельзя выделить группы экземпляров по их происхождению из-за недостаточности данных о точном месте их производства в землях соседей Древней Руси.

Изделия восточной традиции раннего периода в русских городах представлены единичными находками недорогих парадных женских украшений и предметами быта. Однако большинство коллекции составляют накладки ременной и сбруйной гарнитуры. Такое преобладание явно мужских аксессуаров могло свидетельствовать о влиянии восточных импульсов на древнерусский костюм через восприятие традиции ношения наборных поясов дружинниками. Они же перенимали типы сбруйных украшений. Другие изделия, по всей видимости, также являлись личным имуществом горожан или приезжих. Версия об импорте таких украшений и предметов быта в древнерусские земли представляется несостоятельной в силу малочисленности и характера самого их набора.

Определенных районов скопления находок при картографировании выявить не удалось из-за их относительно малого количества. Они достаточно равномерно распределены по всей исследованной площади.

На раннем этапе можно констатировать немногочисленное присутствие вещей, относившихся к бытовым традициям и костюму восточных соседей Руси, а также копий и подражаний таковым, в культурном слое городских центров.

Набор изделий восточного облика золотоордынского этапа в значительной степени меняется. Основную часть теперь образуют дешевые, простые в исполнении украшения: серьги, булавки, браслеты и кольца, которые уже не относятся к комплексу парадных украшений. Большая часть таких вещей изначально принадлежала мужскому костюму. Неизменной частью массива остаются накладки пояса, сбруи и сумок.

Находки украшений и предметов быта восточной традиции в древнерусских городах монгольского периода достаточно многочисленны. Это связано, прежде всего, с тем, что в них более широко представлены поздние материалы. Это позволило выявить зоны скопления таких находок на определенных территориях городов. Они явно тяготеют к зонам рек с пристанями. Экземпляры восточного облика на территории городских крепостей почти отсутствуют. Области их локализации находятся в предполагаемых районах торговых и дружинных кварталов или на городских выселках. Такое распространение связано с особенностями расселения той части населения города, которая была наиболее восприимчива к инокультурным импульсам: горожанам, занятым в торговле и в войне. Именно они наиболее часто сталкивались с носителями восточных традиций.

Серьги в виде «знака вопроса», пластинчатые львиноголовые браслеты и многие другие типы воспринятых изделий также изначально являлись мужскими украшениями и лишь на позднем этапе вошли в комплекс женского убора. Украшенный пояс и сумка традиционно являлись принадлежностью мужского костюма.

Декоративное оформление конской упряжи восточного облика, как и на раннем этапе, проникало в культуру древнерусских городов достаточно активно. Это, видимо, было связано с тем, что бытовал обычай дарения и покупки коня непременно вместе с уздой и другими упряжными аксессуарами.

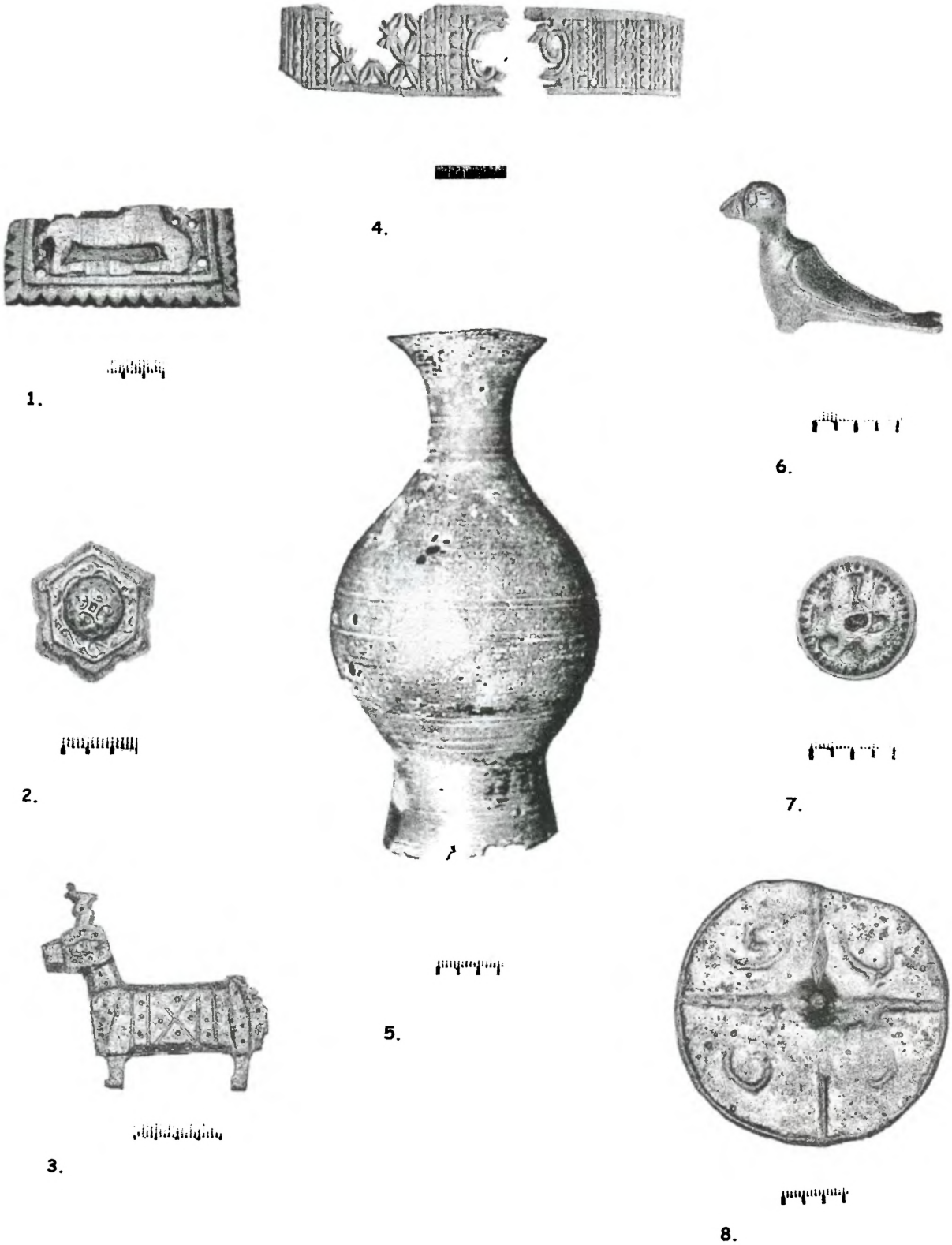


Рис. 1. Изделия восточной традиции из раскопок древнерусских городов:
1–3; 7–8 – Великий Новгород; *4* – Минск; *5* – Слоним; *6* – Полоцк.

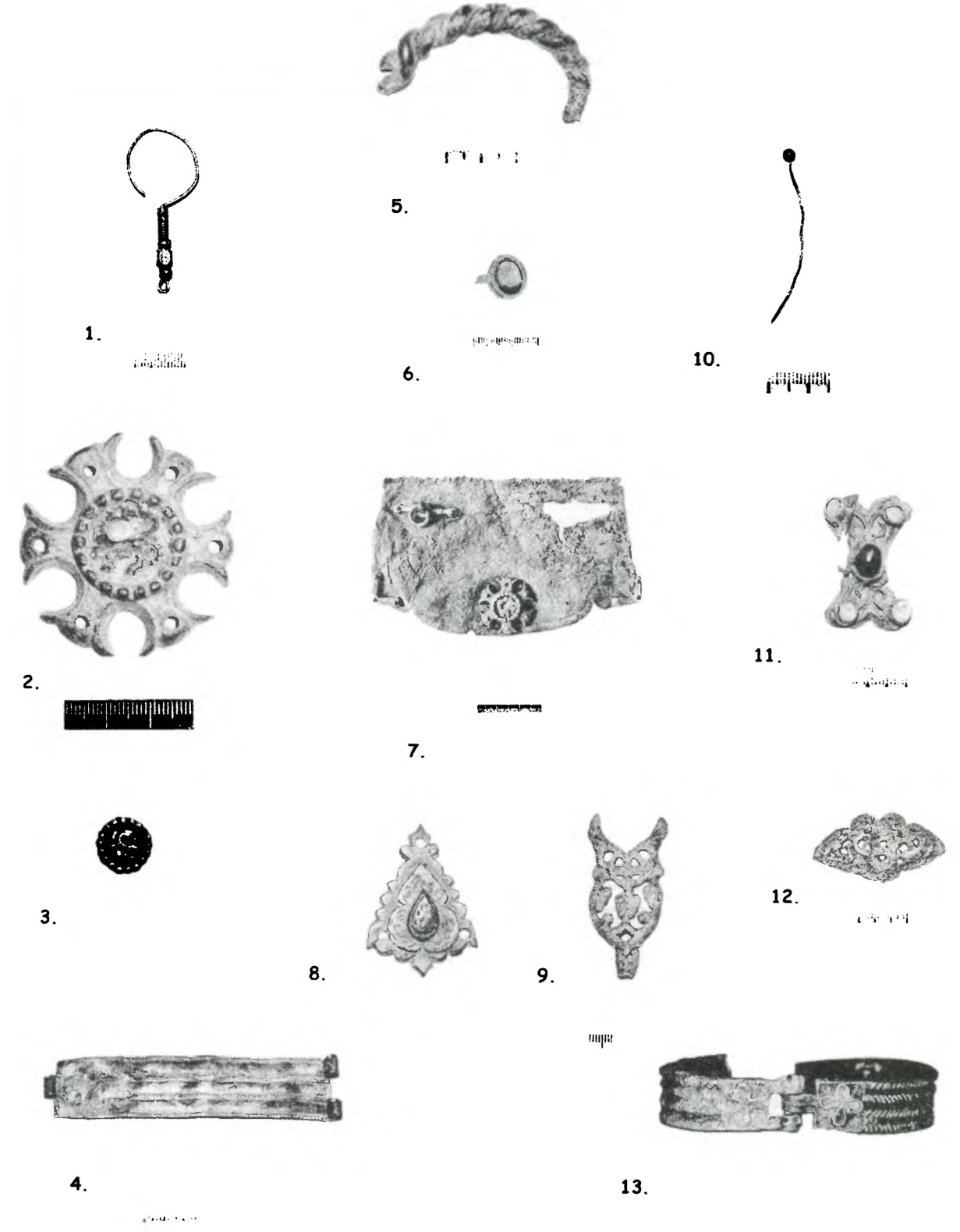


Рис. 2. Украшения восточной традиции из раскопок древнерусских городов:
1–2; 13 – Псков; *3–8; 11* – Великий Новгород; *9* – Лукомль; *10* – Тверь; *12* – Рюриково Городище.

Наиболее вероятным путем попадания элементов этой восточной моды в древнерусские города можно назвать ввоз таковых в составе багажа и костюма воинов и торговых людей. В процессе боевых действий и походов происходило тесное взаимодействие и перемешивание традиций, складывалась единая мода на мужские украшения, наборные пояса, убранство коня, а также воинские походные аксессуары.

Все упомянутые формы были освоены местными мастерами и в дальнейшем развивались ими сообразно вкусам населения. К XIV в. такие изделия уже были существенно модифицированы местными ремесленниками, но даже в то время начальные формы прототипов ясно читаются. В XV–XVI вв. процесс освоения и переработки инокультурных веяний активизировался. Многие типы украшений бытовали в культуре городского и сельского населения русских земель до XX в.

Надолго пережили Средневековье некоторые формы предметов быта, такие как зооморфные замки, поясные чаши и ковши. К концу средних веков их местная традиция была рактически неотличима от прототипа. В новое время многие генетически восточные вещи уже воспринимались как исконно русские типы, что осложняет атрибуцию целого массива находок.

После проведенной работы по составлению свода и комплексного анализа материалов можно с высокой степенью уверенности утверждать, что изделия восточного облика играли значительную роль в складывании комплекса материальной культуры древнерусских городов. Они служили импульсами извне в изменении модных тенденций, внося новые, а иногда вытесняя старые типы или даже классы украшений и предметов быта. Проводниками этих изменений, по всей видимости, являлись торговые и военные группы населения. Далее они активно усваивались и модифицировались местными мастерами.

С.А. Котеньков, О.Ю. Котенькова (г. Астрахань)

К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений

В начале XIII в. из глубин Азии вышло движение, известное в исторической литературе под названием монгольского или татарского нашествия, опустошившего земли Волжской Булгарии, Руси и половецких кочевий, повергшего в ужас Западную Европу.

Однако в 1243 г. монголы во главе с Батуханом расположились в причерноморских и прикаспийских степях, известных у восточных авторов под названием Дешт-и-Кипчак. Именно с этого года ведется отсчет времени возникновения государства, получившего впоследствии название в восточной литературе Улус Джучи, а в русской – Золотая Орда (Егоров, 1985). Сделав Поволжье центром Улуса Джучи, Бату и его преемники особое внимание обратили на возрождение городской жизни и связанной с ней торговли, в которой видели для своей казны большие доходы (Греков, Якубовский, 1998).

Существует мнение, что «золотоордынские города Нижнего Поволжья возникли на «пустом» месте». Нигде не обнаружено подстилающего предмонгольского слоя. Как исключение приводится Самосдельское городище в Камызякском районе Астраханской области с его мощным предмонгольским слоем (Федоров-Давыдов, 1997). К настоящему времени собран новый материал, позволяющий пересмотреть некоторые проблемы датировки возникновения золотоордынских городов в Астраханском крае на местах ранее существовавших населенных пунктов. Памятники предмонгольского периода были обнаружены не только на Самосдельском, но и на Красноярском городище, поселении Тумак-Тюбе.

Еще Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский предполагали, что город Сарай-Бату у с. Селитренное возник на месте бывшего здесь раннего поселения. (Греков, Якубовский, 1998). Эту гипотезу подтверждают находки, обнаруженные Ф.В. Баллодом на Селитренном городище в 1922 г. (античные монеты, кремневые и бронзовые стрелы), которые намного древнее монгольского городища (Баллод, 1998). С другой стороны, эти предметы домонгольской эпохи встречаются на городищах, находящихся на торговом волжском пути.

Красноярское городище расположено на бэровском бугре у с. Красный Яр Астраханской области. В окрестностях этого городища на прилегающих буграх обнаружены несколько некрополей и поселений золотоордынского времени (Котеньков, 1990). Отметим, что в окрестностях с. Красный Яр, судя по археологическим находкам, люди жили еще в эпоху бронзы и в сарматское время (Котеньков, 2003; 2002) Здесь также обнаружены памятники поздних кочевников (болгар, печенегов, половцев) (Котеньков, 2001; 2002; 2003). Возможно, до прихода монголов в астраханские степи в этом месте уже существовало поселение, в котором проживало оседлое население.

Нумизматический материал, обнаруженный в погребениях, датируемый периодом с 1271 по 1322 гг., позволяет выдвинуть предположения

относительно возникновения этого городища в золотоордынскую эпоху (Котеньков, 2004). Если учесть, что город Сарай был основан ханом Бату в 50-х гг. XIII в., а самая древняя джучидская монета из обнаруженных на бугре «Маячный», датируется 1271 г., то можно предположить, что Красноярское городище является едва ли не ровесником Сарая.

В XIII в. город уже существовал, о чем свидетельствуют сырцовые конструкции в обнаруженном захоронении с монетой данного периода. То, что в средневековье здесь был ремесленный центр, подтверждают находки фрагментов гончарной, поливной посуды, в том числе фрагментов печного припаса, говорящие о наличии здесь горнов для изготовления глиняной посуды.

Древнее название города ни в народной традиции, ни в письменных источниках не сохранилось. Но тот факт, что это был важный в стратегическом и торговом отношении центр, очевиден. На это указывает его местоположение – у слияния двух рек: Бузана и Ахтубы. В описаниях путешествий тверского купца Афанасия Никитина, «ходившего за три моря» в начале его пути в 1466/1467 гг. встречается следующая запись: «И поехал есми с ним низ Волги, и Казань есмя, и Орду, и Услан, и Сарай, и Беркезань проехали есмя добровольно, въехали есмя в Бузан реку» (Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1948). Если учесть, что Афанасий Никитин плыл по Ахтубе, то, минуя Сарай (с. Селитренное), он мог дойти до Красного Яра и войти в Бузан. Возможно, Красный Яр и есть Беркезань?

Существует мнение, что в Поволжье было два Сарая: Сарай или Сарай ал-Махруса, основанный ханом Бату – Селитренное городище (с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области) и Сарай ал-Джедид (Новый Дворец), построенный Узбек-ханом – Царевское городище (с. Царев Ленинского района Волгоградской области) (Егоров, 1985). Может быть, тогда Сарай, о котором упоминает Афанасий Никитин – это Царевское городище, а Беркезань – это городище Селитренное?

Согласно исследованиям нумизмата И.В. Евстратова и археолога В.Г. Рудакова, изучивших большое количество джучидских монет, древних карт и материалов археологических раскопок городищ Золотой Орды, Царевское городище – это загадочный город Гюлистан (также чеканивший монеты), а Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид – один город на месте Селитренного городища (Евстратов, 1997; Рудаков, 1999). Это предположение говорит в пользу того, что Красноярское городище в золотоордынское время могло именоваться, по крайней мере, на Руси – Беркезань.

На поселении Тумак-Тюбе, расположенном у с. Татаро-Башмаковка Приволжского района Астраханской области, кроме типичных для золотоордынских поселений находок: дома с суфой, печи с канами, тошнау, фрагменты красноглиняной керамики, захоронения XIV в., были обнаружены погребения предмонгольского периода (Котеньков, 2002).

Указанные материалы позволяют предположить, что монголы, осваивая покоренные земли, в некоторых случаях пользовались традицией местного населения устраивать поселения в определенных местах: на берегах рек, междуречьях и на естественных возвышенностях (бэровских буграх).

А.Ф. Кочкина (г. Самара)

Самарская Лука в системе расселения золотоордынского периода в Среднем Поволжье

Самарская Лука, образованная изгибом р. Волги, может рассматриваться как своеобразный историко-географический феномен Восточной Европы. Ее территориальная замкнутость, особенности рельефа и водных коммуникаций способствуют формированию системы расселения, специфической для данного региона в конкретный исторический период.

После вторжения монголов в Восточную Европу, разгрома и покорения ими Волжской Болгарии изменяется геополитическая ситуация в Среднем Поволжье. Если в начале XIII в. Самарская Лука являлась южным форпостом Волжской Болгарии, то с середины XIII в. она находилась уже во внутренних землях Улуса Джучи. Отличие состоит еще и в том, что болгарские поселения располагались внутри излучины в правобережье Волги, а золотоордынские – на обоих берегах. За последние 20 лет значительно увеличилось количество известных и исследованных памятников золотоордынского времени в районе Самарской Луки, что позволило И.Н. Васильевой дать обстоятельную характеристику особенностей расселения в этом микрорегионе (Васильева, 2000). В настоящее время здесь известно около 50 памятников.

Самарская Лука являлась важным стратегическим регионом золотоордынских земель, так как здесь сходились водные и сухопутные коммуникации, соединяющие Восток и Запад, завоеванные земли и метрополию. Через Самарскую Луку шел путь из Руси в столичные центры Орды. Поэтому назначение поселений, располагавшихся по обоим берегам Волги, в первую очередь

было связано с обслуживанием Волжского пути, переправой судов и караванов.

Отсутствие среди выявленных на территории Самарской Луки крупных городов, имеющих самостоятельный чекан монет, восполняется локальными центрами с определенными административно-хозяйственными функциями. Так, в западной части Луки находится Муранское селище, которое по своей значимости А.И. Алихова и М.Ф. Жиганов ставили в один ряд с г. Наровчатом (Голубева, 1987). В юго-западной части Луки расположены городища Переволокское, Костычи, Междуреченское. Насколько эти памятники можно соотнести с поселениями городского типа – вопрос остается открытым, так как только на Междуреченском городище проводились сравнительно крупные стационарные исследования, но и они еще не в полной мере введены в научный оборот.

В последние годы в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина поступили представительные коллекции с ряда памятников Самарской Луки, позволяющие существенно дополнить характеристику золотоордынской эпохи на Самарской Луке. Интересные материалы находят на поселениях, расположенных на южной оконечности луки. С поселений у сс. Лбище и Малая Рязань происходят находки металлических и стеклянных украшений, бытового и ремесленного инвентаря, культовых предметов и нумизматических материалов.

На поселении Лбище обнаружен так называемый клад сельскохозяйственных орудий. Состав «клада» является характерным для подобных комплексов золотоордынского времени: плужной лемех, плужной нож-резак (чересло), 2 косы-горбуши, пешня. В Самарском Поволжье подобный комплекс, правда, с несколько большим набором предметов, встречен на Максимовском селище на р. Самаре (Юнусова-Ключникова, 1977).

Сравнительно редкими до настоящего времени являются находки предметов христианского и языческого религиозных культов: нательные кресты, кресты-энколпионы, онгон (Кочкина, Сташенков, 2005)

Особо следует отметить находку свинцовой актовой печати на поселении Малая Рязань. Печать сохранилась не полностью, примерно треть ее обрезана, диаметр – 25–28 мм. Оттиск изображений достаточно четкий, в середине трещина и отверстие. На лицевой стороне имеется изображение святого всадника с мечом в правой руке, на оборотной стороне – изображение Вседержителя на престоле. Судя по всему, печать принадлежит новгородскому князю Дмитрию Александровичу (1276–1281, 1283–1294), сыну Александра Невского.

К сожалению, новые материалы происходят из разведочных и случайных сборов, что существенно снижает их информативность, поэтому вопросы датировки памятников, их функционирования в настоящее время можно решать лишь предварительно. В определенной степени они связаны и с анализом нумизматического материала (Кочкина, Пачкалов, 2005).

Таким образом, новые находки ставят задачу более глубокого изучения золотоордынских древностей Самарской Луки, что должно способствовать формированию более объективной картины места этого своеобразного географического района в составе поволжских земель Улуса Джучи.

М.Г. Крамаровский, В.Д. Гукин (г. Санкт-Петербург)

Сельское поселение Бокаташ II. К проблеме взаимодействия города и деревни в золотоордынском Крыму

В период 2001–2005 гг. Старо-Крымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа ведет работы на южном участке средневекового селища Бокаташ II, расположенном к юго-востоку от Солхата (г. Старый Крым). Исследованная площадь составляет около 1000 м^2. На этой территории нами обнаружено 9 наземных каменных сооружений, 3 полуземлянки, 27 гончарных печей, 7 тандыров, 34 хозяйственных ямы, 1 колодец-водонакопитель и христианский могильник (конфессиональный статус усопших, кроме погребального обряда, подтверждает находка in situ в погребении № 58, раскоп XXII/04, энколпиона сирийского типа с греческой надписью "θεοτόκος" - "Богородица"). Все сооружения, включая могильник (исследовано 86 погребений), относятся к эпохе Золотой Орды (Крамаровский, Гукин 2004).

Стратиграфические наблюдения на раскопе XXII позволяют выделить два строительных горизонта. Остатки каменных кладок наземных сооружений, определенные нами как гончарные мастерские, перекрывают более ранние производственно-хозяйственные комплексы. Те из них, которые не перекрывались, были снесены или забутованы в период постройки наземных мастерских. В этом отношении характерен пример сооружений 1–2 и № 4, где сооружения № 1 и 4 являются одной гончарной мастерской с двумя помещениями. Под основание наземных соору-

жений 1 и 4 попали гончарные печи 8, 10, 12, 17, 18, тандыр 3, хозяйственные ямы 2, 11, 14. Наземное сооружение 2 перекрывало гончарную печь 3 и хозяйственные ямы 10 и 22. Таким образом, рассматриваемые хозяйственные сооружения являются закрытыми археологическими комплексами и по времени предшествуют сооружениям 1–2, 4.

Керамический материал из хозяйственных комплексов представлен гончарной поливной, по большей части с зеленой глазурью (присутствуют желтая и коричневая глазури) и неполивной посудой. Во многих случаях определяются горшки, котлы и крышки горшков, гончарные матрицы, штампованные сосуды. В пределах раскопа, подобная посуда найдена в заполнении горна 8, в заполнениях топочных камер горнов 9, 10, 12,17. В группе неполивной керамики наше внимание привлекли фрагменты керамических котлов (тип выделен впервые) с орнаментикой и без. На этих фрагментах можно видеть те же признаки, что и на материалах из гончарной печи 8. Судя по сохранившимся формам и декору сосудов из топочных камер гончарных печей 9, 10, 12 и 17 и вблизи этих сооружений, серия оказалась достаточно разнообразной. Здесь, наряду с неорнаментированными котлами, нередко встречаются экземпляры с орнаментом в виде лозы по верху венчика и следами лощения. Выделяется группа крышек с конусовидным профилем и уступом под внутренний диаметр горловины горшков. Фрагменты таких крышек найдены в гончарных печах 8, 12 и хозяйственной яме 22. Штампованная керамика и матрицы – калыпы, обнаруженные в заполнении ямы 22, характерны и для других закрытых комплексов раннего строительного периода – гончарных печей 8, 17, тандыра 3. Заслуживают внимания гончарные браки из ямы 22. В заполнении обнаружен большой фрагмент тарелки со светло-желтым ангобом, но без поливы. Перед нами явный выбракованный полуфабрикат. По-видимому, кувшин с носиком, покрытый светло-желтой поливой, попал в яму по тем же причинам. Особый интерес вызывают находки триподов – сепай с пятнами ангоба и зеленой поливы. Вероятно, в гончарной печи 17 наряду с неполивной посудой обжигалась и поливная. Отдельно отметим находку крупного фрагмента биконического сосуда, найденного в предтопочной яме гончарной печи 17. Сосуд красноглиняный, изготовлен из хорошо отмученного теста без видимых примесей. Его верхняя часть с лощением; по нижней части от середины сосуда по светло-желтому ангобу нанесен сложный прорезной орнамент в виде двух круглых розеток. Следы поливы на сосуде отсутствуют, что, связано с первичным обжигом и последующей выбраковкой.

Монетные находки входят в группу нумизматического материала из ранних слоев и сооружений на раскопе XXII. Здесь к числу самых ранних джучидских монет относятся десять пулов времени правлений ханов Туда-Менгу (1280–1287) и Тула-Буга (1287–1290). Две монеты происходят из хозяйственной ямы 3 – глинника. Обе монеты чекана Крыма 2-й половины XIII в.; одна из них выпущена до 1290 г. В целом на раскопе XXII, ко времени правления хана Токты (1290–1312) относятся 22 монеты. Эти монеты, включая джучидские и другие эмиссии 2-й половины–конца XIII в., самые представительные в ранних слоях и сооружениях раскопа. Монеты Токты зафиксированы в хозяйственных ямах: № 14 с годом чекана 691 г. х. = 1291/1292 гг., и № 10 с датой 692 г.х. = 1292/1293 гг. Эти хозяйственные ямы находились в непосредственной близости гончарной печи 12 и, по всей вероятности, обслуживали последнюю. То же происходит и с находками монет из раннего горизонта в секторе гончарных печей 9–10, 17–18. Здесь, наряду с монетами конца XIII–первого десятилетия XIV вв. и Сельджукидов Рума (2-я половина XIII в.), встречаются и монеты, чеканенные от имени хана Узбека (1312–1341), но не позднее 30-х гг. XIV в.

Очень важное подтверждение ранней датировки мы находим в монетных материалах именно из закрытых комплексов. В тандыре 3, который перекрыт южной стеной наземного сооружения 1, найдена монета Филиппа Тарентского (1294–1313), а в столбовой яме на участке Г1, находящейся рядом с ямой 22, малоазийская монета 2-й половины XIII века. В яме 22 обнаружено девять монет. Из них три джучидских пула анонимны, с датами 690 г. х. = 1291/1292 гг. и 692 г.х. = 1292/3 гг., отчеканены в Крыму в период правления хана Токты (1290–1312). Пять монет – не джучидские. Одна из них византийская, времени второго единоличного правления Андроника II (1320–1325). Одна монета относится к сельджукидам Рума: читается имя Султана Гийяс-ад Дина Масуда II или III (?); ее дата не выходит за пределы 1282–1307 гг.

В настоящее время на раскопе XXII количество монет 2-й половины–конца XIII в. составляет 39 экземпляров, а монет начала–30-х гг. XIV в., соответственно, 30 единиц. Они встречаются совместно в ранних слоях и заполнениях ранних сооружений. Пик притока этих монет приходится на время правления хана Токты (1290–1312). 17 экземпляров монет относятся к эмиссиям 1350-х гг. и лишь одна монета датирована 753 г.х. = 1352/135 гг., остальные монеты XIV в. без дат.

Таким образом, анализ нумизматического материала подтверждает наши стратиграфические наблюдения. Дата раннего слоя, к которому принадлежит гончарный комплекс – печь 17 и хозяйственная яма 22 (раскоп XXII) не выходит

за пределы конца XIII – 30-х гг. XIV в. Именно на этот хронологический отрезок приходится становление гончарного дела на поселении Бокаташ II. В этот период на городской рынок Солхата из ремесленного предместья наряду с кухонной (неполивной посудой) и котлами, поставлялась столовая посуда, нередко хорошего качества, декорированная глазурями. Примерно с начала 1340-х гг. рыночная конъюнктура изменилась, и гончары Бокаташа отдали предпочтение выделке стандартизированной массовой посуды, преимущественно кухонной. Около середины XIV в. в канун периода анархии 1357–1380 гг. гончарное производство на поселении Бокаташ II приходит в упадок.

Ремесленный характер поселения подтверждает одну из важных реалий повседневности: регулятором обменов между Солхатом и одним из его предместий выступал городской рынок, деревня его не имела.

Отметим еще одну важную деталь, связанную с хозяйственной и религиозной жизнью золотоордынского Крыма. Тесное взаимодействие христианских и исламских общин (Солхат – город преимущественно мусульманский) не замыкалось чертой города, но распространялось и на его ближайшую сельскую округу.

А.А. Кудрявцев (г. Ставрополь)

Средневековый Дербент в истории Золотой Орды

В истории Золотой Орды Дербенту принадлежит особое место. В силу уникального стратегического расположения у главных «Ворот» Кавказа, город контролировал важнейшую военную и торговую трассу из степей Ю+го-Восточной Европы в Закавказье и на Ближний Восток. На протяжении почти двухсотлетнего периода Дербент выступал мощным военным оплотом и крупным торгово-экономическим центром на границе двух монгольских улусов: державы хулагуидов, носивших титул «ильханов» и Золотой Ордой. Монголы, вторгшиеся в Закавказье в 617 г.х. (1220/1221 г.), подошли к Дербенту с юга, т.е. со стороны, где фортификация города не столь внушительна и неприступна, как на севере, откуда ему традиционно угрожали кочевые объединения степей Евразии. Однако дербентские укрепления даже с южной стороны города произвели на монголов столь сильное впечатление, что Сюбегетей-багатур и Джэбэ-нойон не сделали попытку овладеть городом, а обошли Дербентские оборонительные сооружения протяженностью более 40 км, по труднодоступным местным коммуникациям. Автор XIII в. Киракос Гандзакаци сообщает, что монголы «пересекли кавказские горы по неприступным местам, заполняя пропасти деревьями и камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды».

Во время второго нашествия в 1239 г. монголам удалось овладеть Дербентом, но вероятнее всего, он был сдан на весьма почетных условиях и сумел избежать печальной судьбы большинства других средневековых городов Кавказа, Передней и Средней Азии, Восточной Европы. Археологические раскопки в Дербенте не выявили в культурных напластованиях города первой половины XIII в. ни следов катастрофических разрушений и пожаров, ни массовой гибели его населения, что подтверждают и сообщения Вильгельма Рубрука, отмечавшего, что монголы лишь «разрушили верхушки башен и бойницы стен».

В середине XIII в. из огромной монгольской империи Чингисхана выделился улус Хулагу-хана, в государство которого вошли и территории Закавказья с областями Северного Кавказа до Терека, по которому легла граница между владениями хулагуидов и ханов Золотой Орды. Но фактически главным пограничным городом стал Дербент, который был втянут в кровавые столкновения монгольских государей Ирана с правителями Золотой Орды.

Марко Поло, побывавший во время своих путешествий по Азии и в Закавказье, рассказывает об одной из таких грандиозных битв, разразившейся под стенами Дербента, который он называл Железными воротами, построенными между горами и морем Александром Македонским. Он описывает сражение джучидских и хулагуидских войск в 1261 г. Можно представить сколь тяжелые последствия имела эта и подобные битвы для экономики города и его сельскохозяйственной округи, где «земля считалась прежде за настоящий рай земной».

В отличие от многих городов Закавказья и средневекового Востока, монголы не подвергали разрушению Дербент и не истребили его население, но они нарушили традиционные торговые связи города, уничтожили рынки сбыта ремесленной продукции, нанесли огромный урон сельскому хозяйству, тесно связанному с городской экономикой.

В конце XIV в. походы Тамерлана и правителя Золотой Орды Токтамыша в Закавказье и на Северный Кавказ проходили через Дербент и весьма пагубно отражались на его развитии. Но при этом

город имел активные контакты с экономическими центрами Ближнего Востока и Золотой Орды и выступал посредником в товарообмене между Востоком и Западом. Это стимулировало развитие его ремесла и торговли.

С конца XIV в. военно-политическая обстановка здесь стабилизируется и намечается значительный экономический подъем Дербента, что документируют раскопки. Во многом стабилизация политической и экономической жизни Дербента в конце XIV–XV в. были связаны с деятельностью его правителя Ибрагима Халила Дербенди, ставшего основателем дербентской ветви Ширваншахов. Ибрагим Халил поддержал военные действия Тамерлана на Кавказе, выступив союзником последнего и рьяным поборником ислама. В благодарность за преданность Ибрагим Халил не только сохранил свою власть над Дербентом, но и получил в управление весь Ширван. Тонкая дипломатия дербентского эмира спасла город от разграбления войсками Тамерлана.

Археологические исследования зафиксировали рост города и восстановление его обживаемой территории с рубежа XIV–XV в. В цитадели и шахристане города проводятся большие строительные работы: в северо-западной части цитадели Нарын-кала возводится новый дворец правителя Дербента, отстраиваются и украшаются богатым порталом главные ворота южной городской стены – Орта-капы, в шахристане появляются новые караван-сараи, водохранилища и фонтаны.

В начале XV в. Клавихо писал о том, что «Тамурбек владеет двумя Железными воротами... Первые Железные ворота, которые ближе к нам, называются Железные ворота у Дербента, а другие, дальние, называются Железные ворота у Термита». Клавихо подчеркивает возросшее торгово-экономическое значение Дербента и пишет, что «Дербентские Железные ворота приносят ему (Тимуру. – *А.К.*) большой доход ежегодно. А Дербент очень большой город и к нему принадлежит также очень обширная земля».

Сопоставление археологических материалов раскопок Дербента и известных городов Золотой Орды (Сарай ал-Махруса – Селитренное городище, Сарай ал-Джедид – Царевское городище, Маджар – Маджарское городище, и др.) свидетельствуют о широких торгово-экономических контактах и культурных заимствованиях, особенно активных в конце XIII–XIV в. Наиболее близкие параллели прослеживаются в керамическом производстве. В культурных напластованиях конца XIII – начала XV вв. обнаружены характерные для золотоордынской культуры предметы вооружения и украшения (наконечники стрел, костяные обкладки луков и кольца лучников, рукоятки ножей, подвески, кольца, браслеты и др.), глазурованные плитки, майолика и кирпичи.

Крушение Золотой Орды, гибель ее городов затормозили урбанизационные процессы на обширных территориях Северного Кавказа и Предкавказья. К концу XV в. городская жизнь здесь практически повсеместно затухает и до конца XVIII в., т.е. до проникновения России на Северный Кавказ и в Предкавказье, северокавказский город как экономическая и социокультурная единица исчезает с исторической арены. Лишь только Дербент, в силу своего геополитического положения и специфики социально-экономического развития, продолжается свое существование и дальнейшую эволюцию.

С.А. Курочкина (г. Йошкар-Ола)

Некоторые группы импорта в керамике г. Сарай ал-Джедид

Значительную часть керамического комплекса Сарая ал-Джедид составляет привозная керамика. Наиболее часто встречаются импорты Северного Кавказа и Маджара, Крыма, Азака и Причерноморья, Средней Азии, Хорезма и Отрара, Руси. Фрагментарно представлена керамика Средиземноморья и Трапезунда, Мавераннахра, Ширвана, Ирана и Китая.

Северокавказская керамика в материалах Сарая ал-Джедид представлена фрагментами стенок кувшинообразных сосудов и двумя видами изделий: трехручным полупифосом-полукувшином и афтоба. Трехручный сосуд орнаментирован по всей высоте: налепные валики, наколы зубчатым штампом, лощенные волнообразные линии, лощеная ромбическая сетка, желобки-каннелюры, врезные линии. Афтоба – с шаровидным туловом, место максимального диаметра которого выделено узкой врезной линией. Горло высокое, узкое, цилиндрическое с «вздутием». Над носиком-сливом – налепной валик. Пространство между валиком и линией покрыто вертикальным полосчатым лощением. На середине горла – два налепных валика. Внешняя поверхность покрыта красным ангобом. Они идентичны северокавказской керамике (Абрамова, 1997; Малашев, 2000; Гмыря, 1984).

Керамика Маджара представлена двумя группами: с красным ангобом и лощением; пористая желтая и оранжевая. Видовой ассортимент археологически целых форм невелик: разнообразные

кувшины. Сохранился неполный профиль двуручного кувшина, внешняя сторона которого была покрыта бурым (темно-красным) ангобом и, вероятно, залощена. По основанию горла проходит орнаментальная полоса, сделанная оттиском заостренного зубчатого штампа. Внешняя поверхность больших одноручных кувшинов покрыта вертикальным полосчатым лощением. Форма сосудов одинакова: стройное яйцевидное тулово; горло раструбное; профилированный венчик отогнут наружу и косо срезан с внешней стороны. Кувшин со сливом – неполного профиля. Горло – раструбное со сливом. Под венчиком находятся два налепных валика. По основанию горла между двумя параллельными врезными полосами – ямочные вдавления. Скорее всего, вся остальная поверхность сосуда была покрыта лощением. На дне остался выпуклый знак в виде «птичьей лапки».

Русский белоглиняный кувшин со сливом отличается от золотоордынских изделий цветом и составом черепка. В месте максимального диаметра – небольшое ребро. Горло невысокое, цилиндрическое с моделированным сливом, со скругленным венчиком. Ручка прямоугольно-вогнутая в сечении с продольным желобком на внешней стороне. По горлу и плечику проходят двух- и трехрядные волнистые линии. На дне сохранился отпечаток клейма. Местом его производства могли быть, скорее всего, подмосковные или рязанские земли (Хованская, 1954).

Изделия Восточного Крыма представлены несколькими видами: кувшины, альбарелло, чаши. Сохранился неполный профиль, скорее всего, крупного тарного кувшина, внешняя сторона которого и, частично, внутренняя была покрыта бурым (красно-коричневым) ангобом. Чаще встречаются поливные изделия. Это кувшин на кольцевом поддоне, альбарелло на кольцевом поддоне с поливой салатного, желтого, темно-зеленого цвета. На внутренней стороне ангобная подгрунтовка есть только на горле. Встречаются гравировка по ангобу и рельефный орнамент.

Импорты Отрара представлены альбарелло с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Тулово – стройное, цилиндрообразное с небольшим прогибом на середине высоты; в этом месте сделано валикообразное расширение («дутый валик»). Горло – цилиндрическое с отогнутым наружу, скругленным венчиком. Тулово расширяется ко дну, образуя высокую ножку (поддон), на которой срезана фаска.

Серо- и черноглиняная керамика из Хорезма стандартных форм: кувшины, миски, фляги. Миски с вырезанными поддонами. Внешняя поверхность мисок черная, покрыта либо сплошным лощением, либо лощеным орнаментом. По морфологическим особенностям и размерам выделяются два варианта изделий данного вида. Их формы характерны для хорезмской керамики XII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989).

Самая значительная часть импортной керамики – это рядовые сосуды повседневного обихода. Исключение составляет тарная керамика, которая скорее отражает торговлю, чем переезды. Такие группы керамики, как, например, китайский селадон, могли перевозить потому, что не могли организовать их собственное производство на месте (Волков, 1995). В большинстве случаев импортная керамика не выступала самостоятельным товаром, а попадала в Сарай ал-Джедид в результате каких-либо перемещений населения по территории государства, в результате торговых операций, специально привозилась как редкий товар или по каким-либо другим причинам.

П.М. Леус (г. Санкт-Петербург)

Культовое сооружение на кургане Аржан

Своеобразные культовые сооружения тувинцев – «оваа», и связанный с ними культ, упоминаются почти всеми исследователями Саяно-Алтая. Но, несмотря на значительное количество известных материалов, они все еще не стали темой большого специального исследования. В настоящее время имеется лишь несколько небольших работ, посвященных конкретно этому культу у тувинцев (Дьяконова, 1971; 1975; Леус, 2004). Культ «оваа» распространен и у большинства других народов Центральной Азии (Вайнштейн, 1991), а особенно у монголов, где известен под названием «обон», а сами сооружения именуются «обо» (Викторова, 1971). Большинство тувинских оваа представляет собой просто груду камней, высота которой может достигать 1,5 м. В середину этой груды воткнут деревянный шест, столб или несколько больших веток, покрытые разноцветными ленточками – *чалама*. Реже встречаются оваа в виде больших шалашей из веток деревьев. Раньше ритуальные действия проводились шаманом или ламой как внутри, так и снаружи такого шалаша (Катанов, 1903). В отличие от тувинских, монгольские обо нередко представляют собой грандиозные сооружения правильной формы до 10 м диаметром и до 5 м высотой, а иногда и больше (Evans, Humphrey, 2003; Ziegler, Hogh, 2005).

Обычно, оваа сооружаются в почитаемых

местах: на горных перевалах, на речных переправах, у священных озер или источников. Небольшие оваа можно встретить практически на каждой горной вершине, словом, везде – «где обитают духи», как обычно объясняют это современные тувинцы. Подобные же объяснения были записаны Ф. Коном во время его экспедиции в Сойотию (Туву) в 1903 г.: «...ова – это алтарь «хозяина места», духа, владеющего данной местностью, которому делаются эти приношения...» (Кон 1934). В тувинском языке слово *оваа* означает именно жертвенный курган (устаревшее *обон*) или просто насыпь, кучу, груду чего-либо (Тувинско-русский словарь, 1955).

Проезжающий мимо оваа человек, обычно останавливается и делает подношение духам-хозяевам местности: в каменное сооружение укладывается новый камень или привязывается ленточка к шесту. В шалаш добавляют новые ветки или также прикрепляют ленты. Кроме этого, «духам» нередко оставляют деньги, сигареты, еду и другие мелкие приношения, кропят алкоголь.

В некоторых случаях оваа сооружаются у памятников древности, например, кургана или каменного изваяния: в качестве примера можно привести оваа возле большого кургана пазырыкского типа в Монгун-Тайге, раскопанного в 1995 г. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН (Семенов 1997). Доминирующее положение над местностью, большой курган – *пазырык* (традиционное место обитания духов) – способствовало появлению здесь оваа, у которого до сих пор проводятся различные обряды (Леус, 2004).

Очень интересное оваа было осмотрено в 2000 г. в Сут-Хольском кожууне Тувы. Оно представляет собой большой шалаш из хвороста, внутри которого установлено скульптурное изображение быка (Леус, 2004).

Подобное сооружение было описано в конце XIX в. недалеко от горы Бижиктиг-Хая в Западной Туве, причем внутри находилось известное каменное изваяние уйгурского времени «Чингиз-Хан» (Адрианов, 1888; Appelgren-Kivalo, 1931). Обычай воздвигать над средневековым изваянием какое-либо строение известен и в соседней Монголии, например, оваа в виде деревянного сруба над изваянием «Даин-батыр» (Потанин, 1883), или «фанза» над изваянием «Цаган-Кюшочило» в г. Улангом (Потанин, 1883). Около родника, находившегося в центре знаменитого кургана Аржан, «стояла часовенка», существовавшая до 20-х гг. XX в. Здесь же устраивались религиозные празднества (Грязнов, 1980).

В связи с упоминанием культового сооружения на кургане Аржан, хотелось бы вспомнить об одном интересном наблюдении, которое описал в одном из своих писем в 1888 г. профессор Аспелин. Путешествуя по долине р. Уюк, он осмотрел один из огромных курганов «аржанского» типа диаметром 95 метров, у которого, как он выяснил, тувинцы проводили в июне богослужения и большой праздник (возможно, традиционный *оваа дагыры* или *наадым*. – *П.Л.*). Как писал автор: «Посредине, на могиле, сойоты (тувинцы. – *П.Л.*) соорудили две шаманские юрты, перед которыми развевались на ветру украшенные разноцветными ленточками обрывки тряпок. В западной юрте, на алтаре стоял грубо вырезанный, раскрашенный, примерно 0,9 м высотой, идол с маленькими глазами, усами и бакенбардами (у сойотов я не видел бороды). По обеим сторонам идола находились примерно дюжина деревянных изображений животных, среди которых верблюд» (перевод мой. – *П.Л.*) (Appelgren-Kivalo, 1931). Сопровождавший экспедицию Аспелина художник Карло Вуори сделал рисунок этих «юрт», на котором отчетливо видно, что на самом деле это типичные тувинские оваа в виде шалашей из веток (Appelgren-Kivalo, 1931).

К сожалению, до конца не ясно, из какого материала был описанный Аспелиным «идол». Но все же можно утверждать, что это вряд ли было изображение Будды или кого-либо из бодхисатв, так как для их иконографии нехарактерно изображение бороды и бакенбард. К тому же, в этом случае можно было бы привезти изображение Будды из одного из ближайших ламаистских *хурээ*, а не использовать грубо вырезанное изображение. Представляется уместным предположение, что речь идет о средневековом, возможно, древнетюркском, каменном изваянии. Тем более что традиция располагать некоторые такие скульптуры внутри культовых сооружений была, как показано выше, хорошо известна. Обычай раскрашивать, одевать и «кормить» некоторые каменные антропоморфные изваяния также был неоднократно зафиксирован в Туве (Адрианов, 1888; Каррутерс, 1914; Appelgren-Kivalo, 1931). «Кормление» некоторых изваяний производится и в наше время (Леус, 2002).

Если исходить из указанного Аспелиным размера кургана – 95 м диметром и около 3 м высотой, то речь идет, видимо, не о кургане Аржан, раскопанном в 1971–1974 гг. и не об Аржане-2, раскопанном в 2000–2004 гг. Первый курган имел диаметр 120 м (Грязнов, 1980), а второй – 80 м (Čugunov, 2003). Таким образом, под описание Аспелина подходит нераскопанный курган, стоящий между Аржаном и Аржаном-2. Его диаметр около 100 м и высота около 3 м. Поверхность плоская (Čugunov, 2003), как и у всех больших курганов «аржанского» типа, так что на ней вполне могли бы разместиться несколько шалашей-оваа.

Участвуя в раскопках кургана Аржан-2 в 2000–2002 гг., мне также не раз приходилось слышать о проводившихся раньше у этих монументальных сооружений праздниках, например, традиционный *наадым*, со скачками и борьбой.

Наличие таких огромных погребальных сооружений как аржанские курганы, несомненно, делало это место особенно почитаемым среди местного населения. Это объясняет факт возникновения здесь комплекса культовых сооружений – оваа, служащих своеобразными алтарями духа (или духов) этой местности вообще и кургана Аржан, в частности.

Н.Ф. Лисова (г. Ульяновск)

Зооморфный орнамент на золотоордынской бытовой поливной керамике

В художественное убранство золотоордынской бытовой керамики Нижнего Поволжья, как и в целом, в исламский орнамент, наряду с геометрическими и растительными формами включались изображения живых существ. Обнаруженные при раскопках многочисленные образцы керамического искусства наглядно демонстрируют широкое применение этих мотивов. Изображения животных нередко встречаются и на золотоордынских монетах. По мнению Л.Л. Галкина, большинство изображений животных на монетах имеет отношение к календарной новогодней символике (Галкин, 2004).

Как известно, эти мотивы не были изобретением мусульманских художников; нередко в них наблюдают те или иные заимствования, обычно из сасанидского или китайского наследия. Однако пятивековая разница во времени и отсутствие сасанидских металлических изделий, якобы повлиявших на традиции золотоордынского искусства, ставит под сомнение непосредственное влияние орнаментов сасанидского металла на золотоордынскую керамику. Сравнительный анализ зооморфных изображений на золотоордынской кашинной керамике свидетельствует о существовании в XIV в. достаточно строгих художественных канонов в изображении животных и птиц на сосудах. Высокий уровень керамического искусства в Золотой Орде позволил мастерам-керамистам подражать декору синхронной керамики иранских и сирийских высокохудожественных фаянсов люстровой росписи и техники «минаи», изобилующей сходными сасанидскими мотивами.

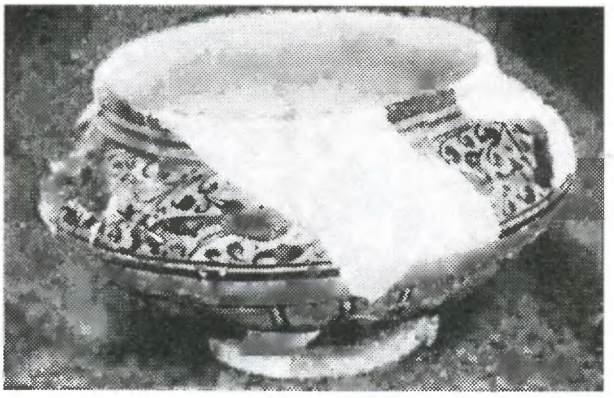
Самым распространенным зооморфным мотивом в полихромной керамике с рельефом является изображение водоплавающей птицы – утки (рис. 3, 5, 7–9). Чаши с изображением уток равномерно и довольно часто встречаются почти на всех городищах Нижнего Поволжья и далеко за ее пределами. На целиком сохранившейся чаше из Белореченского кургана на реке Белой (рис. 8) и среди находок в Азове на дне чаши имеется изображение сразу двух уток. Утки изображены в диагональной симметрии. Принадлежность их к сарайской керамике не вызывает сомнения (Перевозчиков, 1991).

Характерный образец высокохудожественной золотоордынской керамики из Куня-Ургенча описан Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1967) – ошибочно отнесен ею к хорезмийской керамике. Это широкогорлый сосуд «гюльабдан», на дне сосуда помещена фигура павлина (рис. 2). Манера исполнения птицы очень напоминает ту, которой выполнены описанные выше утки. Причина популярности изображения в восточном мусульманском искусстве павлина объясняется тем, что мусульманские мастера продолжали традиции позднеантичного искусства, для которого образ павлина был одним из самых распространенных, прежде всего для настенных росписей и мозаик.

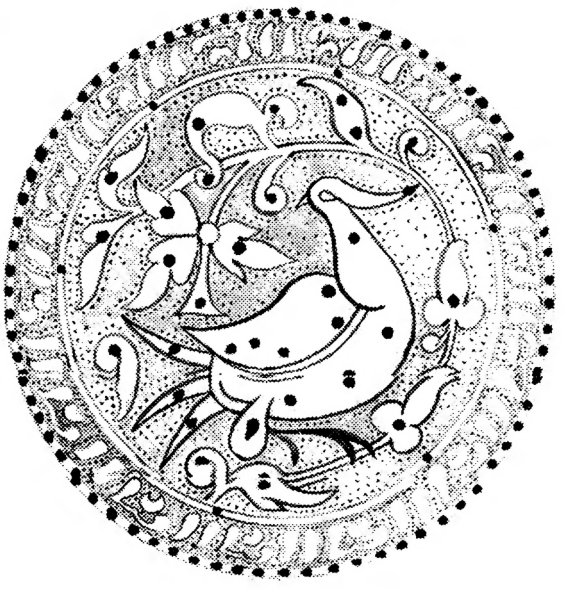
Уникальными являются целая чаша с сидящим попугаем (рис. 4) и фрагмент чаши с двумя попугаями в диагональной симметрии из фондов Азовского краеведческого музея (Перевозчиков, 1991). Форма попугая и манера исполнения также похожа на исполнение уток, отличие лишь в деталях.

Зооморфный орнамент в «тимуридской» керамике представлен изображением птицы-феникс, цапли, фазанов, драконов, показанных в профиль, включенных в пышный растительно-цветочный орнамент с трактованнымИ на китайский манер «облаками» (рис. 10) (Шляхова, 1991). Фен (Феникс) – китайский символ императрицы и невесты, выражающий идею бесконечности, бессмертия, долголетия (Сычев, 1975). Орнамент относится к числу распространенных композиций на глиняной поливной керамике домонгольского периода Средней Азии, Ирана, Кавказа. Есть изображение фазана с загнутым вниз хвостом и с распахнутыми крыльями (Шляхова, 1991). Фазан – китайский императорский символ.

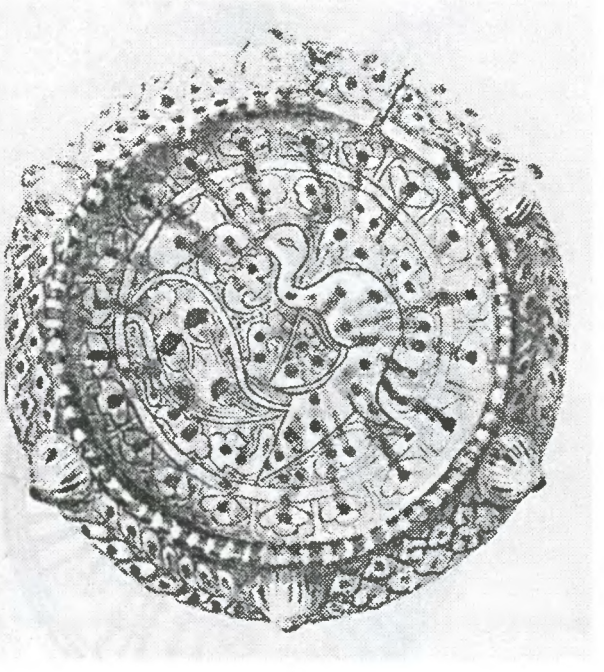
Нередки в золотоордынском орнаменте изображения идущего барса: две кашинные чаши обнаружены в Азове (Перевозчиков, 1991) (рис. 12). Львы украшали золотую посуду ахеменидской Персии и бронзы Луристана. По торговым путям эти изделия проникли на запад, в гомеровскую



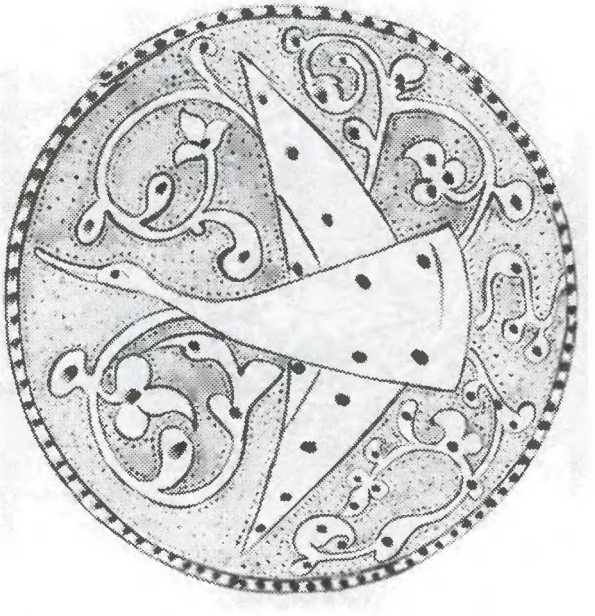
1



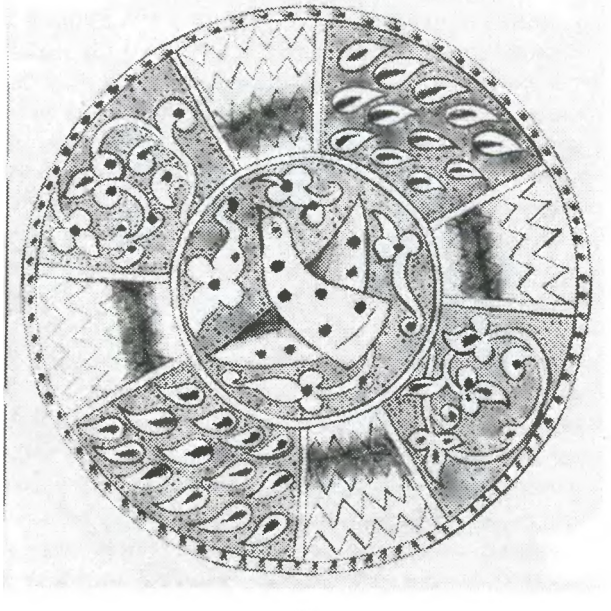
4



2

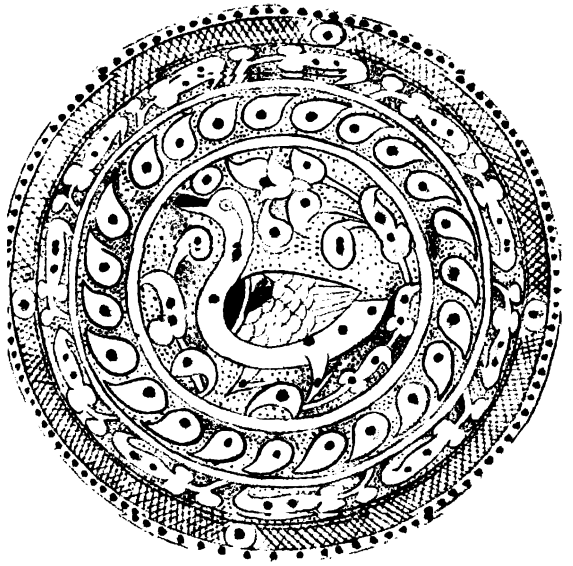


5



3

6



7

10

8

11

9

12

Грецию, и на восток, к кочевникам Горного Алтая IV века до н.э. Когда несколькими веками позже эта тема дошла до Китая, там львов заменили тиграми. В самом Иране, в Средней и Малой Азии, в Закавказье к XI–XIII вв. по каким-то неясным причинам особенно обострился интерес к различным древневосточным мотивам и прежде всего к львам и барсам (Лелеков, 1978). Фигура льва на фрагменте красноглиняной керамики занимает всю поверхность чаши (рис. 11). Поражает четкая композиция рисунка, подчиненная круглому полю, и манера исполнения: линия непрерывная и уверенная. Наиболее близкими по стилю являются изображения львов на блюдах из Ани XIII в. (Шелковников, 1957) и Дманиси (Майсурадзе, 1954). Все эти материальные памятники культуры средневековых городов Нижнего Поволжья являются бесспорным фактом, подтверждающим различное отношение к запрету изображений живых существ.

Зооморфные мотивы широко представлены в бытовой поливной керамике Нижнего Поволжья Золотой Орды, и характеризуют ее как один из развитых видов средневекового искусства нашей страны. Нет сомнения, что сюжеты золотоордынских образцов заимствованы со Среднего и Ближнего Востока, Закавказья и Крыма, но следует отметить самобытность и яркость орнаментов на бытовой керамике Золотой Орды. В золотоордынском зооморфном орнаменте нет широкого разнообразия видов изображения, но великолепное исполнение рисунка делает его самобытным и узнаваемым. Особенность золотоордынских зооморфных изображений заключается в том, что они использованы как чисто декоративные элементы. Орнаментальное искусство Золотой Орды подчеркнуто декоративно. Характерной чертой золотоордынских зооморфных изображений является расположение сюжетов среди растительных мотивов. Исключение составляет лишь чаша со львом в красноглиняной керамике. Растительные мотивы гармонируют с пластикой движения животного или птицы и усиливают выразительность рисунка. Золотоордынские мастера прекрасно владели мастерством соотношения формы предмета и его орнаментики. На примере лишь одного вида золотоордынского орнамента мы можем сделать вывод о наличии в средние века на территории нашей страны высокохудожественного керамического искусства. Керамика средневекового Нижнего Поволжья по своим художественным качествам не только не уступает, а зачастую и превосходит многие синхронные изделия, изготовлявшиеся на окраинах огромного государства Золотой Орды, где к тому времени существовали многовековые традиции гончарного производства, а также на территориях некоторых сопредельных с нею государств.

Л.Д. Макаров (г. Ижевск)

Вятка и тюркский мир: историко-археологические источники

История взаимоотношений Вятской земли с тюркскими в своей основе государствами (Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство) до сих пор остается недостаточно исследованной. Хорошо известны данные письменных источников, свидетельствующие об исключительно враждебном характере этих контактов. Вятка, как и прочие древнерусские земли, оставалась объектом агрессии южных соседей. В свою очередь, время от времени русские войска, в том числе и с участием вятчан, также совершали набеги на ордынские земли. Так местные вятские источники, достоверность сведений которых иногда ставится под сомнение, приводят ранние датировки событий (со второй половины XII в.), при этом дается перечень воинственных противников Вятской земли. В числе последних, наряду с «Российсти князи», а также «Чудью, Отяками и Черемисами», упоминаются и тюркские народы: «от Агарынского рода разных народов татар и бесермян и нагайцев снизу Волги реки и от Казанских татар и из Заказанских поселившиися тии Новгородцы Вятчане много утеснение имуще и разорение, воюеми многажды и никако же обладаеми бяху» (Повесть о стране Вятской, 1905).

А самое первое по времени достоверное известие о Вятке, относящееся к 1374 г., сообщает о нападении новгородских ушкуйников на Вятку («пограбиша Вятку»), а затем на Болгар (Приселков, 1950). Под 1391 г. летописи сообщают: «Того же лета царь Тохтамыш посла царевича своего, именем Бектута на Вятку ратью. Он же шел, Вятку взял, а людей посече, а иных в полон поведе, мужи, и жены, и дети» (Приселков, 1950). Ответный поход русские войска совершили на следующий год.

Под 1409 г. в летописях фигурирует неудачный поход Анфала Никитина на Волжскую Болгарию с участием вятчан, который был совершен в ответ на нашествие хана Едигея на Москву в 1408 г. Возникновение Казанского ханства на обломках Золотой Орды еще более усугубило нестабильную обстановку в Среднем Поволжье и Прикамье: военная угроза нависла непосредственно над Вяткой, что красноречиво подтвердили походы хана Ибрагима 1468 и 1478 гг. и ответные акции русских войск.

Однако военные кампании сменялись гораздо более продолжительными мирными периодами, чему могли способствовать и оказавшиеся в устье р. Чепцы арские (каринские) князья из татар.

Для выяснения характера взаимоотношений Вятской земли с Волжской Болгарией, Золотой Ордой и Казанским ханством известную пользу приносят археологические источники, которые уже были объектом исследования автора (Макаров, 2001). Количество болгаро-татарских материалов на вятских древнерусских памятниках невелико. Прежде всего, отметим находки 9 золотоордынских серебряных монет (определения А.Г. Мухамадиева и М.Б. Северовой). Древнейшей из них является дирхем хана Джанибека (1342–1357), обнаруженный Л.П. Гуссаковским в 1960 г. в одной из ям Никульчинского городища (определение С.А. Яниной). Здесь же найден второй предмет без изображения, но, судя по рисунку, также являвшийся монетой. Автором в 1981 г. обнаружены пять обрезанных монет хана Джанибека, имевших хождение в 70-е гг. XIV в. Все они происходят с Ковровского городища (определение А.Г. Мухамадиева). Обращает на себя внимание достаточно большой вес этих монет, что свидетельствует о раннем периоде их обрезывания, вызванного самым началом чеканки в Сарае более легких изделий, начиная с 762–772 гг. х. (1360–1370 гг.) (Мухамадиев, 1983). Таким образом, на Вятку эти монеты попали, очевидно, в самом конце 1360-х – начале 1370-х гг. Еще одна монета найдена в 1979 г. в яме 18 Никульчинского городища. Она чеканена, по определению М.Б. Северовой, в г. Болгаре от имени Улу-Мухаммеда в 1419–1436 гг. Вес ее – 0,69 г, что свидетельствует, в какой-то мере, о самом раннем периоде его руководства Ордой (до 1422/1423 г.). Позднее, вернувшись во власть, Улу-Мухаммед возобновил чеканку своих монет уже с более низкой весовой нормой (Мухамадиев, 1983). С этого же памятника происходит серебряная монета, на о.с. которой имеется изображение в виде лиры. Судя по всему, принадлежит данная монета к болгаро-татарской чеканке (1419–1445 гг.), поскольку известны номиналы ханов Гияс ад-Дина и Улу-Мухаммеда, о.с. которых имели изображения лировых тамг, обозначавших, по мнению А.Г. Мухамадиева, казанский монетный двор (Мухамадиев, 1983). Помимо монет на Ковровском городище найдена свинцовая круглая гирька, имеющая, по-видимому, болгарское домонгольское происхождение.

Кроме денег и торгового инвентаря на городских поселениях Вятской земли обнаружены и другие находки, связанные происхождением с Золотой Ордой. В их числе некоторые украшения, в частности, стеклянные бусы XIII–XIV вв., каменная вставка к перстню; золотая пуговица в виде шарика с петелькой, медная бляха миндалевидной формы с литым растительным узором и арабской вязью.

На Вятку попали отдельные ордынские бытовые вещи: части бронзовых замочков в виде коня, железная фигурная пластина – деталь сумки; пара костяных щипчиков с циркульным орнаментом. Степное происхождение имели некоторые типы наконечников стрел XII–XIV вв. Найдены также костяные накладки от колчанов XII–XIV вв. и фрагмент бронзового ремесленного разделителя X–XII вв.

На вятских поселениях обнаружена также керамика южного происхождения. В числе находок в Хлынове – фрагменты четырех высокогорлых сосудов серого цвета. По определению Н.А. Кокориной и Д.А. Салангина такие кувшины попали сюда из степей Нижнего Поволжья и датируются домонгольским временем. Небольшая коллекция фрагментов превосходно обожженной посуды ярко-оранжевого или серого цвета выявлена на памятниках близ устья р. Моломы. В Котельниче обнаружено два фрагмента керамики коричневого цвета с лощением. Посуда такого облика может датироваться XIII–XIV вв., истоки ее находятся в болгарской посуде домонгольской поры (Хлебникова, 1984). Наибольшее количество подобной керамики происходит с Ковровского городища. В фондах Кировского краеведческого музея хранится обломок болгарского сосуда красно-коричневого цвета, найденный на Орловском городище и орнаментированный врезными линиями и ямками.

Подавляющая часть находок, включая керамику, попала на Вятку как результат торговых контактов и использовалась здесь местным нерядовым населением. Постоянное татарское население появляется на Вятке, по-видимому, лишь вместе с арскими князьями не ранее середины XV в., т.е. после образования Казанского ханства. При этом оно сосредоточилось к востоку от Хлынова – в междуречье Вятки и Чепцы вокруг Карино. Исследование этого района пока результатов не принесло. В то же время из источников хорошо известно, что вплоть до середины XVI в. татары проживали в городах региона. Вероятным маркером этого является, по-видимому, так называемая «татарская» керамика (Салангин, 1999), выявленная по материалам Казани, Москвы, Подмосковья, Чердыни, и Вятки. Проблема существования булгаро-татарского компонента на Средней Вятке, как впрочем, и во многих других районах Прикамья, требует дальнейшей разработки.

А.Н. Масловский (г. Азов)

Кочевники в золотоордынском Азаке

Одна из основных проблем золотоордынской археологии – это вопрос о роли, которую сыграли кочевники в процессе быстрой урбанизации восточноевропейской степи и об их удельном весе в жизни новых городов. На мой взгляд, предварительно, до создания обобщающей концепции необходимо решать этот вопрос на материалах отдельных центров. Азак интересен в плане такого анализа тем, что раскопками затронуты почти все городские районы, что позволяет достаточно полно представить его структуру.

Основная сложность состоит в выделении в городе кочевнических древностей. Для объективной оценки нужны не отдельные вещи или комплексы, а массовый материал. По мнению автора, подходящим объектом являются остеологические находки. Основу мясного питания кочевников, как известно, составляли конина и в меньшей степени баранина. Это объясняется составом стада, пригодного для ведения кочевого скотоводства. По этому признаку кочевники резко выделялись на фоне других этнокультурных групп. Например, Ибн-Баттута отмечает «конину, которую они едят больше всякого (другого) мясного» (Тизенгаузен, 1884) и упоминает употребление в пищу конины кипчаками 8 раз. Кулинарные пристрастия не изменялись длительное время и после перехода кочевников к оседлости. Например, в Казани, в слое ханского периода по числу особей лошади находятся на первом месте (Петренко, Асылгараева, 2000). Этот факт нельзя объяснить выбраковкой боевых коней. Она не смогла бы обеспечить крупный город мясным питанием. Предпочтение конины говядине и более высокая ее цена отмечены турецкими и западноевропейскими источниками и для татар Крыма XVII в. (Прохоров, 2001).

Анализ остеологического материала из археологических раскопок, постоянно ведущийся сотрудниками Азовского музея-заповедника, позволил выделить значительную серию комплексов с преобладанием костей лошади на ряде раскопов, вытянутых цепочкой в узкой полосе вдоль восточной окраины города. Они разительно отличаются от куда более многочисленных материалов из центральных районов Азака, где основу мясного питания, в пересчете числа особей на убойный вес, составляла говядина и в меньшей степени баранина. Кости лошади, за единичными исключениями, здесь малочисленны.

Восточные окраины начинают заселяться не ранее 1320-х гг., когда город уже достигает своих максимальных размеров, и забрасываются в основном в 1340–1350-х гг. Плотность застройки и, соответственно, численность населения здесь значительно меньше, чем в центре города. В этой же узкой полосе на восточной окраине сделаны находки 5 онгонов, единственного юртообразного жилища, 2 грунтовых кочевнических погребений, костяной наконечник стрелы домашнего производства. За пределами этого района такие находки неизвестны.

Керамические материалы из этих комплексов отличаются небольшим количеством поливной керамики, особенно импортной. Единичны здесь находки других категорий вещей (стеклянных бус, стеклянной посуды, костяных изделий ремесленного производства и др.), что говорит о бедности жителей этих районов.

Следует также сказать, что в окрестностях Азака нет курганных могильников золотоордынского времени. Немногочисленные одиночные курганы и впускные погребения находятся преимущественно на периферии его округи. За исключением двух вышеупомянутых комплексов отсутствуют кочевнические погребения и на городских некрополях. Немногочисленны они и на грунтовых могильниках дельты Дона, оставленных оседлым населением, занимавшимся, вероятно, преимущественно рыболовством.

Изучение материалов, полученных при раскопках Азака, позволяет сделать вывод, что кочевники не участвовали в создании города и в сложении его культуры. Они появляются в уже крупном городе и заселяют окраинный участок. Их доля в городском населении невелика. В социальном плане кочевники явно относятся к бедноте. Та малочисленная группа аристократов кочевого происхождения, которая, вероятно, проживала в городе хотя бы временно, археологически неуловима. Невелика и роль кочевого скотоводства в обеспечении города мясом. Горожане имели иной источник снабжения. Скот кочевников для горожан являлся в большей степени источником кожевенного сырья. Намного труднее решить вопрос о том, в какой мере город был заинтересован в кочевниках как в потребителях ремесленной продукции.

Все эти данные позволяют считать, что роль кочевников в жизни золотоордынского Азака была невелика.

Д.Н. Маслюженко (г. Курган)

Сибирский улус шибанидов в составе Золотой Орды: от единства к расколу (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.)

При проведении государственной структуризации Улуса Джучи после окончания западного похода в числе прочих был выделен особый улус младшему брату Бату Шибану. Данное этнополитическое образование сыграло в дальнейшем немаловажную роль как в истории самой Золотой Орды (особенно в годы «Великой замятни»), так и восточной части евразийских степей в целом, однако его внутренняя история остается малоизученной.

По завершении западного похода в 1242 г. Бату за храбрость отдал Шибану четыре омака (кошчи, найман, буйрек и карлык) из своих подданных. Улус Шибана был определен таким образом, чтобы "летом ему пребывать возле гор Уральских и реки Яиджика..., а зимой около Каракума и Аракума (Абулгази, 1768; Материалы по истории казахских ханств, 1969). Одновременно с этим Орда-Ичен также «должности своей быть нашел, чтобы некоторым образом наградить добрую услугу брата своего Шейбана, подарил ему 15 тысяч фамилий» (Абулгази, 1768). По всей видимости, у нас нет объективных данных для расширения территории улуса в этот период на земли Зауралья и Сибири.

После смерти Шибана (предположительно в ходе конфликта Бату-хана с Гуюк-кааном) верховными властителями улуса становятся его сын Бахадур-хан, затем внук Джочи-Бука-оглан, правнук Бадакулл-оглан. Махмуд бен Вали пишет, что Бахадур-хан собрал родственников и близкие племена и «выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда» (Материалы, 1969; Абулгази, 1768).

В правление прямых потомков Шибана в течение второй половины XIII в. произошло несколько важных событий. По всей видимости, в правление Бахадур-хана на Яике был основан г. Сарайчик, что было связано с потерей важной торговой области с г. Сыгнак (Ахмедов, 1965). Возможно, эти события были связаны с не до конца выясненной ролью шибанидов в конфликте Берке с Хулагу как выражении центробежных тенденций в Монгольской империи. Впрочем, уже при Менгу-Тимур-хане территория была возвращена (Костюков, 1996).

Наиболее острый внешнеполитический кризис разгорелся в улусе шибанидов в правление Бадакулл-оглана (по всей видимости, последняя четверть XIII в.). Махмуд бен Вали пишет, что «холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории», но затем «...свеча жизни... была задута взмахом края вражеского рукава» (Материалы, 1969). Таким образом, в его правление в улусе разгорелся кризис, в ходе которого оглан был убит. Данный период вообще не был спокойным для Золотой Орды: одновременно совпало усиление власти Кончи и борьба с беклярибеком Ногаем (Сафаргалиев, 1996).

Скорее всего, именно проблемы на южных границах в период правления в Сарае Тохта-хана, которые постоянно учитывались в политике шибанидов, приводят к началу постепенного расширения улуса на север, в лесостепь Западной Сибири. Возможно, эти события связаны с деятельностью Минг-Тимур-хана, сына Бадагул-оглана. В «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали сообщается, что, завершив многие дела, он «вступил на черту завоевания и овладения многими странами» (Материалы, 1969).

В 1312 г. при Узбек-хане вольности местных династий джучидов, в том числе шибанидов, были прекращены, о чем сообщает летопись Элташкенди (Тизенгаузен, 1884). Утемиш-хаджи указывает, что шибанидам сохранили двусоставной улус из племен карлык и буйрак и пожаловали земли у Ак-Куля (Утемиш-хаджи, 1992). При этом у преемника Минг-Тимур-хана Пулада источники титула не указывают (Материалы, 1969). По всей видимости, именно в период правления сыновей Минг-Тимур-хана (первая половина XIV в.) происходит раскол единого улуса шибанидов.

У Минг-Тимур-хана было шесть детей. Наследником считался третий сын Пулад, который получал в управление исконные земли улуса. В дальнейшем ханами здесь становятся лишь его потомки, причем он делит свой улус на две части: Ибрахиму (Аба-оглану) и Арабшаху. Одновременно с этим младший сын Минг-Тимур-хана Бекконди у Абу-л-Гази упоминается как государь земли Туран, где он правил в течение 40 лет (Абулгази, 1768). Ал-Калкашанди под Тураном занимал огромную территорию, разделенную на три части: к первой относились Мавераннахр и Туркестан, ко второй – Хорезм и Кипчак, к третьей – владения великого монгольского хана, подходившие вплотную к Иртышу (Григорьев, Фролова, 2002). Анализ политической ситуации позволяет предположить, что власть шибанидов была ограничена лишь северными и северо-западными землями восточной части степей Дешта. Таким образом, поскольку потомки Пулада правили землями у Яика, то удел Бекконди мог быть расположен

лишь в земле Сибир, то есть в Южном Зауралье. Резонно согласиться с мнением В.В. Бартольда, считавшего название область Тура идентичным Сибири (Бартольд, 1964). Кроме того, именно Бекконди стал основателем сибирской ветви шибанидов.

В правление Джанибека бен Узбека самостоятельное положение улусов начинает восстанавливаться. В это время потомки Орды начинают борьбу за независимость улуса, что затрагивает интересы остальных джучидов. Начало второй половины XIV в. совпало с кризисом на всей территории империи и дестабилизацией обстановки в широком поясе евразийских степей. Это выразилось в восстании 1352–1360 гг. в Китае (уничтожение власти каана и монгольской династии, отступление монголов обратно в степи), в потере большей части царства иль-ханов в Персии и начале Великой замятни в Золотой Орде, продолжавшейся с 1359 по 1379 гг. (Вернадский, 2001). Истощение дома Бату позволило принять участие в борьбе за трон представителям домов Шибана, Орды и Тука-Тимура. Сибирская ветвь шибанидов оказалась на некоторое время на периферии этой борьбы, почти не вмешиваясь в политические столкновения и расширяя свою власть в Зауралье. В то же время необходимо подчеркнуть, что борьба за трон Великого хана для перечисленных династий была продолжением борьбы друг с другом за главенство в степях. Существовал и определенный внешнеполитический фактор (развал Чагатайского улуса и отток номадов на соседние земли), который подстегивал восточных ханов к борьбе за Сарай и расселение там части подвластных кочевников (Трепавлов, 2002).

И.В. Матюшко (г. Оренбург)

К вопросу о погребальном обряде кочевников золотоордынского времени на Южном Урале

Погребальный обряд золотоордынского времени на Южном Урале представлен разнотипными группами захоронений. Некоторые из них являются уникальными и не имеют прямых аналогий в круге памятников средневековых кочевников евразийских степей. Особого внимания заслуживают средневековые комплексы у с. Шумаево в Оренбургской области (Моргунова и др., 2002). Анализ погребального обряда и погребального инвентаря проводился по типологии Г.А. Федорова-Давыдова, В.А. Иванова, В.А. Кригера. Выделяются три группы погребений, которые датируются золотоордынским временем.

Первая группа – курганы со рвами и северной ориентировкой человека (I Шумаевский КМ, курган 6 и курган 5). Это земляные курганы, насыпь которых окружал ров. Рвы были глубокими и широкими, имели форму концентрических кругов с разрывами – перемычками, ориентированными, с небольшим отклонением, по сторонам света (рис. 1). В заполнении рвов встречались кости крупного и мелкого рогатого скота, птиц, рыб, присутствовала кость верблюда. По кругу лежали шесть черепов лошадей, которые принадлежали полувзрослым особям в возрасте от двух до трех лет (определения Н.В. Росляковой). В насыпи одного из курганов было зафиксировано кострище.

В центре подкурганных площадок находились погребения в простых прямоугольных ямах, вытянутых по линии север-юг. Оба погребения были разрушены. Восстанавливаемая поза погребенных – трупоположение на спине, головой на север, с отклонением к северо-востоку. По антропологическим данным, в этих курганах были захоронены люди монголоидной расы (мужчина в возрасте 40–50 лет в кургане 6 и старая женщина в кургане 5) (Хохлов, 2003). Инвентарь представлен предметами вооружения, конской упряжи, быта, принадлежностями одежды, украшениями и датируется второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. По общим этнокультурным показателям эти комплексы схожи со средневековыми курганами, исследованными на юге Западной Сибири, которые датируются концом I – началом II тыс. н.э. и связываются исследователями с тюркскими племенами, входившими в конце I тыс. н.э., в конфедерацию кимако-кыпчакских племен (Илюшин, 1994).

В Волго-Уральских степях сооружение таких рвов по археологическим материалам до сих пор не было известно. По письменным источникам сохранились описания курганов с кольцевидными рвами, имеющими перемычки, расположенных на территории Западного Казахстана и Оренбургской области (Кастанье, 1910). На юге Западного Казахстана было зафиксировано два кургана, окруженных рвами шириной 3 метра. Один из них был раскопан (Тасмола IV), он содержал погребение с северной ориентировкой человека и золотоордынский материал (Кадырбаев, Бурнашева, 1970).

Вторая группа – погребения с юго-восточной ориентировкой погребенных. Представлено впускным захоронением (II Шумаевский КМ, курган 6, погребение 5) и основным погребением (II Шумаевский КМ, курган 11). Насыпи курганов были земляные. Впускное захоронение женщины совер-

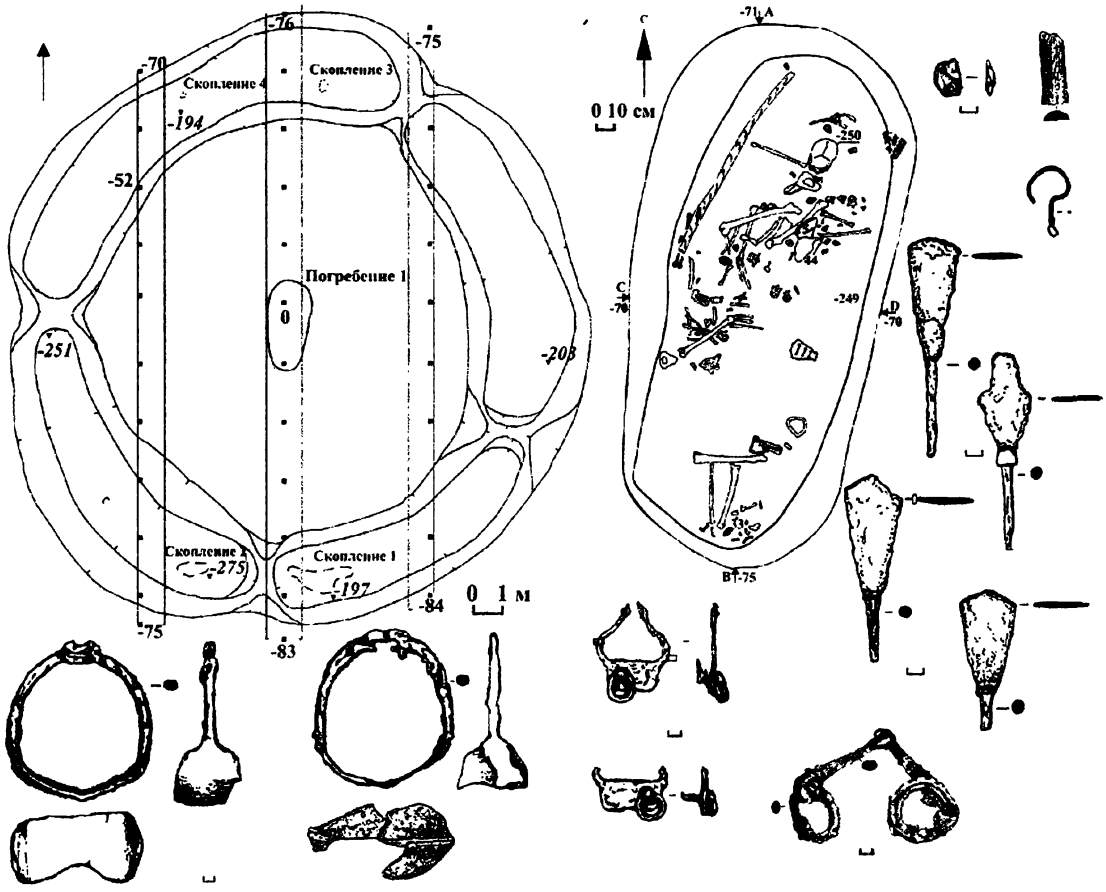


Рис. 1. Шумаево КМ I. Курган 6. Погребение 1.

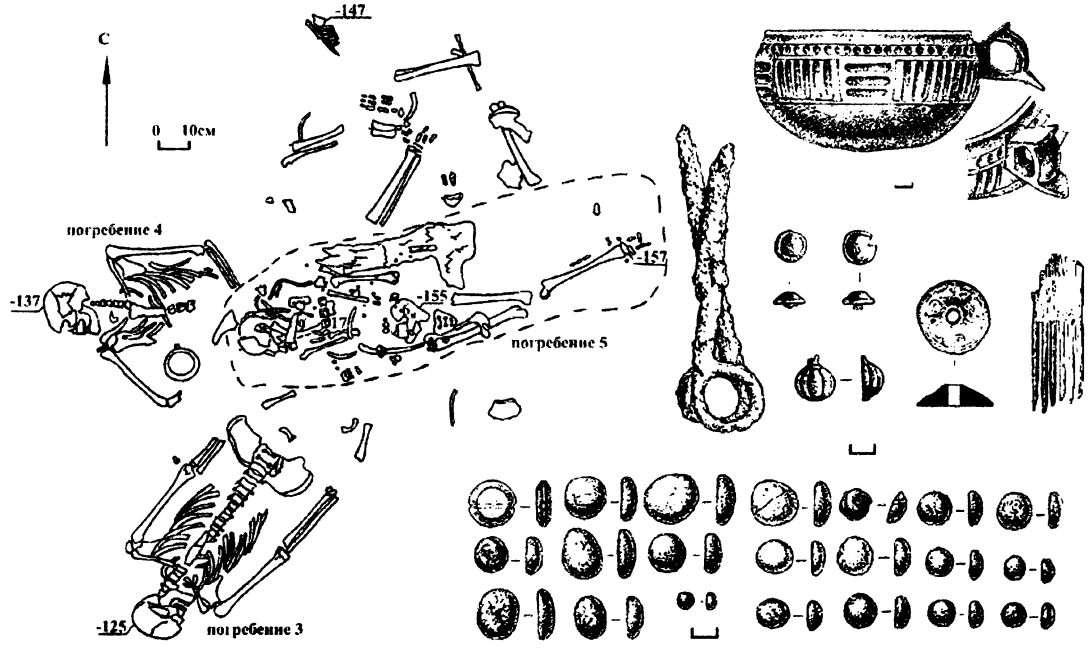


Рис. 2. Шумаево КМ II. Курган 6. Погребение 5.

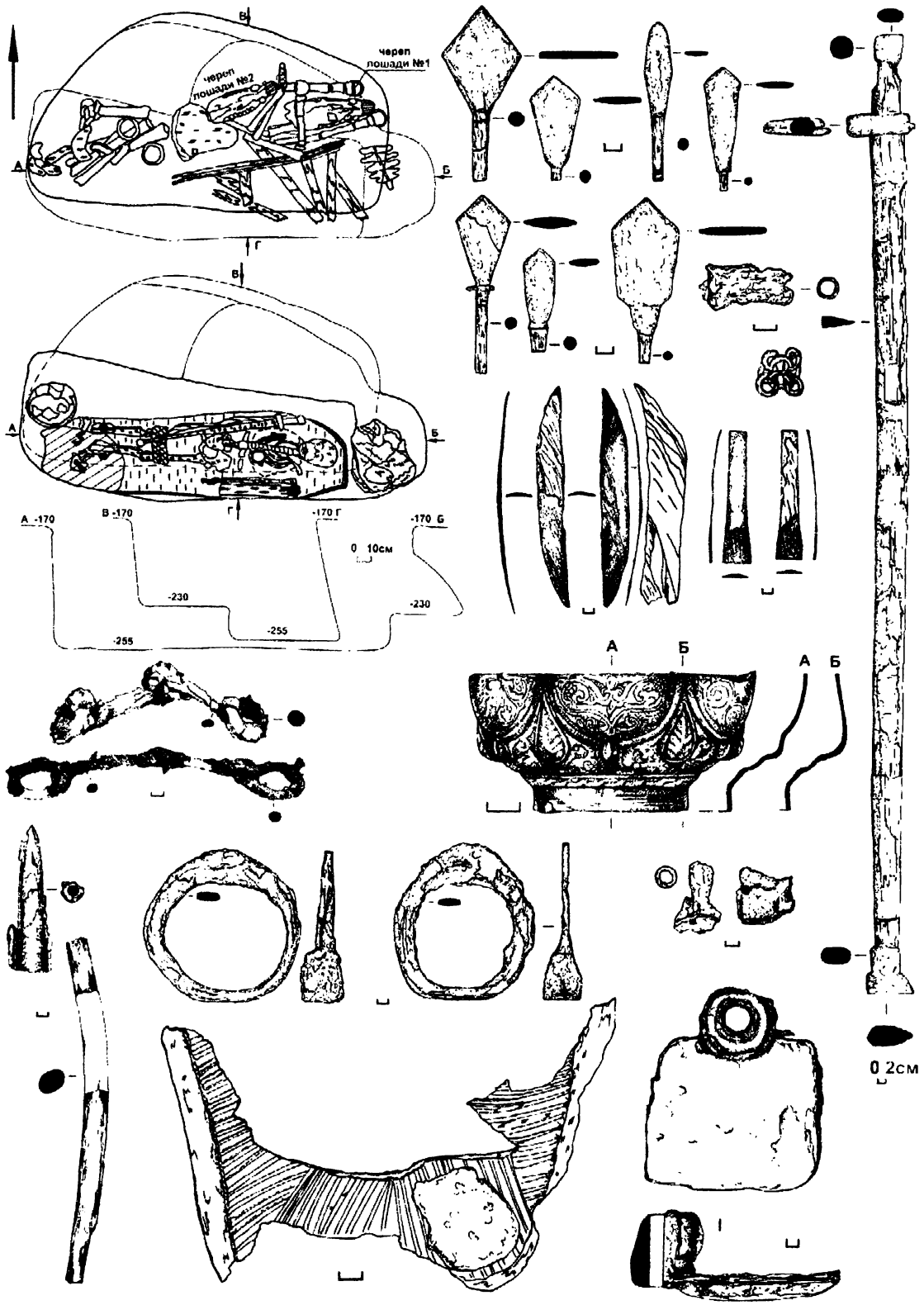


Рис. 3. Шумаево КМ II. Курган 7. Погребение 5.

шено в яме овальной формы, вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицом на юг (рис. 2). Женщина была завернута в ткань тонкого плетения и помещена в луб из коры. Сохранились фрагменты одежды. Погребальный инвентарь представлен бронзовым сосудом с ручкой в виде головы птицы, свинцовой ворворкой; пуговицами из обсидиана, халцедона, серпентинита, бронзы, двусторонним деревянным гребнем, железными шарнирными ножницами. Женщина принадлежит к европеоидной расе (Хохлов, 2002). Приемы стилизации сосудов в виде скульптур птиц в Иране и Согде известны по находкам торевтики в памятниках раннего средневековья, в Евразийских степях они появляются в золотоордынское время. Сочетание ножниц и гребня в комплексе является характерным элементом женских погребений XIII –XIV вв.

В кургане 11 зафиксирована небольшая земляная насыпь, в ней встречены кости животных, захоронение совершено в простой прямоугольной яме, перекрытой деревянным настилом. Погребенный лежал на спине, прямо, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль тела. Инвентарь представлен кольчатыми двусоставными удилами, железным наконечником стрелы XII–XIV вв., костяной пуговицей. В погребении был захоронен мужчина европеоидной расы в возрасте 35–40 лет. (Хохлов, 2002). Данная группа погребений находит аналогии среди памятников Волго-Уральских степей XIII–XIV вв. н.э.

Третья группа представлена уникальным впускным погребением средневекового кочевника, останки которого пытались сохранить с помощью ртути (II Шумаевский курганный могильник, курган 7 погребение 5) (рис. 3). Погребение совершено в яме со ступенькой вдоль северной стенки, на которой на деревянных жердях были уложены в анатомическом порядке черепа и кости ног двух коней. Кони были взнузданы и один оседлан. Под перекрытием на дне ямы на деревянных носилках лежал вытянуто на спине головой на восток скелет взрослого человека. Голова погребенного была обмотана несколькими слоями шелковой ткани, сверху обмазана глиной и накрыта льняной тканью. Кости рук и ног также были обмазаны глиной. Скелет принадлежит мужчине в возрасте 40 лет типично монголоидной расы центральноазиатского типа (определение Л.Т. Яблонского). Дополнительные паталого-анатомические исследования останков погребенного (В.К. Филиппов) позволили установить факт освобождения от мягких тканей и обмазку костей умершего глиной, в которую добавили ртуть, вероятно, для того чтобы приостановить процесс разложения костного мозга. Можно предположить, что вскрытие брюшной полости и освобождение от внутренних органов также способствовало приостановлению процесса разложения. Обряд отделения костей от мышечных тканей и консервация костей умершего с помощью ртути является уникальным в круге памятников средневековых кочевников степей Евразии.

Инвентарь представлен богатым и разнообразным комплексом воинского снаряжения, ярким образцом торевтики. В комплексе сочетаются черты домонгольского кыпчакского погребального обряда и инвентаря монгольского времени.

Таким образом, средневековые материалы Шумаевских курганов открывают новые аспекты в истории кочевников степей Евразии золотоордынского периода.

К.Ю. Моржерин (г. Саратов)

Мавзолей у с. Царевщины Саратовской области

Памятник находится между селами Балтай и Царевщина Балтайского р-на Саратовской обл., в 2 км к востоку от первого и в 3 км к северо-западу от второго. Он занимает небольшую возвышенность у края неширокой надпойменной террасы левого берега р. Кочелай.

В середине 70-х гг. XX в. мавзолей был разрушен с использованием бульдозера местными жителями в кладоискательских целях. Ко времени осмотра автором в 1991 г. он представлял собой руины с бульдозерной ходкой по центру и полностью разрушенной северной частью, с мощными отвалами, насыщенными строительными материалами – обоженным кирпичом и камнями фундамента. В ходе работ удалось зафиксировать, что в позднем средневековье происходила выемка целого кирпича с площади мавзолея. Длина сохранившегося участка по линии юго-запад – северо-восток равна 16 м при высоте 0,7 м от современной поверхности.

В результате двух лет исследований (2000 и 2002 гг.) остатков мавзолея у с. Царевщины, удалось установить параметры здания и соотнести его с определенным типом культовых зданий золотоордынского периода. Здание имело прямоугольную форму, длина его (по фундаменту) составляла 14 м, ширина 9,1–9,3 м (сужаясь в северном направлении), длинными сторонами оно ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Мавзолей содержал две камеры: собственно

усыпальницу («гур-хана») с подземным склепом и место оплакивания («зиярат-хана»), с южной стороны примыкающее к усыпальнице. По планировке памятник можно отнести к 4 группе по классификации золотоордынских мавзолеев Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1994). Вход в помещение усыпальницы находился в северной стене здания. В западной стене, на стыке стен «гур-ханы» и «зиярат-ханы» располагался вход в зал места оплакивания. Общая площадь мавзолея около 134 м^2. По обнаруженным предметам мавзолей можно датировать второй половиной XIV в.

По периметру стен (на сохранившихся участках) фиксируется цоколь из щебня с глиняным раствором. По всему внутреннему пространству зафиксирован ровный пол из глины, покрытый сверху слоем извести. Под глиняным полом выявлен сплошной фундамент, сложенный из крупных песчаниковых камней, промежутки забутованы обломками кирпичей и залиты глиняным раствором. Мощность фундамента разная: под «зиярат-ханой» 1-2 слоя камней, под «гур-ханой» 2-4 слоя. Под фундаментом, на опочном щебне материка, зафиксирован слой извести, а на ней – черной земли.

В помещении усыпальницы, в ее средней части был выявлен склеп, углубленный в материк и имеющий вид зала. Три широкие ниши и коридорообразный вход придавали залу крестообразную планировку. Склеп имел отдельный вход с восточной стороны здания. Вниз вели ступени в квадратную комнату и коридор склепа. Ступени и комната размещались вне фундамента здания. Внешние размеры склепа: ширина в средней части 7,5 м, длина около 7 м, толщина стен 1,2 м. Он заглублен на 1,4 м от уровня пола усыпальницы. Стены и дно склепа сложены из целых кирпичей. Пол выложен в один слой целого кирпича.

При строительстве мавзолея использовались целые обожженные кирпичи и их половины. Найдено также семь узких (в половину целого) облицовочных кирпичей со скошенными верхними боковыми гранями, причем два найдены на внешней стороне здания. На многих кирпичах сохранился слой известковой штукатурки, вероятно, была оштукатурена внутренняя поверхность стены. На полу склепа обнаружены обломки алебастровых парусов и блоки штукатурки, что может свидетельствовать о наличии купола над центральной частью здания.

На полу «гур-ханы», ближе к стенам, выявлены остатки 4 ступенчатых надгробий, расположенных перпендикулярно длинным сторонам здания и ориентированных по линии юго-восток – северо-запад. Под надгробиями погребений не было. Остатки 4 погребений обнаружены на дне склепа. Из них 3 были полностью разрушены бульдозером, они фиксировались только по древесному тлену от гробов (2 в южной нише, 1 в восточной нише) и в западной нише сохранились остатки детского захоронения. Детское погребение (девочка 7–9 лет), совершено в дощатом гробу, головой ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Доски стенки скреплены с дном железными гвоздями, по углам – пластинчатые железные скобы. Костяк находился в переотложенном состоянии. В районе спины найдены три нашивки из золотой фольги с тисненым изображением шестилепестковой розетки. Около погребения найдены остатки шерстяного савана красного цвета, шитого по краям бронзовыми нитями в виде S-видных растительных побегов.

При разборке насыпи и внутреннего пространства здания обнаружены кости разрушенных взрослых и детского скелетов. Там же найдены остатки от тризн, включающие фрагменты красноглиняной золотоордынской гончарной посуды и венчик лепного сосуда мордовского облика, а также кости мелкого и крупного рогатого скота, череп лошади, разрубленный поперек, кости рыбы и скорлупа лесных орехов. В переотложенном состоянии, в заполнении и на дне склепа найдены: серьга в виде знака вопроса из золотой проволоки с жемчужиной на конце, перстень сердоликовый с плоским срединным щитком, на котором процарапана трехстрочная арабская надпись, прочитанная О.Г. Большаковым как: «Аллах/ любовь/ благожелательность (благосклонность)», бусы из сердолика и стекла, пряжка овальнорамчатая бронзовая с позолотой, обойма с кольцом, обломки калачевидного кресала, железный нож и др.

Наиболее близкую аналогию внутреннего устройства усыпальницы (подземный склеп) мы находим среди культовых зданий Наровчатского городища, в Пензенской области, из раскопок А.Е. Алиховой в 1960 г. Подобный склеп, по планировке и размерам, имеется в северном помещении мавзолея 1 и датируется началом XV в. Автор отмечает его близость со склепами Азербайджана (Алихова, 1973).

Е.П. Мыськов (г. Волгоград)

Водянское городище в конце XIV в.*

По мнению большинства исследователей, во время ожесточенных внутренних усобиц 60–70-х гг XIV в. Водянское городище находилось в состоянии тяжелого экономического кризиса. Этот период обычно рассматривается как начало заключительного этапа развития золотоордынских городов Нижнего Поволжья и характеризуется постепенным затуханием и упадком градостроительства. В 1395 г. Водянское городище было разрушено войсками Тимура (Чекалин, 1888; Толмачов, 1889; Зайковский, 1908; Егоров, 1980). Об этом свидетельствуют повсеместные следы большого пожара, а также своеобразные братские могилы у полуразрушенных домов, куда сносили трупы погибших горожан, чтобы здесь закопать или просто присыпать развалами стен. В результате жестокого погрома город остался лежать в развалинах и после этого не восстанавливался (Мухамадиев, 1974; Егоров, 1985; Федоров-Давыдов, 1994).

Археологические материалы, полученные за последние 15 лет в результате планомерных раскопок Водянского городища, позволяют не только конкретизировать, но и существенно скорректировать существующие представления о финальных этапах развития этого средневекового города. Прежде всего, стало ясно, что кризисная ситуация, сложившаяся в 60–70-х гг. XIV в., повлекла за собой не просто сокращение объемов ремесленного производства и торговли, но и привела к практически полному запустению города. Пулы 70-х годов XIV в. составляют лишь доли процента от общего объема многочисленных нумизматических находок. Среди сотен жилых и хозяйственных сооружений, исследованных к настоящему времени на Водянском городище, только 2 или 3 можно относительно уверенно датировать пределами конца 60-х–начала 70-х гг. XIV в. Почти все ранние общественные здания в то время находились в запущенном состоянии. Именно в начале 70-х гг. XIV в. полностью прекращает существование русский квартал: его население покидает город и не возвращается даже во время политической и экономической стабилизации при хане Токтамыше.

В начале 80-х гг. XIV в. на Водянском городище была развернута широкомасштабная строительная деятельность. Удалось установить, что город эпохи Токтамыша полностью перекрывал культурные напластования 20-х–70-х гг. XIV в. Перед началом строительства все более ранние жилые постройки, хозяйственные сооружения и ямы были практически полностью разобраны или засыпаны, после чего провели сплошную планировку поверхности с использованием больших объемов привозного грунта. Новые городские кварталы возводились в исторически короткие сроки. Несомненно, они строились по единому плану, отличались правильной уличной планировкой и очень высокой плотностью застройки. Хотя общая площадь города эпохи Токтамыша была намного меньше первоначальной и не превышала 15 га, вряд ли можно говорить о существенном сокращении городского населения. Более ранние постройки, находящиеся за пределами новых кварталов, постепенно разрушались в силу естественных причин или разбирались на кирпич для строительных нужд. Почти все строительные материалы, применявшиеся в то время, явно вторичного использования.

Следовательно, можно утверждать, что в годы правления Токтамыша на Водянском городище было осуществлено не восстановление остатков старой городской структуры, а фактически организовано строительство нового города. Именно поэтому градостроительную деятельность хана Токтамыша следует расценивать как явление, безусловно, прогрессивное по сравнению с предшествующим периодом катастрофического упадка.

Судя по нумизматическим находкам, город, построенный на месте Водянского городища в годы правления хана Токтамыша, просуществовал не более 15 лет. Он был разрушен и сожжен войсками Тимура в 1395 г. Эта дата надежно устанавливается на основе большого клада серебряных монет, обнаруженного в тандыре одного из сгоревших домов. Весьма показательно, что в результате многолетних исследований городских кварталов эпохи Токтамыша не удалось обнаружить никаких следов ожесточенного штурма и уличных боев в виде человеческих останков, наконечников стрел и т.п. Скорее всего, никакого серьезного сопротивления агрессорам со стороны местного городского населения организовано не было. Город, очевидно, был просто сдан и сожжен, а население рассеяно или угнано в плен. Что же касается находок человеческих останков в одном из домов, исследованных ПАЭ в южной части Водянского городища, то наиболее вероятно, что это обычное кладбище конца XIV в., расположенное на значительном удалении от жилых кварталов этого времени (Мухамадиев, 1974).

К настоящему времени на Водянском городище удалось исследовать несколько жилых построек, которые на основе данных прямой стратиграфии можно с полной уверенностью датировать

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-20000а/В.

временем после 1395 г. Следовательно, вплоть до начала XV в. здесь продолжали проживать небольшие группы оседлого городского населения. Об этом же свидетельствует и небольшая серия медных монет, выпущенных в обращение после трагических событий 1395 г.

Н.Г. Набиуллин (г. Казань)

Золотоордынский Джукетау

Джукетау (археологические остатки расположены около современного г. Чистополя Республики Татарстан) – один из немногих закамских городов булгар, выживших после монголо-татарского нашествия. Значительный экономический потенциал в домонгольское время, меньшие масштабы непосредственно погрома города (?), почти полное отсутствие ближайших крупных городов-конкурентов и другие причины привели к его расцвету в первой половине XIV в.

В золотоордынское время Джукетау был одним из крупных городских, в том числе ремесленных центров Волжской Булгарии, имел большие территории в сфере экономического и политического контроля. Город был одним из значительных центров камского торгового пути и был известен в международном масштабе: кроме древнерусских летописей, указания на него имеются на географических картах Старого Света XIV в. На рубеже XIV–XV вв. усиливается процесс децентрализации, выделяются культурно-экономические и, очевидно, политические центры на территории бывшей Булгарии, в том числе с центром в Джукетау.

В золотоордынское время территория Джукетау росла путем расширения бывшего западного посада, который теперь стал основной и непосредственной частью города «открытого типа» (до 150 га в XIV в.). Город теряет уловимые границы своей территории, «растекаясь» вглубь террасы и особенно по берегу р. Кама на несколько километров. Здесь выявлены жилые, хозяйственные, производственные объекты; кладбище отступает к югу.

В характере хозяйственно-производственной деятельности, быта и культуры населения города в домонгольский и золотоордынский периоды его существования прослеживается значительная преемственность. В то же время вхождение территории Волжской Булгарии в единое экономическое и культурное пространство Улуса Джучи не могло не отразиться на булгарских городах, в том числе и на Джукетау.

Как и основная масса населения Волжской Булгарии, жители Джукетау занималась земледелием и скотоводством. Анализ остеологического материала говорит о незначительной роли охоты в хозяйстве; место рыболовства, напротив, заметно. Выявлены следы производственной деятельности (черная и цветная металлургия, металлообработка, гончарное дело).

Известные события и явления второй половины XIV в. (изменения в маршрутах торговых путей, перераспределение рынков, переселение в Предкамье и др.), непосредственно связанные с историей Улуса Джучи, отразились и на Джукетау. Постепенное угасание и запустение города происходило по причинам в основном экономического характера.

Л.Ф. Недашковский (г. Казань)

Хронология золотоордынского города и его округи: на материалах Нижнего Поволжья*

В данной работе рассматриваются памятники округи городищ Царевского, Селитренного и Шареный Бугор.

Выделяются следующие основные этапы развития округи золотоордынских городищ Нижней Волги. Первый этап: 1266–1310 гг. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй: примерно 1310–1365 гг. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий: 1365–1380 гг. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый: 1380–1395 гг. (правление Токтамыша), пятый: 1395–1420 гг. (эпоха Идегея), шестой: 1420–1459 гг. (период распада Золотой Орды).

В округе Царевского городища, располагающегося в Ленинском районе Волгоградской области, учтено 98 памятников, в том числе 17 поселений, 7 грунтовых могильников, 27 курганных

* Работа выполнена с использованием гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053-2005.6.

групп, 46 кладов и 1 случайная находка джучидской монеты.

Джучидские монеты присутствуют в материалах 59 из 98 учтенных нами памятников. Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), были найдены на 6 памятниках. Наиболее ранние точно датирующиеся монеты относятся к правлениям Менгу-Тимура и Туда-Менгу. Еще в 1 случае отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) охватывают 46 объектов, причем на 20 из них отмечены находки монет начального периода междоусобицы 1359–1365 гг. Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) найдены на 8 памятниках, не считая Царевского городища; в 5 случаях это монетные клады. Монеты и клады четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в 9 случаях, 5 из которых – клады. Помимо Царевского городища монеты этого времени найдены лишь на 3 поселениях. Монеты пятого этапа (1395–1420 гг.) были встречены в 2 случаях – на Водянском городище, где был найден единственный пул 799 г.х. (1396–1397 гг.), и в курганной группе у Калиновки.

В округе Селитренного городища, располагающегося в Харабалинском районе Астраханской области, имеются 108 памятников, в том числе 4 поселения, 57 местонахождений, 10 грунтовых могильников, 1 курган (?) и 36 кладов.

Определимые нумизматические материалы присутствуют в находках с 46 из 108 памятников округи Селитренного городища. Монеты, чеканенные в первый период, найдены на трех памятниках. Наиболее ранние точно датирующиеся монеты относятся к периоду правления Менгу-Тимура. Еще в одном случае отмечена находка монеты эпохи Токты (1291–1312 гг.). Находки монет и кладов второго этапа охватывают 22 объекта, причем на 9 из них отмечены находки монет начального периода междоусобицы 1359–1365 гг. Монеты третьего периода были найдены всего на 6 памятниках, не считая Селитренного городища; в 3 случаях это монетные клады. Монеты и клады четвертого этапа встречены в 14 случаях, 7 из которых – клады. Помимо Селитренного городища монеты этого времени найдены на 3 поселениях, 1 местонахождении и 2 могильниках. Монеты пятого этапа были встречены в 5 случаях, 2 из которых – клады. Монетные находки шестого этапа отмечены на 13 памятниках, в том числе в 10 кладовых комплексах.

В округе городища Шареный Бугор, располагающегося на северной окраине Астрахани, учтено 100 памятников, в том числе 16 поселений, 57 местонахождений, 20 грунтовых могильников, 1 курганная группа и 6 монетных кладов.

Нумизматические материалы присутствуют в находках всего с 15 из 100 памятников округи городища Шареный Бугор (в данном случае об округе говорится условно, так как само городище возникло на несколько десятилетий позже отдельных окружавших его памятников). Монеты, чеканенные в первый период, найдены на 4 памятниках. Наиболее ранние точно датирующиеся монеты относятся к периоду правления Менгу-Тимура. В 3 случаях отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно полагать, что золотоордынские памятники дельты Волги начали появляться еще в последней трети XIII–начале XIV вв.: в этот период возникают поселения Красный Яр (вместе с близлежащими к нему могильниками) и Самосделка. Находки монет и кладов второго этапа охватывают 9 объектов, причем на 4 из них отмечены находки монет начального периода междоусобицы 1359–1365 гг. Монеты третьего периода были найдены всего на 4 памятниках, не считая городища Шареный Бугор; в 1 случае это монетный клад. Монеты четвертого этапа встречены в 7 случаях, 1 из которых – клад. Помимо городища Шареный Бугор монеты этого времени найдены на 4 поселениях и 1 могильнике. Монеты пятого этапа были встречены в трех случаях, один из которых – монетный клад. Помимо территории городища Шареный Бугор монеты данного этапа встречены лишь на одном поселении. Монетные находки шестого этапа отмечены всего в одном кладовом комплексе, найденном на городище Шареный Бугор.

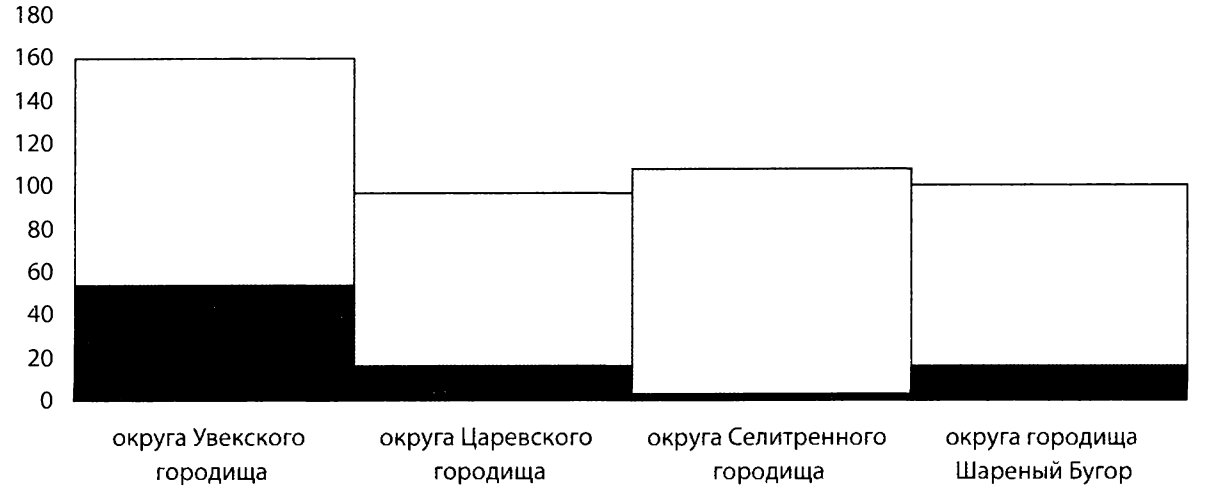
Анализ количества памятников, существовавших в каждый из выделенных хронологических периодов (здесь мы привлекаем и материалы округи Увекского городища, обработанные нами ранее), позволяет сделать вывод, что закономерности развития округи крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья были приблизительно одинаковыми (рис. 1)*.

Наиболее ранние памятники везде возникают еще во второй половине XIII–начале XIV вв. Период расцвета округи нижневолжских городищ, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357), а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких масштабов, как на следующем этапе (1365–1380). В период правления Токтамыша (1380–1395) наблюдался

* Черной заливкой на диаграммах показано количество поселений.

Рис.1. Хронологическое распределение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Рис.2. Количественое соотношение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.



небольшой экономический подъем. Имеются лишь незначительные отличия на двух самых поздних этапах. Увекское городище и памятники его округи, видимо, перестают существовать после похода Тамерлана 1395 г., с которым связан также полный упадок Царевского городища и окружавших его памятников. Памятники же района Селитренного городища и городища Шареный Бугор существовали и в более поздний период – вплоть до распада Улуса Джучи. Причем округа Селитренного городища продолжала оставаться экономически более развитой, как и в XIV в. Следует, однако, отметить, что традиции оседлости были в целом более присущи округе городища Шареный Бугор, нежели округе Селитренного городища, очевидно, это связано с благоприятными природными условиями дельты Волги.

Диаграммы, построенные нами по каждому хронологическому периоду отдельно, показывают степень экономической мощи округи каждого из крупных городов домена джучидов на различных этапах денежного обращения. Так в

период расцвета Золотой Орды (первая половина – середина XIV в.) наблюдается рост значения округи Царевского (там известно наибольшее количество объектов этого времени) и Селитренного городищ по сравнению с ранним этапом, на котором уверенно доминируют памятники округи Увекского городища. Поселения округи Увекского городища, тем не менее, количественно доминируют над поселениями других регионов вплоть до 1359–1365 гг. включительно. В период апогея междоусобных войн (1365–1380 гг.) экономика округи Укека была существенно подорвана, а в правление Токтамыша (1380–1395) наиболее значимым районом Нижнего Поволжья впервые становятся окрестности Селитренного городища. В конце XIV–середине XV вв. однозначное лидерство округи Селитренного городища по-прежнему сохраняется на фоне полного упадка других кустов памятников.

Вторая диаграмма показывает соотношение памятников разных регионов Нижней Волги для всего золотоордынского времени в целом (рис. 2).

Л.М. Носкова (г. Москва)

Погребальный обряд адыгов в XVI–XVIII вв.

Погребальный обряд как составная часть духовной культуры является отражением религиозных представлений любого общества, на какой бы стадии развития оно не находилось. И чем оно консервативнее, тем более явно в погребальной обрядности сохраняются отголоски древних языческих верований и обычаев. Погребальный обряд адыгского населения Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период хорошо изучен по многочисленным курганным могильникам в степном Закубанье, в предгорных районах Восточного Закубанья и на восточночерноморском побережье. Е.П. Алексеева адыгские курганные могильники разделила на три группы: восточнопричерноморскую, закубанскую и кабардинскую. Каждая из них имела свои отличительные особенности, которые проявлялись, главным образом, в устройстве погребальных конструкций и характере погребального инвентаря. Дальнейшие исследования позволили выделить локальные варианты внутри этих обширных массивов, наметить хронологические реперы для более четкой датировки курганных древностей, а также проследить изменения в погребальной обрядности западных и восточных адыгов в конце золотоордынского периода и в последующие столетия вплоть до утверждения в адыгском обществе ислама.

В степных и предгорных районах Закубанья происходит как бы нивелировка, упрощение погребального обряда: захоронения производятся в простых грунтовых могилах, чаще всего в деревянных гробах, курганные насыпи становятся значительно меньших размеров, резко сокращается количество погребального инвентаря.

Более значительные изменения происходят в восточно-причерноморской зоне: традиция погребения умерших в каменных ящиках исчезает, появляются обширные курганные могильники с иным погребальным обрядом, что проявилось в первую очередь в изменении погребальных конструкций и прекращении использования курганных насыпей для коллективных захоронений.

В 1991 г. КАЭ ГМИНВ проводились исследования курганного могильника в урочище «Церковная щель» в 25 км к югу от г. Геленджика. Могильник представлял собой скопление небольших насыпей полусферической (иногда овальной) формы, высотой 0,4–0,9 м, диаметром 4–7,5 м. Около половины курганов имели двойные каменные обкладки: одна ограничивала непосредственно погребение, вторая являлась внешней крепидой насыпи, сложенной из земли и щебня. Почти во всех курганах с одним кольцом обкладки отмечено наличие гробов, в погребальных конструкциях второго типа они единичны (3 случая, причем в кургане 40 могильная яма просто перекрыта поперечными деревянными плахами). Вещи были найдены практически во всех захоронениях, в основном, это кресала с кремнем и железные ножи (зафиксированы в большинстве мужских и детских погребений). Находки оружия единичны: шашка и наконечник копья происходят из кургана 10, два наконечника стрел – из курганов 12 и 28. Интересен факт обнаружения в кургане 12 на камнях внешней обкладки вещей, явно принадлежащих женщине (украшения и наперсток), как отголосок более древнего обычая приносить при прощании с умершим поминальные подарки. Из женских погребальных комплексов происходят украшения и предметы домашнего обихода – ножницы и наперстки. Посуда, в каменных ящиках предшествующего периода встречающаяся в большом количестве, на новом этапе практически исчезает из погребального инвентаря. Можно лишь отметить несколько случаев обнаружения в погребениях отдельных фрагментов, возможно, имитирующих целые сосуды, и находки обломков керамических кувшинчиков в насыпи курганов. Антропологический

анализ костных остатков показал, что большая часть погребений были мужскими, причем основной возраст умерших варьировал в пределах 25–40 лет. Вторую группу составляли дети от 1 до 2,5 лет. Женских захоронений выделено крайне мало – всего 4. Но эти показатели могут носить случайный характер из–за недостаточно полного исследования могильника. По отдельным категориям погребального инвентаря могильник датируется началом – серединой XVIII в.

Подобные курганные некрополи встречаются по всему восточночерноморскому побережью от Анапы до Сочи. Большая их часть мало изучена, наиболее полные сведения имеются по Туапсинскому району, где в результате сплошного обследования была составлена археологическая карта района. При сопоставлении могильника в «Церковной щели» с отдельными курганными группами Туапсинского района вполне четко выделяются общие признаки как в сооружении и конструкции курганных насыпей, так и в погребальной обрядности. Это форма и размеры курганов, каменные обкладки по внешней границе насыпи и способ их сооружения, захоронение умерших в деревянных гробах, бедность погребального инвентаря, состоящего в основном из традиционного мужского набора: кресало с кремнем и нож, и единичных женских украшений и предметов обихода.

Более планомерное изучение адыгских погребальных памятников, относящихся к заключительному этапу позднего средневековья и началу новой эпохи, даст возможность не только выделить четкие критерии для дробной датировки комплексов, но и провести классификацию последних, необходимую для решения проблем этносоциального характера.

О.В. Орфинская, В.П. Голиков, О.Б. Лантратова, В.Г. Рудаков (г. Москва)

Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор–I

В 1991 г. Астраханской археологической экспедицией под руководством С.А. Котенькова были проведены исследования сильно разрушающегося могильника Маячный бугор–I у с. Красный Яр Астраханской области. Было раскопано 109 погребений эпохи Золотой Орды. Большой интерес представляет погребение № 93. Могильная яма прямоугольной формы (305 х 130 см) была ориентирована по линии С–Ю. В верхних слоях ямы оконтурилось зольное пятно. Могилу перекрывали деревянные плахи, покрытые сверху остатками тростниковой циновки. Плахи опирались на стенки из сырцовых кирпичей, выложенных по периметру ямы. В засыпи могилы были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, обломки железных гвоздей и ребро барана. Там же находился деревянный гроб прямоугольной формы (230х60 см). Его верхняя крышка была раскрашена красной, зеленой и синей красками. В центре изображен дракон, обрамленный по краям растительными узорами. На крышке гроба лежала кость барана. По верхнему периметру гроба было много древесных углей.

Под крышкой гроба оказалась погребенная, укрытая покрывалом из красной парчи и одетая в прекрасно сохранившиеся парчовые халаты с вышитыми узорами. В гробу были найдены также: деревянная миска, крашенная в малиновый цвет, двусторонний деревянный гребень и серебряное зеркало. После снятия халатов обнаружили две золотых серьги, золотую шпильку и серебряную монету предположительно чеканки Сарая конца XIII в. Скелет монголоидной, очень пожилой женщины (старше 90 лет) покоился на спине, руки были вытянуты вдоль туловища, кости правой руки ниже локтя отсутствовали. После снятия нижней гробовой доски выяснилось, что гроб лежал на слое из древесных углей толщиной 5 см, засыпанных в могильную яму уже после сжигания*.

Комплекс одежд из этого погребения был передан на хранение в Государственный Исторический музей, в отдел археологических памятников. Хотелось бы отметить уникальность данного комплекса, который представлен достаточно хорошо сохранившимися различными формами женской одежды, последовательно расположенными на погребенной. Целью данного исследования является реконструкция костюма похороненной женщины и технологии его изготовления.

В ходе разбора материала выявлено 6 видов одежды, головной убор, сапоги, подстилка и подушка. Кроме целых форм обнаружены отдельные фрагменты изделий или тканей.

На рис. 1 представлена схема расположения текстильных изделий относительно костяка и

* Авторы благодарят С.А. Котенькова, разрешившего опубликовать некоторые материалы из отчета о своих исследованиях (см. Отчет об исследованиях грунтового могильника Маячий бугор-I Красноярского р-на Астраханской области в 1991 г. Астрахань, Р-1, № 16787).

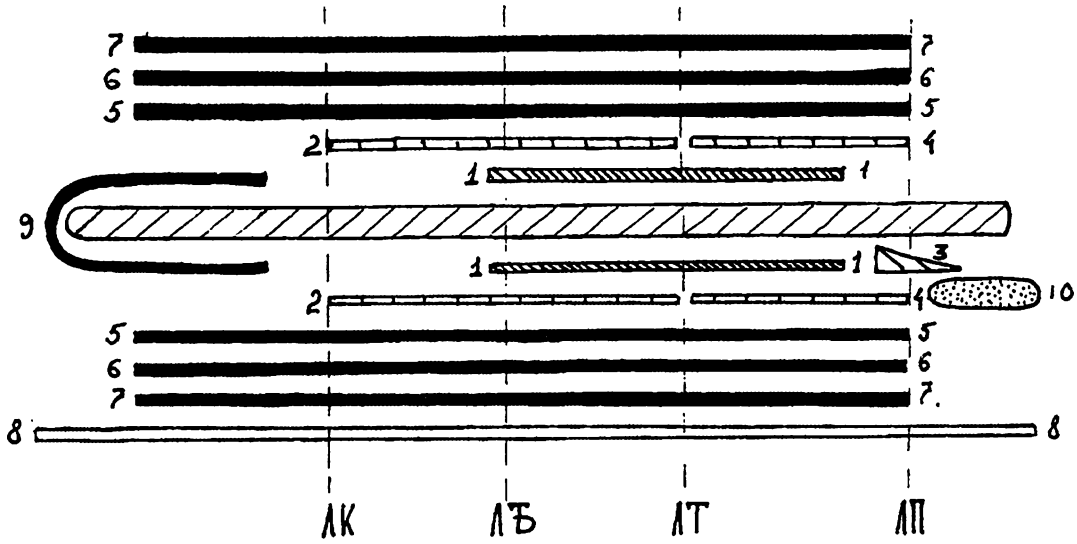


Рис. 1. Положение текстильных изделий в погребении относительно костяка.
1 – красное нижнее белье, 2 – штаны, 3 – головной убор, 4 – кофта, 5 – халат, 6 – халат, 7 – халат, 8 – подстилка, 9 – сапоги, 10 – подушка.
ЛК – линия колен; ЛБ – линия бедра; ЛТ – линия талии; ЛП – линия плеч.

дна погребальной ямы. На схеме видно, что непосредственно на скелете женщины находилось шитое изделие из ткани красного цвета. Поверх него, ниже линии талии, были расположены штаны из тонкой ткани. В верхней части туловища находилась короткая кофта из той же ткани, доходящая до пояса. Эти две формы одежды из одной ткани можно считать комплектом нижнего белья.

В районе шеи и головы было обнаружено изделие из темной ткани с пришитыми тканными лентами, которые спускались под кофту. Видимо, они лежали непосредственно на теле женщины. В процессе проведения первичных реставрационных работ было определено, что данное изделие является головным убором.

Поверх комплекта нижнего белья из тонкой ткани на костяке были обнаружены 3 халата. Все они изготовлены из парчовой ткани и имеют подкладки. В районе ног зафиксированы остатки кожи обуви и ее парчовой отделки. Женщина была уложена на подстилку прямоугольной формы из красной парчовой ткани. В районе головы обнаружены фрагменты подушечки.

В данной работе приведены результаты комплексного исследования и реконструкции нижней одежды и головного убора.

Красное нижнее белье. Авторы предположили, что «рубашечка», не имеющая сплошной спинки, закрывала грудь и живот. Сзади она затягивалась тремя парами тесемок. Одежда изготовлена из шелковой камчатной ткани красного цвета с мелким геометрическим орнаментом. На изнаночной стороне изделия найдены небольшие фрагменты ткани из растительных волокон, напоминающих хлопок. Возможно, это остатки подкладки. Кроме того, на ткани «рубашечки» обнаружены фрагменты темного материала типа войлока (видимо, утеплителя) из растительных волокон, а также небольшие фрагменты кожи.

Штаны и кофта. Штаны имеют достаточно стандартную форму, состоящую из штанин и ромбической вставки между ними. Штаны были посажены на широкий пояс, на котором сохранился след от пряжки. Ширина штанов в поясе фиксировалась двумя завязками. Сшиты штаны были из тонкой шелковой ткани полотняного переплетения.

Из такой же ткани сшита и кофта, которая сохранилась лишь частично. Кофта была короткой и доходила только до талии. Она имела длинные рукава и центральный разрез, то есть была распашной.

Головной убор. На момент начала исследования данное изделие представляло собой комок ткани темно-коричневого цвета. После того, как он был развернут и промыт, стало понятно, что это головной убор («шапочка»). Хорошо сохранились части «шапочки», которые закрывали шею и спускались на плечи, а также две ленты,

пришитые к затылочной части головного убора. Шапочка изготовлена из темной шелковой ткани газового переплетения и имеет шелковую репсовую подкладку. Нам удалось реконструировать форму головного убора и воспроизвести весь процесс пошива аналогичного изделия «по образу и подобию» (рис. 2). Пошив осуществлялся с соблюдением всех технологических особенностей, выявленных на подлиннике.

Результаты исследования технологии крашения тканей. Для определения природы красителей были использованы методы спектрофотометрии и тонкослойной хроматографии экстрактов различными растворителями из нитей исследованных тканей. Установлено, что камчатная ткань «рубашечки» окрашена в красный цвет красителями корней марены. Большая часть красителей находится на ткани в виде прямой, а не протравной формы. Поэтому они легко удаляются с нитей с помощью растворителя диметилформамида уже при комнатной температуре. Основная ткань головного убора была окрашена в черный цвет с помощью двух природных красителей: 1) синего кубового красителя Индиго (Индиготина); 2) коричневого танидного красителя с использованием солей железа в качестве протравы. Ткань подкладки головного убора была окрашена танидными красителями по железной протраве в черный или темно-коричневый цвет.

Рис. 2. Реконструкция головного убора

А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараева (г. Казань)

К истории хозяйственной деятельности средневекового населения городов Поволжья: Нижний Новгород, Болгар, Казань (по данным исследований археозоологических материалов)

Изучение и реконструкция хозяйственной деятельности древнего населения по данным остеологических материалов из археологических раскопок является одним из приоритетных направлений археозоологии.

Реальными научными задачами при работе с ископаемыми коллекциями «кухонных» остатков становятся следующие аспекты: оценка вклада охоты в экономику и организация охотничьей деятельности; характеристика основных форм и направлений животноводства, условий содержания разводимых животных с обозначением природных особенностей, заболеваний и патологий, расчеты объемов и специфики мясного потребления в сложившейся системе жизнеобеспечения древнего населения; выяснение масштабов обменно-торговых связей; реконструкция ритуального использования животных и уровня развития косторезного ремесла у древних поселенцев, ряд вопросов социального характера.

Существующая в настоящее время «сложность и неоднозначность археозоологических исследований» заставляет остановиться несколько подробнее на проблемах работ и обобщений археозоологических материалов применительно к археологической аудитории, т.к. остеологические исследования не ограничиваются рамками биологических анализов.

Использование археологической информации для каждого конкретного памятника, привлечение результатов исследований других естественнонаучных методов являются залогом более полных исторических реконструкций при работах с археозоологическими материалами, которые проводятся нами в Татарстане. От правильности исследований остеологических ма-

териалов зависит достоверность исторических реконструкций. Зависит она и от условий, в которых работает остеолог, особенно в поле. Об этом надо помнить археологам, которые формируют археозоологические коллекции для передачи их остеологам на диагностику. Отсутствие хранилищ для специально отобранных остеологических коллекций, требующих в дальнейшем дополнительных наблюдений и сравнений, нередко заставляет сожалеть об утраченных материалах.

Искажение исходных данных начинается с нарушения отбора остеологических материалов. Так, применение сбора для диагностики только «определимых» фрагментов костей животных в некоторых регионах и сегодня, снятие бульдозерами «верхних» слоев на археологических памятниках обеспечивают невысокую надежность получения в дальнейшем научной информации от диагностированного материала. Для достоверных археологических реконструкций требуется максимально полный отбор всего биологического материала по горизонтам, квадратам, сооружениям, что, несомненно, должно обосновываться археологом-исследователем конкретного памятника.

Правильность подбора археозоологом того или иного метода диагностики определяется еще одним фактором, а именно, происхождением категории археозоологического материала. Что это – «кухонные» или ритуальные остатки, отходы косторезных мастерских, либо это вторичное попадание, более поздние включения в слой разных видов норных животных? Несомненно то, что сравниваться должны материалы, одинаковые по происхождению. Однако определить ритуальный, либо естественный характер появления остатков некоторых животных в погребениях человека бывает не просто.

Огромные остеологические коллекции из многолетних раскопок средневековых несельскохозяйственных городов Среднего Поволжья, таких как Болгар, Казанский кремль, свидетельствуют об обеспечении мясными продуктами их жителей, о традициях мясного питания и способах его использования. Но эти данные не отражают полностью скотоводческую, либо охотничью деятельность населения. Об этом можно достоверно судить по материалам селищ той же культурной принадлежности. Вопросы торгового скотоводческого обмена проясняются при сравнении породных особенностей «местного» и «привозного» скота. Однако селища, к сожалению, раскапываются намного реже, чем города.

В последнее время при диагностике массовых остеологических материалов из разнокультурных слоев средневековых городов Волжской Булгарии и Казанского ханства для решения вопросов социального характера, сравнительных данных по численности населения, территории города в разные хронологические периоды нами были введены такие новые понятия, как «коэффициент насыщенности слоев костными остатками животных», а также «коэффициент дробленности костей».

В 2002 г. в ходе археологических работ на территории Нижегородского кремля, проведенных под руководством Т.В. Гусевой, получен интересный археологический материал, который был передан нам на исследование. Представленный археозоологический материал датирован XIV в. (ямы 4 и 6) и XVII в. (яма 2). Нами было определено 1544 костных фрагмента, принадлежавших, в основном, видам домашних животных – крупному и мелкому рогатому скоту, лошадям, свиньям. Среди «кухонных» остатков диагностированы кости собак и кошек. Дикая охотничье-промысловая фауна представлена костными фрагментами лося, лисицы и зайца.

В целом суммарные видовые данные изученных «кухонных» остатков города соответствуют сложившимся представлениям о чертах питания русского средневекового города, о животноводческой направленности сельского хозяйства. Анализируя полученные данные и сравнивая их с данными из раскопок древнерусских городов (Цалкин, 1956), мы можем сказать, что основным продуктом мясного питания во всех древнерусских городах была говядина. Свинина и баранина также составляли довольно значительную часть в питании населения. А в тюркоязычной Казани золотоордынского периода говядина, конина и баранина являлись основными продуктами мясной пищи. Свинина была таким же редким мясным продуктом, как и верблюжатина.

Несмотря на одновременность и весьма близкие природно-географические условия существования волжских городов, обнаружены различия видовых характеристик остеологического материала, что свидетельствует о значительных отличиях как в традициях питания древнего населения, так и животноводческой направленности близлежащей сельской округи, торговых связях. Основным фактором влияния на специфику хозяйственной и культурной деятельности был этнокультурный фактор.

Е.М. Пигарев (г. Астрахань)

Некоторые итоги и перспективы исследования Селитренного городища

В 1959 году была образована и начала работу Поволжская археологическая экспедиция ИА РАН и МГУ под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Это явилось шагом к созданию современной золотоордынской археологии. Если в первые годы (1959–1968 гг.) исследования проводились на Царевском городище, более известном по работам А.В. Терещенко, то в 1965 г. ПАЭ приступила к раскопкам Селитренного городища. С 1969 г. основные исследования ведутся именно на этом памятнике. В 60–80-е гг. здесь велись ежегодные, широкомасштабные раскопки, проводилась всесторонняя обработка археологического материала. В 1990-х гг., в связи с социально-экономическим кризисом, переживаемым нашей страной, объем проводимых на Селитренном городище работ заметно снизился, но не был пропущен ни один полевой сезон. В конце 90-х гг. XX – начале XXI вв. вновь стали проводиться ежегодные и многомесячные исследования.

Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и особенно на Селитренном городище позволили реконструировать золотоордынскую городскую цивилизацию в ряде ее аспектов. Материал, полученный в ходе исследований городища, стал основополагающим для классификации и типологизации золотоордынской керамики, архитектурного декора, сооружений, погребений и т. д.

В 1960–90-х гг. работы проводились в основном к западу от с. Селитренное, между буграми Больничный, Кучугуры и Красный. В 2003–2004 гг., в связи с прокладкой через городище линий связи, газо- и водопроводов, основные работы развернулись на территории современного села. Все раскопы на Селитренном городище продолжили нумерацию предшествующих: № XVII–XXX, XXXII–XXXIV, XXXVI. Раскопы расположены в южной, центральной и северной частях села. Кроме того, в центральной и северной частях села было раскопано 22 шурфа. В общей сложности, в 2003–2004 гг. нам удалось исследовать свыше 800 м^2 городской территории, находящейся под современным селом.

Расширение географии раскопов позволило конкретизировать, а где-то и по-новому посмотреть на проблемы, связанные с планиграфией и хронологией города и распространением его культурного слоя. Проведенные нами исследования на территории села показали отсутствие мощного слоя под его большей частью. Культурный слой здесь располагается отдельными пятнами и хронологически совпадает с датировкой культурного слоя городища за пределами села. Видимо, можно с уверенностью говорить о том, что под селом Селитренным не было центральной части городища со слоями XIII в. Эти раскопки еще раз подтвердили выводы Г.А. Федорова-Давыдова и его учеников о принципах сложения золотоордынского города: об усадебной планировке города и отсутствии привычного для Европы понятия – центр города. Кроме того, полученная нами информация, позволяет предложить несколько иную планиграфическую схему развития города. Основное ее отличие от устоявшейся схемы – выбор приоритетной оси.

На наш взгляд, основой для развития и широтного движения города являлась не река, а традиционный караванный путь. В связи с чем основная городская застройка вытягивается полосой по линии ЮЗ-СВ, опираясь на 5 гряд бэровских бугров (гряды начинаются от бугров Змеиный, Красный, Кучугуры, Кладбищенский, Маячный. А уже от нее, на различном удалении, вдоль берега Ахтубы располагаются многочисленные усадьбы (урочище Басты, Каменный бугор и т.д.), создающие видимость единого города. Таким образом, юго-западная граница города оформлена берегом реки Ахтуба; северо-западная граница – линией, проходящей по гряде Змеиного бугра; юго-восточная граница – линией, проходящей по гряде Маячного бугра. О северо-восточной и восточной границах города говорить очень сложно, по причине слабой изученности территории.

В 2003 г., по распоряжению губернатора Астраханской области, был образован археологический музей «Селитренное городище» – филиал АГОИАМЗ. Целью работы музея должно явиться создание сильной научно-музейной базы, продолжающей традиции ПАЭ, для активизации изучения и сохранения Селитренного городища с применением современных методик и технологий. Музеефикация памятника является, пожалуй, одним из самых действенных методов сохранения остатков Сарая для будущих поколений.

Работа над созданием археологического заповедника требует пересмотра в области археологического вмешательства на памятнике. По нашему мнению, на современном этапе, дабы избежать разрушения памятника от стихийных (непродуманных) исследований, необходимо принятие единой программы исследования Селитренного городища. Это позволит не только воспрепятствовать «научному» разрушению городища, но и даст возможность консолидировать финансовые, людские и научные ресурсы для

изучения Сарая, усилить контроль над качеством научных исследований и уберечь городище от проведения «одноразовых» раскопов. Исследовательская деятельность на Селитренном городище должна вестись по двум направлениям: 1) традиционное – исследование только разрушающихся в процессе антропогенных и экологических воздействий участков памятника и отдельных археологических объектов; 2) исследование городских участков и отдельных археологических объектов с последующей их консервацией для создания музея под открытым небом; в этом случае работы должны проводиться при наличии подготовленной методики и существовании финансовых ресурсов для выполнения этих работ в полном объеме.

В создании археологического заповедника «Селитренное городище» должны участвовать специалисты не только Астраханского музея-заповедника, но и исследователи, прошедшие славную школу Поволжской археологической экспедиции и в настоящее время работающие в золотоордынской археологии. Только в этом случае может быть создан действительно необходимый, работающий научный центр изучения Золотой Орды.

В.З. Пириев (Азербайджан, г. Баку)

Дербент в период войн между джучидами и хулагуидами

В исторической литературе существуют разные мнения о принадлежности Дербента к хулагуидам или джучидам в период владычества монголов, точнее, в период войн между ними. Академик В.В. Бартольд отмечает, что во времена монгольского владычества Дербент, видимо, то принадлежал ширваншахам, то имел собственных правителей. Сюзеренами города и страны называют то ханов Золотой Орды, то монгольских государей Персии (Бартольд, 1965). Автор, в другом месте, уточняя свое мнение по этому вопросу, пишет: «Дербент в монгольскую эпоху, по-видимому, чаще принадлежал золотоордынским ханам, чем ильханам Персии» (Бартольд, 1968). А.А. Али-заде считает, что Дербент вошел в состав подвластной джучидам территории и являлся пограничным пунктом золотоордынского государства, а ильханы владели Ширваном, Арраном и вообще Азербайджаном» (Али-заде, 1956). По мнению А.Р. Шихсаидова, Дербент «в 1239 г. вошел в состав Золотой Орды, а с образованием государства Хулагуидов (1256 г.) оказался, очевидно, под его властью вплоть до распада на отдельные владения в середине XIV в. ...Дербент наряду с Шемахой становится центром Ширвана» (Шихсаидов, 1975). В.Л. Егоров считает Дербент, городом Золотой Орды (Егоров, 1985).

Как видно, среди историков преобладает мнение, что Дербент принадлежал Золотой Орде. Для уточнения данного вопроса обратимся к первоисточникам этого периода:

– Йакут Хамави: «Рядом с городом (Баб ал-Абвабом. – *П.В.)* есть большая гора, известная под названием «Волк», на вершине которой ежегодно собирают много дров, чтобы в случае нужды разводить огонь и предупреждать жителей Азербайджана и Аррана о наступлении врагов, если они нападают неожиданно».

– Йакут Хамави: «Шамаха – благоустроенный город, столица Ширвана. Он расположен на границе Аррана и считается одной из областей Дербента. Владетель Шемахи ширваншах – брат владетеля Дербента».

– Ибн ал-Асир, говоря о первом походе монголов, правителя Дербента называет «ширваншахом».

– Закарийя ал-Казвини: «Бакуйа. Город в округе Дербента, близ Ширвана».

– Фазлуллах Рашидаддин: «В то время Абага хан был на зимовке в Мазандаране, а Юшумут – в областях Дербента и Аррана, **которые ему принадлежали**».

– Фазлуллах Рашидаддин (1265 г.): – «Прежде он (Абага хан. – *П.В.*) послал своего брата Юшумута в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы **он охранял те пределы от врага**».

– Фазлуллах Рашидаддин: «Сын Али – да продлит Аллах жизнь его – дочь ширваншаха государя Шабрана и Шамахи, который происходит из рода государей Дербента... Они являются государями Дербента и Шабрана».

– Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари: При Абу Саиде, точнее в конце 20-х годов XIV в. «Хорасан отдали Нарин Тогаю... Грузию Икбал-шаху ибн Кутлуг шаху, Дербент – Аканджи...».

– Хамдуллах Казвини (1335 г.): – «Одна группа (из войск Узбек хана. – *П.В.*), желая проявить свою честь, показалась на мосту (р. Куры. – *П.В.*); воины этой стороны ударили на них... Они отступили... добрались **до Дербента, а оттуда направились в свою страну...**».

– Зайн-ад-дин Казвини (1367 г.): Джелаирид-ский Султан Увейс «проявил милость и простил его (ширваншаха Кавуса. – *П.В.*) и передал ему государство... Весь Ширван до Дербента был захвачен и правители этих мест хаджи Фарамарз и

хаджи Фаридун прибыли (к султану. – *П.В.*)».

– Шараф ад-дин Али Язди (1387 г.): «(Войска Токтамыша. – *П.В.*) начали бежать. Победоносная армия (Тимура. – *П.В.*), проследив их, отгоняла на ту сторону Дербента».

В источниках монгольского периода Дербент почти всегда называется как «Дербент-и Ширван», «Дербент-и Баку», а иногда «Дербент-и кипчак». Термин «Дербент-и Джучи» в источниках не встречается.

Данные первоисточников этого периода позволяют сказать, что Дербент, вопреки мнениям некоторых историков, не вошел (исключая отдельные случаи) в состав территории джучидов, наоборот, всегда (до 1806 г.) находился в составе Ширвана, т.е. Азербайджана. Во время войн между хулагуидами и джучидами город временами хотя и захватывался войсками Золотой Ордой, однако вскоре освобождался и снова включался в состав территории хулагуидов.

В.В. Приймак, Е.Н. Осадчий (Украина, г. Сумы)

Золотоордынское погребение в среднем течении Псла

Практически все исследования по тематике золотоордынского периода опираются на базовую работу Г.А. Федорова-Давыдова, вышедшую 40 лет назад. Тема изучения механизмов эксплуатации монголо-татарами разных регионов Руси с опорой на археологические источники стала актуальной еще в 80-е годы XX в. В среднем течении Псла десятки комплексов позволяют изучать взаимодействие славян и кочевников от VIII в. (Битица, Зеленый Гай и их округи) до золотоордынского времени (Тополи, Шпилевка). Схемы взаимоотношений земледельцев и кочевников на каждом из этапов не были одинаковыми, но сам факт наличия разновременных комплексов позволяет отнести регион к контактной зоне.

На территории центральной, исторической части Сум с 1984 г. осуществляются наблюдения, а в последние годы и охранные работы. Однако они не привели к открытию более ранних, чем середина XVII в., объектов. Публикуемое погребение – первый такой комплекс. Осенью 2005 г., во время ремонтных работ, в подвальном помещении дома филармонии был обнаружен череп человека. Здание находится на территории мыса, образованного долинами рек Псла, Сумки и Стрелки, она удалена на расстояние около 0,85 км на юг – юго-запад от ориентировочного места расположения Берлицкого городища.

Погребение было совершено в яме подпрямоугольной формы с закругленными углами. Дно ямы ровное, закругляющееся к краям. Глубина ямы составляет 2,36 м от современной поверхности. Частично сохранились череп, левая рука, позвоночник и ребра. Скелет находился в положении на спине, был сориентирован на юго-восток (азимут 100–110). Череп покоился на костях шеи, что указывает на наличие подголовника. Нижняя челюсть отсутствовала. Подголовники из грунта часто встречались в Новохарьковском некрополе (Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды, 2002). На ключице прослеживается рубленое повреждение, которое может свидетельствовать о смертельной ране. В нижней трети кости грудины – отверстие круглой формы с правильными краями, диаметром до 5 мм, возможно, образованное в результате ранения или обряда. Подобные отверстия были обнаружены в скелетах золотоордынского времени в окрестностях Комсомольска (Артемьев, 2004). У правого плеча костяка найден астрагал из нижней конечности свиньи (?), в который был вбит железный штырь с Т-образной головкой. Справа и слева от черепа – гвозди, фиксирующие углы гроба (рис. 1, Б, В). Астрагалы – распространенная находка в могилах золотоордынцев (№ 140 Новохарьковского могильника – 6 астрагалов, найденных также у черепа и плеч) (Новохарьковский..., 2002). В одном из погребений могильника Старые Санжары тоже обнаружен астрагал (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004). Железный стержень, забитый в кость, был в составе инвентаря одного из богатых погребений Шушваловского могильника в устье Сулы (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004).

Погребения с восточной ориентацией не характерны для древнерусского и позднесредневекового погребальных обрядов, хотя и встречаются изредка в расположенном на северной окраине Сум Зеленогайском некрополе древнерусского времени (подкурганные ямы, датирующиеся преимущественно XI в.). Подобная ориентация нередко встречается на золотоордынских могильниках. Согласно классификации Г.А. Федорова-Давыдова, данное погребение относится к отделу В II (скелет человека, обращенный головой на восток, без костей коня, в простой яме). В золотоордынское время они были самыми массовыми у кочевников в Нижнем Поволжье, на втором месте находился регион Северского Донца (Федоров-Давыдов, 1966). Погребения восточной ориентации были обнаружены в золотоордынском могильнике Старые Санжары в нижнем

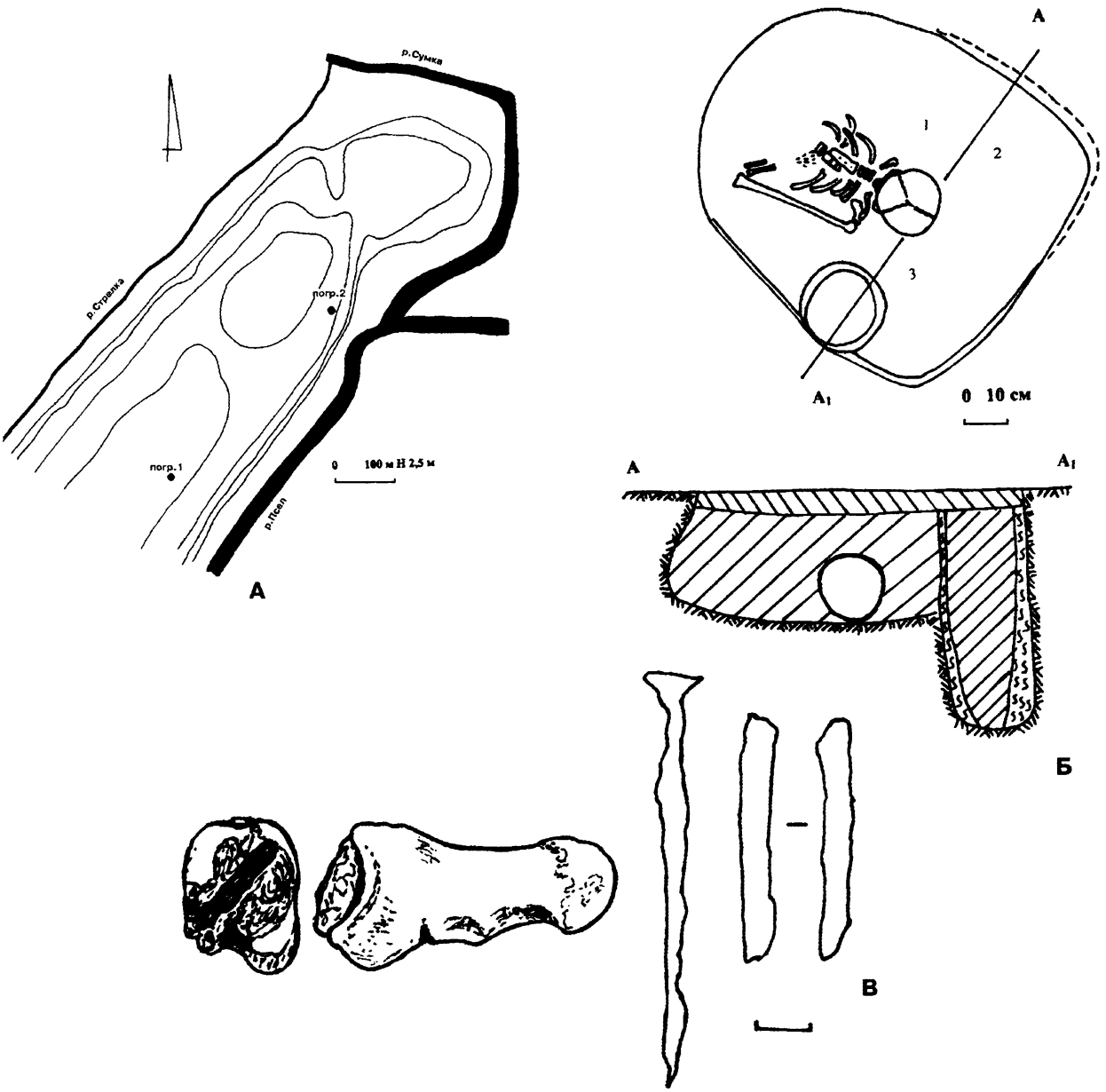


Рис. 1. А. Реконструкция топографии центральной части г. Сумы.
Б. План и разрез погребения под домом филармонии.
В. Находки из погребения под домом филармонии: астрагал, гвозди.

течении Ворсклы. Такая ориентация встречается до момента массового распространения ислама, что определяет хронологию погребения из Сум концом XIII – серединой (?) XIV в. В 1999 г., при осмотре котлована в центре Сум, в северном профиле был прослежен ряд погребений позднего средневековья – нового времени, относящихся к кладбищу Спасо-Преображенского храма XVIII в. Однако профиль одной из ям указывал на необычную ориентацию погребения: по линии север–юг. Захоронение было осуществлено в яме с подбоем. Открытие погребения, описанного выше, примерно в 0,4 км к юго-западу от Спасо-Преображенского собора, позволяет оценить, по крайней мере, упомянутое погребение у храма также как золотоордынское (по Г.А. Федорову–Давыдову – отдел Д II или Д III). Подавляющее большинство захоронений северной ориентации без костей коня относится к золотоордынскому времени. Исследователь связывал их с алтайскими и сибирскими племенами, втянутыми в движение монголов на восток (Федоров-Давыдов, 1966). Шушваловское погребение из устья Сулы, откуда происходит амулет с железным стержнем, имело северную ориентацию (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004).

В 4 км к северу от места находки золотоордынского погребения, в центре Сум находится

синхронный ему Тополянский археологический комплекс, с древнерусскими объектами второй половины XIII–XIV в. Это дает основания для включения данной территории в число так называемых «буферных зон» на границах древнерусской территории и золотоордынских владений, известных как на Левобережье (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004), так и на правом берегу Днепра (Бубенок, 2004).

Захоронение в г. Сумы располагалось вблизи границ среднего и верхнего течений Псла, на территории, которая впритык прилегает к региону, подробно описанному в эпизоде об основании слобод баскаком Ахматом. Правые притоки Псла, которые впадают в районе Сум, своими верховьями приближаются к притокам бассейна Сейма. При этом Тополянский археологический комплекс контролировал долину р. Олешни, а Берлицкое (Сумино) городище – р. Сумки.

Принимая во внимание понимание слободы как населенного пункта, где отсутствует церковь (Харламов, 1998), а также проживание в пределах одного микрорегиона славянского населения и кочевников, засвидетельствованное письменными источниками, наименование населенных пунктов конца XIII в. на территории «буферных зон» термином «слобода» и наименование отдельных территорий в составе Путивльского уезда *Ордынской волостью* (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004), можно предположить, что формирование понятия «слобожанщина» как региона со своеобразным типом поселений относится к более раннему, чем XVII в., времени.

А.В. Пьянков, Е.А. Хачатурова (г. Краснодар)

К атрибуции серебряного ковша Дмитрия Круждовича*

В фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ) хранится замечательный серебряный ковш работы древнерусского мастера, найденный в 1962 г. в разрушенном средневековом погребении у хутора Суповского в Адыгее.

Ковш имеет круглое тулово, уплощенное дно с небольшой вогнутостью в центре, слегка приподнятую и отогнутую горизонтально листовидную ручку (рис. 1). Дно сосуда изнутри украшает выпуклый медальон, орнаментированный резным растительным узором, обрамленным арабской надписью в стиле куфи – четырежды повторенным словом «малек» (царь). Вдоль верхнего обреза тулова сосуда расположена древнерусская надпись: «СЕ КОВШЬ ДМИТРИЯ КРУЖДОВИЧА КТО іСПЬЕТЬ ТОМУ ЗДОРО» (рис. 2). Надпись ограничена сверху и снизу врезными линиями, а ее фон покрыт вертикальными зигзагообразными линиями. На пелюсти изображен орел в геральдической позе с раскинутыми крыльями. Изображение орла обрамлено узкой полосой орнаментированной чередующимися группами параллельных косых линий, направленных перпендикулярно друг другу. Поле вокруг орла гравировано волнистыми параллельными линиями. Ковш имеет остатки позолоты.

Первые краткие сведения о ковше Дмитрия Круждовича были опубликованы Н.В. Анфимовым в научно-популярном издании (Анфимов, 1972). Автор отнес сосуд к XII в. и, сославшись на Б.А. Рыбакова, сообщил, что этот сосуд – работы мастера одной из западнорусских земель (Анфимов, 1972). Н.В. Анфимов еще дважды издает изображение и краткое описание ковша (Анфимов, 1982; 1987).

Первая научная публикация ковша Дмитрия Круждовича была сделана Т.В. Николаевой (Николаева, 1976). Автор не только дала краткое научное описание и фотоиллюстрации серебряного сосуда, но и атрибутировала его, определив, как работу ордынского мастера, возможно, русского по происхождению, первой половины XIV в. (Николаева, 1976).

А.А. Медынцева описала технику и стилистику древнерусской надписи на сосуде, привела аналогии (Медынцева, 1991). Кроме того, исследовательница поддержала и дополнительно аргументировала атрибуцию ковша, предложенную Т.В. Николаевой (Медынцева, 1991).

Упомянутые выше работы не дали исчерпывающей информации о находке. Поэтому авторы этого доклада опубликовали подробное описание ковша и истории его изучения, а также других предметов из суповского кургана, сопроводив публикацию рисунками и фотоиллюстрациями (Пьянков, Хачатурова, 2002). При изучении ковша авторы выяснили интересный факт, что медальон с арабской надписью и растительным орнаментом является накладным и закреплен на дне сосуда с помощью заклепки. Учитывая, что орнаментация медальона отличается по стилю от надписи и украшения пелюсти и явно выпол-

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект № 04-01-38008 а/Ю.

нена другим мастером, авторы пришли к заключению, что ковш и медальон изготовлены не одновременно. При этом авторы были уверены, что датировка сосуда Т.В. Николаевой основана на прочтении надписи медальона Г.А. Федоровым-Давыдовым, поскольку в ее тексте имелась ссылка на этот факт (Николаева, 1976). В то же время дату Н.В. Анфимова авторы связывали с мнением Б.А. Рыбакова, высказанным в письме к Анфимову, утерянном к моменту передачи работы в пе-

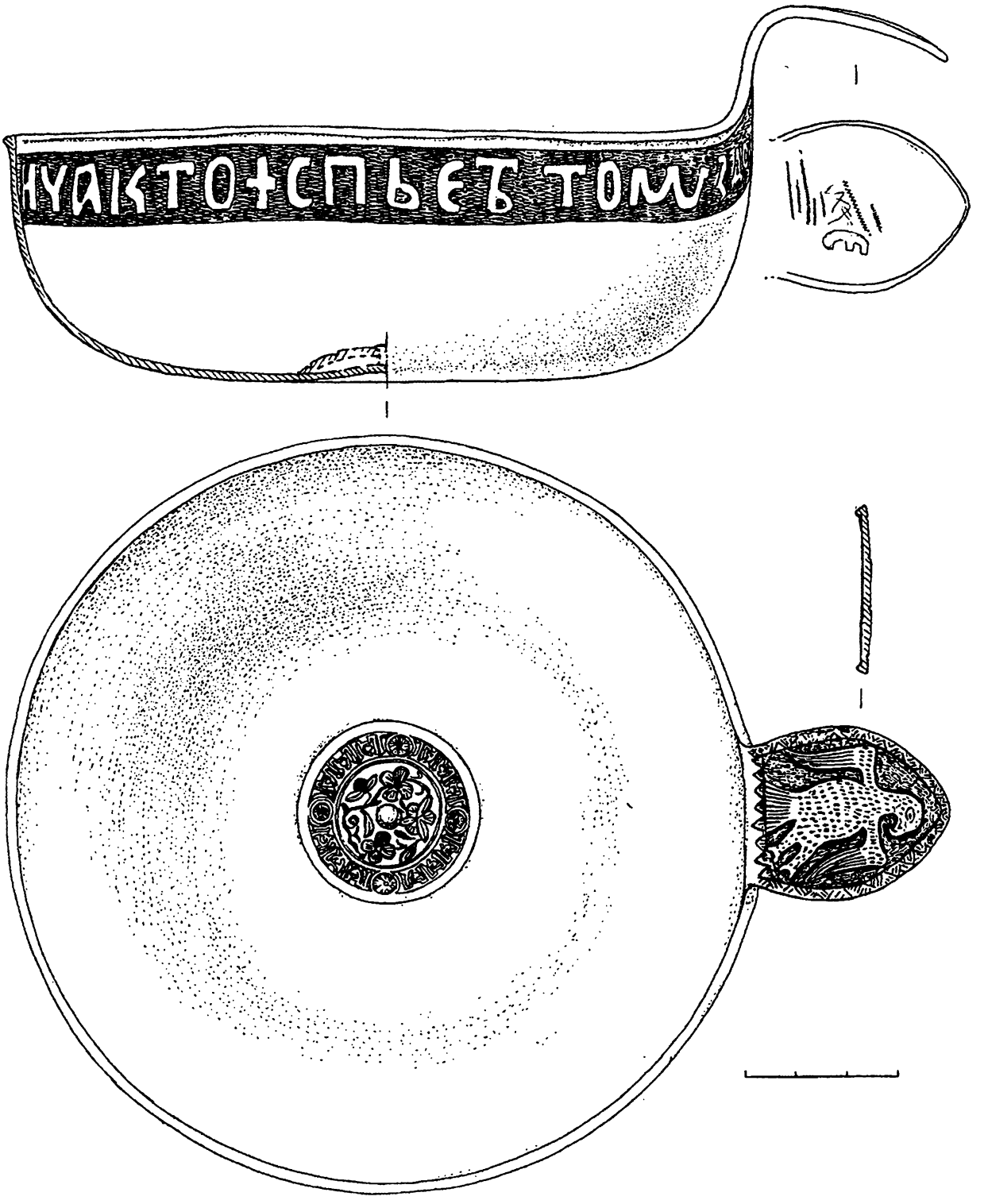


Рис. 1. Серебряный ковш Дмитрия Круждовича из разрушенного кургана у хут. Суповского (Тахтамукаевский район, Республика Адыгея). Находка 1962 г. Вид сбоку, вид сверху.

Рис. 2. Прорисовка надписи на ковше.

чать (Пьянков, Хачатурова, 2002).

В 2005 г., при составлении описи личного архива Н.В. Анфимова в папке с рукописью неопубликованной научно-популярной работы по истории Тмутараканского княжества были обнаружены фотографии суповских вещей. Кроме уже известных предметов – ковша, поливного сосуда и серебряных блях, здесь присутствовали снимки двух сабель, полой многогранной пуговицы, фрагмент передней части рамки пряжки и несколько железных наконечников стрел. Присутствие среди этих вещей двух сабель позволяет уже по-другому взглянуть на суповские находки. Вероятно, в суповском кургане было два воинских погребения. Поскольку парные погребения не характерны для средневековых адыгов, следовательно, эти вещи могли принадлежать двум разным комплексам, а не одному, как считалось ранее. Обе сабли относятся к одному типу клинков и имеют одинаковые перекрестия, что свидетельствует в пользу хронологической близости погребений. Разделить эти комплексы уже вряд ли удастся, но вполне допустимо использовать все имеющиеся предметы для датировки обоих воинских погребений.

Вместе с фотографиями в папке находилось и письмо Б.А. Рыбакова к Н.В. Анфимову от 27 сентября 1962 г., которое авторы считали утерянным. Содержание письма существенно меняет наш взгляд на проблему атрибуции ковша и на то, как сформировалось мнение Н.В. Анфимова о его датировке и происхождении. В начале письма Б.А. Рыбаков, поздравляет Н.В. Анфимова с замечательной находкой и предлагает опубликовать ковш и весь комплекс в «Советской археологии». Далее автор приводит правильное чтение древнерусской надписи и кратко останавливается на ее палеографическом анализе. Затем идут строки с размышлениями о возможном месте изготовления серебряного сосуда, завершающиеся следующими словами академика: «...я думаю, что ковш относится ко второй половине XIII–началу XIV в. и привезен из литовских земель». Далее автор уточняет, что литовскими «...в начале XIV в. стали многие южнорусские области..., но изготовлен ковш где-то поблизости от Литвы или в самой Литве, где государственным языком был русский» (Архив Н.В. Анфимова). Б.А. Рыбаков пишет о необходимости проверить возможность адыгейского происхождения имени Кружда. Завершая письмо, автор еще раз предлагает Н.В. Анфимову подготовить публикацию ковша и погребения, обещая снабдить такую заметку «соответствующими палеографическими ссылками» (Архив Н.В. Анфимова).

Остается загадкой, почему Н.В. Анфимов нигде не упомянул мнение Б.А. Рыбакова по поводу датировки ковша? И вопреки мнению специалиста в области древнерусской палеографии, настаивал на его принадлежности к XII в. без какой-либо аргументации. Возможно, не будучи знатоком средневековой археологии Северного Кавказа, Н.В. Анфимов не мог точно определить время суповских вещей, но предполагал, что древнерусский предмет, найденный в Закубанье, мог быть как-то связан с русским населением Тмутаракани и, видимо, надеялся обнаружить эту связь. Не случайно снимки суповских вещей и письмо Б. А. Рыбакова хранились в его личном архиве вместе с рукописью о Тмутараканском княжестве. Следует заметить, что Н.В. Анфимов не единственный исследователь, кто относил ковш Дмитрия Кружковича к тмутараканским древностям (Гадло, 1994).

Поскольку замечательные суповские находки заслуживают особого внимания, авторы намерены продолжить работу по их изучению и разыскать суповские предметы 1962 г. в фондах КГИАМЗ по имеющимся фотографиям.

Б.А. Раджабова (Азербайджан, г. Баку)

Проявления золотоордынской культуры в археологических памятниках Айзербайджана (по археологическим материалам Шабрана)

В XIII–XIV вв. Азербайджан подвергался монголо-татарским нападениям. В результате этих набегов были разрушены такие центры экономики, как города Байлакан, Шемаха, Гянджа; городская жизнь и ремесленные центры пришли в упадок. Но монголы очень скоро поняли, что нужно изменить политику по отношению к захваченным землям.

В начале XIV в. были проведены некоторые реформы. В результате их хозяйственная жизнь начала восстанавливаться; в городах вновь стало развиваться ремесло. Среди таких «восстановленных городов» можно назвать Марагу, Ардебиль, Шемаху и Гянджу, а также Шабран. Остатки этого городища находятся в северо-восточной части Азербайджана, на территории села Шахназарли Дивичинского района. Этот город существовал с IX до XVII вв. и был важным стратегическим и экономическим центром региона. В Шабране с 1980 по 2005 гг. велись археологические раскопки. Среди археологических находок имеются материалы, относящиеся к XIV в. В них прослеживаются новые, монгольские элементы – серьги в виде вопросительного знака, пластинчатые браслеты, бусы крупных размеров, которые носили против сглаза. Следует отметить, что в свое время Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что серьги в форме вопросительного знака были распространены в Восточной Европе золотоордынского времени под влиянием кочевников. Из раскопок Шабрана происходят также бусины из стекла и цветных камней с инкрустацией. Такие виды украшений – бусины – распространились в XIV–XV вв. в городах Золотой Орды. Имеются другие вещи – элементы женского убора, также свидетельствующие о влиянии монголов на искусство азербайджанского народа в исследуемый период.

Б.Р. Рахимзянов (г. Казань)

К вопросу об административно-политическом устройстве Золотой Орды и татарских ханств

Одним из наименее разработанных вопросов в истории позднезолотоордынских государств является их внутреннее устройство. Это связано с рядом объективных причин, в частности, со скудностью источниковой базы. Не является исключением и история Мещерского юрта (Касимовского ханства). Однако без исследования внутреннего устройства невозможно понять статус этого государственного образования, в целом правомочность его отнесения к системе позднезолотоордынских государств (так называемых «татарских ханств») XV–XVI вв. В этом отношении мне представляется перспективным компаративный анализ внутренней структуры Касимовского ханства с внутренней структурой самой Золотой Орды.

Верховный правитель в Касимовском ханстве имел два обозначения – хан («царь») и султан («царевич»). Ханом в Касимовском ханстве, как и в других позднезолотоордынских государствах и самой Золотой Орде, считался потомок Чингизхана, а точнее, одной из основных чингизидских ветвей – потомок Джучи. Султаном называли как действующего главу ханства, так и наследника престола, и вообще сыновей правителя. Это был обязательно Чингизид. Термины «хан» и «султан», таким образом, не являются синонимами. Управление Касимовским ханством не давало права на ханский (царский) титул; владельцы города, будучи султанами до пожалования им городка, так и оставались султанами (Касим, Данияр); ханами же звались те лица, которые до вступления в должность являлись в каком-либо позднезолотоордынском государстве фактическими правителями (Нур-Даулет). По всей видимости, это один из нюансов вассального положения Мещерского юрта. В других татарских ханствах, как и в Великом Улусе, это явление не прослеживается.

Уланы (огланы) имелись как в Касимовском, так и в Крымском, и в Казанском ханствах, и в самой Золотой Орде. Уланы, бывшие членами правящей династии – Чингизидами, обычно командовали своими военными подразделениями. По крайней мере, так обстояло дело в Крымском ханстве. Да и в Мещерском юрте уланы (огланы) отмечаются в связи с военными действиями. Их отличие от султанов состояло в том, что они являлись потомками боковых ветвей правящей династии, которым джучидский трон никогда не принадлежал. По письменным данным, уланы прослеживаются в Мещере с конца XV–начала XVI вв., впервые в 1474 г. (Сб. ИРИО, 1884). Нали-

чие уланов в структуре знати сближает Мещерский юрт с другими татарскими ханствами и с самой Золотой Ордой.

Как и схожие с ним по социально-политическому устройству Казанское и Крымское ханства, а также сам Улуг Улус, Касимовское ханство управлялось четырьмя одинаковыми кланами (Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки), среди которых верховенство имел клан Ширинов (беклярибеки – «князи князей» русских источников были из них). Позже в эту четырехклановую систему вошли Мангыты. Главы этих кланов являлись карача-беками. На территории Касимовского ханства существовали отдельные княжества, во главе которых стояли представители этих кланов. Вполне вероятно, что и «Сеитов полк», и «Царев двор» (подробнее – ниже) набирались первоначально каждый со своего отдельного княжества; в начальный период истории как Крымского, так и Казанского ханств там отмечаются именно по два князя (Исхаков, 1998). В дальнейшем это явление стало анахронизмом, однако просуществовавшим вплоть до середины XVII в.

Традиционно Золотая Орда и ее преемники делились на «крылья». Такое видоизмененное членение государства на две части наблюдается и в Касимовском ханстве (но не в территориальном плане, а в военном, мобилизационном отношении). В нем прослеживаются «Царев двор» и «Сеитов полк» («Сеитов двор»). Главой левого «крыла» в Золотой Орде был сам хан, а главою правого «крыла» являлся беклярибек. Должность беклярибека (амир-ал-умара, «князь князей» русских источников), первого из карача-беков (по сути, в Золотой Орде и некоторых позднезолотоордынских государствах он являлся вторым лицом после хана), которую после Идиге «оккупировали» представители клана Мангыт, в Касимовском ханстве по источниковым данным не прослеживается. По всей видимости, беклярибека в Мещере функционально замещал сеид. Хотя, возможно, формально беклярибек в Касимове и присутствовал, но никакой существенной роли не играл, являясь номинальной должностью.

Беки (эмиры) (в русских источниках – «князья») традиционно определяются как для Золотой Орды, так и для позднезолотоордынских государств как назначенные ханом военачальники, получившие за военную службу удел – улус. Они могли также являться и представителями служилого слоя аристократии при дворе хана (Федоров-Давыдов, 1973). Бек, в отличие от мурзы, – это должностное звание со значением «правитель», как современное «канцлер», «премьер-министр», «министр» (Усманов, 1972). В летописном сообщении от 1450 г. говорится о «царевичах» (Касим и Якуб) и «всех князьях их» (ПСРЛ, Т. 11-12, 1965) Под более поздней датой (1471 г.) появляются «князи царевичевы Даньяровы». В письме крымского хана Менгли-Гирея московскому великому князю от 1480 г. речь идет о «царевичах» с «уланы и князьями» (Малиновский, 1863). «Царевичевы князи» встречаются в договорной грамоте 1483 г., однако из текста следует, что они существовали уже при Касиме (1445–1469 гг.), то есть с самого основания Касимовского ханства. «Царевичевы Касымовы» князья названы в договорной грамоте 1483 г. по именам: Кобяк, «Аидаров сын», и «Ысак» (Исак), «Ахматов сын». У этих «царевичевых» князей имелись «их казначеи и дараги» (ДДГ, 1950). В конце XV–первой половине XVI вв. и вплоть до начала XVII в. князья правителей Мещерского городка в документах появляются довольно часто.

Должность даруги – институт, также унаследованный от Золотой Орды. Там в его функцию входила перепись населения, сбор податей (дани) и доставка их хану, устройство почтовых сообщений и набор войска (Федоров-Давыдов, 1973). По мнению М.А. Усманова, в период татарских ханств даруги – это территориальные администраторы вообще (Усманов, 1979). По всей видимости, в Касимовском ханстве даругами назывались сборщики дани для хана и его князей. Казначеи, вероятно, были связаны с финансовой сферой и ведали «казной». Даруги и казначеи впервые упоминаются в 1483 г. (ДДГ, 1950), однако они, так же как и князья, существовали уже при Касиме.

Итак, я полагаю, что общественно-политическое устройство Мещерского юрта во многом напоминало другие позднезолотоордынские государства (в особенности Казанское и Крымское ханства), да и саму Золотую Орду. Однако специфическое положение ханства (вассальный характер государственности, географическое расположение исламского государства в православной Руси, проживание на одной территории татарского и русского населения) внесло в его устройство ряд особенностей. С 30-х годов XVI века московское руководство начинает постепенно вмешиваться во внутренние дела юрта, вводя элементы «параллельной» (подчиняющейся Москве) администрации. Наиболее рельефно эти нюансы выступают после 1552 г., в связи с общим изменением геополитической ситуации в Восточной Европе, вызванной завоеванием Московским государством Казанского и Астраханского ханств.

В.Г. Рудаков (г. Москва)

Город Сарай в системе международной торговли

Целью доклада является рассмотрение вопроса о месте и роли города Сарая, столицы Улуса Джучи, в торговле XIII–XV вв.

В начале необходимо отметить, что вопрос о количестве и местонахождении Сараев все еще остается дискуссионным. Автор неоднократно высказывал мысль, что Царевское городище является развалинами города Гюлистана, а Сарай и Сарай аль-Джедид – это один и тот же город, располагавшийся на месте Селитренного городища (Рудаков, 1999; 2000). Но уверенно можно отождествлять городище у с. Селитренного лишь с Новым Сараем. Дело в том, что на Селитренном городище так и не найдены слои XIII–первой трети XIV вв. Здесь не обнаружены монеты XIII в. и ничтожно мало монет 20-х–начала 30-х гг. XIV в. чеканки Сарая (Клоков, Лебедев, 2002). Все чаще высказывается мнение, что Старый Сарай находился ниже по течению Ахтубы и, возможно, соответствует Красноярскому городищу, раскопки которого еще не производились*. Город на месте Селитренного городища вскоре после основания в середине 30-х гг. XIV в., вероятно, для краткости часто называли Сараем без эпитета «Новый». А с 1370-х гг. здесь помимо монет с легендой «Сарай аль-Джедид» начинают чеканить и монеты с легендой «Сарай» (Пачкалов, 2002а).

Город Сарай стоял на северном ответвлении Великого Шелкового пути, ведущем из Китая в европейские страны. В XIV в. это был главный путь, по которому шла торговля Востока с Западом. О полной безопасности данной дороги, контролируемой чингизидами, пишут Ибн Арабшах и Бальдуччи Пеголотти (Тизенгаузен, 1884; Pegolotti, 1936; Федоров-Давыдов, 2001). Южное ответвление пути, проходящее через Иран и страны Леванта, потеряло свое значение после поражения крестоносцев в войнах с мусульманскими правителями. По сведениям Тосканского Анонима (начало XIV в.) и Пеголотти (первая половина XIV в.), из Таны (Азака) в Сарай путь шел как через Хаджи-Тархан (Астрахань), так и напрямую (Еманов, 1995). На пустынной дороге из Сарая в Ургенч примерно через каждые 30 км стояли караван-сараи (Егоров, 1985).

Сарай находился также на волжском пути, который являлся одним из важнейших в торговле Запада и Востока, Севера и Юга. Большое значение имел торговый путь по Дону, тесно связанный с волжским через переволоку и переправу (в районе Мечетного городища).

С Руси в Золотую Орду поступали главным образом пушнина, мед, воск, льняные ткани. На Селитренном городище найдена пломба с изображением знака, похоженр на русскую букву Ж. Возможно она является следами русского текстильного экспорта (Клоков, Лебедев, 2002).

На Селитренном городище нередко встречаются вещи из приазовских, причерноморских и средиземноморских городов: поливная красноглиняная керамика из Крыма и фрагменты амфор (Волков, 1989, 2002).

Из западноевропейских стран через территорию Улуса Джучи шли шерстяные ткани (в том числе сукна), ткани из льна, конопли, хлопка; металлы; стекла и средиземноморские вина (Еманов, 1995). Например, в 1289–1291 гг. говорится о ввозе фландрского и французского текстиля в Кафу на сумму 900 тыс. аспров, пятая часть которых была отправлена в Сарай. А в 1330–1340 гг. объем поставок тканей стал еще больше (Еманов, 1995). На Селитренном городище было найдено 45 свинцовых пломб, из которых 40 экз. – западноевропейского производства. По-видимому, ими пломбировались европейские ткани (Клоков, Лебедев, 2002). Здесь обнаруживают и монеты из Европы, правда, достаточно редко.

Значительно интенсивнее была торговля с Востоком, откуда в Европу доставлялись различные пряности, дорогие ткани (в основном шелка), серебро, драгоценные камни, ювелирные изделия и многие другие товары. На Селитренном городище найдены фрагменты украшенных эмалями стекол, привезенных из Сирии и Египта; лощеная серо- и черноглиняная посуда, большие кувшины с круглыми в сечении ручками и каменные сосуды из Хорезма; фрагменты люстровой посуды иранской работы; красноглиняные поливные чаши и блюда из Закавказья; раковины каури, привозимые с берегов Индийского океана и др. (Бусятская, 1972; Булатов, 1979; Федоров-Давыдов, 2001). Примерно 1% керамики на нижневолжских городищах составляют изделия из китайского фарфора: с синей кобальтовой росписью, так называемые «селадоны» с бледно-зеленой поливой и другие виды (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989; Федоров-Давыдов, 2001). В мавзолее на раскопе VIII–1975 г. была обнаружена шелковая ткань (Федоров-Давыдов, 2001). На Селитренном городище встречаются золотые индийские монеты (Федоров-Давыдов,

* Археологические раскопки проводились пока только на могильнике Маячный бугор, который, судя по всему, относится к этому почти полностью застроенному городищу.

1978). В коллекции ПАЭ 1965–1997 гг. (более 4900 монет) имеется одна серебряная и пять медных монет мусульманских династий Средневековья (Рудаков, 1999).

Из Золотой Орды вывозили скот, кожу, меха, рыбу, соль, зерновые: ячмень, просо, рожь и пшеницу. В стране процветала работорговля. Абу-ль-Фида писал про Сарай в 1321 г.: «Это место, часто посещаемое купцами, и здесь осуществляется большая торговля тюркскими рабами» (Aboulféda, 1848). Столица отправляла товары в другие регионы Улуса Джучи и за границу: кашинные чаши, штампованную керамику, кувшины нижневолжского производства (Федоров-Давыдов, 2001). В слоях монгольского времени городов Руси обнаруживают как изделия восточного импорта, попадавшие туда обычно через поволжские ордынские города, так и предметы золотоордынского производства: джучидские монеты, кашинные бусы, фрагменты красноглиняной и кашинной глазурованной керамики и др. (Полубояринова, 1978; Федоров-Давыдов, 2001). Значительную долю среди них, безусловно, составляли ремесленные изделия сарайских мастеров.

Город Сарай был важным транзитным пунктом для греческих и армянских купцов. Здесь активно торговали и даже имели фактории итальянские, в основном, венецианские и генуэзские купцы. Например, венецианец Джованни Лоредан в 1338 г. доезжал до Хаджи-Тархана, а оттуда до Старого и Нового Сараев с целью продажи фландрских и флорентийских материй (Еманов, 1995). Сотни итальянских купцов были перебиты в Тане и Сарае во время конфликта 1343 г. (Еманов, 1995).

Сарай, как и другие городские центры Поволжья, являлся поставщиком различных товаров для кочевой степи: привозных шелковых и парчовых тканей, зеркал, ювелирных и костяных украшений, монет, многих типов керамики и т.д. (Федоров-Давыдов, 2001).

Чеканка монет Сарая (позднее также Сарая аль-Махруса, Сарая аль-Джедид) началась в 70-х гг. XIII в. и продолжалась до середины XV в. Но если в XIII в. сарайский чекан был рассчитан на местный и региональный рынок, то в XIV в. он становится общегосударственным (Федоров-Давыдов, 2003). На Селитренном городище кроме огромного количества монет встречаются гирьки различных форм и части весов (Федоров-Давыдов, 2001; Fyodorov-Davydov, 1984).

После походов Тамерлана на Улус Джучи в 1395–1396 гг. северная ветвь Шелкового пути потеряла свое былое значение. Основным становится южный путь через страны Леванта, однако в XV в. Сарай еще сохраняет торговое значение. Здесь продолжается чеканка серебряных и медных монет. Но их выпуск сильно сокращается, а весовая норма неуклонно снижается. На Селитренном городище найдено не менее 6 кладов с дирхемами начала XV в. (Баллод, 1923; Федоров-Давыдов, Мухамадиев, 1972; Федоров-Давыдов, 1980; Пачкалов, 2002б). В 1438 г. в Сарай совершил торговую поездку купец из иранского города Шираза (Заходер, 1967). В 1471 г. вятчане «взяша Сараи, и много товары взяша и в плен много поведоша» (ПСРЛ, т. 28, 1963). В 1480 г. небольшой русский отряд разрушил и разграбил город. В 1502 г. войска крымского хана разорили Сарай, и последние его жители были уведены в Крым.

А.Г. Ситдиков (г. Казань)

Золотоордынская Казань

Исследование проблем истории и археологии средневековой Казани имеет большое значение для решения более широкого круга вопросов понимания общеисторического процесса образования и развития восточноевропейских городов, в первую очередь, болгарских.

До начала археологических исследований представления ученых о средневековой Казани опирались преимущественно на скудные летописные и эпиграфические источники, поздние картографические материалы. Раскопки предшествующих лет также не давали целостной и четкой картины. Сведения о средневековой Казани были пополнены в результате широкомасштабных исследований 1994–2004 гг., когда были получены материалы о возникновении и развитии города.

Как известно, городища мысового типа (а древняя Казань относится именно к этому типу городищ) были характерным явлением для Восточной Европы эпохи средневековья. В XI–первой половине XV вв. город развивается в северной оконечности Кремлевского холма, ограниченной с юга Тезицким рвом; создаются укрепления, первоначально деревянно-земляные, перестроенные в каменные во второй половине XII в.; возникает планировка города; происходит формирование посада за пределами крепости.

В золотоордынский период Казань из окраинного города превратилась в один из заметных центров Поволжья. Археологических фактов, свидетельствующих о разорении Казани монголами, пока не обнаружено. Серьезным фактором

в усилении этого региона стал приток населения из южных областей, продолжавшийся весь золотоордынский период. Новым стало формирование феодальной знати из пришлого населения. Об этом свидетельствуют надгробные камни конца XIII в. на Кабанском городище на берегу оз. Кабан.

Казань динамично росла и постепенно расширялась по гребню Кремлевского холма. К началу XVI в. неукрепленный посад доходит до его южной оконечности. Осваивался и район Богородицкого монастыря, известного как «Старое городище».

Укрепления на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время. Они не подвергались крупным разрушениям и перестройкам. Жилая застройка на укрепленной территории, связанная с нижними горизонтами ордынского слоя, располагалась вдоль центральной городской улицы. В связи с притоком населения строительство в крепости велось более интенсивно. Таким образом, небольшое болгарское укрепленное поселение постепенно разрасталось, превращаясь к концу XIV в. в региональный центр, что привело к усилению роли Казани в борьбе против Золотой Орды. С этим процессом В.Л. Егоров увязывает события, описанные в русских летописях под 1370 и 1376 гг. В них говорится о борьбе местного болгарского князя Хасана с Ордой за самостоятельное управление Болгаром. В результате конфликта он был вынужден оставить город Болгар. Вскоре после этого, по мнению В.Л. Егорова, Хасан появляется в районе Казани. С могилой Хасана В.Л. Егоров связывал одно из надгробий XIII в. на берегу оз. Кабан, датируемое им XIV в.

Являясь много десятилетий крупной крепостью, Казань в качестве признанного центра в русских летописях начинает упоминаться только с конца XIV в. Правда, в поздних списках некоторых летописей она фигурирует еще в связи с событиями середины XII в. Наиболее ранней достоверной датой упоминания Казани в летописях некоторые авторы считают 1278 г., когда описывается передача ее ханом Менгу-Тимуром в числе 36 городов смоленскому князю Федору Ростиславичу.

В период Золотой Орды был накоплен IV слой стратиграфической шкалы Казанского кремля. Как и древнейший слой, он в значительной степени переработан более поздними сооружениями и сохранился фрагментарно. Он состоит из бурой плотной супеси с включениями подзола и суглинка, мощность его колеблется в пределах 20–60 см.

Материалы, связанные с золотоордынским временем существования города, обнаружены в относительно небольшом количестве, как и домонгольские, часть из них оказалась в слое Казанского ханства и даже в более поздних слоях. Массовый материал из IV слоя отличается от находок из других слоев. Керамическая посуда представлена фрагментами гончарных сосудов. Данный комплекс находит ближайшие аналогии в материалах нижне- и средневолжских городов Золотой Орды. Эта посуда в целом имеет корни в традиционном болгарском керамическом производстве, сформировавшемся в домонгольский период.

Характерной особенностью слоя и связанных с ним объектов является наличие в них золотоордынской поливной керамики из кашинного теста с полихромной росписью (более 40 фрагментов) и обломков селадоновых чаш светло-зеленого цвета (около 20 фрагментов).

В ходе предшествующих раскопок и исследований последних лет было обнаружено значительное количество предметов вооружения, конского снаряжения и повседневного быта, относящихся к золотоордынскому времени. Среди бытовых предметов имеются обломки бронзовых зеркал. Уникальной находкой является медный мощевик с рельефным библейским сюжетом – введения Христа во храм, датированный М.В. Седовой началом XIV в.

К концу XIV–началу XV вв. относится возобновление каменного строительства. В золотоордынском слое довольно часто встречаются фрагменты поливных облицовочных плиток голубого, бирюзового и ультрамаринового цветов. Изредка в раскопах встречаются джучидские монеты XIII–XIV вв. Они известны по монетным кладам, найденным в Кремле во второй половине XIX–начале XX вв. В ходе последних исследований было обнаружено 10 экз. джучидских монет (определение Д.Г. Мухаметшина). Наиболее ранние представлены пулами Менгу-каана, чеканенными в г. Болгар в 1250 г.

Костные остатки животных из напластований IV слоя повторяли по своему составу характеристику остеологического материала из отложений домонгольского времени. В числе небольших отличий необходимо отметить наличие костей свиньи, верблюда, а также собаки и кошки.

Материалы золотоордынского времени Казани очень близки к материалам многих поселений этого времени Среднего и Нижнего Поволжья. Важным моментом в ее характеристике является преемственность с домонгольским периодом и отсутствие следов перерыва в накоплении культурных напластований.

Расположение города на одном из выгоднейших торговых путей – Волге, несомненно, заложило основы его дальнейшего развития. Пограничная крепость на периферии Волжской Болгарии, преимущественно с военно-торговыми функциями, в период Золотой Орды превратилась в крупный региональный центр, а позднее – в столицу Казанского ханства.

В.В. Снегирев (Украина, г. Луганск)

Золотая Орда как пример кочевого государства (понятийно-терминологический анализ)

Американские авторы Р. Джексон и К. Розберг доказывают, что большинство стран, которые развиваются, «по сути, не государства, поскольку им не хватает институционного авторитета и организационных качеств, они могут быть охарактеризованы как государства лишь с юридической точки зрения» (Jackson, Rosberg, 1985).

Французский исследователь П. Жакмо называет такие государства «протогосударствами» (Jacquemot, 1983). Его соотечественник Н. Гелле утверждает, что большинство стран, которые претендуют на титул государства, пока что «государства – эмбрионы». По своему основному признаку – наличию власти одного вождя – протогосударство получило в науке другое наименование – «чифдом» (от англ. chief-dom). В прямом значении «чифдом» – это иерархическое объединение общин (бывших родов или племен) на определенной территории под властью одного правителя (Васильев, 1983).

Как определил еще в 30-х гг. известный историк С. Юшков, территориальное государство начального этапа феодализма, конечно, представляет собой пестрый комплекс разных земельных единиц, часть из которых – это феодализированные княжества, другие же – «племенные государства» (Юшков, 1992). Можно также вспомнить В. Бартольда, который пользовался термином «кочевое государство». Кочевание на протяжении двух тысячелетий было распространено на территориях, которые «не могли быть заселены и на которых не велось никакой производственной деятельности» (Бартольд, 1968).

Иную точку зрения высказал Л. Гумилев, который считал: «Кочевое общество с самого начала было государственной, политической организацией» (Гумилев, 1990). Это же мнение поддерживают ряд авторов: «Не дикими варварами-кочевниками были воины Чингиз-хана. Организованное государство, жестокое своей дисциплиной и поставленными перед ними задачами – вот в чем была сила монгольского движения, перед которым все отступало» (Федоров-Давыдов, 1994). На примере Золотой Орды попытаемся доказать существование «кочевого государства», государства не имеющего четко определенных границ.

У Золотая Орда не было четко определенных территориальных границ, то есть система власти должна была носить более гибкий характер, чтобы обеспечивать возможность управления новыми территориями. Данную возможность предоставляла «улусная система». Существование Золотой Орды – это не только проблема ее территории, но и проблема управления этой территорией, которая постоянно разрасталась и обеспечивала ее существование. Сущность ее составляло право кочевых феодалов на получение от самого хана или другого крупного степного аристократа определенного удела – улуса. За это владелец улуса обязан был выставлять в случае необходимости определенное число полностью вооруженных воинов (в зависимости от размера улуса), а также выполнять различные налоговые и хозяйственные повинности. Эта система представляла собой точную копию устройства монгольской армии: все государство – Великий Улус – делилось в соответствии с рангом владельца (темник, тысячник, сотник, десятник) – на определенные по величине уделы и с каждого из них в случае войны выставлялось по десять, сто, тысяче или по десять тысяч вооруженных воинов. При этом улусы не были наследственными владениями, которые можно передать от отца к сыну. Более того, хан мог отобрать улус совсем или заменить его другим. В начальный период существования Золотой Орды крупных улусов было, видимо, не больше 15, границами между ними чаще всего служили реки. В этом видна определенная примитивность административного членения государства, уходящая корнями в старые кочевнические традиции. Дальнейшее развитие государственности, появление городов, введение мусульманства, более тесное знакомство с арабскими и персидскими традициями управления привели к различным усложнениям во владениях Джучидов с одновременным отмиранием центрально-азиатских обычаев, восходящих ко времени Чингисхана. Как пишет Г.А. Федоров-Давыдов, вместо членения территории на два крыла, появились четыре улуса во главе с улусбеками (Федоров-Давыдов, 1991).

Одновременно с установлением внутригосударственного территориального деления происходило и формирование аппарата управления государством. Период правления ханов Бату и Берке с полным правом можно назвать организационным в истории Золотой Орды. Бату заложил основные общегосударственные устои, сохранившиеся при всех последующих ханах. Были оформлены феодальные владения аристократии, появился аппарат чиновников, заложена столица, организована ямская связь между всеми улусами, утверждены и распределены налоги и повинности. Правление Бату и Берке характеризуется абсолютной властью ханов, авторитет которых

ассоциировался в сознании подданных с размером награбленных ими богатств. Как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, ханы в это время имели «изумительную власть над всеми». Хан, стоявший на вершине пирамиды власти, большую часть года находился в кочующей по степям ставке в окружении своих жен и огромного числа придворных. Только короткий зимний период он проводил в столице.

Г.А. Федоров-Давыдов утверждает, что именно с этого момента Золотая Орда обрела полную самостоятельность в решении всех вопросов внешнеполитического и внутреннего характера, а столь тщательно охраняемое единство заложенной Чингисханом империи внезапно взорвалось, и она развалилась на куски (Федоров-Давыдов, 1994). Однако ко времени приобретения полного политического суверенитета в Золотой Орде, естественно, уже существовала собственная внутригосударственная структура, причем в достаточной степени сложившаяся и развитая. Нет ничего удивительного в том, что она в основных чертах копировала систему, введенную в Монголии еще Чингисханом. И полнота суверенитета раскрывалась во взаимоотношениях с русскими князьями. По мнению О.Б. Головко: «...некоторые южные части, еще в первой половине 40-х годов попали в той или иной степени в зависимость от монголов, и становились частью кочевой империи» (Головко, 2004).

Из сказанного выше видно, что Золотая Орда, несмотря на отсутствие четких территориальных границ, смогла обеспечивать свое существование как полноценное государство, выполняя его функции по охране, управлению, и обеспечению своей территории, а поэтому Золотую Орду можно назвать «кочевым государством» раннефеодального типа, которое образовалось на основе кочевых тюркских племен.

Л.В. Строкова (Украина, г. Киев)

Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области

В 1925 г. во Всеукраинский исторический музей им. Т.Г. Шевченко (Национальный музей истории Украины) поступил клад, найденный в 1921 г. во время земляных работ в с. Василицы возле г. Черкассы. В состав клада, согласно документам Всеукраинского археологического комитета, входили 59 золотоордынских и одна западноевропейская монеты и 51 женское серебряное украшение. Сообщение о находке Василицкого клада было опубликовано в «Кратких сообщениях ВУАК 1925 г.». Отдельные предметы упоминались в разное время в работах некоторых ученых, но полностью и более детально клад исследован не был (Корзухина, 1954).

На сегодняшний день клад сохранился полностью, кроме западноевропейской монеты, и выставлен в Музее исторических драгоценностей Украины – филиале Национального музея истории Украины (Строкова, 1999, 2001).

Рассмотрим вещественную часть клада. Самую большую группу женских украшений составляют сюльгамы – 27 экз. В кладе они представлены четырьмя типами, которые имеют аналогии в финно-угорских древностях XIV в. Наиболее многочислены сюльгамы (14 экз.) с широкими, четко выраженными треугольными лопастями с гравированным и сканно-зерневым орнаментом.

Браслеты с несомкнутыми концами представлены 4-мя видами: двужелобчатые, плосковыпуклые, пластинчатые и витые (11 экз.). Двужелобчатые пластинчатые браслеты (4 экз.) – со стилизованным изображением личин льва на концах и четырехлепестковой розеткой в центре. Аналогичная розетка встречается на браслете из погребения первой половины XIV в. могильника Мамай-Сурка в Запорожской обл. (Ельников, 2002). Нужно отметить, что на браслетах из клада изображения личин льва очень схематичные и больше напоминают филина. Подобные браслеты характерны для Золотой Орды. Общие художественные особенности и идентичный по содержанию серебра металл позволяют предположить, что браслеты из клада были изготовлены в одном ремесленном центре.

Плосковыпуклые браслеты представлены также в 4-х экз. – полуовального (2 экз.) и подтреугольного сечения (2 экз.). Два полуовальных браслета в центре орнаментированы гравированной четырехлепестковой розеткой и стилизованными изображениями морды льва на концах. Аналогичный браслет происходит также из погребения могильника Мамай-Сурка, которое датируется первой половиной XIV в. (Ельников, 2002). Два других браслета подтреугольного сечения уплощены в середине и на концах. На уплощениях помещен гравированный орнамент в виде тамгоподобных знаков или перекрещивающихся линий и точек. Такие браслеты встречаются в памятниках мордвы-эрзи и датируются XIII–XIV вв. (Алихова, 1958).

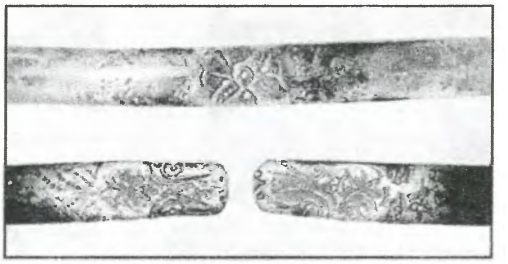
Единичен пластинчатый браслет, с суживающимися концами и небольшим расширением в центре, украшенным гравированным кружком

(XIII–XIV вв.). Имеется два браслета витых из 3-х кованых проволок со сканной перевитью, овальной формы, с киотцевидными наконечниками. Проволока к середине утолщается. На наконечниках чернью изображены две ветки – полукрина. Изображения данных полукринов, согласно Р.С. Орлову, относятся ко второй половине XIII–XIV вв. (Кучинко, Орлов, 1989). Т.И. Макарова в своей работе «Черневое дело Древней Руси» опубликовала эти браслеты как беспаспортные и поэтому не имела достаточно информации для их датировки. Аналогичный, также беспаспортный браслет происходит из коллекции Уварова, которая хранится в ГИМ. Т. Макарова считает эти браслеты стилистически более ранними по сравнению с другими типами древнерусских витых браслетов с черневыми наконечниками, которые датируются XI–XII вв. (Макарова, 1986). Но браслеты из Василицкого клада имеют значительные отличия от древнерусских браслетов XI–XII вв. Во-первых, у большинства витых браслетов наконечники криновидные, в данном случае – киотцевидные. Во-вторых, почти все древнерусские браслеты круглой формы, наши – овальной. В-третьих, браслеты из Василицкого клада изготовлены из более толстой проволоки, которая к середине утолщается. Полупальмета, которая составляет орнаментальную основу наконечников браслета, характерна для стилистики второй половины XIII–XIV в. Вероятно, что такое изображение полупальметы было «восточным заимствованием», результатом контактов древнерусских мастеров с ремеслом городов Поволжья и Крыма. Таким образом, учитывая все признаки и происхождение браслетов из клада с монетами XIV в., их можно датировать не ранее второй половины XIII в.

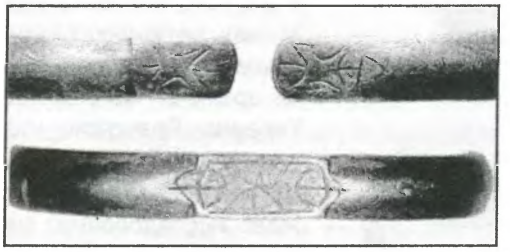
Значительную группу находок составляют перстни (8 экз.). Все они щитковосерединные с черневым, чернено гравированным и гравированным орнаментом, два из них со стеклянными вставками. Основная часть перстней относится к работе мастеров восточно-крымской ювелирной школы XIV в. Как щитки, так и шинки украшены характерными орнаментами, образующими S-видную композицию, полупальметами и трилистниками, веерообразными насечками и перекрещивающейся штриховкой, миндалевидными выступами, характерными для золотоордынского ювелирного искусства XIV–начала XIV вв. (Крамаровский, 2000, 2001).

В состав клада также входят височные кольца (3 экз.). Два из них перстневидные из тонкой, круглой в сечении проволоки, со сходящимися концами, одно со спиральным завитком. Височные кольца данного типа достаточно широко встречались в золотоордынское время и четкой датировки не имеют. Третье кольцо – с головой дракона или змеи, кусающей себя за хвост. Местами видны следы позолоты. Аналогичные кольца довольно часто встречаются в золотоордынских древностях

1

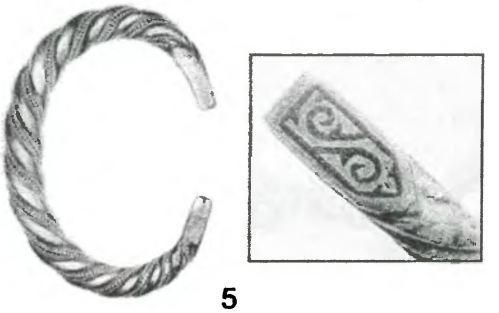


2



3

4



5

XIV–XV вв. (Супруненко, 1998).

Шаровидная пуговица, тисненная из двух половинок с профилированным двускатным ушком. Такие пуговицы распространены в средневековых памятниках – от салтовской культуры до позднего средневековья. (Ельников, 2000).

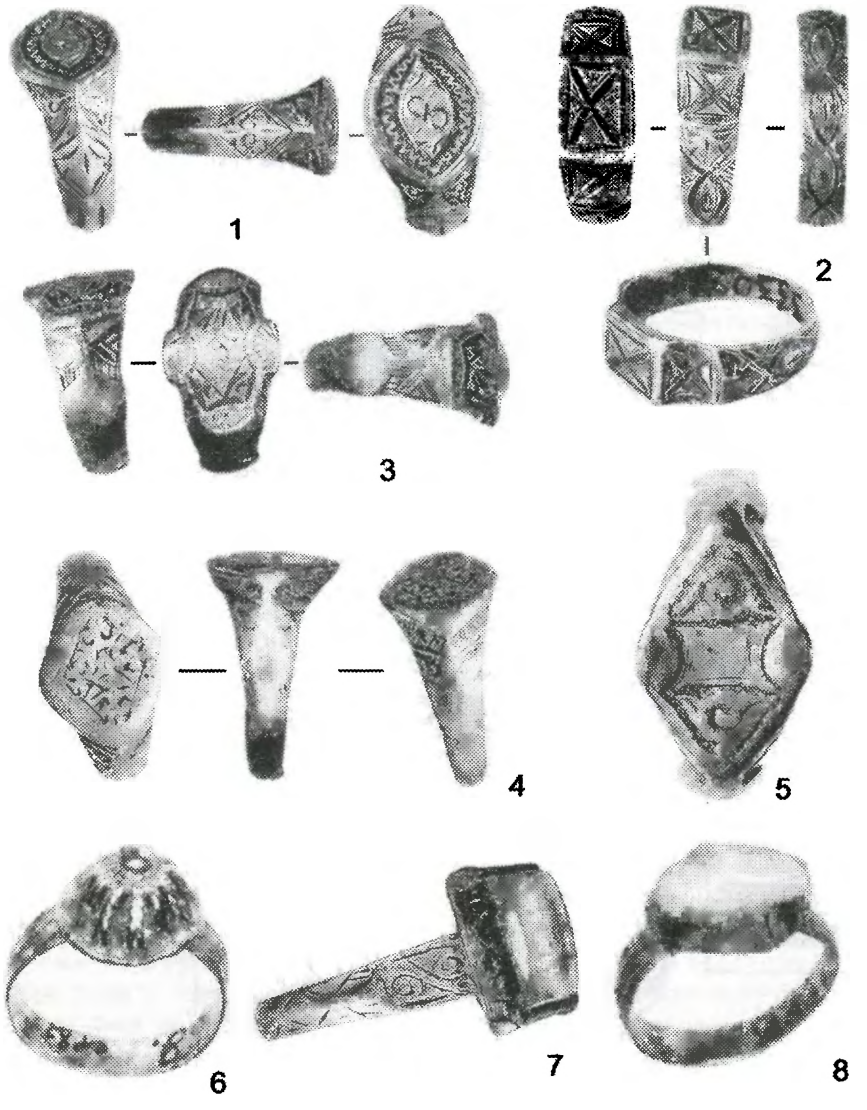
И последнее украшение – кольцевидная пластинчатая фибула с отверстием в середине. По краю и вокруг отверстия внешняя поверхность украшена двухрядной сканью и зерневыми «городками». В центре – игла с шарнирным креплением, над ней треугольно расположены большой зерневой шарик на сканной проволоке и два ленточных каста с вставками бирюзы. Подобные фибулы одиночно встречаются в мордовских могильниках XIV в. (Алихова, 1954).

Монетная часть клада состоит из 59 джучидских дирхемов XIV в. Самые молодые монеты датируются 70-ми гг. XIV в.

Таким образом, согласно предварительной датировке монет, Василицкий клад был спрятан не ранее 1370-х гг.

Как мы видим, в состав клада, в основном, входят ювелирные изделия, которые датируются второй половиной XIII–XIV вв., и по основному составу вещей и их происхождению могут быть связаны с золотоордынскими центрами Поволжья и Крыма. Сюда входят украшения, характерные для мордвы, Волжской Булгарии, Руси и Золотой Орды. В 1236 г. и мордовские земли, и Волжская Булгария вошли в состав монгольского государства, позднее Улуса Джучи, и приняли участие в создании золотоордынской культуры. Один из центров золотоордынской культуры был расположен в Крыму (Солхат), где сложилась восточно-крымская ювелирная школа.

В первой половине XIII в. все южнорусские земли были захвачены войсками Батыя и уже с середины XIII в. территория Нижнего Поднепровья вошла в состав улуса Джучи. Покоренное население приспосабливается к новым хозяевам, торговые связи возобновляются. При этом отмечается ослабление экономических связей с Киевом и усиление отношений с Крымом. В XIV столетии происходит бурный рост золотоордынских городов. Городища этого периода известны и в районе г. Черкассы, в том числе и в самих Василицах (Приходнюк, 1974; Беляева, 1982).



Таким образом, клад из с. Василицы, зарытый в Поднепровье, принадлежит уже не русским, а татарам и, как мы видим, в основном состоит из серебряных украшений XIII–XIV вв., сделанных или в Поволжье, или в Мокше, или в Крыму. Данный клад, безусловно, был зарыт кем-то из богатых татар, возможно, одним из представителей золотоордынской администрации в Поднепровье.

Материалы Василицкого клада представляют значительный интерес, поскольку они являются редкой находкой золотоордынского времени на территории Украины. Возможно, что более детальное изучение монетной части клада, которая ждет исследования, внесет свои коррективы в интерпретацию его вещественной части.

А.В. Титков (Украина, г. Полтава)

Восточный доспех из собрания Полтавского краеведческого музея

Среди многочисленных экспонатов Полтавского краеведческого музея выделяется восточный доспех смешанной конструкции. Он атрибутирован сотрудниками музея как доспех монголо-татарского воина XIII–XIV вв. (рис.1). При изучении этого экспоната были выявлены характерные черты, которые дают возможность отнести рассматриваемый образец защитного вооружения к арабо-азиатской оружейной традиции.

Среди доспехов можно выделить два основных принципиально-конструктивных концепта – европейский (западный) и арабо-азиатский (восточный). Каждый из них представлен большим количеством школ.

Классическим примером реализации принципов и закономерностей европейской традиции оружейника может служить немецкая школа, которая характеризуется попытками мастеров превратить доспех в персональную крепость, неуязвимую для любого вооружения, то есть обеспечить во время нападения абсолютную защиту. Такая тенденция в целом характерна для всей Европы, хотя, несомненно, существовала и собственная региональная специфика. Это в полной мере характерно для центральноевропейских стран; определенные отличия существовали в итальянской (миланской) школе – более легкий и подвижный доспех, оригинальная конструкция наступательного вооружения, что также частично присуще таким восточноевропейским странам, как Польша, Венгрия, Чехия и Русь.

Арабо-азиатский подход отличали совсем иные принципы. В пределах этого направления также существовала разветвленная система защитного и наступательного вооружения. В отличие от западного, восточное защитное вооружение характеризовалось большей подвижностью, которая достигалась за счет меньшего веса доспехов и другими методами сочетания элементов конструкции (ламелярный тип соединения и т.п.). Подобно европейским школам, на Востоке были собственные центры, которые задавали общее направление развития не только для своего региона, но и оказывали значительное влияние на некоторые европейские страны. Таким центром была Персия, которая, фактически, заложила основу оружейной традиции всего арабо-мусульманского мира и оказывала огромное влияние на Русь и Запад (IX–XIV вв.) (Винклер, 1992), а также Индию, Китай, Турцию. Мелкие локальные центры типа Малайзии не имели заметного регионального влияния.

Рассматриваемый доспех относится к арабо-азиатскому концепту защитного вооружения. Это утверждение базируется на конструктивных особенностях доспеха и его специфической отделке. Особенности конструкции позволяют отнести подобный доспех к кольчужно-пластинчатым, то есть состоящим из комбинации колец и пластин (Трубников, 1998; 2001; Титков, 1999). Подобный подход объединял лучшие позитивные черты ламелярного и кольчужного доспеха, поскольку воплощал подвижность и надежность. Пластины в данной конструкции соединялись не кожаными или шелковыми ремешками, а металлическими кольцами. Базовые пластины представлены двумя видами: узкими и удлиненными (11,6 х 3,3 см), и большими прямоугольными (11,6 х 7,8 см). Толщина каждой пластины – 0,5 мм. Они достаточно плотно соединяются между собой (даже частично перекрывают друг друга) с помощью кольчужного плетения. Кольчужные кольца изготовлены из волоченой проволоки и взяты на гвоздь. Каждое кольцо соединяет между собой еще 4 подобные. Такой тип соединения пластин почти не ограни-

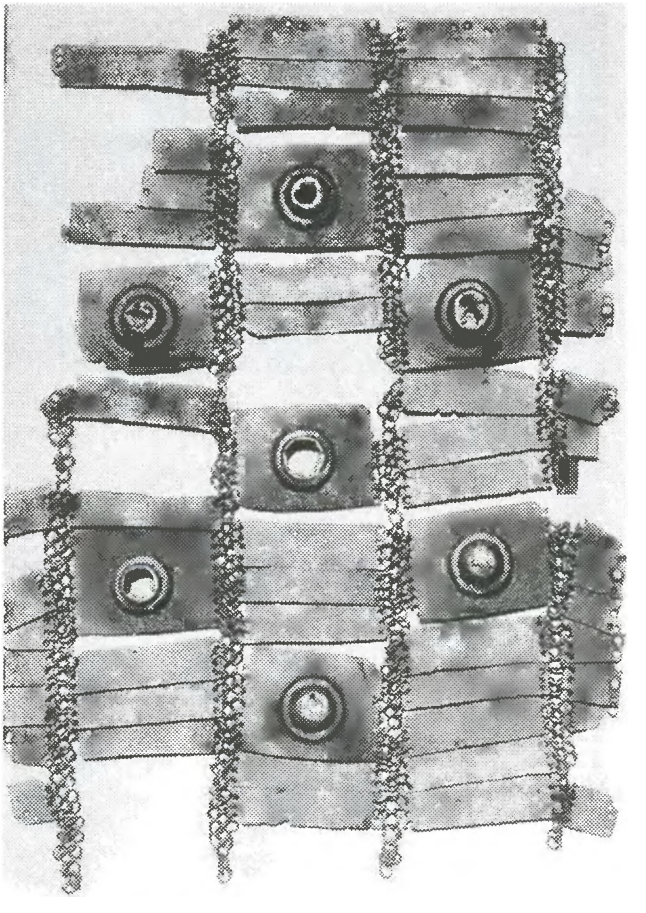


Рис. 1. Фрагмент восточного доспеха.

ивает подвижности воина. Конструктивная реализация скрепления пластин и колец напоминает аналогичные в бахтерцах, в которых усиление защитных функций также достигалось за счет накладно-заводного (когда каждая пластина остается открытой на одну треть или наполовину) принципа размещения пластин (Гордеев, 1954). Большие пластины имеют специфическую двойную выпуклость, которая несколько напоминает умбон щита. По мнению автора, он предназначался для отведения прямого колющего удара клинка или копья (пики). Кроме пластин центрального ряда на доспехе уцелели еще и фрагменты боковых соединителей с остатками заклепок.

Каждая пластина была украшена позолоченным выгравированным орнаментом (рис. 2). Эта черта является очень типичной для арабо-персидской школы, чьи доспехи в большинстве случаев украшались гравировкой или чеканкой (Бехайм, 1995). Узор на пластинах доспеха из Полтавского музея образуется стилизованным растительно-геометрическим орнаментом. Орнамент располагается таким образом, что когда пластины перекрываются одна другой, узор не страдает. Соединение всех этих элементов в целостную конструкцию позволяло получать доспех, который мог противостоять уколу или удару, оставаясь тонким и легким, гибким и надежным.

Типологически похожий доспех был обнаружен в 1903 г. Н.И. Веселовским в кургане вблизи станицы Усть-Лабинская, на Кубани. От него сохранились «отдельные обломки пластин, а также целые блоки из нескольких проржавевших прямоугольных пластинок размером 7–4 см, соединенных между собой кольчужными кольцами, которые сохранились в отверстиях пластин». Эту находку датировали второй половиной XIV–началом XV вв. Самые древние остатки подобных панцирей (кольчужно-пластинчатых доспехов) были выявлены в пределах Золотой Орды (История боевых искусств: Россия и ее соседи, 1997). Но это вовсе не означает, что они были изготовлены именно там. Более вероятным представляется их происхождение с территории Ближнего Востока. В позднем средневековье среди турков и арабов были распространены панцыри, которые, подобно рассматриваемому, состояли из системы больших и малых пластин, соединенных с помощью колец, которые образовывали кольчужное плетение шириной в три–пять колец (Бехайм, 1995).

Таким образом, экспонируемый в Полтаве доспех является примером реализации восточного направления в изготовлении защитного вооружения. Наиболее вероятной датировкой для него является конец XVI–XVII вв. Это предположение основывается на анализе общей тенденции развития защитного вооружения. Данные относительно происхождения рассматриваемого экспоната пока отсутствуют. Возможно, доспех попал в музей из коллекции князей Кочубеев, перевезенной из Диканьки в Полтаву М.Я. Рудынским (Николаев, 1991) или поступил в земский музей в составе собраний П.П. Бобровского (Риженко, 1928).

Рис. 2. Орнамент на пластинах доспеха.

А.А. Тишкин (г. Барнаул)

Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые результаты их изучения

Металлические зеркала всегда привлекали внимание исследователей, в том числе и Г.А. Федорова-Давыдова (1966). Они демонстрируют технологические особенности получения сплавов, считаются хронологическими, социальными и другими индикаторами. На Алтае пока имеется небольшая коллекция предметов интересующего нас периода. Особое внимание мы уделим изделиям из погребальных комплексов.

Хорошо известно зеркало из Горного Алтая, найденное при исследовании женского погребения в могиле № 17 на памятнике Кудыргэ (Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965). Оно в свое время изучалось М.П. Лавровой, которая определила, что вокруг ушка в центральной зоне, ограниченной бортиком, имеются рельефные изображения символических животных: «...дракон, тигр, черепаха со змеей и, по-видимому, феникс». В статье С.И. Руденко и А.Н. Глухова (1927) содержится сравнительный анализ зеркала из Кудыргэ с изделием ханьского времени из собрания Русского музея. Между ними отмечены серьезные отличия. На этот момент обратила внимание А.А. Гаврилова (1965), датируя могилу № 17 монгольским временем. В том, что изделие было «дешевой ремесленной работой мастера» из Китая, сомнений не высказывалось. В 2005 г. зеркало из Кудыргэ, хранящееся в ГЭ (кол. № 4389), по инициативе автора публикации изучалось с помощью рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) поверхности в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ. Получены следующие результаты: Cu – основа; Sn – 16–18%; Pb – 13–16%; As – <1%; Sb – следы (аналитик С.В. Хаврин). Таким образом, рассматриваемое изделие изготовлено из медно-оловянисто-свинцового сплава, что, в общем-то, характерно для китайских экземпляров (Богданова-Березовская, 1975). Не исключено, что в качестве образца использовался более древний предмет, что было довольно распространенным явлением в эпоху средневековья (Лубо-Лесниченко, 1975; Масумото, 1993).

Еще одно китайское зеркало, относящееся к монгольскому времени (XIII–XIV вв.), обнаружено в Горном Алтае при исследовании памятника Бертек-20. На одной стороне имеется бортик и изображена жанровая сцена, сюжет которой взят из «Предания о Лю И» танского автора Ли Чаовэя (Молодин, Соловьев, 1994). Аналогии изделию можно найти в отечественных и китайских изданиях (Лубо-Лесниченко, 1975; Молодин, Соловьев, 1994).

Теперь перейдем к металлическим зеркалам, обнаруженным в Лесостепном Алтае. Рисунки некоторых предметов нашей сводки (рис. 1) помещены в статье К. Руденко (2004), правда, без каких-либо комментариев. Неучтенным там оказалось зеркало (рис. 1.*2*), фрагмент которого зафиксирован на памятнике Телеутский Взвоз-I. Изделие не находит прямых аналогий в подборке, сделанной К. Руденко. Идентичный предмет происходит из погребения монгольского времени некрополя Суттуу-Булак-I на Тянь-Шане (Anke, Moskalev, Soltobaev, Tabaldiev, 1997). Еще один такой экземпляр хранится в Минусинском музее (Лубо-Лесниченко, 1975). Спектральный анализ зеркала из Телеутского Взвоза-I осуществлен в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ (аналитик Е.Д. Агапова): Pb – >1; Sn – 0,5; Zn – 0,5; Cu – 0,1; Ba – 0,1; Si – 0,05; Bi – 0,03; Fe – 0,03; Sb – 0,005; Ag – 0,005; Al – 0,003; Ni – 0,002; Co – 0,001; Mg – 0,001; Ca – 0,001; Ga – 0,001; In – 0,0005 (в весовых процентах). Свинцово-оловянисто-цинковый сплав, из которого изготовлено изделие, является редким для Алтая. Орнаментальное поле составляют бортик с желобком по краю и две зоны с изображениями, отделенные валиками (рис. 1.1). В первой полосе расположены чередующиеся дуговые и шестиугольные «с отростками» фигуры, в центре которых имеются выпуклые «точки». Внутренний орнамент состоит из таких же фигур, но без «точек». Зеркало датировано последней третью XIII–началом XIV вв. (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002).

Еще одно зеркало, обнаруженное в Лесостепном Алтае, происходит с памятника Островное-3, из разрушающегося женского погребения 2-й половины XIII–1-й половины XIV вв. (Иванов, 1999) (рис. 1.4). Спектральный анализ осуществлен в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ: Cu – >5; Sn – 2; Pb – >>1; Zn – >1; As – 0,04; Bi – 0,015; Fe – 0,01; Ca – 0,01; Sb – 0,005; Si – 0,005; Ag – 0,005; Co – 0,002; Mg – 0,001; Ni – 0,0008; Ti – 0,0007; Ge – 0,0006; In – 0,0006; Mn – 0,0005 (в весовых процентах). Полученный результат демонстрирует медно-оловянисто-свинцово-цинковый сплав.

Зеркало из Островного-3 обнаруживает сходство с находкой из погребения последней трети XIII–начала XIV вв. н.э. памятника Шидерты-III (рис. 1.*2*) (Мерц, Тишкин, 2000). Предмет из Казахстана имеет беловато-свинцовый цвет. В Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ также были получены результаты полуколичественного спектрального анализа его пробы: Cu – >>1; Sn –

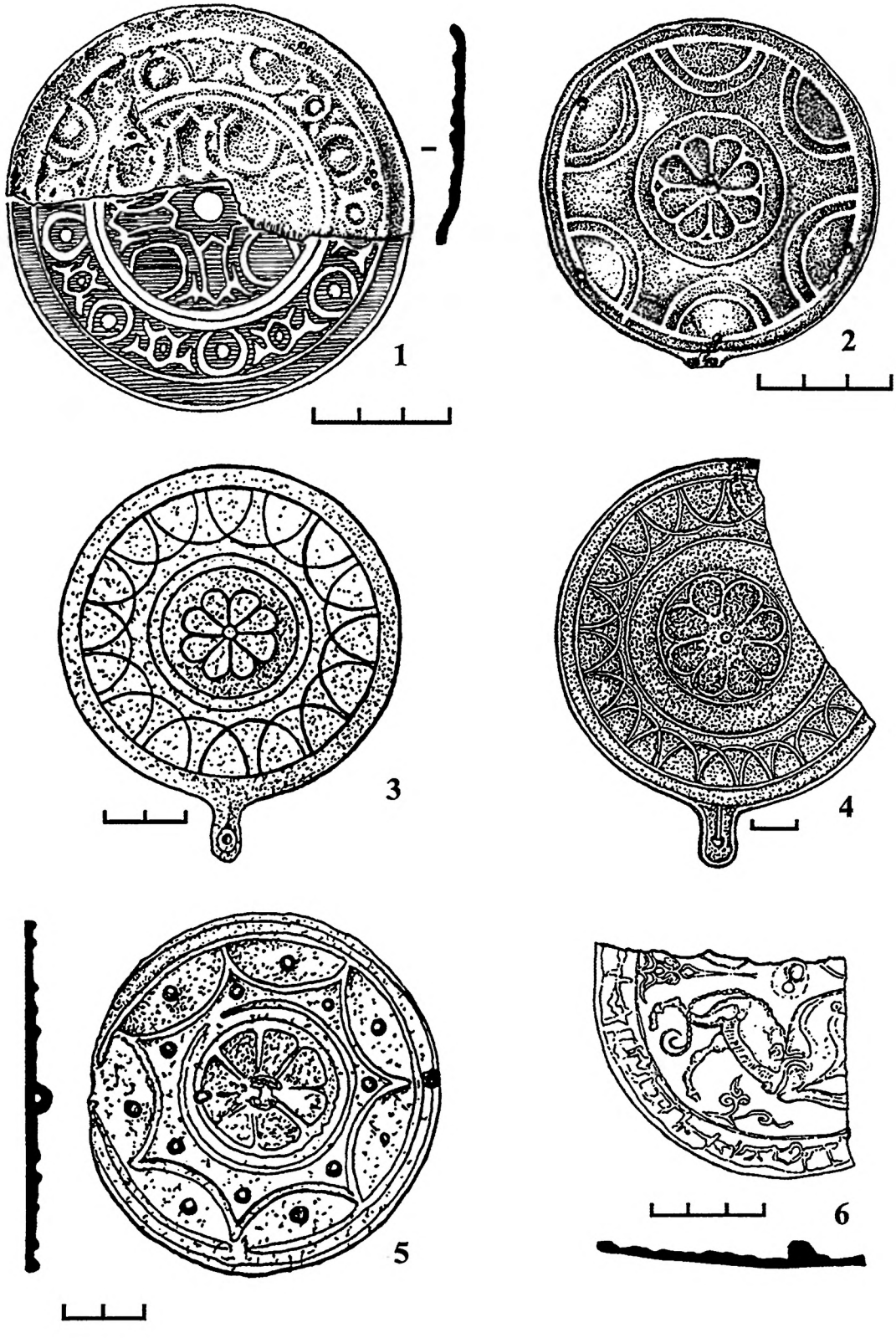


Рис. 1. Металлические зеркала монгольского времени.
1 – Телеутский Взвоз-I (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002); *2* – Шидерты-III (Мерц, Тишкин, 2000); *3* – Новый Кумак (Иванов, Кригер, 1988); *4* – Островное-3 (Иванов, 1999); *5* – Бел-Саз-I (Табалдиев, 1999); *6* – случайная находка у г. Бийска (Масумото, 1993).

>>1; Pb – 0,1; Zn – 0,1; Sb – 0,05; Si – 0,03; Ag – 0,01; Fe – 0,01; As – 0,01; Ni – 0,01; Bi – 0,005; Ti – 0,005; Co – 0,005; Al – 0,001; Mg – 0,001; Ge – 0,001; Mn – 0,001 (в весовых процентах). Эти данные свидетельствуют о сложном сплаве, основу которого составляют медь и олово. Не так давно подобные зеркала называли «серебряными», основываясь на их внешнем виде. Однако своеобразный цвет изделие приобрело, по всей видимости, благодаря существенному содержанию в сплаве олова, свинца и цинка. Изделия, найденные в Приуралье в курганах кыпчакского времени (XII–XIV вв.) (рис. 1.*3*), также очень схожи с указанными образцами (Иванов, Кригер, 1999; Кригер, Железчиков, 1980). Аналогичное зеркало (рис. 1.*5*) обнаружено на могильнике Бел-Саз-I на территории Внутреннего Тянь-Шаня (Табалдиев, 1999). Другие аналогии описанным выше изделиям из Лесостепного Алтая найти сейчас не трудно. Такие вещи обнаружены в Восточной Европе (Федоров-Давыдов, 1966), в Приобье (Плетнева, 1997), в Казахстане и Средней Азии (Маргулан, 1959; Кадырбаев, Бурнашева, 1970; Арсланова, 1970; Заднепровский, 1975; Могильников, 1981; Табалдиев, 1999).

Еще один фрагмент зеркала (рис. 1.*6*) XII–XIV вв., случайно найденный около г. Бийска, хранится в БКМ. По бортику зеркало украшено арабской благожелательной надписью, а в поле орнамента невысоким рельефом изображены сфинксы. Подобные изделия были распространены в монгольское время на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Северном Кавказе, в евразийских степях Восточной Европы (Масумото, 1993).

И. Фодор (Венгрия, г. Будапешт-Сегед)

Археологические памятники половцев и ясов на территории Венгрии

После монголо-татарского нашествия (1241–1242 гг.) венгерский король Бела IV на наиболее опустошенной средней, равнинной территории страны поселил половцев (куманов), пришедших из степей Восточной Европы. Для них были созданы административно-территориальные округа (sedes). Память о местах обитания половцев сохранились до настоящего времени в названиях областей Надькуншаг (Большая Кумания, в комитате Сольнок) и Кишкуншаг (Малая Кумания, в комитате Бач-Кишкун).

Первое погребение, которое можно отнести к венгерским половцам XIII в., было найдено в 1816 г. в местности Кидьешпуста. В 1902 г. случайно было обнаружено богатое женское погребение в Балотапусте, где в следующем, 1903 г. было найдено погребение мужчины-воина. Женское погребение с конем нашли крестьяне в 1931 г в Банкуте, а в 1934 г. были найдены мужские погребения в Кишкунмайше и в д. Фельшосенткирай. В 60-х гг. XX в. в комитате Сольнок были найдены, также случайно, еще два погребения: в 1967 г. мужское захоронение в окрестностях г. Кунсентмартон и в 1969 г. захоронение молодой женщины в д. Хомок.

О деталях погребального обряда сохранилось весьма мало сведений. Инвентарь погребений тоже не полностью был передан в музейные коллекции. Первое изученное археологами погребение было раскопано в 1998 г. в с. Ченгеле.

Хотя интерес к археологическим памятникам венгерских половцев возник в Венгрии еще в конце XIX в. (Г. Надь), впервые их памятники были идентифицированы лишь в 50–60-е гг. прошлого столетия.

Все указанные мужские и женские погребения по всей вероятности сопровождались захоронением лошади. Несомненно, это были погребения первых половецких переселенцев, которые во второй половине XIII в. еще сохраняли свое этническое самосознание и использовали традиционные половецкие ритуалы.

Основная же масса половецкого населения постепенно оседала на землю и принимала христианство. В урочище Карцаг-Оргондасентмиклош исследована часть половецкого поселения полуоседлого типа. Здесь, а также в селах Оттомош, Карцаг-Ассоньсаллаш и Перката открыты и их могильники, расположенные вокруг церквей.

Ясы (аланы), по всей вероятности, переселившиеся в Венгрию вместе с половцами, были расселены в различных частях страны, и только в XIV в. их поселили в области Ясшаг (Алания). В этой области в последнее время были открыты их могильники, расположенные вокруг церквей. Ясское население в это время уже было христианским.

М.В. Цыбин (г. Воронеж)

Русско-ордынское пограничье в Подонье (по данным археологических исследований)

Проблема русско-ордынского пограничья более двадцати лет назад была рассмотрена в работах В.Л. Егорова. По мнению автора, владения Орды включали и Верхнее Подонье. Основанием для такого вывода явились немногочисленные данные письменных источников. Историки, обращающиеся к этому вопросу, высказывают противоположные суждения в интерпретации письменных источников (ср., например, точки зрения А.Л. Хорошкевич и В.А. Кучкина). Не прояснили его широкомасштабные археологические исследования на Куликовом поле и в других районах Верхнего Подонья. Верхнее Подонье во второй половине XIII–XIV вв. представляло собой древнерусскую этническую территорию (рис. 1). Здесь выявлены и исследованы многочисленные древнерусские памятники (поселения и грунтовые могильники). Погребения кочевников и собственно золотоордынские памятники на этой территории пока не обнаружены.

Последние, наряду с древнерусскими поселениями, известны в Среднем Подонье (к югу от устья р. Воронеж) (рис. 1). Применительно к данному региону можно говорить о русско-ордынском пограничье в археологическом и этническом контексте. В настоящее время здесь выделяются несколько групп памятников. Известны подкурганные кочевнические погребения. Среди них отметим курганный могильник у с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области (раскопки К Ю. Ефимова) и могильник у с. Лесное Балашовского района Саратовской области (раскопки Н.К. Арзютова, В.И. Гуляева). С точки зрения выяснения северных пределов кочевий интересно недавно случайно обнаруженное погребение XIV в. в г. Лиски.

Наиболее ярким достижением последнего времени являются открытия погребений кочевой аристократии. Два погребения (мужское и женское) исследованы К.Ю. Ефимовым у с. Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области. Еще два богатых погребения (мужчины и женщины) были изучены в 1990 г. А.А. Бойковым у с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области. По составу погребального инвентаря эти погребения сходны с погребениями у с. Олень-Колодезь. Предполагаемая дата данных двух памятников – конец XIII–первая половина XIV вв. С этим кругом памятников связано и одно из погребений во Власовском могильнике (Грибановский район Воронежской области, раскопки В.Д. Березуцкого).

Вторая группа памятников – это собственно золотоордынские поселения с кирпичными постройками. Они находятся в нижнем течении Хопра и Медведицы в Волгоградской области (Тишанское, Дурновское, Кумылженское, Глазуновское). Ни один из этих памятников не раскапывался, кроме того, они сильно разрушены. Интересен комплекс из двух кирпичных построек у пос. Красный Бобровского района Воронежской области (правый берег р. Мечеть). Одно из зданий было частично исследовано в 1948 г. В.П. Левашевой. Под полом здания она обнаружила несколько мусульманских захоронений. На берегу р. Мечеть ею был исследован горн для обжига кирпича. В 2002 г. археологической экспедицией Воронежского госуниверситета под руководством автора были полностью вскрыты остатки второго мавзолея. По частично сохранившемуся фундаменту удалось установить, что мавзолей имел общие размеры 21,5 х 10,5 м и был ориентирован по линии ЮЮЗ–ССВ. Основу плановой структуры мавзолея составляло прямоугольное помещение размерами 14,5 х 10,5 м, разделенное стеной на две камеры. В северной находился полностью ограбленный склеп. Рядом с ним выявлены два более поздних по времени погребения. С ССВ стороны к основному помещению было пристроено прямоугольное помещение, размерами 5 х 4 м, в котором также совершались захоронения. Длинные стены мавзолея с ЮЮЗ оканчивались пилонами. Вход, видимо, перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала портал, украшенный мозаикой на кашине. Встречались плитки, покрытые тонкой золотой фольгой по белой поливе. За пределами мавзолея выявлены три погребения в узких могильных ямах с западной ориентировкой. В одном из них найдены пять дирхемов, четыре из которых относятся к 80-90-м гг. XIV в. (определение Е.Ю. Гончарова). Упадок этого центра кочевого улуса относится, видимо, к началу XV в. В округе мавзолеев выявлено синхронное им поселение XIV в. с древнерусской и золотоордынской керамикой.

В последнее время в Среднем Подонье выделен новый тип памятников золотоордынского периода – грунтовые могильники (Новохарьковский и Таганский). Новохарьковский могильник расположен у с. Новохарьковка Ольховатского района Воронежской области на дюнном всхолмлении в пойме правого берега р. Ольховатка. Раскопки проводились Т.Ю. Березуцкой (1994 г.)

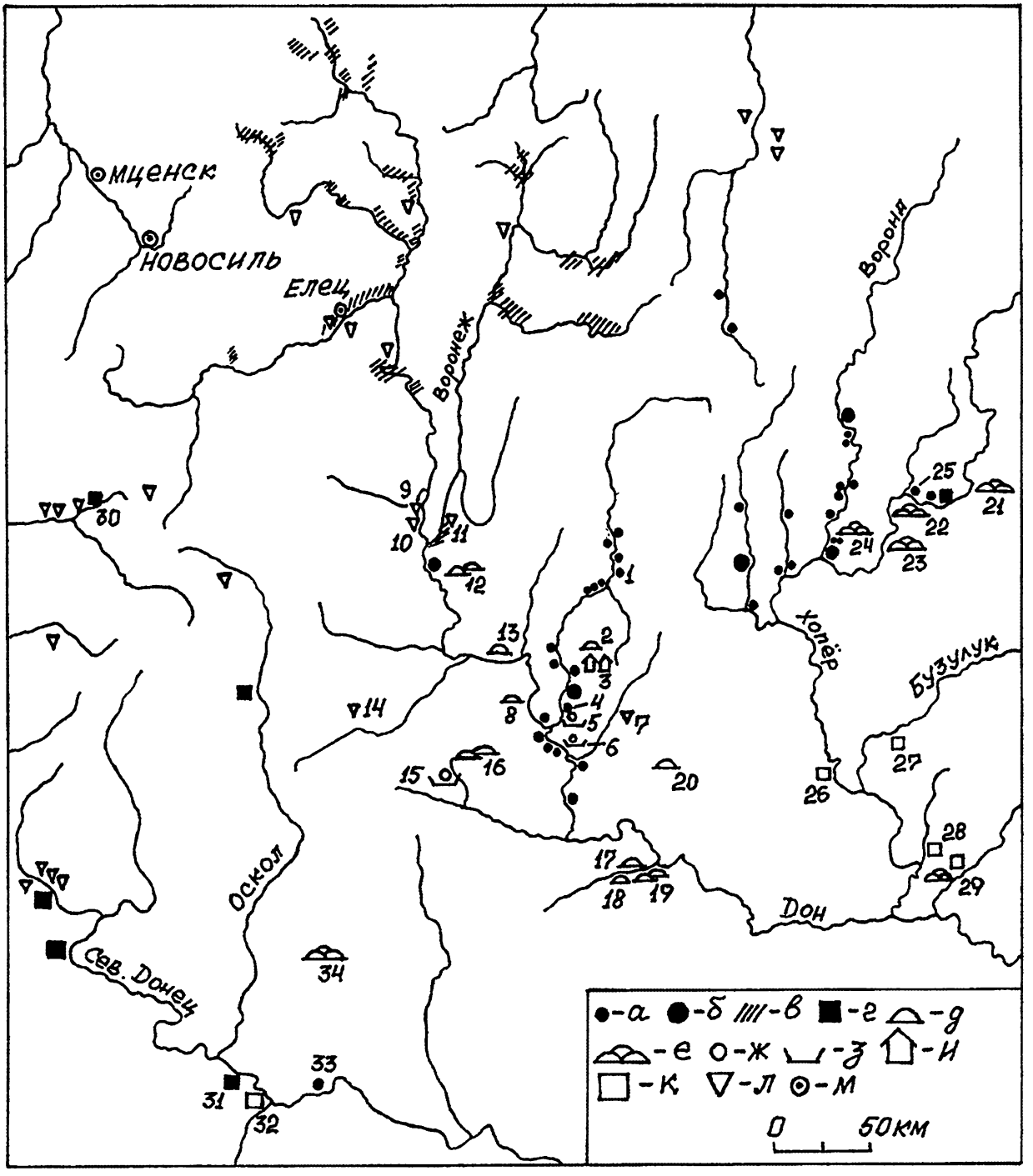


Рис. 1. Карта расположения археологических памятников на периферии Золотой Орды в Подонье
а – селище с древнерусской керамикой (в ряде случаев и с золотоордынской); б – группа селищ с древнерусской керамикой; в – участки концентрации древнерусских селищ в Верхнем Подонье (по работам М.И. Гоняного, Н.А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского госуниверситета); г – поселение с древнерусской керамикой (керамикой «древнерусского облика») и с золотоордынской керамикой на городищах предшествующего времени; д – подкурганное кочевническое погребение; е – курганный кочевнический могильник; ж – поселение золотоордынского круга; з – грунтовой могильник золотоордынского круга; и – золотоордынский мавзолей; к – золотоордынское поселение с постройками из кирпича; л – клад золотоордынских монет; м – летописные города XIV в.
1 – Дрониха, 2 – Новый Буравль (Сафоновка), 3 – Красный, 4 – Антиповка, 5 –Таганский, 6 – Затон I; 7 – Воронцовка, 8 – Марки, 9 – с.Семилуки, 10 – Девица, 11 – г. Воронеж, Отрожки, 12 – Олень-Колодезь, 13 – Лиски, 14 – Нижнепокровское, 15 –Новохарьковка, 16 – Караяшник, 17 – Вервековка (III Богучарский могильник), 18 – Лофицкое, 19 – Дьяченково (Высокая гора), 20 – Новомеловатка, 21 – Ключи, 22 – Лесное (Свинуха), 23 – Третьяки, 24 – Власовский, 25 – Инясево, 26 –Тишанское, 27 – Дурновское, 28 – Кумылженское, 29 – Глазуновская; 30 – Бесединское (Ратское), 31 – Царино, 32 – Казачья Пристань (Райгородок), 33 – Зливки, 34 – Нижняя Дуванка.

и А.З. Винниковым (1995–1997 гг.). На изученной площади (более 800 кв.м) исследовано 147 погребений. Погребальный инвентарь могильника находит широкие аналогии на памятниках Золотой Орды, Волжской Болгарии, в кочевнических погребениях золотоордынского времени. Анализ антропологического материала Новохарьковского могильника показал, что мужское население являлось профессиональными всадниками, а скотоводство – ведущей отраслью хозяйства. Антропологические материалы Новохарьковского могильника имеют наибольшее сходство с материалами Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры (р. Короча, Шебекинский район Белгородской области) (заключение Т.И. Алексеевой, М.В. Козловской).

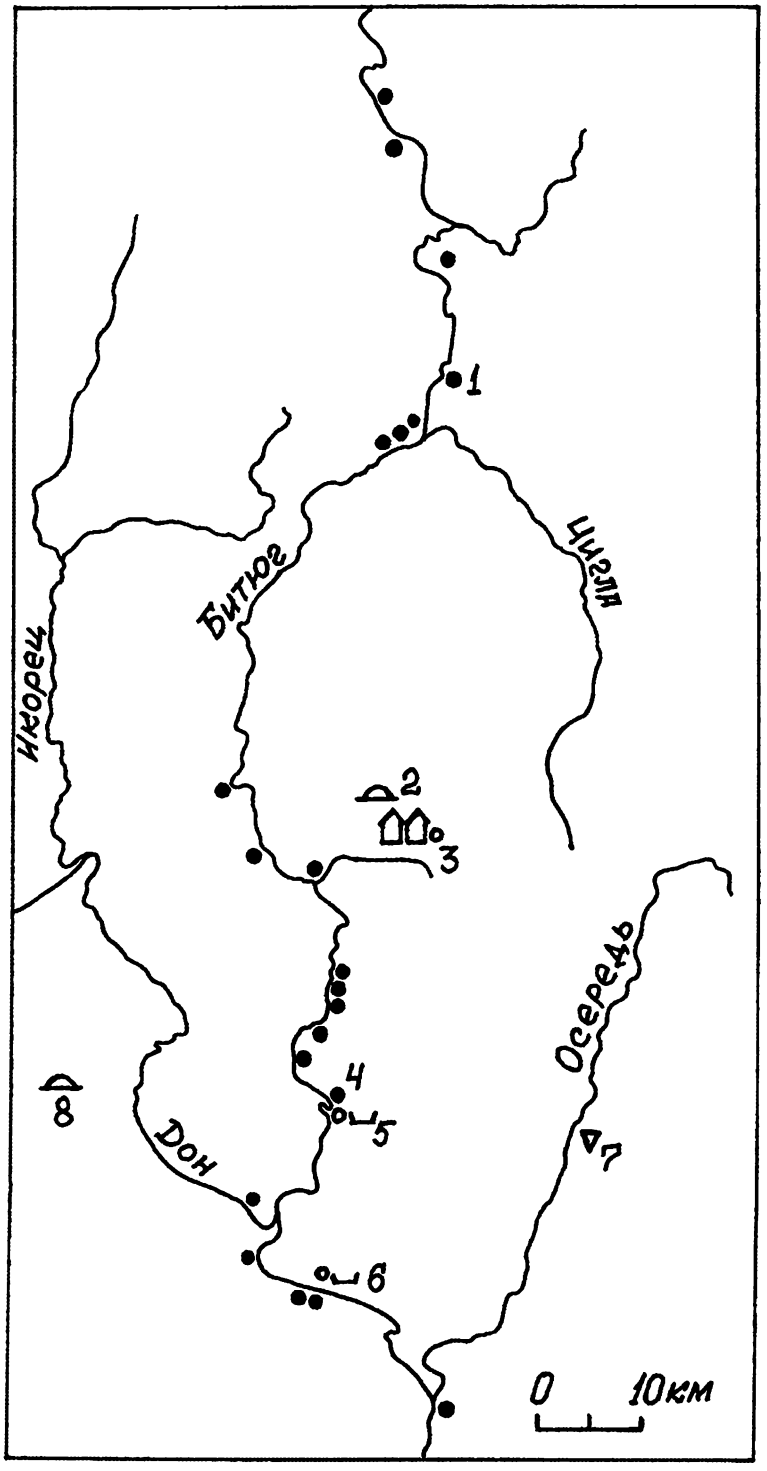


Рис. 2. Карта расположения археологических памятников золотоордынского периода в Побитюжье

В бассейне Среднего Дона наиболее близок Новохарьковскому могильнику Таганский могильник на р. Битюг у с. Лосево Павловского района Воронежской области. Памятник открыт и изучался в 1995 году Ю.П. Матвеевым, в 1998–2001 гг. – Ю.П. Матвеевым и автором. Здесь получены материалы XIV в. Выявлены хозяйственные ямы и остатки наземной постройки с очагом. Получена серия золотоордынской и древнерусской керамики. Всего изучено пятнадцать погребений XIV в. Судя по преобладанию золотоордынской керамики, этот комплекс, как и Новохарьковский, можно отнести к кругу золотоордынских. Но характер поселения и этническая принадлежность его жителей требуют уточнений.

Изучение периферии Золотой Орды в Среднем Подонье ведется сейчас на микрорегиональном уровне. Наиболее перспективным районом в этом плане является Побитюжье (рис. 2). Здесь известны упоминавшиеся выше собственно золотоордынские памятники, кочевническое подкурганное погребение, памятники золотоордынского круга (Таганский могильник и поселение) и собственно древнерусские поселения. Можно говорить о сосуществовании групп населения, оставивших все перечисленные выше категории памятников. Распад этой системы относится к концу XIV – началу XV в. Район распространения памятников золотоордынского времени в Побитюжье, видимо, имеет ряд общих черт с районом среднего течения р. Северский Донец.

В.Н. Чхаидзе (г. Москва)

Матрега – золотоордынско-генуэзский город XIII–XV вв. на Таманском полуострове

Позднесредневековая история Таманского городища – актуальная и в малой степени разработанная тема отечественной историографии. Анализ имеющегося материала свидетельствует о значимой роли в этот период древнего города Таматархи–Тмутаракани–Матархи, получившего новое название – Матрега.

Определенных свидетельств пребывания монголов на полуострове нет, можно лишь предполагать форсирование Керченского пролива по льду зимой 1222–1223 гг. преследующих половцев двух туменов Чжебе и Субудая, впоследствии разграбивших Сугдею (начало 1223 г.). Вероятно, зиму орды провели на севере Таманского или Керченского полуостровов (Плетнева, 1990; Бубенок, 2004). Ситуация могла повториться и зимой 1238–1239 гг., когда воинские соединения Шибана, Бучека и Бури вновь появились возле Сугдеи (Лавров, 1965; Бубенок, 2004).

Посетивший в 1237 г. Матрегу римский миссионер Юлиан отметил: «князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих» (ЗООИД, 1863). В 1253 г. Матрику упоминает Г. де Рубрук (Путешествие...1997). Ибн Са'ид ал-Магриби (70-е–80-е гг. XIII в.) называет город по-гречески: «Правитель Матрахи единолично правит городом» (Коновалова, 2005). Тюркское название города – ат-Таман находим у Абу-л-Фиды (нач. XIV в.), он называет город «границей царства Берке» (Коновалова, 2005). Под этим же названием город фигурирует в энциклопедии ал-Калкашанди (1355–1418) (территория правого крыла Золотой Орды, пятый Округ – край Азова): «...ат-Таман, на побережье Армении и страны Рум. Его жители – неверные кыпчаки» (Григорьев, Фролова, 2002).

С появлением в начале XIV в. в Матреге генуэзцев возросла роль города как торгового центра, появились торговые учреждения и консульство Генуи. Население города в основном составляли греки и черкесы. Во вторую половину XV в. при финансовой помощи Каффы в городе была построена крепость (Зевакин, Пенчко, 1938; Егоров, 1985; Узлов, 2004). В первой четверти XV в. власть в городе перешла к генуэзскому роду Гизольфи. Окончание генуэзского периода в жизни города связано с захватом Матреги османами в 1482 г. Отметим, что турки расширили и обустроили генуэзскую крепость, которую в 1711 г. видел Абри де ла Мотре (Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., 1974). Остатки крепости находятся к востоку от Таманского городища и никогда не исследовались.

Таманское городище – многослойный памятник (мощность культурных напластований – до 14 м). Первоначальный облик городища претерпел значительные изменения вследствие различных разрушений: в Ю части городища уровень современной поверхности открывается слоями IV в., в В – XI в., в СЗ – XV в. С 1953 г. и до сего дня слой XIII–XV вв. городища мощностью 1–1,5 м открыт на 11 раскопах. В большинстве своем это разрозненные обрывки кладок – частей фундаментов зданий, ориентированных по сторонам света, каменные вымостки дворов, сырцовые завалы, развалы глинобитных печей, хозяйственные ямы. На многих раскопах отмечены прослойки большого пожарища, датируемого первыми десятилетиями XIII в.

В ЮЗ части городища на раскопах IV и VII были открыты остатки сырцовой оборонительной стены, сооруженной в середине IX в. и срытой до основания в первые десятилетия XIII в. (Плетнева, 2000). Стена была перекрыта позднейшими напластованиями, в частности, архитектурными остатками. На раскопах XIII–XV зафиксирована система надстройки, характеризующаяся сложенными из необработанных булыжников и ракушечника, скрепленных глиняным раствором, фундаментами домов с сырцовыми стенами.

На площади I раскопа «Северо-Восточный» открыт очаг четырехугольной формы, образованный поставленными на ребро 4 плитами ракушечника и укрепленными снаружи сырцом. К С от очага расположена керамическая печь-тандыр из слабо обожженной глины. Устье печи обложено ракушечником, сверху плиты образовывали почти квадрат с круглым отверстием в центре. Печь округлой формы с чуть расширяющимися книзу стенками, ее рабочая часть находилась на том же уровне, что и очаг. Заброшена не позднее XV в. На площади VII раскопа «Северный» открыт развал очага, обложенный по краям камнем, со следами глиняной обмазки, возможно, печь была сложена из сырцового кирпича. Очаг напоминает печи-тандыры для выпечки хлеба, бытующие на Северном Кавказе.

На площадях XXV–XXVII открыт комплекс из 2 помещений. Одно – с суфой и каном, другое с двухкамерной сырцовой печью, с ним связано погребение, совершенное по мусульманскому обряду (Чхаидзе, 2004). Шесть подобных погребений открыты на «Восточном» некрополе. Умершие погребены по одинаковому погребальному

обряду – вытянуто на спине, головой на З, лицо обращено к Ю (Чхаидзе, 2004).

Керамический материал из слоев XIII–XV вв. – прежде всего тарная керамика: преобладают амфоры с дуговидными и высокоподнятыми ручками (1 половина XII–XV вв.), плоскодонные кувшинообразные амфоры (XII–XIV вв.) (Плетнева, 2000). Значительно количество фрагментов с граффити, найдены 3 амфорных клейма (Чхаидзе, 2005). Яйцевидные и шарообразные пифосы с высоким горлом. Посуда представлена местными кувшинами с вертикальным горлом и венчиками с валиком на внешней стороне, покрытыми полосчатым лощением. Ряд привозных горшков и кувшинов изготовлен из коричневой глины, с росписью белым ангобом (Плетнева, 1963). Большое количество привозной глазурованной красноглиняной керамики, покрытой белым ангобом с орнаментом, выполненным в технике «сграффито». Найдены сосуды с зелено-коричневой росписью под бесцветной или желтоватой поливой. Много сосудов с полихромной росписью (Макарова, 1963; Финогенова, 1987). Известны фрагменты черепиц. Много стеклянных браслетов (Богословский, 1987). Часты находки астрагалов с отверстием. Из раскопок происходит джучидский дирхем XIV в. плохой сохранности.

Требуется дальнейшее планомерное изучение и, прежде всего, обобщение и публикация археологического материала из слоя XIII–XV вв.

М.Б. Шигапов (г. Казань)

Комплекс материалов золотоордынского времени у села Рождествено в низовьях Камы (к этнокультурной истории татарского народа)

Одним из уникальных объектов археологии Волжской Болгарии является группа памятников, расположенных около села Рождествено Лаишевского района Татарстана (рис. 1). В настоящее время в группу входят восемь из двенадцати ранее известных археологических памятников (Фахрутдинов, 1975; Археологическая карта ТАССР. Предкамье, 1981), прочие разрушены рекой Мешей и Куйбышевским водохранилищем.

Начиная с 60-х гг. XIX в. до начала XXI в. (в том числе автором в 2002–2003 гг.), изучались памятники комплекса, имеющие материалы золотоордынского времени – это Рождественские I, V, VI селища, Рождественский могильник V.

На селище V в 2002–2003 гг. собран подъемный материал, характерный для булгарской культуры золотоордынского времени. Среди находок железный светец, аналогичный предмет в

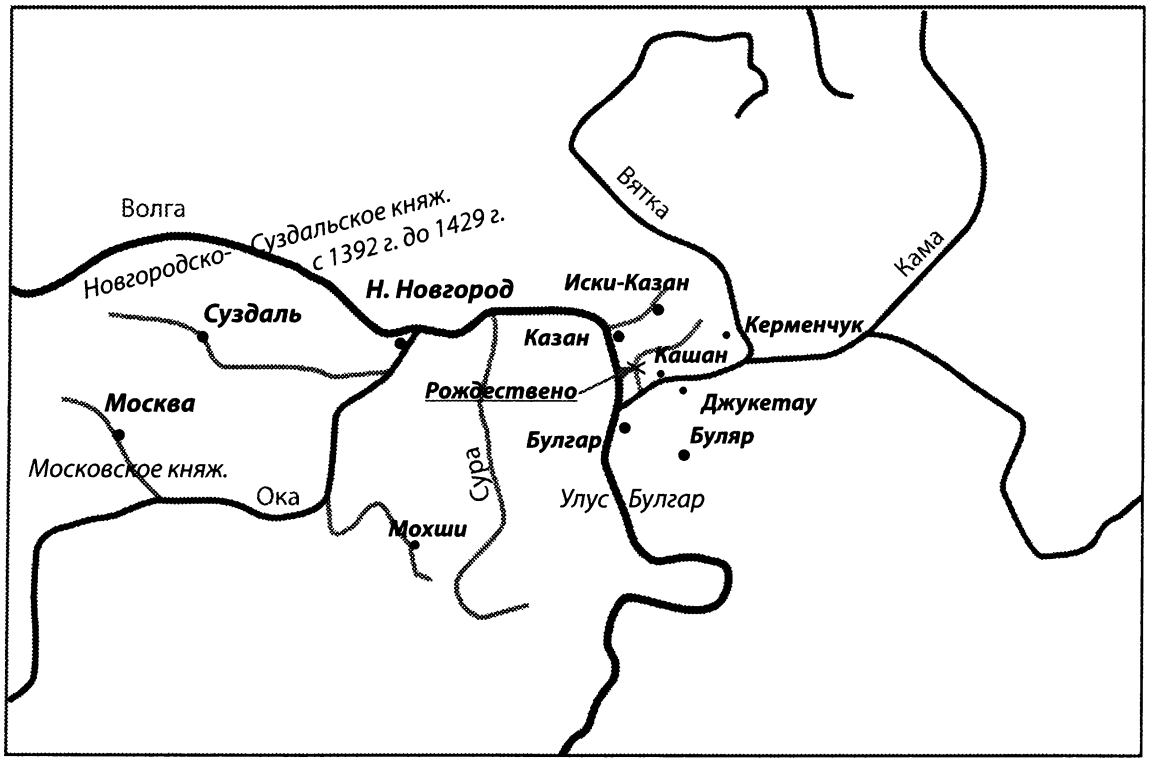


Рис. 1. Схема расположения памятников у села Рождествено: X – Рождественский комплекс, • – Средневековые города

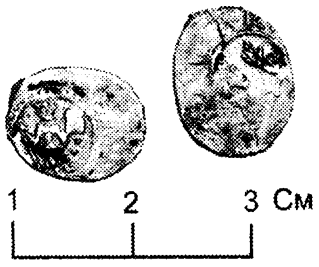


Рис. 2. Суздальская денга

материалах Болгарского городища происходит из слоя XIV в. (Савченкова, 1996), а также фрагмент стенки поливного красноглиняного сосуда. Особый интерес представляет древнерусская монета – это анонимная деньга, чеканена в Суздале в 1427–1429 гг. (рис. 2). Находка данной монеты подтверждает предположение о существовании поселения на месте Рождественского V селища в первой половине XV в. Кроме того, на территории Рождественского V селища найден билон 1420-х гг.

В 2002–2003 гг. при проведении обследований территории бывшего села Рождествено найдены монеты золотоордынских ханов. Интерес представляют: дирхем Булата; дирхем XV в. (подражание?); обрезанный дирхем Узбека 737 г.х., чекан Сарая; пробитый дирхем Шадибека 1400–1407 гг.; дирхем Шадибека, Хаджи-Тархан; дирхем Джанибека, Гюлистан, 750 г. х., обрезан под норму XV в.; пулы: Сарай 726 г.х.; Булгар 734 г.х.; Хызр, Сарай ал-Джадид, 762 г.х.; Хызр, Сарай ал-Джадид с надписью «хан»; Хызр 762 г.х., с надписью ى; Хызр, Гюлистан, 762 г.х.; Сарай ал-Джадид 753 г.х. с надписью «законный»; Насир-лид-Дин Аллах, Булгар, сер XIII в. (?); Хызр, Гюлистан, 762 г.х.; Менгу (Мунке), Булгар, 1251–1259 гг., перечекан из монеты Насир-лид-Дина, Булгар (1240-е гг.?). Монеты найдены на восточной окраине бывшего села Рождествено (село существовало с XVII до середины XX вв.). Здесь же найдены фрагменты поливной кашинной керамики. Можно предполагать, что поселение золотоордынского времени существовало на территории указанного села.

Другой комплекс золотоордынских монет 820–830 гг.х., происходящих из Рождественского комплекса, известен в литературе (Гончаров, Тростьянский., 2004).

Керамический комплекс с Рождественского I селища представлен фрагментами посуды, выполненной в традициях керамики Болгарского городища. Определенный интерес представляет фрагмент сосуда плохого обжига, орнаментированного параллельными рядами гребенчатого штампа, разделенными сплошными полосами («елочка»), орнамент нанесен изнутри сосуда.

Рассмотрим материалы могильников. На могильнике IV В.Ф. Генингом изучено 40 погребений, совершенных по мусульманскому обряду. Причем умерших хоронили в гробах, доски которых, в отличие от V могильника, гвоздями не скреплялись. Интерес представляет погребение кочевника на данном могильнике (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев, 1962). Монета, найденная в могиле (Бирдибек, Сарай ал-Джадид, 759 г.х.) определяет его дату – вторая половина XIV в.

Мусульманские погребения могильника V (изучено более 200 погребений) отличаются выдержанностью обряда – ориентированы строго по кыбле. Это наблюдение, а также наличие в некоторых могилах железных гвоздей от гробов, отсутствующих в раннеболгарских могильниках, позволило Е.А. Халиковой датировать могильник временем не ранее XII в. П.Н. Старостин датирует данный некрополь XIV–XV вв. (Археологическая карта ТАССР. Предкамье, 1981).

Интерес представляет антропологический облик людей, погребенных на некрополях Рождественского комплекса*. По Рождественскому IV могильнику известны данные только из раскопок П.Н. Старостина (погребения №№ 43, 44, 45). Судя по ним, мужские черепа характеризуются как брахикранные, со средней шириной лицевого скелета, но достаточно высокие. Уплощенность лица проявляется на уровне орбит. Слабый угол выступания носа указывает на некоторую монголоидность данной группы.

Сравнение черепов XIII–XIV вв. (Рождественский IV могильник) с черепами XII–XIII вв. (Рождественский III могильник) указывает на усиление монголоидных черт в физическом облике более поздней группы населения.

Серия с Рождественского V могильника характеризуется как мезокранная, с высоким сводом. Лицевой отдел по ширине – узкий, по высоте – высокий, умеренно профилирован в горизонтальной плоскости. Угол выступания носовых костей средний, но для европеоидных типов не характерен (24°). Этот антропологический тип смешанный и широко распространен на территории Волжской Булгарии с домонгольского времени.

Вероятно, в сложении физического облика населения, оставившего Рождественский V могильник, приняла участие местная группа населения домонгольского времени и население, характеризующееся субуральским антропологическим типом (ареал распространения данного типа очень широк, но прежде всего он присущ местному финно-угорскому населению Поволжья и Приуралья).

Данный комплекс памятников представляет интерес как источник для изучения сельской культуры булгар в золотоордынскую эпоху.

* Антропологическая справка предоставлена И.Р. Газимзяновым.

Л.В. Яворская (г. Волгоград)

Бахтияровский могильник в кругу памятников золотоордынского времени Нижнего Поволжья

Бахтияровский курганный могильник расположен в Ленинском районе Волгоградской области на второй надпойменной террасе реки Ахтуба в 1,5 км к северо-западу от пос. Бахтияровка и в 16 км к западу от Царевского городища. Курганное поле насчитывало остатки около 150 насыпей и 5 мавзолеев. Из 138 курганов, исследованных в некрополе к середине 90-х гг. XX в., 120 курганов со 131 захоронением и 8 захоронений в раскопанных мавзолеях принадлежат золотоордынскому времени. Курганы, сооруженные ранее золотоордынского времени, составляют среди раскопанных памятников некрополя около 13%. Курганное поле было очень велико и разделялось глубокими балками на три большие группы, получившие наименования: Бахтияровка-I, Бахтияровка-II, Бахтияровка-III. Среди погребений некрополя выделяется ряд захоронений мусульманской погребальной традиции, другие группы составляют языческие кочевнические захоронения, несущие черты как местной домонгольской традиции, так и присущие средневековым жителям восточных районов евразийской степи, тюркской и монгольской погребальных традиций.

Курганные группы, расположенные вблизи современных поселений округи Царевского городища на первой и второй надпойменных террасах реки Ахтуба, отделяются глубокими балками. Среди этих степных разновременных памятников можно выделить ряд могильников, которые, как и Бахтияровский, функционировали преимущественно в золотоордынское время: Царев-I, Ленинск-I, Маляевка-I, Маляевка-VI, Зубовка. Курганы, сооруженные ранее золотоордынского времени составляют в них от 8 до 37%. Из них могильники Царев-I, Маляевка-I и Маляевка-VI, расположенные ближе всего к территории Царевского городища, содержат довольно много погребений специфически мусульманского облика: в сырцовых «оградках», с кирпичными закладами, в подбоях-ляхдах или «щелевидных» ямах, без вещей, с соответствующими ориентировками погребенных, принадлежавших, скорее всего, оседлому городскому населению, у которого давно и прочно сложились погребальные традиции (Мыськов, 2003). Краниологические исследования группы погребений из могильника Царев («курган» № 84), сближают это население со средневековым населением Хорезма (Балабанова, 1999).

Безинвентарные захоронения Ленинского курганного могильника составляют почти половину всей совокупности золотоордынских погребений. Однако «хорезмийских» элементов в мусульманских погребениях прослеживается весьма немного, это преимущественно конструкции: есть кирпичные заклады, исследована одна погребальная «оградка». Кроме того, в погребениях, расположенных параллельно в одном кургане под кирпичными закладами, встречаются полные наборы языческого погребального инвентаря.

В могильнике Зубовка исследованы преимущественно погребения в оградках, но в большинстве из них не соблюдены каноны ислама ни в ориентировках и позах погребенных, ни в отсутствии вещей. Скорее всего, они имеют отношение к Зубовскому поселению. Остальные некрополи округи Царевского городища содержат небольшой процент золотоордынских захоронений от общего числа раскопанных погребений. Погребения с ярко выраженной хорезмийской погребальной традицией практически не встречаются. Это касается и Бахтияровского могильника. В Бахтияровке-I вообще нет захоронений мусульманского облика, в Бахтияровке-II их 4, два из которых расположены параллельно в одной оградке, но, как и в Ленинском могильнике, каноны ислама ни в чем не соблюдены. В Бахтияровке-III - 17 подкурганных захоронений мусульманского облика с кирпичными закладами, почти без инвентаря, но позы погребенных далеки от канонов среднеазиатских мусульманских захоронений. По внутримогильным конструкциям в бахтияровских захоронениях фиксируются не классические ляхды, а небольшие ниши, где поза погребенных также не выдержана в строгих исламских канонах. Единственным напоминанием о «хорезмийской» погребальной традиции является ступенчатое перекрытие погребальной камеры погребения 2 из кургана 114, но в самом погребении имеются вещи. Целый ряд мусульманских безынвентарных захоронений того некрополя имеет юго-западную ориентировку, характерную для языческих погребений этого же массива. «Хорезмийские» конструкции использованы при строительстве мавзолеев. Однако мавзолеи расположены несколько в стороне от основного массива некрополя и, на мой взгляд, представляют собой сложные архитектурные сооружения, выполнявшиеся приглашенными специалистами. Погребения в них отличаются разнообразием. Кроме того, мавзолеи являются наиболее поздними элементами

некрополя, поскольку при строительстве мавзолея № 2 было разрушено более раннее довольно богатое золотоордынское языческое захоронение (Ким, 1993).

Таким образом, Бахтияровский могильник отличается от могильников округи Царевского городища: во-первых, это самый крупный могильник на этой территории и самый большой для золотоордынского времени; во-вторых, в нем очень мало элементов хорезмийской погребальной традиции, характерной для могильников, расположенных на окраинах города и связанных с горожанами – переселенцами из Средней Азии. В этом он схож с некрополем у города Ленинск, а также с целой серией степных некрополей Нижнего Поволжья, расположенных по обоим берегам Волги-Ахтубы. Эти степные некрополи использовались кочевыми народами еще с эпохи бронзы, золотоордынских погребений в них от 10 до 50%, элементы хорезмийской погребальной традиции в них встречаются, но они единичны.

Из поселенческих памятников к могильнику могут иметь отношение два – почти не исследованное Бахтияровское поселение, расположенное в 300 м от могильника Бахтияровка-II и Царевское городище. Поселение, по-видимому, синхронно какой-то части могильника, но оно невелико и вряд ли его жители оставили столь многочисленные, преимущественно кочевнические захоронения. Могильник, вероятнее всего, имел длительную историю в золотоордынское время. Часть некрополя, обозначаемая как Бахтияровка-I, функционировала, вероятнее всего еще до появления города на месте нынешнего Царевского городища: здесь нет монет, моложе 30-х гг. XIV в., в археологических отчетах нет упоминаний о находках фрагментов золотоордынской керамики или архитектурного декора в заполнении ям, нет сооружений из сырцового и жженого кирпича, не найдено вещей, которые могли бы быть продукцией, произведенной в городских мастерских Царевского городища. Части некрополя Бахтияровка-II и Бахтияровка-III, без сомнения, синхронны городу: в погребениях обнаружен ряд вещей, аналогичных городским (Яворская, 2001). Но разновременные части могильника связаны между собой как формами погребального обряда, так и отдельными предметами материальной культуры.

Бахтияровский некрополь, по-видимому, не принадлежит к некрополям городского населения, но выбивается и из разряда степных кочевнических, отличаясь от первых очень небольшим количеством «хорезмийских» погребений, а от вторых многочисленностью погребений золотоордынского времени и пестротой погребальных обрядов. Если принять в качестве гипотезы мысль о принадлежности всего могильника одной кочевой группировке, то столь многочисленные, разнообразные могилы могла оставить только одна кочевая единица Нижнего Поволжья – ханская ставка.

Е.А. Беговатов (г. Казань), А.В. Пачкалов (г. Москва)

Новые находки джучидских монет в Волжской Болгарии*

В настоящее время накоплены обширные материалы по денежному обращению на территории Среднего Поволжья в золотоордынский период. После появления фундаментальных работ выдающихся нумизматов С.А. Яниной и Г.А. Федорова-Давыдова можно считать, что монетное обращение Волжской Болгарии изучено неплохо, но, к сожалению, неравномерно. Если отдельные находки монет на Болгарском городище неоднократно становились объектом специального рассмотрения, то единичные находки на средневековых селищах Среднего Поволжья привлекали значительно меньше внимания. Объясняется это лучшей изученностью Болгарского городища по сравнению с остальными памятниками золотоордынского времени в Волжской Болгарии. В научный оборот необходимо ввести новые материалы по денежному обращению Волжской Болгарии в XIII–XV вв.: монеты с селищ и городищ, расположенных в округе Великого Болгара, которые были собраны одним из авторов в 1980–1990-е гг.

Почти все они являются известными, уже опубликованными типами, однако на большинстве памятников монеты еще не находили, некоторые из поселений археологи-болгароведы относят исключительно к домонгольскому периоду. Золотоордынский слой не фиксировался на Мурзихинском, Семеновском I и II селищах. Р.Г. Фахрутдинов и Е.П. Казаков датируют эти памятники домонгольским временем (Фахрутдинов, 1975; Казаков, 1988).

IV Старокуйбышевское селище в историографии также иногда относят только к домонгольскому времени (Казаков, 1988), хотя при этом и отмечают, что на памятнике находят монеты с именем халифа ан-Насир лид-дина (Казаков, 1988). Абсолютная хронология многих памятников Волжско-Камской Болгарии была установлена датировкой по керамике – основной категории находок. Накопленные в настоящее время материалы показывают спорность некоторых датировок. Например, датировка VII Старокуйбышевского селища раннезолотоордынским временем (Казаков, 1988) вызывает некоторые сомнения, т.к. на этом памятнике монеты XIII в. вообще не были зафиксированы, а V Семеновское селище, относимое также к раннезолотоордынскому времени (Казаков, 1988), судя по находкам, могло существовать и в XIV в. По К.А. Руденко VI Алексеевское селище прекратило существование к началу XIII в. (Руденко, 1997), но на этом памятнике были найдены джучидские монеты. Таким образом, нумизматические материалы содержат информацию, которая послужит в дальнейшем основанием для уточнения времени существования ряда селищ Волжско-Камской Болгарии.

Всего более чем на двадцати памятниках было найдено 369 экз. медных и серебряных монет XIII–XV вв. Наибольшее их количество встречено на Семеновском V селище (106 экз.). Селище достаточно велико, площадь его составляет 180 тысяч кв.м. В литературе уже отмечалось обилие на этом селище находок джучидских монет (Казаков, 1988), подробных атрибуций которых, однако, представлено не было. Большая часть (222 экз.) чеканена из меди, меньшая (139 экз.) – из серебра. Обращает на себя внимание то, что по количеству серебряные монеты ненамного уступают медным. Публикуемый комплекс состоит из единичных монет, но можно с большой долей уверенности полагать, что здесь присутствуют части разрушенных кладов. К сожалению, невозможно с полной уверенностью отделить монеты из кладов от случайно утерянных. Интересно, что среди экземпляров, найденных на Малиновском селище, серебряных монет было найдено даже чуть больше, чем медных (24 экз. против 23 экз.). По всей видимости, часть серебряных представляет собой следы клада. Большинство из них было найдено в 1986 г. на небольшой территории. В состав клада входили монеты с именами Токты, Узбека, Джанибека и Бердибека, а сам клад был сокрыт в период "великой замятни", в начале 1360-х гг. Анэпиграфные монеты, найденные на селище, скорее всего не входили в данный клад, а были утеряны в более ранее время.

На территории, занятой Тенишевским могильником, обнаружено 8 экз. серебряных монет, а находок медных монет не отмечено. Состав

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-01-12011в) и Фонда содействия отечественной науке (Грант по программе "Лучшие аспиранты РАН").

комплекса позволяет подозревать, что мы имеем дело с разрушенным кладом (хронологически состав Тенишевских находок достаточно компактен и относится к XIV в., только монета XIII в. с именем каана Менгу выбивается из общего ряда).

Остатки других возможных кладов – серебряные монеты с Семеновского IV и V селищ. На IV селище было найдено 15 (примерно ¼ всего комплекса), а на V селище – 51 экз. серебряных монет (около ½ комплекса). Относительно комплекса Семеновского V селища, то наличие разрушенного клада можно предполагать с большей долей уверенности, однако выделить единицы, его составлявшие, едва ли возможно.

Большинство монет чеканено в Среднем Поволжье. На некоторых обозначено место чекана – Болгар, на других место чекана отсутствует, но по общей топографии находок подобных типов можно полагать, что они чеканились в Волжской Болгарии. 168 экз. можно отнести к чекану Великого Болгара (Болгар, Болгар ал-Махруса, Биляр, без обозначени места чекана). На 134 экз. проставлены названия нижневолжских монетных дворов – Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Хаджи-Тархан. Некоторые серебряные монеты нижневолжской чеканки, возможно, следует считать подражаниями (например, монета Узбека с Малиновского селища, монета Джанибека с Мурзихинского селища, несколько монет Джанибека с Семеновского V селища). Подражанием может быть назван пул Сарая с грубым изображением льва и солнца (по типу 1330-х гг.), найденный на Семеновском V селище. Место выпуска подражаний неясно (вероятнее всего, Среднее или Нижнее Поволжье). Интересно отметить находку фальшивой монеты на Малиновском селище. Она чеканена по типу серебряной (Джанибек, чекан Сарая ал-Джедид): имеет серебряное покрытие и медное основание. Находки подобных экземпляров отмечаются исследователями не часто. Среди находок монет, чеканенных за пределами Поволжья, можно отметить две серебряные монеты Азака XIV в. (найдены на Малиновском селище и в Девичем городке) и одну Хаджи-Гирея (чекан Крыма). Имеются также медные монеты одного типа с орлом и неясной легендой, вероятно, чеканенные в Крыму. По одному такому экземпляру было встречено на Семеновском IV и на Малиновском селищах. Чекан Орда-Базара и Хелбирди-Базара(?) (нелокализованных джучидских монетных дворов XV в.) представлен среди находок с Богородского и Измерского селищ, хотя две единицы из комплекса являются не золотоордынскими. На Богородском селище была найдена серебряная монета Хаджи-Гирея, а на Старокуйбышевском IV селище встречена медная – Сельджуков Рума (Кейкубад I, 616–634 гг.х., чекан Сиваса). Последняя, относящаяся ко времени монгольских завоеваний, не является редкой.

На территории Малой Азии такие находки многочисленны, а в Поволжье монеты Сельджуков Рума довольно редки. На территории Волжской Болгарии нам известны только два экземпляра, относящиеся к эмиссиям данной династии. В Великом Болгаре до 1953 г. была встречена медная монета Сельджуков Рума XIII в. (точнее не определяется) (Жиромский, 1953; 1962), а в период 1994–1996 гг. – серебряная монета 1340-х гг. (Баранов, 1998). Монеты Гиреев на территории Среднего Поволжья попадаются нечасто. Известны только монеты Хаджи-Гирея среди единичных находок (Билярск, Именьково) (Федоров-Давыдов, 1963; Лебедев, Мухаметшин, 1994; 1997), а также в кладе 1893 г. из Казани (Федоров-Давыдов, 1960).

И.В. Волков (г. Москва)

Заимствования из Золотой Орды в оформлении русских монет конца XIV – первой половины XV вв.

Факт влияния денежного дела Золотой Орды на русскую монетную систему в период возобновления собственного чекана в русских княжествах вряд ли можно поставить под сомнение. Работами ряда исследователей, среди которых ведущую роль играют труды Г.А. Федорова-Давыдова, установлено, что это влияние проникало во все сферы, так или иначе связанные с денежным обращением. Тесная связь метрологии и технологии раннего русского чекана с ордынским, прямые заимствования названий мелких денежных единиц (алтын, денга, пуло) говорят сами за себя. В настоящем сообщении рассматривается еще одна область денежного дела княжеств северо-восточной Руси конца XIV – первой половины XV вв., в которой ордынское влияние проявилось наиболее наглядно – внешнее оформление серебряных монет.

Золотоордынские элементы отчетливо прослеживаются в нумизматических материалах трех крупнейших русских княжеств и их уделов: Московского, Суздальско-Нижегородского и Рязанского. Эти элементы можно разделить на две группы.

1. *Эпиграфическая*: имеются в виду арабские надписи и подражания им, которые постоянно встречаются на монетах указанных княжеств с 1380-х до начала 1420-х гг.

Читаемые арабские надписи на русских монетах достаточно однообразны и характерны, прежде всего, для Великого княжества Московского, что было впервые отмечено Г.А. Федоровым-Давыдовым. Здесь с 80-х гг. XIV в. до начала второго десятилетия XV в. на большинстве монет одна сторона несла изображение и русскую надпись с именем князя, а на другой помещалась более или менее грамотно исполненная арабская надпись с благопожеланием Токтамышу (иногда – в зеркальном отображении, полностью или частично) (рис. 1, *1*, *2*). Очень важен тот факт, что изначально эта надпись не являлась продуктом слепого копирования со стороны московских денежников, так как до сих пор неизвестны подлинные монеты Токтамыша, на которых легенда была бы размещена таким образом, как на московских и серпуховских монетах. Следовательно, мы имеем дело с совершенно осознанным помещением имени правящего хана Золотой Орды на монетах его сильнейшего вассала – великого князя Московского. Интересно, что данный тип оборотной стороны оказался настолько устойчивым, что сохранился без изменений на ряде московских монет вплоть до начала второго десятилетия XV в., то есть даже тогда, когда Токтамыш давно перестал быть ханом (рис. 1, *3* – о.с. монеты Ивана Владимировича Серпуховского, после 1410 г.). Нельзя исключить, что это было своего рода политической декларацией, так как Василий Дмитриевич Московский не признавал марионеточных ханов эмира Едигея, правивших в начале XV в.

Подражания арабским надписям, напротив, крайне разнообразны. Подавляющее большинство суздальско-нижегородских монет до начала 1410-х гг. на оборотной стороне имеют копии с надписей на ордынских монетах, причем, как правило, давно уже умерших ханов, например, Джанибека (рис. 1, *4*). В данном случае за образец брались наиболее распространенные в обращении монеты, причем никакой роли не играло, какую сторону копировать: с именем хана или же с указанием места чеканки (рис. 1, *5*). Постепенно эти подражания деградировали до такой степени, что превратились в набор бессмысленных черточек и точек, прототип в таких случаях угадать можно с трудом (рис. 1, *6*).

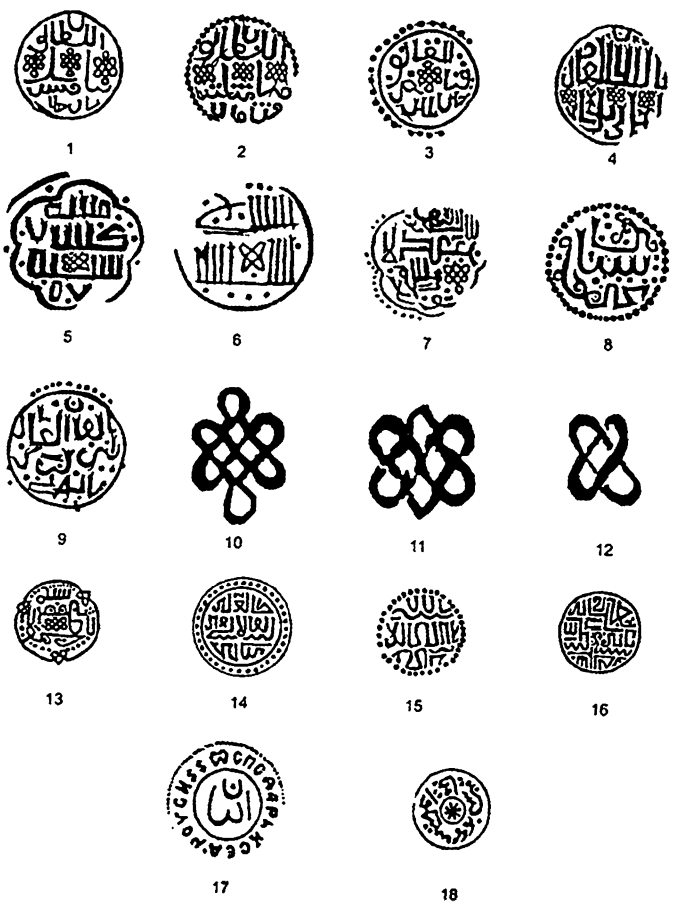


Рис. 1. *1–3, 8–13, 15, 16* – прорисовки автора; *4-7* – по Гайдукову, 2006; *14, 17, 18* – по Зайцеву, 2004, 2006

Отметим, что подражания характерны не только для нижегородских монет: они встречаются также на монетах Москвы с уделами (рис. 1, *7*, *8*), а в Рязанском княжестве надчеканки русских букв или княжеской «тамги» с самого начала делались либо на оригинальных дирхемах, либо на подражаниях (рис. 1, *9*).

2. *Изобразительная.* Наиболее распространены орнаментальные решетки, так называемые «узлы счастья», которые часто неправильно определяют как «золотоордынские тамги». Выделяются три вида таких решеток (рис. 1, *10-12*), которые присутствуют на большинстве монет Московского и Суздальско-Нижегородского княжеств до начала второго десятилетия XV в., но иногда встречаются и в более позднее время.

Кроме решеток на русских монетах встречаются фигурные ободки и картуши, также заимствованные с ордынских дирхемов. В большинстве своем они обнаруживаются на монетах московских уделов, в частности, Серпухова и Боровска (рис. 1, *13*).

Использование как эпиграфических, так и изобразительных ордынских

элементов постепенно затухает во втором десятилетии XV в., но после вокняжения Василия Темного в 1425 г. они вновь появляются на московских монетах. При этом, не имея совершенно никакого прототипа в реальной ордынской чеканке, подражания на монетах этого князя соединяют в себе как эпиграфические, так и изобразительные черты: на них помещен замысловатый орнамент, который, хотя внешне и похож на надпись, но таковой не является (рис. 1, *14, 15*). При этом зачастую в оформление «ордынской» стороны монеты включаются совершенно русские изображения (рис. 1, *16*).

В более позднее время, во второй половине XV в., на русских монетах вновь появляются арабские надписи, однако они несут уже совершенно иное смысловое содержание: либо это имя русского князя – Иван (рис. 1, *17*), либо указание на место чеканки – Москву (рис. 1, *18*).

Таким образом, использование заимствований из Золотой Орды в оформлении русских монет во многом отражает политическую ситуацию и отношения между ханами и русскими князьями, а кроме того, представляет собой яркий пример проникновения восточной культуры в русские земли в XIV–XV вв.

П.Г. Гайдуков (г. Москва)

Новые материалы о начале русской монетной чеканки в XIV в.

В нумизматической литературе считается общепризнанным, что первые серебряные денги весом ок. 1,0 г начали изготавливать в Великом княжестве Московском при Дмитрии Ивановиче Донском (1359–1389 гг.) сразу после Куликовской битвы. Почти одновременно с Москвой монетное производство начинают Дмитрий Константинович Нижегородский (1355–1383 гг.) и Олег Иванович Рязанский (1350–1402 гг.).

В музейных и частных коллекциях зарегистрировано всего ок. 200 денег Дмитрия Ивановича: 140 анонимных и 60 именных. Монет Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.), насчитывается ок. 2000 экз. Денег же Василия Васильевича Темного (1425–1462 гг.) известно не менее 20000–22000 экз. Количественное отношение монет разных правителей друг к другу (1, 10 и более 100) необычно.

Нумизматы уже давно обратили внимание на двусторонние подражания золотоордынским дирхемам и высказали предположение о принадлежности их к русским денежным системам (Чижов, 1922; Янин, Янина, 1955; Волков, 2005; Зайцев, Гончаров, 2005). Наиболее подробное исследование двусторонних подражаний провел Г.А. Федоров-Давыдов при изучении Тихомировского и Саранского кладов (Федоров-Давыдов, 1963).

Автор в целом согласен с датировкой древнейших московских денег временем ок. 1380 г., но с оговоркой: не Дмитрий Иванович был инициатором русской монетной чеканки. Ко времени начала его княжения денежное производство на Руси уже существовало. Дмитрий Донской первым начал лишь выпуск монет русского облика нескольких типов: сначала безымянных, а позже и именных. Как до Дмитрия Ивановича, так и в первый период его правления русская чеканка осуществлялась в виде двусторонних подражаний золотоордынским дирхемам. Об этом свидетельствуют клады конца XIV–начала XV вв., где, как правило, такие монеты представлены.

На Руси в денежном обращении конца XIV–начала XV вв. наряду с именными и анонимными денгами русских княжеств находились двусторонние подражания различных весовых норм. Выпуски таких монет были многочисленны, поскольку они присутствуют практически во всех кладах того времени, составляя от 6 до 33 %. В этих подражаниях автор, вслед за отмеченными выше историками, видит русские монеты. Они чеканились, вероятно, в разных регионах, но в первую очередь, в крупнейших княжествах. До 1380 г. в денежном обращении эти подражания были единственными монетными номиналами русской денежной системы и именно они, по всей видимости, являются первыми русскими деньгами. Саранский клад сохранил в своем составе восемь таких монет весом 1,02–1,18 г (Гайдуков, 2006). С введением Дмитрием Донским анонимных и именных денег русского облика чеканка подражаний не прекращается. Меняется лишь их весовая норма, которая была, вероятно, единой с другими деньгами. Трудно представить, чтобы население экономически наиболее развитого русского княжества в конце XIV–начале XV вв. обходилось только немногочисленными деньгами русского облика. Должны были быть и другие типы монет и ими являлись двусторонние подражания.

Подражательные монеты Саранского клада разделяются на три разные по весу группы: свыше 1,00 г, 0,91–0,95 г и 0,80–0,88 г (Федоров-Давыдов, 1989). Судя по самым легким, они могли чеканить-

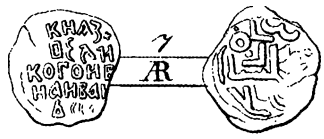


Рис. 1. Монета Ивана Ивановича Красного (*Шодуар С.*, 1837*б*. Табл. II, 54, *7*)

ся даже в начале XV в. Процесс изготовления денег русского облика и двусторонних подражаний золотоордынским дирхемам в Московском, Нижегородском и других княжествах в 1380–1390-х гг. осуществлялся синхронно. В настоящее время насущной задачей изучения ранней русской чеканки является обстоятельное изучение подражаний и выявление общих штемпелей в разных потоках денежного производства.

Надежных датирующих материалов, свидетельствующих о начале чеканки на Руси двусторонних подражаний, пока нет. Можно лишь предполагать, что в 1350-х гг. такая чеканка уже существовала, поскольку есть значительное количество монет, копирующих дирхемы хана Джанибека (1339–1357 гг.).

В собрании ГЭ хранится уникальная монета весом 0,62 г, на л. с. которой выбита пятистрочная надпись: «КНЯЗ/Я ВЕЛИ/КОГО ИВ/АНА ИВА-НО/ВИЧА». На о. с. помещено подражание арабской надписи, в которой однозначно опознается легенда дирхемов ханов Бердибека или Кульны 760 года хиджры (1358–1359 гг.). С неправильной атрибуцией она была опубликована С. Шодуаром еще в 1837 г. (Рис. 1). Не возникает никаких сомнений в подлинности монеты. Заподозрить в ней фальшивку 30-х гг. XIX в. невозможно еще и по той причине, что она происходит из коллекции Я.В. Брюса, собранной в первой трети XVIII в.

Монету следует относить ко времени правления великого князя Ивана Ивановича Красного (1353–1359 гг.), отца Дмитрия Донского. Новая атрибуция монеты позволяет отодвинуть дату начала выпуска именных русских денег более чем на 20 лет. Сравнение надписи монеты с вислыми печатями Ивана Ивановича дает близкую палеографию букв и практически идентичную композицию расположения легенд (Соболева, 1991; Янин, Гайдуков, 1998).

Можно говорить о том, что монетная чеканка в виде двусторонних подражаний джучидским дирхемам существовала на Руси с середины XIV в. Но высказанные соображения останутся предположениями до появления новых нумизматических фактов. Подобными источниками могут быть в первую очередь русские монетные клады, захороненные до 1380 г. Картографирование новых находок на русских землях, как дирхемов Золотой Орды, так и их подражаний, в будущем позволит конкретизировать ситуацию, которую сейчас можно наметить лишь в самых общих чертах.

Е.В. Глазунова (г. Москва)

«Лепешки камского серебра»: топография, хронология*

Осенью 2001 г. в 5 км от села Верхнее Мошево Соликамского р-на Пермской области, на поле был найден клад серебряных платежных слитков весом чуть более 12 кг. Ни сосуда, ни признаков какой-либо емкости обнаружено не было. В его состав входили слитки двух типов: 32 экз. «черниговских» (Н. Ф. Котляр считает их северо-русскими: Котляр, 1994) и 19 экз. круглых («лепешек камского серебра», из них 7 целых и 12 обломков). Вес слитков «черниговского» типа колеблется от 172,15 до 203,72 г, однако более всего экземпляров весом от 198 до 201 г. Вес круглых целых – от 194,87 до 658,61 г, а обломки и вовсе обладают разнообразным весом – самый мелкий весит 120,07 г, а наиболее тяжелый – 1440,03 г.

«Черниговские» слитки в кладе делятся на 2 подтипа: ромбовидные с вытянутыми концами и подпрямоугольной формы в виде утолщенной пластины с закругленными расплющенными концами. Исключение составляет один экземпляр в виде обломка палочки полукруглого сечения с расплющенным концом, условно нами отнесенный к тому же типу слитков. Круглые слитки-лепешки одного вида: с плоской верхней поверхностью и выпуклой нижней. Выпуклая – очень неровная и пористая. Почти у всех лепешек проковкой обработаны края по всей окружности для сглаживания острого неровного края.

Все слитки хорошей сохранности, на семи «черниговских» и двух круглых – граффити в виде различных русских букв, на одном слитке – надпись ВЕЛЕN.

* Данная работа выполнена при любезном содействии ст.н.сотр. отдела археологических памятников ГИМ Г.Ф. Поляковой, которой автор приносит свою искреннюю признательность.

Первый клад, содержащий слитки этих двух типов, был найден на о. Готланд в 1967 г. При работе над кладом, исследуя «черниговский» (или северо-русский) тип и составив топографию кладов подобных слитков*, Н.Ф. Котляр уделил незаслуженно мало внимания второй составляющей – круглым «лепешкам», лишь вскользь упомянув о том, что они также присутствуют в кладе.

Известно, что в Западной Европе существовали круглые слитки серебра, предназначенные для крупных платежей. Их находки встречаются в Германии, Испании, косвенные данные могут говорить о наличии подобных слитков в кладах, найденных в Польше. Нами составлена сводка кладов с круглыми «лепешками» на территории Центральной и Восточной Европы, что позволяет очертить их ареал. В сводку вошли лишь те клады (25), в которых присутствие круглых слитков или их фракций не вызывает сомнения. В основном область их распространения выходит за пределы центральной части древнерусского государства: они тяготеют к северо-востоку и северо-западу. Подавляющее большинство таких кладов происходит с территории Волжской Болгарии (13 кладов). На территории Вятской и Пермской губерний обнаружены 3 и 2 клада соответственно. По одному кладу было найдено в Сыр-Дарьинской области, Волынской, Могилевской, Витебской, Эстляндской губерниях и на о. Готланд. Слитки, находившиеся в этих кладах, не выделены в группы по технологическим признакам: это наиболее примитивные в производстве платежные единицы, отливавшиеся прямо в землю, безо всякой формы. Они поддерживали самую древнюю функцию денег – деньги-сокровища. Слитки не имеют фиксированного веса, очень часто встречаются в виде разнообразных фракций, довольно часто согнуты, иногда до трубочки. Хочется отметит, что проба всех слитков исключительно высока.

Таким образом, вопрос о восточном происхождении употреблявшихся на территории древнерусского государства круглых слитков можно решить положительно. В комплексах они сочетаются со «слитками неустановившихся форм» в виде палочек, с новгородскими длинными слитками, «черниговскими», в одном кладе – с литовскими (самый подздний клад – д. Ментак, Эстляндская губ., 1908 г. – датируется по монетной части первой половиной XIII в.). Никогда не встречаются с киевскими гривнами и с поздними типами слитков – «новгородскими» горбатыми, ладьеобразными и полтинами. Эти клады в основном смешанного характера, хорошо датируются по присутствующим в них вещам. «Слитки-лепешки» бытуют с XI в. до первой половины XIII в. Известно множество вещевых кладов с территории Волжской Болгарии более позднего времени, надежно датированных. В них никогда не присутствуют исследуемые слитки.

* В дополнение к сводке Н. Ф. Котляра можно добавить и еще одну находку: Клад (?) д. Масленникова Кайгородской волости Слободского уезда, Вятская губерния, 1900 г. Сохранилось изображение 1 слитка в виде 2 подтипов с расплющенными концами, с насечками, вес 45зол.81(?)дол Архив ИИМК. Ф. № 1, 1900, № 245, Л. 1; ОАК, 1900, 116 и 141. – ДАК № 245; Ильин, 1924, с.19, № 40.

Е.Ю. Гончаров (г. Москва)

«Персидский след» в джучидской нумизматике

Мощное реформирование государственной системы, предпринятое ильханом Газаном, отразилось и в реформировании денежной системы Ирана. Результаты этого мероприятия оказались столь впечатляющими, что вызвали проведение подобных реформ и в империи Дешт-и Кыпчака – Золотой Орде. Здесь для нас важно не экономическое воздействие реформы, инициатором и вдохновителем которой был Рашид ад-Дин, а ее материальное воплощение – данги и пулы татарской империи.

До начала XIV в. дизайн джучидских монет Поволжья был эклектичен и сочетал элементы из монетного дела разных стран (Сельджуков, Хорезма и т.д.). В XIII в. наибольшее влияние Ирана, опять-таки через М. Азию, испытывал Крым. Но с 710 г.х. – введения нового типа монет – и позже иранская «архитектура» оформления становится все более явной в Поволжье. Заимствуются не только картуши, содержание и размещение легенд, но и титулы – «падишах» на монетах Маджара. Имя правителя пишется монгольским письмом. Особенно это заимствование проявилось на денгах и пулах хана Узбека (712–741 г.х.). На них мы уже видим явные элементы ильханских монет как до-, так и пост-реформенного периода. Маленькая площадь джучидской монеты не позволяла использование насыщенной эпиграфики и сложных картушей. В начале правления хана Джанибека (742–758 г.х.) наблюдаются последние факты влияния ильханской нумизматики на джучидскую. Впервые используется благопожелание «khallada (Allah) mulkahu». На денгах 742 и 743 г.х. мы нашли единственную на

данный момент попытку использовать Ильханское летоисчисление «хани», что явно демонстрирует влияние тебризской придворной научной школы.

Эффективность реформ Газана и распространение ильханских монет (валюты) вызвало аналогичное явление и в Золотой Орде. Влияние Ирана было настолько интенсивным, что даже внешний вид джучидских монет рисовался по образцу дирхемов и фулусов иранской чеканки. Но на джучидах это влияние не остановилось. Такой элемент, как виньетка, или «магический узел», перешел на русские удельные монеты. В русской нумизматике он использовался вплоть до купюр времен гражданской войны.

С.В. Зверев (г. Москва)

Клад золотоордынских и крымских монет XIII–XV вв. из Московского Кремля

Среди переданных в 1930 г. в Оружейную палату монетных кладов, найденных при земляных работах на месте Чудова и Вознесенского монастырей, записаны «спекшиеся монеты, по-видимому серебряные, восточные». Часть их была отделена от комка и очищена от окислов. Сотрудник Оружейной палаты В.А. Барут определил их как монеты ханов Золотой Орды и составил каталожные карточки с точным воспроизведением надписей на дирхемах. Тогда же в составе находки была выделена группа генуэзско-татарских монет XV в.

Вместе с монетами клада сохранилась еще одна карточка с записью: «Клад татарских монет, найденный на месте постройки школы ЦИК в Кремле. Часть из них очищена и начато описание (т. Барутом). После отчисления Баруты, за отсутствием специалиста работа не предпринималась. Март 1934 г. В. Клейн».

В.А. Барут работал в Оружейной палате до декабря 1933 года. В.К. Клейн также не смог продолжить работу над кладом. Вскоре он был арестован по ложному обвинению и умер в тюрьме в 1935 г.

Комиссия по учету Оружейной палаты в 1939 г. в качестве клада отметила уже только оставшуюся часть неочищенных спекшихся монет. Эта группа из 70 экземпляров позднее, после очистки была ошибочно присоединена к другому кремлевскому кладу золотоордынских монет и русских серебряных слитков, который был найден в 1940 г. в Тайницком саду, недалеко от Спасских ворот. Разобранные монеты были записаны отдельно. Археолог Т.Д. Панова в книге «Клады Кремля» (1996) и ряде статей с уверенностью пишет о находке в 1939 и 1940 гг. двух кладов золотоордынских монет, а клад 1930 г. не упоминает. Документы об истории находки долго не были известны. Поэтому в списке кладов золотоордынских монет в книге Г.А. Федорова-Давыдова «Денежное дело Золотой Орды» клад отмечен не в полном составе и с неверной датой находки.

Разобраться в противоречиях позволяют документы, хранящиеся в архиве Оружейной палаты и секторе нумизматики. Учетные документы 1930-х гг. и составленные В.А. Барутом карточки с точным воспроизведением надписей на некоторых монетах из клада дают возможность выделить их в составе нумизматической коллекции музея.

К кладу 1930 г. следует отнести 172 монеты: Анонимные – 2 экз.; Эмиры Крыма: ¼ ярмака – 1 экз.; Токтамыш: Сарай 787 г.х. – 1 экз.; Сарай, год не виден - 2 экз.; Сарай ал-Джедид, год не виден – 1 экз.; Крым, 796 г.х. – 1 экз.; Тимур-Кутлуг: Хаджи-Тархан (?), 801 г.х. – 1 экз.; Шадибек: Орда, 808 г.х. – 1 экз., год не виден – 14 экз.; Каффа, 807 г.х. – 7 экз., 808 г.х. – 1 экз., год не виден – 13 экз; Азак, 807 г.х. – 1 экз., 808 г.х. – 1 экз.; Сарай (?) – 2 экз.; имя и двор не видны, 810 г.х. – 1 экз.; Пулад: Орда, 812 г.х. – 1 экз., год не виден – 13 экз.; Сарай, год не виден – 2 экз.; Азак, год не виден – 1 экз.; Хаджи-Тархан, год не виден – 9 экз.; Джелал ад-Дин: без места чеканки – 31 экз.; Орда (?) – 1 экз.; Керим-Берди: без места чеканки – 3 экз.; Генуэзцы в Каффе: с золотоордынской тамгой – 1 экз.; с тамгой Гиреев – 19 экз.; Хаджи-Гирей: Кырк-Ер, 858 г.х. - 2 экз., Крым, 867 г.х. - 7 экз.; Нур-Давлет: Крым, 871 г.х. – 3 экз.; Тимур и Суюргатамыш: Самарканд, 785 г.х. – 1 экз.; плохой сохранности – 28 экз.

Значительную часть составляют дирхемы, отчеканенные в южных городах и в Крыму. Младшими монетами клада являются аспры, выпущенные генуэзцами в Кафе, и монеты крымского хана Нур-Давлета с датой 871 г.х. (1466/67 г.). Возможно, клад связан с торговлей купцов-«сурожан» в Москве в правление Ивана III.

А.М. Колызин (г. Москва)

О кладе платежных слитков и золотоордынских монет, найденном в Московском Кремле, и его возможном владельце

Осенью 1940 г. рабочими при прокладке коммуникаций в 100 м к западу от Спасской башни Московского Кремля был найден клад, состоящий из 98 золотоордынских дирхемов и 8 русских серебряных слитков-полтин. Краткие сведения об обстоятельствах находки и составе клада были опубликованы исследователями (Панова, 1996; Панова, 2002; Зверев, 2002).

Так как слитки-полтины могли быть изготовлены мастером-ливцом в довольно широком временном диапазоне (конец XIII – первая половина XV вв.), основным датирующим признаком в данном случае выступают монеты. Самые младшие дирхемы были отчеканены во второй половине 60-х гг. XIV в.

С.В. Зверев допускает возможность сокрытия рассматриваемого комплекса концом 60-х – началом 80-х гг. XIV в. и связывает это с одним из мрачных для Москвы событий того времени – военными походами на город литовского князя Ольгерда (1368 г., 1370 г.) или же Токтамышевым разорением 1382 г. (Зверев, 2002).

Касаясь вопроса датировки комплекса, отмечу существенный факт – в кладе отсутствуют как монеты хана Токтамыша, которые начанились с 1379 г., так и первые московские деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского, чеканка которых началась осенью 1381 г. и ко времени нашествия Токтамыша на Москву продолжалась уже около года (Колызин, 2002а; Колызин, 2002б). Так как монет указанных правителей в данном комплексе не обнаружено, связывать его сокрытие с Токтамышевым разорением Москвы 1382 г. было бы неверно. А отсутствие дирхемов золотоордынских ханов, правивших в 1370-х гг., заставляет отказаться от предположения, что владелец спрятанного сокровища погиб в 1380 г. во время Куликовской битвы.

Особенностью комплекса является наличие на одной из полтин двух клейм. Одно – с надписью "Печать/кназ/Волод" – обозначает имя, которое отождествляется исследователями с серпуховским и боровским князем, совладельцем Москвы, двоюродным братом Дмитрия Донского – Владимиром Андреевичем Храбрым (1358–1410 гг.). Второе – со львом – атрибутируется так же. Причем, как показано П.А. Шориным, эти клейма являются одними из самых ранних, появившихся до 1380 г. (Шорин, 1977).

Еще один клад, найденный в 1894 г. в с. Семилуки Воронежской губернии (в составе которого помимо золотоордынских монет присутствовал слиток с клеймом с именем князя Владимира), был зарыт в 60-е гг. XIV в. (Сотникова, 1981; Федоров-Давыдов, 1960). Отсюда следует, что клеймение слитков указанными клеймами, вероятно, могло начаться в 1360-е гг.

Учитывая, что в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея имеются платежные слитки из недрагоценных металлов, становится понятной природа начального этапа их клеймения – подтверждение качества драгоценного металла, а, следовательно, законность его обращения на определенной территории.

Из перечисленного выше можно заключить, что клад был зарыт во второй половине 1360-х гг. По-видимому, сокрытие его следует связывать с осадой Московской крепости войсками литовского князя Ольгерда в 1368 г. или же в 1370 г.

Известно, что во время третьего похода Ольгерда на Москву в 1372 г. войска московского князя не дали подойти к городу литовским полкам (Приселков, 2002).

Обратим внимание на место находки клада в Кремле: в 100 метрах от Спасской башни, в 2,5 м от мостовой современной одноименной улицы. Это южная часть древней улицы, вдоль которой располагались купеческие дворы и монастырские подворья (Забелин, 1905; Флоря, 1996). И.Е. Забелин, в своем труде по истории города Москвы отмечал, что в 11 саженях от башни, несколько левее, находилась церковь Афанасия Александрийского – Афанасьевский монастырь, а при нем подворье Кирилло-Белозерского монастыря, имевшее длину вдоль улицы (по планам 1756 г. и 1757 г.) 30 и 28 сажень соответственно. К западу размещалось Крутицкое подворье, которое "отстояло от Кирилловского невступно сажень на двадцать. В этом промежутке между подворьями находился боярский двор…" (Забелин, 1905).

Сажень в XVIII–XIX вв. равнялась 213,36 см (Каменцева, Устюгов, 1975). Следовательно от Спасских ворот боярский двор отстоял на 83–87 м, а так как он сам имел длину в 20 сажень, то место находки рассматриваемого клада монет и слитков приходится как раз на территорию этого боярского двора.

До начала 1490-х гг. на этом участке кремлевской крепости располагались дворовые места Афанасия и Гаврилы Петровых, Василия Жданова, Романа Афанасьева, Григория Сидорова (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, 1950). Возможно, клад был сокрыт кем-то из предков одного из указанных лиц. Из-за скудости ранних письменных источников установить, кто жил на этом участке Кремля во второй половине XIV в., пока не представляется возможным.

А.Г. Мухамадиев (г. Казань)

Методы графического изучения золотоордынский монет

Методика графического исследования весовой метрологии монетного материала, хорошо продемонстрированная в работах В.Л. Янина и Г.А. Федорова-Давыдова, относится к новой нумизматике. Важным этапом в изучении джучидских монет стали появившиеся в 60–70-х гг. работы Г.А. Федорова-Давыдова. На основании изучения археологического и нумизматического материала и монетных кладов ученый выделял несколько этапов обращения джучидских монет и составил их топографию.

Установление бесспорной весовой нормы чеканки монет имеет важное, а иногда и определяющее значение для решения некоторых вопросов нумизматики. Мы постарались на основании метрологического анализа найти систему в использовании весовых стандартов чеканки монет в Поволжье и Приуралье.

В Поволжье было проведено несколько денежно-весовых реформ. После таких реформ или изменений весовых норм чеканки каждый раз монеты выпускались в соответствии с теоретическим расчетом мискалей в 4,095; 4,26; 4,464; 4,56 или в 4,68 г, то есть каждый из них являлся в отдельные периоды мерилом определенного постоянного количества монет.

Согласно принятому в нумизматике принципу, весовая норма чеканки монет обычно определяется по вершинам весовых диаграмм. Однако при этом все же не исключается момент случайности. Для того чтобы исключить последнее, автором использован своеобразный и простой способ проверки. Например, по диаграммам было установлено, что в XIV в. монеты правителей Золотой Орды Токты, Узбека и Джанибека выпущены по различной весовой норме чеканки. Казалось бы, разница небольшая и указанные весовые нормы разделяют сотые доли грамма. Но именно вокруг взятых из вершин диаграмм весовых норм чеканки (общее количество монет ±0,05 г в разные стороны пика диаграммы) в 1,485 г (монеты Токты), 1,52 г (монеты Узбека) и 1,56 г (монеты Джанибека) группируются 80% монет соответствующих правителей. Это довольно высокая точность чеканки для средневековья, и если мы произвольно изменим весовую норму чеканки, то сразу же нарушится данное высокое процентное соотношение. Для того чтобы проверить и уточнить весовую норму монет периода начала чеканки в XIII в. или времени упадка денежного дела в XV в., необходимо привлечь побольше весовых данных монет, скажем, ± 0,10 г в обе стороны пика графика.

Упомянутая выше взаимосвязь между разновременными мискалями свидетельствует об общих корнях этих весовых фракций. Изучение более древних монет хазарской и булгарской чеканки позволяет установить, что различные по весу мискали являются не случайными в этой системе.

Древнейшая для Поволжья драхма в 4,26 г, из расчета которой отливались еще бронзовые слитки VI–X вв., восходит к римскому весовому стандарту – фунту в 409,5 г. Их взаимосвязь явная: драхма в 4,095 г – это 1/96 часть указанного фунта. Но фунт в виде фракции в 4,095 г тесно связан с византийским ратлем (литрой) в 327,6 г, 80-й частью которого он является (327,6: 80 = 4,095 г). Из этого же расчета, видимо, чеканились хазарские монеты VIII–IX вв. весом около 3,4 г, составляющие 1/96 часть ратля (327,6: 96 = 3,41 г).

Система весов и мер раннего Поволжья и Приуралья возникла под влиянием римско-византийской системы. Видимо, весьма тесные контакты с ней устанавливались уже в хазарский период (еще до арабов). В этом нет ничего удивительного, ибо хазары в VII в. начали осваивать чеканку подражаний византийским монетам. Эти традиции, очевидно, не были утеряны в булгарский и в более поздние периоды.

Учитывая все это, денежно-весовые системы Поволжья VI–XV вв. в общих чертах можно представить следующим образом:

мискаль в 4,095 г = 1/80 ратля в 327,6 г
мискаль в 4,43 г = 1/74 – » – – » –
мискаль в 4,56 г = 1/72 – » – –» –
мискаль в 4,68 г = 1/70 – » – – » –

Фракция в 4,68 г является наиболее крупным известным мискалем в Поволжье. Круг замыкается: согласно приведенному выше соотношению с ратлем в 327,6 г, мискаль в 4,68 г переходит в наименьший мискаль в 4,095 г (4,68г х 7/8 = 4,095 г). Любопытно, что такой переход подтверждается каждый раз весовой нормой чеканки выпущенных в XIII, XIV, XV вв. монет.

Таким образом, ратль в 327,6 г и мискаль в 4,095 г тесно связаны между собой и, вероятно, именно эти известные древнейшие величины – ратль в 327,6 г и фунт в 409,5 г – определяли всевозможные весовые изменения монет. Хотя ратль в 327,6 г несколько заслонен довольно сложной денежно-весовой системой, в частности, системой мискаля в 4,095 г, нужно сказать, что в основе не только денежной, но и всей весовой системы Поволжья лежит именно данный сквозной ратль.

Д.Г. Мухаметшин (г. Болгар)

Среднее Поволжье во второй половине XIV в. по материалам нумизматики

Смерть Бердибека в 1359 г. открыла новую страницу в истории Золотой Орды – эпоху междоусобиц, кровавых войн, разрушений основных торговых путей, падение экономики в итоге значительных перемещений населения на более спокойные земли. Не остались в стороне от этого процесса самые северные земли Улуса Джучи – Болгарский улус, бывшая территория Волжской Болгарии. В период своего расцвета (XI–начало XIII вв.) Волжская Болгария, занимающая значительную территорию на Средней Волге и Нижней Камы, в 1236 г. была взята войсками Батыя и вошла в состав Золотой Орды. Крупнейшие города Волжской Болгарии – Болгар, Биляр, Сувар, Джукетау – были разрушены. Следы этих событий в виде слоя пожарища наблюдаются археологами в раскопках названных выше городов.

В XIII в. на территории Среднего Поволжья безраздельно господствовали монеты Болгарского чекана. Материалы раскопок Болгара и Джукетау дают единичные монеты Сарая и Крыма. В XIII в. в Болгарском улусе кроме Болгарского монетного двора чеканили монеты Биляр (Янина, 1954) и Кирман (Сингатуллина, 2003). В первой половине XIV в. Болгарский монетный двор работал эпизодически. Известны серебряные монеты Узбека, битые в Болгаре ал-Махруса в 1323–1333 гг., медные монеты 734 г.х. Болгарский улус, как и другие области Золотой Орды, в тот момент переживал экономический подъем. С конца 40-х гг. XIV в. имя Болгар исчезает на монетных легендах. Сегодня можно с уверенностью сказать о чеканке в Болгарах в середине XIV в. отдельных типов медных монет, а также о массовой перечеканке меди. Об этом говорят около двух десятков типов надчеканок в значительном количестве встречающихся в культурном слое города Болгара. Произошедшие отдельные изменения границы на северной и северо-западной окраине связаны с освоением населением Волжской Болгарии бассейна р. Казанки, левого притока Волги (Фахрутдинов, 1975), и захватом Дмитрием Московским и Олегом Рязанским «татарских мест» в бассейне рек Мокши и Цны. Центральная власть могла удерживать единство государства, только учитывая интересы феодальной знати оседлых областей и кочевой аристократии. В.Л. Егоров одной из главных причин проявления сепаратистских устремлений в середине XIV в. называет резкое сокращение активной внешнеполитической и военной деятельности государства (Егоров, 1985). В 60-е гг. XIV в. возникают противостоящие друг другу две крупные политические группировки, контролирующие определенную территорию. Когда в Сарае ал-Джадид шла череда смены ханов, в западной части Улуса Джучи набирала силу группа феодалов под эгидой темника Мамая, все больше претендующего на главную роль в Золотой Орде.

Весной 1361 г. Мамай впервые выступил против Сарайского правителя, в результате которого был убит Тимур-Ходжа. Источники отмечают, что при Мамае находился Абдаллах (ПСРЛ). Кильдибек был последним золотоордынским ханом, власть которого признавали как на правом, так и на левом берегу Волги. Правившие после Кильдибека ханы Мюрид, Хайр-Пулад, Пулад-Ходжа, Азиз-Шейх, Тулунбек, Черкесбек, Каганбек, Арабшах чеканили монеты исключительно на левом берегу Волги. Территория Крыма, Причерноморья и правый берег Волги находились в руках Мамая, где выпускались монеты от имени Абдаллаха, Мухаммада, Туляка. Де-факто произошло разделение Золотой Орды на две части.

Раскол государства создавал политическую сумятицу, так как борьба шла не только между Мамаем и сарайскими ханами. В различных частях государства появились феодалы, проявляющие сепаратизм и пытавшиеся стать независимыми и от Мамая, и от сарайских ханов. В 1361 году от Золотой Орды откололся Хорезм, Хаджи-Тарханом и прилегающими к городу районами завладел Черкесбек. На Урале (Сарайчук) шла борьба между Ильбаном и Алп-Ходжой. Сараем на время завладел Черкесбек.

Русские летописи в 1361 г. отмечают, что «Булат-Тимур, князь Ордынский Болгары взял и все города по Волге и улусе и отня весь Волжский путь» (ПСРЛ). Булат-Тимур чеканил монеты в 1366/1367 г. В.В. Григорьев к чекану Булат-Тимура относит монеты, чеканенные от имени Джанибека II (Григорьев, 1850). В том же году земли по реке Пьяна захватил Секиз-бей, вслед за ним туда же пришел Тагай. На мордовских землях образуется самостоятельное княжество с центром в Мохше. Там чеканил монеты и Кильдибек, что указывает на признание в мордовских землях власти Кильдибека. Тагай, захватив Мохшу, начинает собственную монетную чеканку (Кротков, 1930). В русских летописях Тагай еще раз упоминается в 1365 г. Он контролировал определенную территорию, однако трудно представить четкие границы его владений. На северо-западе владения Тагая ограничивались нижегородскими и рязанскими землями. В значительной степени северо-западная граница определялась природно-

географическими факторами. Надо полагать, что границей между владениями Тогая и Булат-Тимура была р. Сура. Сафаргалиев отмечает, что «княжество Тагая, основавшегося в районах Мохши – Наровчата, занимало значительную территорию» (Сафаргалиев, 1996). В отличие от Сафаргалиева, В.Л. Егоров пишет, что в районе р. Пьяна образовались два самостоятельных княжества: Тагая и Секизбея, территории их были небольшими и не имели четких границ (Егоров, 1985). После 1365 г. ни Тагай, ни Секиз-бей в источниках не упоминаются. Наличие медных монет, чеканенных Булат-Тимуром в Мохше по типу серебряных (Кротков, 1930), показывает, что Булат-Тимур правил и в Мохше, т.е. Болгар и Мохша были объединены в один улус. За оформлением фактически самостоятельных княжеств, позднее объединенных в один Болгарский улус, с интересом наблюдали как на Западе в Орде Мамая, так и на Востоке. И Мамай, и Урус хан понимали значение этих окраинных, но стратегически важных земель, через которые открывалась прямая дорога на Русь. Известны татарские исторические предания, зачисляющие Болгар в «юрт» Урус хана. В то же время в 1377 г. Мамаю без всякого напряжения удалось в Болгарах поставить своего ставленника, что доказывает вхождение Болгара в сферу влияния Мамая. В начале 80-х гг. XIV в. Болгар и Мохша вновь вошли в состав объединенной Токтамышем Золотой Орды. В начале XV в. Болгар чеканил медные и серебряные монеты. Окончательный сход его с политической арены по историческим и нумизматическим материалам относится к началу 30-х гг. XV в.

Е.Ю. Новикова, А.В. Фомин (г. Москва)

Восточные монеты из Верхне-Салтовского могильника VIII–IX вв.

Верхне-Салтовский археологический комплекс, введенный в научный оборот исследованиями В.А. Бабенко, А.М. Покровского, Н.Е. Макаренко и П.П. Ефименко в начале XX в., дал первую часть названия яркой археологической культуры Хазарского каганата. За истекшее столетие было раскопано немало могильников салтово-маяцкой культуры VIII–начала X вв., на основе материалов которых была разработана относительная хронологическая шкала лесостепных древностей этого периода.

Между тем, установление абсолютных дат отдельных погребений остается в настоящее время проблематичным. Несмотря на обилие и разнообразие инвентаря, в салтовских погребениях практически не встречается монет. В классических и прекрасно изученных могильниках – Дмитровском и Маяцком, где было раскопано более трехсот катакомб, не найдено ни одной восточной монеты (Плетнева, 1989; Флеров, 1984).

Верхне-Салтовский могильник дает совершенно иную картину. По публикациям, за период раскопок 1901–1910 гг. в 19 катакомбах из 107 раскопанных обнаружены 41 восточная монета (Покровский, Бабенко, 1902; Макаренко, 1906; Бабенко, 1911). Судя по ссылкам в «Каталоге выставки XII АС...», по крайней мере, часть монет, представленных на выставке и опубликованных в Трудах съезда, прошли экспертизу у А.К. Маркова в С.-Петербурге. В отчете Н.Е. Макаренко также даны подробные определения монет. Тем не менее, вплоть до настоящего времени подавляющее большинство монет из погребений Верхне-Салтовского могильника оставалось не определенным, а монетный материал данного памятника до сих пор не был проанализирован в целом ни одним исследователем, в том числе с точки зрения возможностей абсолютного датирования отдельных погребений.

Из сорока одной восточной монеты, сведения о которых вошли в упомянутые публикации, на данный момент авторами настоящего сообщения удалось выявить в фондах отдела археологических памятников ГИМ и определить двадцать две монеты. В их числе значатся следующие экземпляры: Сасаниды – 1, наместники Табаристана – 2, Омейяды – 1, Аббасиды – 14, губернаторы Тудги – 1, Идрисиды – 2, Аглабиды – 1. Все монеты датируются VII – началом IX вв. Характерно, что из девятнадцати арабских дирхемов тринадцать были отчеканены в африканских провинциях халифата. Хронологическая подборка верхне-салтовского монетного комплекса строго укладывается в рамки первого периода обращения дирхемов в Восточной Европе (конец VIII – первая треть IX вв.) по классификации Р. Фасмера–В. Янина. Именно в указанное время местные клады характеризуются наличием сасанидских и арабо-сасанидских драхм и заметным количеством дирхемов африканской чеканки (Янин, 1956).

Авторами начата работа по привязке монет к конкретным погребальным комплексам. На настоящий момент удалось датировать, опираясь на материал из фондов ГИМ и учитывая данные публикации (там, где они достаточно подробны и не вызывают сомнений), следующие погребения. Катакомба № 2 (раскопки Н.Е. Макаренко 1905 г.) по монете Идрисидов датируется первой четвертью

IX в. Катакомба № 5 (также из раскопок Н.Е. Макаренко), в которой имелось четыре монеты (опубликованы с определениями), датируется по этой подборке 80–90 гг. VIII в. На данный момент в фонде удалось идентифицировать лишь две монеты из данного погребения, две другие перепутаны. Катакомба № 11 (раскопки Н.Е. Макаренко 1905 г.) по двум монетам относится к началу – первой четверти IX в; в фонде имеется в наличии только одна монета, омейядский дирхем не найден (Макаренко, 1906 г.). Комплекс подбойной могилы № 25 (содержала три погребения, монета найдена в погребении № 2) из раскопок А.М. Покровского 1901 г. (Каталог выставки XII АС...) может быть датирован по аббасидской монете африканской чеканки первой четвертью IX в. Вероятно, из катакомбы № 10, раскопанной В.А. Бабенко в 1908 г., происходят сасанидская драхма и две полудрахмы, датирующие комплекс последней четвертью VIII в., но здесь авторам пришлось полагаться на данные публикации (Бабенко, 1911), так как монеты и многие вещи из раскопок В.А. Бабенко 1908 г. в фонде перепутаны.

Работа по идентификации монет и привязки их к комплексам будет продолжена авторами. Однако уже на данный момент имеются все основания полагать, что остальные погребения с монетами, судя по составу дирхемов, датируются вероятнее всего, первой четвертью IX в. Это обстоятельство объясняется тем, что в указанное время наплыв восточных монет был особенно большим. Не исключено, что позднее, во второй трети IX в., когда была налажена транзитная торговля монетным серебром на север, монеты стали реже оседать у салтовцев.

Пиркулиева Ганира Али кызы (Азербайджан, г. Баку)

Некоторые проблемы метрологии золотоордынских монет, чеканенных в Азербайджане

Традиционно нумизматы использовали метрологические исследования денежных номиналов при решении ряда вопросов экономической истории средневековья. Для золотоордынской нумизматики лишь подобный подход позволяет ученым разобраться в денежно-весовой системе этого государства. Еще в середине прошлого столетия известный ученый-нумизмат археолог Г.А. Федоров-Давыдов в своих публикациях неоднократно отмечал, что «наименее ясной областью восточной метрологии являются золотоордынские денежно-весовые системы», и «даже письменные источники о золотоордынских денежно-весовых системах настолько отрывочны, что окончательными мы можем считать только те выводы, которые подтверждаются при сопоставлении цифр, полученных при анализе разных источников, будь то письменные свидетельства или монетный материал» (Федоров-Давыдов, 1958).

Известно, что на территории Закавказья не обнаружены так называемые «европейские» монеты Золотой Орды. Но по публикациям Е.А. Пахомова известны некоторые клады, содержащие монеты этого государства. Это Екатеринославский клад, клады из села Воскресенски и Винновски – «комплексы, накопленные в своей основе на Кавказе и привезенные затем в районы их зарытия» (Пахомов, 1938). Также науке известны находки монет, чеканенных Токтамыш-ханом в основном в северо-восточных городах Ширвана – Дербенде, Махмудабаде, Шаберане, Шемахе, где имеются даты чеканки 791–792 г.х.; одна монета Шади бека, чеканенная в Шемахи 911 г.х. из с. Каш Аштарского района. К сожалению, при описании отсутствуют диаметральные и весовые данные, поэтому метрологический анализ невозможен. Но имеются отрывочные сведения из разных публикаций с полным нумизматическим описанием. Среди них можно отметить чекан Токтамыша в городе Шемахи, Шабран 791 г.х. (1388–1389 гг.) – со средним весом 1,73 г (Янина, 1980).

Не повторяя публикаций всех монет Золотой Орды, чеканенных в Закавказье, перейдем непосредственно к некоторым проблемам метрологии, опираясь в основном на музейные материалы, ранее не публиковавшиеся.

Во время первого нашествия Токтамыша на Азербайджан были чеканены монеты (в основном одинарные дирхемы) с максимальным весом 1,80 г, минимальным – 1,64 г, ремедиум колеблется от 0,28 до 0,30 г. Во время второго нашествия 788 г.х. происходит уменьшение веса дирхемов, чеканенных в некоторых городах Азербайджана: максимальный вес опускается до 1,81 г, минимальный – до 1,36 г, ремедиум – между 0,40–0,45 г. Немногочисленные монеты третьего нашествия 791 г.х. чеканены весом 1,76 и 1,77 г, а в 792 г.х. Максимальный вес серебряных дирхемов доходит до 1,93 г, минимальный – до 1,36 г, ремедиум – от 0,50 до 0,67 г. Как видно, во время всех нашествий вес дирхемов не достигает 2 граммов. Резкое прекращение чеканки монет от имени Тохтамыш-хана городами Закавказья должно рассматриваться как его уход на рубеже 792–793 г.х. (1390–1391 гг.) из

северного Азербайджана (Лебедев, 1985).

Если учесть, что правление хана Токтамыша было последним периодом политического единства Золотой Орды, а вес серебряных монет после реформы 782 г.х. (1380 г.) был равен 1,40–1,42 г, в третьем периоде денежной реформы в Золотой Орде вес дирхемов достиг самого минимума (критический предел). Такое положение еще раз объясняет причину малочисленности монет этого периода. (По сравнению, например, с монетным чеканом Амир Теймура в эти же годы на Азербайджанских монетных дворах). Монеты с такими весовыми данными не играли особой роли в денежном обращении в эти десятилетия. К тому же «внутренняя торговля, городские ремесла в Золотоордынских центрах сводятся на нет уже к 80-м годам» (Федоров-Давыдов, 1960). В Азербайджане какие-либо крупные клады монет Токтамыша не обнаружены. Это еще раз доказывает, что монеты, чеканенные от имени Токтамыша, были не столь популярны и чеканились лишь тогда, когда он захватывал некоторые города Азербайджана и в случаях кратковременных побед.

В конце 80–90-х гг. XX в. при раскопках городища Шабрана (в северо-восточной части Азербайджана) обнаружены некоторые экземпляры монет Токтамыша и одна достаточно редкая медная монета Золотой Орды с изображением весов на лицевой стороне. Имеются также немногочисленные монеты без надписей и штемпелей, обнаруженные в 1990–2000-х гг. во время разведочных работ на городище Гырхчырах, которое археологами связывается с городом Макмудабах. Эти так называемые «золотоордынские» пулы в настоящее время нами исследуются. Они медные, имеют хорошую сохранность, средний вес их до 1 г, диаметр в пределах 0,5–0,8 мм. Такие «монетки-пулы» разбросаны почти по всей территории городища Гырхчырах. Мы считаем, что эти «пулы» не играли никакой роли даже во внутренней торговле. Возможно, в некоторых случаях они служили сырьем для вторичного чекана.

А.Л. Пономарев (г. Москва)

Чекан «аль марко»: закон Гаусса и хитрости средневековых финансистов

Монеты, содержащие благородные металлы, повсеместно использовались в средние века. Эти деньги имели не только номинальную, но и металлическую стоимость, поэтому перед монетчиками стояла перманентная задача – обеспечить стабильность и гарантировать качество монеты, обращавшейся в государстве. Еще с античности существовали законодательные установления, грозившие карами фальшивомонетчикам, однако были и другие злоупотребления, от которых государство должно было защищаться – обрезка края монет также рассматривалась как преступление. Однако проблемы с качеством монеты возникали и из-за того, что население было вынуждено проверять монету не только «на зуб». Взвешивание монеты было повсеместной практикой, оно же таило соблазн оставить у себя самые тяжелые монеты. Торговцы, через которых проходило множество денег, были способны таким путем серьезно ухудшить обращавшуюся в государстве монету. Выгода от таких действий была очевидной и для обывателя – тяжелые монеты содержали серебра больше, чем была их номинальная стоимость, и такие монеты можно было сдать на переплавку и продать как лом на монетный двор. Бороться с подобной привычкой только штрафами или отрубанием рук было недостаточно, финансовая защита использовала возможности средневековых технологий.

Производство монеты подчиняется самому известному закону теории вероятностей. По закону Гаусса распределены веса монет, которые отчеканены по единому законному весу. Дисперсия веса отдельных экземпляров и позволяла портить монету. Стандартные приемы, которые исключали отбор тяжелых монет из обращения, вполне разумны. Можно отчеканить монеты, различающиеся максимум на 0,2 г, хотя это требует лишних расходов. Можно, наоборот, повысить плату за чекан, то есть увеличить разницу между номинальной и металлической стоимостью денег (при повышении платы за чекан серебро, которое можно было собрать в тяжелой монете, стоило заведомо меньше, чем сами монеты).

Данная уловка или, если угодно, финансовая махинация приносила результаты только в том случае, если денежная система государства была изолирована от остального мира. Бесполезно защищать монету, вес которой колеблется в пределах $\pm$10%, путем введения 15% цены за чекан, если в соседнем княжестве за чекан берут только 5%. Вся тяжелая монета уйдет на переплавку к соседям, чью финансовую политику вы не контролируете.

На чекан монеты по технологии «аль марко» никогда не смотрели как на способ защиты денежного обращения от злоупотреблений населения. Его считали образцом средневековой небрежности. Технология «аль марко», по мнению нумизматов, предполагает, что из определенного

веса металла будет отчеканено определенное количество монеты. Нумизматы думают, что в этом случае вес всех монет будет разным, а вернее, количество монет различного веса будет одинаковым. Эта точка зрения более чем ошибочна. При массовом производстве единообразных изделий (таких как монеты) их распределение по весу будет неминуемо подчиняться нормальному закону распределения вероятностей. Для того чтобы этого не произошло и чтобы количество монет различного веса было одинаковым, надо прилагать специальные усилия и иметь определенную цель.

Чекан «аль марко» заинтриговал меня, когда в мое распоряжение попали весовые данные одной из коллекций, содержащей турецкие акче, отчеканенные Баязидом I (1389–1402). Гистограмма веса этих монет показывала известную для чекана «аль марко» картину – ряд равных столбиков на диаграмме. Более информативное распределение – кумулятивное – говорило, что некоторая неоднородность в распределении веса все же имеется. Аппроксимация всей совокупности суммой двух нормальных законов подтвердила это. В коллекции было 70% монет, отчеканенных по законному весу 1,02 г, и 30% монет, отчеканенных по весу 1,18 г. Сказать, что Баязид понизил законный вес, нельзя. В различных коллекциях монеты всех турецких султанов XIV–середины XV вв. представлены (в разных пропорциях) монетами двух модальных весов.

Разброс веса турецких акче составлял ±25%, однако при том, что цена чекана в близлежащих государствах опускалась до двух процентов, никаких следов того, что монета султанов пострадала оттого, что население выбрало тяжелые экземпляры из обращения, видно не было. Молчание документов это тоже подтверждало. В 1436–1438 гг. Джакомо Бадоер, итальянский коммерсант, обосновавшийся в Константинополе, продал на византийский монетный двор тысячи монет родосских рыцарей, но ни разу – акче турецких султанов.

Подтверждение догадкам пришло, когда Э. Оберлендер-Тарновиану познакомил меня со своими работами, посвященными молдавской монете XV в. Вычисления на основе его данных показали, что серебряные гроши Стефана III (1457–1504), как и акче Баязида, были отчеканены по двум законным весам, которые соотносились между собой как 4:5 (0,628 г и 0,785 г). Численность двух групп монет соответствовала турецкому образцу: треть тяжелых и две третьих легких. Однако кроме данных о весе, в работе румынского историка содержатся и данные о пробе серебра в грошах. Эти данные позволяют разгадать хитрость средневековых мастеров.

Две трети монет имеют пробу 20 каратов (833‰), остальные – 16 каратов (667‰). Таким образом, в малочисленных тяжелых монетах серебра содержится ровно столько, сколько в многочисленных легких. «Где лучше спрятать лист – в лесу». Лучшие из легких монет, в которых много серебра, невозможно отличить по весу и по виду от тяжелых, в которых серебра нормальное количество. В результате чекан, в котором разброс веса дешевых в производстве монет составляет ±50% от среднего, оказывается эффективно защищенным от порчи монеты – лишь около 3% от их общего числа содержит серебра столько, сколько необходимо для того, чтобы их отбор из обращения принес злоумышленнику доход. С такими потерями государство вполне могло смириться, однако 3% означали, что результаты поиска тяжелых грошей практически непредсказуемы. Если кто-то отобрал 1%, надеяться на успех уже невозможно. Очевидная трудоемкость операции предотвращала даже попытки отбора на переплавку тяжелых монет, отчеканенных по технологии «аль марко».

А.З. Сингатуллина (г. Казань)

Светинский клад джучидских монет конца XIV – нач. XV вв.

В Национальном музее Республики Татарстан хранится Светинский клад джучидских монет конца XIV–нач. XV вв. (инв № 32987–32991), найденный почти 70 лет тому назад. Этот клад содержит в большинстве своем дирхемы Шадибека и Пулада болгарской чеканки, с небольшим количеством монет южных городов.

Особую ценность клада представляли русские монеты, так называемого «неправильного» чекана. Г. А. Федоров-Давыдов в своей сводке кладов (Нумизматика и Эпиграфика, 1961) дал сведения о количестве и составе данного клада – 9002 монеты, среди них более 1000 русских. В дальнейшем Герман Алексеевич отметил, что «список монет из этого клада, помещенный в нашей работе под № 201, не точен» и датировал сокрытие клада около 1410 г. (Федоров-Давыдов, 1981). В этой же монографии приведены весовые данные и состав русских монет клада по принадлежности – всего 1117 ед., и сделан вывод, что «Ожгибовский и Светинский клады представляют памятники проникновения русских монет в сфе-

ру обращения болгарской джучидской монеты на западных и северо-западных границах их ареала» (Там же). В 1978 г. Герман Алексеевич побывал в Казани, чтобы более детально изучить русские монеты клада, но был крайне огорчен и удивлен увиденным. К этому времени русских монет оставалось всего 164 ед. Это были неопределенные и плохой сохранности экземпляры. Клад можно сравнить с редкой познавательной книгой, из которой безжалостной рукой вырваны интереснейшие страницы…

Светинский клад был найден в августе 1936 г. во время жатвы и пахоты плугом на глинистом бугре у ключа «Светино» в двух километрах от колхоза «Новая жизнь» (бывшее село Русский Уртем Моркинского р-на Марийской АССР) колхозницей Маврой Кирилловной Дворяниновой. Клад был собран ее сыном Мишей и его другом Алешей Логиновым. В Краеведческий музей он был доставлен по частям: 18 августа 1936 г. – колхозником О.С. Дворяниновым, мужем находчицы (5510 ед.); 18 декабря 1936 г. – Казанцевым (300 ед.); 24 декабря – Казанцевым (305 ед.); в 1937 г. – Логиновым (3680 ед.) и А.В. Васильевым, научным сотрудником музея (100 ед.). За клад были выплачены премии.

В январе 1937 г. научный сотрудник А.В. Васильев отправил в редакцию «Советской археологии» статью о кладе и первоначальных результатах работы над ним. Особое внимание А.В. Васильев уделил русским монетам с «татарскими» надписями. Общее количество и вес клада приведены им примерно – 10000 монет весом полпуда. Черновик статьи хранится в архиве отдела фондов. В январе-марте 1942 г. научный сотрудник А.Б. Булатов составил три краткие (весьма несовершенные) описи на монеты клада, всего он зафиксировал 9890 ед., без взвешивания. Уже к концу 1970-х гг. выяснилось, что определенно к кладу можно отнести лишь 6085 монет: часть была либо утрачена, либо депаспортизирована.

В настоящее время начата работа над кладом, необходимо сверить содержимое пакетов с их атрибуцией (по описям А.Б. Булатова, а также описаниям монет у Германа Алексеевича в отмеченных изданиях), определить недостающее, взвесить монеты, то есть провести научную обработку клада, тем более что он этого давно заслуживает.

Г.Ю. Стародубцев (г. Курск)

Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе

Монеты и монетовидные подвески находят на различных археологических памятниках – городищах, селищах, а также в погребениях. При этом в погребениях они обычно встречаются в качестве украшений. Однако прежде всего монеты – средство платежа, поэтому их чаще всего обнаруживают в культурных слоях древних поселений. Любая из нумизматических находок является важнейшим источником, свидетельствующим об общественной жизни, а также о развитии торговых связей как внутри страны, так и с внешним миром. Именно поэтому монеты и монетные клады иногда называют «металлической летописью» (Потин, 1993).

Впервые находки с территории Курской области были использованы в работах Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1960; Федоров-Давыдов, 1963) и Т.В. Равдиной (Равдина, 1979; Равдина, 1988). В последнее время появился ряд новых публикаций о находках монет и кладов на территории Курской области (Зорин и др., 2000; Шпилев, 2001; Шпилев, 2003; Енуков, 2005; Стародубцева, 2005; Травкин, Зорин, 2005).

В данной работе представлены новые находки монет Золотой Орды, обнаруженные на Гочевском археологическом комплексе (Курская область, Беловский район) в последние годы. При этом необходимо отметить, что это первые нумизматические находки данного периода в Гочево.

В 2002 г., после уборки зерновых на распаханной территории поселения собран подъемный материал, в котором была серебряная золотоордынская данга (Стародубцев, 2003). В 2004 г., также во время сбора подъемного материала на территории поселения, были найдены три медных золотоордынских пула (Стародубцев, Зорин, 2005).

№ 1. Данга (инвентарный номер КМА 151/19/2, вес 1,35 г); аверс: частично стертая строчная надпись «султан справедливый // Токтамыш хан // ? //»; реверс: в фигурной рамке четко виден год чеканки, который можно прочитать как 887 год Хиджры. Но вероятно год отчеканен не совсем правильно – первая цифра, скорее всего, перевернута. Такие перепутанные числа встречаются среди золотоордынских монет (Френ, 1832). Можно предположить, что правильный год чеканки – 787 год Хиджры, что соответствует 1385/1386 г. от Рождества Христова (Рис.1, *1*).

№ 2. Пул (инвентарный номер КМА 169/50/43, вес 1,12 г); аверс: в квадратной рамке, разделен-

Рис. 1. Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе

ной горизонтальной линией, стертая арабская надпись в две строки; реверс: зверь с изогнутым хвостом, идущий вправо [как считают некоторые исследователи – барс (Гончаров, 2004)], над его спиной восходящий диск солнца, имеющий две окружности, с треугольными лучами (рис.1, *3*). По характерным особенностям изображения (на аверсе – рамка, разделенная одной горизонтальной линией, на реверсе – диск солнца имеет две окружности) можно предположить, что наиболее вероятное место чекана данной монеты – Сарай ал-Джадид (Рис.1, *2*).

№ 3. Пул (инвентарный номер КМА 169/50/42, вес 0,62 г); аверс: стертая арабская надпись; реверс: зверь с изогнутым хвостом (барс?), идущий вправо, над его спиной восходящий диск солнца с треугольными лучами (Рис.1, *3*).

№ 4. Пул (инвентарный номер КМА 169/50/41, вес 1,62 г); аверс: обрезанная арабская надпись в две строки «чекан»//изображение верхней части трехногой тамги без верха; реверс: обрезанная арабская надпись «ги(йяс)…» (Рис.1, *4*).

Найденные на поселении монеты, а также фрагменты чаш, произведенных, по определению В.Ю. Коваля, в поволжских центрах Золотой Орды и датирующихся серединой – второй половиной XIV в. (Стародубцев, 1998), говорят о сохранении достаточно устойчивых торговых связей в это время и позволяют уточнить верхнюю дату данного археологического памятника концом XIV века.

Н.М. Фомичев (г. Азов)

Статистика находок в Азове золотоордынских пулов четвертой четверти XIII – первой половины XIV вв.

Наряду с датированными и именными пулами в денежном обращении золотоордынского Азака участвовало большое количество анэпиграфных и анонимных пулов, не имевших даты и места чекана. Проблема атрибуции таких пулов до сих пор остается одной из самых трудноразрешимых. Одну из возможностей подобной атрибуции предоставляет статистика находок пулов, происходящих из золотоордынского слоя Азака. Для удобства иногда пулы разных типов искусственно объединялись нами в единую группу по какому-либо определенному признаку. Эту статистику следует рассматривать как предварительную, так как отдельные пулы и даже целые их группы нами пока не определены. Тем не менее, даже эти неполные сведения предоставляют интересные факты для сравнения с данными статистики находок пулов на других золотоордынских памятниках. В частности, по наблюдениям И.В. Евстратова, находки сарайских пулов некоторых типов – анонимные, Сарай, без года (Фомичев, 1981, № 50-54), – на Селитренном городище редки, тогда как в Азове их найдено 64. Можно предположить следующее: либо штемпеля были сделаны в Сарае и перевезены в Азак, где и отчеканены для азакского региона, либо по заказу центральной власти штемпеля с легендой «чекан Сарая» изготовлены в Азаке и здесь же отчеканены для азакского региона, из которого впоследствии отдельные пулы попали в сарайский регион. Наглядно выделяются группы пулов, находившиеся в обращении на протяжении нескольких десятков лет и связанные между собой легендами «кутлуг булсун» или «кутлуг булсун, янги пул» и «Ун алты си бир данги» и т.п. Количество находок в Азове загадочных пулов одного типа – анонимные, без места, без года (Фомичев, 1981, № 56), – указывает на возможную их чеканку в Азаке. Техника чеканки и сюжеты изображений пулов этого типа, а также некоторых типов анонимных пулов (один тип – Сарай, без года, другой – без места, без года) (Френ, 1832; Фомичев, 1981) свидетельствуют о том, что чеканились они в близкое друг от друга время.

Н.А. Хан (г. Москва)

Монетная стопа Золотой Орды XIV в.

Монетный двор в средневековье являлся государственным учреждением и только он мог эксплуатировать монетную регалию (Потин, 1993). Заказчик должен был при серебряном переделе оплатить угар серебряного сырья, а также доход на чеканку монет для эмиссии. Естественно, что монетный двор как орган, призванный обеспечить унификацию денежного обращения и поддержания соответствующего курса валюты, чеканил монету в строгом соответствии с принятой монетной стопой (МС). От ее состояния зависело функционирование финансовой системы в целом. Под МС обычно понимается число монетных единиц, эмитированных из единицы монетного металла определенной пробы. Существует мнение, что МС есть соотношение между весовой (эталонной) единицей, употребляемой для взвешивания металла, и весом чистого металла в монетной единице. Представляет интерес то определение МС, согласно которому МС есть число монет, выпущенных из весовой единицы монетного металла строго заданной пробы (Потин, 1993). Суммарный вес монет, выпущенных из эталонной единицы монетного металла, дает по отношению к последнему пробу (зная два из трех показателей монетного чекана, можно установить третий). Согласно «Трактату о торговле» Франческо Пеголотти, из слитка-сома, являвшегося финансовым эталоном с весом 204,75 г, эмитировалось 202 джучидских аспра Таны (Азака), из которых только 190 отдавались заказчику.

В процессе чеканки МС Таны доля угара составляет 1,147% [(204,75–202,4) : 204,75 x 100%] и равно 2,348 г (Khan, 2004). Следовательно, суммарный вес 202 аспровой МС Таны составлял чуть более 202 г серебра, а вес одного из них – чуть больше грамма. Таким образом, в соммо Таны содержание серебра составляло 202,4 г. Это позволяет вывести соотношение суммарного веса 202-аспровой МС Таны к единице монетного (эталонного) металла как 0,9885 (202,4 : 204,75) или 988,5. Аспры с очень высоким качеством имели вес в пределах одного грамма, а теоретически данная МС имеет метрологию 202,4 г, которая устанавливается на основе расчетов, то есть все показатели МС в данном источнике присутствуют.

На основании сведения арабского путешественника Ибн Батуты и персо-язычной «Истории»

Вассафа, Г.А. Федоров-Давыдов (1958) впервые установил, что сом обращавшихся монет в Золотой Орде при Узбеке (1312–1342) составлял 120 экз. Для Поволжья показатели монетной эмиссии были характерны также и для Азака (Мухамадиев, 1983), поэтому осуществим попытку выяснения данных параметров денежной эмиссии, исходя из того, что Г.А. Федоров-Давыдов справедливо указал, что монетный двор Таны удерживал в свою пользу 5,94 % монет заказчика. Это позволяет методом аналогий определить число монет, эмитированных сарайскими монетчиками из единицы монетного металла. МС Сарая при Узбеке составила 202x120:190=127,5789 монет. Разумеется, что монетная стопа должна содержать только целое число монет, тем более что принцип чеканки al-marco предполагал юстировку веса определенного количества монет (Потин, 1993). В своей последней монографии Г.А. Федоров-Давыдов допускал, что при Токте (1297–1312) МС могла состоять из 200 или 202 экз. из реконструированного им иранского ратля 458,64 г (Федоров-Давыдов, 2003), что вообщем-то хорошо согласуется с 96-дольным счетом в системе иранского кадака, равного 409,512 г, получившего некоторое распространение в Поволжье после реформы названного правителя (Мухамадиев, 1983). В этой же системе МС должна состоять из 255 экз. и согласоваться с денежным счетом и денежно-весовыми нормами Улуса Джучи. Однако из приведенного выше анализа следует, что эмиссионным источником для чеканки 120-дирхемного весового сома с учетом угара и доходности служит весовая норма, равная 198 г. Это подтверждают данные Ф.Б. Пеголотти (Hinz, 1955; Schilbach, 1970), что, по нашему мнению, соответствует нормативу литья и обращения конкретного нумизматического артефакта – ладьевидного слитка с указанным весом. Поэтому представляется, что МС в Поволжье должна соответствовать числу 128. МС 128 экземпляров по 1,52 г (нормативный вес дирхема во время правления Узбека) (Мухамадиев, 1983) должна была весить 194,56 г, а всего для чеканки данного числа монет, исходя из уровня «рентабельности» монетных дворов Азака, необходимо было сырье весом 196,871 г.

Норматив 198 (или чуть больше) граммов служил эмиссионной основой для выпуска монетной стопы Золотой Орды на монетных дворах Поволжья, обеспечивая доходность в период правления Узбека выше, чем в Азаке (Тане).

Основным источником для изучения МС являются сведения Франческо Пеголотти, которые дают основания для утверждения о поступлении серебра и золота в Сев. Причерноморье (Еманов, 1997). Имущество итальянского купца могло оцениваться в 25 тысяч флоринов золота, а ввоз драгоценных металлов в Тану не облагался таможенной пошлиной (Pegolotti, 1970).

Другим источником являются материалы кладов. Монеты крымской и азовской чеканок в кладах Восточной Европы должны быть отчеканены из серебра, импортируемого итальянцами (Пономарев, 2002). Топография кладов джучидских монет, первую сводку которой составил Г.А. Федоров-Давыдов, показывает, что монеты поволжской чеканки постоянно присутствуют в кладах Приазовья и Крыма, но вопрос, каков процент монет крымской и азакской чеканки в кладах Поволжья (свидетельство о поступлении итальянского серебра, прежде всего, в Сев. Причерноморье) становится актуальным. На городище Солхата (Старый Крым) была сделана находка клада джучидских монет [дата младшей монеты 770 г.х. (1380 г.)]. Согласно М.Б. Северовой, клад имеет следующее региональное распределение: Крым – 385 экз.; города Поволжья – 139 экз., что свидетельствует о крымско-поволжских торговых связях (Северова, 1990). Депозит ситуационно связан с кладом ладьеобразных слитков: 10 слитков имели общий вес 1984,87 г, что позволило установить средний вес рассматриваемого платежного инструмента, равный 198,48 г (Крамаровский, 1980). Судя по документам по истории венецианской фактории Таны второй половины XIV в., опубликованных С.П. Карповым, курс серебра в весовой и монетной формах в период XIV в. (вплоть до сожжения колонии Тимуром) был одинаковым, а монетная стопа в 1361–1365 гг. также находилась в пределах 200–202 экз. (Карпов, 1991). Практическая метрология монет Джанибека составляет 1,52–1,55 г (Федоров-Давыдов, 1981; Мухамадиев, 1983; Пономарев, 2002). МС Джанибека, таким образом, реально соответствует нормативу отливки золотоордынского сома-слитка 198,4 г (1,55 x 128), указывая на кризисные явления в финансовой системе Улуса Джучи. Поэтому, при сохранении норматива отливки 198 г, существовавшей при Узбеке и Джанибеке (и, надо полагать, до конца 1370-х гг.), доходность монетных дворов упала в период правления последнего в 1,5 раза (Хан, 2001). Можно заключить, что монетная стопа в Тане состояла из 202 аспров, а в Поволжье в период с 1312 по 1380 гг. – из 128 дирхемов, принуждая в хронологической перспективе правителей Золотой Орды снижать доходность монетной чеканки.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.О. Алексеев, В.А. Алексеева, В.А. Демкин, Т.В. Алексеева (г. Пущино, г. Москва)

Использование методов магнетизма для изучения археологических памятников и эволюции природной среды степей Восточной Европы

В последние два десятилетия активное развитие получило научное направление, связанное с изучением магнетизма окружающей среды. Подробные обзоры состояния и достижений в данной области представлены в нескольких монографиях (Maher, Thompson, 1999 и др.). Магнитные методы в настоящее время широко используются в России и за рубежом при изучении почвенно-лессовых комплексов, глубинных морских отложений, а также почв и подкурганных палеопочв. При изучении лессово-почвенных комплексов, почвы являются едва ли не единственным природным образованием, интегрально отражающим климатические, литологические, геоморфологические, гидрологические и многие другие условия их формирования и развития. Оказываясь в погребенном состоянии, почвенный профиль при благоприятных условиях столетия и тысячелетия может сохранять информацию о состоянии природной среды на момент сооружения того или иного историко-археологического памятника. Решение этой задачи требует разделения почвенных свойств, отражающих возраст почв с одной стороны, с другой – биоклиматическую обстановку их формирования и развития. К числу важнейших диагностических параметров динамики условий почвообразования относится состояние минеральных компонентов почвы.

Магнитная восприимчивость (χ) – одна из наиболее просто определяемых петрофизических характеристик, и в настоящее время накоплен достаточно большой материал по использованию этого параметра для задач почвоведения. Как следует из анализа χ зонального ряда почв, профильное изменение величины магнитной восприимчивости отражает распределение соединений железа и характеризует генетические особенности почв на типовом уровне. Показано, что существует прямая связь между приростом магнитной восприимчивости в ходе почвообразования и среднегодовыми атмосферными осадками (Алексеев и др., 2000; Maher et al., 2002; 2003)

С целью калибровки получаемых результатов и подтверждения возможности их использования для палеоэкологических реконструкций был проведен анализ взаимосвязи магнитных и минералогических свойств современных степных почв различных природных районов с существующими климатическими условиями. Объектом исследования были выбраны темно-каштановые, каштановые, светло-каштановые и бурые полупустынные почвы на территории Волгоградской и Астраханской областей, Калмыкии и Ставропольского края. Данные, полученные при магнитных измерениях, свидетельствуют о формировании в изученных почвах ферримагнетиков (магнетита и маггемита), содержание которых в первую очередь определяет профильное изменение величины магнитной восприимчивости.

Проведенные статистические расчеты демонстрируют прямые корреляции величин магнитных характеристик современных почв со среднегодовыми осадками (R2=0.93) (Maher et al., 2003). Полученный инструмент позволяет рассчитывать количественные показатели состояния климатических условий в прошлые эпохи. На основании полученной зависимости определено количество атмосферных осадков для голоценовых палеопочв археологических памятников восточноевропейских степей (Волгоградская область, Ставропольский край, Калмыкия, Южный Урал). Основными объектами изучения являлись группы курганов различных культурно-хронологических этапов эпох бронзы (III–II тыс. до н.э.), раннего железа (V в. до н.э. – IV в. н.э.) и средневековья (XIII–XIV вв. н.э.). В частности, расчеты показали, что на севере Ергенинской возвышенности среднегодовая норма атмосферных осадков на рубеже IV–III тыс. до н.э., в XIX–XVII вв. до н.э., в III в. н.э. составляла около 350 мм. В IV и в XIII–XIV вв. н.э. она увеличивалась до 380 и 420 мм соответственно. Эти данные согласуются с климатическими реконструкциями, проведенными для данного региона с использованием почвенных (содержание гумуса, легкорастворимых солей, карбонатов и др.) и микробиологических показателей.

Изучение содержания магнитных фаз (магнетит, гематит) в разновозрастных погребенных почвах степной зоны свидетельствует о первостепенности климатических факторов по сравнению с общей длительностью процесса выветривания или экспозиции почвы до погребения, т.е. возрастом почв.

Помимо рассмотренных выше результатов

магнитные исследования почв и грунтов археологических памятников имеют еще одно важное применение. Нами в последние годы проведены исследования крупных археологических памятников (~10000 м^2) с помощью методов магнетизма. Выполнены геофизические исследования на сооружении «Трехостровское» на правобережье Дона в Волгоградской области и в Казахстане на курганном могильнике «Кырык-оба» (100 км восточнее г. Уральска). Использованная нами микромагнитная съемка — один из видов магниторазведочных работ, выполняется с высокой точностью и большой густотой сети точек наблюдений и применяется в основном для литолого-петрографического и структурного изучения неглубоко залегающих пород (до 10 м). Измерения проводились с помощью высокоточного протонного магнитометра ММП-203, регистрирующего изменения значений полного вектора магнитной индукции с точностью до 1 нТл. В основе метода лежит связь элементарных магнитных аномалий с литолого-петрографическими или структурными особенностями почв и пород, а также внутренней структурой того или иного археологического объекта.

Можно предположить, что в ходе сооружения археологического памятника происходит перемещение верхних горизонтов почв в месте погребения, что должно привести к появлению магнитных неоднородностей – аномалий. Кроме того, специфические элементы конструкции памятников, такие, например, как каменная крепида или обжиг материала, могут также способствовать формированию магнитных аномалий. За период 2001–2003 гг. проведена магнитная съемка на площади около 10000 м^2 необычного древнего сооружения в излучине Дона. В результате компьютерной обработки была построена карта элементарных магнитных аномалий, позволяющая представить структуру сооружения, а также выбрать участки для детального изучения памятника с использованием традиционных подходов (Демкин и др., 2001; 2003).

В заключение хотим подчеркнуть, что базируясь на принципиально новых палеопочвенных магнитных результатах реконструирована вековая динамика палеоэкологических условий в степях Восточной Европы в позднем голоцене. Полученные данные показали, что климат на территории сухостепной зоны за последние 5000 – 600 лет носил циклический характер: периоды увлажнения сменялись аридными эпохами разной интенсивности и продолжительности. Изучение почв археологических памятников существенно расширило наши представления о направленности и скоростях формирования различных соединений железа в степной зоне. Содержание почвенного (биогенного) магнетита может рассматриваться как «магнитная запись» в почве о предшествующих условиях окружающей среды степей.

Т.В. Алексеева, А.О. Алексеев, В.А. Демкин, М.Хайнос, З. Соколовска (г. Пущино, г. Люблин)

Применение методов минералогии для изучения эволюции почв и природной среды степей юго-востока Русской равнины в позднем голоцене

Возможность применения методов минералогии почв, таких как рентгеновская дифрактометрия, Мессбауэровкая спектроскопия, магнитные методы, показана на примере двух серий разновозрастных почв, погребенных под курганными насыпями в сухостепной зоне Поволжья. Серии включали современные фоновые и погребенные светло-каштановые почвы с различной степенью солонцеватости и солонцы погребенные IV–III тыс. до н.э., XIX–XVII в. до н.э., IV в. н.э. и XIII–XIV в. н.э (курганная группа «Абганерово») и III–II тыс. до н.э, XV–XIV в. до н.э, II–III в. н.э. и XIII–XIV в. н.э. (курганная группа «Маляевка»). Количественная реконструкция величины атмосферных осадков за последние 5000 лет, осуществленная по величине магнитной восприимчивости погребенных почв, показала, что климат на данной территории носил циклический характер. Периоды увлажнения сменялись аридными эпохами разной продолжительности. Годовые величины атмосферных осадков колебались в пределах 330–430 мм будучи минимальными для II–III в. н.э. и максимальными для XIII–XIV в. н.э. Полученные результаты показали, что диагенетические преобразования, имеющие место в профиле погребенных почв, не позволяют использовать такие специфические свойства солонцов, как профильное распределение pH и гумусовых веществ, для реконструкции условий окружающей среды. Наиболее чувствительными и достоверными индикаторами солонцового процесса помимо морфологии горизонта. В являются степень текстурной дифференциации погребенного почвенного профиля и минералогический состав илистой фракции.

Эволюция солонцов выражается в увеличении коэффициента контрастности профиля, определяемого как отношение содержания

фракции ила в горизонте В к ее содержанию в горизонте А от 2 до 5. Процесс иллювирования глины сопровождается уменьшением доли смектитов в горизонте А от 50–60% до 10%. Минералогический состав ила горизонта В при этом остается аналогичным почвообразующей породе. Илистая фракция горизонта А как фоновых, так и погребенных солонцов содержит в заметном количестве тонкодисперсные кварц и полевые шпаты. Средневековый климатический оптимум (XIV в. н.э.) привел к глубоким изменениям свойств солонцовой почвы, таким, как почти двукратное увеличение содержания илистой фракции и величины удельной поверхности горизонта А, разрушение смектитов в горизонте В, разрушение хлоритов в горизонтах А и В.

Результаты проведенных исследований показали, что эволюция солонцов в позднем голоцене включала 3 фазы. Первичная фаза (3800 лет назад), при которой все горизонты одинаково высоко насыщены натрием и магнием, и профиль слабо дифференцирован. Промежуточная фаза (1600, 600 лет для Маляевки, современный для Абганерово), для которой содержание обменного натрия составляет 38–23%. Его опережающее выщелачивание сопровождалось усилением дифференциации профиля. Конечная фаза (600 лет Абганерово, современный Маляевка) характеризуется недифференцированным или слабо дифференцированным профилем. В горизонте А современных солонцов содержание обменного Na составляет менее 5% , и они, в отличие от древних, могут рассматриваться как Mg-солонцы. Выщелачивание натрия и обогащение магнием сопровождается оглиниванием горизонта А и интенсификацией процессов выветривания (в том числе разрушением хлоритов) в пределах горизонтов А и В. Наступление конечной фазы возможно как при резкой смене условий (климатический оптимум Средних веков), так и без нее. Процессы восстановления солонцовых свойств, включая текстурную и минералогическую дифференциацию профиля характеризуются малыми характерными временами (менее 600 лет).

В.А. Демкин, А.О. Алексеев, А.С. Якимов, Т.С. Демкина (г. Пущино)

Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII-XIV веках*

Имеющаяся на сегодняшний день информация о состоянии почв и природной среды степей Восточной Европы в различные исторические эпохи развития общества далеко не одинакова. В этом отношении сравнительно детально изучены отдельные культурно-хронологические этапы бронзового и раннежелезного веков (III тыс. до н.э. – IV в. н.э.). Данные же о средневековых палеопочвах и условиях почвообразования в степной зоне в V–XIV вв. весьма ограничены, хотя природные процессы, протекавшие в этот период, сыграли важную роль в формировании современного облика почв и ландшафтов. Палеопочвенные исследования единичных археологических памятников данного времени проводились в Приазовье (Песочина, 1994), в Предкавказье (Александровский, 2002), на Северных Ергенях (Демкин, Дергачева, Борисов, Рысков, Олейник, 1998) на Черных землях Западного Прикаспия (Ташнинова, Цуцкин, Гольева, Богун, Чичагова, 2005) в Рын-песках Северного Прикаспия (Иванов, Васильев, 1995), в Южном Приуралье (Рысков, Демкин, 1997).

Одним из модельных регионов в решении упомянутых вопросов является территория Нижнего Поволжья, где сосредоточено большое число археологических памятников развитого этапа средневековья, особенно периода возникновения и существования Золотой Орды. Они приурочены к различным природным районам и элементам рельефа, что дает возможность получить достаточно полные представления о состоянии почвенного покрова и природной среды в пределах крупного географического региона в рассматриваемую историческую эпоху.

Исследуемая территория Нижнего Поволжья включает зоны сухих и пустынных степей. Климат района умеренно континентальный. Среднегодовая норма атмосферных осадков изменяется от 270–300 мм (Северный и Западный Прикаспий) до 350–380 мм (Волго-Донское междуречье). В растительном покрове доминируют полынно-злаковые ассоциации.

Объектами изучения послужили палеопочвы, погребенные под курганными насыпями в XIII–XIV вв. н.э., а также современные фоновые каштановые, светло-каштановые, бурые полупустынные почвы и солонцы. Ключевые участки (курганные могильники) расположены на юге Приволжской возвышенности, на Северных Ергенях, в Прикаспийской низменности и на террасах Волги и Волго-Ахтубы. Всего нами изучено 50 курганов в составе почти 20 могильников, причем,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

как правило, последние включают памятники не только золотоордынского времени, но и предшествующих археологических эпох раннего железа и бронзы. Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета и Института археологии РАН в течение 1981–2004 гг. Памятники имели мощность насыпи от 0,5 до 1,5 м, диаметр 10–20 м. Исследованные педохроноряды (всего 18) приурочены к различным природным районам и элементам рельефа и представлены каштановыми, светло-каштановыми, бурыми полупустынными почвами и солонцами.

Полученные данные позволили получить новые представления о палеопочвах и палеоэкологических условиях степей Нижнего Поволжья в эпоху развитого средневековья. На наш взгляд, скорее всего с XII века началась гумидизация климата, которая существенно сказалась на процессе почвообразования. Это подтверждается тем, что подкурганные золотоордынские зональные почвы отличались от почв предшествующих эпох и современности большей гумусированностью, значительной микробной биомассой с преобладанием в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих в качестве питательного субстрата свежие органические остатки, остаточной солонцеватостью, меньшей засоленностью и загипсованностью, более глубоким залеганием аккумуляций карбонатов, легкорастворимых солей и гипса, наличием в иллювиальной части профиля многочисленных новообразований оксидов марганца. Пик повышения атмосферной увлажненности, вероятно, приходился на XIII–XIV вв. Столь существенная гумидизация климата повлекла за собой региональную миграцию природных рубежей к югу, в частности, на севере Ергеней имело место внедрение сухостепных ландшафтов в пределы пустынно-степных.

Следует сказать, что сравнительный анализ морфологических, химических и микробиологических свойств разновозрастных погребенных и современных почв обычно позволяет характеризовать изменения климата относительными категориями (суше – влажнее). Как показано нами ранее (Алексеев, Алексеева, Махер, 2003; Демкин, Ельцов, Алексеев, Алексеева, Демкина, Борисов, 2004) данные изучения магнитной минералогии подкурганных палеопочв дают возможность определить количество атмосферных осадков во время сооружения того или иного археологического памятника. Установлена прямая корреляция между магнитными и минералогическими свойствами степных почв Нижнего Поволжья со степенью увлажненности климата, описываемая уравнением: осадки (мм/год) = $86{,}4\mathrm{Ln}(x_в - x_c) + 90{,}1$, где $(x_в - x_c)$ – прирост величины магнитной восприимчивости в результате почвообразования, ($R^2 = 0{,}93$).

С использованием этой формулы нами была определена среднегодовая норма атмосферных осадков в исследуемом регионе в золотоордынское и предшествующее время. Установлено, что на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей в XIII–XIV вв. количество осадков достигало 410–420 мм/год, что на 30–70 мм превышало показатели, характерные для первых веков новой эры и современной эпохи. В Заволжье в золотоордынское время атмосферных осадков выпадало около 370 мм/год, а разница с более засушливыми древностью и современностью составляла 20–30 и около 80 мм соответственно.

Таким образом, на основании полученных нами палеопочвенных и магнитных данных можно говорить о повышенной атмосферной увлажненности нижневолжских степей в эпоху развитого средневековья с максимумом в XIII–XIV веках. Ранее уже были высказаны предположения (Гаель, Гумилев, 1966; Глушко, 1996; Хотинский, 1986) о значительной гумидизации климата всей евразийской степи во время татаро-монгольского нашествия и существования Золотой Орды. Кроме того, результаты палинологических (Герасименко, 2004) и палеопочвенных (Александровский, 2002) исследований археологических памятников свидетельствуют об увеличении количества атмосферных осадков в рассматриваемую историческую эпоху в Северном Причерноморье и Предкавказье. Однако уже в конце XIV–XV веках наступила очередная аридизация климата (Адаменко, Масанова, Четвериков, 1982; Демкин, Ельцов, Алексеев, Алексеева, Демкина, Борисов, 2004; Колебания климата за последнее тысячелетие, 1988; Рысков, Демкин, 1997; Шнитников, 1957), которая, по-видимому, в основном и обусловила заметные изменения многих свойств почв Нижнего Поволжья в постзолотоордынское время (снижение содержания гумуса, увеличение засоленности и др.).

Т.С Демкина, Т.Э. Хомутова, А.В. Борисов, В.А. Демкин (г. Пущино)

Микробиологические исследования подкурганных палеопочв степной зоны

На протяжении последних десяти лет мы уделяем особое внимание исследованиям состояния микробных сообществ подкурганных палеопочв степной зоны. Известно, что почвенные микроорганизмы являются неотъемлемой составной частью почвы и участвуют в той или иной степени практически во всех процессах, протекающих в ней. Поэтому характеристика микробного сообщества является диагностическим показателем условий почвообразования. Проведенные ранее исследования показали, что в погребенных почвах археологических памятников сохраняются живые микроорганизмы (Демкина, Борисов, Демкин, 2000; Демкина, Борисов, Демкин, 2003). При высеве водной суспензии, приготовленной из почвенных образцов, они хорошо развиваются на агаризованных питательных средах. Используя различные по составу питательные среды, удается выявить пищевые (трофические) предпочтения микроорганизмов, их численность и биомассу и на основании этого с определенной долей вероятности судить о природной обстановке в ту или иную историческую эпоху.

Величины микробиологических параметров в современных фоновых почвах, как правило, снижаются вниз по профилю. Нами установлено, что в подкурганных палеопочвах в настоящее время профильное распределение микроорганизмов либо аналогично современному, либо величины микробиологических параметров увеличиваются в глубь профиля. Вероятно, существенную роль в этом играет степень консервации погребенных почв, т.е. влияние диагенетических изменений. Поэтому при оценке состояния микробных сообществ нами используются, соответственно, либо средневзвешенные по профилю величины, либо величины для горизонта В2, где диагенетические изменения практически не проявились (Демкина, Борисов, Демкин, 2000).

Нами проведены палеопочвенные исследования нескольких десятков археологических памятников (курганов) эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (IV тыс. до н.э. – XIV в. н.э.) в различных природных районах восточноевропейских степей. Впервые при почвенно-археологических исследованиях грунтовых памятников древней и средневековой истории использован комплекс современных методов почвенной микробиологии и биохимии. Получена характеристика состояния микробных сообществ разновозрастных подкурганных палеопочв, включающая величину микробной биомассы (суммарной и активной), численность микроорганизмов различных трофических групп и грибных колониеобразующих единиц, оценку дыхательной активности микробного сообщества, рассчитаны оригинальные коэффициенты и индексы, дающие представление об эколого-трофической структуре микробоценозов. Известно, что микроорганизмы способны преодолевать стрессовые условия окружающей среды (неблагоприятный гидротермический режим, недостаток питания и др.) и сохраняться неопределенно долго посредством перехода в покоящееся состояние (Звягинцев, 1987). При этом наряду со спорами существенную часть микробного сообщества составляют «спороподобные» покоящиеся клетки, размеры которых менее 0,3 мкм, с низким уровнем метаболизма и неспособные к образованию колоний на питательных средах (Roszak, Colwell, 1987). Логично предположить, что значительная часть микробных сообществ погребенных почв засушливых регионов (сухие степи, полупустыни) находится именно в состоянии покоя. В связи с этим актуальной проблемой становится определение суммарной биомассы микроорганизмов, включающей все клетки.

Нами изучена вековая динамика состояния микробных сообществ на примере нескольких хронорядов для солонцов, светло-каштановых и каштановых почв.

Показано, что изменчивость микробных сообществ в отдельные исторические периоды была значительной (курганные могильники «Абганерово», рубеж IV–III тыс. до н.э., XIX–XVII вв. до н.э., III–IV вв. н.э.; «Маляевка», рубеж III–II тыс. до н.э., XVI–XV вв. до н.э., III–IV вв. н.э., XIII–XIV вв. н.э. и др.), в другие – сравнительно небольшой (курганный могильник «Колобовка», первая половина I в. н.э., I–II вв. н.э., II–III вв. н.э. и др.).

Полученные микробиологические данные свидетельствуют об определенной динамике природных условий в исследованных регионах, которые вызывали изменения в состоянии микробных сообществ почв в разные исторические эпохи. Количественные характеристики состояния микробных сообществ (рис. 1), такие как преобладание в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества (растительные остатки), высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности дают основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы. Известно, что в засушливых областях, к каковым относятся и исследованные сухо и пустынно-степная зоны, увеличение растительной массы прежде всего обусловлено повышением увлажненности климата в тот или иной исторический период. Усиление же

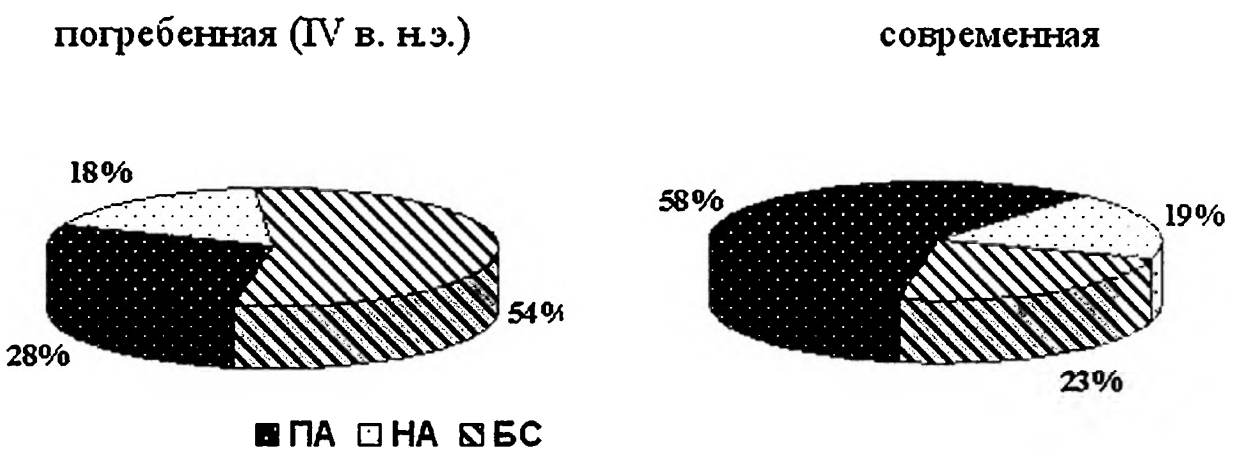


Рис. 1. Соотношение микроорганизмов различных трофических групп

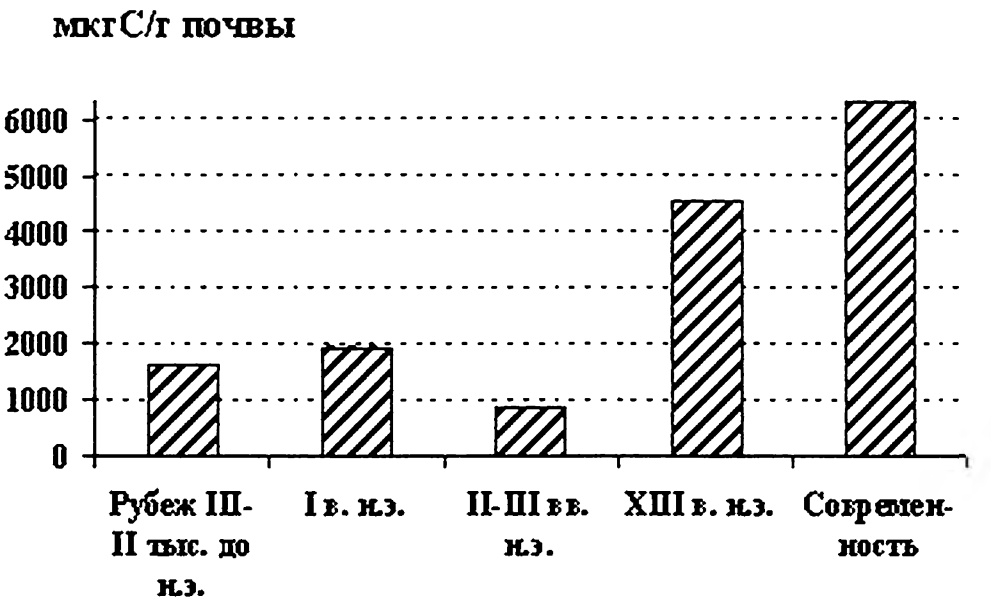


Рис. 2. Суммарная биомасса микроорганизмов в гор. А1 разновозрастных каштановых почв сухостепной зоны

засушливости климата в масштабе исторического времени, напротив, приводит к снижению двух первых показателей и увеличению третьего. Индекс олиготрофности характеризует способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния зольные элементы питания, то есть, чем выше его значение, тем к более бедным условиям питания приспособлены почвенные микроорганизмы и, наоборот, чем ниже, тем к более богатым условиям питания, связанным с большим поступлением в почву растительных остатков, приспособлены микроорганизмы.

На рисунке 2 представлены данные по суммарной микробной массе в исследованных почвах. Как видно из рисунка, в погребенных палеопочвах наибольшая сумммарная биомасса микроорганизмов была в средневековье (XIII в. н.э.), в 2,3 раза меньшая в I в. н.э., еще ниже – на рубеже III–II тыс. до н.э. и самая низкая – во II–III вв. н.э.

Полученные нами данные о состоянии микробных сообществ разновозрастных палеопочв, свидетельствуют о том, что на протяжении последних 6000 лет в районе исследований происходило чередование аридных (засушливых) и гумидных (увлажненных) климатических периодов. К первым можно отнести рубеж III–II тыс. до н.э. и II–III вв. н.э., ко вторым – первую половину IV тыс. до н.э., I, IV и XIII–XIV вв. н.э.

Следовательно, микробные сообщества подкурганных палеопочв степной зоны сохраняют ряд параметров, отражающих палеоэкологическую ситуацию на момент сооружения археологического памятника и хорошо согласующихся с климатическими реконструкциями, проводимыми на основе морфолого-химических свойств древних почв.

И.В. Журбин, Д.В. Груздев (г. Ижевск)

Методика, алгоритмы и технология компьютерного моделирования археологических памятников*

Компьютерное моделирование в археологии решает задачу реконструкции исторических событий в пределах регионов в целом. В большинстве случаев каждый археологический памятник рассматривается как монолитный точечный объект, который характеризуется географическими координатами и рядом обобщающих характеристик (тип, культурно-историческая принадлежность и пр.). Не менее интересной и сложной задачей является моделирование процесса формирования отдельного археологического памятника. В данном случае культурный слой рассматривается как трехмерная система со сложной структурой, элементами которой являются все объекты и слои, зафиксированные в процессе раскопок:– сооружения, ямы, очаги, прослойки, напластования, отдельные находки и пр. Анализ взаимного расположения элементов позволяет сформулировать и обосновать предположения о возникновении, формировании и развитии изучаемого археологического объекта. Технология реализации компьютерной модели культурного слоя памятника включает три основных этапа – формирование источника, компьютерное картографирование и пространственное моделирование (рис.1).

Основной задачей этапа формирования источника (этап А) является представление результатов раскопок в форме, удобной для ввода в компьютер. Очевидно, что решение этой задачи связано с методикой раскопок и форматом полевой документации. Обязательными условиями являются инструментальные замеры, что позволяет представить исходные данные в единой системе координат. Формат полевой документации определяет структуру баз данных находок и слоев.

Компьютерное картографирование предполагает представление результатов археологических раскопок в виде цифровой карты в среде геоинформационной системы MapInfo. Предложенная методика позволяет создавать оцифрованные плоскостные карты горизонтальных и вертикальных разрезов культурного слоя (этап Б). Расположение каждого из этих планов однозначно определено относительно репера, что позволяет установить координаты любого объекта планировки или находки, зафиксированных на карте. В результате оцифровки каждый планиграфический разрез хранится в компьютере как совокупность границ, которые разделяют различные элементы культурного слоя – объекты планировки, слои, прослойки, напластования, линзы, заполнение объектов и пр. Грунты различного состава и цветности, составляющие регулярные и нерегулярные слои, кодируются в базе данных в соответствии с исходной археологической документацией. Такое преобразование исходных полевых чертежей позволяет использовать полученные карты как компьютеризированный источник для пространственного анализа.

Компьютерная модель включает пространственно-упорядоченный набор объектов, геометрические параметры и взаимное расположение которых отражает соответствующие параметры культурного слоя археологического памятника. Иными словами, модель включает все объекты и слои, зафиксированные в процессе раскопок. На первом этапе формируется набор пространственных моделей выделенных объектов. Задачей этого этапа является максимально точное восстановление формы и геометрических параметров каждого из моделируемых объектов на основе данных археологических раскопок (этап В). Дальнейшее развитие модели связано с расположением в виртуальном пространстве культурного слоя реализованных ранее моделей отдельных объектов и слоев, а также их взаимная координатная привязка. Созданная таким образом компьютерная модель является полноценным «образом» культурного слоя памятника (этап Г). Кроме геометрических параметров, модель описывает свойства всех компонентов культурного слоя – структуру, состав, материал, датировку и пр. С точки зрения компьютерных технологий для реализации описанной методики построения пространственной модели культурного слоя необходимо специализированное программное обеспечение. В Физико-техническом институте УрО РАН разработан программный комплекс, реализующий все перечисленные возможности, а также оригинальную методику, алгоритмы и технологию пространственного моделирования археологических объектов. С использованием данного комплекса была создана пространственная модель участка культурного слоя средневекового финно-угорского городища Иднакар, включающего жилищно-производственный комплекс – сооружение с очагом, хозяйственной ямой

* Исследования выполняются при финансовой поддержке программы РГНФ-Урал № 05-01-80104а/У.

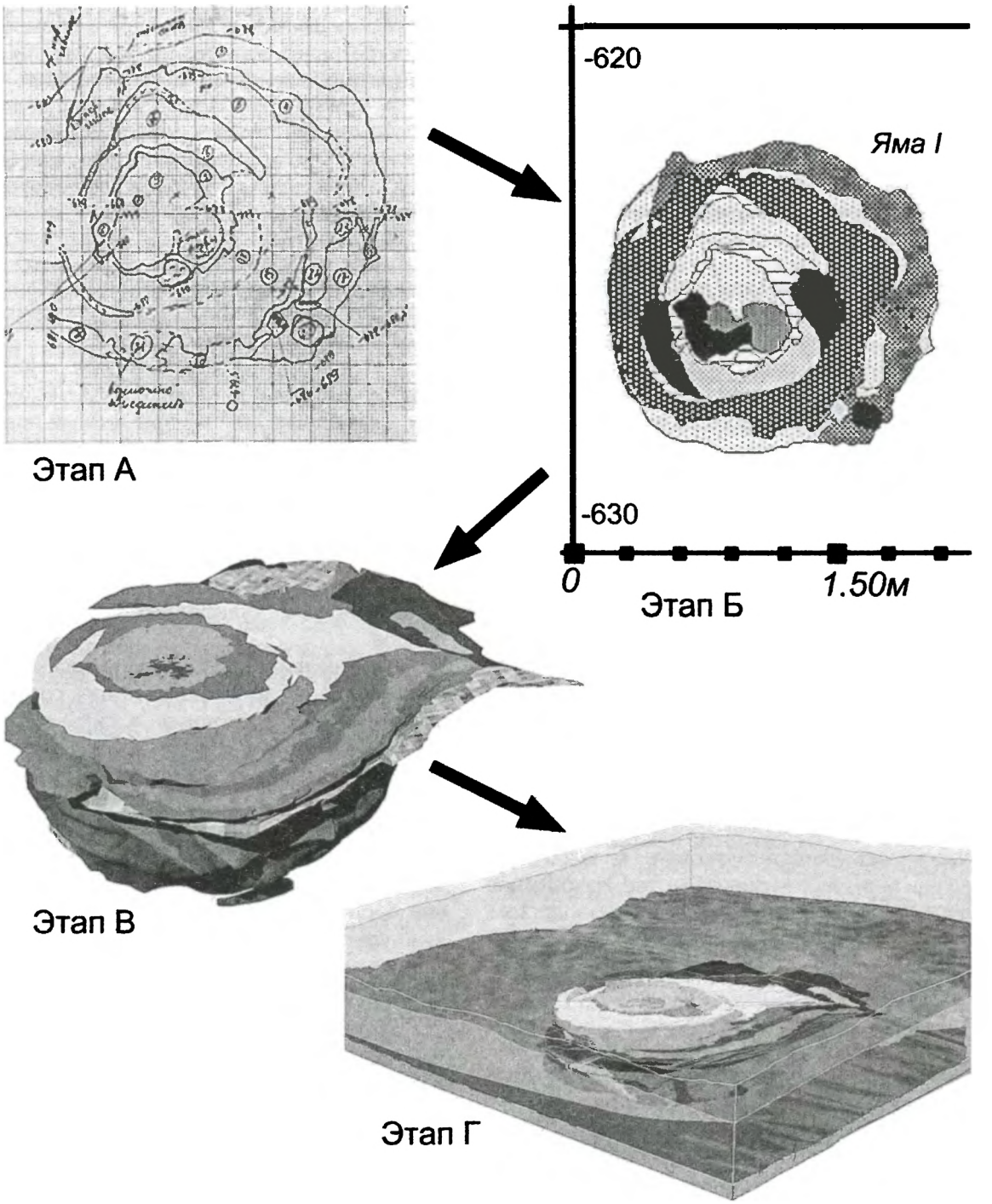


Рис. 1. Этапы формирования пространственной модели культурного слоя памятника

внутри сооружения и примыкающей вентиляционной канавой.

Применение компьютерных технологий и пространственного моделирования культурного слоя позволяет решить ряд важных задач. Формирование многофункционального источника за счет преобразования полевой информации в компьютерную модель обеспечивает возможность изучения археологического объекта не только на основе визуально фиксируемой информации, но и структурной, выраженной во взаимном расположении элементов культурного слоя. С точки зрения сохранения археологического памятника как объекта историко-культурного наследия, разработанные методы и технологии обеспечивают копирование и хранение инфор-

мации об археологическом объекте, а также создание его виртуального образа, что решает противоречие между исследованием памятника и его уничтожением в процессе раскопок. Кроме того пространственная модель культурного слоя может быть использована для документирования археологических материалов, подготовки археологических отчетов, а также при формировании иллюстративных материалов для музейных экспозиций и образовательных учреждений.

А.А. Каздым (г. Москва)

Геохимические методы в изучении культурного слоя

Геохимические методы в археологии, т.е. исследование накопления различных химических элементов, позволяют выявить зоны геохимических аномалий, в ряде случаев по техногенным геохимическим аномалиям определить зоны бытового или промышленного загрязнения в древности, связанного с определенной хозяйственно-бытовой и производственной деятельностью.

Валовые концентрации различных химических элементов в городских слоях XV–XIX вв. (в первую очередь, металлов) позволяют определить характер деятельности человека на определенной территории. Так, например, высокое содержание ртути связано с ювелирным делом (ртутная амальгама), меди – с медеплавильным, ювелирным, монетным производствами, мышьяка – с кожевенным или красильным производством, а также зонами, связанными с уничтожением грызунов (сточные и выгребные ямы, погреба).

Высокое содержание хрома, ванадия, марганца может свидетельствовать о кузнечном деле или плавильном производстве. Накопление свинца связано с красильным производством, изготовлением красок, художественными промыслами, изготовлением посуды, стекла и т.д.

Высокие концентрации фосфора связаны с разложением органического вещества (кости, кожи), бытовых отходов, кальций и магний поступает из различного строительного материала (известняка, строительного раствора, цемента, бетона). Биофильные элементы (калий и натрий) накапливаются вследствие разложения органического вещества, в основном, древесины, кроме того калий в большом количестве поступает из золы.

Накопление химических элементов возможно при использовании некоторых минеральных красок (минералов), например, керченита (фосфор), ярозита (железо), реальгара и аурипигмента (мышьяк), киновари (ртуть), малахита и азурита (медь).

Учитывая нестабильность и гетерогенность культурных слоев города, частую смену геохимической обстановки в условиях города вероятно существование различных геохимических барьеров, а миграция элементов и их накопление может быть нехарактерной для тех природных условий, где расположен город.

Для культурных слоев города характерны техногенные механические геохимические барьеры – каменные, деревянные и иные покрытия, различные сооружения, фундаменты зданий, которые в ряде случаев являются препятствием для привноса вещества, изменяя тепловой водно-газовый режим, сокращают площади испарения. При этом возможно возникновение анаэробных условий, а при наличии органического вещества и возникновение сульфидных геохимических барьеров.

Повышенная щелочность городской среды (повышение pH до 9, иногда выше), создает возможность слабощелочных и сильнощелочных (содовых) классов геохимических барьеров. Наличие разлагающегося органического вещества дает возможность для образования сероводорода и сернистого газа, а при окислении сульфидов – серной кислоты, и таким образом могут возникать сильно кислые и кислые геохимические барьеры. Геохимические барьеры в толще культурного слоя могут быть локальными и даже точечными, а также неоднократно сменять друг друга на небольшом расстоянии, как по горизонтали, так и по вертикали.

Нами отмечено, что высокие концентрации некоторых химических элементов могут встречаться в курганах и могильниках, что связано с разложением органического вещества, концентрацией определенных химических элементов, а также с использованием различных минеральных красок.

Современные методы геохимических исследований, проводимые еще до начала археологических раскопок, позволяют более точно установить промышленные, бытовые зоны концентрации химических элементов, дать более ясную картину освоения территории.

А.А. Каздым (г. Москва)

Петрография и минералогия в исследовании культурного слоя и артефактов

Среди множества методов, применяемых для исследования культурного слоя и артефактов, можно выделить и сравнительно редко используемые в отечественной археологии методы петрографо-минералогических (в том числе и литолого-микроморфологических) исследований.

Суть данных методов заключается в исследовании минералов и горных пород, находящихся в культурном слое, фрагментов погребенных почв, изучении микростроения культурного слоя, а также различных новообразований как в культурном слое, так и на артефактах, изучении керамики, «зольников» и т.д. Исследования проводятся как в прозрачных шлифах с применением поляризационной микроскопии, так и с применением рентгенфазового, спектрального анализа, сканирующего электронного микроскопа.

Изучение петрографических характеристик культурного слоя как *специфического литогенно-педогенного субстрата, одного из видов техногенного литогенеза,* не имеющего природных аналогов, позволило установить ряд специфических свойств, отличающих культурный слой от горных пород и почв, послуживших базисом его формирования. В целом культурный слой является зоной интенсивных процессов *техногенного седиментогенеза и первых стадий диагенеза.*

Совокупность специфических геохимических, физико-химических, гидрологических, микробиологических особенностей культурного слоя дает возможность возникновения и формирования ряда минералов и минеральных ассоциаций, многие из которых являются своеобразными минералами-индикаторами геоэкологической обстановки. Некоторые аутигенные минералы являются нехарактерными или не встречаются в горных породах и почвах, на которых происходило формирование и развитие культурного слоя.

Сульфиды железа (троилит, грейгит, пирит) – индикаторы деятельности серобактерий, анаэробных условий, высокого содержания органического вещества, возможна хорошая сохранность древесины, металлических изделий. Однако быстрое окисление сульфидов приводит к образованию сульфатов (ярозита, гипса) и оксидов железа, разрушающих артефакты.

Сульфаты: ярозит, мелантерит, кокимбит (сульфаты железа) являются продуктами окисления сульфидов, что свидетельствует о локальных сильнокислых условиях (при разложении сульфидов выделяется серная кислота, что негативно влияет на артефакты). Образование гипса ($CaSO_4x2H_2O$, двухводного сульфата кальция) связано с окислением сульфидов или перекристаллизацией строительного раствора (алебастра), а формы кристаллов свидетельствуют об определенных физико-химических процессах кристаллизации.

Фосфаты железа (вивианит, керчениты и др.) – весьма важные индикаторы процессов аутигенеза, свидетельствующие об анаэробных условиях, высоком содержании фосфора и железа (в двухвалентной форме).

Кальцит и арагонит разрушают керамику, кирпич, металлические артефакты, что свидетельствует о микробиологических (часто и деятельности патогенной микробиоты) процессах, высокой щелочности среды

Оксиды железа (гетит, гематит, лепидокрокит) и карбонаты железа (сидерит), а также редкий минерал гриналит (Fe^{**}_9, $Fe^{***}_2(OH)_{12}Si_4O_{11})_2x2H_2O$) являются продуктами окисления металлических предметов, в присутствии определенной бактериальной среды (процессы биоминералообразования, весьма характерные для могильников). Характерен и аутигенез оксидов и гидрооксидов марганца (пиролюзита, манганита, псиломелана, вада, вернандита и др.), часто в совокупности с оксидами и гидрооксидами железа (железо-марганцевые новообразования), что также связано с деятельностью бактерий.

Сульфаты и фосфаты меди, например, либетенит ($Cu_2[PO_4][OH]$), бонатит ($CuSO_4x3H_2O$), брошантит ($Cu_4[SO_4][OH]_6$), фосфаты и водные сульфаты меди, а также карбонаты меди (малахит, азурит) предполагают наличие на медных и бронзовых предметах остатков органического вещества (деревянных или кожаных ножен, костяных накладок). Алюмофосфат меди (бирюза, $CuAl_6[PO_4]_4[OH]_8x5H_2O$) иногда замещает кости и зубы.

Изучение петрографических (литологических) характеристик культурного слоя – это установление горной породы, ее минерального состава, степени изменения при антропогенном (техногенном) воздействии. Кроме того, исследование горных пород, находящихся под или над культурным слоем дает возможность установить седиментационные и диагенетические процессы до и после формирования культурного слоя.

Изучение минерального состава культурного слоя разделяется на два основных направления: изучение унаследованных минералов, сохранившихся в горной породе после формирования на ее поверхности культурного слоя и изучение новообразованных минералов, генезис которых

связан с воздействием человека на горную породу и почву, с привносом и разложением (разрушением, окислением и т.д.) различных антропогенных включений.

Унаследованные минералы могут дать определенную информацию о степени изменения горной породы при антропогенном воздействии на нее, помочь точно установить «остаточный минеральный состав». Сохранность минералов в культурном слое связана с их устойчивостью к выветриванию, гидролизу, гидратации и растворению.

Процессы техногенного аутигенного минерагенеза в большинстве случаев не связаны с горной породой или почвой, послужившими основой формирования культурного слоя, и их генезис связан исключительно с антропогенным воздействием. Единственным фактором, который в той или иной степени может влиять на генезис процессов аутигенеза, является количество осадков и химический состав грунтовых вод, однако эти факторы проявляются в основном уже на постдиагенетическом уровне, после того как процесс диагенетического изменения техногенных отложений (культурного слоя, культуросодержащих отложений) уже завершен.

Микростроение культурного слоя – устойчивый временной диагностический признак. При изучении микростроения необходимо выделить признаки, характеризующие антропогенное (техногенное) воздействие, признаки, сохранившиеся от почв и горных пород, на которых происходило формирование культурного слоя, признаки, характеризующие степень изменения почвы или горной породы.

Наиболее простой является возможность определения унаследованных признаков – фрагментов, остатков почв и горных пород. Для погребенных почв хорошо сохраняющимися диагностическими признаками по определению Т.Д. Морозовой являются особенности микростроения, конфигурации агрегатов и пор, глинистые кутаны, оптически ориентированные глины.

Антропогенное воздействие на почву проявляется в разрушении агрегатов, появлении агрегатов или блоков неправильной формы, повышенной уплотненности или пористости (причем поры имеют большей частью неправильную форму), слоистости, наличии генетически не связанных зон и микрозон, деформации и включения в общую массу кутан, наличии большого количества углей (часто с хорошо сохранившимся клеточным строением), высокого содержания костей, сохранившихся остатков растений.

Применение в археологии петрографо-минералогических, литологических и микроморфологических методов существенно расширяет круг знаний о взаимодействии человека и природы в древности. При подобного рода исследованиях возможно оценить степень воздействия человека на экосистему в целом и отдельные ее составляющие, в частности, буферность экосистемы, ее устойчивость в системе «человек-биосфера», скорость восстановления экосистемы после снятия антропогенной (техногенной) нагрузки.

В.М. Кишлярук, А.И. Шульман (Молдова, г. Тирасполь)

Использование данных физико-химического анализа в исследованиях древних поселений

При раскопках поселения Чобручи (Щербакова, 1997) в культурно-хронологическом горизонте, относящемся к IX–V вв. до н.э. (Никулицэ, Фидельский, 2002) наряду с другими археологическими материалами было выявлено сооружение с фрагментами глиняной обмазки толщиной до 20–25 см. На фрагментах обмазки имеются отпечатки растительных остатков, на внутренней стороне фрагментов наблюдаются отпечатки прутьев, диаметр которых достигает 3 см. Часть фрагментов отличалась своим внешним видом, значительной пористостью. У некоторых из них на одной из поверхностей образовано покрытие стеклянистоматового характера.

Предположительно данное сооружение представляло собой печь, а найденные фрагменты – части ее обмазки. Археологический материал не дает возможность определить характер использования данного сооружения. Являлось ли оно кухонным помещением, либо печь использовалась для хозяйственных нужд (обжиг керамической посуды, выплавка металла и т.п.). Использование физико-химического анализа состава обмазки позволяет определить хозяйственное назначение печи, а также происхождение глинистого материала, используемого в качестве обмазки, и место его добычи.

Растительные остатки добавлялись в обмазку, вероятно, для придания ей вязкости и прочности. Прутья, очевидно, являют собой деревянный каркас печи, на который, по всей вероятности, и наносилась глиняная обмазка, густо перемешанная с растительными остатками. Однако наибольший интерес представляет наблюдаемая у части фраг-

ментов обмазки вспученность.

Она хорошо видна у железистых легкоплавких глинистых пород, содержащих следующие оптимальные количества химических составляющих (%): SiO_2 – 50–65%; Al_2O_3 – 16–25%; Fe_2O_3+FeO – 8–10%; CaO до 3–4%; MgO – 3–5%; K_2O+Na_2O – 3–6%; органических веществ – 1–2% (Искусственные пористые заполнители…1987).

Анализ обмазки* проводился следующими методами: определение содержания Si (в форме SiO_2) – весовым методом путем сплавления навески m~1 г с Na_2CO_3 и KNO_3; определение содержания Al (в форме Al_2O_3) – путем комплексонометрического титрования раствором трилона–Б эквивалентного содержанию Al в образце рабочим раствором $ZnSO_4$; Ca и Mg определялись прямым комплексонометрическим титрованием с трилоном–Б; определение содержания Fe (в форме Fe_2O_3) – фотоколориметрическим методом в щелочной среде сульфосалициловой кислотой; определение Na в образце – оксихинолиновым методом; определение содержания Mn (в форме Mn_3O_4) – окислительно-восстановительным титрованием (с рабочим раствором тиосульфата натрия $Na_2S_2O_3$); содержание кислорастворимого остатка было определено весовым методом.

В ходе проведенного анализа обмазки были получены следующие результаты среднего содержания элементов: Si (в форме SiO_2), W(SiO_2) = 69,51%; Al (в форме Al_2O_3), W(Al_2O_3) = 6,96%; Mg (в форме MgO), W(MgO) = 9,89%; Ca (в форме CaO), W(CaO) = 5,89%; Na (в форме Na_2O), W(Na_2O) = 1,64%; Fe (в форме Fe_2O_3), W(Fe_2O_3) = 2,6%; Mn (в форме Mn_3O_4), W(Mn_3O_4) = 0,03%; кислотнонерастворимого остатка, W = 1,75%.

Из приведенных данных видно, что показатели содержания химических элементов в обмазке, в основном соответствуют оптимальным показателям вспучиваемости породы либо же близки к таковым. Не соответствуют в более значительной степени оптимальному содержанию для вспучивания породы Fe (в форме Fe_2O_3) и Al (в форме Al_2O_3). Однако хорошая вспученность материала обмазки свидетельствует о том, что этот показатель, очевидно, не стал существенным препятствием вспучиванию породы. Причиной тому, вероятно, стал комплекс факторов, среди которых можно выделить достаточное содержание других элементов, а также высокое содержание органики растительного характера. Еще одним фактором мог стать режим тепловой обработки обмазки печи, обеспечивающий хорошую вспучиваемость даже в условиях сравнительно низкого содержания железа и алюминия. О возможности достижения высоких температур при использовании печи свидетельствует матовый стеклянистый покров на внутренней поверхности обмазки, образованный в результате плавления содержащегося в породе кварца. Такой результат мог быть получен лишь при температурах выше 900°C.

Предполагаемое использование печи для выплавки металла, вероятно, привело бы к значительному увеличению содержания железа в обмазке, так как частицы выплавляемого металла оседали на стенках печи, особенно на внутренних ее частях. Однако такой факт не наблюдается. Полученные данные предполагают использование печи для других хозяйственных нужд. Возможно ее использование в кухонных целях, однако толщина обмазки, основательность изготовления печи и температурный режим, поддерживаемый в ней, в большей степени характеризуют печи, использовавшиеся для обжига керамической посуды. Подтверждением чему является и значительное количество фрагментов керамических изделий местного производства, обнаруженных на поселении. Расположение печи на низких террасах могло быть определено необходимостью использования в больших количествах топлива для обжига, каковым мог служить древесный материал лесов, произраставших на пойме Днестра.

Проведенные палеогеографические реконструкции позволили реконструировать природную обстановку в районе поселения Чобручи в период его функционирования. В VI–V вв. до н.э. здесь существовала старица Днестра (Кишлярук, Чепалыга, 1999). В старичных отложениях, в условиях недостатка кислорода имеет место образование железных и марганцевых конкреций. Использование материала старичного грунта для изготовления обмазки могло стать одним из факторов проявления значительной ее вспученности. Однако данные анализов свидетельствуют о низком содержании железа и марганца в обмазке, что могло явиться результатом отсутствия старицы (т.е. сооружение печи велось в более ранний период), либо использования для приготовления массы обмазки материала, непосредственно добытого на месте сооружения печи. Однако и в таком случае существовала возможность наличия более высокого содержания оксидов железа и марганца в использованном грунте. Условиям их образования соответствовал бы более высокий уровень грунтовых вод, периодически или постоянно подтапливающих грунт на месте сооружения печи, что могло привести к накоплению в нем оксидов железа и марганца. Такое явление наблюдается в современных условиях, часть сооружений поселения Чобручи находится ниже уровня подземных вод, и в грунте наблюдается образование

* Фрагменты обмазки были любезно представлены Е.В. Яровым и С.А. Фидельским.

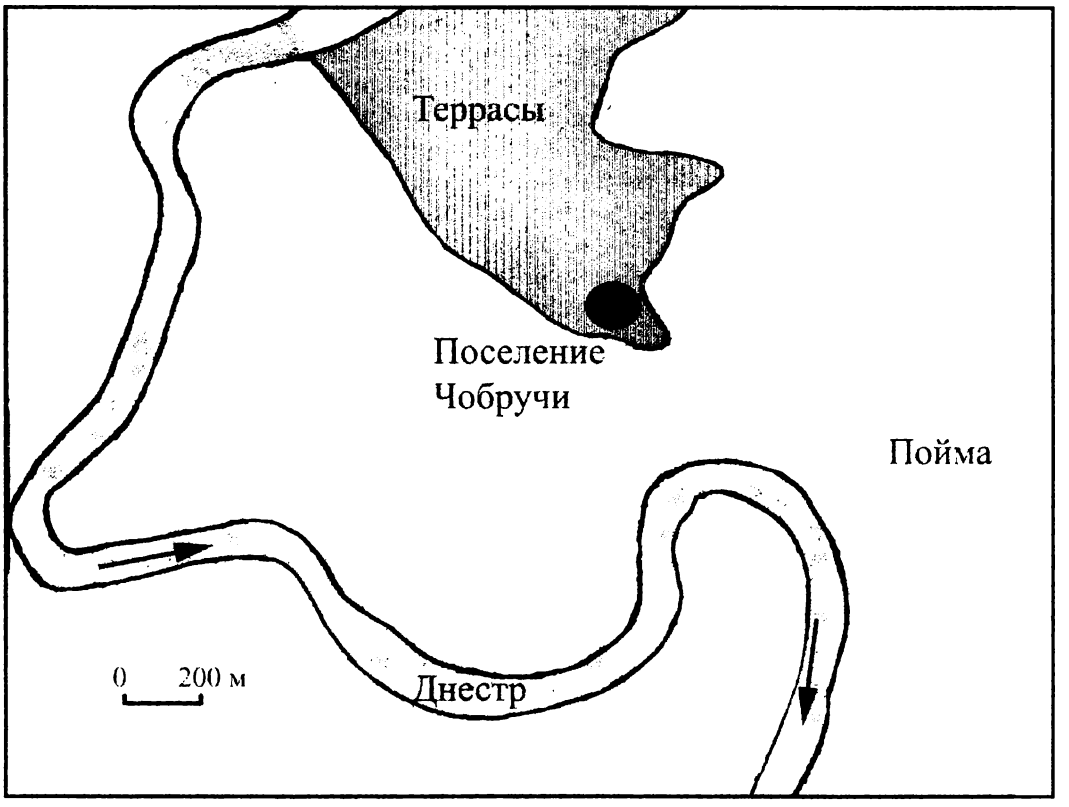


Рис. 1. Геоморфологическая схема положения поселения Чобручи

железистых и марганцевых конкреций. На явление повышения уровня грунтовых вод значительное влияние оказывает Днестр. Особенно высоким уровень грунтовых вод становится в периоды половодий и паводков. Их повышение наблюдалось в конце V–начале III вв. до н.э. Таким образом, незначительное содержание железа и марганца в материале обмазки печи могло стать следствием более низкого уровня половодий и паводков, что свидетельствует о более древнем возрасте печи. Это обеспечивало беспрепятственное использование сооружения даже в периоды повышения уровня Днестра.

Это подтверждается палеоботаническими данными. Использование древесного материала в качестве топлива могло способствовать сведению пойменного леса в районе поселения Чобручи. В отложениях VI–V вв. до н.э. поселения Чобручи наблюдается лишь незначительное присутствие пыльцы древесных пород (Чепалыга и др., 2001).

В.М. Кишлярук (Молдова, г. Тирасполь)

Содержание фосфора в почве как индикатор границ поселения Чобручи

Поселение Чобручи, раскопки которого ведет НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, расположено на обширном мысу левого берега р. Днестр между г. Слободзея и с. Чобручи, на расстоянии 6 км от трассы Тирасполь-Днестровск.

Выявленный при раскопках археологический материал позволил предварительно выделить три хронологических горизонта функционирования поселения: VI–V вв. до н.э.; конец III–начало II вв. до н.э.; II–IV вв. н.э. (Щербакова, 1997(а); 1997(б)). В результате дополнительных исследований стало ясно, что поселение на исследуемом участке начало функционировать как минимум с IX в. до н.э. (Никулицэ, Фидельский 2002(а), 2002(б)). Данные радиоуглеродных исследований свидетельствуют о еще более древнем возрасте поселения Чобручи и о длительном его существовании (3110±130 (ИГАН-2128), 2109±80 (ИГАН-2134)).

Поселение, вероятно, достигало значительных размеров, т.к. подъемный материал, относящийся к различным культурно-хронологическим горизонтам, встречается на площади около 30 га (Щербакова, 1997(а)). Однако данные палеогеографических реконструкций свидетельствуют о том, что границы поселения не были стабильны-

ми и расположение его сооружений в различные периоды существования определялось природными условиями и, в первую очередь, уровнем половодий Днестра (Чепалыга, Кишлярук 2005).

Определение границ памятников имеет большое значение для выявления наиболее важных участков проведения раскопок, что в значительной степени позволяет сэкономить средства и время, необходимые для более детального изучения культурных горизонтов.

Одним из наиболее устойчивых антропогенных химических компонентов культурного слоя является фосфор. Как известно, органическое вещество, поступающее на поверхность почвы в виде отходов жизнедеятельности человека, характеризуется более высоким содержанием фосфора, чем минеральная часть почвы. Он накапливается в почве и формирующемся культурном горизонте при проникновении в них различных пищевых остатков, костей животных и др. При их минерализации фосфор закрепляется в верхней части почвенного профиля, либо в культурном слое. Накопление фосфора обусловливается его слабой подвижностью, и он в виде трудно растворимого соединения фосфата кальция может, сохраняться тысячи лет. Ежедневно из организма человека выводится 1,0–1,5 г фосфора, что в год составляет до 500 г. Поэтому его содержание при скученном длительном проживании людей может достигать десятков тонн на гектар. Это приводит к тому, что на территории оконтуривающей границы древнего поселения образуется зона с аномально высоким, по сравнению с фоновым, содержанием P_2O_5. Как правило, местом скопления отходов является периферийная часть поселения. Его границы будут приурочены именно к этой зоне. В связи с этим появляется возможность определить контуры распространения древнего культурного горизонта поселений по повышенному содержанию фосфора в почве (Демкин, 2000; Демкин, Дьяченко 1993).

Многократная распашка сельскохозяйственных угодий в районе расположения поселения Чобручи могла привести к перемещению фрагментов керамики и несовпадению границ распространения подъемного материала с границами древнего поселения (Кишлярук, 2005). Поэтому использование сведений о содержании фосфора в почве может существенно дополнить имеющиеся данные относительно области распространения поселения.

Для определения внешних границ поселе-

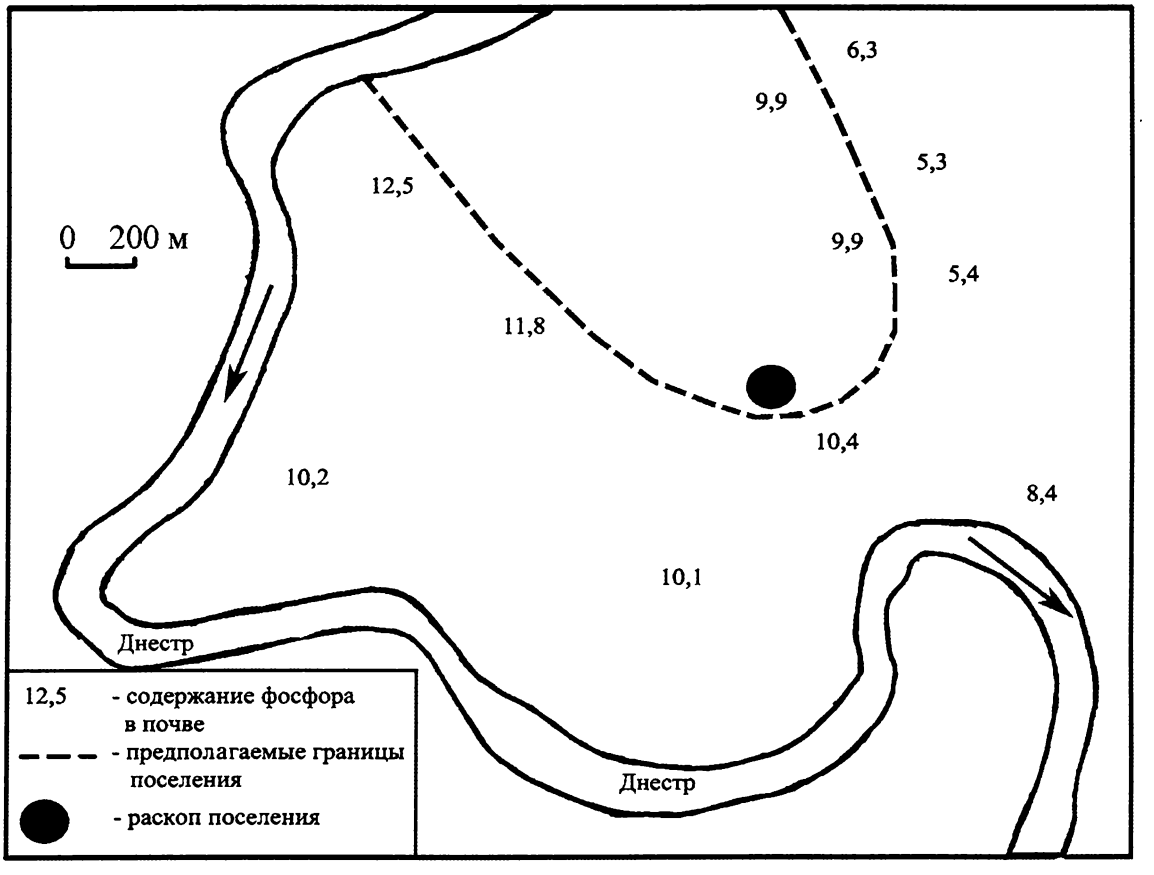


Рис. 1. Границы поселения Чобручи по содержанию фосфора в почве

ния Чобручи использовался метод, основанный на анализе содержания фосфатов в верхнем слое современной почвы. Для выявления границ поселения были использованы данные анализов содержания фосфора в современном почвенном слое 0–30 см, проведенных НПО «Сельхозхимия».

В пределах исследуемой территории наблюдается значительная дифференциация содержания этого элемента в верхнем слое современной почвы. Зона повышенного содержания фосфора протянулась с северо-запада на юго-восток на расстояние более 2 км. При фоновой концентрации фосфора 3–8 мг/100 г, в зоне поселения его содержание достигает 10,0–12,5 мг/100 г (рис. 1). Выделенная на основании повышенного содержания фосфора граница поселения с восточной и северо-восточной стороны прослеживается довольно четко. Граница распространения поселения Чобручи со стороны русла Днестра также может быть выделена по тому же признаку, однако она менее выражена. Вероятно это связано со значительным нарушением верхнего почвенного слоя, вызванным сооружением насыпной дамбы, для которой использовался грунт близлежащих участков поймы.

Границы поселения Чобручи, выявленные по содержанию фосфора в почве, в основном совпадают с контурами, определенными археологическими методами. Однако если находки подъемного материала относятся в основном к пойменному участку, то геохимические данные свидетельствуют о контуре поселения в пределах террасового участка. Прослеживается также и увеличение площади поселения Чобручи за счет охвата более высоких террас р. Днестр в различные периоды существования. Это несовпадение, очевидно, явилось следствием сноса подъемного материала с террас на пойму в ходе сельскохозяйственных работ.

А.В. Коробейников (г. Ижевск)

Устройство и способ для динамического зондирования культурного слоя

На сегодняшний день в археологии для исследования грунта на площадке раскопа применяется целая гамма геофизических методов (Журбин, 2004). Они дают информацию о физических свойствах слоев грунта (электропроводности, плотности и т.д.) и позволяют обнаруживать крупноразмерные артефакты или следы сооружений (валы, жилищные и хозяйственные ямы, и т. п.), которые не имеют следов на современной дневной поверхности. Однако все геофизические способы требуют применения дорогостоящей аппаратуры, исследования в поле привязаны к источникам электроэнергии, требуют значительных финансовых вложений и трудозатрат, что ограничивает сферу и частоту их применения.

Способ исследования земли с помощью щупа намного проще и позволяет в некоторых случаях выявить неоднородность грунтовой толщи и сделать предположения об антропогенном характере такой неоднородности. Таким способом определяют приблизительное расположение жилищных, хозяйственных и иных ям. Считается, что заполнение ямы мягче ее дна (Авдусин, 1980), однако этот способ имеет существенный недостаток: погружая щуп в исследуемую среду, исследователь оценивает разницу сопротивления проникновению в зависимости от глубины погружения щупа, но при этом он руководствуется собственными ощущениями и оперирует критерием «тверже–мягче». Градации признака тут хотя и возможны, но они субъективны, поэтому невозможна и фиксация абсолютных значений сопротивления проникновению щупа в зависимости от глубины его погружения. Следовательно, невозможна и формализация результата для создания базы данных об исследованной площади. («Тверже–мягче» – это качественный параметр, а на плане раскопа желательно указать на какой глубине и на сколько тверже). Кроме того, глубина зондирования здесь ограничивается физической силой конкретного индивида. Тем не менее, прощупывание грунта, вследствие его простоты и дешевизны можно принять в качестве прототипа метода, описанного ниже.

Отмеченные недостатки существующих методов ставят на повестку дня вопрос о разработке простой и эффективной методики получения и интерпретации цифровых данных о строительных свойствах грунтов.

Разумеется, строительные и иные (прочностные, деформационные и пр.) свойства грунтов изучаются строителями. Однако строители решают свои задачи. К примеру, для выделения инженерно-геологических элементов, исследования несущей способности сваи или основания под фундаментом они изучают слои грунта на глубину до двадцати метров. Кроме того, строителей интересуют сильные взаимодействия и громадные величины нагрузок от современных сооружений, которых просто нельзя было ожидать от

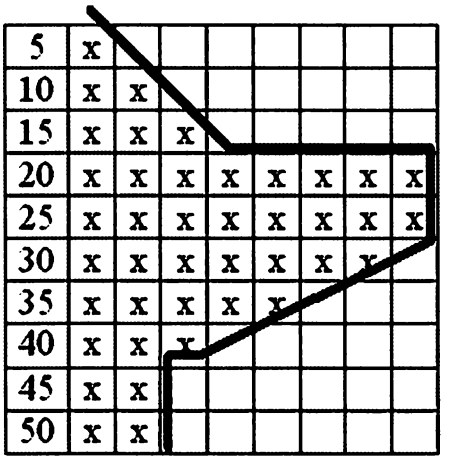


Рис. 1. Таблица и график зондирования. Символ «х» означает один удар, цифры – глубину погружения зонда

рукотворных насыпей и деревянных построек древности. И если для археолога слой инородного грунта в насыпи вала в 5–10 см может многое сказать, то современный строитель, изучая стройплощадку, такой слой просто не заметит, а заметив, не станет изучать его свойства.

Отмеченная зависимость между сопротивляемостью проникновению и составом грунта позволяет исследовать грунты простейшим из неразрушающих методов. Для этого следует на месте предполагаемого раскопа сделать разведочный шурф, который обнажит стратиграфию грунта до материкового (стерильного) слоя. Затем, на некотором расстоянии от бровки разведочного шурфа грунт исследуется ударным зондом. По штанге зонда наносят стандартные удары молотом, сбрасывая его каждый раз с постоянной высоты. При этом фиксируют количество ударов, необходимых для заглубления зонда на величину 5 см. Результаты заносят в таблицу, на основании которой строят график зависимости сопротивляемости грунта от глубины погружения зонда (Рис. 1). Такой график в соответствующем масштабе может быть наложен на вертикальный разрез колонки грунта, которую можно изложить в произвольной номенклатуре, для того, чтобы исследователь сразу видел характеристики сопротивляемости каждого из слоев.

Приведенный пример позволяет дешифровать график зондирования приблизительно так:

– на глубину до 15 см рыхлая сыпучая почва (например, темная супесь),

– на глубине от 20 до 35 см слой прочного грунта (например, глина),

– под ним снова сыпучий грунт (например, песок).

Полученные при пробном зондировании цифровые значения сопротивляемости для разных грунтов могут быть приняты в качестве эталонных для данного раскопа. С их помощью можно дешифровать результаты остальных зондирований.

На Рис. 2 видно, что перегибы линий графика зондирования совпадают с границами слоев. Резкое увеличение сопротивления проникновению наблюдается при вхождении зонда в глину, а резкое падение сопротивления происходит, когда зонд входит в песок.

Для осуществления метода был разработан портативный зондировочный прибор, который

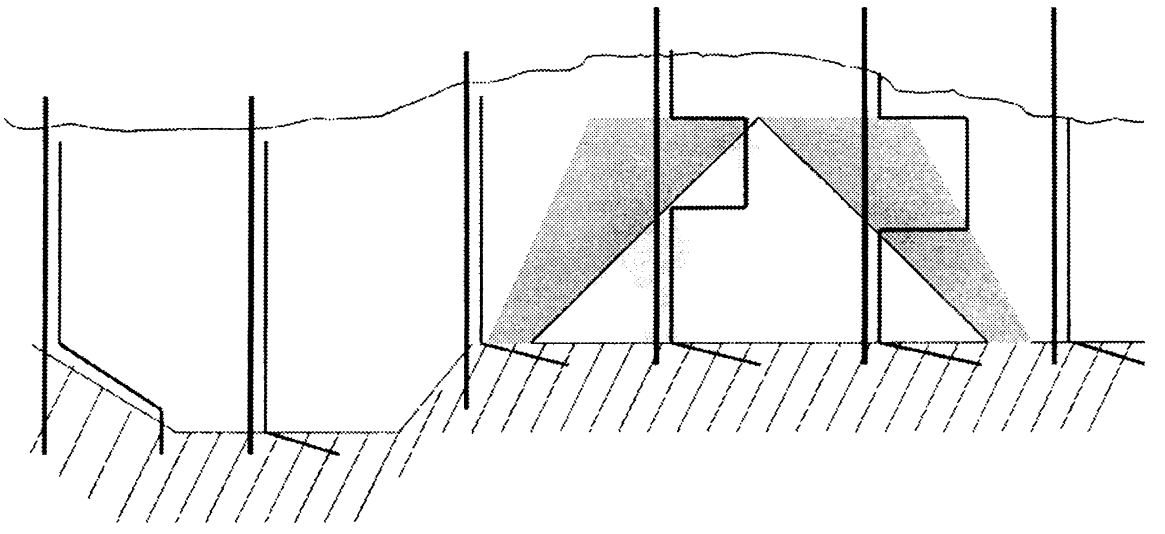


Рис. 2. Дешифровка графиков зондирования – ров и вал. (Внутри вала песок, наружные откосы из прочного грунта)

в настоящее время находится в стадии патентования.

Применение метода и прибора было осуществлено в сезоне 2005 года в ходе полевых исследований на территории Пермской области, проводимых археологической экспедицией Пермского государственного педагогического университета (руководитель д.и.н. А.М. Белавин). Динамическому зондированию подверглись разнотипные объекты в широком спектре датировок. Метод позволил получить следующие технические результаты:

1. При обследовании территории береговой террасы в окрестностях неолитической стоянки Чашкинское озеро-6 (руководитель раскопок к.и.н. Е.Л. Лычагина) удалось выяснить, что на удалении до двадцати метров от края террасы грунт имеет сходную структуру послойной сопротивляемости, что позволило сделать обоснованные предположения о границах археологического памятника и выделить наиболее перспективные участки будущих раскопок.

Обследование раскопа селища Запоселье (Родановская культура, руководитель раскопок к.и.н. Н.Б. Крыласова) позволило определить структуру послойной сопротивляемости, характерную для жилищных ям. Поэтому в результате обследования территории, прилегающей к раскопу, были выявлены неизвестные жилищные ямы, что позволило сделать обоснованное предположение о конфигурации заселенной площадки. Площадь раскопа была увеличена в наиболее перспективном направлении, где обнаружили и исследовали следы жилищ. Это позволило уменьшить трудоемкость раскопок, рационально использовать трудовые ресурсы и произвести максимальный объем работ.

Разведочное обследование предполагаемого курганного могильника Пыштайн (руководитель работ В.В. Мингалев) позволило подтвердить предварительную интерпретацию памятника, получить данные о количестве погребений и их точном расположении. Полученные данные будут использованы для раскопок в предстоящем полевом сезоне.

Во всех случаях данные, полученные при динамическом зондировании значения сопротивляемости грунта, имеют привязку в пространстве. Следовательно, их можно использовать для создания трехмерных изображений объемов, скрытых современной дневной поверхностью. Таким образом, динамическое зондирование грунтов может найти широкое применение в археологии.

В.И. Перевозчиков (г. Азов)

К вопросу о классификации и интерпретации керамики по химическому составу ее черепка (на материалах Золотоордынского Азака)

Рентгеноспектральный флюоресцентный анализ (РСФА) дал возможность сопоставить химический состав вероятного природного сырья, из которого могла быть сделана азакская керамика, горны и сырцовые кирпичи, непосредственно с археологическими материалами, уточнить распределение исследуемых образцов по группам и подгруппам, выделенным первоначально по физическим свойствам и визуально фиксируемым признакам, а также сравнить элементный состав местной и импортной керамики.

Исследования проводились на изломах и поверхностях образцов при помощи спектрометра EDAX DX-95 (производства Германии), что позволило получать данные об элементах, атомный вес которых больше атомного веса натрия: начиная с магния и заканчивая ураном. С его помощью можно наблюдать и анализировать рентгеновские флюоресцентные спектры, полученные от образцов в виде целых изделий, либо фрагментов изделий, порошков и даже жидкостей.

Здесь представлены результаты исследования 95 образцов. Среди них материалы из гончарных комплексов, отдельные находки предметов, связанных с гончарным ремеслом, кирпичи (обожженные и сырцовый), возможное местное сырье; а также необожженные и обожженные экспериментальные образцы, импортная глазурованная керамика (в том числе кашинная), привезенная из других археологических центров и из раскопок и сборов на территории золотоордынского Азака.

В качестве предполагаемого сырья были исследованы местные серая и «красно-бурая» («светлая» и «темная») глины, лессовидные «желтый» и «красно-бурый» суглинок, охра (?), песок, жильный кварц (?), 4 вида золы и несколько экспериментальных образцов из вышеперечисленного сырья.

Данные РСФА глин демонстрируют различия по всем химическим элементам, что отражается на физических свойствах глин.

Были исследованы два образца одного и того же «желтого» лессовидного суглинка. РСФА

выдал практически один и тот же результат. Если сравнивать желтый суглинок с красно-бурым, то сразу бросаются в глаза резкие отличия в их химическом составе.

Также был проведен анализ двух образцов глины (?) охристого цвета. Химический состав «мягкого» образца гораздо сложнее «твердого». Последний состоит только из 3-х элементов: кремния, кальция и железа. Причем кремния в нем почти в 3 раза больше, чем в «мягком» образце, а кальция, напротив, в 16 раз меньше. Качественный состав других элементов в первом («мягком») образце (О-1) практически такой же, как и в рассмотренных выше глинах, но процент их значительно меньше. Таким образом, «мягкий образец» вполне можно атрибутировать, как концентрат красного ангоба.

Был проверен состав речного песка из карьера на берегу реки Дон в черте современного города.

И, наконец, был произведен анализ 4-х видов золы: 1-я – из заполнения припечной ямы с горнами – «жилище 2» – из раскопа по ул. Измайлова-38-2000, 2-я – из топки горна № 2 в раскопе по ул. Комсомольской-ЗУ-1989, 3-я – от специально сожженного в рамках серии экспериментов пуха рогоза, привезенного из дельты реки Дон, 4-я – древесная, из поддувала современной банной печи-каменки. Наличие в золах из археологических комплексов, в сравнении с двумя другими золами (из рогоза и древесной), алюминия и большого количества кремния и железа свидетельствует о том, что они не чистые, а с большой примесью глины и, возможно, песка (это касается, в основном, золы из жилища по ул. Измайлова-38).

Исследование экспериментальных образцов из одинаковой формовочной массы, один из которых подвергался обжигу при 900°С, показало, что качественно химический состав после обжига остается прежним, но количественно (на единицу объема вещества) непропорционально (в зависимости от химического элемента) различается (возможно, из-за усадки в результате удаления из черепка отдельных химических элементов в виде газов).

Анализ возможного сырья позволил лучше разобраться в результатах РСФА местной керамики Азака, а также предоставил фактический материал для вероятных предположений о составе формовочной массы местной керамики (по каждой группе и даже подгруппе в отдельности). Полученные по местному глинистому сырью данные продемонстрировали его разнообразный химический состав, позволяющий при различных комбинациях глин, суглинков, песка и органических примесей создавать для производства керамики оптимальную формовочную массу качественно различного состава не только по средним значениям каждой группы, но и составляющих их подгрупп.

РСФА наглядно продемонстрировал, что основными компонентами, определяющими цвет керамического черепка, являются железо и кальций. При стандартном обжиге, с ростом содержания в глине оксида железа наблюдается тенденция к усилению красных оттенков в цвете керамического черепка (до так называемого кирпично-красного и темно-розового), с ростом же содержания оксида кальция начинают доминировать светлые оттенки (от бежевого до светло-коричневого).

Сравнение данных РСФА местной и импортной керамики показало, что общей отличительной чертой первой является наличие циркония, но только в группах 1 и 2.1. Группы же 2.2 и 3 объединяет как раз отсутствие этого элемента. Еще один очень характерный признак – большое содержание кремния (в редких случаях доходит даже до 60%; в импортах же максимальное – 44,8%), Серы и фосфора в среднем меньше. Цинка в местной керамике либо нет совсем, либо его не больше 0,1%, в то время как в импортной его процент доходит до 0,3. Очень мало меди (в среднем 0,05%), в импортной же она в подавляющем числе образцов есть и достигает 0,4–0,6% (в одном случае – 1,6%). Никель в местной керамике также практически отсутствует. Марганца заметно больше, чем в импортной. Больше и калия (особенно в керамике первой группы). Имеет место и хлор, что в импортных образцах практически не зафиксировано. Серы и фосфора в местной керамике в среднем меньше, чем в импортах.

РСФА черепка местной керамики из бытовых комплексов внес некоторые уточнения в распределение исследуемых образцов по подгруппам, а в единичных случаях даже по группам, конкретизировав тем самым представление о структуре местного керамического комплекса. Стало совершенно ясно, что каждая из трех выделенных групп состояла, очевидно, не из двух-трех подгрупп, которые нам удалось выделить по материалам гончарных комплексов, а включала, по меньшей мере, на порядок большее количество.

При всех трудностях исследования тонкого слоя белого ангоба, можно констатировать, что по химическому составу у разных (выделенных по черепку) местных групп керамики он был достаточно специфичен. Наличие свинца в составе ангоба практически всех исследованных образцов свидетельствует о том, что он в него добавлялся искусственно, для лучшей сцепки с глазурным покрытием.

Толщина некоторых подвергнутых РСФА гла-

зурей была невелика, поэтому, по мнению специалистов, в ряде анализов могут содержаться и данные по химическому составу черепка-основы. Чистотой химического состава отличается глазурь на керамике третьей группы. В ней же зафиксировано наибольшее (в сравнении со второй группой и импортными образцами) количество свинца. Полученные данные вновь подтвердили уже известный науке факт: основным красителем свинцовой глазури желтых и коричневых оттенков является оксид железа, а зеленых - оксид меди.

Полученные в ходе РСФА данные говорят об использовании при строительстве азакских горнов различных формовочных масс. Причем в группе 1 (по подгруппам) их было несколько. У групп же 2 и 3 они очень похожи. Кроме того, горны, которыми пользовались гончары, они же сами, по-видимому, и сооружали. Для этого гончары использовали то же глинистое сырье, что и для производства керамики, добавляя дополнительно лишь необходимые искусственные примеси.

Основная часть дошедших до нас остатков построек золотоордынского Азака – глинобитные. Как показал РСФА и визуальные исследования, формовочная масса, из которой изготовлялись сырцовые кирпичи, состоит в основном из местного «желтого» материкового суглинка и значительной органической примеси.

Л.С. Песочина (г. Пущино)

Динамика природных условий Приазовских степей в скифо-сарматскую эпоху

Проблема реконструкции истории развития природной среды и ее отдельных компонентов занимает одно из ведущих мест в сфере интересов естественнонаучных дисциплин. Для реконструкции изменчивости климата в прошлом используются различные природные объекты: органогенные отложения, современные и ископаемые деревья, донные и ледовые отложения, уровень открытых и закрытых водоемов, почвы, погребенные под отложениями разного генезиса. Достоверность информации, получаемой различными методами, неодинакова. Наибольшее количество климатических реконструкций осуществлено на базе спорово-пыльцевого анализа болотных отложений.

К сожалению, нет универсальных методов и объектов, исключающих вероятность искажений реальных событий. С этим, вероятно, в большой степени и связаны разногласия в реконструкции климата отдельных периодов голоцена для некоторых регионов. Поэтому целесообразно комплексное применение различных методов, дополняющих и контролирующих друг друга.

Реконструкция климата по палеопочвенным материалам получила развитие относительно недавно. Однако почвы, погребенные под разновозрастными археологическими памятниками, проявили себя как уникальные объекты для восстановления истории развития ландшафтов и природной обстановки прошлого. Являясь продуктом интегрального взаимодействия природных факторов, палеопочвы фиксируют в своем профиле как состояние почв, так и природных условий времени их погребения. Поэтому не случайно в последние десятилетия они вызывают особый интерес исследователей как индикаторы состояния и динамики природных условий в различные периоды голоцена.

В качестве индикаторных почвенных параметров используются такие, как засоленность, карбонатность, солонцеватость, состав гумуса, изотопный состав педогенных карбонатов и органического вещества, фитолиты, активность палеомикробоценозов, магнитная восприимчивость. Индикатором состояния палеоэкологических условий служит и почвенный профиль в целом, который интегрально отражает существующий на данный момент комплекс внешних факторов и историю их развития в виде соответственно актуальных и реликтовых признаков.

В данной работе реконструкция изменчивости природных условий осуществляется на базе палеопочвенных исследований. Археологические раскопки проводились в Неклиновском и Мясниковском районах Ростовской области под руководством П.А. Ларенка и Е.И. Беспалого. Объектами изучения послужили палеопочвы скифского (Беглицкий некрополь, IV в. до н.э.) и среднесарматского времени (курганный могильник Шаумян-96, I в. н.э.). Выявлены три этапа изменчивости увлажненности климата на территории Приазовья в скифо-сарматскую эпоху: фаза аридизации и две фазы гумидизации климата. Аридизация климата активизировала развитие в почвах региона процессов засоления, осолонцевания, карбонатизации, а также минерализации и пептизации гумуса. Признаки аридного педогенеза (аккумуляция легкорастворимых солей и гипса в двухметровой толще, внедрение обменного натрия в почвенный поглощающий комплекс, ощелачивание почвы; трансформация карбонатного профиля, сопровождающаяся

сокращением миграционной зоны, формированием четко выраженной аккумуляционной зоны с большим количеством мелкой белоглазки; уменьшение содержания гумуса) зафиксированы в почвах 2200–2000 лет назад. В периоды увеличения увлажненности территории 2600–2300 лет назад, 1900–1600 лет назад) доминировали процессы выщелачивания.

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка вероятных масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена (Песочина, 2003). Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в Приазовье в скифо-сарматскую эпоху составляла 380–500 мм. Минимальное их количество (380–400 мм), соответствующее подзоне современных южных черноземов, приходилось на аридную фазу (рубеж эр). В IV в. до н.э. и в конце I в. н.э. количество осадков достигало 450–500 мм, что характерно для подзоны обыкновенных черноземов.

Проведенные климатические реконструкции на базе палеопочвенных исследований подтверждаются данными, полученными с использованием палеогеографических материалов, в частности, с динамикой уровней морских бассейнов, изменчивостью спорово-пыльцевых спектров органогенных отложений болот и культурных слоев стоянок древнего человека, изменчивостью ландшафтов.

Согласно данным С.И Варущенко с соавторами (Варущенко, Варущенко, Клиге, 1987) Улучанская трансгрессивная стадия Каспийского моря имела два пика (в V–IV вв. до н.э. и I–IV вв. н.э.). Уровень моря находился на отметке – 22 м и лишь в II–I вв. до н.э. резко снизился до 32 м. В палиноспектрах скифо-сарматских (около 2.4–2.2 тыс. лет назад) слоев (болото Липиги и поселение Раздорское, (Кременецкий и др., 1998) господствовала пыльца маревых, что указывает на аридизацию климата в эти хроноинтервалы. При этом максимум маревых отмечается в конце скифо-сарматского периода. Фаза увеличения площади широколиственных и березовых лесов приходится на интервал времени 2000–1500 лет назад. Согласно Н.П. Герасименко (Герасименко, 1997) на территории Донбасса начало субатлантического периода (2600–2500 – 2200–2100 лет назад) характеризовалось относительно влажным и прохладным климатом. На отрезке 2200 –2000 лет назад произошла резкая перестройка зональных степных ценозов, возросла роль ксерофитных маревых группировок, фиксирующее потепление и иссушение климата.

Закономерности изменчивости климата, установленные для территории Приазовья, в целом согласуются с палеоклиматическими данными, полученными для соседних регионов степной зоны. Вместе с тем, отмечается некоторая асинхронность в увлажненности более восточных территорий в скифо-раннесарматское время. Для Приазовья и Нижнего Дона этот этап характеризуется наиболее благоприятными условиями, аридизация здесь фиксируется только со II в. до н.э. На Ергенях засушливость климата начинает проявляться уже с V–IV вв. до н.э. (Демкин, Дергачева, Борисов, Рысков, Олейник, 1998).

Таким образом, развитие природной среды в скифо-сарматскую эпоху в Приазовских степях характеризовалось значительной климатической изменчивостью, приводящей к смене подтипа черноземообразования. Наиболее благоприятным периодом был скифо-раннесарматский. Относительно влажный и прохладный климат способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. Среднесарматское время явилось переходным от аридных условий к более гумидным, при этом значительные изменения природной обстановки зафиксированы уже I в. н.э.

Л.Н. Плеханова (г. Пущино)

Палеопочвы и климат степного Зауралья на рубеже позднесарматского-гуннского времени (IV в. н.э.)

Курганы с «усами» – комплексные сооружения из нескольких насыпей (чаще из 5-ти), соединенных между собой грядами (каменными или земляными), являются редко исследуемым типом археологических памятников. На дневной поверхности они видны плохо, большинство их обнаружено при дешифрировании аэрофотоматериалов. На территории Челябинской и Оренбургской областей найдено около 60 подобных памятников, из которых раскопаны три (Солончанка I в 1994–1995 гг.; Солончанка IX в 1998–1999 гг.; комплекс под Кондуровкой в 2001–2005 гг.). Датировать такие комплексы, по мнению И. Э. Любчанского (Любчанский, 1998), следует V–VIII вв н.э. Они были оставлены группами населения ирано- и тюркоязычного происхождения постгуннского времени, хотя мнения исследователей по этому вопросу расходятся, и подобные памятники в Центральном Казахстане исследователи относят к тасмолинской культуре эпохи раннего железа

с датировкой VII–III вв. до н.э. (Бейсенов, 1996). Зауральские курганы с «усами» первоначально были отнесены к памятникам сакского типа (Таиров, 1991), но в последнее время их датировка и этнокультурная принадлежность пересматриваются. Помимо каменных «усов», встречаются грунтовые «усы», длина которых в среднем для Зауралья составляет 120–140 м (Любчанский, 1998).

Комплекс «курган с «усами» Солончанка IX расположен на денудированном останце с цоколем палеозойских пород, вклинивающемся на вторую надпойменную террасу левого берега р. Суундук вблизи села Аландское Кваркенского района Оренбургской области. Комплекс состоит из центрального кургана и четырех курганов меньшего размера, соединенных попарно между собой (2 и 5; 3 и 4) каменными грядами – «усами». Высота курганных насыпей в настоящее время составляет не более 30 см. Длина северного уса 86,5 м, южного – 103 м, расстояние между усами составляет 90 м. Данный комплекс автор раскопок И.Э. Любчанский относит к концу IV в. н.э. (рубеж позднесарматского-гуннского времени), то есть возраст памятника составляет 1600 лет. Микрорельеф не выражен. На каждом из курганов комплекса расположены разрезы в местах наилучшей сохранности почв. Центральный курган комплекса, как наиболее крупный, распашке не подвергался. Курганные насыпи имеют площадь проективного покрытия 30–40%, с разнотравно-типчаково-злаковыми ассоциациями и растениями рудеральной и синантропной экологических групп.

Строение фоновой почвы следующее (в скобках указана нижняя граница горизонта, см): $A1_{пах}$(24); AB (30(50)); A/B (40(60)); B (90); $BCca_{конкр}$ (120); CD (190). Хотя насыпи курганов невелики (25–30 см) погребенная почва сохранилась под всеми курганами, особенно хорошо под центральным курганом комплекса и курганом 5, Строение погребенной почвы обобщено по почвам четырех курганов: [A] (15); [AB] (25); [A/B] (30(40)); [B] (70(80)); BC (100); C (110(130)); Cca (150). Мелкая языковатость, встреченная везде в горизонте A/B, объясняется возможным криоксерорастрескиванием при совмещении условий влажности и промерзания. Почва комплекса является черноземом обыкновенным языковатым супесчаным малогумусным глубококарбонатным.

По гранулометрическому составу принципиальное строение фоновой и погребенной почвы сходно (пески-супеси), но соотношение крупных фракций меняется. В фоновой почве с поверхности залегают пески-супеси до двух метров. Погребенным почвам характерно переслаивание песка-супеси и легких суглинков. Мощность относительно однородного гумусового горизонта погребенной почвы составляет 25–30 см, фоновой почвы – около 30 см, местами доходя до 50 см (это увеличение наблюдается в тех участках, где проходят границы почвенных полигонов III порядка. Величины гумуса погребенных (1,95% – курган 5, 1,8% – курган 1) почв близки современной (1,95% – фоновая почва, 1,95–2,24% – насыпь кургана 1 и 2,45–2,05% – насыпь кургана 5). Считается (Демкин, 1997), что содержание гумуса в верхнем горизонте погребенной почвы к настоящему времени составляет для курганов раннего железного века 40% [k=2.5]). Содержания гумуса в верхнем горизонте погребенной почвы при реконструкции составляет 3,26–1,58% (курган 1), 3,90–1,80% (курган 5) что в два раза выше сегодняшних значений, уменьшенных за счет потерь гумуса при распашке. Падение величины гумуса в фоновой почве резче, чем в погребенной почве курганов комплекса. При вскрытии больших площадок (8x4 м, глубина зачистки 30–35 см от дневной поверхности) вокруг курганов 3 и 4 комплекса обнаружена полигональность III порядка, проявляющаяся в наличии языковатости, которая характерна также для современных почв. На зачистках полигоны III порядка маркируются гумусированными серыми полосами шириной около 15 см на коричневато-светло-сером фоне археологического «материка» – горизонтов AB почвы.

Карбонаты встречаются в погребенной и фоновой почве гидрогенного происхождения. Глубина залегания грунтовых вод составляет не менее 3–4 м. Новообразования располагаются на значительной глубине (в фоновой почве глубже 80 см, под центральным курганом глубже 120 см от поверхности погребенной почвы), следовательно, возможно, считать данную почву выщелоченной от ЛРС. Погребенная почва под 5 курганом представляет собой суглинок, но в фоновой почве (супесчаного состава) карбонатно-аккумулятивный горизонт расположен выше и более мощный, хотя по логике зависимости от гранулометрического состава фон должен быть более промытым. Возможно, что в современной почве карбонатонакоплению предшествовало засоление, причиной чему может являться высокое значение pH. Средневзвешенное содержание карбонатов в погребенной почве в верхнем полуметре составляет 0,4% (курган 5), в современной – 0%. Поскольку это значения одного порядка, разница не существенна. Однако в полуторараметровой толще средневзвешенное содержание карбонатов в археологическом объекте (курган 1) составляет 1,4%, а в современной почве – 3,1%. Подобная разница данных является показателем гумидности климата в эпоху строительства кур-

гана. Реакция среды фоновой почвы колеблется от нейтральной в верхних горизонтах (pH 6,4–6,8) до слабо-среднещелочной в нижних (8,30–8,35). Перепад кривой резкий, причем в этой области отмечается карбонатообразование. Ход кривой и значение pH подкурганной почвы сходны с фоновой с той лишь разницей, что перепад значения pH с 6,9 до 8,3 происходит не на глубине 80 см, как у фоновой почвы, а на глубине 120 см. Магнитная восприимчивость изменяется в пределах от 38 до $3x10^{-5}$ ед. СИ. Максимумы магнитной восприимчивости приурочены к гумусовым горизонтам, как в современных (фоновый разрез в горизонте А 34x10-5 ед.; в насыпи кургана 1 – $38x10^{-5}$ ед.; в насыпи кургана 5 – $27x10^{-5}$ ед.), так и в погребенных (курган 5 – $30x10^{-5}$ ед.) почвах. Для карбонатной «кровли» характерно резкое уменьшение величины магнитной восприимчивости ($5x10^{-5}$ ед.), выше кровли в бескарбонатном горизонте, и ниже, в карбонатном горизонте величина равна $18x10^{-5}$ ед.

Отметим, что в целом почвы супесчаного состава характеризуются слабой сенсорностью (Таргульян, Александровский, 1976). Незначительные колебания условий почвообразования могли и не отразиться на свойствах почв, вследствие слабой рефлекторной способности песчаных пород. Данный курганный комплекс дает нам возможность сравнения древних и современных почв не в совсем обычном ракурсе: древние почвы нормально сохранились, характеризуются большей гумусированностью, слабо потревожены; современные же распаханы, подверглись дефляции. Но, несмотря на эти два обстоятельства, погребенная под комплексом почва отражает гумидный эпизод IV в. н.э.: современная почва менее гумусирована, характеризуется подтягиванием карбонатного горизонта (с глубины 120–140 см до 80–90 см) и сформированным мощным карбонатно-аккумулятивным горизонтом. Аналогичный микроплювиал (Борисов, 2002) зафиксирован в почвах пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья во второй половине III–IV вв. н.э.

Я.Г. Рысков, С.А. Олейник, В.А. Демкин, В.И. Николаев, П. Якумин (г. Пущино, г. Москва, Italy, Parma)

Использование данных изотопного анализа костей из курганных захоронений для реконструкции антропогенной аридизации климата

Аридизация – это сложный и разнообразный комплекс процессов уменьшения степени увлажненности территорий и сокращения биологической продуктивности экосистем. Причиной его могут быть как природные факторы, так и антропогенный пресс (Ковда, 1977).

Кочевой образ жизни и кочевое скотоводство существуют 3–4 тысячи лет. Судьбы древних народов, населяющих степную зону, их численность, хозяйственный уклад и социально-политическая деятельность, в значительной степени определялись природной обстановкой. Наблюдается заметное воздействие общества на природную среду. Антропогенный пресс сопровождается, прежде всего, изменениями в растительном покрове – замене видов, изреживании, исчезновении покрова и дернины.

Цель настоящей работы состояла в выявлении воздействия древних обществ на растительность и ландшафты Русской равнины на основе изучения динамики изотопного состава углерода (ИСУ, $\delta^{13}C$) и кислорода (ИСК, $\delta^{18}O$) костей млекопитающих из курганных захоронений эпох бронзы, раннего железа и средневековья на примере степной зоны Нижнего Поволжья (Курганный могильник Абганерово, Волгоградской области.).

Подобные реконструкции базируются на следующих закономерностях. Выделяются две группы растений, различающиеся по ИСУ биомассы. C_3 растения типичны для умеренных и холодных природных условий (преимущественно деревья, кустарники и травы умеренного пояса), имеют значения ИСУ биомассы в среднем – 27‰, а C_4 – более конкурентоспособны при аридных условиях. Они имеют биомассу с ИСУ в среднем – 13‰ (Cerling, 1984).

Поскольку гумус и костный коллаген наследуют изотопный состав растительности, то по значениям $\delta^{13}C$ гумуса можно выяснить, какие растения преобладали в составе растительности в то или иное время. Чем тяжелее ИСУ, тем больше в составе растительности C_4 растений, тем ариднее был климат. Значения $\delta^{13}C$ костного коллагена отличаются от пищевых протеинов на +5 ‰ (Schoeninger, DeNiro, 1984).

Существует тесная корреляционная связь между температурой приземного воздуха, количеством осадков и их изотопным составом (Rozhanski, Araguas-Araguas, Gonfiantini, 1993). Мы можем получить важную палеоклиматическую информацию по значениям $\delta^{18}O$ древних атмосферных осадков, зафиксированных в полярных льдах, подземных водах, карбонатах почв, костях млекопитающих и т.д. И можем сравнить их с ИСК

современных атмосферных осадков, опубликованных в другой работе (Брезгунов, Есиков, Ферронский, Сальнова, 1998).

Известно, что интенсивный выпас скота существенно изменяет водный режим почв (Исаков, Казанская, Панфилов, 1980). При перевыпасе происходит замена одних видов другими, более устойчивыми к выпасу (C_3 меняется на C_4). В результате этой смены состава растительности происходит утяжеление ИСУ гумуса почв и костей млекопитающих.

Как мы уже упоминали, аридизация ландшафта может быть вызвана как естественными причинами, так и повышенной нагрузкой на пастбища. Рассмотрим возможности для реконструкции «антропогенной аридизации». Мы имеем возможность по ИСУ гумуса и костей реконструировать динамику соотношения C_3 и C_4 растений. Она зависит от естественной и «антропогенной» аридности в данном регионе в рассматриваемое время. Предлагаемый нами метод предполагает реконструкцию двух близких параметров (антропогенной и естественной засушливости) двумя независимыми методами. Один метод, по ИСУ гумуса, контролируется локальными параметрами аридности. Другой же, по ИСК осадков, опирается на региональные (глобальные) закономерности. Если, например, по изотопному составу углерода аридные условия будут реконструированы во время, скажем, средневековой эпохи, а по изотопному составу кислорода она не фиксируется в эту же эпоху, мы можем заключить, что реконструируемая аридность обусловлена не природным процессом, а является результатом антропогенного пресса. Но поскольку однозначной зависимости между теплыми/холодными и влажными/аридными условиями пока не установлено, мы должны привлекать в наших реконструкциях и палинологические и палеопочвенные реконструкции атмосферных осадков.

В позднесарматское время (III–IV вв н.э.) наблюдается уменьшение влажности климата (Болиховская, 1990). В то же время в палеопочвах этого времени преобладают более тяжелые значения $\delta^{13}C = -22{,}0 \div -24{,}2‰$. Оба эти факта говорят об аридизации климата. Величины $\delta^{13}C$ реконструируемой пищи равны –21,9‰, что практически не отличается от гумуса почв. Следовательно, значительной антропогенной нагрузки на ландшафт у п. Абганерово в позднесарматское время не реконструируется, потому что невозможно различить эти две тенденции – аридизацию по кислороду и аридизацию по углероду.

Зато в ямное (конец IV тыс. до н.э.), среднесарматское (I в н.э.), золотоордынское (XIII–XIV вв н.э.) время по данным палинологов и палеопочвоведов были влажные условия, с достаточным количеством атмосферных осадков (Болиховская, 1990; Демкин, Ельцов, Алексеев и др. 2004) . Реконструируемый по костям ИСК атмосферных осадков колебался от –13,1 до –12,6‰. Это также свидетельствует о довольно влажном климате. ИСУ реконструируемой пищи колебался от –20,4 (ямное время,) до –21,1‰ (золотоордынское время). Получается, что здесь были аридные условия. Видимо, мы здесь сталкиваемся как раз со случаем антропогенной «аридизации», когда в результате увеличения численности населения и их стад произошла замена C_3 растений на C_4 и утяжеление ИСУ гумуса. Подобный процесс, видимо, связан со стабилизацией жизни древних кочевников при формировании государства Золотая Орда, увеличении численности их стад. В это время в Нижнем Поволжье зафиксировано появление большого количества поселений и городищ (Егоров, 1985) Поэтому неудивительно, что здесь сильно возросла нагрузка на пастбища.

Р.А. Сингатулин (г. Саратов)

Комплексный подход к применению новых информационных технологий в условиях города (на примере Увекского городища)

Археологическое обследование городской территории требует комплексного подхода – использования концепций, принципов, методов и средств, разработанных в смежных науках, занимающихся изучением города и городской среды: географии, геологии, экологии, градостроительства, социологии, логистики и т.п. Умение пользоваться разнообразными методами и средствами, как традиционными, так и новейшими, позволяет с наибольшей эффективностью выявлять и исследовать памятники археологии, разрабатывать перспективные участки, охранные территории (Singatulin, Rashitov, 2005). Системный подход к изучению объектов археологического наследия в урбанизированной среде предполагает наличие концептуальной модели исследований и строится на основании разнотипных (как количественных, так и качественных) данных, опираясь на принципы геосистемного моделирования, анализа прошлого и современного состояния (мониторинга) территорий, анализа ранее выявленных памятников (Захарук, 1975; Гордеев, 1998). Новый

подход к археологическим исследованиям в условиях города заключается в проведении геофизических, термографических (мультиспектральных) наблюдений, которые могут осуществляться не только на открытых площадках, но и внутри построек. (Слепак, 2003; Сингатулин, 2004).

Для организации эффективного обследования городской территории необходимо обозначить те приоритеты, которые необходимы и достаточны при решении задач, связанных с обнаружением и фиксацией конкретного памятника (Станюкович, 1994; Журбин, 2004). К ним можно отнести данные полевых исследований, исторических, картографических, аэрокосмических данных, объектов промышленной и хозяйственной деятельности, перспективы развития города и многих других (Бахирева, Родина, 1992).

Для организации эффективного изучения городских территорий необходимо выполнение трех главных условий:

– наличие максимально полной и объективной информации о ранее проведенных исследованиях;

– наличие максимально полной, достоверной информации о состоянии и динамике изменения природной среды, социального и техногенного компонента городской обустроенности, перспектив ее развития (генеральный план развития города);

– применение эффективных естественнонаучных методов и средств обработки данных дистанционного зондирования.

Выделение памятника как морфологической целостности требует детализации его территории. Выявление сложных структур предусматривает их содержательное расчленение. Традиционно используются два подхода: покомпонентный и посистемный. Покомпонентный подход направлен на составление аналитических карт. Посистемный подход направлен на расчленение территории на участки, обладающие определенными свойствами (например, концентрацией однотипной керамики), позволяющими классифицировать данный участок как целостный (например, гончарный квартал).

Детализация территории памятника предусматривает применение локальной съемки. В этом контексте, необходимы определенные классификационные принципы в представлении объектов археологического наследия как территориальной системы в городской застройке, состоящей из морфологических частей. Данная задача является, по сути, ключевой при выполнении археологических исследований в условиях города.

А.С. Якимов, В.А. Демкин, А.О. Алексеев (г. Пущино)

Палеопочвы и природные условия пустынно-степного Заволжья в золотоордынское время (XIII–XIV вв. н.э.)

В последние десятилетия получили широкое развитие палеопочвенные исследования археологических памятников (курганы, городища). В конце 90-х гг. XX в. накопленный материал и отработанная методика позволили сформироваться новому интегрированному научному направлению – археологическому почвоведению (Борисов, 2002; Демкин, 1992, 1997; Золотун, 1974; Иванов, 1992; Иванов, Губин и др., 1986; Чендев, 2001; Чернянский, 1999; Якимов, 2004). Одной из его главных задач явилась реконструкция природных условий по палеопочвенным данным и их влияние на население древности и средневековья.

Исследованная курганная группа «Бахтияровка» расположена в пределах второй надпойменной террасы Волго-Ахтубы, в 30 км южнее г. Волжский Волгоградской области, у с. Бахтияровка. Подкурганные и современные почвы относятся к подтипу светло-каштановых. Изученные палеопочвы располагались под курганами, время сооружения которых определялось интервалом XIII–XIV вв. н.э. Мощность гумусового горизонта в рассматриваемых почвах одинаковая (34 см). Гумуса в погребенной почве содержится 2,1%, что в 1,8 раза больше, чем в современной. Вскипание отмечается с одинаковой глубины для средневековой и фоновой почв (32–34 см). Карбонатный горизонт средневековой почвы на 7 см меньше и равен 55 см, а концентрация карбонатов в этой же почве по сравнению с фоновой в 1,4 раза больше (4,8 против 3,4%). Легкорастворимые соли в погребенной почве залегают как минимум на 70 см глубже, так как залегают с глубины более 2 м. Гипс в обеих почвах находится на глубине более 2 м. Содержание легкорастворимых солей и гипса в метровой толще палеопочв и современных почв близкое и обычно находится в пределах 0,2–0,4%.

Выявленные закономерности вековой динамики почвенных свойств и развития почв в значительной мере определялись изменчивостью климата. Как известно, степная зона относится к числу природных регионов, где имеет место дефицит атмосферной влаги. Поэтому изменение количества осадков в ту или иную сторону сущес-

твенным образом сказывается на состоянии почв и находит отражение в формировании, исчезновении или степени выраженности их различных свойств и признаков.

Начиная с XII в. н.э., природные условия стали меняться в сторону гумидизации. Пик атмосферной увлажненности приходился, скорее всего, на XIII в. н.э. Об этом можно судить по исследованным почвам того времени, которые отличались от почв предшествующих эпох и современности большей мощностью гумусового горизонта и гумусированностью, остаточной солонцеватостью, меньшей засоленностью и загипсованностью, более глубоким залеганием карбонатов, ЛРС и гипса, иным профильным распределением карбонатов и формами их новообразований. Очень часто в иллювиальной части профиля присутствуют многочисленные железисто-марганцевые примазки и дробины. В целом, изменение почвенных свойств происходило в пределах подтипов почв.

На основе анализа взаимосвязи магнитных и минералогических свойств современных пустынно-степных почв с существующими климатическими условиями А.О. Алексеевым с соавторами (Алексеев, Алексеева, Махер, 2003; Заварзина, Алексеев, Алексеева, 2003) в районе террас Волго-Ахтубы в эпоху развитого средневековья среднегодовая норма атмосферных осадков составляла 365 мм, что на 65 мм больше, чем в настоящее время и на 20 мм больше по сравнению с предшествующей эпохой (I–III вв. н.э.).

Таким образом, на основании палеопочвенных и магнитных данных можно говорить о существенном увеличении степени атмосферной увлажненности в пустынно-степном Заволжье в эпоху развитого средневековья, пик которой приходился на XIII век. Следует особо отметить, что оптимизация природной среды в этом регионе синхронна возникновению государства Золотая Орда. Ухудшение природных условий в XV в. совпадает с упадком и гибелью этого государства. На наш взгляд, динамика факторов природной среды, явилась одной из причин эволюции государства Золотая Орда и предопределила его возникновение, расцвет и гибель.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ – Астраханский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БКМ – Бийский краеведческий музей
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГОУК – Государственное областное учреждение культуры
ГУП – Государственное унитарное предприятие
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЗКИАЭ – Заказанская историко-археологическая экспедиция
ИА – Институт археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИВ – Институт востоковедения;
ИГРАН (ИГАН) – Институт географии Российской Академии наук
ИРИО – Императорское Русское Историческое Общество
ИСУ – Изотопный состав углерода
ИСК – Изотопный состав кислорода
ИЭА – Институт этнологии и антропологии
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
КАЭ – Кавказская археологическая экспедиция
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Д.Е. Фелицына;
МГУ – Московский государственный университет
НАНА – Национальная Академия наук Азербайджана
НАНУ – Национальная Академия наук Украины
НИЛ – Научно-исследовательская лаборатория
ПГУ – Приднестровский государственный университет
ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция;
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
РАН – Российская Академия наук;
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РСФА – Рентгено-спектральный флюоресцентный анализ
РФА - Рентгено-флюоресцентный анализ
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина;
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия;
ТГУ – Томский государственный университет
УО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

Город и степь в контактной евро-азиатской зоне
Тезисы докладов III Международной научной конференции,
посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000)

Отв. редактор В.В. Мурашева
Компьютерная верстка Н.Ю. Каштанова
Корректор А.П. Куликова

Подписано в печать 21.08.2006.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Myriad Pro. Объем усл.п.л. 30,75. Тираж 300

250